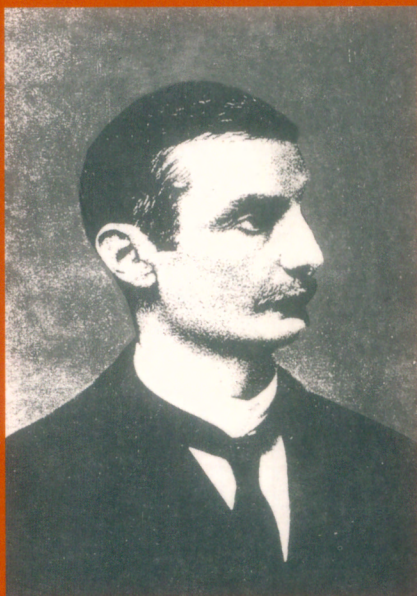

РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ. Том 4(9)

РУССКИЕ ЕВРЕИ ВО ФРАНЦИИ

ИЕРУСАЛИМ
2002

Juiverie russe à l'étranger. Vol. 4(9)

Les Juifs russes en France

Essais et mémoires. Part 2

Revue dans le livre

**Réunis et édités par
Mikhail Parkhomovsky
Dmitri Gouzévitch**

**Jérusalem
2002**

Русские евреи во Франции

Статьи, публикации,
мемуары и эссе. Книга 2

Журнал в книге

М.Пархомовский, составитель, редактор и издатель
Д.Гузевич, научный редактор и сосоставитель

Иерусалим
2002

**Научно-исследовательский центр
РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ**

**Серия книг «Русское еврейство в зарубежье»
Статьи, публикации, мемуары и эссе**

Том 4(9). Русские евреи во Франции. Книга 2

Журнал в книге

Иерусалим, 2002

**Михаил Пархомовский, составитель, редактор и издатель
Дмитрий Гузевич, научный редактор, сосоставитель**

Консультант по истории еврейского народа *Дан Харув*
Литературный редактор и корректор *Лена Драгицкая*
Подготовка к печати иллюстраций *Йоси Азран*

© M.Parkhomovsky, 648/4 Mishlat Str., Bet-Shemesh, 99013 Israel

Tel.: 972-2-9917039. E-mail: mipar@barak-online.net

© D.Gouzevitch, Centre d'études du monde russe, soviétique et
post-soviétique, École des hautes études en sciences sociales,
54 bd Raspail, 75006 Paris France.

Tel.: (33-1)-49-54-23-89. E-mail: gouzevit@msh-paris.fr

**Research Centre
RUSSIAN JEWRY ABROAD**

Books Series *RUSSIAN JEWRY ABROAD*

Essays and Memoirs

Volume 4(9). Russian Jews in France. Part 2

Journal in book

Jerusalem, 2002

Edited by

Mikhail Parkhomovsky

Dmitri Gouzévitich

ISBN 965-222-911-3

Книга сдана в типографию 24 октября 2002 г.

На первой странице обложки – портрет Владимира Хавкина

ИСТОРИЯ

Российский генерал-еврей во Франции

Арон Черняк (Израиль)

Русские евреи во Франции: Эволюция и численность сообщества (1900–1939)

Катрин Гусефф (Франция)

Бунд в Париже, 1898–1940

Клоди Вейл (Франция)

Политическая активность еврейских студентов из Восточной Европы в Нанси

Филипп Букара (Франция)

Российский генерал-еврей во Франции

Арон Черняк (Хайфа)

*Последние мои думы и слова посвящаю
памяти моих незабвенных родителей и много-
страдальному еврейскому народу.*

М.Грулев

М.В.Грулев в Ницце
в кругу семьи

Эти проникновенные слова генерал-лейтенант Михаил Владимирович Грулев избрал в качестве эпиграфа к своей книге «Записки генерала-еврея»¹. Перед нами уникальное издание. И не потому, что генерал русской армии оказался евреем по национальности. Можно привести немало примеров такой национальной принадлежности ряда высших офицеров в России. Уникальны сами по себе слова генерала, подчеркивающие его приверженность к еврейскому народу. Еще более выразительна другая запись на обороте титульного листа книги: «Чистый доход от этого издания жертвуется в пользу Сионизма – в Керен-кайе-мет ле-Исроэль» (т.е. в Еврейский национальный фонд. – А. Ч.). Без всякого сомнения, такие слова мог написать только убежденный сторонник сионизма. Почему царский генерал занял такую, весьма необычную позицию?

А первая глава – «Мое исповедальное слово» – открывается словами: «Я родился и вырос в еврейской семье, в черте оседлости, отделяющей евреев, казалось, непроходимой пропастью от всякого достигаемого к какой бы то ни было карьере государственной службы. И,

¹ Грулев М.В. Записки генерала-еврея. Antiquary (USA), 1967. Впервые книга была издана в Париже в 1929 г.

однако, волей судьбы я стал генералом генерального штаба, на пути занять место временно исполняющего должность военного министра (в 1909 г.) и ездить с докладами к Николаю II...»².

И еще одна особенность книги Грулева требует пояснения: она впервые издана в Париже, в 1929 г. Ответ кажется очевидным: генерал эмигрировал вместе с «белой гвардией» – после Октябрьской революции и проигранной Гражданской войны. Да, генерал Грулев эмигрировал из России, но только значительно раньше – в 1912 г. Здесь необходимы более пространные объяснения, так как ситуация, действительно, уникальная.

Это объяснение тесно связано с необычным жизненным путем Михаила Владимировича Грулева. Он родился 20 августа 1857 г. в ортодоксальной еврейской семье в г. Режица Витебской губернии. С молодых лет Грулев стремился к знаниям, хотел получить образование. Мальчик поступил в уездное училище в г. Себеже, рано проявил литературные способности. Написал несколько стихотворений на иврите, одно из них было опубликовано в еврейской газете в Вильно, много занимался самообразованием. В 1877 г. блестяще сдал экстерном экзамены за курс классической гимназии. Через год вольноопределяющийся М.Грулев был принят в армию. Желая стать офицером, он сдал экзамен в Виленское юнкерское училище, но не был принят из-за иудейского вероисповедания. После тяжелых раздумий юноша в 1879 г. принял православие, а в 1881 г. окончил юнкерское училище. Во время учебы началась научно-литературная деятельность Грулева: он пишет большую статью в либеральную газету «Голос» по военной политике России, и ее публикуют как передовицу. Некоторые аспекты этой работы он развил в своих статьях по среднеазиатским проблемам, позже переведенных на немецкий и английский языки³. Несколько лет Грулев тянул лямку армейского офицера, но продолжал литературную деятельность: перевел пьесу Шиллера «Племянник как дядя»⁴, подготовил «Характеристику современного боя пехоты»⁵ – она была с восторгом принята молодыми офицерами и создала славу автору как новому

² Грулев М.В. Записки генерала-еврея. С.184.

³ Так, на англ. и нем. языки была переведена его статья «Соперничество России и Англии в Средней Азии».

⁴ Пьеса Шиллера была переведена Грулевым в 1882 г. и поставлена в Офицерском собрании. (Грулев М.В. Записки генерала-еврея. С.133.)

⁵ Тема доклада Грулева в Офицерском собрании. Доклад был рекомендован к публикации в «Военном сборнике». Дальнейшая судьба статьи неизвестна.

блестящему военному ученому. В 1885 г. Грулев после сдачи труднейшего экзамена был принят в Академию Генерального штаба. Это был потрясающий успех, тем более для выпускника юнкерского (получавшего офицерское звание только через 1–3 года), а не военного училища, которым такое звание присваивалось сразу же. Впрочем, конкурентов Грулева на экзаменах, зачастую дававших «совершенно детские оценки исторических событий»⁶, можно было не опасаться. Выдающийся военный деятель и ученый генерал М. Драгомиров дал такую высокую оценку выпускнику Грулеву, что тот был оставлен на службе в Генеральном штабе.

Генштабист Грулев объездил буквально весь мир. Четырежды он исколесил Сибирь на лошадях и два раза по железной дороге, пробираясь по тайге Забайкалья, Приамурья, по побережью Тихого океана, по вершинам Памира и Кашгарских гор, по закаспийским и туркменским пустыням, по трущобам Кавказа. Довелось Грулеву побывать в Индии, Китае, Японии, Египте, Аравии, странах Америки, почти во всех государствах Европы. Во главе экспедиции он исследовал Маньчжурию. Указал место для строительства Харбина, побывал у бухарского эмира, в буддийском монастыре. Все это нашло отражение в его многочисленных научных трудах. Они часто носили резко критический характер: никого не щадил молодой офицер-ученый, невзирая на чины и должности, вплоть до великих князей и бездарных генералов. Находясь в Ташкенте, Грулев стал главным редактором газеты «Туркестанские ведомости», поднимая ее не только на всероссийский, но и на международный уровень. Он стал получать из специального парижского бюро вырезки из различных газет Западной Европы, в частности, с перепечатками его передовых статей. Михаил Владимирович также был избран редактором изданий «Известия Туркестанского отдела Русского географического общества» и «Туркестанского литературного сборника». В 1900 г. Грулев – начальник штаба дивизии в Ярославле и Калуге – разрабатывает новое военно-статистическое описание Калужской губернии. На это ушло полтора года напряженного труда, но он пропал даром: деньги на составление военно-статистического описания Европейской России были расхищены, работа Грулева осталась лишь в архиве.

В 1904 г. начинается война с Японией, и Грулев отправляется на фронт. Сначала он «лихой командир полка» (так назвал его известный советский военный историк П.А.Зайончковский⁷), затем –

⁶ Деникин А.И. Старая армия. Т.1. Париж, 1929. С.60.

⁷ Личное сообщение П.А.Зайончковского.

командир бригады и начальник дивизии. Отличившийся в боях и высоко награжденный⁸, М.Грулев вернулся в Петербург. Здесь он занялся военной историей и публицистикой, стал главным редактором распространенного военного журнала «Разведчик», сотрудничал в либеральных изданиях Петербурга, Москвы, Одессы. Грулеву предлагают занять должность первого заместителя начальника Генштаба, но он отказывается. *«После всего пережитого в Японской войне, – писал он, – после всего, что творилось в России после войны, у меня раскрылись глаза... От предложенной мне высокой должности я отказался под предлогом служить в строю»*⁹. В 1910 г. Грулев назначается комендантом важнейшей Брест-Литовской крепости. Здесь его поразили присылаемые секретные материалы против «инородцев», в них выискивались предки-инородцы даже в третьем поколении. *«Ведь известен факт, звучащий диким анекдотом: начальник военно-медицинской академии Данилевский не мог зачислить в академию своего сына, потому что сам он был сыном еврея»*¹⁰. Как вспоминает Грулев, он *«усиленно боролся в печати против преследования ВСЯКИХ ИНОРОДЦЕВ, так как <...> это губило Россию больше чем какое бы то ни было другое зло. Боролся не только за обездоленных евреев, но и за поляков и староверов»*¹¹. *«Невыносимо тяжка мне была, – вспоминал он, – горькая доля моих братьев-евреев, которые под конец войны подвергались в России кровавым погромам, насилиям и изнасилованиям, – после того, как они несли на себе все тяжести войны наравне со всеми другими народностями России»*¹². Неприкрытым сарказмом звучит фраза Грулева, обращенная к национал-патриотам того времени: *«И как зло посмеялась судьба, – восклицает Грулев, – над этими спасителями России, послав им на утешение еврея Троцкого, поляка Дзержинского, латыша Петерса, грузина Сталина...»*¹³

Тяжело читать строки о судьбе евреев, воевавших в Маньчжурии. Грулев отмечает, что там погибло более 20 тысяч солдат-евреев, многие стали калеками. Нередко они обращались к Грулеву

⁸ За боевые отличия М.В.Грулев был награжден: орденами Св. Владимира 4-й ст. с мечом и бантом и Св. Владимира 3-й ст.; золотым оружием. В 1905 г. ему было присвоено звание генерал-майора, а в 1912 – генерал-лейтенанта (Российская воен. энцикл., издававшаяся И.Д.Сытиным в 1911–1916 гг.).

⁹ Грулев М.В. Записки генерала-еврея. С.243.

¹⁰ Там же. С.246.

¹¹ Там же. С.241.

¹² Там же. С.237.

¹³ Там же. С.247.

как к своему бывшему командиру с просьбой о помощи. Вот один из многих приведенных им примеров. В Петербургской Думе – ярмарка в помощь раненым. *«На одних носилках, – вспоминает Грулев, – случайно оказался калека моего полка, который, узнав меня, разрыдался... Он еврей, единственный сын у матери-вдовы, которая приехала из Седлецкой губернии, чтобы увидеть своего кормильца, которого давно уже считала погибшим. И эту мать накануне выслали из Петербурга как не имеющую права жительства – не позволили хоть неделю побыть с сыном. Глядя на плакавшего солдата, расплакалась и находившаяся при нем фрейлина Ильина, требовавшая от меня “сделать что-нибудь” для этого несчастного...»*¹⁴.

В Ташкенте произошло такое событие: в зале суда казачий полковник Сташевский застрелил адвоката Сморгунера, редактора газеты «Русский Туркестан», – полковнику показалось, что адвокат в речи сказал что-то оскорбительное для казаков. В местной военной среде это преступление вызвало даже одобрение: Сморгунер – еврей, а полковник «защищал честь полка». Случай этот вызвал негодующее выступление В.Г.Короленко. В Ташкенте же единственным, кто в печати обвинил убийцу, оказался офицер М.Грулев. Генерал-губернатору края была направлена жалоба – Грулев, мол, проявил «непонимание военных традиций и корпоративной солидарности» (жалоба не имела последствий)¹⁵.

Находясь в Ташкенте, Грулев выступал в защиту Дрейфуса.

Михаил Владимирович гневно описывает в своей книге бесправное положение еврейского солдата, который с первых дней службы подвергался оскорбительным насмешкам, унижению, преследованиям, травле. Ситуация для Грулева становилась все более невыносимой. Он принял решение *«припасть к стопам государя, ходатайствовать за преследуемых и гонимых евреев. Мне наивно думалось, – писал он, – что государь поверит своему боевому офицеру, тоже еврею, удостоенному всех боевых отличий и честно исполнившему свой долг... Только став ближе к этому роковому вопросу, я убедился в моем наивном заблуждении»*¹⁶. Все было тщетно, бесполезно. И у заслуженного генерала созрело решение, тяжелое, но неизбежное: *«Выслать самого себя»*¹⁷.

¹⁴ Грулев М.В. Записки генерала-еврея. С.240.

¹⁵ Там же. С.213.

¹⁶ Там же. С.238.

¹⁷ Там же. С.246.

Грулев вступает в жесточайший конфликт с бездарным военным министром В.Сухомлиновым. Император, прочитав статью Грулева, сделал выговор своему министру, и у Грулева стало одним опасным врагом больше. Не понравилась начальству и публицистическая деятельность Грулева, о чем он был официально извещен с грозным предупреждением. Усиление антисемитской и шовинистической политики режима переполнило чашу терпения М.Грулева, и он подал прошение об отставке. Причина – «по болезни».

Михаилу Владимировичу шел 55-й год. Больно было заслуженному генералу расставаться с армией, которой он отдал 34 года жизни. Тем более «в такое время, – пишет он, – когда, умудренный боевым опытом, я мог быть полезным моей Родине. Говорю это без лицемерной скромности – по собственному сознанию и по отзывам других, в том числе и ближайших начальников. Но – что делать! Под игом свирепствовавшего рокового для России режима Родина наша лишилась слуг поважнее и значительнее меня... Шумно отпраздновал крепостной гарнизон проводы сначала моей семьи, а затем, в мае 1912 г., и мои проводы в той самой Брест-Литовской крепости, в которой я начал когда-то свою офицерскую службу. Вслед затем я выехал на постоянное жительство в Ниццу»¹⁸.

Почему именно во Францию решил он выехать? Отметим, что Грулев хорошо знал французский язык: изучал его, готовясь к экзамену за курс классической гимназии, где языкам уделялось большое внимание; учась в Академии Генерального штаба; самостоятельно, знакомясь с французской литературой, в частности, по военному делу. Намереваясь продолжать свою активную научно-литературную и публицистическую деятельность на новом месте, Грулев принимал во внимание существование во Франции широко развитого издательского и библиографического¹⁹ дела, в частности хорошо знакомого ему парижского «Bureau de la presse».

Учитывая взгляды М.Грулева, его внимание должна была привлечь издательская деятельность «Общества друзей русского народа», которое выпускало брошюры, освещавшие борьбу с самодержавием. Франция уже в те времена была центром русской эмиграции, и немаловажное значение имело то, что в Ницце давно существовала большая русская колония.

¹⁸ Грулев М.В. Записки генерала-еврея. С.250.

¹⁹ Еще в 1791 г. в Париже было организовано Бюро библиографии под руководством знаменитого деятеля Великой французской революции аббата А.Грегуара, последовательного и активного инициатора процесса эмансипации евреев.

Каковы были финансовые возможности эмигранта Грулева? Довольно неплохие. Вот сведения о денежном довольствии за 1898 г.: пенсия генерал-лейтенанта (такую пенсию получал Грулев) составляла 2 858 рублей в год, 236 рублей в месяц²⁰. Это были довольно значительные суммы. Для сравнения укажем: капитан в строю получал 105 рублей в месяц, а на пенсии – 68. Кроме того, отметим еще два обстоятельства: к 1912 году и жалованье, и пенсии должны были возрасти, но данных об этом у нас нет; доходную статью М.Грулева составляли также гонорары за литературные произведения, хотя мы не знаем их величины. Из опубликованных до 1912 г. назовем следующие: *Забайкалье*: Ист.-стат. очерк. Чита, 1891; *Сведения*, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом. Вып. 1–15 (кроме 13). Ташкент, 1897–1898; *Аму-Дарья*: Очерки Бухары и Туркмении. Ташкент, 1898; серия статей, подписанных инициалами М.Г., *Вопросы национальные и вероисповедальные перед лицом войны* // Русские ведомости. 1906–1907; *История Русско-японской войны: Шахейская операция*. Т.1–2 СПб., 1908; *В штабах* и на полях Дальнего Востока: Воспоминания командира полка и офицера Генерального штаба о минувшей войне с Японией. Т.1–2. СПб., 1909; *Соперничество* России и Англии в Средней Азии. СПб., 1909; *Очерк восстаний пограничных племен Индии*. СПб., 1909; *Злобы дня в жизни армии*. СПб., 1910. Кроме того, ряд книг был переведен Грулевым с иностранных языков. Мы привели этот перечень, чтобы показать, с каким научно-литературным багажом прибыл во Францию русский генерал Михаил Грулев и какого военного и военно-политического специалиста приобрела эта страна.

Итак, начался французский период жизни и деятельности генерал-лейтенанта Михаила Владимировича Грулева, который длился 31 год. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении сведения о деятельности Грулева во французский период его жизни скудны, отрывочны.

Он продолжает свое творчество, и в 1914 г. выходит из печати его монография «От Мукдена до Портсмута»²¹ – история Русско-японской войны от сокрушительного разгрома русских войск в битве под Мукденом в феврале 1905 г. до Портсмутского мирного договора в сентябре того же года. Автор уделил большое внимание внешней политике России, обобщил свои критические замечания,

²⁰ Зайнчковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М., 1973. С.225, 229.

²¹ Грулев М.В. От Мукдена до Портсмута. СПб.: В.А.Березовский, 1914.

связанные с поражением русской армии в этой войне. «Артиллеристы наши, – пишет он, – пошли на войну, почти совершенно не зная своей пушки»²². Он имел в виду малооткатные скорострельные орудия. Резко критиковал Грулев генералитет, особенно главнокомандующего войсками в Маньчжурии: «Я утверждаю, – заявил он, – что при таких качествах А.Н.Куропаткина и его помощников исход войны не мог быть иным даже в том случае, если бы в отношении тактической подготовки воюющие армии поменялись местами, т.е. если бы русскому командному составу... дали лучшую армию в мире, она даже при сравнительном превосходстве в силах все же была разбита, потому что у начальников не хватало ни решимости, ни твердой воли, ни понимания важнейших факторов ведения войны»²³. Совершенно убийственная, но справедливая оценка. Грулев шел и дальше, считая, что причины поражения заложены в душевной общественной атмосфере 80–90-х годов. «Наше военное ведомство, – подчеркивал он, – в этом отношении плыло только по общему течению, не желая или не умея проложить себе собственное русло, как это было во времена министерства Д.А.Милюткина... П.С.Ванновский (военный министр. – А.Ч.) держался иных взглядов и ввел военное ведомство в общее русло нашей внутренней жизни. Именно в эту эпоху и были заронены семена наших поражений в войне с японцами»²⁴. Дело и в реакционном курсе самодержавия после 1881 г., и в забитости и чрезвычайно низком культурном уровне солдат. Слабая подготовка одиночного бойца служит «сокровенным центральным фокусом современного военного дела, все остальное отходит на второй план...»²⁵. Кажется, никто из высших военных не доходил до такого глубокого видения. Появление книги М.Грулева «От Мукдена до Портсмута», а также более ранних его произведений, которые были известны в военных кругах России, должны были сыграть роль некоего сигнала, но его никто не услышал.

Недостатки русского командования были в той или иной мере свойственны французскому генералитету, но, к сожалению, труды-предупреждения М.Грулева оказались не востребованными и французскими генералами, что сразу же стало очевидным в самом начале

²² Грулев М.В. В штабах и на полях Дальнего Востока. СПб., 1909. С.185.

²³ Он же. Предисловие к книге: Барон фон Теттау. Куропаткин и его помощники. Т.1. СПб., 1913. С.VI.

²⁴ Он же. В штабах и на полях Дальнего Востока. С.442–443.

²⁵ Там же. С.439.

Первой мировой войны. Оказалось, что командный состав показал неудовлетворительные знания современного военного дела. Это привело к тяжелым последствиям, вплоть до отстранения и ссылки в г. Лимож десятков армейских командиров, начальников и генералов. Некоторые из них с трудом спаслись от расстрела, и только потому, что маршал Жоффр считал, что виноваты не люди, а система²⁶. Очевидно, что Грулев был связан с некоторыми французскими генералами и что он общался с ординарцем Жоффра – весьма популярным начальником отдела личного состава майором Беллем. *«Этот маленький близорукий еврей, – пишет генерал А.А.Игнатьев, – ведал отбором кандидатов для школ, где учили новым методам ведения боя и знакомили с новыми образцами вооружения. Большие и мало кем оцененные услуги оказал своей армии скромный майор Белль, немало нажил он врагов, но заставил их смолкнуть своим блестящим поведением на фронте: он погиб во главе бригады, перебросенной в Италию для прекращения паники после неслыханного разгрома итальянцев под Капорретто»*²⁷. Безусловно, Белль во многом напоминает Грулева.

С начала войны М.Грулев ведет огромную работу в качестве обозревателя и аналитика военных действий на фронтах. Находясь во Франции, он внимательно следит за военно-политическими событиями как исключительно квалифицированный эксперт. Михаил Владимирович подвергает глубокому, всестороннему критическому разбору боевые действия сторон, вскрывает недостатки и их причины. Результатом этой работы стали выпуски серии «Великая борьба народов: 1914–1918 г.: Очерки боевых действий на европейских фронтах». Эти сборники выпускались кадетской газетой «Речь» (Петербург), выходившей под редакцией П.Н.Милюкова и И.В.Гессена. Материалы сборников предварительно печатались в газетах. В целом этот труд Грулева имеет первостепенное значение для изучения истории Первой мировой войны.

Однако из всех трудов, написанных Грулевым в период его жизни во Франции, первостепенное значение имеют указанные выше воспоминания «Записки генерала-еврея». С этой книгой мне удалось познакомиться примерно лет 40 назад, в Москве. Конечно, ее можно было получить в спецхране Ленинской библиотеки. Однако доступ к ней был не только труден, но и небезопасен – фамилия

²⁶ Афанасьев А.К. Научно-справочная библиотека П.А. Зайончковского в ОПИ ГИМ // П.А. Зайончковский. 1904–1983 гг. Статьи, публикации и воспоминания о нем. М.: РОССПЭН, 1998. С.40.

²⁷ Игнатьев А.А. 50 лет в строю. Т.2. Петрозаводск, 1964. С.100.

пользователя заносилась в некий специальный список. Моя встреча с этой книгой произошла при совсем других обстоятельствах. Во время очередного визита в дом выдающегося историка, профессора Московского университета Петра Андреевича Зайончковского, ставшего не только моим учителем, но и старшим другом и наставником, он встретил меня весьма эмоционально: *«Ароша, у меня для Вас есть особенно интересная книга!»* И показал томик М.Грулева: *«Вот какой замечательный военный мыслитель и историк, а какой человек! И кто сказал, что евреи не могут воевать! Я обязательно введу его в научный оборот российской военной истории – и никто мне не запретит...»*. Потом спросил, хватит ли мне две недели для прочтения. *«А показывать пока никому не надо»*, – добавил профессор. Я не был удивлен: в уникальной библиотеке Зайончковского (ныне хранится в специальном помещении Государственного исторического музея и описана в соответствующей статье²⁸) можно было найти вещи и «пострашнее». Как они туда попадали, никто не спрашивал, но догадывались, что не без помощи его многочисленных (около 30) американских, английских и других иностранных аспирантов-славистов. Думается, власти на это смотрели сквозь пальцы – тоже политика.

Свое обещание «пробить» Грулева в российскую историографию П.А.Зайончковский выполнил: в его известной книге «Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий» (М., 1973) имя Грулева упоминается на девяти страницах, и не просто упоминается – дается высокая оценка его трудов. Так, работа «В штабах и на полях Дальнего Востока» вызывает у него «наибольший интерес» из воспоминаний о Русско-японской войне, и Петр Андреевич неоднократно цитирует ее. Например, такое высказывание М.Грулева: *«Отсутствие инициативы и самостоятельности, пассивная роль нашего командного состава, полагавшего возможным руководить войсками в бою только на основании нехитрого кодекса “слушаю” и “как прикажете”, – кто не сознавал у нас этого недуга задолго еще до злосчастной войны»*²⁹. Критикуя антиеврейскую политику царизма, П.А.Зайончковский также ссылается на книгу Грулева «Записки генерала-еврея»³⁰. Петр Андреевич, конечно, не мог

²⁸ Афанасьев А.К. Научно-справочная библиотека П.А. Зайончковского. С.154–162.

²⁹ Там же. С.186.

³⁰ Там же. С.201.

обойти вниманием мнение автора о причинах Русско-японской войны (Россия была втянута в эту «кровопролитную и злосчастную войну» ради лесных концессий некоторых особ императорской фамилии и окружавшей ее камарильи); подробную довоенную записку Грулева о сухопутных и морских вооруженных силах Японии (он ее посещал), «в которой [записке] выводы имели предостерегающий и отнюдь не убаюкивающий характер»; критику Грулевым в начале войны шапкозакидательских лекций, за которую, конечно, был обвинен в непатриотичности и был назван «гасителем нашего feu sacré» (священного огня. – А. Ч.), и многое другое.

Подобные оценки трудов Грулева выдающимся российским историком позволяют считать их высокими достижениями мемуарной и исторической литературы. Они являются важным источником не только при изучении истории русской армии, но, как уже говорилось, и армий других стран, в частности французской.

Еврейские сюжеты занимают ведущее место в «Записках генерала-еврея», особенно в первой части – «Гетто», где описывается еврейский быт в черте оседлости, преимущественно в третьей четверти XIX века. С большой симпатией и теплотой приводит автор подробности и детали еврейской жизни в небольших городах, обряды, процесс обучения в еврейских училищах, трудовую деятельность, семейные отношения, воспитание детей, еврейские праздники, выводит яркие типы еврейского населения, описывает гонения на евреев. Здесь Грулев выступает как талантливый бытописатель российского еврейства, а первые «еврейские» главы его книги представляют собой один из ярких источников по истории еврейства в России второй половины XIX века.

Вторая часть «Записок» называется «После Рубикона». Рубиконом автор называет свой переход в православие. Здесь – его военная карьера и его многочисленные столкновения с антисемитизмом. Много о гнусной антисемитской практике М.Грулев узнавал из секретных циркуляров, которые получал по должности. Много, но не все, в том числе то, что было направлено против еврея Грулева. В 1924 г. опубликованы воспоминания А.Поливанова, военного министра в 1915–1916 гг. Он писал, что евреи намерены проникнуть в армию, в частности, в Генеральный штаб, в котором они уже представлены под русскими фамилиями. Это был явный намек на

М.Грулева³¹. Не мог, конечно, знать Грулев, что через четверть века после его кончины русская антисемитская литература будет в своих черносотенных целях ссылаться на мемуары еврея – кандидата в военные министры России³².

Михаил Владимирович Грулев, российский боевой генерал, видный военный теоретик и историк, еврей и сионист, умер во Франции в 1943 году в возрасте 86 лет.

³¹ Дудаков С.Ю. Парадоксы и причуды филосемитизма и антисемитизма в России: Очерки. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2000. 640 с.

³² «Даже в среду, наиболее замкнутую – офицерскую все больше и больше проникало евреев, сменивших свою иудейскую религию на одну из христианских. А.Деникин <...> говорит, что <...> были <...> и генералы чисто еврейского происхождения. То же самое сообщает в своих мемуарах и ген. штаба М.Грулев, еврей, достигший высших должностей и даже бывший кандидатом в военные министры Российской Империи». Цит. по: Дикий А. Евреи в России и в СССР: Ист. очерк. Н.-Й., 1967. С.69.

Русские евреи во Франции: эволюция и численность сообщества (1900–1939)¹

Катрин Гусефф (Париж)

По еврейской эмиграции из России во Францию, начавшейся в последнюю четверть XIX века, существует не много исследований общего характера. Изучение велось фрагментарно. Этот факт объясняется достаточной сложностью выработки критериев оценки этой гетерогенной группы, формировавшейся по мере прибывания во Францию все новых эмиграционных волн (до и после революции), с точки зрения как их социокультурного происхождения и поведения, так и отношения этой группы к другим меньшинствам (русским неевреям, французским евреям, еврейским иммигрантам из других стран). Однако российские евреи как объект изучения часто присутствуют в работах по истории рабочей и политической (главным образом, революционной) иммиграции, литературной и артистической деятельности в изгнании, иммиграционной политики Франции и т.п. Другими словами, исследования в этой области чрезвычайно раздроблены тематически и отличаются многочисленностью подходов. По всем этим причинам в данной работе могут быть представлены лишь некоторые аспекты истории российской еврейской эмиграции.

Евреи России, евреи Российской империи

Что понималось до Первой мировой войны под словами «евреи из России»?

Если мы заинтересуемся государственной принадлежностью иммигрантов из Центральной и Восточной Европы, которые во множестве прибывали во Францию в течение первого десятилетия XX века, то заметим, что большинство из них – из Российской империи, которая распространялась тогда на западе до Варшавы и на юго-западе до Кишинева. Несмотря на общность этой группы населения, она состоит из целого ряда различных групп, принадлежащих к разным культурным зонам: польской, румынской и др. Что касается самих евреев России, они прибывали главным образом из зоны оседлости, этого огромного приграничного пространства, охваты-

¹ Перевод с фр. Максима и Ирины Гузевичей.

вавшего Украину, Белоруссию и Литву, которое после Первой мировой войны будет разделено между воссозданным Польским государством, новой Литвой и Советской Россией. Эти особенности поразному оцениваются в исследованиях, посвященных еврейским меньшинствам Центральной и Восточной Европы. Часто их недооценивают, принимая во внимание лишь общий культурный багаж, который, начиная с языка идиш или религии, явно сближал иммигрантов и позволял создавать крепкие социальные связи. Тем не менее следы первоначальных культурных различий играли немаловажную роль. Они заметны в основном на уровне элиты, которая не только до Первой мировой войны, но и в некоторых случаях после нее была ориентирована на Россию. В целом, видимо, русские евреи были достаточно многочисленной группой во Франции в начале века, в отличие от периода между двумя войнами, когда основной костяк еврейской иммиграции из Центральной и Восточной Европы составляли польские евреи².

**План еврейского квартала
в Париже – Pletzl**
(подготовил к печати
Ю. Гузевич)

Эмиграция из Российской империи, заметная уже с 1860 г., стала резко расти в десятилетие, последовавшее за убийством Александра II (1881 г.). Это был период, характеризовавшийся сильными антисемитскими вспышками и многочисленными погромами в пограничных зонах. Далее, вплоть до 1914 г., эмиграция только усиливается под одновременным вытесняющим давлением ненависти со стороны населения и дискриминационной политики царского правительства. Под постоянным гнетом запретов, урезавших экономическую активность, права на собственность,

² Подсчеты, произведенные «Asile israélite de nuit» (Евр. ночлежным приютом), показали, что 60% лиц, получавших помощь в период 1906–11 гг., имели рус. или румынское подданство, остальные принадлежали к 33 др. нациям. См.: *Human P. De Dreyfus à Vichy: L'évolution de la communauté juive en France: 1906–1939. Paris: Fayard, 1979. P.53; Weinberg David H. Les Juifs Paris de 1933 à 1939. Paris: Calmann-Lévy, 1974. (Coll. «Diaspora»).*

на социальное продвижение (*numerus clausus* были введены в университетах империи в 1887 г.), лишенная возможности общественного и экономического развития, значительная часть еврейского населения империи выбирает эмиграцию.

Франция – не главная страна, куда устремляется еврейская эмиграция из России в 1881–1914 гг. Маргинальный характер этого миграционного потока очевиден, во-первых, по отношению к потокам, идущим из России в Америку, которая является главным эмиграционным центром. И, во-вторых, по отношению к таким европейским странам, как Германия или Великобритания. Когда начинается массовый исход евреев, две последние страны служат основными перевалочными пунктами на пути в Новый Свет, однако постепенно они утверждаются как территории длительного пребывания. Происходит это либо случайно, либо в силу разного рода обстоятельств. Так, эпидемии в портовых городах помешали многим иммигрантам отбыть в США.

Франция длительное время служила перевалочным пунктом для направлявшихся в Великобританию. Но в начале века Париж стал одним из центров еврейской диаспоры. До 1870-х гг. в Париже существовала лишь маленькая колония русских интеллектуалов и аристократов «в изгнании»³. Начиная с 1880-х гг. количество русских увеличилось и начали прибывать русские евреи. Так, раввин Иуда Любетский в 1881 г., находясь в Париже проездом, узнает, что во французской столице существует русско-еврейское религиозное сообщество, и... решает остаться. Однако эти новоприбывавшие, если рассматривать эмиграционное движение из России в целом, остаются малочисленными. Их не больше нескольких тысяч.

Резкий рост эмиграционного потока во Францию происходит между 1900 и 1914 гг. – за этот период количество русских увеличилось с 15 тыс. до 35 тыс. человек. Хотя эта общность относительно невелика по сравнению с Германией (ок. 140 тыс. русских) или Великобританией (ок. 100 тыс. русских на 1910 г.), но ее эволюция свидетельствует о явном возрастании интереса к Парижу. Каковы причины этой тенденции? Прежде всего, это имидж Франции, первой страны Западной Европы, эмансипировавшей евреев, имидж, похоже, мало пострадавший в глазах иностранцев после дела Дрейфуса. Однако причины, которые мы считаем основными, носят более общий характер.

³ О демогр. и социальной эволюции рус. диаспоры во Франции см.: Klein-Gousseff C. Immigrés russes en France: 1900–1950: Contribution à l'histoire politique et sociale des réfugiés: Thèse. Paris: EHESS, 1996. (В печати.)

Мы располагаем лишь немногими свидетельствами истории еврейской миграции как таковой и причин выбора Франции как места проживания. Значительная часть из них представляет несколько строк в автобиографиях детей эмигрантов-ремесленников и представителей интеллигенции, ставших французами и во многом позабывших злоключения родителей, которые покинули враждебную им землю и не стремились передавать детям память об условиях своего отъезда и о своих скитаниях до прибытия в Париж. Так, Раиса Маритен (супруга известного философа Жака Маритена) в своих воспоминаниях пишет, что ее родители решили эмигрировать в поисках свободной и достойной жизни и что ее отец, учитывая свои знакомства в Париже, поехал туда первым, а затем перевез семью⁴.

Возможно также, что постепенное формирование личных связей и возникновение землячеств типа Одесского содружества (*Amicale d'Odessa*) сыграли ключевую роль в увеличении количества русских евреев в Париже⁵. Впрочем, как эти, так и другие причины, толкавшие людей на переезд во Францию, сильно зависели от их собственных целей и внутренних установок. И, таким образом, вопросы мотивации оказываются тесно связанными с многоликостью еврейских эмигрантских групп в довоенную эпоху.

Иммигранты и эмигранты

Сложность описания еврейского довоенного сообщества во Франции обусловлена в основном полярностью двух подходов. С одной стороны, перед нами относительно гомогенная масса иммигрантов, сконцентрированных в нескольких географических точках и привязанных к нескольким профессиям, с другой – множество частных судеб. Конечно, их можно как-то классифицировать, например: политические эмигранты, студенты, деятели культуры – но уж слишком свободно эти лица переходят из одной группы в другую.

Самая крупная из них состоит собственно из *иммигрантов*, то есть людей, окончательно отказавшихся от своей родной земли и осевших во Франции. Бежали ли они от погромов или от нужды, а чаще всего от того и другого одновременно, но приезжали почти без

⁴ *Maritain Raissa. Les grandes amitiés: Souvenirs. New York, 1941. P.40.*

⁵ Гипотеза о формировании сети для объяснения причин увеличения рус.-евр. иммиграции выдвигается, например: *Zytnicki C. D'Odessa à Toulouse: l'émigration juive russe à Toulouse dans la première moitié du XXe siècle // Евреи России – иммигранты Франции. М.: Мосты культуры; Париж, 2000; Иерусалим: Гешарим, 5761. С.172–184. (Cahiers de l'émigration russe.)*

ничего, становясь рабочей силой в пошивочных ателье в Марэ⁶ или, в меньшей степени, мастерских краснодеревщиков в районе Бастилии⁷. Как заметила Ненси Грин, одновременное прибытие такого количества очень бедных иммигрантов изменило традиционный стереотип «богатого еврея»: Франция узнала о существовании еврейского пролетариата. Этот стереотип – наличие во Франции относительно процветающего еврейского сообщества, щедрость которого стала известна массам, в частности, благодаря деятельности *Alliance israélite universelle* в Восточной Европе⁸, – похоже, сыграл не последнюю роль в глазах эмигрантов при выборе Парижа.

Пребывание в Париже начиналось чаще всего с плохо оплачиваемой работы в пошивочных мастерских. Это был первый и, как правило, кратковременный этап внедрения. Так, Герш Мендель, появившийся в Париже без единого су, ищет повсюду «*gi dè rozié*»⁹ – единственный известный ему виртуальный репер в столице, где он встречает соотечественников, получает миску с похлебкой и, в конечном счете, работу¹⁰. Марэ становится пунктом сбора и одним из первых кварталов, где оседают еврейские эмигранты. Их концентрация на нескольких улицах вокруг площади Сен-Поль (Saint-Paul) становится сюжетом многих статей – и доброжелательных, и враждебных. Грязь, низкий уровень гигиены, дефицит площади, используемой часто и под ателье, и под жилье для многих семей, – вот лейтмотив описания этой нищей эмиграции, осевшей в самом сердце Парижа в начале XX в.¹¹

Можем ли мы говорить о сообществе? Несмотря на то, что еврейские эмигранты были выходцами, как уже говорилось, из разных культурных зон, большинство из них были из Российской империи. А в судьбах людей, прошлое которых связано с одной и той же государственной единицей, остающейся важной точкой отсчета для

⁶ Marais (букв. «болото») – район Парижа, где находится евр. квартал («Pletzl»), а ныне – довольно дорогой жилой район. (Прим. ред.)

⁷ Об этой трудовой эмиграции см.: Green N. Les travailleurs immigrés juifs à la Belle Époque: Le Pletzl de Paris. Paris: Fayard, 1985.

⁸ Idem. P.71–73.

⁹ Rue des Rosiers – сердце евр. части Marais. (Прим. ред.)

¹⁰ Mendel H. Mémoires d'un révolutionnaire juif. Grenoble: PUG, 1982. P.133. Мендель – полит. деятель, много раз менявший свои убеждения – от революционера до диссидента-антисталиниста. После Второй мировой войны пришел к сионизму.

¹¹ Автор использует термин «Paris de la Belle Époque», не имеющий прямого перевода на рус. яз. Его аналогом в области культуры в России выступает понятие «Серебряный век». (Прим. ред.)

них, существует много общего, как показывает появление различных организаций (например, содружеств русских еврейских рабочих¹²) или журналов, издававшихся на идиш и/или на русском¹³. Это сообщество находится на перекрестке двух миров: *русского* – во всем, что касается политико-культурных проблем, и *восточно-европейского еврейского* – во всем, что связано с религией, языком и рядом общих традиций. Существование в рамках первого поколения эмиграции связей, характерных для сообщества, подтверждается множеством фактов: взаимопомощью – от создания российскими евреями в 1900 г. Еврейского ночлежного приюта (*Asile israélite de nuit*) до Федерации еврейских обществ Парижа (*Fédération des sociétés juives de Paris*), которая в 1913 г. объединяла 22 ассоциации иммигрантов; культурной жизнью – начиная с 1907 г. в Париже существует театр на идиш и появляется десятка полтора журналов на идиш (часто эфемерных и не переживших Первую мировую войну); религией – созданием в 1911 г. «Талмуд-торы», целью которой было обучение молодежи еврейскому языку и истории еврейского народа, и вслед за этим – открытием в 1914 г. синагоги на ул. Павэ¹⁴ (результат длительных усилий эмигрантов по созданию своего молитвенного дома, независимого от французской консистории¹⁵). Надо отметить также силу профсоюзного русско-еврейского движения – редкий случай в среде иностранных рабочих этой эпохи и повышенную политизированность всей группы – верной аудитории революционных, сионистских и других партий вне России, поставлявшей им все новых активистов.

¹² В архивах полиции Парижа сохранились наиболее важные документы, касающиеся ассоциаций рус. евреев-иммигрантов, в то время как административные фр. архивы бедны соотв. материалами.

¹³ Различные бюллетени Бунда печатались также на идиш и на рус. яз. В 1904 г. вышел единств. номер русскоязычного журнала «Кодимо!», изданного студентами-сионистами. В 1914 г. на рус. и на идиш публиковался «Bulletin du Comité de l'émigration russe». См. на эту тему: *Ossorguine-Bakounine T. L'émigration russe en Europe: Catalogue collectif des périodiques en langue russe. T.1: 1855–1940. Paris: IES, 1978.* (О рус.-евр. периодике во Франции см. также статью В.Карасика в этом томе РЕВЗ. Информация, сообщаемая автором об издании «Bulletin du Comité de l'émigration russe», дает основания отнести его к русскоязычной еврейской периодике. По-видимому, из-за своего названия издание выпало из поля зрения В.Карасика и не вошло в сделанный им обзор. (*Прим. ред.*)

¹⁴ Rue Pavée – улица Marais, пересекает rue des Rosiers. (*Прим. ред.*)

¹⁵ Об этом см.: *Hyman P. De Dreyfus à Vichy...* и *Green N. Les travailleurs immigrés juifs à la Belle Époque...*

Профсоюз еврейских эмигрантов, который возглавил за несколько лет до Первой мировой войны революционер Александр Лозовский, объединял в основном работников пошивочных, меховых и шляпных мастерских. Сам факт деятельности Лозовского во главе профсоюза связывает два мира эмигрантов: ориентированных на Россию и ожидавших падения режима и ориентированных на интеграцию во Франции.

Политические деятели, студенты, художники

Несмотря на связь между еврейскими рабочими из *Pletzl*¹⁶ и революционной эмиграцией, последняя является сама по себе отдельным миром, и при этом очень специфическим. Среди множества российских революционных партий: от эсеров до эсдеков, от анархистов до либералов – *Бунд* (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России) отличался тем, что являлся одновременно и революционной, и еврейской партией, ставившей своей целью защиту и эмансипацию евреев в России.

Трудно описывать деятельность *Бунда* в Париже. Главная проблема связана с повышенной мобильностью активистов, которые циркулировали между европейскими столицами (Лондоном, Берлином, Брюсселем) и Россией, куда многие нелегально совершали челночные рейсы. С этой точки зрения Париж является всего лишь временным пристанищем «широкого функционирования». Как мы можем заметить, перечитывая автобиографии некоторых революционеров, написанные ими уже в СССР, они уезжали «за границу» без уточнения направления¹⁷. Таким образом, Париж для этих людей вписывался во внутерриториальные рамки политической эмиграции и конспиративных сетей, в рамках которых местонахождение каждого активиста зависит лишь от сиюминутных потребностей.

Отсюда следует, что, если не принимать во внимание нескольких деятелей, постоянно живших в Париже, восстановить судьбу «бундовского круга» во французской столице и его влияние через сети связей на все сообщество иммигрантов довольно сложно. Исключение составляют немногочисленные воспоминания очевидцев и информация, собранная французской полицией. Речь идет, в основном, о следах пропаганды – о конференциях, распространении прессы на идиш и на русском, театральных представлениях и дру-

¹⁶ О *Pletzl* см. в статье Клоди Вейл в настоящем томе РЕВЗ. (Прим. ред.)

¹⁷ См., напр., биографию Н.Бухарина: *Haupt G., Marie J.J. Les Bolcheviks par eux-mêmes*. Paris, 1969. P.31.

гих культурных акциях, которые указывают на наличие у *Бунда* аудитории в иммиграционной среде.

Параллельно миру собственно иммигрантов и помимо революционеров, останавливавшихся на время в столице, существовала еще целая группа студентов, приезжавших обучаться как в Париж, так и в крупные провинциальные центры – например, Тулузу или Нанси. Их было, конечно, меньше, чем в Германии или Швейцарии – этих двух полюсах, притягивавших массы еврейской молодежи, вынужденной обучаться в Европе из-за *pomerus clausus* в российских университетах¹⁸. И все же количество евреев на скамьях французских университетов и высших технических школ исчислялось тысячами. Среди них было немало женщин¹⁹. Конечно, многие из них были студентами лишь *de jure*, используя этот статус для прикрытия политической деятельности – главной цели их пребывания во Франции. Численность этой группы ныне почти не поддается определению. Однако значительная часть иммигрантов четко следовала университетскому пути и выбирала профессиональную карьеру в качестве инженеров, юристов, врачей, учителей. Их судьбы сильно отличались в разных странах: во Франции, в других западноевропейских странах, в США, в будущем Израиле или в Советской России, куда возвратилось лишь меньшинство.

Нельзя также обойти вниманием пребывание во французской столице множества молодых еврейских художников, скульпторов, артистов, приехавших из Российской империи. Эти люди отражали культурное возрождение российского еврейства, связанное с распространением *Хаскалы* и сильно поощряемое *Бундом*²⁰. Даже если Париж не являлся единственным направлением художественной эмиграции, ее представителей здесь было чрезвычайно много. Значительная их часть концентрировалась на Монпарнасе. Некоторые работали в отдельных мастерских (самые обеспеченные), большая часть – в фаланстерах квартала *Falguière* и в знаменитом *Ruche* (Улье), где жили Шагал, Сутин и многие другие, составившие славу

¹⁸ См.: *Weill C. Étudiants russes en Allemagne: 1900–1914: Quand la Russie frappait aux portes de l'Europe*. Paris: L'Harmattan, 1996. 272 p.

¹⁹ См.: *Gouzevitch I. et D. Etudiants, savants et ingénieurs juifs originaires de l'Empire russe en France: 1860–1940* // Archives juives. 2002. № 35/1. P.120–128; *Idem*. The Difficult Challenges Of The No Man's Land or The Russian Way Towards Women's Engineering Professionalization: 1850s – 1920s // *Quarterns d'Història de l'Enginyeria* (Barcelona). 2000. Vol.4. P.173–241.

²⁰ См.: *Haus B. Les artistes juifs de l'École de Paris ou la conquête de la liberté* // Archives juives. 1998. № 31/2. P.42–60.

Парижской школы. Можно довольно четко проследить судьбу и эволюцию этой творческой группы молодых евреев из России, собиравшихся вокруг академии Васильевой и в монпарнаских кафе, хотя они свободно смешивались с космополитичной богемой Парижа *Belle Époque*. Все это эмиграционное сообщество художников включало русских евреев и собственно русских, как, впрочем, и представителей многих других национальностей. Само космополитичное начало всей группы ставит под вопрос подход, суть которого – изучение еврейских художников как особой группы в истории Парижской школы. Можно все же заметить, что характерным для новых поколений еврейских художников начала века остается стремление жить в крупных центрах, в частности в Париже.

Постоянная циркуляция мигрантов между Россией и Европой, заметная, в том числе, по многоликости евреев во Франции, резко обрывается во время Первой мировой войны. В этот период, одновременно с патриотическим подъемом, резко усиливаются ксенофобия и антисемитизм, нацеленный особенно на эмигрантский квартал Марэ, как то показывают многочисленные жалобы, обращенные «простыми» парижанами в муниципальный совет. В период Священного союза²¹ эмигранты с энтузиазмом готовы были бороться на стороне французов. Впрочем, это желание носило кратковременный характер, ибо было задавлено подозрительностью и даже враждебностью по отношению к ним²². Что касается политических активистов, то их реакция на войну вначале, как это известно, существенно отличалась от группы к группе.

Война, хотя и возродила ксенофобию, одновременно ускорила процесс интеграции евреев в среде дореволюционной эмиграции. Это сказывалось в быстром переходе от статуса полупролетария к статусу ремесленника и даже предпринимателя и подтверждается поколением детей, обучавшихся в республиканской школе и пополнявших ряды средней буржуазии. Таким образом, в эпоху послевоенной волны еврейских эмигрантов эмигрантское сообщество *Belle Époque* уже было включено во французское общество. И причем в такой степени, что ныне уже непросто установить связи, объединявшие эти две эмигрантские волны.

²¹ Union sacrée – имеется в виду начальный период Первой мировой войны, когда в патриотическом порыве объединились представители разных политических партий. (Прим. ред.)

²² См. об этом: Landau P. Les Juifs de France et la Grande Guerre. Paris: CNRS- Éd., 1999.

Исторический контекст, на фоне которого возникла новая волна еврейской эмиграции из Центральной и Восточной Европы, сильно отличался от довоенного. И не только по причинам, которые выбросили ее за пределы бывшей Российской империи, но также и по тому, что она была лишь частью русской эмиграции (известной как «белая эмиграция», представители которой тысячами прибывали во Францию в 20-е гг.). Среди этих беженцев, многие из которых несли факел «Великой России», евреи из России, хотя и были в меньшинстве, представляли собой очень важную составляющую эмигрировавшей элиты, подтверждая таким образом факт социального продвижения немногочисленных еврейских семей в крупных городах бывшей империи: литераторы, юристы, бывшие депутаты, администраторы, многие из которых играли немаловажную роль в общественной жизни русских эмигрантов эпохи революции и Гражданской войны. Примером может служить Марк Вишняк, создатель и один из редакторов «Современных записок» – самого известного литературного журнала эпохи, а также сотрудник «Еврейской трибуны». Деятельность этого выдающегося человека служит иллюстрацией «*identité à trait d'union*»²³, характерной для жизненного пути многих представителей русско-еврейской интеллигенции между двумя войнами.

Укажем также на существование группы российских еврейских юристов, тесно связанных с либеральной элитой русской эмиграции, вплоть до русских масонских лож в Париже. Они играли важную роль в работе Высшего комиссариата по делам беженцев Лиги наций (*Haut Commissariat aux réfugiés de la Société des Nations*), активно помогали в разработке статуса беженцев как для собственно русских, так и для русских евреев в эмиграции, и, в более общем плане, прав человека и прав меньшинств²⁴. Однако эти люди, скорее, исключение – большинство представителей еврейско-русской интеллигенции предпочитали держаться в стороне от русской эмиграции, которую они считали право- и антисемитски настроенной.

Гражданская война и жестокие пограничные конфликты с выраженным антисемитским характером, особенно заметным среди

²³ «Идентификация через дефис» – имеется в виду дефис в сочетании «русско-еврейский». (Прим. ред.)

²⁴ См.: *Kévonian D.* Les juristes juifs russes en France et l'action internationale dans les années vingt // *Archives juives*. 2001. №34/2: Juifs russes à Paris / Sous la dir. de C. Gousseff. P.72–94.

поляков и украинцев и присутствующим, хотя и в меньшей степени, у красных²⁵, вызвал поток беженцев. Из них всего несколько тысяч прибыли во Францию. Они составляли лишь малую часть новой еврейской эмиграции из Центральной и Восточной Европы, большинство которой, по-видимому, были беженцы из нового Польского государства – те, кто стремился уйти от бедности и царившей там нетерпимости. Заметим, что большинство из 170 обществ взаимопомощи, созданных евреями между двумя войнами, были польскими²⁶. Одной из важных характеристик этой эпохи был скачок в развитии культуры на идиш. Появились более 130 журналов на этом языке. Не менее 15 школ с преподаванием на идиш просуществовали до 1939 г. Десять из них опекала компартия. Следует отметить, что рост общественного сознания евреев из Центральной и Восточной Европы стимулировался сильной политизацией эмигрантской среды с заметным влиянием европейских левых движений, и в частности коммунистического.

Как и их предшественники, большинство новоприбывших начинали работать в пошивочных ателье, в обувной и кожевенной промышленности. Новое сообщество «осело» в центре Парижа и в Belleville²⁷ и сформировало благодаря различным формам взаимопомощи свой замкнутый мир. Каков был взгляд на них со стороны? Французское еврейское сообщество, стремившееся к скорейшей ассимиляции иммигрантов, особенно беженцев из Центральной и Восточной Европы, отнюдь не изменило своей позиции в «безумную эпоху» (*Années folles*) и крайне отрицательно смотрело на растущий мир идиш в сердце французской столицы. Дело Шварцбарда – один из примеров этой позиции.

Шварцбард, еврейский довоенный эмигрант с Украины, отомстивший за смерть своих близких, убив Петлюру – виновника многих погромов на Украине во время Гражданской войны, был восхвален еврейской прессой как иностранец, воевавший за Францию во время Первой мировой войны и показавший таким образом высокую лояльность по отношению к принявшей его республике²⁸. Однако дело Шварцбарда послужило правым, антисемитски настроенным силам во Франции в качестве предлога для привлечения

²⁵ В этом отношении свидетельство Бабеля в «Конармии» достаточно убедительно.

²⁶ *Hyman P.* Op. cit. P.122.

²⁷ Район на востоке Парижа. (*Прим. ред.*)

²⁸ См.: *Czeru B.* L'affaire Schwartzbard et la presse juive parisienne: 1926–1927 // *Archives juives*. 2001. №2.

внимания к вопросу о «нежелательных иностранцах». Однако влияние этого дела на общественное мнение накануне Второй мировой войны оказалось сравнительно небольшим. В противовес доброжелательному приему Францией массы иммигрантов в 20-х годах (в 1931 г. во Франции находилось около 3 миллионов иностранцев), в стране, в связи с экономическим кризисом, усилились ксенофобные настроения. Среди наиболее пострадавших оказываются евреи. В течение десятилетия положение ухудшалось. Многочисленные общества, созданные для взаимопомощи и финансирувавшиеся из-за границы, в основном из Америки, оказывались бессильными перед все увеличивавшимся потоком эмигрантов, которые, несмотря на тяжелую ситуацию на рабочем рынке во Франции, продолжали прибывать, особенно из западной, польской, Украины, раздираемой межэтническими конфликтами. В конце 30-х гг. происходит закат «парижского идишланда» («yiddishland parisien»), который ускорится в период немецкой оккупации. Подвергаясь истреблению и исчезая в поисках более гостеприимной земли, эта диаспора в центре Парижа, к которой парижане волей-неволей начали привыкать, становилась историей.

Численность

Любая исследовательская работа, рассматривающая на длительном отрезке времени эмиграцию, прибывшую из России и осевшую во Франции, почти неизбежно приходит к необходимости различения русских нееврейского происхождения и русских евреев. Эта необходимость определяется многими факторами, связанными как с самими причинами отъезда из России, так и с различиями в стиле поведения сообществ, в способах социальной и профессиональной интеграции и, разумеется, в самоидентификации. Нельзя считать случайностью, что множество историков, специализирующихся на изучении этих вопросов, квалифицируют послереволюционную эмиграционную волну как «первую волну русской эмиграции». И это, несмотря на существование до 1914 г. более 35 000 русских, зарегистрированных в ходе французской переписи 1911 г. Эти историки естественным образом считают, что надо отделить собственно русских эмигрантов от тех, кто «происходил из России», но в реальности не рассматривается как представитель русской культуры и носитель русского самосознания. Эти различия, которые ощущаются как необходимые для изучения истории культуры в эмиграции и/или социальной истории эмигрантских сообществ, всегда наталкиваются на проблемы пропорций русских евреев и русских неевреев в статистических данных по эмиграции во Францию.

Проблемы идентификации при подсчете и переписи иностранцев, проводившихся официальной статистикой, и эти проблемы при статистических разработках частных организаций (например, *Alliance israélite universelle*) носят разнопорядковый характер.

Что касается французских государственных источников, то они не дают возможности различить собственно русских, с одной стороны, и русских евреев – с другой, поскольку сведения, связанные с конфессиональной принадлежностью, изъяты из них начиная с 1872 г. Конец этого десятилетия как раз и совпадает с началом значительного увеличения русских. Если в 1861 г. их насчитывается едва ли 2 000 человек, то к концу века эта цифра увеличивается до 15 000 и более, затем удваивается в период между 1901 и 1911 гг. (последняя довоенная перепись)²⁹.

Что касается источников частных благотворительных организаций, которые представляют собой очень важный, хотя и несовершенный индикатор оценки еврейской иммиграции, трудность состоит в неточных данных или в перемешивании стран, из которых приезжали евреи. Так, перепись, произведенная *Asile israélite de Paris* между 1906 и 1911 гг., не различает русских и румынских евреев³⁰. Это замечание может быть применено в более широком плане к исследованиям по еврейской иммиграции во Франции, которые определяют их как выходцев «из Центральной и Восточной Европы»³¹. Правда, до Первой мировой войны евреи из Варшавы, как и евреи из Одессы, часто сами себя определяли как русских евреев, исходя из их прошлой принадлежности к одной империи, в то время как культурное окружение каждой из этих групп было весьма различным. С этой точки зрения кажется вполне закономерным идентифицировать их, используя определение культурного ареала, более широкого, чем собственно Россия.

После войны, с падением империи и возникновением новых национальных государств, ситуация проясняется³². Но этот период

²⁹ Klein-Gousseff C. Op. cit. P. 34–38. Можно констатировать две волны прибытия. Первая – между 1881 и 1891 гг. (экономический спад 1890-х гг. характеризовался общим снижением въезда иностранцев во Францию). Вторая волна – между началом века и Первой мировой войной. Как уже говорилось, в начале Великих миграций Франция была, в основном, страной транзита, но постепенно стала страной оседания, особенно после принятия в Англии закона, существенно ограничившего въезд иммигрантов в эту страну.

³⁰ Hyman P. Op. cit. P. 102.

³¹ См., в частности, Green N. Op. cit.

³² Смотря с какой точки зрения: в некоторых вопросах, наоборот, осложняется. (Прим. ред.)

как раз и соответствует прибытию во Францию множества русских нееврейского происхождения, оказавшихся в изгнании в результате революции и Гражданской войны. Так можно ли, в конечном счете, за неимением точных оценок вычленить основные тенденции, которые характеризуют иммиграцию русских евреев во Францию?

В своей часто цитируемой работе M. Roblin³³ утверждает, хотя и не доказывает, что до Первой мировой войны 75% русских эмигрантов во Франции были евреями. Все данные, которыми мы располагали за этот период, действительно указывают на преобладание евреев среди русских эмигрантов в *Belle Époque*. Среди источников, которыми мы пользовались, надо прежде всего назвать зондирование, проведенное в архивах Центрального бюро русских беженцев (*Office Central des Réfugiés russes, OCCR*) в отношении беженцев, прибывших во Францию до Первой мировой войны³⁴. Среди дореволюционных эмигрантов, зарегистрированных *OCCR*, 63% являются выходцами из еврейской черты оседлости Российской империи (без Польши), а 13% – из Польши. Фамилии и имена подтверждают, что большинство беженцев были евреями. Анализ обустройства и деятельности русских, зарегистрированных французскими переписями начала века (1901, 1906, 1911 г.), также позволяет определить еврейское сообщество как наиболее многочисленное среди русских иностранцев (сильная концентрация в районах парижского Марэ, в квартале Бастилии и в XVIII округе и преобладание ремесленников пошивочных специальностей). В 1918 г. в одном из полицейских рапортов указывается, что из 14 164 удостоверений личности, выданных в Париже с 1917 г. русским, 11 368 касаются лиц, которых автор квалифицирует как «израильских рабочих» («ouvriers israélites»)³⁵.

Вторая большая эмиграционная волна идет с 1922 по 1929 г. В основном это беженцы времен Гражданской войны и пограничных конфликтов и войн (в частности, польско-русской), с их перекройкой границ, возникавшей в результате распада империи. Согласно французским переписям населения (с 1926 по 1936 г.), во Францию

³³ Roblin M. Les Juifs de Paris: démographie, identité, culture. Paris, 1952. Уточним: до 1914 г. ¾ русских проживали в департаменте Сены (перепись 1911 г.).

³⁴ Klein-Gousseff C. Op. cit. Архивы этой организации (*OCCR*), созданной в 1924 г. для выдачи беженцам удостоверений личности, сохранились во Французском бюро защиты беженцев и апатридов (*Office français de protection des réfugiés et apatrides, OFPRA*).

³⁵ Archives de la préfecture de police de Paris. D. 7023 K2: Rapport du chef du service des renseignements généraux à Monsieur le Préfet de Police au sujet de la colonie russe. Paris, 19 janvier 1918.

иммигрировали приблизительно 70 000 русских³⁶. Какую часть из этой массы беженцев могли составлять евреи? Если проанализировать данные источников и документов, оставленных еврейскими иммигрантами между двумя войнами, оказывается, что русские евреи представляли собой незначительное меньшинство в общей массе еврейской иммиграции из Центральной и Восточной Европы. В этот период доминировали представители польского еврейства³⁷. В отличие от дореволюционного, от этого периода истории осталось очень мало документов русских еврейских организаций и еврейской русской периодики³⁸. Проблема русских евреев много раз рассматривалась Верховным комиссариатом по делам беженцев (*Haut-Commissariat aux réfugiés*, HCR – основан в 1921 г. при Лиге наций с целью помощи русским беженцам). Верховный комиссар Ф.Нансен был особенно озабочен судьбой русских беженцев в Польше, где над ними несколько раз висела угроза высылки в Советскую Россию. Он особенно способствовал их реэмиграции в США и часто обращался к французскому правительству с просьбами о принятии русских³⁹. Если учитывать результаты зондирования архивов OCRR и OFPRA⁴⁰, приходится констатировать малую численность русских евреев – иммигрантов в 20-е гг. (около 5% от общего числа, определяемые по именам и месту рождения⁴¹). Надо подчеркнуть, чтобы

³⁶ Считая тех, кто прибыл до 1914 г. Результаты переписей уже неоднократно оспаривались специалистами по рус. эмиграции. Однако они подтверждаются зондированием, проведенным в архивах OCRR (48 000 досье, зарегистрированных между двумя войнами, но эта цифра не учитывает детей). Подчеркнем, что оценка количества рус. беженцев значительно колебалась по периодам. Так, французские делегаты в Лиге наций утверждали в 1924 г., что во Франции находится 400 000 русских, что дает повод сомневаться в надежности переписей.

³⁷ Судя, например, по количеству их обществ взаимопомощи. См.: *Human P.* Op. cit. P.122.

³⁸ В результате серьезного исследования обществ в среде рус. эмигрантов, предпринятого после убийства президента P.Doumer P.Горгуловым, полицейские службы выявили лишь две ассоциации рус. евреев. Из рус. периодики, выходившей во Франции в эту эпоху, Т.Осоргина-Бакунина описала лишь два рус.-евр. издания («Еврейская хроника» и «Еврейская трибуна»). См.: *L'émigration russe en Europe: Catalogue collectif des périodiques en langue russe: 1855–1940.* Paris: IES, 1990.

³⁹ France. Archives MAE. Série Russie-Europe. D.598. P.200–216; D.599. P.191–200; D.600. P.170–174. В 1924 г. Нансен называл цифру 4 000 рус. евреев, принятых Францией.

⁴⁰ Все рус. беженцы, находившиеся во Франции в 1952 г., были зарегистрированы в OFPRA (данные проверки 1 500 досье).

⁴¹ См.: *Klein-Gousseff C.* Op. cit.

хотя бы частично объяснить этот факт, что французские власти в этот период всячески способствовали иммиграции русских беженцев, эвакуировавшихся в 1920 г. с берегов Черного моря в Константинополь, а затем на Балканы. Французское правительство, через свой Генеральный штаб в Турции, было непосредственно вовлечено в решение судеб этой массы беженцев. Однако оно всячески сдерживало реэмиграцию во Францию беженцев, которые нашли убежище в Польше⁴². Должно быть проанализировано множество других причин, чтобы объяснить уменьшение пропорции русских евреев в рамках всего иммиграционного потока (выбор других направлений; относительное ослабление еврейской эмиграции в новой ситуации, сложившейся в Советской России, и др.).

Заключая наш краткий обзор, можем резюмировать, что сообщество русских евреев во Франции являлось неотъемлемой частью населения этой страны в *Belle Époque*, в то время как после войны оно стало весьма малочисленным и было ассимилировано как в идишеговорящей среде Парижа, так и, отчасти, в русской нееврейской эмиграции⁴³.

⁴² Об этом свидетельствует большое количество жалоб польского правительства, адресованных в *HCR*, см.: GARF, coll. SDN, f. 7067, op.1, d.175. С учетом распада Российской империи французские власти в начале 20-х гг. полагали, что большинство русских, зарегистрированных в Польше, проживали там и ранее и просто стали новым национальным меньшинством. В конце этого десятилетия число прибывавших из Польши резко выросло по сравнению с количеством беженцев из других стран.

⁴³ Прекрасная иллюстрация этому – профессиональные ниши, которые занимала евр. интеллигенция в рамках рус. эмиграции, начиная с профессии юриста. См.: *Kévonian D. Op. cit.*

Бунд в Париже, 1898–1940¹

Клоди Вейл (Париж)

История Бунда² за границей состоит из двух отдельных, хотя и взаимосвязанных частей. Во-первых, речь идет о руководстве партии, которое под давлением репрессий вынуждено было бежать за границу, и, во-вторых, о группах содействия, которые рекрутировались в русских, а позже польских колониях разных городов Западной Европы, в том числе в Париже. Отдельный вопрос – влияние на эти группы изменений в Бунде, связанных с войной и революцией. Разумеется, в той мере, в какой эти катаклизмы их коснулись.

1. Бунд в зарубежье

Общая ситуация до 1917 г.

За границей у Бунда (как и у других революционных партий), был свой Заграничный комитет, деятельность которого хотя и отличалась от деятельности групп содействия, но все-таки пересекалась с ней. «Заграничный комитет являлся на самом деле институтом партии <...> Это было официальное представительство Бунда за границей, все его члены были назначены Центральным комитетом (курсив наш. – Ред.)»³. Из полуофициального филиала Бунда России Заграничный комитет с декабря 1898 г. – после II съезда Бунда⁴ – стано-

¹ Перевод Максима Гузевича, доп. и коммент. Дмитрия Гузевича.

² Бунд – Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России (т.е. в Российской империи). Основан в 1897 г. Бунд не рассматривал евреев как единый народ и выдвигал требование гражданских прав и культурной автономии только для евреев Российской империи. На Украине Бунд в 1919 г. слился с коммунист. партией. В Советской России Бунд в 1920–21 гг. раскололся на правых, значительная часть которых эмигрировала, и левых, которые ликвидировали свою организацию и были частично приняты в РКП(б). В Варшаве в 1914 г., после германской оккупации русской Польши, возник Комитет бундовских орг-ций Польши. В 1920 г., после присоединения к нему Еврейской социал-демократической рабочей партии Галиции, известной под неофициальным названием Галицийский Бунд, возник объединенный Бунд Польши, существовавший легально до 1939 г. См. библиогр.: Отечественная история: Энцикл. Т.1. М.: БРЭ, 1994. С.480–481; Краткая евр. энцикл. [КЕЭ]. Т.1. С.558–562.

³ Medem V. The Life and Soul of a Legendary Jewish Socialist / Ed. Samuel A. Portnoy. New York: KTAV Publishing House, 1979. P.299.

⁴ Подробнее см.: Еврейская энцикл. Т.5. СПб., [1909]. Стб. 94–104.

вится его официальным представителем и приобретает определенную автономию по отношению к Союзу русских социал-демократов за границей⁵. Начиная с осени 1903 г. и в течение последующих 14 лет бюро Комитета Бунда располагается в д. 80 на ул. Каруж (Carouge) в Женеве, по которой его и прозвали «каружка». «Он был сердцем и нервным центром всей нашей заграничной организации». Там находилась типография и редакция изданий Бунда за рубежом (*Последние известия*; *Der yiddisher Arbeter*; *Вестник Бунда*; *Отклики Бунда*). Там же принимали товарищей, приезжавших из России «чтобы отдохнуть или немножко подучиться». Это был центр, координировавший всю сеть связей с Интернационалом и другими социалистическими партиями⁶.

Закупка оружия для групп самообороны в России была одним из важнейших направлений деятельности Заграничного комитета, и многие деятели Бунда превратились в его настоящих коммивояжеров⁷. А вот группы содействия к этому отношения не имели.

«В течение четырех лет, проведенных за границей⁸, я произносил речи на дюжинах митингов в разных колониях Швейцарии, Германии, Франции, Бельгии», — вспоминает В.Медем⁹, теоретик и один из руководителей Бунда. Вместе с Рафаилом Абрамовичем¹⁰ он объяснял в «колониях», почему Бунд покинул РСДРП в 1903 г. После возвращения в Женеву Медем снова взял посох странника. «Я много путешествовал, как и во время первых четырех лет, проведенных в Швейцарии. Каждую зиму я совершал длительное лекционное турне. Сюжеты моих докладов были следующими: “Социальные тенденции в еврейской жизни”, “Современное искусство и марксистская критика”, “Пролетарский сионизм”, “Национальный вопрос в России”»¹¹. Как и

⁵ Создан в 1894 г. по инициативе группы *Освобождение труда*. См.: Tobias H. The Jewish Bund in Russia: From its Origins to 1905. Stanford: Stanford UP, 1972. P.92–93.

⁶ Medem V. Op. cit. P.300–301.

⁷ Tobias H. Op. cit. P.234.

⁸ До возвращения в Россию во время революции 1905 года.

⁹ Медем Владимир Давидович (псевд. Гринберг, Гольдблат; 1879, Либава – 9.1.1923, Нью-Йорк), член Заграничной делегации Бунда; с 1920 г. – в США. КЕЭ. Т.5. С.197–199; Росс. евр. энци. [РЕЭ]. Т.2. М., 1995. С.261; События социализма: Революция в России и евреи. Париж; М., 1995. С.517–521.

¹⁰ Абрамович (наст. фам. Рейн) Рафаил Абрамович (21.7.1880, Динабург – 11.4.1963, Нью-Йорк), член Бюро исполк. РСИ, Загран. делег. РСДРП Бунда; во Франции – в 1933–40 (КЕЭ. Т.1. С.11; РЕЭ. Т.1. С.12; Социалист. вестн. [СВ]. 1930, 26.7. №14. С.16; 1963. №5/6. С.63–70; Полит. деятели России: 1917. М., 1993. С.9).

¹¹ Medem V. Op. cit. P.302, 466.

сторонники других революционных партий, «колонии» Бунда постоянно требовали лекций, организуемых центральными инстанциями¹².

Война в Европе и революция в России положили конец существованию Комитета с ул. Saouge в Женеве и групп содействия Бунду. И все же, не осталось ли деятелей, которые обеспечивали бы связь между до- и послереволюционной эмиграцией?

Общая ситуация после 1917 г.

Революционный переворот глубоко изменил облик Бунда и РСДРП в целом. В России, на Украине, в Белоруссии появились под разными именами союзы бундовцев¹³ с большевиками, а в Польше многие деятели Бунда просто присоединились к компартии. Здесь же, в результате слияния в 1920 г. Бунда русской Польши и Галицийского Бунда¹⁴, родился главный наследник Бунда Российской империи. И на него начнут постепенно переориентироваться заграничные группы.

В странах, возникших на обломках Российской империи (в частности, в Латвии и Литве), тоже появились местные Бунды.¹⁵ Так, Абрамович представлял Латвийский Бунд на Венской конференции, где создавался Двухсполовинный интернационал¹⁶ в феврале 1921 г.¹⁷ В результате возникла парадоксальная ситуация: если до

¹² О РСДРП и партии эсеров см.: Weill C. *Marxistes russes et social-démocratie allemande: 1898–1904*. Paris: Maspero, 1977; Weill C. *Etudiants russes en Allemagne: 1900–1914*. Paris: L'Harmattan, 1996.

¹³ Мы затруднялись в форме перевода фр. «bundiste». Ныне используется слово «бундовец». Однако ранее превалировала форма «бундист». Так, в *Красном архиве* в 1922 г. в одном тексте находим обе формы. *Социалистич. вестн.* в 1938 и в 1948 гг. придерживается формы «бундист», но вдруг в 1942 г. всплывает форма «бундовец» (Красный архив. Т.1. 1922. С.323–324; СВ. 30.7.1938, №13/14. С.18; 31.8.1942, №15/16. С.207; 20.5.1948, №4/5. С.85–86). Поэтому с уверенностью сказать, как себя сами на русском языке называли члены Бунда, мы не можем. Скорее все же, – «бундисты».

¹⁴ Галицийский Бунд – Еврейская социал-демократическая рабочая партия (ЕСДРП) в Галиции (см.: КЕЭ. Т.1. С.561). См. прим. 2.

¹⁵ См.: СВ. 20.10.1927, №20. С.16; 10.11.1927, №21/22. С.22.

¹⁶ Двухсполовинный Интернационал, или Венский (Международ. рабочее объединение социалист. партий), создан на конф. центристских партий и групп (Вена, 22–27.2.1921), порвавших с Бернским интернационалом (осн. 3–10.2.1919 в Берне) как прямым наследником II Интернационала. В мае 1923 г. они объединились в Рабочий социалистический интернационал (РСИ), просуществовавший до Второй мировой войны. Преемником РСИ является Социалистический интернационал (осн. в 1951 г.).

¹⁷ Абрамович Р. *Меньшевики и Социалистический Интернационал: 1918–1940 годы* // *Mensheviks* / Ed. Yuri Felshtinsky. Benson; Vermont: Chalidze Publications, 1988. P.271.

войны другой социал-демократической еврейской партии, *Поалей Цион*, было отказано в приеме во II Интернационал, ибо как международная партия она не соответствовала национально-территориальным критериям этого института, то *Бунд* после революции 1917 г. *de-facto* сам стал «маленьким Интернационалом». Причем официально взаимоотношения между национальными секциями очень походили на довоенные взаимоотношения галицийского и российского *Бунда*, между которыми не было глубокой связи. Последний, практически уже не существовавший в России, не был представлен на конгрессе РСИ в Гамбурге в 1923 г. Существование за границей русского социал-демократического *Бунда* подтверждается документами, как минимум, до 1924 г. Так, например, в 1922 г. *Делегация Бунда* (представленная И.Юдиным–Айзенштадтом¹⁸) вместе с *Делегациями меньшевиков*, левых и правых эсеров призывает социалистические партии и западные рабочие организации поддержать обвиняемых на «процессе эсеров» в Москве. В мае 1924 г. она участвует в расширенном пленуме ЦК РСДРП в Берлине, на котором была принята платформа партии¹⁹. Но при этом сами бундовцы и бывшие бундовцы участвуют в *Заграничной делегации РСДРП*, находившейся в Берлине до 1933 г., затем в Париже до 1940 г., начиная с Р.Абрамовича, который становится одним из главных руководителей, и заканчивая Юдиным–Айзенштадтом (который умирает в 1937 г.) и Григорием Аронсоном. Что это: слияние *Бунда* и РСДРП или конец бундовской автономии? Что же касается польского *Бунда*, то он вошел в эту организацию лишь в 1930 г.²⁰

Типология групп содействия *Бунду* в Западной Европе

В 1908 г. на Базельском конгрессе организаций содействия РСДРП за границей была предложена типология этих групп из трех категорий²¹, которая, по моему мнению, подходит и для *Бунда*.

Первая категория – чисто рабочие группы (Стокгольм, Антверпен, Лондон). Вторая – смешанные группы (Швейцария, Франция). Третья – чисто студенческие группы, которые, насчитывая меньше членов, собирали бóльшие фонды (Германия).

¹⁸ Айзенштадт Исая Львович (псевд. И.Юдин, Ю.Дин; 1866, Вильна – 1937, Париж), член ЦК Бунда и с 1917 – РСДРП. В 1922 г. выслан в Германию. С 1933 г. – во Франции. Член *Заграничной делегации РСДРП и Бунда* (РЕЭ, т.1. с.29; СВ, 26.2.1927, №4, с.16; 11.2.1937, №3, с.14).

¹⁹ The Mensheviks: From the Revolution of 1917 to the Second World War. Chicago; Londres: The University of Chicago Press, 1974. P.257, 311.

²⁰ Решение было принято на V чрезвычай. съезде польского *Бунда* в Лодзи 2.6.1930 (СВ. 1930, 14.6. №11. С.7–8).

²¹ Протоколы Базельского съезда заграничных групп РСДРП / Изд. ЦБЗГ РСДРП. Paris: Rédaction du Socialisme, 1909.

«Что значило на самом деле быть *бундовцем* в Берне, в Швейцарии, где не было рабочего еврейского движения?» – задается вопросом Владимир Медем во время своего пребывания за границей²². Этот вопрос указывает на то, что руководители партии считали законными деятелями *Бунда* лишь рабочих²³. Но еврейская рабочая миграция на Запад из Российской империи начинается сравнительно поздно. К тому же внимание партии поначалу было направлено на эмиграцию за океан²⁴ и лишь затем переключилось на рабочих, осевших в Западной Европе.

Параллельно с еврейской рабочей эмиграцией увеличивается число еврейских студентов в высших учебных заведениях Европы. Для них важную роль играют дискриминационные меры типа *numerus clausus* – процентной нормы при поступлении в учебные заведения и репрессии, которым подвергались оппозиционно настроенные студенты. За границей рабочие и студенты вместе с революционными деятелями вливаются в конспиративные группы содействия *Бунду*.

Посторонние лица не только не знали о том, кто принадлежал к этим группам, но и само их существование было глубоким секретом. Эту засекреченность подтверждает Герш Мендель²⁵. Обращаясь к *Клубу бундовцев* с ул. Ferdinand Duval (недалеко от rue des Rosiers²⁶), он вынужден был доказывать, что действительно являлся полит-

²² Medem V. Op. cit. P.222.

²³ Напоминаем: *Бунд* – это «рабочий союз». И руководство исходило из этого положения, иногда с догматическим упорством.

²⁴ В Новый Свет направлялась подавляющая часть еврейской трудовой эмиграции. По офиц. данным, в 1881–1900 гг. в США из Рос. империи (без Польши) прибыло 718 572 иммигранта. А за 1881–98 гг. со всей Польши (включая германскую и австро-венгерскую) – 148 526 чел. Таким образом, можно считать, что всего из Рос. империи в США за 1881–1900 гг. прибыло примерно 850 тыс. чел. По другим данным, среди них 587 406 евреев (ок. 70%), а в 1901–07 гг. к этому числу добавилось 533 293 чел. В 1900–02 гг. ежегодно выезжало ок. 37,5 тыс. евреев, после Кишиневского погрома (апрель 1903 г.) – 47,7 тыс., в 1904 – 77,5 тыс., в 1906 – 125,2 тыс. чел. (Соколов А. Российская трудовая эмиграция в Америке в последней четв. XIX в. // Сов. этнография. 1986. №2. С.95–104; Евр. энцикл. Т.2. СПб., [1908]. С.232–238). Дан Харув в т. 6 *РЕВЗ* (с.350–355) приводит еще ряд дополнительных цифр: за 1820–80 гг. из России в США эмигрировал 48 601 еврей. Туда же направилось 80% из 2-миллионного потока еврейских эмигрантов, которые покинули Россию в период 1881–1914 гг. Немало людей направлялись также в Канаду и в Латинскую Америку, особенно в Аргентину.

²⁵ Mendel Hersh (1893 – 22.7.1968, Израиль), участник еврейского и революц. движений, автор мемуаров.

²⁶ Это и поныне часть еврейского квартала в Париже. (Прим. перев.)

эмигрантом²⁷. Более того, как и в российской социал-демократии в целом, многие участники групп содействия *Бунду* не были членами партии. В 1903 г. «некоторые товарищи предложили, чтобы группы были формально признаны в качестве организаций партии; но в этом было отказано, так как члены этих заграничных кружков еще только готовились к настоящей партийной деятельности, а такая деятельность могла иметь место лишь в пределах России, среди массы еврейских рабочих. Таким образом, мы оказались за пределом настоящих рядов партии»²⁸.

Эта ориентированная на рабочих позиция *Бунда* отрицательно влияла на престиж групп содействия и уменьшала их роль в партийной работе. С другой стороны, исключительная ориентировка *Бунда* на борьбу собственно на территории Российской империи при недостаточном внимании к эмигрантской среде, несмотря на наличие групп содействия, оставила свободным поле деятельности для конкурентов, а именно анархистов, действовавших в рамках рабочего еврейского движения в тех заграничных «колониях», где рабочие были в большинстве. Как раз с этим, как мне кажется, был связан тот факт, что в какой-то момент большое внимание стало уделяться студенческим группам: *Объединенная организация групп содействия Бунду* родилась из решения усилить внимание к пропаганде в среде интеллигенции. И «студенческие колонии за границей представляли собой весьма благодатную почву для такой деятельности», — отмечал Генри Тобиас, — ибо «в колониях было больше студентов и интеллигенции, чем рабочих»²⁹.

Важность студенчества как питательной среды, из которой выйдут будущие кадры рабочего и социалистического движения Российской империи, подтверждается Осипом (Иосифом) Пятницким (1882–1939), большевистским деятелем, который руководил переправкой изданий РСДРП из-за границы в Россию³⁰. Он проживал в Берлине, Лейпциге, потом в Париже: «Без студенческих организаций группы содействия не могли бы существовать; организация разрешенных вечеринок, конференций и т.п. была возможна лишь под крышей павильона Союза русских студентов <...>. В Германии, Бельгии и даже в Швейцарии в группах этого периода студенты составляли большинство. Более того, эти группы и действовали в

²⁷ Mendel Hersh. Mémoires d'un révolutionnaire juif / Préf. d'I. Deutscher; annoté et traduit du yiddish par B. Suchecky. Grenoble: PUG, 1982. P. 134.

²⁸ Medem V. Op. cit. P. 299.

²⁹ Ibidem. P. 223; Tobias H. Op. cit. P. 93.

³⁰ См.: ВОСР. М., 1968. С. 358.

основном в среде русских студентов»³¹. В этой области Бунд также оказался более организованным, чем РСДРП в целом: в 1913 г. состоялся уже VIII съезд *Объединенной организации рабочих союзов и групп содействия Бунду за границей*. Первая встреча проходила в Берне 2 января 1902 г.: «Это было первое собрание кружков Бунда, прибывших из разных колоний <...>. Конференция постановила объединить группы Бунда и поручила бернскому кружку создать Центральное бюро. Я (Медем. – К.В.) стал первым секретарем этой новой организации. Она существовала до революции 1917 г., когда Заграничный комитет Бунда и *Союз русских социал-демократов за границей* были полностью распущены»³².

Роль этой организации в студенческой среде становится понятной из директив, появлявшихся в начале второго десятилетия века. Так, в 1911 г. ее Центральное бюро выпускает циркуляр (№126): поставленное перед фактом «появления еврейских студенческих организаций в целом ряде заграничных колоний», оно снова подтверждает свой интернационализм и противится слиянию с чисто идеологическими межпартийными ассоциациями, такими, как *Сепн*³³, *Поалей Цион*, общие сионисты, сионисты-социалисты, которым должны быть противопоставлены кружки, союзы и клубы Бунда³⁴.

В конце 1913 г. эта проблема вновь обсуждается на упомянутом выше VIII съезде. Бунд выходит из изоляции и противостоит разделению на евреев и неевреев, стараясь одновременно распространять знание о «социальном движении, еврейской действительности, культуре и языке», в «еврейских культурных секциях» международных (российских) студенческих организаций, призываемых бороться «против ассимиляторских и националистических тенденций»³⁵.

Специфичность организации связана еще и с функциями, которые были определены партией группам содействия: «*Собирать средства, публиковать тексты, подготавливать кадры для организационной работы в стране <...> переправлять деньги и литературу (с помощью всех существующих контрабандных способов), посылать и получать письма. Литература либо ввозилась прямо через немецкую или австрийскую границы, либо пересылалась по почте в закрытых конвертах. Мы использовали конверты с грифами разных коммерче-*

³¹ Piatnitsky O. Souvenirs d'un bolchevik: 1896–1917. Paris: Bureau d'éditions, 1931. P.188, 227.

³² Tobias H. Op. cit. P.166; Medem V. Op. cit. P.241.

³³ Социалистическая еврейская рабочая партия.

³⁴ Отклики Бунда. 1911. Февр. № 5. С.16.

³⁵ Безпартийные организации и Бунд // Студенческий листок. 1914. 11.2. №5/6. С.9 и далее.

ских фирм. Чтобы не слишком притягивать внимание цензоров российской почты <...> мы их (конверты. – Д.Г.) распределяли между нашими группами в разных зарубежных городах, откуда их посылали в Россию»³⁶. Этой же системой пользовались и другие социалистические и революционные партии, например РСДРП и ПСР (эсеры). Особенно много литературы посылалось в чемоданах с двойным дном³⁷.

Русские «колонии» в Европе имели кассы, часто межпартийные, для политэмигрантов, пленных и беженцев. Заметим, что в своем детальном описании деятельности групп содействия Медем упоминает об этом только, когда говорит о подготовке, которую проходили эмигранты для работы в России³⁸. Остается отметить, что сбор средств, в котором, если верить РСДРП, специализировались группы содействия, являлся главным видом их деятельности.

Бунд за рубежом все более разветвлялся: Женева «была центром наших групп за границей, сеть которых расширялась день ото дня, по мере того как наш аппарат распространялся по миру. Много ответвлений было создано в Америке, где они объединялись в *Центральную Лигу*»³⁹. Ряд групп появился в Южной Африке. У нас были даже регулярные контакты с Австралией»⁴⁰. Как отражение географической экспансии, на VI съезде *Объединенной организации рабочих союзов и групп содействия Бунду за границей* (1907) насчитывалось 19 таких зарубежных групп (из них 9 – в Германии)⁴¹.

2. Бунд в Париже

Париж был не единственным городом во Франции, где существовали организации *Бунда*. Но, пожалуй, это был самый яркий вариант «смешанного случая», если исходить из представленной выше классификации. Версии о составе и времени появления бундовской группы различны. П.Шмайер указывает 1900 г. как дату появления *Бунда* в Париже в рамках *Рабочего и социалистического культурного общества* одновременно с группой, состоящей из интеллигенции и студентов. Последняя вошла в 1904 г. в группу *Кемпфер* вместе с третьей организацией, созданной в 1902 г. (версия, принятая

³⁶ Medem V. Op. cit. P.222, 302.

³⁷ См.: Tobias H. Op. cit. P.93–94.

³⁸ Но Тобиас отмечает сбор денег за рубежом для политических заключенных и их семей (Op. cit. P.94).

³⁹ Central Union of Bund Organizations in the United States (см. Tobias H. Op. cit. P.241).

⁴⁰ Medem V. Op. cit. P.301.

⁴¹ Brachmann Botho. Russische Sozialdemokraten in Berlin: 1895–1914. Berlin: Akademie Verlag, 1962. S.68.

Н.Вейнштоком)⁴². Ненси Грин более осторожна: «Судя по всему, в Париже в 1898 году при поддержке русского *Бунда* появились две секции *Бунда*⁴³. Одна состояла из интеллигенции и студентов (говоривших на русском или на польском), а другая – из рабочих (говоривших на идиш) под названием *Кемпфер*» (курсив наш. – Д.Г.). Местом встреч и конференций⁴⁴ служила библиотека *Бунда* в «Pletzl»⁴⁵. Однако существует листовка, из которой следует, что группа *Кемпфер* праздновала свой десятилетний юбилей 13 января 1912 г.⁴⁶. В Париже 9 февраля 1913 г. сотней человек создается *Общество взаимопомощи* наподобие американского или лондонского *Arbeter Ring*⁴⁷. Является ли эта организация анархистской, бундовской, сионистской или смешанной? *Arbeter Ring* во всем мире служил, как правило, для обозначения бундовских групп, несмотря на то, что несколько позже это название присвоили себе коммунисты.

В Париже, как и в Лондоне, конкуренция с анархистами была очень сильна: Герш Мендель, бундовец, по прибытии в Париж переходит к анархистам – первым из длинной череды перебежчиков. Правда, опять же в Париже, в 1934 г. он принял решение вернуться в лоно польского *Бунда*, на его коренную территорию. В области культуры соперничество выражается в том, что еврейские анархисты, бундовцы и сионисты социал-демократы создают, скажем, конкурирующие театральные труппы⁴⁸.

Что касается профсоюзов, то бундовцы, имеющие широкую поддержку среди меховщиков, организуют *Еврейскую профсоюзную секцию*. Иммигранты «привезли с собой бундовскую идеологию, которая, несмотря на то, что не преобладала в Париже до 1914 г., придает, тем не менее, особый оттенок полемике иммигрантов с *CGT*⁴⁹»: *Бунд* предпочитал, чтобы еврейские профсоюзы были авто-

⁴² Szmajer Pinches. Contribution à l'histoire du Bund à Paris // Combat pour la diaspora. 1980, 3e trim. №4. P.51–60; Weinstock N. Le pain de misère: Histoire du mouvement ouvrier juif en Europe. Vol.2. Paris: Maspero, 1986. P.54–55.

⁴³ Не лучше ли говорить о группах содействия русскому *Бунду*?

⁴⁴ Green Nancy L. Les travailleurs immigrés juifs à la Belle Epoque: Le «Pletzl» de Paris. Paris: Fayard, 1984. P.135.

⁴⁵ Pletzl (местечко) – парижский квартал ашкенази (евреев из Восточной Европы) в Марэ (р-н Тампля); с севера очерчивается rue des Rosiers, с запада – rue Vieille-du-Temple, с востока – rue de Fourcy и выходит на Сену (Green N. Op. cit.).

⁴⁶ Ненси Грин цитирует: Kurski Franz. Unser Štime. Paris, 1939; листовка находится в Архиве *Бунда* в Нью-Йорке (Op. cit. P.305 и примеч.).

⁴⁷ Green N. Op. cit. P.217.

⁴⁸ Green N. Op. cit. P.109.

⁴⁹ Confédération Générale du Travail – Всеобщая конфедерация труда во Франции; существует и поныне.

номными (такие же требования у него были в политической области внутри РСДРП), боясь, что еврейские рабочие «растворятся» в рабочем французском движении. «До 1914 г. еврейским профсоюзным движением (синдикалистами) руководило *Межсекционное бюро (Intersektionen Bjuro)*⁵⁰. Затем, между двумя войнами, ему на смену пришла *Межпрофсоюзная комиссия (Intersindikale Komisie)*. Между политической эмиграцией и профсоюзным движением было довольно четкое разделение, и они не смешивались. Редкое исключение представлял Марк Либер⁵¹. С одной стороны, он имел очень высокий авторитет в среде еврейских синдикалистов. С другой стороны, представлял вместе с Медемом и Абрамовичем второе поколение руководства *Бунда* и единственный из них остался в России после Октябрьской революции».

В целом, по сведениям полиции, в Париже в 1907 г. *Бунд* насчитывал 300 членов⁵². Его история в столице Франции остается отрывочной, особенно в том, что касается удельного веса студентов-бундовцев в колонии, где сосуществовали также социалисты-революционеры, большевики и меньшевики. Так, в русской библиотеке на авеню des Gobelins в Париже, как и в Лейпциге, за управление боролись студенты и политэмигранты⁵³.

Между двумя войнами в Париж прибыло множество польских евреев. Однако они не оказали особого влияния на «национальную» концепцию, характерную для движения рабочих, говоривших на идиш. Но представление о Российской империи как об общем для них ориентире стремительно теряло основу.

Течения в эмигрантской среде множатся, в частности, в связи с переходом к коммунистам, как в Польше, так и в России, многих деятелей *Бунда*. Так, *Культурная Лига*, созданная в 1922 г., первоначально объединяла бундовцев, левых поалей-ционистов и коммунистов. Раскол происходит в 1925 г., когда эта организация оказывается в руках последних. Бундовцы и поалей-ционисты из нее выходят

⁵⁰ Jewish Workers in Modern Diaspora / Ed. Nancy L. Green. Berkeley; Los Angeles; Londres: Univ. of California Press, 1998. P.8.

⁵¹ Марк Либер (наст. имя Михаил Исаевич Гольдман; 24.5.1880, Вильно – 4.10.1937, Алма-Ата), один из лидеров и основателей *Бунда*. С 1904 г. – чл. ЦК *Бунда*, с 1907 г. – чл. ЦК РСДРП; в 1920-х гг. – один из руководителей меньшевист. подполья в СССР. В 1937 г. расстрелян (КЕЭ. Т.4. С.793–794; РЕЭ. Т.2. С.169; Соблазн социализма <...>. С.503–504; Полит. деят. России: 1917 <...>. С.189–191).

⁵² Green N. Op. cit. P.135, 202, 223–224.

⁵³ Tchernoff J. Dans le creuset des civilisations. Vol.4: Des prodromes du bolchevisme à une Société des nations. Paris: Rieder, 1938. P.284.

и создают две отдельные собственные культурные организации⁵⁴. Конкуренция очень сильна и в других областях. «Например, существовали три молодежные организации: одна – коммунистическая, другая – сионистская – *Еврейская молодежь (Jeunesse juive)*, и третья – бундовская (*Cukunft*). Существовала также еще одна бундовская организация, имевшая спортивный характер, – *Morgenstern*»⁵⁵. Отражается это и в прессе на идиш. Во Франции между 1923 и 1940 гг.⁵⁶ выходило как минимум 127 изданий на этом языке. Из них три основные газеты сосуществовали в 30-е гг.: *Parizer Haynt* (газета сионистов), *Naie Presse* (коммунистов) и *Unzer Štime* (бундовцев)⁵⁷.

Arbeter Ring появляется снова на политической арене лишь в 1929 г. и считает себя «эманацией» польского *Бунда*⁵⁸. Он носит название *Arbeter Ring – Cercle amical*. В его помещении располагается библиотека Медем (отсюда – *Клуб Медем*), в которой русскоязычные книги были довольно малочисленны. Таким образом, определенная дистанцированность от русских партий налицо. Но означает ли это обрыв всех связей, например с меньшевиками?

Ссылка и эмиграция являются часто своеобразными хранилищами импортированных форм общественной жизни и культуры, в частности языка. О разрыве такой языковой преемственности можно пожалеть в связи с *Федерацией еврейских обществ Парижа (Fédération des sociétés juives de Paris)* и, особенно, *Клуба Медем* (т.е. бундовцев), где с 1933 г. выступают меньшевики Португейс (Степан Иванович, руководивший вместе с Потресовым правой группой *Заря*, бывшей вне партии) и Григорий Аронсон⁵⁹, также правый, но действовавший в рамках *Зарубежной делегации РСДРП*. Язык этих встреч, в которых участвуют представители партий из бывшей Российской империи, – почти исключительно идиш, редко французский, но никогда... русский⁶⁰.

⁵⁴ Benain A. Les rapports à la Russie des immigrés yiddishophones parisiens // Евреи России – иммигранты Франции. М.; Paris; Jérusalem, 2000. P.141.

⁵⁵ Jewish Workers in Modern Diaspora... P.151.

⁵⁶ Bunim Sch. Russes et Juifs dans les colonnes de *Parizer Haynt* des années 20 et du début des années 30 // Евреи России – иммигранты Франции. P.152.

⁵⁷ Brossat Alain, Klinberg Sylvia. Le Yiddishland révolutionnaire. Paris: Balland, 1983. P.93.

⁵⁸ Weinstock N. Op. cit. Vol.III. P.134.

⁵⁹ См. о нем: Серман И. Григорий Яковлевич Аронсон // ЕВКРЗ. Т.4. Иерусалим, 1995. С.528–537.

⁶⁰ Кельнер В. Каждый месяц в Café de la Paix: Объединение русско-еврейской интеллигенции в Париже <...> // Там же. С.539–540.

И все же связи *Бунда* с Россией и российскими партиями разорваны не полностью. Так, *Medem Farband* (другое название *Клуба Медем*) организует 17 марта 1938 г. митинг протеста против Московских процессов, на котором присутствуют 600 человек и на который приглашают Федора Дана, одного из руководителей меньшевиков (был вынужден отказаться из-за болезни)⁶¹. Когда же этот последний отделяется от *Зарубежной делегации РСДРП и Социалистического вестника*, органа РСДРП, *Unzer Stimme* предлагает ему постоянное сотрудничество, так как его позиции в Интернационале очень сходны с позициями польского *Бунда*⁶². В некрологе, посвященном Дану, Ф.Курский⁶³, во имя их общего прошлого, делает из него почти почетного бундовца.

Судьба архивов *Бунда* и РСДРП была тоже единой: Ф.Курский пользовался тем же каналом – французским посольством, что и Борис Николаевский для социал-демократической партии Германии (SPD) и РСДРП, архивы которых он переправил во время прихода к власти нацистов из Берлина в Париж. В 1951 г. остатки этих архивов после долгих приключений прибыли в Нью-Йорк⁶⁴. Общность судьбы политических беженцев бывшей Российской империи таким образом не была прервана, тем более что большинство меньшевиков были не ортодоксальными евреями. Опасность, которая нависла над ними и как над евреями, и как над социалистами, заставила *Jewish Labor Committee* помочь им в получении американских виз.

Более проблематичными кажутся взаимоотношения между политэмигрантами, среди которых процент евреев был чрезвычайно высок, и еврейскими рабочими, говорившими на идиш⁶⁵. Эти взаимоотношения характеризуются и их объединениями, и разделением, но и здесь *Бунд* являлся организацией, символизирующей глубокий симбиоз обеих групп. Ну а Париж был ареной, на которой происходило действие.

⁶¹ СВ. 1938. № 6.

⁶² *Dan Theodor. Letters: 1899–1946 / Éd. Boris Sapir. Amsterdam: Strichting Internationaal Instituut voor Sociale Geschiedenis, 1985. P.516.*

⁶³ Франц Курский, он же Maximillian Blumin Kursky, урожденный Шмуэль Коэн (1874, Прибалтика – 17.1.1950, Нью-Йорк), в эмиграции с 1906 г. Видный деятель *Бунда*, основоположник и хранитель архива этой организации. См.: Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–1999 <...>. Т.3. М.: РГБ, 2001. С.652; The National Union Catalog Pre-1956 Imprints. Mansel, 1973–74. Vol.287. P.588; Vol.309. P.147.

⁶⁴ *Web M. Between New York and Moskow: the Fate of the Bund Archives // Jewish Politics in Eastern Europe: The Bund at 100. Hampshire, 2001. P.248–250.*

⁶⁵ Напоминаем: эта эмиграция носила не политический, а трудовой характер, усиленный религиозными и национальными проблемами.

Политическая активность еврейских студентов из Восточной Европы в Нанси¹

Филипп Букара (Париж)

В ходе исследования, посвященного еврейскому рабочему движению в Лотарингии [1], удалось собрать ряд данных о зарубежных еврейских студентах в Нанси, что перекликается с работой, начатой Ириной и Дмитрием Гузевичами².

Здесь мы лишь коснемся эпохи Российской империи. Речь главным образом пойдет о периоде между двумя войнами, когда в Нанси в основном приезжали студенты из уже независимой Польши и, в меньшей степени, из других стран Восточной Европы³. Изучение этого социоисторического феномена на протяжении более длительного периода представляет бесспорный интерес.

Один из современников-свидетелей ретроспективно приводит удивительные цифры, оценивая число членов *Ассоциации еврейских иностранных студентов Нанси* в ее лучшие годы – перед Второй мировой войной – в 1200–1300 человек [2]. Эта, на первый взгляд маловероятная цифра подтверждается другими источниками. Так, официальная статистика показывает, что в 1931 г. среди 5 062 учащихся университета Нанси было 2 134 иностранных студента [3], а всего в этом году французские вузы приняли 17 000 юношей и девушек, приехавших из-за границы [4]. Для сравнения: согласно одному из источников, рассказывающему о политическом еврейском движении, в 1930 г. в Париже насчитывалось 2 000 иностранных еврейских студентов [5].

¹ Перевод Максима Гузевича. Комментарии Дмитрия Гузевича.

² Мы предполагаем опубликовать результаты этого исследования в следующем томе *РЕВЗ*. (Ред.)

³ В этом потоке было два поколения. Первое родилось еще в Российской империи, т.е. до 1914–17 гг., на территориях, отошедших после ее распада к Польше, Румынии, Прибалтийским государствам. Именно эта группа составляла основную массу еврейских студентов в Нанси, приезжавших в 1920-е – начале 30-х гг. из государств, получивших независимость после Первой мировой войны. Второе поколение родилось после войны, и к Российской империи уже не имеет отношения. И была еще одна группа – эмигранты эпохи революции и гражданской войны, которая играла существенную роль в 20-е гг. У каждой из этих групп были свои особенности, да, пожалуй, и функции с точки зрения обеспечения непрерывности культурного наследования.

Итак, важность университетского центра Нанси⁴ [6] с этой точки зрения очевидна. Согласно официальным данным, в некоторых технических институтах большинство студентов составляли иностранцы, в основном из славянских стран [7, p.120]. А большая часть этих иностранных студентов были евреями из стран Восточной Европы и из Палестины, которые не имели возможности учиться на родине.

*Колониальный и сельскохозяйственный институт Научного факультета*⁵, где сосуществовали представители 18 наций⁶, обозначен в этом же источнике как *европейская сходка студентов-сионистов (le rendez-vous en Europe des étudiants sionistes)* – как тех, которые, приехав из Восточной Европы, собирались далее эмигрировать в Палестину, так и тех, которые оттуда прибыли и рассчитывали туда же вернуться (“за малым исключением...”) [7, p.114]. Наличие многочисленных студентов из Восточной Европы и Прибалтийских государств указывается также в данных о *Коммерческом институте Факультета права (Institut commercial de la Faculté de droit)*⁷ [7, p.60].

Уже в 1906 г. *Научный факультет* принял 200 человек из Российской империи. *Частное заведение мадмуазель Лехман (Lehmann)* – известное еврейское семейство Лотарингии) указано как место приема евреев: “Кто не помнит этих бородатых студентов, с жесткими чертами, этой первой русской эмиграции, которая длилась 10 лет между двумя революциями?” [7, p.132].

К 1909 г. “квартал иностранцев” существовал в районе информационного офиса университета. “Курсы для иностранцев”, открывшиеся еще до Первой мировой войны, “с самого начала делали честь университету”. Отношение к приему иностранцев было чрезвычайно либеральным. Так, в 1926/27 учебном году среди 445 слушателей института, подчинявшегося Филологическому факультету, только из Польши было 70 человек [7, p.133–134, 141].

⁴ В Нанси технические, коммерческие и другие институты и высшие школы подчинялись университету, хотя в него и не входили. Они обладали большой степенью автономии и выдавали собственные дипломы. Из технических учебных заведений назовем Школу пивоварения, институты – химический, электротехнический, агрономический, геологический, металлургический и др. Позднее многие из них были преобразованы в самостоятельные Национальные школы, но связи с университетом они не прерывают и до сих пор.

⁵ Соответствует российскому отделению естественных наук.

⁶ Речь идет о гражданах 18 государств, а не о представителях 18 этнических групп.

⁷ Соответствует российскому юридическому отделению.

В университете и в институтах в Нанси обучалось довольно много еврейских студентов, которые позднее создали себе имя в науке, литературе, политике. Так, между 1912-14 гг. известный израильский писатель Шломо Цемах⁸ изучал в Нанси агрономию. Этот друг детства Давида Бен-Гуриона, выходец, как и он, из Плонска в русской Польше, описывает свой нансийский период в романе *Elijah Margalit*, появившемся в 1921 г. Шломо Цемах показывает также роль еврейского студента М.Штейна (Stein) в руководстве, по его выражению, “хорошей группой” в Нанси в 1933 г. К рабочему сионистскому движению примыкал Марк Дворжецкий (Dworzecki), будущий летописец восстания в Виленском гетто, а затем преподаватель в Хайфском университете; он получал медицинское образование в Нанси в 1930-е гг. Доктор Арье Лапчинский⁹, родившийся недалеко от Белостока и изучавший в Нанси медицину в 1930-39 гг., встречал там студента агрономического института Натана Альтермана¹⁰, который стал позже знаменитым израильским поэтом “поколения независимости”. Любовь к Франции Альтерман сохранил на долгие годы и позднее переводил Мольера, Расина и Жана Ануя (Anouilh)¹¹ [8].

Теперь перейдем к организациям, в которые объединялись еврейские студенты в Нанси.

*Всеобщая студенческая ассоциация Нанси*¹² до Второй мировой войны включала польскую, румынскую и болгарскую секции, а также обладавшую независимостью *Ассоциацию еврейских студентов* [6, р.187]. Последняя была создана в 1923 г. и располагалась сначала в д. 33 на Place de la Carrière, а затем в д. 49 по rue Saint Nicolas. Она использовала трехязычные иврито-идише-французские бланки, которые недвусмысленно указывают на ее сионистский характер [9]. Один из руководителей *Ассоциации* в 1929 г., Фэйвел

⁸ Во Франции – Schlomo Zemach (1886, Плонск – 1974, Иерусалим). См. КЕЭ. Т.9. С.1033–1035.

⁹ Larczinsky, активист рабочего сионистского движения. В 1954 г. переехал в Израиль, где принял фамилию Липид и работал педиатром в Хайфе [7] (прим. автора).

¹⁰ Во Франции – Nathan Alterman (1910–1970), родился в русской Польше, прибыл в Палестину в 1925 г. (КЕЭ. Т.1. С.99–101).

¹¹ Альтерман – один из самых значительных переводчиков мировой художественной литературы на иврит.

¹² *Association générale des étudiants de Nancy*. Это первая подобная организация во Франции (создана в 1876 г.) [6, р.XV] (прим. автора).

Острински-Шрагер¹³, описывает ее как ежедневно открытый клуб, с библиотекой и оркестром [10]. (Главу из его воспоминаний см. в конце статьи.) Лапчинский говорит о 400 членах *Ассоциации* в 30-е гг., когда он в ней занимал руководящий пост. Он же рассказывает, как *Ассоциация*, под страхом исключения, требовала от своих членов, включая симпатизирующих коммунистам, поддерживать *Еврейскую Палестину* (согласно терминологии эпохи). Памятная ссора произошла на собрании, где велись дебаты на эту тему. В результате было исключено два десятка человек, что привело к созданию новой группы, включающей в себя болгарских студентов, еврейских и нееврейских... [7].

В 1929 г. там же возникла еврейская студенческая группа прокоммунистической ориентации, принадлежавшая к *Федерации студентов*, с ответвлением в Меце, под названием *Funk (Искра)* [11]. В годы своего обучения в Электротехническом институте, куда Лапчинский прибыл из Кракова в 1925 г., ее посещал Ари Штернфельд (Szternfeld)¹⁴, отец спутника “Lunik III”¹⁵, запущенного в 1960 г. Советским Союзом [2]. *Искра* сотрудничала с *Kultur Lige* – появившимся одновременно с ней культурно-просветительным кружком еврейских рабочих, а также с группами польских шахтеров [7].

Фэйвел Шрагер, в эти годы активный член *Funk (Искры)*, вспоминает проект антирелигиозной манифестации в Йом-Кипур (Судный день) в 1930 г. – осуществление проекта было расстроено вмешательством мускулистых еврейских рабочих, разгружавших скот на Мецком вокзале [10]. Инцидент следует увязать с получившими поддержку международного коммунистического движения арабскими выступлениями против евреев в Палестине в 1929 г. В мае 1929 г. – Шрагер один из редакторов единственного номера *Trit (В пути)*, “социального и литературного органа еврейских студентов в Нанси”, напечатанного на идиш на 26 страницах *in quarto* в парижской типографии “Вольтер”. С ним сотрудничали Jacques Hochbaum, который позднее, похоже, стал юридическим советником в Париже, и

¹³ Ф.Шрагер (Faïvel Ostrynski-Schrager; окт. 1907, Кринки Гродненской губ. – июнь 1979, Париж). Был одним из лидеров левого молодежного сионистского движения (*Хашомер хацаир*) в Белостокском воеводстве (Польша). В 60–70-е гг. мы его видим среди руководителей *ORT France* и *Union mondiale ORT* (прим. автора).

¹⁴ Штернфельду в томе 3(8) *РЕВЗ* (с. 286–300) была посвящена отдельная статья (прим. автора).

¹⁵ По-видимому, речь идет об автоматической межпланетной станции “Луна-3”, которая была запущена 4.10.1959. По орбитам, рассчитанным Штернфельдом, были запущены все первые искусственные спутники Земли.

Давид Сфард (1905–1982), еврейский писатель (на идиш) и позднее представитель *Association sociale et culturelle juive* в коммунистической Польше (до антисемитской чистки 1968 г. и своего отъезда в Израиль). Эти же люди публикуют, начиная с 16 января 1931 г., 11 номеров *Die Woch (Неделя)*, “независимый социальный и литературный еженедельник” на шести страницах *in folio*, печатавшийся в Эльзасской типографии в Нанси [12]. После 1931 г. Шрагер выступает как один из лидеров еврейской секции *MOI (Main d'œuvre immigrée du Parti communiste français – Организация рабочих-эмигрантов ФКП)* в Париже. Потом, после московского процесса над Бухариным, он покинул ряды коммунистов и стал одним из лидеров социал-демократического *Бунда* во Франции.

С Нанси связан и другой будущий парижский глава еврейской секции *MOI*, Simon Cukier, известный под именем Alfred Grant. В 1930-32 гг. мы находим его в этом городе в качестве студента-дантиста [13].

Однако вернемся к *Ассоциация еврейских студентов Нанси*. Согласно Y.Benari и J.Schechtman [14], эта организация была определенное время под влиянием сионистов-ревизионистов, а значит, и Владимира Жаботинского. Она почти не поддерживала отношений с Парижем, где существовала аналогичная ассоциация, но менее организованная. С другой стороны, в самом Нанси *Ассоциация*, по свидетельству Лапчинского, находилась в постоянном контакте с ректором¹⁶. Так, в 1940 г., в критический момент, перед своим отъездом в Лион, Лапчинский, по его собственным словам, получил от ректора личное рекомендательное письмо. В сентябре 1939 г. 60 еврейских польских студентов поселили в помещениях *Ассоциации*, им помогли устроиться на работу, оказали другую помощь [7].

Арье Лапчинский рассказывал нам, что после Второй мировой войны он смог получить разрешение на транзит через Францию приблизительно для сорока еврейских студентов, переживших войну в Польше и желавших эмигрировать в Палестину. Один его старый друг по *Агрономическому институту* смог отыскать и переправить через Францию, благодаря посредничеству Лапчинского, свою племянницу, чудом спасшуюся, ибо ее выбросили из поезда, в котором ехали евреи, возвращавшиеся в Польшу из СССР [7].

Россия и СССР, Палестина и Израиль, Польша, Болгария, Франция... воистину еврейская история.

¹⁶ Во Франции – глава региональной академической администрации, подчинявшейся министерству народного образования.

Для завершения своего образования я решил уехать в Нанси. Я отправился туда, как и некоторые другие, заинтересованный репутацией Нансийского института и ценностью диплома “коммерческого инженера”, который он давал, что, в конечном счете, упрощало получение работы.

Я прибыл туда в сентябре 1928 г. Вначале “столица Лотарингии” меня не очаровала. Мне недоставало роскошного гренобльского пейзажа с его вечными снегами на вершинах гор и чудесных прогулок по городу. Нанси мне показался более холодным, чем Гренобль. Правда, понемногу я начал привыкать, и город в конце концов начал мне нравиться. Он был больше Гренобля и стал очень активным еврейским студенческим центром.

Фэйвел Острински-Шрагер

Здесь также действовала еврейская студенческая ассоциация, причем большая, чем гренобльская. У нас были свое помещение, библиотека, оркестр. Помещение было открыто ежедневно и всегда заполнено еврейскими студентами, которые приходили послушать какую-нибудь лекцию, поприсутствовать на каком-нибудь собрании или просто поболтать.

Большая часть студентов была из Восточной Европы, чаще всего из Польши. Но были и из других стран, даже из Палестины. Этих последних можно было разделить на две категории: тех, которые родились в Палестине и приехали с целью потом туда же вернуться, и тех, которые прибыли в Палестину как *халуцим* (*пионеры*) и после нескольких лет работы решили завершить свое образование. Далеко не все вернулись потом назад: некоторые остались во Франции, другие эмигрировали в разные места.

Студенты, прибывавшие из Восточной Европы, надеялись остаться во Франции или в любой другой демократической стране. Мало кто думал о том, чтобы вернуться домой. Они сожгли за собой мосты и бежали от антисемитизма, который правил тогда бал, особенно в Польше.

¹⁷ См. [10, p.31–34].

Нашей главной целью было получение дипломов, которые позволили бы нам начать профессиональную жизнь. Что касается меня, то мне немного помогала семья и я подрабатывал на жизнь, давая уроки.

В июне–июле 1929 г. я получил диплом коммерческого инженера и сразу начал искать работу. Оказалось, что это не так просто. Я вынужден был согласиться на пост в кооперативе Ассоциации еврейских студентов. Этот кооператив, благодаря имевшимся у него кредитам, предоставлял одежду, книги и инструменты, необходимые для образования, по очень доступным ценам. В целом студенты возвращали свой долг кооперативу, и таким образом он продолжал свою деятельность.

В январе 1930 г. я решил искать другую работу. Но не тут-то было! Диплом иметь хорошо, но опыт – еще лучше.

И вот я работаю в большом рыбном магазине, ожидая чего-нибудь поинтереснее. Работа была довольно тяжелой, четыре дня в неделю мы начинали в пять утра, а остальные три – в шесть. Мы должны были регистрировать прибывавший товар, особенно дары моря, и проверять счета. Продавцы появлялись чуть позже. Мы работали каждый день (что сильно удивляло молодежь, пользовавшуюся более справедливой организацией труда) и имели право на два свободных полудня: в воскресенье и понедельник.

Здесь я узнал, что такое работник в продовольственной системе. Платили мало, а работать надо было много часов подряд. Я понял всю сущность требований, касавшихся 8-часового рабочего дня, лучше оплачиваемого труда и более человеческих его условий. Когда была создана левая еврейская студенческая организация (*Funk – Искра*), я примкнул к ней. Было бы неверно считать, что это мое действие было продиктовано только моим социальным положением. Несмотря на временные сложности, я надеялся получить более выгодное место. Мир рабочих, в который я попал, действительно стимулировал мой политический выбор. К этому предопределяла и вся моя бывшая деятельность, а также положение еврея, бежавшего от антисемитизма, который мне казался связанным с самой сущностью капитализма. Я считал, что антисемитизм и неприемлемые условия труда будут уничтожены вместе с капитализмом, основой которого была эксплуатация рабочих и ненависть между народами. Я никогда серьезно не думал о Палестине как о решении всех этих проблем. Это казалось мне утопией, отдававшей национализмом, а я прекрасно помнил, чего нам стоил польский национализм. Выход можно было себе представить лишь в интернационализме, который приведет к эмансипации *всех* людей – и евреев, и христиан.

Конечно, тогда я не мог представить себе, к чему приведет на практике “диктатура пролетариата”. Было начало 30-х годов. Диктатура

была в наших глазах, молодых идеалистов, всего лишь переходным периодом. Никто из нас не мог себе представить, что он будет длиться, усиливаться и превратится в диктатуру над пролетариатом и даже над центральным комитетом партии. Мы не хотели, да и не могли не верить в лучший мир и в более справедливую систему.

Я окупнулся с головой в агитационную деятельность, произнося речи, чаще всего в *Еврейском культурном центре*, где собирались, в основном, еврейские рабочие, приехавшие в Нанси в конце 20-х и в начале 30-х годов. *Funk* очень тесно сотрудничал с ними, так же как и с польскими рабочими группами, работавшими на железных рудниках Лотарингии.

Как описать сегодня, после стольких разочарований, выпавших на долю нашего поколения, тот юношеский пыл, тот энтузиазм десятков еврейских студентов и бывших студентов, которые самозабвенно верили, что скоро, очень скоро – и почему бы не завтра? – появится долгожданный Мессия и принесет освобождение и спасение замученному человечеству...

В сентябре 1930 г. я нашел другую работу, более соответствующую моим ожиданиям и моему диплому. Ритм был также более человеческим: пять с половиной дней в неделю. У нас была “английская неделя” – полсубботы и воскресенье свободные.

За рабочим днем следовал вечер, посвященный агитационной деятельности. Я получил определенную известность, и меня стали приглашать выступать с речами в соседних городах, где также существовали левонастроенные группы еврейских студентов и культурные кружки. Как-то я поехал в Мец, чтобы принять участие в манифестации против празднования Йом-Кипура! Все это плохо кончилось и для ораторов, и для организаторов. Группа эльзасских религиозных еврейских рабочих, занимавшихся разгрузкой рогатого скота на железной дороге, узнала об этой манифестации. Они пришли на наше собрание и начали раздавать удары направо и налево. Нам ничего не оставалось, как дать деру. В слепом фанатизме мы думали ускорить освобождение мира борьбой против Йом-Кипура...

Многие студенты, члены *Funk*, играли впоследствии важную роль в коммунистическом движении. Один из них, Давид Сфард, живет сегодня¹⁸ в Израиле. Закончив свое образование, он вернулся в Польшу, где занимался активной партийной деятельностью и писал поэмы. Он избежал геноцида и после войны жил в Польше, занимая важное место в *Культурной ассоциации евреев*, вплоть до принятия Гомулкой антисемитской линии в конце 60-х. Давид Сфард переехал в Израиль, где продолжил свою литературную деятельность.

¹⁸ На французском языке воспоминания публиковались в 1979 г.

В ноябре 1931 г. я покинул Нанси, где занятие политикой встречало все большее противодействие. Мы считали, что Париж лучше подходил для нашей борьбы. Не без сожаления я уезжал из города, к которому успел привязаться. Я провел в нем три года, три года работы, учебы, энтузиазма. У меня оставалось там много друзей, товарищей и единомышленников, преисполненных идеализма. Некоторых из них я встречал впоследствии, иногда на важных постах. Часть вернулась в Польшу, чтобы погибнуть во время гитлеровской оккупации; другие отправились в Советский Союз. Я узнал позже, что они были “вычищены”. Насколько я знаю, ни один из них не выжил. Такова была их награда за веру в “партию (псевдо)социализма”.

Отъездом из Нанси заканчивается одна из глав моей жизни. Через несколько десятилетий я все еще думаю об этом поколении идеалистов, из которого выжило так мало. Сколько из них остались верны бывшим идеалам? Думаю, очень немного.

Источники

1. *Boukara Philippe*. Le mouvement ouvrier juif en Lorraine // Actes du colloque: Lorraine, terre d'accueil et de brassage des populations (Longleville-Longwy, 12 et 13 oct. 2000). Nancy: Presses Univ. de Nancy; 2001. P.339–350.
2. *Revue juive de Lorraine*. 1960, janvier-février.
3. *Dion Rose-Marie*. Reconstruction et modernisation des villes // *Histoire de la Lorraine de 1900 à nos jours*. Toulouse: Privat, 1979. P.199.
4. *Halioua Bruno*. Blouses blanches et étoiles jaunes. Paris: Liana Levi, 2000. P.25.
5. Bulletin d'information de la section centrale de la MOE. Non daté (vers 1930). Cité par *Maurice Rajsfus*. Voir [4].
6. L'Université de Nancy: 1572–1934. Nancy: Éd. du Pays lorrain, 1934. P.1–187.
7. Entretien avec Arie Lapczynski-Lapid. 26.12.1987. Haïfa (Israël).
8. *Lazar Nicolas*. Poètes israéliens d'aujourd'hui. Paris: Albin Michel, 1960. P.13; *Yoffe A.B.* // *Encyclopedia Judaica*. Vol.16. Jerusalem: Keter Publ. House, 1971. P.982–984. *Dupuy Bernard*. [Note du traducteur] // *Gershom Scholem*. Fidélité et utopie. Paris: Calmann-Lévy, 1978. P.63–64; *Dvorzecki Marc*. Ghetto à l'Est. Paris: Robert Marin, 1950; *Ben Gourion David*. [Une lettre du 12.6.1933 de Varsovie] à Marc Jarblum (Paris) // *David Ben Gourion*. Correspondance / Éd. Yehouda Erez, Am Oved. Tel Aviv: Université de Tel Aviv, 1974. P.304. (En hébreu).
9. Archives de l'Association culturelle juive de Nancy. Fonds non classé.
10. *Schrager F*. Un militant juif. Paris: Éd. polyglottes, 1979. P.31–34.
11. *Rajsfus M*. L'an prochain la révolution. Paris: Mazarine, 1985. P.60–64.
12. *Szajkowski Zoca*. 150 ans de presse juive en France // *Juifs en France / Dir. Elias Tcherikower*. T.2. New York: YIVO, 1942. P.236–308. (En yiddich.)
13. *Cukier Simon*, *Deceze Dominique*, *Diamant David*, *Grojnowski Michel*. Juifs révolutionnaires. Paris: Messidor; Éd. sociales, 1987. P.58–59.
14. History of the Revisionist Movement. T.I. Tel Aviv, 1970. P.363–371.

ЛИТЕРАТУРА

Августа Даманская: годы эмиграции

Ольга Демидова (Россия)

«Авось хоть в раскопках найдут...»

Анатолий Иванов (Россия)

**«Роман с кокаином» –
от загадки автора к загадке издателя**

Дмитрий Гузевич (Франция)

Августа Даманская: годы эмиграции

Ольга Демидова (С.-Петербург)

А. Ф. Даманская. Сотрудничала во всех русских ежемесячниках и в ряде столичных газет. Автор ряда повестей и рассказов, часть конх («Рассказы», «Степанын Стёпа», «Тё-то там», «Жены», «Радость Тихая») изданы отдельным изданием. Некоторые переведены на англ., франц., нем., чешск. языки. Переводчица с иностранных языков. В России было издано 45 книг ее переводов.

Фотография А.Ф.Даманской и подпись из юбилейного сборника, посвященного 10-летию газеты «Последние новости»

Августа Филипповна Даманская (урожд. Вейсман, псевдонимы А.Вершинина, А.Д-ская, А.Мерич, А.Филиппов; 1875 – 1959) – поэтесса и прозаик (ее первый рассказ «В Америку» – об эмиграции еврейской бедноты – получил положительную оценку самого Ю.Айхенвальда), драматург («А я пьесу кончила, и ее очень хвалят, а в *Современных записках* так похвалили, что даже дерзостно присовокупили: не ожидали, мол, от меня»¹), литературный критик, журналистка, переводчица. «Совокупность трудов А.Ф.Даманской как переводчицы столь внушительна, что едва поддается обозрению; тут дело целой жизни. *Сорок пять томов*, переведенных с французского, немецкого, английского, итальянского, польского языков; целая полка книг»².

Она родилась в селе Попелюхи Подольской губернии. Относительно родителей известно лишь, что отец ее был врачом. Вообще сведения о жизни Даманской до эмиграции весьма скудны и противоречивы. Известно, что гимназию она окончила в Одессе. После неудавшейся попытки устроиться на службу в 1892 г. по на-

¹ А.Даманская. На экране моей памяти / Публ. О.Демидовой // Лица: Биогр. альм. Вып.7. М.; СПб., 1996. С.118.

² Левинсон А. А.Ф.Даманская: К вечеру писательницы 2 марта // Последние новости. 1927. 17 февраля. № 2157. С.3.

стоянию родных вышла замуж за врача Хаима Бенциановича Диманта и переехала в Петербург. Училась на Высших женских курсах и в консерватории по классу фортепиано.

Даманская покинула Россию летом 1920 года. В июле по командировке Петроградского педагогического института читала лекции по истории зарубежной литературы и преподавала французский язык на летних курсах для народных учителей. По окончании курсов, в начале августа, переодетая деревенской бабой, без паспорта, пешком добралась до пограничной деревушки Мижуги и перешла эстонскую границу. После домашнего ареста в Печорах ей удалось попасть в Ревель, который стал первой остановкой на ее эмигрантском пути, растянувшемся почти на сорок лет.

Решение уехать из России далось ей непросто. С одной стороны, Даманская до Первой мировой войны подолгу жила в Европе, хорошо знала Германию, Италию, Францию, Швейцарию, сроднилась с этими местами своего «паломничества»; однако, «пожив некоторое время вне России, начинала томиться о России, спешила уложить свои вещи и возвращалась в Россию»³. С другой стороны, политические катаклизмы внушали серьезные опасения. К Февральской революции Даманская отнеслась весьма скептически, полагая, что любой социальный переворот губелен для культуры. *«Лед, который сейчас шуршит на Неве, волнует меня больше всех митингов и споров, – писала она В.С.Миролюбову весной 1917 г. – <...> Я была недавно на одной лекции о литературе вчерашнего и завтрашнего дня. Лектор – приват-доцент Коган⁴ убеждал, что до сих пор литература не имела никаких общих связей с массой, с пролетариатом и потому оказалась вне жизни, и, стало быть, ненужной <...> – стало быть, все творчество, все муки двух поколений писателей, поэтов – под один знаменатель... – нулевой <...>. Я жила почти во всех странах Европы, жила на Капри, видела так много людей и знаю, что основное, человеческое не меняется от режима и от состава кабинета министров. И знаю, что везде несколько искренних, жаждущих облегчить жизнь ближнему, идут рабски за честолюбцами, за фанатиками, за беспощадными утвердителями догмы»⁵.*

³ Даманская А.Ф. На экране моей памяти / Публ. О.Демидовой // Новый журнал. 1996. №198/199. С.283. Далее цитаты по этому изданию ограничиваются указанием тома и страницы.

⁴ Вероятно, Петр Семенович Коган (1872–1932) – историк литературы, критик, переводчик; в конце 1911 г. утвержден приват-доцентом Петербургского университета (был им до ноября 1918); после октября 1917 г. профессор и член правления Смоленского университета, в 1921–1930 профессор 1-го и 2-го МГУ и др. учебных заведений, с 1921 г. президент ГАХН.

⁵ ИРЛИ. Ф.185. Оп.1. Ед.хр.472. Л.34об., 35об.

Октябрьский переворот оправдал худшие опасения Даманской, однако первое время она пыталась приспособиться к новой жизни, возможно, надеясь, как и многие, на скорое падение советской власти⁶. И, тем не менее, даже оставив Россию, она продолжала размышлять о том, имела ли право на подобный шаг. *«Я много-много колебалась и думала о том, имею ли я право бежать с родины – хотя бы и оскверненной, изуродованной, оплеванной; меня долго мучил вопрос – хорошо ли я делаю, унося на чужбину свои скромные знания и свою работоспособность. И после долгих колебаний и мучений получился в душе ответ, что это самое честное, что я могу сделать. <...> Я убедилась, что ниточки, к[от]орая связала бы меня с современной русской действительностью, мне не найти. Она мне слишком чужда»*⁷. Это объяснение-оправдание сделано уже в Эстонии в конце августа 1920-го. В мемуарах, написанных незадолго до смерти, Даманская вновь обращается к причинам своего поступка: *«Уезжали друзья, близкие мне люди. И я решила – уехать. Но оставались друзья, близкие мне люди. И я могла остаться. <...> Жилось трудно, но мне, сравнительно с сотнями тысяч других людей, жилось не так уж и плохо. <...> Но не было того, чего хотелось, к чему привыкла, что стало теперь доступным лишь очень и очень немногим людям»* (198/199, 282). И, разумеется, *«и в голову не приходила мысль, что долго, быть может, очень долго нельзя будет вернуться в Россию»* (198/199, 283)⁸.

Даманская прожила в России без малого сорок пять лет⁹; без малого сорок ей предстояло прожить в эмиграции. Что оставляла она в России и что уносила с собой? Оставляла мать и сестер¹⁰; сво-

⁶ Подробнее о ее жизни в эти годы см. главу: Литературный Петербург 1917–1920 гг. // 198/199. 274–282.

⁷ Письмо В.С.Миролюбову от 27 авг. 1920 г. (ИРЛИ. Ф.185. Оп.1. Ед.хр.472. Л.7 об.)

⁸ Ср.: «Я уезжала из России не на вечность. Я уезжала из многолюбимого Петербурга с болью в сердце» (198/199, 291).

⁹ Подробно о российском периоде жизни Даманской см. нашу вступительную статью к публикации первой части ее мемуаров: Лица: Биограф. альм. Вып.7. М.; СПб., 1996. С.112–119. См. также главу мемуаров: О том, что не забывается // Там же. С.120–134; ст. В.Н.Чувакова о Даманской // Лит. энцикл. русского зарубежья 1918–1940. Т.1. Писатели русского зарубежья. М., 1997. С.152–153.

¹⁰ «В Москве оставалась моя сестра с маленькими детьми. На Кавказе – другая моя сестра, врач, с приходом большевиков ставшая на их политическую платформу и как энтузиастка, и как должностное лицо. Она ведала казенной лечебницей в Кисловодске. На юге России оставалась многолюбимая мною мать» (198/199, 292).

их учителей в литературе В.С.Миролюбова и А.Г.Горнфельда¹¹; близких друзей¹²; могилу сына¹³. Уносила воспоминания, которые легли в основу многих ее мемуарных очерков, публиковавшихся в эмигрантской печати¹⁴, и собственно мемуаров «На экране моей памяти», написанных для Бахметевского архива в конце 1950-х¹⁵.

¹¹ Горнфельд Аркадий Георгиевич (1867–1941) – литературовед, литературный критик, переводчик. Ему написаны последние письма Даманской из Пскова (от 31 июля и 8 августа 1920) перед уходом из России; в письме от 8 августа она писала: «Если вернусь, то в значительной степени будете виноваты Вы» (РНБ. Ф.211. Ед.хр.509).

Миролюбов Виктор Сергеевич (1860–1939) – певец, актер Большого театра (псевд. Миров), издательский деятель, с октября 1897-го фактический редактор «Журнала для всех», демократического литературно-общественного и научного ежемесячника, в котором сотрудничала Даманская. Миролюбову она писала 28 января 1926 г. из Парижа: «Не Вы ли пробудили меня к литературе? И не Вашим ли строгим и подчас жестоким замечаниям и выговорам обязана я тем, что не бесследно пройдет моя жизнь в этом мире» (ИРЛИ. Ф.185. Оп.1. Ед.хр.472. Л.25).

¹² «В Петербурге оставались мои друзья, которые наказывали мне, когда я уезжала: "Помните... Не забывайте". И я помнила этот наказ» (198/199, 292).

¹³ Даманский Борис (1896–1919/20?) – вероятно, был внебрачным ребенком; в пользу этого свидетельствуют два обстоятельства: то, что он носил фамилию матери, и то, что Литературный фонд неоднократно удовлетворял просьбы Даманской о денежном вспомоществовании «на лечение и воспитание больного ребенка» (см., напр., прошения от 12 января 1909, 23 марта 1909, 3 января 1911 и мн. др. – ИРЛИ. Ф.155).

¹⁴ См. картотеку А.Д.Алексеева (ИРЛИ).

¹⁵ Опубликованы нами: Лица: Биограф. альм. Вып.7. М.; СПб., 1996. С.120–160; Новый журнал. 1995–1996. №198/199, 201, 202, 203/204; последняя часть опубликована М.И.Раевым. Вероятно, работу над мемуарами Даманская начала в конце 1955 – начале 1956 г., см. письмо М.Алданова к ней от 3 марта 1956: «Хорошо, что Вы нашли хоть временную работу в Колумбийском архиве», а также письмо от 27 марта 1956 // The Archive of Russian and East European History and Culture (Bakhmeteff, далее – BAR, Mss Daman-skaia), в котором Алданов сообщает Даманской подробные сведения о высылке ученых и литераторов из России в 1922 г., почти дословно повторенные в ее мемуарах, ср.: «Им было предписано советским правительством срочно выехать за границу (чтобы, как объяснял Троцкий, не пришлось их расстреливать или сажать в тюрьмы и лагеря). Германский консул в Петербурге (как мне рассказывал Мякотин) заявил, что по требованию советского правительства он визы дать не может, так как Германия не место ссылки, но что да с т визу, если его об этом попросят сами высылаемые. Они это и сделали» (Алданов; 198/199, 306). Подробнее о мемуарах см. наши статьи: Мемуары писательниц русской эмиграции (по материалам Бахметевского архива) // «Ей не дано прокладывать новые пути...» СПб.,

Уносила имя, негромкое, не первого ряда, но вполне *добротное* имя журналистки, прозаика, переводчицы¹⁶. Уносила любовь к Петербургу¹⁷; страстное желание рассказать правду о том, что происходит в России («глаголом жечь сердца людей»), – и зашитые в одежду заметки о советской жизни. По этим заметкам она составила доклад «Карточные домики советского строительства», который прочла сначала в Ревеле, затем в Юрьеве (Дерпте); впоследствии расширенный текст доклада был издан в Берлине¹⁸.

В Ревеле началось сотрудничество Даманской в эмигрантской печати: она писала очерки, рассказы, литературные и театральные заметки и рецензии, иногда передовые статьи¹⁹ для эсеровской газеты В.М.Чернова «Народное дело»²⁰. Как она вспоминала впоследствии, «газета была нужна ему и Керенскому не для просвещения русских читателей в Ревеле, а для другой, более важной задачи, а задача эта была наивозможно скорейшее свержение советской власти» (198/199, 286). В Ревеле же она написала свою первую корреспонденцию в парижские «Последние новости» – очерк о главе московской Чрезвычайки эстонце Матсоне, которого она встречала в Пскове. Очерк под названием «Кровавый Матсон» был напечатан в «Последних новостях». Окончательное посвящение ее в сотрудники газеты состоялось через несколько лет, осенью 1923, и было связано со статьей «Негоіне», посвященной «бабушке русской революции»

1998. С.60–67. Из истории женского движения в России. Вып.2; Aliens in a Hostile World: A Study in Stereotype-Making // Nowa swiadomosc plci w modernizmie. Krakow, 2000. P.315–326.

¹⁶ Даманская переводила с пяти европейских языков, в ее переводах русская публика знакомилась с произведениями Дж.Барри, А.Беннета, Б.Келлермана, Г.Гауптмана, А.Шницлера и многих других европейских авторов; она была первой переводчицей произведений Р.Роллана на русский язык.

¹⁷ «Уже до этого отъезда я знала несколько европейских столиц – Вену, Лондон, Рим, знала хорошо швейцарские и чудесные итальянские города, знала Каир, но душою моею владел Петербург. Мне казалось или я уверяла себя, что лучше, красивее Петербурга нет города во всем мире» (198/199, 291–292).

¹⁸ Даманская А.Ф. Карточные домики советского строительства. Берлин, 1921.

¹⁹ Ср.: «Я давала этой газете литературные заметки, рассказы, театральные рецензии, время от времени – когда опаздывала статья Чернова или Керенского – писала, поучаемая одним из двух молодых людей, отрекомендовавшихся "мы – эсеры", передовые статьи» (198/199, 287).

²⁰ Народное дело: Ежедневная газета. Орган Комитета группы социалистов-революционеров Северо-Западной области. 1920–1921.

Е.К.Брешко-Брешковской, 80-летие которой собиралась отмечать эмигрантская общественность: *«Знакомство мое с редакцией "Последних новостей" имело место во второй половине сентября 1923-го года, но лишь в ноябре я набрела на тему, показавшуюся мне интересной для работы: 80-летний юбилей Е.К.Брешко-Брешковской, который собирались праздновать пражские эсеры. Я озаглавила свою статью "Heroïne". В день появления ее в газете встретил меня на улице <...> старый, великолепный, всеми любимый эсер О.Минор и, широко распахнув руки, обнял меня и, к великому моему смущению, звонко расцеловал. Так произошло мое посвящение в сотрудницы "Последних новостей"»*²¹.

За годы своей долгой жизни на чужбине Даманская сотрудничала во многих изданиях эмиграции: в берлинских «Днях» и «Руле»²² (из Ревеля в Берлин она попала при содействии И.В.Гессена), в парижских «Последних новостях», в пражской «Воле России», в рижских «Перезвонах» и «Сегодня», в нью-йоркском «Новом русском слове»²³, в газетах и журналах Варшавы,

²¹ Глава из мемуаров «Париж (Франция, 1923–1945)». См. с. 201 и 187.

Минор Осип (Иосиф) Соломонович (1861–1934) – общественно-политический деятель, народоволец, затем эсер, член ЦК партии; публицист; в эмиграции с начала 1919 г. (Париж).

²² О несколько анекдотическом начале сотрудничества в «Руле», связанном с нелицеприятной рецензией Даманской на книгу М.Алданова «Маленький остров – Святая Елена», см. главу мемуаров «Берлин» (198/199, 295–296). По воспоминаниям Даманской, «умный Алданов простил мне мое "озорство", как он выразился, и у нас с ним сложились добрые отношения, с годами все улучшавшиеся» (Там же. С.296). В годы своего редакторства в «Днях» Алданов считал Даманскую ценным сотрудником и предпочитал ее как рецензента своих произведений другим критикам, см., напр., его письмо от 12 мая 1923 г.: «С.П.Мельгунов заявил Кусковой, что хотел бы дать "Дням" статью о "Девятом Термидора". Хоть он, вероятно, будет хвалить, мне это досадно, – я бесконечно предпочел бы, чтобы статью о моей книге дали Вы. Вы ее скоро мне пришлете? Я просил подождать Вашего ответа, – вернее, Вашей статьи» (BAR. Mss Damanskaia).

²³ Руль: Ежедневная газета / При ближайшем участии И.В.Гессена, А.И.Каминки, В.Д.Набокова (до марта 1922). Берлин, 1920–1931; Дни: Ежедневная газета (с сент. 1928 г. еженедельник) / Под ред. А.Ф.Керенского. Берлин, 1922–1925; Париж, 1925–1933; Последние новости: Ежедневная газета / Ред. М.Л.Гольдштейн (1920–21), П.Н.Милюков (с марта 1921). Париж, 1920–1940 (подробнее см.: ЕКРЗ. Вып.3. Иерусалим, 1994); Воля России: Ежедневная газета / Ред. И.Давид; При ближайшем участии В.М.Зензинова, В.И.Лебедева, О.С.Минора. Прага, 1920–1921 (далее – журнал «Воля России»); Перезвон: Еженедельный литературно-художественный журнал / Ред. Б.К.Зайцев, Н.И.Мишеев, М.Н.Бурнашев, С.А.Белоцветов. Рига,

Софии, Бухареста²⁴; ее рассказы и очерки перепечатывали (зачастую без ведома автора, без указания фамилии и без гонорара) газеты Харбина и Нью-Йорка²⁵. Так что эмигрантскую периодику (как, впрочем, до этого и русскую) она знала «изнутри» и вполне могла оценить ее по достоинству, стараясь при этом по возможности сохранять объективность.

Жизнь в эмиграции складывалась непросто. *«Надо было таким, как я – не располагавшим ни материальными сбережениями, ни прочным заработком, – вновь налаживать свою жизнь. Предстояла борьба, и тяжелая борьба, за существование»* (203/204, 258) – это написано о годах после Второй мировой войны, однако вполне приложимо к эмигрантской жизни Даманской в целом. Как и в России, она зарабатывала пером, стараясь не прибегать к помощи общественных фондов, – ей казалось *«ззорным принимать общественную помощь, имея возможность своим трудом покрывать свои расходы. Из вывезенных из России красивых чувств еще оставалась гордость»* (198/199, 287). Правда, с годами это чувство «постепенно замирало»; в 1920 – 1930-х ей случалось прибегать к помощи Союза писателей, а в военные и послевоенные годы Даманская, как и многие литераторы, оставшиеся в Европе, принимала помощь от частных лиц и эмигрантских организаций из Америки²⁶.

1925–1929; Сегодня: Независимая демократическая газета / Ред. Н.Г.Бережанский, М.И.Ганфман (1922–34), Б.О.Харитон (с 1925), М.С.Мильруд. Рига, 1919–1940 (подробнее см.: ЕКРЗ. Вып.2. Иерусалим, 1992); Новое русское слово: Ежедневная газета / Гл. ред. А.Я.Кречмар; М.Е.Вейнбаум (1922–73); А.Седых (с 1973) и др. Нью-Йорк, 1920 – . [Изд. продолжается] (подробнее см.: ЕКРЗ. Вып.5. Иерусалим, 1996).

²⁴ См. указанную картотеку А.Д.Алексеева (ИРЛИ).

²⁵ См., напр., письмо М.Вейнбаума от 11 августа 1930 г.: *«Считаю также необходимым сообщить вам, что местная большевистская газета очень усердно перепечатывает Вас, не указывая ни источника, ни имени автора. И это позволяет себе делать листок, который буквально помоями обликает зарубежных писателей. Ведь он только потому и опускает Ваше имя, что не хочет, чтобы читатели знали, что это "белогвардейская" писательница так пишет. Я думаю, что Вам нужно написать резкое письмо в редакцию "Нового русского слова" об их воровских методах и потребовать, чтобы они прекратили Вас перепечатывать»* (BAR. Mss Damanskaia).

²⁶ См., напр., письма В.Н.Бунинной от 10 мая 1941 г. (*«Деньги, которые Вы получили от Долгополова, это те, что мы с Фаиной Осиповной выхлопотали из толстовского комитета»*) и М.Алданова от 25 июня 1945 г. (*«Получаете ли Вы наши посылки? Мы (человек пять-шесть сотрудников "Посл[едних] новостей") образовали здесь "Амикаль де Дерниер Нувель" и*

Кроме того, ей помогали «одна еврейская организация в Гренобле» (203/204, 250), поэтесса И.Яссен (Р.Чеквер), писатель А.Буров²⁷, которого в пору его нищенской юности поддерживали Даманская и ее родители.

В свою очередь, Даманская и сама щедро оказывала помощь многим людям: посылала деньги и посылки родным и друзьям в Россию²⁸, хлопотала о визах для товарищей по писательскому цеху²⁹, стремилась найти для них возможность заработка, помочь им вырваться из эмигрантской «провинции» в Париж³⁰, пристроить их труды³¹, выполнить их просьбы самого разного

на взносы отправили много посылок парижанам, участвовавшим в газете и ничем себя не скомпрометировавшим. Разумеется, Вы были в числе самых бесспорных кандидатов, и Вам посылки будут отправляться более или менее регулярно») и 26 марта 1946 г. («Мне перед Вами совестно. Вы имеете все права на помощь, но мы можем сделать так мало. <...> В Литературном фонде я один из восьми членов президиума. Там мое влияние Вам и не нужно было бы, так как там все больше б[ывшие] парижане, отлично Вас знающие. Президиум регулярно посылает Вам продовольственные посылки, через д-ра Долгополова» (BAR. Mss Damanskaia).

²⁷ См. его письмо от 7 сентября 1957 г.: «Вам скоро переведут 25 000 фр. <...> А посылаю я вам потому, что забыть не могу двух горячих стаканов чаю сладкого и – о Боже! Боже! Житного хлеба с маслом. <...> Все это подавали Вы мне, бедняку, Вашему репетитору!» (BAR. Mss Damanskaia).

²⁸ См. письмо Горнфельда от 30 мая 1922 г.: «<...> от Вас получил два письма и какао. За первые сердечно благодарю, за второе браню <...> Не ссорьтесь со мною и не лишайте себя ничего, чтобы прислать мне то, что можете потребить сами» (BAR. Mss Damanskaia).

²⁹ См., напр., письмо А.Левинсона из Ковно от 26 марта 1921 г.: «Что надо для меня сделать, спрашиваете Вы? Уже сделали много тем, что написали, своей ко мне сердечностью. <...> Хотите помочь мне: посетите, прошу, Иос. Влад. Гессена, сообщите ему от моего имени, что по 24 марта виза к консулу не поступала <...>. Я не беспокоил бы Вас и Иосифа Владимировича, но, потеряв три года, горестно терять вновь уже второй месяц» (BAR. Mss Damanskaia).

³⁰ См., напр., письма З.Н.Журавской Даманской из Варшавы / Публ. О.Демидовой // «Ей не дано прокладывать новые пути...». СПб., 1998. (Из истории женского движения в России. Вып.3.) Ч.1. С.130–151.

³¹ Иногда искреннее стремление помочь приводило к анекдотическим ситуациям: Даманской случалось переоценивать свое влияние и беспомощность того, кому она пыталась помочь; так, например, в 1950-е она рекомендовала книгу Адамовича Чеховскому издательству, что вызвало соответствующую реакцию ее протеже, см. письмо Адамовича А.В.Бахраху от 20 июля 1952 г.: «Да, с Чеховским изд-вом у меня вышла история: Даманская, никого не спросясь, решила покровительствовать молодежи и

рода³², найти для них жилье и т.п. И, конечно, «помогала пером»: писала многочисленные отзывы и рецензии на новые книги эмигрантских (и не только эмигрантских³³) авторов, не внося в литературу политики, не переходя на личную почву и не превращая пера в дамскую шпильку. Она так много и часто писала о других, что считалось «естественным редко и мало писать о ней»³⁴. Оценки ее трудов, пожалуй, чаще встречаются в письмах к ней, чем на страницах газет. *«Ваши статьи <...> находят во мне самого внимательного и удовлетворенного читателя, – писал ей Ю.И.Айхенвальд 16 апреля 1925 г. – Я очень дорожу Вашим мнением». «Не подберу я слов, достаточно добрых, чувствительных и красивых, чтобы выразить Вам мою большую благодарность за Вашу статью о моей скромной книжке. Она очень ценная и лестная. Но еще лучше – она написана как тонкое и блестящее художественное произведение», – отмечал А.И.Куприн 16 мая 1920 г. «Люблю Вашу красочную литературную живопись и вкус. Читая вас, вижу ту картину, которую пером Вы изображаете, как художник кистью <...> Не пропускаю ничего, что Вы печатаете в "Посл[едних] нов[остях]" и в "Сегодня"», – читаем в письме Вас.И.Немировича-Данченко от 28 сентября 1929 г. «Дорогой друг, прочла Вашу действительно большую и настоящую (во всех смыслах) статью об Алданове», «Вчера мне как раз говорили о том, какая это умная статья», – пишет С.Ю.Прегель 20 и 24 декабря 1956 г. О том, как приятно ей было читать «прекрасную*

спросила их, не издадут ли они сборник моих статей. Они об этом запросили Алданова ("почему Ад. [амович] действует через третьих лиц?"), в 7 ч. утра мне об этом телефонировала Полонская, я написал Даманской, что она дура, и Даманская ответила мне афоризмом: "Я огорчена, что Вы огорчены"» (BAR. Mss Bacherac). В письме Алданову от 28 июня 1956 г. Адамович отзывается об этом инциденте более сдержанно: «Я не могу на нее сердиться – потому что, вероятно, в ее действиях не было никаких дурных помыслов. Было м.б. желание продемонстрировать свою влияние и свое право покровительствовать молодежи, только и всего» (BAR. Mss Aldanov. Box 1. Adamovich).

³² См., напр., хранящиеся в собрании Даманской письма Ю.И.Айхенвальда от 7 мая 1924 г. и 16 апреля 1925 г. с просьбами о новых книгах, А.В.Амфитеатрова от 29 ноября 1922 г. с объявлением о книге его жены И.В.Амфитеатровой и просьбой распространить это объявление, Н.Д.Милюти от 24 октября 1957 г. с благодарностью за помощь в получении 50 долларов от Литфонда из Америки и т.п.

³³ Даманская много писала о книгах европейских авторов; см., напр., письмо Г.Костена от 13 февраля 1939 г. с благодарностью за рецензию на его роман «Фердинанд и Изабелла». – BAR.

³⁴ Осоргин М. Ей и о ней // Дни (Париж). 1928. 18 марта. №1362. С.3.

статью о книге Адамовича»³⁵, сообщает Даманской Р.Чеквер 19 мая того же года. *«Спасибо за статью, – пишет по этому поводу сам Адамович 6 марта 1956 г. – Я не ждал ее и тем приятнее был ею удивлен. Во-первых, она очень талантливо и по-Вашему написана, а во-вторых – крайне лестна»*³⁶.

Этот перечень благодарственных отзывов можно было бы продолжить: Даманская действительно писала об очень многих. Несмотря на определенную специфику жанра (письмо с благодарностью за рецензию не предполагает критики), письма достаточно объективно свидетельствуют о главном – Даманская была рецензентом отзывчивым, внимательным и доброжелательным. Она следила за всеми новинками литературы, с готовностью откликалась на просьбы написать рецензию и добросовестно выполняла данное обещание³⁷, «честно и откровенно-дружески»³⁸ выражая свое мнение.

Тем не менее отношения с коллегами были далеко не безоблачными. Сказывались тяжелые условия эмигрантской жизни, *плотность* литературной среды и быта эмиграции, сложившиеся еще в России жесткая писательская иерархия и табель о рангах, старые обиды, авторское самолюбие. Сказывались неустроенность личной жизни, непростой характер, горячность натуры, сохранившаяся до старости склонность к тому, что Алданов когда-то назвал *озорством*. Наконец, одной из причин стало и то обстоятельство, что Даманская сотрудничала в изданиях разной политической ориентации, избегая лишь крайне правых и прокоммунистических (хотя после войны, поддавшись широко распространившимся тогда в эмиграции настроениям, писала и для просоветских «Русских новостей», – но этим *грешили* в те годы многие³⁹). Нежелание связывать свою журналистскую судьбу с изданием определенной политической

³⁵ Речь идет о рецензии Даманской на ту самую книгу Г.Адамовича «Одиночество и свобода», вышедшую в свет в 1955 г. (Нью-Йорк: Издательство им. Чехова), по поводу которой Даманская несколькими годами раньше пыталась «протезировать» автору.

³⁶ Все цитируемые письма – BAR. Mss Damanskaia.

³⁷ Подобные просьбы – вполне обычное явление в чрезвычайно «плотной» литературной среде эмиграции – поступали достаточно часто; см., напр., упомянутые письма Алданова и Амфитеатрова, письма Адамовича от 10 июля (?) 1947, Р.Чеквер от 19 мая 1956 г., А. Рода от 10 июля 1923 г. и мн. др. // BAR.

³⁸ См. письмо Адамовича от 10 июля (?) 1947 г. // BAR.

³⁹ О «просоветских» настроениях, их причинах и их преодолении см. последнюю главу мемуаров (203/204, 253–258).

окраски она объясняла тем, что не признает партийности и клановости в литературе и журналистике, справедливо полагая, что «*между белым и черным существует множество оттенков, которые должны воспринимать честный эмигрантский глаз*»⁴⁰. Подобная позиция далеко не всем была по душе. И то, что Осоргин считал безусловным достоинством («*в литературу не вносит политики*»⁴¹), не могло не раздражать Бориса Савинкова («*А Даманская-то – эсерка, строчит у Керенского!*») или Амфитеатрова («*Вот до чего распустили журналистику нынешние удивительные времена: Августа Филипповна пикать дерзает!*»⁴²).

Ярко выраженная политизированность эмиграции, отношение к людям другого лагеря как к врагам доставляли Даманской немало неприятностей, однако трагедию (вернее было бы сказать, драму) своей жизни она усматривала не в этом. Драма заключалась в несо-

ответствии того представления о Даманской-литераторе, которое сложилось в писательской среде, и ее собственного представления о себе. Собратья по перу видели в ней прежде всего журналистку и переводчицу. Сама она считала себя прежде всего прозаиком и, сознавая, насколько скромно ее дарование, все же надеялась создать что-нибудь «настоящее», если бы

**А.Ф.Даманская (стоит, третья слева)
в группе ближайших сотрудников
«Последних новостей» (Из юбилейного
сборника к 10-летию газеты)**

⁴⁰ Письмо Миролубову от 28 января 1926 г. // ИРЛИ. Ф. 185. Оп.1. Ед.хр.472. Л.26. Ср. воспоминания Даманской: «*Еще будучи в Ревеле, я списалась с руководителями молодой эсеровской пражской газеты "Воля России". <...> Мои статьи <...> печатали охотно, без сокращений, без изменений. Но в каждом письме редакторы <...> убеждали меня не давать одновременно статей в кадетскую газету "Руль". Я отшучивалась и продолжала сотрудничать в обеих газетах*» (198/199, 296–297).

⁴¹ Осоргин М. Указ. соч. С.3.

⁴² Письмо Савинкова Амфитеатрову от 7 февраля 1924 г. и письмо Амфитеатрова Савинкову от 4 февраля 1924 г.; цит. по: Амфитеатров и Савинков: Переписка 1923–1924 гг. / Публ. Э.Гарэтто, А.И.Добкина, Д.И.Зубарева // Минувшее. Вып. 13. М.; СПб., 1993. С.129.

судьба наконец улыбнулась ей. Еще в 1912 г. она писала Ф.Д.Батюшкову: «Мне все еще кажется, что я могу сделать что-то, а годы уходят, и с ними силы – в самой томительной борьбе. Чуть закружится что, и забота приглушает это. <...> Если бы нашелся человек, который дал бы мне возможность поработать 6-8 месяцев хотя бы в относительной обеспеченности»⁴³. В недатированном письме Миролюбову она сравнивает себя с верующим, которому помолиться некогда: «Вечно во мне что-то бродит, и я знаю, что это вовсе не мелкое и не дурное, и, как торгош, топчусь подле храма, а войти в него не могу, и некогда с моим ларем – переводами, заметками и всяким вздором»⁴⁴.

Как прозаик Даманская создала немного и обращалась, главным образом, к малым формам: рассказу, очерку, повести. Кроме того, она – автор двух романов и пьесы⁴⁵. Тема большинства рассказов и повестей Даманской – несложившаяся женская судьба; в основе сюжета – мимолетная встреча («невстреча», по Цветаевой), случайное знакомство, обманутые ожидания. Героини Даманской ведут одинокую жизнь, вспоминая о прошлом и почти утратив надежду на счастье. Несомненна автобиографичность многих ее произведений: судьба героинь в значительной степени перекликается с судьбой автора⁴⁶. В послевоенные годы Даманская писала рассказы об участниках Сопротивления. Темой ее последнего романа «Миранда» (1953), написанного в традициях классического реализма, стали взаимоотношения между эмигрантом аристократом Белополицевым и его двумя женами – красавицей итальянкой и еврейкой.

Критики, писавшие о прозе Даманской, неизменно отмечали «импрессионистические» черты авторской манеры: наблюдательность, внимание к детали, точность изображения, умение тонко передать настроение. «Г-жа Даманская <...> посвятила свое дарование

⁴³ ИРЛИ. Ф.155 (письмо от 30 апреля 1912).

⁴⁴ Там же. Ф.185. Оп.1. Ед.хр.472. Л.11об.

⁴⁵ Полную библиографию сочинений Даманской см. в указ. биогр. статьи О.Р.Демидовой и В.Н.Чувакова.

⁴⁶ После разрыва с мужем Даманская в 1900–1910 гг. много ездила по свету, подолгу жила в недорогих европейских пансионах, воспитывая больного сына и зарабатывая на жизнь журналистикой и переводами. В эмиграции внешняя сторона ее жизни не претерпела значительных изменений: она жила одна, снимая комнаты в дешевых пансионах, часто меняла адреса, во время своих журналистских поездок встречалась со многими людьми, но ни с кем не сходилась близко, поддерживая, главным образом, старые знакомства. Ощущение уходящей (или прошедшей) жизни явственно в прозе Даманской, в ее мемуарах и письмах.

<...> преходящим настроениям, которые она рисует, не углубляясь, мимоходом, вскользь. Сюжеты ее рассказов неизменно приурочены к беглым встречам, к случайным, мимолетным отношениям. <...> В них нет глубины, нет захватывающей силы, и все проникнуто каким-то смутным женственным или, как любит выражаться сам автор, "радостно-печальным" настроением», – писал В.Кранихфельд в рецензии на сборник ее рассказов⁴⁷. Однако, верно подметив особенности стиля Даманской, большинство критиков порицали ее за «импрессионизм», за «склонность к прилагательным», считая, что «главное, суть остается в тени»⁴⁸. Одним из немногих, кто оценивал эту сторону дарования Даманской положительно, стал Адамович, назвавший ее рассказы «"моментальными фотографиями", сходными с "записной книжкой <...> внимательного и умного наблюдателя"». «Область Даманской – "маленькая жизнь", а не великие страсти и великие преступления. В этой маленькой жизни она видит самое значительное – душу человека», – отметил он в рецензии на сборник рассказов «Жены» (Париж, 1929)⁴⁹, главная тема которого – судьбы скитающихся по свету русских женщин-беженек.

В последние годы жизни Даманская создала, может быть, главное свое произведение – мемуары «На экране моей памяти». По масштабности поставленной задачи и широте охвата событий они вполне сопоставимы с созданной значительно позднее и давно ставшей классической мемуарной трилогией Р.Гуля «Я унес Россию»; что касается хронологии, они значительно шире. Мемуары Даманской – тоже трилогия, повествующая о трех основных этапах жизни («трех жизнях») автора: российском (1900-е – 1920), берлинском (1920–1923) и парижском (1923–1959). Есть определенное сходство и в композиции: основной текст перемежается многочисленными вставными новеллами, портретами многих деятелей русской литературы и искусства, рассказами-зарисовками о встречах с ними. Название мемуаров предельно точно отображает авторскую

⁴⁷ Кранихфельд В. А. Даманская. Рассказы // Современный мир. 1908. №9. Отд. II. С. 70, 72.

⁴⁸ Кранихфельд В. Указ. соч.; П.Ш. А. Даманская. Стеклопанная стена // Руль (Берлин). 1921, 13 ноября. №302. С. 10; первой в ряду рецензий подобного рода явилась рецензия Ю. Айхенвальда на рассказ Даманской «В Америку» (Русская мысль. 1904. №2. Отд. II. С. 195–196), положившая начало своего рода стереотипу восприятия.

⁴⁹ Адамович Г. «Жены» А. Даманской // Иллюстрированная Россия (Париж). 1929. №39. С. 8; кроме того, он написал рецензию о «Женах» для «Последних новостей» (1929. 5 сентября); о сборнике писали также П. Пильский (Сегодня. 1929. 25 августа) и В. Набоков (Сирин) (Руль. 1929. 25 сентября).

установку: воссоздать историю эпохи и рассказать о судьбе своего поколения. Не личная судьба, а то, что происходит вокруг автора и запечатлевается на экране памяти⁵⁰, представляет для мемуаристики основной интерес. Даманская была участником литературной жизни в России рубежа веков, пережила три революции, в первые годы после октябрьского переворота жила в знаменитом «Доме искусств» и сотрудничала в не менее знаменитой «Всемирной литературе», жила в Берлине в период расцвета «русского Берлина» и переехала в Париж незадолго до того, как он стал столицей русской эмиграции. На страницах воспоминаний она предстает как свидетель происходившего, а не как главное действующее лицо. В тех редких случаях, когда Даманская рассказывает о перипетиях собственной судьбы, она неизменно оговаривается, что была одной «из многих сотен русских», на долю которых выпали нелегкие испытания. В ее воспоминаниях переплетаются черты широкого панорамного изображения, беглого наброска и тонкой миниатюры (сказались «импрессионизм» и цепкий журналистский глаз!), складывающиеся в многоплановую картину русской дореволюционной и эмигрантской жизни.

Немаловажно, что Даманская не только воссоздает историю своего поколения – она пытается ее осмыслить, дать ей объективную (невзирая на субъективность жанра) оценку. В мемуарах много размышлений об особенностях национального характера, о специфике русской литературы, о природе и причинах социальных катаклизмов, о феномене эмиграции⁵¹, о судьбе России и русских писателей

⁵⁰ Метафора «экран памяти», вероятно, отчасти подсказана Осоргиным (см. его письмо Даманской от 30 ноября 1941 г. о событиях, проходящих перед «экраном ума»), но главным образом, несомненно, воспоминаниями Дон Аминадо «Поезд на третьем пути» (Нью-Йорк, 1954), ср.: «<...> на освещенном экране человеческой памяти встают дни, месяцы, годы, события, числа, даты, бывшее, минувшее, бывшее и давно прошедшее». Цит. по: Дон Аминадо. Поезд на третьем пути. М., 1991. С.143–144.

⁵¹ Очень интересно сравнение эмиграции русской и французской: «Русские эмигранты не вели счета свои годам на чужбине. И очень, очень мало было среди них людей, задумывавшихся над одним немаловажным обстоятельством, составлявшим существенную разницу между французской и русской эмиграцией. Якобинцы стояли у власти всего три года. И за эти три года французские эмигранты и преимущественно французская знать, культурные ее представители, очень многому научились у иностранцев, которых не знали раньше. <...> Русским эмигрантам, тем, кто потерял все, и наследственное, родовое, и благоприобретенное, нечему было учиться на чужбине. За ними был уже вековой опыт землепользования и строительства. <...> В гуманном обращении с низшими их по положению

в эмиграции по сравнению с судьбой писателей немецких и испанских, также сделавшихся изгнанниками после прихода к власти Гитлера и Франко⁵². Не всегда ее выводы и оценки справедливы; во многих случаях они основаны на вполне естественной аберрации памяти, на неверном истолковании фактов или на мифах, бытовавших в зарубежье⁵³. Однако ценность мемуаров Даманской, как и мемуаров вообще, заключается не в фактологической точности. Рассматривая события, свидетелем которых она стала, как элементы «апокалиптического действия истории», а себя – как одну из «маленьких спиц в колесе истории», которым «грозила ежедневная возможность упразднения – за ненужностью» (203/204, 258), Даманская до конца жизни стремилась противостоять этой угрозе единственно доступным ей оружием – словом. Мемуары стали ее последней попыткой в этом ряду. Написать о своем поколении – значит, не дать ему уйти бесследно, сохранить память о нем и передать его опыт потомкам, преодолеть все углублявшийся разрыв между «там» и «здесь», между «тогда» и «теперь», между «они» и «мы», т.е. тот географический, временной и экзистенциальный разрыв между эпохами и поколениями, о котором так много думали и писали эмигранты первой волны⁵⁴.

социальному, со слугами, они могли давать французам сто очков вперед. Но русские эмигранты узнали что-то другое, поразившее и смутившее их неожиданностью. Европа их не знала, Франция не знала России» (202, 168–169).

⁵² «У германских, австрийских писателей, носителей известных имен, не могло быть тех материальных забот, какие выпали на долю и какие мешали работать и унижали русских эмигрантских писателей. <...> Если эти писатели и лишены были самой многочисленной родной аудитории, то все же положение их было неизмеримо лучше, чем положение русских писателей. А там – понаехали во Францию испанцы. У каждого из испанских писателей, не принявших политического курса Франко, было уже в тридцатых годах больше читателей во Франции, чем у всех эмигрантских русских писателей, вместе взятых. После английских писателей, давно имеющих во Франции большой круг читателей, наиболее популярные – это писатели испанские. Объясняется это, во-первых, общими границами <...>, некоторым родством языков и, главное, той силой притяжения, какую всегда представляла Испания для писателей и туристов. Испанские писатели были в Париже "как дома"» (202, 172).

⁵³ Об отраженных в мемуарах Даманской мифах см. нашу ст.: Мемуары русских писательниц... С.65–67.

⁵⁴ См. начало гл. «О том, что не забывается»: «Не только на чужбине, где так далеки друг от друга когда-то люди одного интеллигентного круга, часто встречавшиеся, имевшие возможность обмениваться своими думами, но, вероятно, и там, на родине, мало уже осталось людей, в которых воспоминания людей моего возраста могли бы найти живой и сочувственный отклик...» // Лица. Указ. изд. С. 120.

Из воспоминаний А.Ф.Даманской

В школе мы не проходили произведений Августы Филипповны. Готовя к публикации настоящую статью о ней, мы получили большое удовольствие от знакомства с произведениями этого талантливого автора, и нам захотелось поделиться своим восхищением с читателями. Приводим (с некоторыми сокращениями) несколько отрывков из мемуаров Даманской.

Редакция

Гейне из Мозыря

Так называл его, завистливо глумясь над ним, один из нововременских журналистов. Но в этом глумлении, оказалось потом, была значительная доля верной оценки многоодаренного, умного и остроумного, в то же время романтичнее из русских фельетонистов – театральных критиков и обозревателей Александра Рафаиловича Кугеля – он же и Номо повус, он же и Николай Негорев. Он не писал стихов, но в юморе, всегда остром, не всегда мягком, в его даре значение какого-нибудь политического события или общественного скандала изложить в форме художественного скетча и, не выходя из границ намеченной темы, провести неопровержимую и поражающую смелой новизной аналогию с событиями далекого прошлого было много от гейневского скепсиса, от непоколебимой его уверенности, что так было, так есть и так будет...

Но скепсис уживался у Кугеля с страстностью, с каким-то оргиастическим жизнеощущением... <...>

Не говорил он лишь из гордости, вероятно, какой трудный, какой тернистый путь пришлось ему проделать, чтобы из фельетониста дешевой уличной «Петербургской газетки» развернуться в журналиста, в театрального критика, оставившего в русском газетном и журнальном мире, как и в театральном, следы более яркие, нежели Амфитеатров и Дорошевич. А эти при жизни были не только удачливее, но и известнее.

В большую – во всяком случае не развеселую, не уличную – газету «Русь» пришел А.Р.Кугель уже известным критиком, уже как редактор им же издававшегося журнала «Театр и искусство» и как создатель театра «Кривое зеркало».

На каждой премьере актеры Александринского театра в Петербурге и других театров выглядели в дырочки в театральном занавесе, сидит ли уже Кугель на своем рецензентском кресле. Его пышная, всегда растрепанная голова, его всегда небрежно завязанный галстук были центром актерского внимания, да и дирекции театра. Присутствие его в театре больше волновало, нежели появление высочайших особ в глубине обрамленной красными портьерами в золотых гербах ложе. Кугель и его журнал «Театр и искусство» решали судьбу пьесы, актера, актрисы – и не только драматических театров.

Граф Витте в своих воспоминаниях рассказывает, как Николай II, однажды рассеянно слушавший его доклад, вдруг прервал его вопросом: «Скажите, Сергей Юльевич, Вы знаете Кугеля?» Витте, опешив, ответил, что такого не знает. «Нельзя ли ему дать как-нибудь понять, что не надо так бранить Кшесинскую? Великому князю Сергею Михайловичу это очень неприятно». Бывшая возлюбленная Наследника Престола вскоре после его женитьбы на Гессен-Дармштадтской принцессе сошлась с кузеном молодого царя Сергеем Михайловичем.

Не было в России такого угла, более или менее культурного, куда не доходил бы слух о «Кривом зеркале», где <...> не было бы читателей «Театра и искусство» <...>

А.Р.Кугель родился не в бедной, не в богатой семье казенного раввина в местечке Мозырь Минской губернии и до последних своих дней чувствовал связь с еврейством и в то же время горячо любил Россию, русскую литературу и русский театр, и русского актера.

Незадолго до большевистского переворота на одном актерском съезде в Москве в программу дня поставлен был вопрос об актерах-евреях, лишенных права жительства в столице. Против евреев-артистов выступила знаменитая Стрепетова. *«Глаза Стрепетовой, – вспоминал он в своем журнале «Театр и искусство», – были тяжелые, мрачные, и голос, при всей музыкальности, сверлящий и будоражащий. Она похожа была на раскольницу, на обитательницу заволжского скита. Что-то от изуверской хованицы, старой моленной протопопа Аввакума, от брянских лесов сказывалось в этой некрупной, кривобокой, столь необыкновенной женщине».*

Кугель слушал ее речь, старую зоологическую теорию национализма. Слушать было тягостно и страшно. *«Все было совершенно просто, гладко, ясно, логически закончено. Я думал о том, – писал он позднее, – что если эта бушменская арифметика захватит толпу, а она может захватить, потому, что ей придается характер патриотической заслуги, – я потеряю веру в русского актера, и с чем я тогда духовно останусь? И что-то росло в моей груди, ширилось, стало огромным, глубоким, как море».* Кугель взшел на эстраду, едва умолкли аплодисменты, провожавшие Стрепетову, и заговорил... Стрепетова речью Кугеля была разбита. Зоологический национализм отскочил от существа актера, даже не оцарапав его. <...>

(На экране моей памяти. Лица: Биограф. альм. Вып.7. М.; СПб., 1996. С.144–147)

* * *

О том, как мало знали французы о нас, о России, может сказать еще такая сценка, действующим лицом которой была я сама и 16-летний хозяйский сын в одном пансионе в Савойе, где я отдыхала после болезни.

Послала его ко мне мать – что-то испортилось в моей настольной лампе. Я перестала читать и с интересом смотрела, как он ловко работал маленькими инструментиками, которые брал из висевшей у его пояса почти элегантной кожаной сумки. Я молчала – и он молчал. Ему скоро надоело молчать. Он взглянул в окно, на позолоченные солнцем снежные шапки гор и не то осведомительно, не то вопросительно молвил:

– Красота какая... А...

Я согласилась – да, очень хорошо.

Он помолчал немного и спросил:

– А в России горы есть?

– Конечно, есть. Кавказ, Крым, Урал, Алтай...

– Да-да... И высокие? Настоящие горы? Или вот такие, – он подержал в воздухе ладони на высоте полутора-двух метров от пола.

– Нет, нет, не такие маленькие. Настоящие горы, Эльбрус, Арарат – выше Монблана, – невольно загорячилась я.

Юноша недоверчиво слушал, удивленно подняв лоб в морщинки.

– И море есть?

– И море есть. И не одно.

Рене с электрическим шнуром в одной руке, с ножичком в другой круто повернулся ко мне:

– Какие же такие?

– Ну, Черное, Каспийское, Балтийское, Ледовитый океан.

– Гм... И реки тоже? Большие реки?

Я не могла не рассмеяться.

– Разве в школе Вас географии не учили? Волга, Ока, Кама, Дон, Днепр, Днестр... всех не перечесть.

– Да, да, вспоминаю. У нас такой фильм тут показывали... Так, так... Значит, большая она, ваша Россия. Больше Франции?

– Да, немного как будто бы больше. У вас нет карты Европы?

Он не ответив, продолжал хмуро работать и вдруг огорошил вопросом:

– Почему же вы здесь, а не у себя дома? От революции убежали?

– Это долго объяснять, – начала было я и, чувствуя, что краснею и что Рене торжествует, видя мое смущение, с деланным равнодушием повторила. – Долго об этом... Как-нибудь в другой раз. Кончили?

Рене собрал свои инструментики, на мое «мерси» сухомерно ответил «Не за что...» и ушел.

Да, в самом деле, почему мы здесь, когда у нас хорошо, и горы, и моря, и реки. Как было ему объяснить?

(На экране моей памяти // Новый журнал. 1996. №202. С.163–164)

* * *

...В этом отеле, где я прожила до 17 марта 1940 года, я познакомилась с одним из самых богатых духовно, с одним из самых благородных людей, каких мне надо было встретить на своем веку. Это был человек, внешне напоминавший Квазимодо. Небольшого роста человек, некрасивость которого искупали детски ясные голубые глаза. Два драгоценных камня, подаренные природой этому некрасивому лицу. Илья Александрович Бритман* было ему имя. В Берлине его знали писатели, актеры, музыканты, художники. Он был редактором театрального, художественного еженедельника «Всемирная суета», был одним из ближайших сотрудников издательства

* По всем данным, речь идет об Илье Алексеевиче Британе. См. о нем статью В.Телицына в РЕВЗ. Т.1(6). С.428–443.

Улльштейна, близким другом Макса Рейнгардта и Александра Моисси, был автором нескольких сборников стихов, которым дал восторженную оценку Ю.И.Айхенвальд.

В 1936 году И.А.Бритман по настоянию друзей-арийцев оставил ставший ему родным Берлин и далек был от мысли, что темная сила национал-социализма может настичь его и во Франции. В Париже он нашел надежный, как ему казалось, приют. В Париже он встретил доброго знакомого проф. Иосифа Владимировича Гессена, раньше уехавшего из Берлина. Воспоминания об общей работе в издательстве Улльштейна были для обоих часами душевного отдыха. Беседовать с Бритманом, вернее, слушать его было истинным наслаждением. Столько он знал, видел, столько книг прочитал, со столькими значительными талантливыми людьми дружил. Этот русский широко образованный европеец был глубоко верующий, религиозный и богомольный еврей. День свой он начинал с молитвы и молился долго, надевая, как старозаветные ортодоксальные евреи, «филактели» – и талес (широкий шарф в белых и черных шелковых полосах), в субботные дни не брал в руки пера, не ездил в метро, ни в автобусах, строго соблюдая все предписания религиозного ритуала. Нуждался он горько и, скрепя сердце, время от времени продавал какую-нибудь редкую дорогую книгу из своей в прошлом богатой библиотеки, малую часть которой ему удалось вывезти из Берлина. От помощи близких друзей – которые, по его сведениям или догадкам, не располагали достатком, – упорно отказывался. За семь месяцев близкого с ним соседства и ежедневных встреч не слышала от него ни одной жалобы.

Раза два за все время нашего знакомства он, понизив голос и опустив свои детски чистые глаза, говорил о своем мальчике, жившем с матерью где-то далеко, в чужой стране. Говорил дрожащим голосом, и угадывались в звуке его голоса большая скорбь и большая любовь.

Страстный театрал, он, как я догадывалась, восстанавливал письменно артистические дерзания Пискатора и гигантскую работу Макса Рейнгардта и его труппы. <...> В те зимние месяцы 1939–1940 гг., когда он так ревниво оберегал свои записи, мог ли он предвидеть, какой удел уготовлен Роком увеличивающейся гряде исписанных им страниц <...>?

<...> О том, что в июле 1940 года И.А.Бритман вместе с 44-мя другими евреями-заложниками был арестован, о том, что он был расстрелян, о том, как он умирал, я узнала лишь два года спустя. Он шел на смерть улыбаясь, глядя на солнечное в тот день небо, которое видел в последний раз. Отлично владея немецким языком, упрямил палачей не завязывать ему глаза, и палачи, пожимая плечами, исполнили просьбу этого непонятного им, чем-то как будто смущавшего их некрасивого человека с детски доверчивыми глазами.

(На экране моей памяти // Новый журнал. 1996. №203/204. С.201– 204)

«Авось хоть в раскопках найдут...»

Анатолий Иванов (Москва)

Мать уехала в Париж...
И не надо! Спи, мой чиж.
А-а-а! Молчи, мой сын,
Нет последствий без причин.

Эта «Колыбельная» Саши Черного напечатана в 1910 году. Подзаголовок стихотворения: «Для мужского голоса». Под звуки колыбельной младенец мало-помалу засыпает. Совсем другое дело взрослый. Следовало бы ожидать что-то идиллическое. Но нет. У стихотворения совсем другой смысл. Машинально кто-то напевает какие-то слова, приходящие в голову, и — думает. Жена, вертихвостка, подкинула ему младенца, а сама смоталась в Париж — где можно покуролесить, пошиковать, подцепить нового вертопраха — словом, пожить в свое удовольствие. А супругу остается куковать, размышляя о ситуации, в которой он оказался.

Саша Черный на своей даче

Скажем прямо, необычный поворот. Как правило, в роли брошенной жертвы оказывается женщина, оставшаяся с младенцем, а муженек отправляется срывать цветы удовольствия.

Но Саша Черный (на то он и Саша Черный) привычную ситуацию выворачивает наизнанку. Бедолага-отец вынужден нянчиться со своим чадом, а мать предается мотовству на курортах.

М-да, ситуация и впрямь трагикомическая. И яркая, необычная. Может быть, поэтому стихотворение привлекло певцов — Вертинского, Козина. А ближе к нашему времени «Колыбельная» была

положена на музыку французским шансонье Ги Беаром (перевод с русского Э.Триоле). И это еще не все. В домашнем кругу «Колыбельную» Саши Черного любил исполнять Ф.И.Шалапин:

Кот козу увез в Париж...
Спи, мой котик, спи, мой чиж!

Париж присутствует здесь в виде некоего символа разгульной жизни.

Или вот еще из доэмигрантского времени. В «Сатириконе» была напечатана басня «Волк и баран» французского поэта Виктора Буше. Переводчиком значился некий Chat noir. Несложно догадаться, что за «Ша нуар» (букв. «Кот черный») скрывался Саша Черный.

«Французская» тема Саша Черного, может быть, этим была бы исчерпана. Ведь его знакомство с Европой ограничивалось слушанием лекций в 1906/7 учебном году в Гейдельберге (Германия) и посещением Италии.

Прошли революция и Гражданская война, и Россия стала похожа на развороченный муравейник. Один из героев Саши Черного говорит: *«Несла наша курица в прошлом золотые яйца, курицу зарезали, яйца разбили, пух по ветру гуляет... А кто ее зарезал, до сих пор на диспутах спорят. Может, интеллигенция, а может, и необразованные»*. Так или иначе, очутился Саша Черный на чужбине и оказался в глубоком духовном кризисе: *«Всякий честный человек должен покончить с эмиграцией. Осталось два выхода: пулю в лоб или принять жизнь Запада, раствориться в нем, отыскать свое место и перестать быть эмигрантом»*, – говорил он. Поэт, впрочем, не выбрал ни первое, ни второе. А вот слова на эту тему оставшейся на родине Анны Ахматовой: *«Вы заметили, что с ними со всеми происходит? Саша Черный жил в Петербурге, хуже города на свете не было. Пошлость, мещанство, скука. Он уехал, и оказалось, что Петербург это рай»*.

Наиболее емко двуединое чувство поэта выражено в словах:

Никогда я не забуду,
Никогда я не прощу!

Позиция Саши не менялась: «Что бы ни случилось, я не вернусь обратно. Потому что *моей России* больше нет и никогда не будет».

Вначале он поселился в Берлине, «мачехе российских городов», по выражению Ходасевича, где спасался от ностальгии участием в бурном расцвете русской печати в Германии начала двадцатых: печатался в газетах, журналах, альманахах, переиздал свои «Сатиры и

лирика», двухтомник «Сатиры» и выпустил большую книгу стихов «Детский остров».

Все стихи поэта об одном – «ноша здесь, а сердце там, далече, уплывает с тучей на восток». Особо стоит выделить стихотворную книжку «Прогулки по Петербургу» (позднее возникло другое название – «Вспомни!»). Увы, книга не увидела свет (вероятно, у издателя не нашлось денег). Некоторые из предназначенных для нее стихов включены Сашей Черным в сборник «Жажда», который поэт издал за собственный счет.

В этот период Александр Михайлович выпустил сравнительно много книг (особенно детских). Но в 1923 г. началась галопирующая инфляция; в советской России был принят закон, по которому разрешалось покупать книги только с новой орфографией, и невиданный берлинский издательский расцвет угас. Эмигранты двинулись кто куда. Одни – в основном «сменовеховцы» – на родину. Другие – в страны, давшие приют выходцам из России. Для большинства из них центром притяжения стал Париж, где собрались лучшие писатели России.

Саша Черный, не любивший действовать «скопом», поступил иначе. Ему всегда нравилась Италия. К тому же совпало, что вдова Леонида Андреева собралась перебраться в Рим и предложила жене Саше Черного исполнять обязанности учительницы ее детей. На вилле, снимаемой вдовой Леонида Андреева, поселились и Александр Михайлович с женой. В домашней гимназии поэт тоже стал исполнять обязанности преподавателя: он учил Веру и Валентина географии, русскому языку и литературе. Но семья Андреева в начале 1924 года надумала перебраться в Чехию, и домашние педагоги оказались в затруднительном положении. Помощи ждать было неоткуда, но из критического положения выход был найден: Саше Черному удалось продать русской библиотеке в Риме коллекцию книг из своего собрания. Так он оказался в Париже – городе, о котором когда-то ему доводилось писать. (Хотя бы потому, что визы в другие страны попросту не давали.) Во Франции и завершилась эмигрантская одиссея поэта.

Переживания, связанные с переездом, отразились в стихотворной сатире «Любовь к ближнему», которую предваряет эпиграф: *«Сиди на месте и не рыпайся. В Париже ни квартир, ни работы. – Из письма парижского эмигранта римскому».*

В рукописи приводится еще один вариант того же текста:

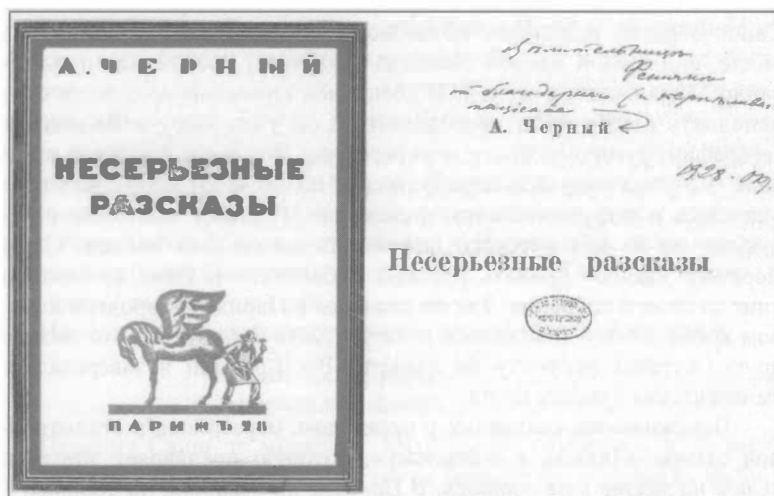
– *Стоит ли переезжать в Париж?*

– *Ни в коем случае!*

С квартирами и работой, действительно, было туго. Быть может, слишком много было эмигрантов из России? Однако выясняется, что выходцев из Италии, Испании, Польши было много больше. Россияне были заметнее благодаря своим ресторанам, отличавшимся от французских кухней и антуражем «а ля рюсс», да обслуживанием клиентов таксомоторов, что у них, россиян, получалось лучше, чем у таксистов-аборигенов. Был еще один момент, который позволял соотечественникам не потеряться, а держаться вместе, хотя каждый в конце концов находил свое место и пристраивался к какому-то делу. «Эмигрантский уезд» – такое наименование дал Саша Черный этому сообществу.

Его житье-бытье понемногу налаживалось. К примеру, как большинство эмигрантов, он обзавелся камином.

<...> Славная штука этот камин!
Кресло, шипенье пекущихся яблоч!
Котелок с бурлящей водой
И, пожалуй, на вертеле жирная утка...
Косые капли дождя
Монотонно секут запотевшие стекла...
Замок притих. <...>

Дарственная надпись Саши Черного на книге «Несерьезные рассказы»:
Целительнице Фенечке от благодарного (и терпеливого)
пациента. 1928. Окт. (Национальная библиотека Израиля)

Увы, в действительности все обстояло иначе, и владельцу камина приходилось прибегать к всевозможным хитроумным средствам, чтобы обогреть жилище.

<...> Одним утешеньем живешь: апрель недалек,
Наглухо этот камин ненавистный закроешь
И солнцем, щедрою печкой для всех,
Огреешь продрогшие стены...

Но в середине декабря 1924 года, по совету жены Куприна, Саша Черный в студии художника Малявина организовал литературный вечер. Вечер имел огромный успех, хотя из-за тесноты помещения попасть на него удалось далеко не всем. На вырученные деньги была куплена вожаделенная «Саламандра» – металлическая печь, топившаяся углем.

Не от ее ли тепла Саша Черный кардинально изменился к читателям? Если прежде, до революции, он чуждался публики и никогда не выступал со своими произведениями, то в эмиграции, и прежде всего во Франции, стал участником всевозможных мероприятий. Это и вечера поэзии, прозы, выступления с лекциями, участие в устраиваемых ежегодно вечерах русских писателей в здании «Лютетии», спектакли для детей (обычно Саша Черный к Новому году, проводимому Тургеневской библиотекой, придумывал пьески). Можно припомнить также вечера землячеств. Так, например, в ноябре 1929 года состоялось собрание одесского землячества, где выходцы из Одессы смогли встретиться со своим прославленным земляком. Помимо выступлений, разыгрывались и книги с автографами – в частности, желающие могли стать обладателями автографа Саши Черного. Устраивались также водевили, сочиняемые им для собратьев по литературному цеху. Помимо присущего поэту «веселого духа», было еще желание помочь братьям, оказавшимся в трудном положении. «Надо помочь» – это выражение применимо ко многим мероприятиям Саши Черного.

Он выступал и как поэт, и как прозаик, и как детский писатель, но приоритет, разумеется, прежде всего следует отдать поэзии. Это стихи о соотечественниках в изгнании, о ностальгии, которая с отдалением молодости и потерей отчизны звучит все сильнее,

Потому что только старка
С каждым годом все душистей,
Все забористей и крепче, –
А Цирцеи и поэты...
Вы видали куст сирени
В средних числах ноября?

Можно обращаться к любимым книгам или ходить по комнате в обнимку с котом. Но, в сущности, это самообман. В каком-то прозрении становится ясен ужас происшедшего:

Эти сказки и баллады
До добра не доведут...
Вдруг очнешься: мрак и холод,
Цепь на шее все короче,
А вокруг кольцом собаки...
Чуть споткнешься — и капут.

Но не стоит, не стоит все время говорить о грустном. Тем более что рядом существовал мир, которому предстояло стать новой родиной. Соглядатай тайн, он сумел увидеть жизнь французов. Это и каменщики, неспешно беседующие в угловом бистро. И рыболовы, не отрывающиеся от парапета Сены. И разнообразный люд парижской подземки. И мастеровые, гоняющие футбольный мяч на пустыре. И ажан, ведущий строго-юмористическую беседу с малолетней француженкой. И деловые люди, всю неделю занятые трудом, в воскресные дни преображающиеся, попадая на пляж. Всех их, по мнению поэта, объединяет прочный, обустроенный быт, исконные человеческие ценности. Словно музей посещает он французские апартаменты, где все прочно и неизменно. «Дворик»... «Салон»... «Кухня»... «Спальня»... «Мансарда»... Так непохож он на неустроенный, безалаберный, кочевой быт соотечественников. Бывает, правда, сорвется что-нибудь по адресу «сотен пар двуспальных», заставляющих вспомнить былого насмешника и ирониста.

Стихи печатались регулярно, но с 1923 года отдельных стихотворных сборников Саши Черного не выходило. Вероятно, по этой причине он спешил собрать написанное в книгу, которая в американской газете 1931 г. была проанонсирована под названием «Под небом Франции». Заглавие совпадало с фетовским, оно вмещало бытие и эмигрантов и тех, кто извечно жил на этой земле.

Книга, однако, не состоялась. Может, не нашлось средств. А может, поэта увлекла новая идея, отодвинувшая былые планы. Это поэма «Кому в эмиграции жить хорошо», где Саша Черный решает поднять некрасовский вопрос в эмигрантском освещении. Герои его — это знакомые по чеховской прозе приват-доценты, курсистки, агрономы и прочие интеллигенты, вынужденные в иноземной обстановке переквалифицироваться в маляров, массажистов, книгонош-коробейников, пансионодержателей... Дела их по преимуществу не ах как хороши. Однако каким-то чудом они остаются на

плаву, не теряют присутствия духа и чувства юмора. По ширине размаха, по многообразию типов – это поистине энциклопедия эмигрантской жизни. «Россия, выехавшая за границу», – говорит о ней Дон-Аминадо. И Саша Черный, как будто предчувствуя, что ему отпущен недолгий жизненный срок, спешил завершить начатое. Написанное предназначалось не только современникам, но и их потомкам, чтоб не исчезло окончательно былое. Как он говорил: «Авось хоть в раскопках найдут...»

Проза... Рассказы Саша Черный начал писать еще в России. Но, во-первых, их было немного, а во-вторых, они не имели общего стержня – писатель искал себя. Лишь во Франции рассказы стали появляться регулярно и, при всем многообразии сюжетов, были объединены общей темой – быт эмиграции. В 1928 году их набралось на целую книгу, озаглавленную Сашей Черным «Несерьезные рассказы». Эпиграфом к ним писателем взята пословица: «Посильна беда со смехом, невмочь беда со слезами». И подлинно: проза поэта, по словам

А.Куприна, «пронизана легкой улыбкой, беззаботным смехом, невинной проказливостью». Это вовсе не юмор и не сатира. Самое точное название дал сам Саша Черный – рассказы именно *невинные*. Лукавая усмешка умеренно дозирована, и, замечает Куприн: «...если ухо улавливает изредка чуть ощутимый желчный тон, то что же поделаешь: жизнь в эмиграции не сахар».

И в дальнейшем Саша Черный продолжал публиковать рассказы, правда, не успев собрать и издать их. Характер его героев становится более сложным, но «русская Атлантида» продолжает оставаться неким потерянным раем. В этой земле обетованной всегда царит мир, лад, красота. Он зрим, этот мир, домовит, насыщен множеством узнаваемых бытовых подробностей. Его герои как бы вспоминают: «А помнишь как?.. » Им не хватает русской беседы – как в былые годы «вот так в четыре руки по всему мирозданию клавишами пребрассывались».

Но изгнанники оставались людьми, а земля, по выражению Саши Черного, была столь же прекрасна «как в первый день мироздания, когда господь положил кисти и сам залюбовался на свое творение». По-прежнему были сладки земные плоды, блаженно солнечное тепло, бездонна бирюзовая крыша над головой...

К жизнеутверждающим творениям Саши Черного можно отнести его книгу «Солдатские сказки». Она вовсе не похожа на то, что писалось им раньше. Да, пожалуй, и во всем русском языке не найти ничего подобного. Это сказки, точнее байки, простых русских солдат – рядовых, денщиков, раненых на излечении. Одна байка переходит в другую, которая в свою очередь рождает третью, а читатель словно видит оживленных слушателей.

Эти произведения не совсем выдуманы: Саша Черный, проходя срочную военную службу, и позже, в годы войны, когда он служил санитаром, встречал солдат с хорошо подвешенными языками и слушал их бывальщины и небылицы. Однако сказки Саши Черного ни в коем случае не стилизация. Ощутима лексическая дистанция, представляющая рассказчика одним из персонажей, развлекающих солдат своими байками и побрехушками. Подобно автору «Левши», Саша Черный любит вставить затейливое словцо из так называемой народной этимологии. Впрочем, автор не увлекается словотворчеством. Словесный склад всегда ровен, как частокол, – ни одно слово не выпадает из общего ряда. Но остановимся, ибо о «Солдатских сказках» можно писать много.

Все большее место в его творчестве занимали дети. Саша Черный тянулся к ним, к их занятиям и увлечениям, а они к нему.

Море-камни – сосны-шишки...
Над водой крутой откос.
Две девчонки, два мальчишки,
Пятый – я, шестой – барбос.

Есть взрослые писатели, которые приседают на корточки, сочиняя для маленьких, другие всю жизнь сюсюкают, будучи, в сущности, далекими от детской души. Можно ли избежать такого рода литературы? Выход один – искренно любить тех, для кого пишешь. «Нужно, чтобы книгу написал кто-нибудь большой и умный, и вместе с тем понятный и близкий, словом – свой. Для русских детей этот свой – Саша Черный», – сказал один из критиков, близко его знавших.

Первыми читателями и слушателями писателя были малыши эмигрантов. Но и сегодня интересные младшему поколению, сочинения Саши Черного сделали его поистине детским классиком.

Прежде всего это рассказы о животных – «Дневник фокса Микки», «Кошачья санатория», которые вначале печатались в журнале, а потом вышли в виде книг. Затем повесть «Чудесное лето», представляя которую, автор писал: «...Помимо внешних событий и приключений, меня занимала внутренняя как бы

подводная ее тема: захотелось вырвать эмигрантского мальчика, совсем еще детеныша, из городской квартирной клетки, освободить его от эмигрантских будней, среди которых всякое детство гаснет. В редких случаях (к счастью, невыдуманных) на долю наших детей выпадают такие минуты. Либо в усадьбе под Парижем и месяц у моря в Провансе окружают маленькое, уже рассуждающее существо хоромом насыщенными радостью днями. <...> Полнота такого маленького детского счастья, дошкольного, доргородского, беспечного цветения и является основной темой повести».

Сашей Черным написаны и другие рассказы и сказки для детей, изданные в Париже. Исключение составляют лишь две книги – «Серебряная елка» и «Румяная книжка», которые вышли в Белграде, поскольку взойшедший на престол Югославии принц Александр выделил денежные средства для издания новых русских книг.

Но это прозаические книги. А как обстояло дело со стихами для детей? Они регулярно печатались Сашей Черным в журналах, впоследствии – в рубрике, которую он назвал «Детский остров». Лишь к 1932 г. поэт наконец задумывает издать книгу стихов для детей, отобрав наиболее интересное. О своих планах Саша Черный пишет Хохлову, который готовил книгу в издательстве «Иллюстрированная Россия». Даже название для книги было придумано – «Ручей». Увы, смерть помешала осуществить этот проект. Так уж получилось, что именно стихи – те, что предназначались для взрослых, и те, что должны были читать дети, – не были изданы книгами.

Саша Черный очень любил природу. Именно ей в первую очередь он посвящал свое творчество. Каждое лето он стремился провести вне города. Мечтой его было поселиться на собственном участке, в живописной глуши, где можно предаваться любимым делам. Удивительно, но на склоне лет его мечте суждено было исполниться. Он приобрел клочок земли на побережье Средиземного моря, в Ла Фавьере, где обосновалась колония русских эмигрантов (художников, ученых, общественных деятелей). Вскоре на холме, откуда открывался чудесный вид на море и долину, вырос домик, ставший последними пенатами поэта. Здесь он соорудит скамейку (своего рода «Памятник»):

В дар любому пилигриму,
Чтоб присел, забыв земное,
И, попыхивая трубкой,
Вдаль смотрел, как парус в море
Дышит гоголем над шлюпкой...

О своих радостях и заботах Саша Черный рассказывает З.Д.Шкловской, приславшей ему письмо из Лондона:

22 октября 1930

Дорогая Зинаида Давыдовна!

Из Парижа нам переслали на юг Ваше милое письмо. Спасибо за память и внимание. Жили мы около Тулона в La Faviere, где благодаря неожиданно обнаружившемуся финансово-комбинаторному гению Марии Ивановны, стали владельцами 1000 кв. метров земли у моря. Построили и подобие домика («комнаты с верандой») в рассрочку. Вот так и провели в тишине и на свободе – чуть ли не в первый раз в жизни – все лето. На днях вернулись в Париж и опять надо из топора щип варить: изворачивать наизнанку гардероб и мозги.

Очень грустно, что Вы все хвораете. У Вас такая бодрая и несдающаяся душа, но болезнь, как ржавчина... Знаю по себе, когда начинается очередная полоса невралгии, ишиаса и прочих удовольствий. Превращаешься в подобие человека и места себе не находишь. О Вас не раз вспоминали, у Вас такая легкая душа и Вы не теряете юмора даже тогда, когда другие хватаются за голову. Очень жалею, что Вы не живете в Париже, – так мало здесь сейчас уютных и милых людей...

<...>Нет ли каких-либо надежд на перевод моих вещей для детей (проза) на английский? Это бы меня очень ободрило, а то словно в подполье живешь и не известно для кого пишешь. Круг все уже, а для детей по-русски больше нигде печататься. Да и дети все почти не русские.

Марья Ивановна сердечно кланяется. Кое-какие уроки у нее еще остались – все больше чудаки-евреи, которые хотят, чтобы их дети знали русскую речь и грамоту.

Будьте здоровы и благополучны и не забывайте нас. Авось еще встретимся в Париже, и Вы у нас погостите.

А. Черный

8, улица Теофиля Готье

Париж XVI

Р.С. Павел Иванович¹ шлет Вам привет. Он все такой же: уравновешенный и благовоспитанно-кроткий человек.²

Когда-то, на взлете славы, Саша Черный отказался от всего, что так нравилось публике, – от яркой обличительности и эксцентрич-

¹ Брат Марии Ивановны.

² РГАЛИ. Ф.1390. Оп.2. Ед.хр.166.

ности. Казалось, он потускнел в эмиграции. На самом деле произошло творческое преображение. Ему нужно было пройти через горнило потерь, изгнания и страдания, чтобы в конце жизненного пути приобрести ту моцартовскую легкость, которой ведаема вся сложность и трагичность жизни. Талант Саши Черного не понес ущерба от тяжести лет. Наоборот – приобрел просветленность и мудрость. Он всегда стремился ободрить своих читателей и соотечественников, но в его «человеческой комедии» ошутима была какая-то печаль, словно поэт прощался с уходящим миром:

Зной оранжевою дымкой
Острова вдали туманил,
А внизу какой-то олух
«Стеньку Разина» горланил.

Бедя пришла, как всегда, неожиданно. Было это 5 августа 1932 года. Саша Черный помогал тушить лесной пожар (что случалось нередко в Провансе в жаркую погоду). Усталый и взволнованный, он после этого еще трудился на своем участке – на самом солнцепеке, не прикрыв голову неизменной шляпой-канотье. Соседские ребята заметили, что он упал, его внесли в дом, где Александр Михайлович скончался, не дождавшись прибытия доктора. Тихо отошел в ту страну, откуда никто не возвращается.

Уход Саши Черного был воспринят как всеобщее горе – и теми, кто знал его лично, и теми, кто знал его только по книгам. В память Саши Черного был устроен вечер, на котором выступали писатели, говорившие не о литературных произведениях (об этом еще будет немало написано), а о его чудесном характере, о нем самом, любимом многими. Там же была прочитана «Тишина» – последнее стихотворение, написанное поэтом.

...Настоящая фамилия Саши Черного – Гликберг, что в переводе с еврейского значит «счастливая гора». Горький парадокс судьбы: действительно, в конце пути была «гора», показавшаяся поэту счастливой.

М.А.Осоргин, полжизни исходивший по путям и перепутьям зарубежья, сказал в прощальном слове об ушедшем: «Счастья ему эта земля дать не могла, как никому из нас не дала и не даст».

И все же фортуна, подарившая поэту «счастливую фамилию», была не слепа, ибо, несмотря ни на что, Саша Черный состоялся в литературе. Сегодня его книжки возвращаются из эмигрантского небытия.

**«Роман с кокаином» –
от загадки автора к загадке издателя**

Дмитрий Гузевич (Париж)

Однажды, во время одной из многочисленных бесед о парижском «Доме книги»¹, которые я вел с Борисом Михайловичем Делормом (Капланом), мой собеседник бросил случайную фразу:

– Несколько книг, из тех, что издал мой отец, вызвали настоящие скандалы. Во-первых, вышедший в 1938 г. «Распад атома» Георгия Иванова [1]. Затем, «Нюдизм». И, наконец, «Роман с кокаином»...

И тут я затаил дыхание. Было названо одно из самых загадочных произведений русской литературы XX в., написанное пером большого мастера, но подписанное никому не известным именем: «М.Агеев». Знали лишь, что рукопись пришла из Константинополя.

– Пожалуйста, расскажите об этих скандалах, – попросил я с робкой надеждой получить разгадку из кладовых семейной памяти издателя.

– Это сложно. У меня в памяти сохранился лишь сам факт бурных, почти скандальных дискуссий вокруг книги Георгия Иванова. Но их суть я Вам рассказать не могу². С последним романом проще. Тогда о наркотиках в русской эмиграции ничего не писали. А самое главное – в романе говорилось об отсутствии любви к матери. И это был не скандал, скажем, издателя с автором, а, скорее, читателя с содержанием.

– Существует ли рукопись романа?

¹ О «Доме книги» и о его создателе Михаиле Семеновиче Каплане см. статью в этом томе РЕВЗ.

² Из статьи А.Аксенова о книге Г.Иванова: «В 1938 г. в Париже в “Доме книги” тиражом в 200 экз. вышла вторая и лучшая прозаич. кн. И. “Распад атома” – роман об энтропии души, пытающейся спастись от страшного потока, именуемого жизнью. Автор сознательно не различает гадкое и прекрасное, а любая порнографич. сцена несет в себе глубокую символич. нагрузку, является попыткой сказать о бьющейся в разорванном на части “мировом уродстве” душе. Оценки книги в критике были полярно противоположны. Очень высоко оценили ее Д.Мережковский и З.Гиппиус <...>. Принципиально новая для рус. лит-ры своего времени, кн. И. на долгое время была подвергнута остракизму со стороны лит. критиков и лит-дов <...> и лишь в 1970-х осознана как предвестие мн. черт совр. лит-ры» [2, с.192–193].

– Увы, все погибло во время войны, – беспомощно развел руками Борис Михайлович.

– А Вы не знаете настоящего имени автора?

– Боюсь, что точно этого Вам не скажет никто. Безусловно, «Агеев» – это псевдоним, но никогда не знали, кто за ним скрылся.

– Н.Струве считает, что автором был Набоков, – бросил я провокационную фразу.

– Не думаю. Набоков не жил в Турции, а рукопись пришла именно оттуда³. Отец был одним из редакторов «Чисел». И они получили пакет из Константинополя. Были споры в редакции. В конце концов в журнале напечатали часть романа⁴. В Объединении писателей хотели его публиковать с купюрами. После этого отец забрал рукопись и издал ее полностью. Он это нам сам рассказывал. Причем он очень редко ставил название издательства – «Дом книги», «Maison du Livre Étranger» или просто свое имя как издателя. В лучшем случае – «Склад изданий...». Зачем просто, если можно сложно? Но в каждую книгу вкладывался небольшой листок под названием «Список новинок» – там было то, что издал отец. Печатал их большой его приятель, типограф Березняк. Еврей. На последнем издании, хорошо помню, в самом начале стояло «Агеев. Роман с кокаином». Еще в начале 90-х видел. И как я это не сохранил! Я так тогда закрытием магазина расстроен был, что ничего не берег. Кто ж знал, что Вы появиться. Книга продавалась за 1 доллар и после войны. Часть экземпляров уцелела при разгроме магазина немцами.

Итак, вместо того чтобы получить разгадку авторства, мы получили загадку издательства. Ибо на оригинале указано другое имя: «Издательская коллегия Парижского объединения писателей», которое

Последнее издание «Романа с кокаином»
на рус. яз. (М.: Сogласие, 1999)

³ И.М.Лемперт так ответил на этот же вопрос: «Был слух, что это Юрий Анненков. Он часто писал под псевдонимами».

⁴ Первая часть «Романа с кокаином» была опубликована в №10 «Чисел» за 1934 г. – это был последний вышедший номер этого журнала [3]. О нем с упоминанием имени Агеева см.: ЕВКРЗ-4 [4].

сомнению не подвергается [3; 5, с.307; 6-8]. Коллегия была образована в 1934 г. Членами ее стали Г.Газданов⁵, Ю.Фельзен и В.Яновский [9, с.285]. Последний писал: «Фельзен и я тогда организовали издательство при нашем – молодом – Объединении. <...> Вместо “Домой с небес” <Б.Поплавского> мы в следующий год выпустили Агеева “Роман с кокаином”. И это было для Поплавского предательским ударом». И далее: «“Роман с кокаином” мы с Фельзеном издали отдельной книгой» [10, с.27, 218]. Этого всего достаточно, чтобы вопрос об издателе никогда не вставал.

А есть ли в литературе данные, которые подтверждают причастность Каплана к изданию? Есть. Из докладной записки генконсула СССР в Стамбуле Георгиевского от 22.4.1939 о М.Леви, которого ныне отождествляют с М.Агеевым: «Им написана книжка под названием “Повесть с кокаином” и вышла в парижском эмигрантском издании “Дом книги”» [8, с.276]. Итак, сам «М.Агеев» считал, что его книга вышла у Каплана. Но это не все. Газета «Libération» за 26.12.1986 г. несколько статей посвятила проблеме авторства романа. Приведем резюме Н.Струве по этому поводу: «Ряд интересных сведений и наблюдений соседствуют с чистым журналистическим бредом: так, выдумка, якобы идущая из Москвы от ГБ, что автором романа мог быть парижский книготорговец М.С.Каплан (1893–1979), совершенно неспособный ни на какое писательство (кстати, он описан Набоковым под фамилией Оксман с изменением некоторых реалий в Look at the Harlequins, стр. 76–81)» [11, с.76]. Несмотря на грубоватость тона, сразу два любопытных факта. Во-первых, известный издатель стал героем романа известного автора и оба, предположительно, имеют отношение к «Роману с кокаином». И, во-вторых, легенда. А не служит ли ее базой факт издательских усилий Каплана? Анонимный издатель просто заместил в мифе анонимного автора.

Итак, ныне вполне достаточно оснований, чтобы утверждать – в издании «Романа с кокаином» участвовали две стороны: *Издательская коллегия Парижского объединения писателей*, с одной стороны, и *Дом книги* – с другой. Вполне возможно, что первая организация саму подготовку издания передоверила второй⁶.

⁵ Борис Михайлович: «Газданов жил недалеко от нас. Часто проходил мимо и обязательно заходил к отцу. Когда – на минуту, когда – на час-полтора. Очень милый был человек».

⁶ Догадка подтвердилась. Н.Струве в ответ на мой рассказ: «Правильно, Коллегия для издательства использовала Каплана». (Телеф. разговор от 24.6.02.)

Но тут прошли еще два дня, и позвонил радостный Б.Делорм: «Я нашел фотокопию с одного из вкладышей. Это “Список склада” – отец именно так обозначал свои издания». И вскоре я держал этот листок с 39 названиями книг, обрывающийся на фамилии «Волжанин». Третьим по списку стоял: «Агеев, М. “Роман с кокаином” ... 1.00». Все цены – в долларах [12].

Итак, отныне во всех библиографических описаниях первого издания этой книги должны стоять два издателя. Правда, по правилам, имя второго – в квадратных скобках...

Естественно, что решение проблемы издателя потребовало ознакомления и с историей самого романа. Но должен заметить, что первые же попытки вникнуть в проблему авторства и проследить ход дискуссии вызывают чувство недоумения. Стороны как будто не слышат друг друга. В 1997 и 2000 гг. вышло две по-своему итоговые работы [3]. По месту своих публикаций – фундаментальные энциклопедические справочники – они должны были бы быть поставлены над схваткой. Однако авторы открыто принимают позицию лишь одной стороны и либо вообще не указывают в библиографии итоговых работ своих оппонентов, либо указывают, но... в статье не используют.

Не ставя целью дать полный анализ проблемы, обратим внимание лишь на ключевую работу [8] и попытаемся понять, что же из нее следует в реальности. Но сначала – хронология дискуссии, которую условно можно разделить на три фазы, не считая «продромальной» (с 1983 г.).

Первая – 1985-91 гг. – «набоковская», начавшаяся обнародованием гипотезы Н.Струве (*Агеев = Набоков*). Ее характеризуют жаростные споры, публикация отрывочных и сумбурных воспоминаний Л.Червинской; введение в оборот мемуаров В.Яновского; появление гипотезы Г.Суперфина о том, что следы автора надо искать в архивах гимназии Р.Креймана. Период завершился в ноябре 1991 г. публикацией в «Русской мысли» заметки С.Дедюлина, где впервые говорится о находках М.Сорокиной, проверившей эту гипотезу. См. [6; 10–11; 13].

1991-95/97 – «левитская» (да простят меня ортодоксальные евреи) – период архивных находок – писем и финансовых документов, связанных с М.Леви, и появление работы Суперфина и Сорокиной [8], после которой отрицать авторство Леви стало невозможным, см. [14–15].

С 1995/97 – фаза своеобразной стагнации. Она начинается итоговой статьей Н.Струве [16], в которой тот, отвечая оппонентам, приходит к выводу о двух соавторах. В последующие годы

большинство исследователей, основываясь на том, что в романе описаны конкретные факты биографии Леви и что он сам признался в авторстве консулу, считали вопрос закрытым. В то же время об уязвимости выводов, базирующихся исключительно на фактах биографизма и личного признания, говорит история с авторством книг Л.И.Брежнева, начиная с «Малой земли». Конечно, на дистанции от эмигранта до генсека мотивы подмен будут отличаться. Но для их исследования требуется сначала признать сам факт соавторства, подлога, мистификации (или хотя бы его теоретическую возможность). Что касается Струве, то он продолжал оттачивать аргументацию, избавлялся от безапелляционности первых текстов, выявлял новые косвенные доказательства. Однако его, похоже, уже никто не слышал, см. [3; 7; 15; 17]. И это все на фоне не прекращающихся с 1983 г. переводов и переизданий самого романа [18].

Лишь И.Толстой попытался оппонировать Струве на филологическом уровне [19]. Однако его текст явно слабее и декларативнее. Аргументация напоминает «рассуждения на тему о...», а не логически выстроенную систему доводов. Сама логика нарушается, как минимум, дважды. Так, на с.198 читаем: «Для начала должен быть принят целый ряд наблюдений Никиты Струве <...> Соглашаясь со Струве по большинству формальных совпадений <...>». И через абзац: «Буквально все в “Романе с кокаином” антинабоковское <...>». Но из первых фраз следует, что с формальной точки зрения в романе имеются набоковские позиции. И вот те на: «все <...> антинабоковское». Далее автор, исследуя метафоры у Набокова и у Агеева, ищет, «что антинабоковского в “Романе с кокаином”». И, найдя определенные различия, делает вывод: «No, поп é Nabokov», но при этом не замечает, что заходит в тупик. Аргументацию Струве он почти не затрагивает и потому не опровергает, а с формальной стороны даже подтверждает. Но тогда и общий вывод должен быть другим.

А теперь давайте посмотрим, что на самом деле доказано в статье Суперфина и Сорокиной [8], а что таковым не является. Ими выявлено, что:

а) события, описанные в романе, соответствуют фактам биографии Марка Леви;

б) генконсул СССР в Стамбуле Георгиевский, общавшийся с Леви, когда тот старался вернуть советское гражданство, был информирован о том, что Леви – автор «Романа с кокаином». Леви подчеркивал, что в романе нет ни слова против СССР (в чем несколько лукавил) и что это «вынужденное произведение, написанное ради своего существования».

Следует ли отсюда, что Леви был *автором* романа? Да, скорее всего⁷.

Следует ли отсюда, что Леви был *единоличным автором* романа? Нет, этого еще не следует.

Имелись ли у Леви причины скрывать соавтора, ежели таковым был Набоков? Да, и серьезные: он собирался возвращаться в Советский Союз. И соавторство с известным эмигрантом Набоковым, аристократом, потомком княжеского рода, который при всей своей аполитичности с ненавистью относился к советской власти, и к тому же был сыном лидера кадетской партии и бывшего управляющего делами Временного правительства, могло перечеркнуть все его надежды.

В статье Суперфина и Сорокиной поставлено множество вопросов к биографии Леви, связанных в основном с тем, что этот человек постоянно мистифицировал свою жизнь. Есть ли среди возможных соавторов хоть один, который получил бы разрешение в случае признания соавторства? Да, есть.

В начале статьи авторы недоумевают, почему ни Г.Иванов, один из редакторов «Чисел», знавший о том, кто скрывается за псевдонимом «М.Агеев», ни извещенный им об этом редактор рижской газеты «Сегодня» М.С.Мильруд не открыли его публично. Удивление авторов вызывает и неосведомленность П.Пильского, литературного критика газеты, чья статья о романе вышла 10.12.1936 и который получил письмо от самого Леви.

Кто был информатором цепочки Червинская–Иванов–Мильруд–Пильский? Тот же, кто позднее информировал консула, – сам Леви. Когда рукопись пришла в Париж? В феврале 1933-го. Известно, что весной 1939 г. Леви уже «6-й год» служил в *Ашет* («Nachette»), т.е. поступил туда *после* отправки рукописи. Там он стал заниматься, как пишет консул, «реализацией антифашистской литературы и советских изданий», а также «поддерживал свои деловые связи с Торгпредством» [8, с.276]. С 1932 г. у «Nachette» во Франции была монополия на торговлю советской книгой. Но отсюда следует, что не позже начала 1934 г. Леви оказался в зоне советского влияния. Со временем это привело к идее восстановления советского гражданства (которое он имел до 1926-27 г.) и к попытке осуществить эту идею в начале 1939-го. Но это значит, что,

⁷ Хотя, если быть предельно корректным, то на основании полученной информации можно утверждать лишь, что Леви **принимал непосредственное участие** в создании романа. Степень же этого участия может колебаться от устных рассказов другому автору (соавтору) до единоличного авторства.

во-первых, через какое-то время после отсылки рукописи (возможно, года с 1936-го, когда связи с ним обрываются) он объективно уже не был заинтересован в афишировании своего соавторства с эмигрантом, ежели таковое было, а также в установлении открытых связей с эмигрантскими литературными центрами, что было бы логично после публикации романа. Причины его невключенности в литературный процесс русского зарубежья – еще один вопрос, который ставится авторами статей.

Во-вторых, обнародование лишь своего имени таило в себе (в случае реакции соавтора) шум и скандальную славу, которая Леви тогда отнюдь не была нужна. В-третьих, он уже получил постоянную работу и мог себе позволить отказаться от той части гонорара, которая ему причиталась бы в случае заявления прав (какие-то деньги, как выяснил Серков, он получал в 1934 – еще до публикации романа отдельной книгой – от Н.Оцупа). И, в-четвертых, как видно из докладной генконсула, тот факт, что Леви-Агеев в эмиграции написал ради заработка роман, где не было ни одного слова против СССР, – играл в его пользу. Но такое утверждение было возможно лишь в обстановке секретности, при которой склонный к мистификациям Леви получал полную свободу для выгодной ему реконструкции событий в разговоре с консулом.

Безусловно, в момент приезда Червинской в 1934 г. он всего этого еще не мог знать. Однако не исключено, что какие-то инструкции он Червинской давал. Причем не в письмах (что доверено бумаге – то доверено всему миру), а именно устно, в нужном ему ключе. Ибо то, что журналисты не обнародовали «жареный факт» – имя автора нашумевшего романа, наводит на размышление, что они имели еще какую-то информацию, ограничивавшую их действия.

Это не более чем гипотеза. Но она отвечает на те вопросы, о которых шла речь.

Пойдем дальше. Ответила ли статья в «Минувшем» на вопросы, поставленные Н.Струве, или опровергла его аргументацию, основанную на глубоком профессиональном анализе общестилистических, языковых, ономастических и других особенностей романа? Нет⁸.

⁸ Четыре основных вопроса Струве: 1. Почему Леви не объявился после публикаций хвалебных рецензий на роман? (Это и вопрос Суперфина с Сорокиной); 2. Как мог новичок в литературе написать такое блестящее произведение (это вопрос и Мережковского) и как мог такой несомненный талант к литературе больше никогда не прикоснуться? 3. Как объяснить, что «РК» не только стоит на уровне бунинско-набоковского мастерства, но

Объяснила ли она поразительную близость событий, описанных в романе, с некоторыми фактами биографии Набокова (совпадение хронологии; обстановка Тенишевского училища: такая же тройка во главе класса – еврей, русский⁹ и армянин; такой же малоуважаемый немец в роли директора; соученики, ставшие в революцию комиссарами, как Буркевиц из романа)? Либо открытие прямого заимствования фактологии из биографии Леви затмило все остальное? А ведь в этой близости может крыться объяснение психологических мотивов столь странного соавторства.

Существуют ли факты, свидетельствующие о контактах Набокова и Леви? Да, и Струве их указывает. Во-первых, это судьба мистификации Леви, который якобы бежал из Красной армии, убив «офицера» («красного командира»?). В действительности он на рубеже 1924/25 гг. спокойно выехал из СССР с советским загранпаспортом. Близкий факт биографии Набоков приписал своему двойнику Вадиму в романе «Look at the Harlequins!». Червинская свидетельствовала («Libération», 26.12.1985), что Леви был знаком с Набоковым, получал от него письма [7, с.441].

Была ли у этих лиц возможность личной встречи? Да. В 20-е гг. оба проживали в Берлине.

Известны ли случаи, когда Набоков писал в соавторстве? Да, известны.

После того как все это выяснено, вопрос переходит в плоскость методологии. Задача – чисто логическая. Имеется обоснованная гипотеза (*Агеев* = *Набоков*), непротиворечивым образом объясняющая группу явлений *А* (данные стилистического и ряд данных биографического характера). Появление новых фактов биографического характера (группа *В*) вызывает к жизни гипотезу №2 (*Агеев* = *Леви*), которая объясняет не только их, но и те, которые не были охвачены гипотезой №1 (группа *С*: воспоминания Червинской, Яновского). Однако объяснение группы фактов *А* оказывается за пределами возможностей гипотезы №2. При этом можно нарисовать схему, в рамках которой они обе объединяются непротиворечивым

содержит в себе все темы и все приемы набоковского письма? 4. Почему Набоков не отозвался ни единым словом на роман, столь близкий по манере и по стилю его собственным? [16–17].

⁹ Цитируя Э.Филда, Струве пишет: «<<...> богатый сын владельца транспортной компании, некий П ...» [7, с.441; 11, с.158]. Не отпрыск ли это знаменитого семейства железнодорожных подрядчиков и банкиров Поляковых – евреев, возведенных в потомственное дворянство? Внуки вполне могли быть и крещеными.

образом (*Агеев* = *Леви* + *Набоков*) и в которую укладываются **все** известные на сегодня факты (группа **D** = **A** + **B** + **C**). Вопрос: должен ли непредвзятый исследователь отбросить гипотезу №1 в угоду второй, закрывая глаза на то, что группа фактов **A** опять осталась без объяснений? Или принять новую схему, в рамках которой обе гипотезы сосуществуют, дополняя друг друга (во всяком случае, до момента, когда появление новых фактов не изменит общей конфигурации)? Ответ, на наш взгляд, очевиден.

Отсюда вывод: на данный момент лишь гипотеза соавторства Набокова и Леви в состоянии ответить на **все** имеющиеся вопросы (в том числе и поднятые в статье И.Толстого [19]), одновременно не противореча ни одному из известных ныне фактов. Ее наиболее правдоподобную форму дал в начале 90-х цюрихский профессор Ингольд: «Агеев–Леви мог набросать повесть из своей жизни, заново переписанную Набоковым» [16, с.171; 17, с.464]. А от себя зададим вопрос: представьте, к вам, уже известному писателю, пришел некто и принес свою первую рукопись – быть может, слабую, быть может, не очень. Но, читая ее, вы вдруг узнаете события своей юности. Тот же класс, та же обстановка, те же люди. Вот только имена другие. И можно сделать такую блестящую вещь... Ваши действия?

В принципе, можно поправить, придав блеск, а то и переписать, не очень даже задумываясь об авторстве...

Наконец, попробуем взглянуть на проблему со стороны. Она формулируется крайне просто: **прикасалось ли перо Набокова к тому тексту, который мы знаем как «Роман с кокаином»?**

Коль скоро этот вопрос возник, то исчезнуть он может лишь при получении на него прямого ответа. Все остальные вопросы в этом контексте носят сугубо вспомогательный или пояснительный характер. Это позволяет нам четко определить, какие находки¹⁰ или результаты исследований могут дать ответ, а какие нет. И избавляет от соблазна после каждой новонайденной строчки с именем Марка Леви утверждать, что проблема решена.

1. Из биографических данных решить проблему может лишь прямое положительное свидетельство участников либо свидетелей о соавторстве. Отсутствие таковых и отрицательные данные не говорят ни о чем, ибо, если была мистификация или любые другие действия с сокрытием авторства, то последующее искажение реалий и утаивание информации входят в «правила игры». Из находок косвенного характера была бы полезна информация о личных контак-

¹⁰ Серков считает, что необходим поиск в США, в архивах Червинской и Адамовича [15, с.262].

тах Набокова и Леви (идея о поисках в этом направлении принадлежит С.Дедюлину).

2. Литературоведческий и лингвистический анализы текста играют особую роль, ибо именно текстовый анализ дал идею об участии в работе Набокова. По-видимому, возможности отдельной личности в этой области ныне исчерпаны. Как считает Струве, следующим этапом должен стать компьютерный комплексный анализ особенностей романа¹¹. Здесь отрицательный ответ (при признании корректности применяемых методик) будет означать, что вопрос об участии Набокова снят с повестки дня. Но может всплыть вопрос о подражании ему (идея Д.Савицкого, 1985).

Почему мы столько внимания уделили этому самому «Роману с кокаином» и, несмотря на десятки существующих работ, обратились к этому сюжету именно в альманахе «Российское еврейство в зарубежье»? Да потому что «Роман с кокаином» – одно из самых ярких воплощений русско-еврейского культурного симбиоза в среде российской эмиграции. Причем на всех уровнях: содержания, (со-)авторства, (со-)издательства. История романа подтверждает единство культурного поля как российской диаспоры в целом, так и диаспоры – с одной стороны, и России – с другой. Этот роман о России во всем ее национальном многообразии (русские, евреи, армяне) написал то ли в Берлине, то ли в Константинополе российский еврей, возможно, в соавторстве с русским аристократом. И опубликован он был в Париже двумя русскими издательствами, во главе которых стояли евреи, и... не только.

Ну а пока идут споры об авторстве, к именам издателей мы можем ныне прибавить, – и это уже достоверно, – еще и Михаила Каплана с его «Домом книги». Мы стали чуточку ближе к истине.

ИСТОЧНИКИ¹²

1. *Иванов Георгий*. Распад атома. Париж: La Maison du Livre Etranger, 1938. 87 с. ** (Экз. с инскриптом автора Н.Д.Янчевскому); Idem. Paris, [S.n.], 1938. (Reprint: Flegon Press (GB), [S.d.]). *

2. Литературная энцикл. Рус. Зарубежья: 1918–1940: Писатели Рус. Зарубежья. М.: РОССПЭН, 1997. 512 с.

¹¹ На наш взгляд, ныне может быть выполнена еще одна небесполезная работа: публикация под одной обложкой в хронологическом порядке **всего**, что было написано о «Романе с кокаином», начиная с первых рецензий 30-х гг. (Некоторые из них уже начали переиздаваться [19].) Плюс обширная аналитическая статья и академическая публикация самого текста романа.

¹² Источники, помеченные (*), предоставлены братьями Делорм и хранятся в семейном архиве; помеченные (**), предоставлены И.Лемпертом, (***) – Н.Струве, (****) – С.Дедюлиным.

3. Агеев М. / *А.И. Рейтблат* // Лит. энцикл. Рус. Зарубежья. Т.1. М.: РОССПЭН, 1997. С. 12–13; Агеев М. / *Л.Н. Делкова* // Рус. писатели 20 века: Биогр. слов. М.: БРЭ; Рандеву-АМ, 2000. С. 9–11.

4. *Хазан В.* Право на исповедь: Николай Оцуп // ЕВКРЗ. Т.4. С.104–105.

5. Парижские издательства / *О.В.Быстрова* // Лит. энцикл. Рус. Заруб. Т.2. М.: РОССПЭН, 2000. С. 303–307.

6. *Струве Н.* Роман-загадка // *М. Агеев.* Роман с кокаином: Роман; Паршивый народ: Рассказ. М.: Худож. лит., 1990. С.200–221.***

7. *Idem* // *Н.Струве.* Православие и культура. М.: Русский путь, 2000. С.436–461, 623.***

8. *Суперфин Г., Сорокина М.* «Был такой писатель Агеев...»: Версия судьбы, или О пользе наивного биографизма // Минувшее. Т.16. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. С.265–285.

9. Литературная энцикл. Рус. Зарубежья: 1918–1940: Периодика и лит. центры. М.: РОССПЭН, 2000. 640 с.

10. *Яновский В.С.* Поля Елисейские: Книга памяти. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. 278 с.

11. *Струве Н.* Спор вокруг В.Набокова и «Романа с кокаином» // Вестник РХД. 1986. №146. С.156–175.***

12. Краткий список склада по алфавиту. Paris: Дом книги = Maison du Livre Etranger, 1947. 1 f. * (Копия.)

13. *Струве Н.* К разгадке одной литературной тайны: «Роман с кокаином» М.Агеева // Вестн. РХД. 1985. № 144. С.165–179; *Волчек Д.* Загадочный господин Агеев // *М.Агеев.* Роман с кокаином. М.: Терра, 1990. С.3–10**;
Дедюлин С. Авторство установлено окончательно // Рус. мысль. 1985. №144. С.165–179.****

14. *Struve N.* Nabokov est-il l'auteur de *Roman avec cocaïne* ? // Cahiers de l'émigration russe: №2: Vladimir Nabokov et l'émigration. Paris: Inst. d'ét. sl., 1993. P.51–55; *Струве Н.* Был ли Набоков автором *Романа с кокаином*? Résumé // Ibidem. P.55; *Парфенов М.* М.Агеев: 1898–1973: Загадка в пяти действиях // *М.Агеев.* Роман с кокаином: По запискам больного <...>. Paris: Booking International, 1995. С.5–10.**

15. *Серков А.* «Сорбоннисты» и «Архивисты», или Еще раз об авторстве «Романа с кокаином» // Нов. лит. обозрение. 1997. №24. С.260–266.

16. *Струве Н.* Еще об авторстве «Романа с кокаином» // Вестник РХД. 1995. №172. С.169–172.

17. *Агеев М.* Роман с кокаином. М.: Терра, 1990. 176 с.**; *Он же.* <...idem>: Роман; Паршивый народ: Рассказ. М.: Худож. лит., 1990. 224 с.***; *Он же.* <...idem>: По запискам больного: Роман и <...idem>. Paris: Booking International, 1995. 192 с.**

18. *Струве Н.* Еще об авторстве «Романа с кокаином» // *Он же.* Правосл. и культура. С.461–464, 623.***

19. *Толстой И.* Тропю трóпа, или Почему не Набоков был автором «Романа с кокаином» // Звезда. 1995. №3. С.197–204.

20. *Мережковский Д.* Около важного: о «Числах» // *Н.Струве.* Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. С.420–425.***

КНИЖНОЕ ДЕЛО И ПЕРИОДИКА

Парижский Дом книги (Михаил Каплан)

Дмитрий Гузевич (Франция)

Русско-еврейская периодика Франции: 1904 – 1947

Владимир Карасик (Израиль)

**«Зильберштейн и Макашин в одном флаконе...»
(Владимир Ефимович Аллой: 1945–2001)**

Олег Коростелев (Россия)

Парижский Дом книги (Михаил Каплан)¹

Дмитрий Гузевич (Париж)

Празднование 80-летия М.С.Каплана

Осенью 1991 г., оказавшись в Париже, я подошел к небольшому особняку XVII в., где должен был находиться «Дом книги», но вывески на нем не оказалось.

— Закрылись мы потому, что начали нести убытки, — говорил мне через 10 лет бывший хозяин магазина Борис Михайлович Каплан (Делорм). — Конечно, мы были плохими торговцами. Мы больше любили книгу.

*Основу нашего оборота составляла не торговля в магазине, а поставка литературы университетским библиотекам во всем мире. В последние годы существования фирмы оборот достигал 10 млн франков...*²

Однако все по порядку. Начнем с анкетных данных. Михаил Семенович Каплан (31.3/12.4.1894 – 2.11.1979) родился в Одессе, умер в Париже. Погребен на кладбище Père-Lachaise. Один из семи детей в семье Симеона и Софьи Капланов³.

Младшая сестра, Адель, покинула Россию в начале 20-х гг. и оставалась в Париже с братом. Училась на медицинском факультете и в июне 1940 г., перед самым вторжением немцев, отправилась в Америку, к сестрам. Братья остались в России. Младший, Нихим,

¹ В основе рассказа лежат интервью: 9 марта 2002 с Борисом Михайловичем (далее – БМ) и 23 марта – с его братом Георгием Михайловичем (далее – ГМ) Капланами (Делормами). Их повествование было дополнено И.Лемпертом, С.Дедюлиным, Д.Любич, Н.Струве, М.Лепехиным, которым автор приносит свою глубокую благодарность. Публикуется сокращенный вариант статьи, полностью она будет помещена в другом издании.

² Тогда почти 2 млн долл. Эта же цифра указана: *Tatu Michel. La mort de «Dom knigi» – la Maison du livre étranger // Le Monde. 1991. 20.3. P.4.*

³ *Attestation du controle. Paris, 27.2.1940. 1 f.*

сгинул в годы репрессий. Старший, Ефим, воевал под Сталинградом, был ранен, потерял зрение. С ним в середине 60-х встречался ГМ. Ефим умер в Одессе в конце 60-х.

История семьи бурная, типичная для века. Но и в этих рамках судьба М.Каплана выделяется.

...Шла Первая мировая война. Адель блестяще заканчивала гимназию. Директор вызвал родителей. Но случилось, что пришел старший брат. «Вашей сестре необходимо продолжать учебу», – сказал директор и предложил некоторые нетривиальные пути, которые позволили бы еврейской девочке поступить в университет. Но надо было еще платить за обучение. А денег не было. «Так идите на войну – получаемых денег вполне хватит для оплаты», – посоветовал все тот же директор. И Мойша Каплан пошел на войну.

Впрочем, какое имя он носил в этот момент – еврейское или христианское, сказать сложно. ГМ считает, что отец крестился для записи в армию; по мнению БМ, отец это сделал, чтобы жениться на христианке. Но тогда это произошло уже в Париже, в конце 20-х. Во французской солдатской книжке 1918 г. он записан как Michel, что еще не доказывает крещения. Важно не это, а то, что наш герой оказался в составе Русского экспедиционного корпуса.

От этой эпохи осталась записная книжка-дневник⁴. День за днем солдат Каплан описывает бои, перемещения; кроет мерзавцев ленинцев, восхищается кумиром Керенским... А 18 мая 1918 г. Мишель Каплан был зачислен солдатом в Иностранный легион, в его составе закончил войну и оказался в Париже.

Встал вопрос о заработке. В записной книжке находим: «*M. Povolozky 9, rue de l'Éperon Paris (VIe)*». И это была судьба.

Как пишут разные авторы, русские книги на rue de l'Éperon начали издавать еще в 1870-е гг. БМ указывал дату – 1875. Аллой пишет, что ранее здесь находилась бывшая русская читальня⁵. С 1905 (1910?) г. размещалось издательство «Яков Поволоцкий»⁶. Именно то, в которое и устроился молодой Каплан.

⁴ Этот документ готовится к публикации в «Диаспоре».

⁵ Аллой В. Записки аутсайдера // Минувшее. Т.22. СПб.: Atheneum; Феникс, 1997. С.142–144.

⁶ Рождественский Г. Парижские букинисты // Наше наследие. 1998. №46. С.158; Толстой Ив. Парижский «Дом книги» перестает существовать // Рус. мысль. 1991. 15.3. №3870. С.18; Зноско-Боровский Евг. А. Русская книга во Франции // Новая русская книга. 1922, март. №3. С.25–26. (Автор пишет, что фирма «Я.Поволоцкий и К°» открыла свои отделения в Петербурге, Москве, Киеве и Одессе. Наш герой из Одессы. Может быть, имя издателя ему еще до войны было знакомо?)

Энергичный одессит помог Поволоцкому развернуть дело в условиях эмиграционной волны, когда в Париже возникли десятки русских издательств и книжных магазинов.

Позже у Поволоцкого появилась новая кассирша – Женя⁷. Мишель и Женя полюбили друг друга и поженились. Венчание происходило 8/21.9.1928 в православной русской церкви (собор св. Александра Невского) на rue Daru 12. Через год, точнее 19.8.1929, у них родился первенец – Борис, а 16.1.1932 – второй сын, Георгий. О. Алексей Стричек, хорошо знавший Каплана, описывает эти события несколько лапидарно: «<...> несколько лет пробежал мальчиком на побегушках у Поволоцкого, еще дореволюционного издателя, женился на его кассирше и открыл свое дело»⁸.

Поволоцкий был хорошим человеком, но слишком любил женщин. А эта страсть требует денег, и Каплан был вынужден отделиться. При разделе (в 1929 г.) магазин на rue Bonaparte остался за Поволоцким, а склад на rue de l'Éperon перешел к Каплану.

Тогда же возникло название «Дом книги». Естественнее было бы «Дом русской книги». Но на французском это звучало не очень хорошо – *русское* и *советское* уже мало различались. И фирма была зарегистрирована под именем «Maison du Livre étranger» («Дом иностранной книги»). А по-русски осталось «Дом книги».

М.Каплану принадлежало и издательство⁹, очень заметное в мире русского зарубежья. Да и магазин был своеобразным клубом, куда приходили и где встречались писатели, артисты, просто книголюбы.

Если у Поволоцкого, скорее, был магазин при издательстве, то у Каплана – издательство при магазине. В первую очередь он был букинистом и антикваром. Как издатель начинал еще под маркой Поволоцкого. А когда отделился, действовал совместно с берлинским *Petropolis Verlag*.

Однако сотрудничество это не было гладким. 30.12.1938 г. В.Ходасевич писал Н.Берберовой о директоре издательства

⁷ Евгения Павловна Форостовская (19.9.1899, СПб. – 24.10.1989, Версаль, погр. 27.10 там же на кладб. Saint Louis).

⁸ Стричек, о. Алексей. Про наших друзей // Bulletin de l'Association Foyer Saint-Georges – Centre d'études russes (Meudon). 1981. №2. 6 р.

⁹ У Г.Н.Рожественского: «В 1919 г. на службу к Поволоцкому поступил приехавший из Одессы М.С.Каплан. Вскоре он перекутил издательство у Поволоцкого и под маркой “Дом Русской Книги” стал печатать и продавать русские книги». Ив.Толстой: «<...> “Дом книги”, издававший огромное число книг русских авторов – от Пушкина и Чехова до Набокова и Лифаря».

Petropolis Я.Н.Блохе: «Книга Нинина <...> включена в производственный план. Имейте в виду, что раздувается большое кадило, – хотя бы задуть Каплана. Намечено 12 книг, с подпиской на льготы[ых] усл[овиях]. (Бунин, Нина, я, Яновский). Деньги есть: ИМКА». Примечание публикатора: «Издательство Блоха конкурировало с “Домом книги” Каплана»¹⁰. Заметим, что Ходасевича, Бунина и Берберову издавали и Блох, и Каплан.

Услышав об этом, БМ рассмеялся: «Ну, конкурентам не удалось задуть отца даже во время войны». Потом задумался: «Вот передо мной книга Шота Руставели. Вышла в 1933. Выпускал ее отец. Издатель стоит “Д.Хеладзе” – имя фиктивное. А, значит, делали они это вместе с *Petropolis*’ом. Отец еще в 1937-м ездил в Берлин. И это могло быть только по делам “*Petropolis*”’а. Так что ссора могла произойти не ранее 1937-38 гг.». Я начал изучать это роскошное издание in-folio с золотым тиснением по коже и золотым же обрезом, с портретом Бальмонта, с иллюстрациями Зичи и обнаружил почти незаметную карандашную маргиналию против имени издателя: «“Дом Книги” – Парижъ. “Петрополисъ” – Берлинъ»¹¹.

Сколько всего книг было издано Капланом, сложно сказать. 100. 120. Может быть, 150. Был каталог изданий. Но он пропал. Выходили книги Шмелева, Корсака, Алданова, Мельгунова. Явно выделяется прекрасная книга Сергея Лифаря о Дягилеве. Уже в 60-е гг. один из братьев встретил в Москве человека, который пригласил его к себе и показал книгу как величайшую реликвию. «Так это ж мой отец издавал, – рассказывал дальше БМ. – Я ее знаю с детства. Издавали также Бунина. Дома хранилась переписка с ним, в основном по издательским вопросам – бумага, переплеты. У него с отцом в начале 30-х произошла крупная ссора. Бунин вообще перессорился со многими издателями. На его последнее письмо отец не ответил, но написал красным карандашом через весь текст: “Хамъ!”. Пачка эта ныне исчезла. Но я хорошо помню красный карандаш...»

Однако ссора не помешала Каплану издать книгу В.Муромцевой-Буниной «Жизнь Бунина».

У Михаила Семеновича были очень непростые отношения с коллегами. Вот и письмо о выходе из общества книготорговцев...

¹⁰ Ходасевич В. Письма В.Ходасевича к Н.Берберовой / Публ. Дэвида Бетеа // Минувшее. Т.5. Париж: Atheneum, 1988. С.228–327.

¹¹ Руставели Шота. Носящий Барсову Шкуру: Грузинская поэма / Перевод К.Д.Бальмонта. Париж: Издание Д.Хеладзе, 1933. 236 с., ил. Париж: Дом Книги; Берлин: Петрополис.

БМ: «Основных причин – две. Первая – национальная. Каплан, хотя и был крещен (а к религии вообще относился индифферентно), в глазах своих коллег всегда оставался евреем. Антисемитизм в среде русской эмиграции был очень сильным».

– Это касалось только русской эмиграции или французского общества тоже?

БМ: «Русской эмиграции – это точно. А вот французов... Особый разговор, конечно, война. После нее лет 15 во Франции антисемитских взглядов выражать никто не смел. Но в начале 60-х появились ультраправые. Тут мы поняли, что начинается новый круг... А у нас с братом только что (1959) родились дети. И мы решили сменить фамилии, чтобы дети вошли во французское общество без проблем. Отец не возражал¹².

Вторая причина – это конкуренция. Отец еще в 20-е гг. понял, что ввозить книги из СССР значительно выгоднее. Они там стоили в пять раз дешевле. И он занялся импортом, начав с русской классики. Книги начали покупать, несмотря на то, что они были напечатаны по новой орфографии. К смене орфографии вообще относились очень плохо. Нас, например, в 30-е годы обучали дома по старой. Но отец недолго пользовался свободой действий. В 1932 г. «Hachette»¹³ добилась монополии на этот импорт. И отцу приходилось покупать советские книги уже у них. Однако во время войны «Hachette» себя скомпрометировала коллаборационизмом и была привилегий лишена. Как только наладилась железнодорожная связь с СССР, торгпред при посольстве предложил отцу наладить прямой импорт».

Из известных лиц в «Доме книги» бывали Куприн, Дягилев, Шагал, Зеелер¹⁴, Лифарь, Бунин, Шмелев, Ходасевич, Зайцев, Тэффи, Эренбург – большой друг отца, Гончарова и Ларионов, Арагон с женой Эльзой Триоле и Лиля Брик. Издатель Полонский, хотя с ним были напряженные отношения. Берберова, которая была дружна с отцом, приходила еще в 70-е годы. Народу бывало очень много. Магазин функционировал как клуб.

Добавим фразу из интервью 21.6.02 с Диной Любич, дочерью художника: «Мой отец часто бывал у Каплана. Все мои детские книги были от Каплана».

¹² В статье Татю ошибочно указано, что имя «Delorme» М.Каплан использовал во время оккупации.

¹³ Французская издательско-книготорговая фирма.

¹⁴ О его альбоме см. статью Лемпертов в этом же томе РЕВЗ.

Не в традициях ли дело? Поволоцкий еще в июне 1920-го открыл читальный и выставочный залы в магазине на rue Vopararte, а 11.5.24 – библиотеку русских и французских книг¹⁵.

Ниже – синтез рассказов обоих братьев, прерываемый нашими комментариями.

«Как наша семья пережила войну? Отца арестовывали трижды. Первый раз – в ночь начала войны с Советским Союзом, т.е. с 21 на 22 июня 1941 г. И, хотя отец давно уже был французским подданным, он просидел в лагере для военнопленных в Компьене (Compiègne)¹⁶ как “штатский пленный”. В этот раз его посадили как советского агента по спискам, которые составлялись французской полицией для немцев. А в список попал – по доносу коллеги. О том, что был донос, отец узнал позднее от инспектора полиции Bourgeon’a, с которым был в приятельских отношениях, – инспектор участвовал в Сопротивлении... Отец просидел в лагере 15 месяцев, и это спасло его. Он был в лагере и в страшный июль 1942-го, когда произошел первый массовый арест евреев во Франции. Акция, вошедшая в историю под именем “La rafle du Veld’hiv”¹⁷, когда было схвачено несколько десятков тысяч евреев по спискам – из тех 72 тысяч, которые были арестованы во время войны и из которых вернулось не более 10%. Акция проводилась французской полицией под германским надзором...»

Хотя Каплана арестовали не как еврея, администратор его магазина был назначен Генеральным комиссариатом по еврейскому вопросу (Commissariat général aux questions juives) на основании германских антиеврейских законов от 18.10.1940, 20.4 и 7.5.1941.

«...В начале оккупации родители предприняли отчаянные шаги по сбору документов о “нееврействе”. Вообще немцы делили евреев на пять категорий: иностранного подданства; национального подданства (во Франции – французского); полуевреи (нееврей один из родителей), евреи, чьи родители крещеные, но деды еще были иудеями, и “арийцы” – крещеные в трех поколениях. Мы были крещеные, необрезанные, и нас это спасало. Мать написала своему отцу в Финляндию с просьбой выслать документ о крещении. Священник в маленькой церкви сделал выписку из крестильной книги, но перепутал

¹⁵ Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1920–1940, Франция / Под общ. ред. Л.А.Мнухина: В 4 т. М.: ЭКСМО; Paris: YMCA-Press, 1995–97.

¹⁶ Об этом лагере см. статью С.Малышевой в ЕВКРЗ-5 [38]. На грамоте №2 от 4.8.1941, подписанной 158 компьенскими узниками и предназначенной Д.М.Одинцу, стоит и подпись Мишеля Каплана (лагерный номер 129).

¹⁷ Veld’hiv = vélodrome d’hiver: «Облава “Зимний велодром”».

фамилию: вместо «Ревийон» (Révillon) написал... «Ревельсон»!!! Это нас чуть не погубило. Но вовремя заметили. Подчистили. Документ спас всю семью...»

ГМ показывает удостоверения «о непринадлежности к еврейской расе» («Certificat de non-appartenance à la race juive») за подписью главы Комиссариата по еврейскому вопросу Darquier de Pellepoix (позднее бежал в Испанию).

«Магазин в это время не работал, и как мать сводила концы с концами – сказать сложно. В первые годы оккупации, пока США сохраняли отношения с Виши, помогала Адель, уехавшая в Америку, – пересылала помощь по дипломатической почте. Помогали русские монахини из Сент-Женевьев-де-Буа, впрочем, как и всем православным. Борис обучался в лицее Людовика Великого¹⁸, а Григорий – в частной школе-интернате, которая была платной».

О. Алексей Стричек о М.Каплане: «Кто бы ни находился в магазине, отцов-иезуитов он всегда встречал радостными восклицаниями: ведь при немцах они прятали его младшего сына, как и других еврейских мальчиков». Ныне это – Русский институт в Медоне (Meudon), недалеко от Парижа. В его общежитии находили пристанище российские эмигранты всех поколений и волн, вплоть до последней.

«Когда отец вышел из лагеря, он жил открыто, тем более что семья не была признана еврейской. Но в начале 43-го отца опять арестовали, и на этот раз сами немцы. К счастью, всего на сутки. Семья оценила это предупреждение, и отец стал скрываться. Но это не спасло его от третьего ареста в конце 1943-го. Подсобил все тот же русский коллега-букинист, написав второй донос, что отец – еврей. И это было уже серьезно. Именно тогда был закрыт магазин, разграблены склады, уничтожены архивы¹⁹. Отец оказался в лагере в Дранси (Drancy) и остался жив просто чудом. Армия союзников наступала стремительно, и часть евреев не успели депортировать. Тогда их всех решили расстрелять и уже расставили во дворе пулеметы. Но тут вмешался шведский консул²⁰, связанный с

¹⁸ Lycée Louis Le Grand. Основан иезуитами 439 лет назад; последние два столетия является самым престижным во Франции.

¹⁹ Информация, приведенная в «Русской мысли»: «В июне 1940 года немцы арестовали владельца магазина М.Каплана и вывезли все имущество, в том числе уникальный архив писем и рукописей», неточна. Сведены воедино два события, происходившие с разницей в 3,5 года. Такая же ошибка – в «Известиях» (Коваленко Ю. «Дом книги» идет с молотка: В Париже закрывается старейший в мире русский книжный магазин // Известия. 1991. 20.3. С.6).

²⁰ Нордлинг, по сообщению о. Алексея Стричека.

Сопротивлением. Ему удалось убедить командира лагеря, полковника СС, остановить акцию. Это было 19 августа 1944 г.»

Как только мирная жизнь начала входить в свою колею, Каплан наладил импорт книг из СССР, подписав договор с «Международной книгой»²¹. На службу старались брать русских. Вначале были только они, потом их дети. Французы, знавшие русский язык, появились позднее, когда эмигрантов уже трудно было найти.

Рассказывает бывший служащий «Дома книги» **Иосиф Лемперт**: «Однажды я был в Париже в гостях. Захожу в русский книжный магазин “Офеня” (“Книгоноша”), что у станции метро “Boisicaut”. Хозяйка магазина, Анна Мстиславовна, вешает трубку: “Какой хороший человек”. – “Кто?” – “Каплан”. – “Я только что был на rue de l’Éperon. Видел его. Он мне показался несколько суховатым”. – “Не верьте первому впечатлению. У него еще есть два сына. Они работают на складах, на Монпарнасе”²². Мне эти слова запали. В 1967 г. я приехал насовсем. Денег в кармане – несколько долларов. Звоню. – “Приходите”. Это был Георгий Михайлович – быстрый, практичный, очень энергичный (его брат Борис – человек более флегматичного склада). На четвертый день после приезда я уже работал! Для меня это казалось чудом: без языка, на руках жена и двое детей. Капланы нас просто спасли. Я у них пробыл два года²³. На складах. Работа тяжелая. Поначалу платили мало – по 850 франков. Потом немного повысили.

М.С.Каплан с сыном Борисом

²¹ Далее – «МК». **Аллой**: «Оптовую продажу советской литературы монополизировал “Дом книги” <...> в 50-е ставший главным контрагентом советской Межкниги. Каплан обслуживал университетские и публичные библиотеки по всей Европе, отчасти даже в Соединенных Штатах, где конкурировал с книготорговой фирмой Камкина». **ГМ**: «Ни о каком монополизме речи быть не может. Был еще “Глоб”, да и “Ашет” после войны продолжал торговлю. А монополистом был когда-то именно он».

²² Эти склады и контора находились в XV округе по адресу: 10, rue Armand-Moisant.

²³ Об этом периоде жизни И.Лемперта см. в статье Ж.Абрамовой – РЕВЗ-8, с.178–179.

Михаил Семенович при мне на складах ни разу не показывался. Сидел всегда в магазине – это было его царство. Туда к нему заходили все писатели. Магазинов было много. Но у Каплана – самый интересный. Он был крепкий хозяин. Человек очень практичный. Деньги считать умел. Все держал в руках. Я же наиболее близок был с его младшим сыном, Георгием. У нас дружба до сих пор сохранилась. На самих складах работало 8 человек да оба брата хозяина. Из работавших запомнились двое в ранге директоров: Наум Израилевич Перельмутер, польский еврей. В книгах понимал мало, но был оперативен. И Аркадий Владимирович Лурье – милейший человек, знал хорошо книгу. Склад – это огромное помещение. И во всю длину – каталоги²⁴. Сразу после войны Америка не получала советских изданий. И кто-то из американского университета увидел в Лондоне каталоги “Дома книги”. А затем и другие стали через них заказывать по каталогам “МК”. Поэтому то, что приходило, – уже сразу распределялось. Комплектовались посылки – и с ходу на почту. Работа техническая. На складе скапливалось множество нелеквидов. В основном переводы иностранных авторов – многотомные издания Голсуорси, Гюго, Жюль Верна, Мопассана. “Что это за книги?”, – спросил я у Лурье. – “Когда-то много клиентов было в Латинской Америке, которые заказывали многотомные собрания. Но потом эти магазины закрылись”. Нелеквиды увозили на бумагу за бесценно. А если кто из сотрудников пытался брать – смотрели косо. Но мне удалось кое-что сохранить – Драйзера, Голсуорси. Тогда ситуация для меня была дикой. А сейчас я сам это понял».

...Братья пришли в книжную торговлю как помощники отца. Они выросли среди книг. Георгия отец определил в магазин сразу после средней школы (1948) – послевоенная жизнь еще долго была тяжелой. Профессии он учился на месте. Борис получил специальное образование – книга, типография, издательство, торговля, переплет. В магазин пришел после армии (1951). Дело с советским импортом разворачивалось быстро. Пришлось открыть новое помещение. Действовало 20 служащих. С тематической точки зрения фирма была универсальной. Это очень важно для покупателя. Каплан-отец всегда старался представлять обе стороны. И хотя 80% книг было из СССР, но на 20 оставшихся приходилась совсем иная литература. Были не только русскоязычные, но французские и английские книги об СССР. Литература была и советская, и антисоветская, религиоз-

²⁴ На рубеже 80-х каталоги фирмы охватывали до 400 000 наименований книг, выходивших в течение предыдущих 30 лет по всему миру. Пользование этой базой данных было бесплатным.

ная и антирелигиозная, прокоммунистическая и антикоммунистическая, проеврейская и антисемитская. Основными клиентами были профессора, исследователи и университетские библиотеки. Книги закупали библиотеки США, Канады, Германии, Швеции, Швейцарии, Ирландии, Гавайских островов, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африки, Латинской Америки. Через «Дом книги» советские книги шли в Испанию и Португалию, несмотря на запреты.

Фирма сама отбирала книги для своих клиентов, а те обладали правом вернуть то, что им не подходило. Возврат не превышал 1%!

С.Дедюлин: *«В магазине почти не было церковно-религиозной литературы, но много – научной. Большие академические серии. Коммунисты ходили в “Глоб”, антикоммунисты – в “УМСА-Press”. А “Дом книги” занимал промежуточное положение. Ряд книг можно было найти только здесь. Другие магазины их не брали – кто по идеологическим мотивам, кто по ханжеству, кто по неосторопности, а кто – находясь на коротком советском поводе, как “Глоб”. По сравнению с ними “Дом книги” был деидеологизирован совершенно и свободен от многих предрассудков. Здесь можно было найти книги, которые бывают нужны, несмотря на свою непристойность: два тома Флегона “Вокруг Солженицына” (London: Flegon press, 1981; книга, действительно, за границей непристойности – достаточно взглянуть на коллажи); Козловский В. Арго русской гомосексуальной субкультуры (Vermont: Chalidze publ., 1986)».*

Здесь же можно было купить английский репринт Осипа Мандельштама – знаменитое издание Библиотеки поэта (Стихотворения. Л.: Сов. писат., 1973), ради которого устраивались грузчиками в типографию и потихоньку выносили отпечатанные листы, переплетая их дома.

Для той эпохи репринт с советских изданий не являлся нарушением закона – СССР не подписал международный договор об авторском праве, пиратствовал как мог и тем самым ставил себя вне закона. С этой точки зрения «Дом книги» – универсальный передаточный механизм, на который должны были просто молиться все исследователи, пользовавшиеся его услугами.

В 1955 г. Михаил Семенович передал правление фирмы сыновьям, оставаясь хозяином до 1972-го. Он всегда работал. Еще за три месяца до смерти ежедневно ходил в магазин.

Каплены часто ездили в СССР, начиная с 1961 г., когда стали выдавать визы по приглашениям «МК», – раньше это было невозможно. В эпоху Хрущева можно было покупать даже антикварные издания. В эти годы был удивительный интерес к русской книге.

Тащили с собой карандаши, копирку, резинки, зажигалки, писчую бумагу – на мелкие подарки. Это действовало.

В июле 1979 г., лишь незадолго до того отпраздновав свое 85-летие, Михаил Семенович Каплан слег – инсульт. И в начале ноября того же года его не стало. Ушел из жизни человек, оставивший свой след в истории русской культуры XX века. И след весомый: русские книги. Книги, изданные им. Книги, благодаря ему попавшие в сотни научных и тысячи частных библиотек по всему миру. И еще память. Память о человеке, прошедшем две войны, интернирование, аресты, лагеря. И не сломленном, каждый раз находившим в себе силы все начать с нуля. И подниматься.

Сыновья стали достойными продолжателями.

О. Алексей Стричек: *«Кончина хозяина “Дома книги” – ровно два года назад – не прекратила дела. Открылся в Париже даже филиал. Теперь при магазине, что недалеко от станции метро “Одеон”, есть и чайная, где советую побывать каждому, кто, увлекшись книгами, забыл про еду».* «Филиал» – это еще одно помещение, на той же rue de l'Éperon, 12, напротив основного салона. Там продавались словари, учебники и литература для начинающих изучать русский язык (таких во Франции от 25 до 30 тыс. чел.).

В это время в фирме работало 16 человек. Ее услугами пользовалась значительная часть славистов, ибо в самом СССР не существовало системы обслуживания западных клиентов. «Дом книги» был незаменим и для специалистов по экзотическим языкам, ибо только в СССР могли по ничтожным ценам выходить научные издания высочайшего уровня вроде «Язык банту». Число постоянных клиентов «Дома книги» превышало четыре сотни (среди которых такие, как ЮНЕСКО, Госдепартамент США, крупнейшие химические, авиационные, нефтяные фирмы и институты) из более чем 20 стран. Множество подписчиков. Только на Достоевского их было 225 человек. Любопытные цифры приводит «Le Monde»: «Дом книги» ежегодно получал 10–12 тыс. наименований книг из 50 тыс., выходивших в СССР, и из 15 тыс., которые он заказывал.

Любопытный период – 80-е годы. В магазин начали приходить приезжавшие из СССР. Денег у них почти не было, так что не они составляли основу клиентуры, но не учитывать их было нельзя.

Фирма процветала до начала 90-х гг., когда неожиданно разразился кризис. Газеты запестрели заголовками: «Bérézina-sur-Seine»²⁵, «“Дом книги” идет с молотка», «В Париже закрывается старейший в

²⁵ «Березина на Сене». Во французский язык слово «Березина» вошло как синоним абсолютного разгрома.

мире русский книжный магазин», «Парижский “Дом книги” перестает существовать»²⁶, «La mort de “Dom knigi”»²⁷.

Причин закрытия было несколько – просто однажды они слились воедино. Во-первых, работа была тяжелой, и платить сотрудникам надо было много. Стали расти почтовые тарифы и налоги. В ходе перестройки в Союзе рухнуло все государственное книгоиздательство. И через «МК» товар просто перестал поступать. Нечем стало торговать. Каплены вовремя среагировали на ситуацию и объявили о своем банкротстве. И им удалось себя не скомпрометировать. Коммерческая этика, без сомнения, – одна из принадлежности этой фамилии.

М.Лепехин: *«На Пасху в 1991 г. я был в Париже и зашел к Делормам. Полки – полупустые. Наверху – сиротливо лежащая стопка книг о Дягилеве. Хозяин с необычной грустью сказал, что семейное дело закрывается. На вопрос о причинах дотоле спокойный человек преобразился, бросился в подсобку и принес оттуда тяжелую серую плиту. “Мало того, что ваша Межкнига не платит денег, так они еще и воры. Это я получил вместо заказанных альбомов”. Плита оказалась заботливо выпиленным куском тонкого асфальта, по весу и размерам соответствующим пачке с альбомами – почти что надгробная плита советской внешней торговле».*

Лишь в конце 1990 г. неожиданно стали поступать тонны книг, но было уже поздно. На момент обращения в суд (Tribunal de Commerce) в магазине и на складах находилось 30 тыс. наименований книг (ок. 50 тыс. экз). 28 февраля 1991 г. имущество магазина было арестовано, и если бы не нашлось никого, кто бы разом все купил, то по закону книги были бы превращены в бумажную массу.

Российской эмиграцией была предпринята отчаянная попытка спасти «Дом книги». Предоставим слово участнику этой акции **В.Аллою:** *«“Дом книги” разорился <...> летом 90-го года²⁸, когда лопнула Межкнига, немедленно прекратившая выплату денег кредиторам. Неудачная попытка спасти если не все дело, то хотя бы помещение на rue l'Ereperon, издавна принадлежавшее русским, – было последнее, чем довелось мне заниматься в Париже. Вместе с*

²⁶ **С.Дедюлин**, работавший в «Русской мысли» во время публикации этой статьи: *«Во всем видели руку ГБ. Поэтому когда Иван Толстой подготовил статью о банкротстве “Дома книги”, Иловайская осталась ею очень недовольна, считая, что Толстой не раскрыл подноготную событий».*

²⁷ «Смерть “Дома книги”». Все эти статьи любезно предоставлены ГМ.

²⁸ Либо опечатка, либо временная абберация мемуариста – дело, скорее всего, происходило на год позже.

Николаем Васильевичем Вырубовым, возглавлявшим Земгор, и Марией Васильевной Синявской мы попытались составить ассоциацию для возрождения русской лавки-читальни. Братья Капланы готовы были уступить помещение за сравнительно небольшую сумму, с тем условием, что Борис останется служащим в лавке (Жора решил вовсе расстаться с книжным делом). Выкупить аренду магазина в одиночку, тем более в столь дорогом районе, оказалось затруднительным, и потому решено было действовать в складчину, создав некоммерческое общество, которое управляло бы читальней. Объединение усилий представлялось тем более важным, что предприятие обещало навсегда остаться “планово-убыточным” – рассчитывать на последующую прибыль от продажи книг не приходилось. Вырубов привлек к делу племянника – Никиту Лобанова-Ростовского, однако тот поставил условием своего участия в затее привлечение к ней также и Советского фонда культуры, интересы которого представлял бы журнал “Наше наследие”. Когда все уже было оговорено, а документы практически готовы – случилось непредвиденное: таинственная гибель британского газетного магната, “красного миллиардера” – Роберта Максвелла, издававшего журнал. В результате “Наше наследие” исчезло из ассоциации столь стремительно, как и появилось в ней, а Лобанов-Ростовский и вслед за ним Земгор приостановили свое участие в деле... Все начинание рухнуло, по сути так и не начавшись, магазин отошел к французам, а несчастная Маша, приобретшая у Капланов множество книг со склада, еще долго хранила их во флигеле в Фонтене-о-Роз. Часть этих книг, запакованных в полиэтиленовые мешки для мусора, и сегодня лежит у нее во дворе...”²⁹.

Само помещение магазина осталось за Б.Делормом. Его арендует французский антикварный магазин. А верхние полки в глубине заняты рядами книг, оставшихся от «Дома книги».

Так просто стоят, выполняют функцию декора, давно перестав быть товаром.

²⁹ И.Лемперт: «Весь оставшийся товар купила жена Синявского. Это было огромное количество книг. Кое-что купил я».

Русско-еврейская периодика Франции: 1904–1947

Владимир Карасик (Иерусалим)

Данную работу можно считать продолжением статьи «Русско-еврейская периодика Англии: 1900–1937»¹. На основе той же статьи, а также ранее составленных справочников², принимались критерии отделения еврейской периодики от русской. На этот раз сложным «пограничным» случаем оказался бюллетень «Отклики» (см. далее п.3).

Предлагаемое систематическое описание русско-еврейской прессы Франции является самым полным из известных. В частности, впервые исследовано последнее по времени выхода издание – «Еврейская Палестина» (см. п.10).

Тема прессы уже затрагивалась не только в специальном сборнике РЕВЗ, посвященном Франции (3/8/), но и гораздо раньше – начиная с первых страниц первого сборника³, поэтому наибольшее внимание уделяется мало изученным журналам и бюллетеням. Порядок описания – хронологический. Как и в Великобритании, все издания выходили в столице.

1. Начало всей русско-еврейской периодики Франции было положено 15 марта 1904 г. Именно этим днем *группа студентов-сионистов* датировала первый, он же и последний, 16-страничный номер журнала «Кодимо!». Фамилии издателей отсутствуют – вероятно, по соображениям конспирации. Авторы тоже скрываются под псевдонимами: *Хаимъ, Бенъ Самуэль* и т.д. Указан только адрес «для присылки денег и литературного материала»: *M. le Dr KLEIN, boulevard Voltaire, Paris XI*.

Емкое название журнала – ашкеназский вариант ивритского слова *кадима*, означающего одновременно и *вперед*, и *на восток*, к *Иерусалиму*. С одной стороны, студенты не сомневаются в «конечном торжестве социализма». С другой стороны, они сомневаются в

¹ Карасик В. Русско-еврейская периодика Англии: 1900–1937 // РЕВЗ. Т.2(7). С.273–290.

² *Его же*. Еврейская пресса на русском языке: Россия, 1986–1992. М., 1992 (рус., англ.); *Его же*. Еврейские периодические издания: Россия, 1960–1994. Тель-Авив, 1994 (рус., англ., иврит); *Его же*. Еврейские периодические издания на территории бывшего СССР: 1988–1994. Тель-Авив, 1995 (рус., англ., иврит).

³ Пархомовский М. Пришла пора вспомнить о них, написать, поспорить // ЕВКРЗ. Т.1 (1919–1939). Иерусалим, 1992. С.5–12.

том, что «еврейская масса» в царской России доживет хотя бы до начала движения к этому торжеству: «*полдесятка таких поколений – и она выродится физически и морально*»⁴.

Пользуясь французской свободой слова, журнал публикует «непропущенные цензурой отрывки» об антисемитизме в российской армии. Приведены названия и номера воинских частей, где над евреями-солдатами издеваются и врачи, и «*некий поручик Грейсман*» не указанной национальности. «Кодимо!» полемизирует с «Искрой» Каутского и Плеханова, для которых «идея еврейской национальности противоречит интересам еврейского пролетариата». Студенты-сионисты отрицают любую ассимиляцию – «*православным окроплением или пролетарским омовением*».

«Корреспонденции и Сообщения» поступали в редакцию из Вены и Лондона, из Берлина и Одессы. Вообще зарубежный свободный орган на русском языке замышлялся серьезно. Уже была объявлена подписка для «*лиц, живущих в России и желающих получать нашу газету в конвертах (в издании на тонкой бумаге)*». Уже поступили первые пожертвования «*от друзей из Льежа*» и «*от сочувствующего из Москвы*». Чего, как во все века, не хватило студентам, так это последовательности. Весь запал ушел на солидный первый номер, а второй не появился совсем – ни на тонкой бумаге, ни на толстой.

2. В ноябре того же 1904-го вышел на 42 страницах сдвоенный номер 3/4 органа еврейской революционной мысли «Возрождение». Он тоже был единственным, но только для Парижа. Выпуск 1/2 состоялся в Лондоне⁵, а пятый – в Петербурге, в виде книги⁶. Группа «Возрождение» оставила заметный след в ранней истории еврейского рабочего движения, еще до создания партий. Она была социалистической, но не марксистской – ближе к эсерам. В отличие от сионистов, «возрожденцы» откладывали решение еврейского вопроса на далекое социалистическое будущее, рассчитывая пока что на никому неведомую автономию.

Более реально они смотрели на борьбу с погромами, без которых не обходилась в России ни одна война – даже далекая японская. «Тренировались» на евреях мобилизованные воины запаса: «*В Горы-Горках один еврей предложил громилам деньги, чтобы они оставили в покое его магазин, подвергшийся разорению, на что полу-*

⁴ Кодимо!: Издание группы студентов-сионистов (Париж). 15 марта 1904 г. №1. С.6.

⁵ Возрождение: Орган еврейской революционной мысли (Лондон). №1/2. Янв., 1904.

⁶ Возрождение: Еврейский пролетариат и национальная проблема. СПб., 1905.

чил от них ответ: – Мы денег не желаем, мы желаем храбрость свою показать». Не отставали и другие слои русского населения: «В Витебске и Александрии крестьяне целыми возами увозили обильную “поживу”... В смелянском погроме “интеллигентные” женщины направляли громил на евреев». При такой расстановке сил в российском обществе вывод «возрожденцев» однозначен: «Да здравствует еврейская народная милиция, – да здравствует самооборона!». Это единственное средство иногда помогало: «В Могилеве в одном месте самооборону вели мальчики в 14–15 лет, и все же юным героям удалось отстоять одну улицу»⁷.

После активного 1904 г. русско-еврейская пресса во Франции вновь исчезла на целых 13 лет. Одни издатели переместились поближе к местам революционных и иных битв, другие предпочли нейтральную Швейцарию.

3. Затянувшееся молчание первым прервал еженедельник «Отклики». Короткая жизнь этого издания продолжалась меньше четырех месяцев, а посмертная история, похожая на приключенческий роман, еще не закончилась и в XXI веке. С одной стороны, из справочника в справочник десятилетиями переходят полстроки о загадочном еврейском издании: «Отклики. 1917–1918. №1–17». Ни подзаголовка, ни города, ни даже страны⁸. Или это чье-то невнятное сообщение, или просто кочующая опечатка?

С другой стороны, во многих библиотеках мира хранится комплект издания с подробным библиографическим описанием: «Отклики: Орган Рус. общеколон. ком. Париж, 1917–1918. Загл. парал. фр. Выходит один раз в неделю». И даже с перечнем номеров 1917:1(26.09)–14(27.12); 1918:15(3.01)–17(20.01)⁹.

Парадокс в том, что никому не приходило в голову считать еврейским это издание, затерянное среди множества других эмигрантских «Откликов». Видимо, опознание задержалось на долгие годы из-за первого сокращенного слова Рус. в имени организации-издателя. Я и сейчас не очень представляю ее точное название: Русский общеколонизальный комитет? Или комиссия? Зато полностью

⁷ Возрождение: Орган еврейской революционной мысли (Париж). №3/4. Ноябрь 1904. С.63.

⁸ Shatoff M. Half a Century of Russian Serials, 1917–1968. New York, 1971. Vol.2. P.246. Кельнер В.Э., Эльяшевич Д.А. Литература о евреях на русском языке, 1890–1947: Библиогр. указ. СПб., 1995. С.564.

⁹ Сводный каталог период. и продолжающихся изданий Русского Зарубежья в библиотеках Москвы (1917–1996 гг.). М.: РОССПЭН, 1999. С.313.

уверен в тождественности обоих изданий. Это удалось установить, когда в последние часы второй поездки в Париж я добрался до служебного каталога новой Библиотеки Миттерана. И тут, совершенно случайно (как в самом низкопробном романе), наткнулся на тот же заголовок с тем же подзаголовком, однако еще и с упоминанием идиш как второго языка.

Все сразу прояснилось – это же территориалисты, сугубо еврейское движение! С длинной и запутанной историей на всю первую половину XX века. От «плана Уганды» великого Герцля до попыток еврейской колонизации Анголы или Техаса, Австралии или Месопотамии. В территориализме видели спасение для евреев и английский писатель Израиль Зангвил, и даже, правда недолго, наш земляк Нахман Сыркин, первый социалист-сионист. Альфред Носсиг, польско-немецкий скульптор, демограф и публицист, в 1908-м основал Всеобщую еврейскую колонизационную организацию. Но кто же основал *Рус. общеколон. ком.* и парижский еженедельник на русском и идиш?

Этот вопрос останется открытым, пока кто-нибудь где-нибудь не напишет, наконец, эпилог к затянувшемуся библиографическому роману под названием «Отклики». А мы пока перейдем к 1920-м годам, самым урожайным по числу и разнообразию изданий. Именно в это время Париж все больше становится столицей русской и русско-еврейской культуры и литературы, включая, разумеется, и прессу.

4. С февраля до мая 1920-го вышли три номера «Еврейской хроники», по 16–20 страниц каждый. Их выпускал Комитет еврейских делегаций при Конференции мира, созданный по инициативе сионистов для помощи жертвам *выселений, погромов и других ужасов войны*.

Ни в каких других изданиях я не встречал столь впечатляющих и столь детальных таблиц погромов – по районам, по периодам, по «исполнителям». Первые в этом позорном списке – петлюровцы, однако и о них можно найти удивительные факты: *«В Лубнах погром был предотвращен только потому, что в самих петлюровских частях нашлось около сотни человек, которые выступили против громил с оружием в руках. Они потеряли убитыми 14 человек...»*¹⁰. Напомним, что именно в Париже через шесть лет Шалом Шварцбард застрелил Симона Петлюру. Подробности прошумевшего на весь мир судебного процесса мы приведем далее, освещая журнал «Рассвет».

«Черный список» продолжают бесчисленные банды и завершают «советские отряды». Уже после составления таблиц появилась

¹⁰ Еврейская хроника (Париж). № 1. 15 февр. 1920. С.7.

«новая категория погромов» – белыми армиями на Украине и в Сибири. Генерал Деникин не смог ответить на отчаянные обращения еврейских организаций ничем, кроме личного сочувствия. Немногим лучше обстояли дела у адмирала Колчака. Сам он «во всеуслышание осуждал антисемитскую кампанию тех, кто его окружал». Но вот один соратник Колчака, генерал Дитрихс, публикует памфлет под названием «Бейте жидов!». А вот другой соратник с подходящей фамилией: «министр иностранных дел Сукин открыто нападал на евреев в присутствии союзных войск»¹¹.

Естественно, и белогвардейские журналисты добывали сенсацию за сенсацией: «Большевистское радио говорит, что советская власть отменила воскресенье и признало (sic!) неприсутственным днем субботу... В Витебске и Смоленске сформированы стрелковые еврейские полки для усмирения нежелающих идти на фронт русских рабочих и крестьян». Вплоть до таких удивительных происков сионизма: «В приходах Боровском и Алешинском Кустанайского уезда, во время недавнего мятежа крестьянского населения под влиянием агитации пяти евреев были убиты священники названных приходов»¹².

На последних страницах последнего номера «Еврейской хроники» – статья «Еврейский национальный центр в Палестине». Обзор ситуации на расстоянии не отличается точностью: враждебность арабов объясняется интригами «эмира Фейзаля» и... католического духовенства. Но главное в статье – национальная солидарность: «Целый ряд еврейских несионистских организаций уже заявили об их искреннем желании сотрудничать вместе с сионистами в целях скорейшего возрождения еврейского народа в Палестине»¹³.

5. Еженедельный журнал «Еврейская трибуна» был рекордным по числу номеров – 194 за более чем четыре года издания (1920–1924). Русский и французский варианты журнала выходили одновременно, английский – в два раза реже. Это издание неоднократно описано на многих языках, в том числе в ЕВКРЗ¹⁴. Остановимся поэтому только на некоторых особенностях «Еврейской трибуны», которые дружно отмечают и сами издатели, и их друзья, и даже враги. Это, во-первых, множество русских авторов и сотрудников, а во-вторых, – четкая политическая ориентация журнала, близкая к левым кадетам или правым эсерам. И то и другое иллюстрируется одним и

¹¹ Еврейская хроника (Париж). № 3. 23 мая 1920. С.6.

¹² Там же. С.7.

¹³ Там же. С.16.

¹⁴ См., например, Каплан В. «Еврейская трибуна» о России и русском еврействе // ЕВКРЗ. Т.2. С.167–180.

тем же известным фактом. Штатным секретарем еврейской редакции все эти годы работал член Учредительного собрания от партии эсеров В.В.Руднев, православный врач и бывший городской голова Москвы.

Столь же четкой была ориентация журнала и в национальном вопросе. «Обелить в глазах европейской публики евреев от обвинения в симпатии к большевизму» – так, совершенно правильно, понял задачу «Еврейской трибуны» ее не очень достойный противник, большевистский бюллетень Главлита за 1923 г. Это цензурно-литературоведческое издание печаталось на пишущей машинке, имело гриф «Совершенно секретно» и рассылалось строго по списку: «1.Тов. Ленину. 2.Тов. Троцкому. 3.Тов. Сталину...» и еще всего только девяти «Тов.». Естественно, перечисленные товарищи не могли не запретить ввоз журнала в СССР – советский «железный занавес» работал исправно уже на заре нэпа¹⁵.

6. «Бюллетень Парижского еврейского Комитета помощи» я впервые увидел в библиотеке университета Нантер под Парижем. Бюллетень выходил ежемесячно с января до июня 1921-го. Первый номер выпущен в трех вариантах – на русском, французском и идиш. С февраля три текста идут параллельно, а с мая русский язык исчезает.

Скромное издание на нескольких страницах предназначалось, очевидно, для обращения в различные организации и для работы с многочисленными секциями Комитета, прежде всего в разных округах Парижа. Комитет собирал деньги и вещи для еврейских беженцев с Украины, находящихся в Румынии, Италии, Турции. Один из проектов – «устройство во Франции детей-сирот, жертв погромов». Дело было с самого начала поставлено на реальную основу: «готовность принять на свой счет содержание 200 детей в Париже» выразил сам казначей Комитета, владикавказский еврей и парижский миллионер-меценат Леонард Розенталь¹⁶.

В Бессарабию был командирован товарищ председателя Комитета, старейший российский сионист Владимир Темкин. Заметим, что в Париже прошли последние годы его жизни: в 1924-м он вошел в редколлегия «Рассвета», в 1925-м вместе с Жаботинским возглавил Всемирный союз сионистов-ревизионистов, а в 1926-м, за год до смерти, выступил на процессе Шварцбарда с впечатляющими показаниями о погромах на Украине.

¹⁵ Блюм А. Зарубежная русско-еврейская печать и литература в оценке коммунистической цензуры // ЕВКРЗ. Т.2. С.241–242.

¹⁶ Подробнее о деятельности Л.Розенталя см.: Сорокина М. Аимек-Гуарузим – Foundation Rosenthal // Евреи России – иммигранты Франции. Париж; Москва; Иерусалим, 2000. С.35–68; Гузевич Д. Евреи России – иммигранты Франции [рецензия] // РЕВЗ. Т.3(8). С.457–465.

117

7. «Дневник контрреволюционера» – таково необычное название необычного издания с единственным редактором и единственным автором. Даниил Самойлович Пасманик – кем только он ни побывал «до 1917 года»: и гимназистом в Полтаве, и студентом-медиком в Цюрихе, и врачом в Болгарии, и приват-доцентом в Женеве. Февральская революция застала 48-летнего Пасманика в ялтинском лазарете тяжело больным после службы в армейских госпиталях.

Четверть века этот человек отдал сионизму, в том числе социалистическому. И вдруг – либеральный монархизм, вступление в партию кадетов, сотрудничество с белым правительством Крыма. И, наконец, «Дневник контрреволюционера», осужденный большинством современников и забытый большинством потомков. Достаточно сказать, что о «Дневнике» нет ни полслова в обширной статье, которую посвятила Пасманику иерусалимская Краткая еврейская энциклопедия (далее – КЕЭ).

Трудно даже определить жанр странного издания. В справочники по периодике «Дневник контрреволюционера» включают (обычно с неверными выходными данными) просто благодаря слову *Journal* на обложке, которое по-французски означает всего лишь «дневник». Кое-как разобраться мне удалось, только взяв наконец в руки само издание – в том же университете в Нантере.

Итак, перед нами два (а не три, как кажется авторам некоторых справочников¹⁷) номера по 36 страниц. Даты выхода – март и июнь 1923-го. Оригинальный замысел автора декларируется с самого начала: «*Лишь настоящий журналист меня поймет, когда я скажу, что газета всегда связывает ее сотрудников и даже ее полновластного редактора*»¹⁸. Отсюда – предельно свободная и предельно личная форма издания. Это похоже на авторскую песню с одним лейтмотивом – «*полная и абсолютная непримиримость по отношению к большевизму и к советской власти*». И одновременно на врачебный диагноз, точный и беспощадный: «*Большевизм – рак, злостный нарост на больном теле, который несет с собой смерть, но никогда не может превратиться в начало жизни*». Доктор Пасманик квалифицированно излагает и историю болезни: «*В известные эпохи... народы так же пьянеют, как индивидуальности под влиянием водки. Верно, что большевики оказались в определенный момент единственно трезвыми шинкарями*»¹⁹.

¹⁷ Кельнер В.Э., Эльяшевич Д.А. Литература о евреях на русском языке, 1890–1947: Библиогр. указ. СПб., 1995. С.544.

¹⁸ Дневник контрреволюционера (Париж). № 1. Март 1923. С.3.

¹⁹ Там же. С.3–4.

Огонь критики направлен не только против «бездарной и жестокой российской революции», но и против «послевоенных» революций вообще: «Все они выросли не органически из радостного творчества, а появились следствием поражения, т.е. государственного истощения и культурного упадка»²⁰. И далее – нечто новое для нас, знающих только ленинские низы, которые не хотят, и верхи, которые не могут: «Собственными силами до сих пор произвели революцию крепкая аристократия и еще более крепкая буржуазия. Так было в Англии, так было во Франции... Что же касается других сословий, то ни крестьяне, ни пролетариат нигде еще не были в состоянии произвести революцию»²¹.

А потом – и вовсе неожиданное: «Законный порядок может легче быть установлен при монархической, чем при республиканской власти...». Пасманик солидарен с Наполеоном, который вовремя понял, что «революция слишком варварское средство для обновления государства... что власть должна своевременно удовлетворять основные требования масс... что кто хочет предупредить революцию, должен признать эволюцию»²². Любопытное совпадение – «Дневник контрреволюционера» распространялся книжным складом в Париже на улице Бонапарта.

После кончины Пасманика Владимир Жаботинский писал: «Он был из первых, связавших сионистскую идею с общими данными социальной науки... Как диалектик, он был одним из лучших, кого я вообще встречал»²³. Эта статья-некролог характеризует не только Пасманика, но и самого автора как блестящего диалектика. И как настоящего российского интеллигента, умеющего понимать и уважать чужое и даже чуждое мировоззрение: «О размолвке Пасманика с русским сионизмом, в годы гражданской войны и после, я мало что знаю... Возможно, что не может понять этих вещей человек, которого тогда в России не было... Мы не привыкли к типу души, которая, действительно, вмещала в себе два настоящих патриотизма... Я ему не завидовал и не завидую. Но шапку снимаю: это не порок души, это богатство души...»²⁴.

²⁰ Дневник контрреволюционера (Париж). С.1. Март 1923.

²¹ Там же. С.6–7.

²² Там же. № 2. Июнь 1923. С.3.

²³ Рассвет (Париж). 1930. №28.

²⁴ Там же. Заметим также, что этому некрологу уделено немало внимания в работе: Шимон Маркиш. Жаботинский в парижском «Рассвете» // РЕВЗ. Т.3(8). С.40–42. Однако автор, по нашему мнению, совершенно неоправданно считает, что «в целом статья пресная», и резко критикует ее за «высокую патетику, или, если угодно, патетическую серьезность». Воз-

8. Название «Рассвет» родилось вместе с русско-еврейской периодикой и сопровождало ее всю жизнь. Первый журнал «Рассвет» издавался в Одессе (1860–1861), второй – в Петербурге (1879–1883), третий – там же в 1907–1915 гг. и в 1917–1918 гг. В этом еженедельнике активно печатался Владимир Жаботинский, и не только как журналист. Именно здесь в далеком 1910-м публиковались первые варианты романа «Пятеро», еще с другими именами героев.

Четвертый «Рассвет» появился в Берлине в апреле 1922 г. как *еженедельный орган Федерации русско-украинских сионистов (в эмиграции)*. Через год Жаботинский стал постоянным сотрудником, а после переезда вместе с журналом в Париж – бессменным руководителем редакции на все 10 лет – с декабря 1924 до декабря 1934-го²⁵.

Прежде всего, «Рассвет» до сих пор является важнейшим документальным источником по истории русской эмиграции. Так, именно в нем полтора года подряд из номера в номер печатались подробности судебного процесса, всколыхнувшего весь еврейский и нееврейский мир. 25 мая 1926 г. Самуил (Шалом-Шмуэль) Шварцбард в центре Парижа застрелил Симона Петлюру. Первое сообщение в журнале появилось через пять дней, а последнее – в декабре 1927-го.

«Рассвет» публиковал детали, добытые газетчиками всех стран. Французская «Пти Паризьен» умело завоевывает сердца чувствительных читателей: «*Убийство явилось неожиданностью для его жены. Он – такой нежный! Он не пьет, не курит и не ест даже мяса*»²⁶. Русский «Руль» находит более существенные факты: «*Сов. телеграфное агентство “Тасс” не пожелало сообщить своим читателям имя и национальность убийцы Петлюры – Самуила Шварцбарда. В первой телеграмме он назван “украинцем, мстив-*

можная причина – явно отрицательное отношение Ш.Маркиша к деятельности самого Пасманика.

²⁵ История и хронология журналов «Рассвет» достаточно изучена. Тем не менее именно о зарубежном издании продолжают появляться неточные и прямо искаженные данные. В 1995 г. В.Кельнер и Д.Эльясевич в своем библиогр. указателе (см. примеч.¹⁷) для парижского «Рассвета» (№6065. С.567) почему-то дают только один год выхода – 1931 вместо 1924–1934. В 2000 г. книга «Евреи России – иммигранты Франции» (Еврейский университет, Иерусалим) открывается статьей В.Московича «Юбилейные заметки о В.Жаботинском». Сомнительным подарком юбиляру можно считать сразу две фактические ошибки в одной фразе о «его работе по редактированию и изданию еженедельника «Рассвет», которую он вел в эмиграции с 1922 по 1934 г., сначала в Берлине, а с 1925 г. в Париже». Во-первых, в редактировании берлинского «Рассвета» Жаботинский начал участвовать не в 1922, а в 1923-м. Во-вторых, издание в Париже началось не в 1925, а в 1924-м.

²⁶ Рассвет. 6.06.1926. №23. С.11.

шим за русских евреев", во второй – "французским гражданином"²⁷. Но постепенно и советская печать становится более информативной: «"Правда" сообщает, что родители Шварцбарда проживают в Одессе"²⁸.

Начало суда бесконечно откладывается. 28.11.1926 его ждут «по всей вероятности, в январе», потом «не раньше февраля», «в мае», «в конце июня». До первого заседания 18.10.1927 в разных странах за и против Шварцбарда и Петлюры успели написать и выпустить не только массу брошюр, но и несколько солидных книг. Волна мести прокатилась по Западной и Восточной Европе. В июле 1926-го в Париже украинский эмигрант тремя выстрелами из револьвера ранил свидетеля защиты, когда он отдыхал с 8-летним сыном «на лугу близ ул. Бикерель»²⁹. Через год: «В лесу близ Барановичей (Сов. Рос.) найдены 9 убитых евреев. Убийцы оставили записку "Это вам за смерть батько Петлюры"»³⁰. Дальше – больше: «Недавно в Василькове был погром, во время которого убито 17 евреев»³¹.

Наконец, в трех номерах, с 23 октября по 6 ноября 1927 г., «Рассвет» публикует стенографическому отчету о процессе целые двадцать страниц. Обвинительный акт уточняет многие факты и разоблачает многие легенды. Шварцбард встретил Петлюру не на выходе из церкви, а между рестораном на улице Расин и бульваром Сен-Мишель. Спросив «Вы пан Петлюра?», он вовсе не сказал, что хочет «вернуть должок», а крикнул: «Защищайся, каналья!». Кроме картины убийства, прокурор подготовил обзор событий на Украине после 1917-го и пришел к радостному выводу: «Петлюра никогда не был антисемитом, напротив, он был филосемитом». Развитие темы звучало менее оптимистично: «Когда нельзя было избежать погрома, правительство оказывало помощь жертвам»³².

«Дело г. Шварцбарда ничем иным, кроме полного оправдания, закончиться не может» – таков прогноз, очевидно, самого Жаботинского, перед вторым репортажем о суде, еще в самом начале процесса. – «Этот исход зависит исключительно от того факта, что каждый средний европеец... впитал в себя вместе с воздухом свободной страны одну незыблемую аксиому: глава правительства и армии ответственен за то, что творится в его стране и в его армии»³³.

²⁷ Рассвет. 13.06.1926. №24. С.11.

²⁸ Там же. 14.11.1926. №46. С.9.

²⁹ Там же. 18.07.1926. №29. С.11.

³⁰ Рассвет. 31.07.1927. №30. С.10.

³¹ Там же. 23.10.1927. №40. С.13.

³² Там же. №42. С.4.

³³ Там же. 30.10.1927. №43. С.1.

Вера в благоприятное завершение суда объясняет не слишком серьезные иллюстрации, сопровождающие репортаж. Это выразительные шаржи на свидетелей Г.Слиозберга, В.Темкина и Л.Моцкина, на обвинителя, на защитника – видного французского социалиста и адвоката Анри Торреса³⁴.

Фактически судили не убийцу Шварцбарда, а убитого Петлюру. Украинские националисты его обеляли. Французский профессор Ланжевен «продолжает настаивать на ответственности Петлюры за погромы». Гражданский обвинитель Вильм в заключительной речи сказал, что Шварцбард – «агент большевиков», а евреи «видят себя властелинами мира». И этим, мне кажется, только помог защите. После 25-минутного совещания присяжные вынести вердикт: *«Невиновен»*. Так или иначе, французский суд оправдал еврейского поэта, часовщика и анархиста, отомстившего за свою семью и за всех погибших евреев.

Уникальность и универсальность «Рассвета» состояла в том, что в нем публиковались и отчеты рождающегося Союза сионистов-ревизионистов, и окончательный текст романа «Пятеро». Между сообщениями о ликвидации «Джойнта» в СССР и об осквернении еврейских кладбищ в Германии – заметка о презентации, как сказали бы сегодня, новой книги Довида Кнута «Парижские ночи». В этом описании литературного вечера и без подписи «*Бен-Таврия*» можно безошибочно узнать руку Жаботинского. Вот портрет поэта: *«невысокого роста худой брюнет с большими еврейскими глазами на смуглом жженом лице»*. Вот картина поэтического «вертепа» в зале «одного, уцелевшего со времен Мюссэ, кафэ» в Латинском квартале: *«С клубами табачного дыма смешиваются облака мистического тумана и апокалиптических упований... Неизреченная тоска по России на реках Иль-де-Франса?... Русские в диаспоре... Впервые трясет их лихоманка "голуса", с которой мы уже так сжились»*³⁵. Две страницы подряд бесценные стихи Кнута чередуются с крипицами бесценной прозы Жаботинского.

³⁴ Во многих источниках фамилию адвоката передают на французский манер – *Торез*. Думаю, что испанско-еврейское *Торрес* у гениального полиглота Жаботинского – более точная транслитерация. По крайней мере, вождь французских коммунистов *Морис Торез* пишется более «по-английски» – *Thorez*.

³⁵ Рассвет (Париж). 28 февр. 1932. №9. По поводу «русских в диаспоре» – именно «Рассвет» напечатал в феврале 1925-го знаменитую статью М.Осоргина «Русское одиночество», которая вызвала бурную дискуссию – см.: *Разгон А. О «Русском одиночестве» Михаила Осоргина* (по материалам сионистской газеты «Рассвет») // ЕВКРЗ. Т.1. С.13–24.

В тель-авивском архиве *Бейт-Жаботински* хранится огромная переписка Владимира Евгеньевича. На некоторые годы приходится по несколько томов – на русском, на английском, на немецком, на иврите, на итальянском. На рубеже 1920–1930-х годов в письмах особенно часто встречаются упоминания о «Рассвете».

В июле 1930 г. Жаботинский пишет из Парижа (*Rue Marie Davy, Paris XIV*) в Берлин: «У меня очень трудное время, работаю иногда до 2 ч. ночи...»³⁶. В августе – в Тель-Авив: «Я теперь опять скорострельный газетчик, и мне очень трудно...». Здесь же – интересное суждение по поводу редакции в Палестине: «Мое мнение такое: прежде всего надо человеку дать *Arbeitsfreude*³⁷, особенно если ничего другого ему дать нельзя»³⁸.

А вот строки из другого письма в Тель-Авив – в ответ на просьбу о помощи: «Я-то все понимаю. Но у меня денег нет и не будет. У Ц.К., надеюсь, будут; но сомневаюсь, чтобы удалось *выцарапать* даже на бюджет газеты (это ведь никогда не проводилось через Ц.К.; те же 100 ф. в Ю.Африке я самовольно забрал)...»³⁹.

К 1931 г. «выцарапывать» деньги на журнал стало еще сложнее. В 1932-м на помощь пришло Общество друзей «Рассвета». Важнейшую роль в нем играл Ицхак Найдич – московский винодел в прошлом, сионист и еврейский филантроп всю свою жизнь. Он помогал евреям – жертвам Первой мировой войны, строительству электростанции Рутенберга в Палестине, заводам Новомейского на Мертвом море. И писал стихи на иврите – только после смерти автора их опубликовали в Израиле. Он так и не успел туда переселиться – умер в Париже в 1949 г.

В номерах того же 1932 г. мне попалась на глаза любопытная реклама – между «Трико Ротлеви» и «Маранц экспорт-импорт»: «В.Е.Жаботинский и И.М.Гальперин. Юридический кабинет принимает дела на Францию и др. страны». Не знаю, насколько удалось Владимиру Евгеньевичу использовать свое юридическое образование для укрепления финансового положения.

С декабря 1932-го 16-страничный журнал превратился в газету на 4–6 страницах, хотя и самого большого формата (А-2). В ноябре 1933-го издание прервалось на два месяца. В январе 1934-го ослабевший «Рассвет» стал из еженедельного двухнедельным, а

³⁶ Письмо В.Е.Жаботинского Ефиму Марковичу Белиловскому, 13.07.1930.

³⁷ *Arbeitsfreude* – радость труда (нем.).

³⁸ Письмо В.Е.Жаботинского Израилю Аншелевичу Розову, 29.08.1930.

³⁹ Письмо В.Е.Жаботинского Соломону Клементьевичу Гепштейну, 16.10.1930.

14 декабря угас окончательно. Завершилась целая эпоха в еврейской и в русской периодике.

Имя журнала в дореформенном написании перешло в названия ревизионистских изданий на немецком языке в Вене, Берлине и Париже («*Razsviet*»), на болгарском – в Софии и в Хайфе («седмичник „Разсвет“», 1951–1961).

На русском языке пять номеров тель-авивского «Рассвета» появились в 1973–1974 годах. Крупным явлением стала первая новая еврейская газета на территории СССР «Хашахар-Рассвет», которая родилась в Таллине в 1988-м и продолжает выходить в 2000-е годы. Однако нам пора вернуться в предвоенную Францию.

9. Ежегодник «Еврейский мир» так и не стал ежегодным. Первый том вышел в Париже в 1939-м, а второй и последний – в Нью-Йорке в 1944-м. Уже предисловие начинается драматической констатацией: *«Мировая война и последовавшая за ней революция нанесли нам, русским евреям, сокрушительный удар. Живое тело русского еврейства было разорвано на части...»*⁴⁰. За считанные дни до новой войны и до нового, еще более «сокрушительного удара» Комитет Объединения русско-еврейской интеллигенции в Париже сумел выпустить ежегодник и даже надеялся, что «ему на смену придет более частое периодическое издание».

Кроме справочного отдела и обзора положения евреев по странам, ежегодник содержит очерки с широким охватом времени и пространства – от «Истоков русского еврейства» до «Основных этапов антисемитской политики Гитлера». С.М.Гинзбург написал нечто вроде некролога *«О русско-еврейской интеллигенции»*, где добрым словом поминается и *«русско-еврейская литература и печать, которая свыше полувека, при самых тяжелых цензурных условиях, честно служила своему народу, защищала его достоинство и опровергала непрерывно сыпавшиеся на него поклепы»*⁴¹.

Статья «*Евреи и советская диктатура*» подписана «Ст.Иванович» (псевдоним члена Комитета С.О.Португейза). Он видит, что советские евреи получили *«равенство в правах там, где нет права... Но – надо ли это скрывать? – многие благодарно благословили даже и такое равенство»*⁴². В конце – мудрый, но печальный прогноз: *«Русские евреи будут бороться за русскую свобо-*

⁴⁰ Еврейский мир: Ежегодник (Париж). 1939. С.7.

⁴¹ Там же. С.36–37.

⁴² Там же. С.42,45.

ду... На этом пути остатки русско-еврейской интеллигенции выполняют свой долг»⁴³. Так сказать, похоронный оптимизм...

Но самое сильное впечатление производит открывающая «Еврейский мир» статья Дубнова «Русско-еврейская интеллигенция в историческом аспекте». В то время Семен Маркович жил в Риге, где в конце 1941-го был уничтожен фашистами.

Статья подводит невеселые исторические итоги: «Можно считать уже погибшим центр еврейской интеллигенции в России, и на наших глазах погибает центр в Германии и Австрии... Фанатический режим большевизма и нацизма, вселивший в опустошенные души ненависть ко всему свободно-мыслящему, ненависть классовую или национальную, будет еще давать себя чувствовать в ряде поколений. Общественная атмосфера в странах левой и правой диктатуры надолго отравлена...»⁴⁴.

Из предвоенной Латвии в предвоенную Францию 80-летний Дубнов шлет свое завещание: «...И теперь, думая о трагедии нашей рассеянной русско-еврейской интеллигенции, я задаю себе вопрос: знаменует ли заброшенная в Париж ее группа, создавшая там Объединение русско-еврейской интеллигенции, конец прошедшей культурной эпохи или начало новой, молодой зародыш будущего возрожденного центра в России? При всем моем скептицизме мне страстно хочется верить в последнюю возможность»⁴⁵.

Листая страницы последнего в межвоенной Европе русско-еврейского периодического издания, нам остается только разделить и скептицизм, и веру великого еврейского историка и мыслителя.

Если «Еврейский мир» можно считать мощным трагическим эпилогом русско-еврейской периодики всей Европы, то издание, которое завершает список, – всего лишь краткое, но многозначительное послесловие.

10. «Еврейская Палестина» – так назывался бюллетень Еврейского агентства (*Сохнут*), который не упоминается ни в одном из известных справочников и до последнего времени отсутствовал в библиотеках многих стран, включая Францию. В Центральном сионистском архиве Иерусалима мы нашли три из четырех выпущенных номеров (1 ноября – 16 декабря 1947 г.).

Напомним, что в те годы во Франции активно действовали многие еврейские организации – и легальный *Сохнут*, и полулегальные

⁴³ Еврейский мир: Ежегодник. 1939. С.57.

⁴⁴ Там же. С.13,15.

⁴⁵ Там же. С.15–16.

Эцел и Лехи. Париж стал транзитным пунктом эмиграции уцелевших европейских евреев в Палестину. Этим, видимо, и объясняется появление бюллетеня на нескольких языках, включая русский. В какой-то степени издание можно считать международным – Еврейское агентство базировалось в Палестине, и там же, очевидно, готовились материалы. Адрес редакции в Париже – *143, Av. de Wagram, Paris XVII.*

Первый номер почти все четыре страницы отводит откликам на «событие дня» – заявлению СССР в ООН о поддержке создания двух государств на территории Палестины. Социалистическая газета «Давар» горячо приветствует не только это решение, но и вообще «новый мир, строящийся (sic!) в Советском Союзе», а теперь уже и в Восточной Европе. Одобряются даже такие «*незначительные жертвы*», как смертный приговор главе болгарской оппозиции Николе Петкову.

Консервативная «Габокер» и либеральная «Гаарец» смотрят на вещи более трезво: *«русская и американская поддержка обусловлены не только сантиментальными чувствами к еврейскому народу...», «борьба далеко не закончена...».*

В декабре, когда уже *«весть о решении ООН... электрической искрой пронеслась по Палестине»*, бюллетень публикует обращение Бен-Гуриона к арабам. Его тезисы не очень-то реализовались за прошедшие полвека: ни то, что *«арабский рабочий будет получать ту же плату, что и еврей»*, ни то, что *«наши соседи дадут нам жить и работать в мире с ними».*

Государство в пути за полгода до официального провозглашения напрягает все силы для помощи еврейской иммиграции – легальной и нелегальной, «сквозь линию британской блокады». Но и в это время музы не молчат. Масса книг переводится с русского на иврит. Среди авторов часто встречаются В.Ленин, И.Сталин, А.Фадеев и А.Н.Толстой. Попадается, к счастью, и Л.Н.Толстой, и даже А.К.Толстой!

На этом заканчивается описание всех десяти известных на сегодня русско-еврейских газет, журналов и бюллетеней Франции. За треть века – более 300 номеров самого различного формата и объема, от 2 до 388 страниц. Русско-еврейская пресса Парижа началась со студенческого бюллетеня на заре сионизма, а закончилась почти государственным бюллетенем в преддверии победы сионизма в одной отдельно взятой еврейской стране. История вполне закономерная и даже поучительная.

После романа в 10 частях терпеливый читатель может осилить еще две дополнительные миниатюры на ту же тему *Русское еврейство и Периодика Зарубежья.*

Дополнение первое – об участии евреев из России в русских периодических изданиях на территории Франции. Этот вопрос неоднократно затрагивался в книгах ЕВКРЗ и РЕВЗ⁴⁶. Менее других изучены бесчисленные партийные издания на русском языке – от анархистов до монархистов. Остановимся кратко только на одном из них – троцкистском «Бюллетене оппозиции (большевиков-ленинцев)». В Париже он выходил с июля 1929 до октября 1933 г., и именно этот период очень плохо представлен в библиотеках, а информация о нем – в научной литературе. Достаточно сказать, что во многих статьях и книгах повторяется неправильная дата начала «Бюллетеня»⁴⁷.

Первые пять лет после изгнания из СССР Троцкий сравнительно спокойно жил на турецком острове Принкипо и еще верил в свое победоносное возвращение и в скорую всемирную революцию. Его статьи первого года издания (и изгнания) посвящаются то «*революции в Индии*», то «*китайско-советскому конфликту и позиции бельгийских левых коммунистов*». Перечисляются достижения троцкизма на всех континентах в борьбе против всех уклонов – правого, ультралевого, капитулянтского и т.д., и т.п. Правда, «*американские сталинцы применили на митинге методы физической расправы с левыми оппозиционерами*», и, кажется, успешно. Зато «*польская оппозиция насчитывает около 80 единомышленников*», а также «*французская оппозиционная Лига ведет энергичную кампанию по вопросу о судьбах Германской революции*», и в 1932 г. «*общий тираж брошюр Л.Д.Троцкого на немецком языке достиг 70 000 экземпляров*». Как ни странно, после всех этих победоносных кампаний в 1933-м победила не германская революция, а Гитлер, причем вполне демократическим путем.

В заключение – два слова о любопытном документе из «Бюллетеня», касающемся еврейских и нееврейских революционеров: «Список большевиков-ленинцев (оппозиционеров) Верхне-Уральского

⁴⁶ Перечислим основные публикации в томах ЕВКРЗ и РЕВЗ о рус. периодич. изданиях во Франции и об участии в них евреях: Хейфец М. «Социалистический вестник» и «социалистическая» страна // ЕВКРЗ. Т.1. С.203–218; Пархомовский М. По другую сторону баррикад, или Кто создавал «Современные записки» // ЕВКРЗ. Т.1. С.219–225; Бирман М. В одной редакции: О тех, кто создавал газету «Последние новости» // ЕВКРЗ. Т.3. С.147–169; Кельнер В. Евреи и еврейский вопрос в парижском журнале «Современные записки» // ЕВКРЗ. Т.3. С.190–208; Иванов А. Парижский «Сатирикон» // ЕВКРЗ. Т.4. С.208–219; Коростелев О. Парижское «Звено» (1923–1928) и его создатели // РЕВЗ. Т.1(6). С.177–201; Кельнер В. Максим Максимович Винавер: последние годы жизни (1919–1926) // РЕВЗ. Т.1(6). С.356–376; Иванов А. [публикация]. Друг «Последних новостей» (Дон-Аминадо. <Слово о В.Е.Жаботинском>) // РЕВЗ. Т.3(8). С.14–29.

⁴⁷ Например, КЕЭ. Т.8. Иерусалим, 1996. Стб. 1069.

изолятора» на 1 ноября 1930 г.: «1.Абрамский, 2.Авоян, 3.Альдгаузен... 117.Эльцин В.». А вот и подробности о последнем в списке: «Эльцин Виктор Борисович. В партию вступил в 1917... Был председателем Вятского губисполкома... Работал на восточном фронте... Редактор собрания «Сочинений» Троцкого. С января 1928 г. в сталинской ссылке». Далее описана целая семья троцкистов Эльциных: сестра Виктора Борисовича, его брат Иосиф и их отец Борис Михайлович Эльцин, старейший большевик, который сидел в царских тюрьмах, а с лета 1929-го «находится в заключении – на режиме полной изоляции, совершенно один – в Суздальском изоляторе»⁴⁸.

Неясно, имеет ли первый президент России Б.Н.Ельцин какое-либо отношение к этому семейству. Зато стало более понятно, откуда антисемитская пресса 1990-х выкопала легенду о еврейском происхождении Баруха Эльцина.

Дополнение второе. В 2000 году я побывал в Париже на симпозиуме по случаю 125-летия Тургеневской библиотеки. Ее читателями были, наверно, все издатели русских и еврейских газет и журналов с начала 1900-х годов и до конца 1930-х. Как раз этот период жизни библиотеки уже освещался в РЕВЗ⁴⁹. А на рубеже XX и XXI веков я нашел в парижских киосках не только газету «Русская мысль», с нумерацией за четыре тысячи, но и двуязычный научный журнал русской литературы «Lettres Russes». И разные бюллетени, и совершенно ненаучную «Газету ЦРЯК» №124 за январь-февраль 2000-го. Это, оказывается, такое эстетичное сокращение Центра русского языка и культуры! Существует даже – с 1901 года – «франко-русское общество» (именно так и напечатано в марте 2000-го!) по имени «Кадушка-Kadouchka».

Так вот, именно в Тургеневской библиотеке внезапно обнаружился один выпуск единственного, насколько известно, русско-еврейского периодического издания Италии (что дает формальное право расширить название нашей статьи еще на одну страну и еще на 33 года!). Номер 11 *еженедельного бюллетеня для эмигрантов* под названием «Евреи в пути» вышел на 11 машинописных страницах 10.03.1980, по всей вероятности, в Риме.

Что же касается сегодняшней Франции, то, среди множества действующей прессы на множестве языков, русско-еврейская периодика, увы, отсутствует. А появится ли через год или через век – неведомо никому.

⁴⁸ Бюллетень оппозиции (Париж). Март 1931. № 19. С.22.

⁴⁹ Пархомовский М. «Нашла для Вас настоящий клад: Лев Исаевич Шейнис» // РЕВЗ. Т.1(6). С.400–406.

«Зильберштейн и Макашин в одном флаконе...» (Владимир Ефимович Аллой: 1945–2001)

Олег Коростелев (Москва)

Я не знал Аллой в его парижские, вероятно, самые лучшие, годы. К сожалению, об этом мне довелось только слышать, потом читать. Читать в первую очередь в его собственных мемуарах, которые сразу пришлось по душе, с самого начала. В них он взял удивительно верный тон и сумел исключительно точно расставить акценты. Всегда приятно находить подтверждение своим мыслям, ощущениям и оценкам, особенно у непосредственного очевидца, свидетеля эпохи. А «Записки аутсайдера»¹ Аллой – один из наиболее ценных и интересных документов по истории эмиграции третьей волны.

Владимир Ефимович Аллой

Аллой эмигрировал в 1975 г., тридцатилетним, уже поучившись в Ленинграде на нескольких факультетах, отслужив в армии, поездив по стране и перепробовав целый ряд профессий. Проведя несколько месяцев в Вене и в Риме, он приехал в Париж и сразу же активно включился в Русское студенческое христианское движение – родившийся и выросший в интеллигентной еврейской семье, Володя принял православие по искреннему убеждению и был крещен в церкви на Охтинском кладбище в Ленинграде в начале 1970-х; в 1977-м стал членом Совета РСХД, заместителем главного редактора «Вестника РХД», а затем директором YMCA-Press (1978–1981).

Из мемуаров и его библиографии видно, как поначалу он хватался за все сразу, все было интересно: YMCA, переводы, религиозные философы, песни бардов, проза Венедикта Ерофеева и Юрия Домбровского. Но почти с самого начала присутствовало и то, что вскоре

¹ Аллой В. Записки аутсайдера // Минувшее: Ист. альм. Т.21. 1997. С.104–152; Т.22. 1997. С.112–161; Т.23. 1998. С.159–203; Дым отечества // In memoriam: Ист. сб. памяти А.И.Добкина. СПб.; Париж, 2000. С.49–87.

станет главным: публикации архивных вещей, восстановление реальной истории XX в. Параллельно с издательской деятельностью Аллой в разное время печатался в «Русской мысли», «Континенте», «Время и мы», «Новом русском слове», был парижским корреспондентом русской службы Би-Би-Си и преподавал в Сьянс По.

В 1980-81 гг. все больше усиливалось влияние А.И.Солженицына на дела YMCA. По словам Аллоя, «в одиночку изменить наметившуюся тенденцию я был не в силах, более того, ощущал себя уже вполне лишним элементом в этой новой, возникающей на моих глазах системе. Идеология ее, равно как и солженицынское дидактическое понимание истории, были мне абсолютно чужды. Стремление сделать YMCA вполне независимым, стоящим на собственных ногах издательством — после подключения к *американскому денежному крану* выглядело смехотворным. Что же оставалось? — стать служащим, каптенармусом по интендантскому ведомству, удовлетворяясь подачками начальства или уворовывая лакомые куски и раздуваясь перед прочими от сознания собственной причастности к играм *великого человека*?.. <...> С радостью мог вкалывать до изнеможения, отдавая всего себя делу, в которое верил, где ощущал себя соработником, но ни шестерить, ни отбывать повинность от звонка до звонка был не в состоянии»².

В конце 1981 г. Аллой оставил свой директорский пост, одновременно уйдя и из РСХД, а уже в январе 1982 стал директором издательства «La Presse Libre» при газете «Русская мысль». Здесь он за два года успел выпустить полтора десятка книг, в том числе тома Ирины Одоевцевой и Юрия Одарченко, Владимира Нарбута и Владислава Ходасевича, Алексея Ремизова и Александра Мейера, книги о Льве Шестове, Ильфе и Петрове. Причем в большинстве случаев он выполнял один всю работу, вплоть до набора. Молниеносное и необъяснимое (точнее, необъясненное ему) закрытие издательства в феврале 1984 г. стало наибольшим ударом для Аллоя, не зря именно этим событием открываются его мемуары.

В «YMCA-Press», а затем в «La Presse Libre» Аллой продолжал выпуск своего главного в то время детища: подпольно составлявшихся в советской России исторических сборников, теперь уже легендарных томов «Памяти». Первый том выпустил Чалидзе в Нью-Йорке в 1978 г., а остальные четыре Аллой в Париже в 1979–1982 гг. По словам Аллоя, шестой сборник «был полностью подготовлен в Москве и уже набран в Париже к 1984 г., когда один из редакторов его (А.Б.Рогинский) находился в лагере — именно за работу над «Памятью», а над остальными участниками нависла та же угроза. Шантаж тогдашнего руководства Ленинградского УКГБ заставил

² Аллой В. Записки аутсайдера. С.188.

редакцию прекратить дальнейшую работу над сборниками. <...> Однако материалы сборника не пропали. Большинство их легло в основу первых томов “Минувшего”³.

В 1985 г. Аллой основал в Париже собственное издательство «Atheuneum» и начал выпускать исторические альманахи «Минувшее». В редколлегия альманаха вошли: Жан Бонамур, Эльда Гарэтто, Джон Мальмстад, Ричард Пайпс, Марк Раев, Дмитрий Сегал, позже присоединились Николай Богомолов, Александр Добкин и Анатолий Смелянский. Большое количество литературоведов в редколлегии неудивительно: начиная с шестого тома (1988) в «Минувшем» начинают преобладать материалы по истории культуры. В эту сторону Аллой тянуло всегда, хотя политической, религиозной и прочей тематике он уделял в альманахе большое внимание.

«Минувшее» становится фирменным блюдом издательства, хотя в «Atheuneum» печатается и много других интересных книг: воспоминания Лидии Ивановой и Эммы Герштейн, Олега Волкова и Андрея Белого, Н.П.Анциферова и Т.А.Аксаковой-Сиверс, переписка Андрея Белого с Ивановым-Разумником, дневники и письма Леонида Андреева, труды К.Поппера и Р.Пайпса.

Аллой умел подбирать людей. Книги для его издательств и публикации для альманахов готовили лучшие в мире специалисты: Джон Малмстад, Александр Лавров, Николай Богомолов, Михаил Гаспаров, Роман Тименчик, Джон Боулт, Ричард Дэвис, Эльда Гарэтто, Александр Парнис, Сергей Шумихин, Рашит Янгиров. Такому набору авторов позавидовало бы любое издание Москвы, Нью-Йорка или Парижа. То, что он сумел увлечь своим делом всех этих людей, – одна из главных заслуг Аллой. Само определение – круг авторов альманаха «Минувшее» – вошло в оборот, объединяя разносторонних исследователей: историков, архивистов, литературоведов, библиографов, театроведов, историков кино и науки. Большинство их публикаций в альманахе представляют собой уникальные исследования, затрагивающие одновременно историю, философию, политологию, социологию, а попутно решающие архивистские, источниковедческие, библиографические задачи.

Сложилось исключительно высокие стандарты публикации, хотя кое в чем еще долгое время приходилось хитрить, обтекаемо указывая источники, откуда поступила рукопись, не называя прямо каких-то людей. Псевдонимы, которыми подписывались публикации в первых томах, были раскрыты лишь в 1991 г., в 11-м томе «Минувшего». Что значили эти издания для читателей в советской России, могут представить себе только те, кто жил в ту эпоху. Сужу по своему опыту, но не думаю, чтобы он был сколько-нибудь уникален.

³ Минувшее. Т.11. 1990. С.5.

Альманах «Минувшее» я впервые увидел в 1987 г. в спецхране Ленинки, где целыми днями просиживал до закрытия, наконец-то по-настоящему дорвавшись до эмигрантских изданий и жадно читая все подряд. Я учился на Высших литературных курсах, и это было своеобразным долгожданным и запоздалым откровением.

Первая стадия первоначального неразборчивого насыщения постепенно сменилась более целенаправленным и серьезным чтением. Через несколько месяцев тотального обследования фондов спецхрана очередь дошла до «Минувшего». Первый же прочитанный материал – «Фрагменты воспоминаний» А.В.Книппер – вызвал острый приступ белой зависти к людям, способным (тогда, при тотальном отсутствии не только справочников, но и какой-либо вспомогательной литературы!) не только найти такой материал, сам по себе исключительно интересный, но и так его подготовить, что это неуловимо меняло устоявшиеся представления не только о Колчаке или Гражданской войне, но и обо всей истории XX века. Со страниц альманаха вставала иная история, понаслышке знакомая, но гораздо более убедительная, привычные образы людей и событий оживали, представляли во всей полноте.

Такого же уровня оказался и весь первый том, и следующие за ним (к тому времени их вышло четыре). В те годы большим достижением считалось упомянуть в примечании работу Мережковского или процитировать Набокова, даже не называя их по имени. А тут целые тома, состоящие почти исключительно из крамольных имен. Это было наглядным примером, как следовало делать книги, чем заниматься и к чему стремиться.

В 1991 г. в нью-йоркском Russian Literary Center на вопрос милейшего хозяина, что бы мне хотелось иметь из книг, я дал ему целый список, открывавшийся «Минувшим». Вскоре по возвращении в Москву я получил роскошную посылку из Парижа с одиннадцатью томами «Минувшего». Двенадцатый мне подарил позже Саша Добкин, к тому времени занявший редакционную комнатку в помещении Школы-студии МХАТ. Он был первым человеком из команды Аллоя, с которым я познакомился не заочно, принеся ему переписку Георгия Адамовича с Георгием Ивановым и Одоевцевой, которая и была опубликована в 21-м томе.

После того как в 1990 г. издательство Аллоя было переведено в Россию, первые тома «Минувшего» переиздавались здесь гигантскими, по нынешним понятиям, тиражами⁴. Рынок стремительно насыщался, а главное – насыщалось общественное сознание. Мода

⁴ В 1990-93 гг. 12 парижских томов были репринтно переизданы в России: первые шесть – совместными усилиями издательств «Прогресс» и «Феникс», а остальные – меньшими тиражами – «Феникс» переиздавал в одиночку.

проходила, как молниеносно проходила мода на чтение вообще. Тиражи толстых журналов в несколько лет проделали неслыханную эволюцию от официально утвержденных (несколько десятков тысяч, как правило) до миллионных на вихре моды и, наконец, вполне реальных (обычно 5–10 тысяч, из которых часть оплачивается Соросом или покрывается за счет федеральных субсидий). Тиражи изданий Аллая проделали примерно ту же эволюцию, только с небольшим отставанием в каждой стадии: от десятков экземпляров, случайно попадавших в Россию в восьмидесятые, до тиража 50 000 в начале девяностых и стандартных одной-двух тысяч уже с середины девяностых годов. Собственно, тираж в тысячу экземпляров для книг этого типа во всем мире считается вполне нормальным. Насколько удручало Аллая стремительное снижение тиражей, сказать трудно. Наверное, удручало — слишком уж внезапен и разителен был перепад от быстро открывшихся безграничных возможностей до почти тотального равнодушия людей ко всему, что не касалось сиюминутного выживания. Массовая эйфория конца восьмидесятых располагала к беспочвенным мечтаниям. Видимо, и Аллой в те годы был уверен, что его книги все время будут читать не только ученые, но и широкая публика. Судя по некоторым сохранившимся письмам тех лет, такие иллюзии у него были.

Расширение кругозора достигло необходимых пределов, интерес публики к истории, литературе и культуре вообще опустился до своего обычного уровня. И некоторые из соратников Аллая встревоженно заговорили о необходимости переключиться на другие, более перспективные виды деятельности. Свою юность они провели в диссидентах, общественную деятельность считали главной, а в какой форме она будет проявляться, их интересовало гораздо меньше. В сущности, это было второе поколение шестидесятников.

В каком-то смысле, безусловно, диссидентом был и Аллой. Да и кто в семидесятые–восьмидесятые годы не был диссидентом! Подобные настроения наблюдались даже у генералов КГБ. Точно так же в 1905–1917 интеллигенты почти поголовно были революционерами, рассматривая, в частности, и литературу как одну из форм борьбы с ненавистным царизмом. Чуть позже, в двадцатые–тридцатые годы, в эмиграции или в метрополии они смотрели и на литературу и на революцию несколько по-иному.

Так совпало, что диссиденты занимались, среди прочего, самиздатом, тамиздатом и архивистикой. Издательская деятельность воспринималась ими как один из способов борьбы с советской властью. Едва появилась возможность заниматься общественной деятельностью напрямую, они этим и занялись. Для Аллая издательская деятельность и архивистика стали делом всей его жизни. При чем дело это не зависело ни от страны, ни от эпохи, ни от режима.

Некоторые из конфликтов Аллоя с соратниками объясняются именно тем, что он не желал изменять своему делу и полностью переключиться на другое лишь потому, что изменились условия игры.

Впрочем, не любили его и по другим причинам. Кому-то не нравился успех Аллоя, его пытались не замечать, делали вид, что такого не существует, что его грандиозное дело малозначительно, но противопоставить этому ничего не могли. А он продолжал с невероятной энергией делать начатое, придумывал все новые и новые проекты и вовсе не был неуживчивым, как пытались его порой представить бывшие соратники. Наоборот, более обаятельного и коммуникабельного человека трудно себе представить.

Некоторые архивные чиновники продолжали его недолюбливать и побаиваться уже после падения советской власти – за лучший альманах, за умение целенаправленно искать и находить нужные документы, а больше всего по старой памяти, как человека в их понимании неблагонадежного, старающегося любыми средствами достать документ и опубликовать его, невзирая на то, что документ считался криминальным.

Аллоя я впервые увидел в 1997 г. на презентации 21-го тома «Минувшего» в ЦДЛ, но познакомился с ним по-настоящему позже, уже после смерти Добкина.

В 1998 г., передавая Добкину материалы для очередного, 24-го тома «Минувшего», я услышал от него, что этот том будет последним, альманах прекращается. Я поинтересовался, чем же теперь он будет заниматься. Саша пожевал «беломорину» и меланхолично сказал: «Будем решать проблемы по мере их поступления». Рассуждение оказалось мудрым, решать эту проблему Добкину уже не пришлось, он умер от рака, не дождавшись даже выхода тома с указателями, завершающего серию.

Летом 1999 г. сразу два человека, независимо друг от друга, сказали мне, что Аллой собирается позвать меня в свою команду. Осенью раздался телефонный звонок, Аллой звонил из Парижа, сказал, что собирается в Москву и хочет поговорить об одном деле. Я уже понимал, о чем, но удивительным казалось то, что все происходит именно так, как хотелось. В тот первый раз мы просидели с ним весь день в разговорах о новом альманахе.

В личном общении Аллой оказался чрезвычайно прост и очень интересен. Этот человек мне понравился сразу и навсегда. С ним с самого начала было легко. Дмитрий Сегал назвал его: «вечно молодой Володя»⁵. Он и впрямь всегда был молодой, сколько я его помню, или казался таким. Он все понимал с полуслова, каждой фразой подтверждая знаменитый афоризм Григория Ландау: «Если надо

⁵ Сегал Д. Верность // Нов. лит. обозрение. 2001. № 48. С. 79.

объяснять, то не надо объяснять», молниеносно схватывал суть, загорался идеями, тут же развивал их, придавая реальные очертания, захлеб перечислял темы, которые хотел видеть в альманахе. Уговаривать меня не пришлось, долго объяснять, каким должен быть альманах, — тоже. Быстро выяснилось, что наши интересы совпадают практически полностью. Обсуждать осталось только детали.

Разговоры архивистов — особая песня, со стороны наверняка кажется, что они при встречах говорят совсем не о деле: вместо решения научных задач чаще рассуждают о том, кто на ком был женат, куда переезжал и когда был посажен, о нравах каких-то троюродных теток полузабытых деятелей, о том, чего нельзя в беседе с ними касаться, а о чем, наоборот, непременно надо упомянуть, чтобы получить доступ к необходимому документу.

Аллой знал всех и вся, самих персонажей, их наследников, хранителей архивов, публикаторов, комментаторов, причем со всеми их особенностями, привычками, недостатками. Человеческие слабости принимал как данность, что не мешало ему порой подтрунивать над ними. С людьми общался ровно, позволяя им оставаться теми, кем они были (диссидентами, фашистами, хасидами, ортодоксами, антисемитами, алкоголиками и т.д.). Его интересовали все пласты и стороны жизни, он не желал делать вид, что каких-то вещей в мире не существует только потому, что они ему не нравятся.

На публикациях «Минувшего» это сказалось в полной мере. Рьяно проводимой идеологической линии в них не прослеживается (если, конечно, не считать такой линией стремление к объективности). Зато какая галерея персонажей! Русские католики и забайкальские казаки, английские шпионы и эмигрантские философы, эсеры и богословы, анархисты и сектанты, театроведы и кинематографисты, искусствоведы и политики, художники и академики, литераторы и журналисты всех мастей и направлений. Каждый материал типологичен, каждый отражает целый пласт, срез жизни, ранее малоизвестный или неизвестный вовсе. Некоторые публикации на первый взгляд кажутся совсем экзотическими: быт новосибирских чекистов, инструкции по перлюстрации, кино в Кинешме. Однако все вместе они складываются в единую картину истории огромной страны в XX веке. Зацикливающихся на одной теме и топчущихся все на том же, давно вытоптанном, пяточке Аллой публиковал все реже, неустанно ища материал новый, неожиданный, ошеломляющий. Многие предложения отклонял на том основании, что «эсерам мы уже отдали в “Минувшем” в общей сложности том-полтора, так что хватит. Надо когда-то заняться и другими группами, слава Богу, спектр в эмиграции был вполне широк»⁶.

⁶ Из письма В.Аллоя от 12 дек. 1999 г.

Хотя предпочтения у него, разумеется, были. К примеру, свое, третье поколение эмиграции он привлекал не слишком: «Что же до временных рамок, они ограничены периодом от восьмидесятых годов прошлого века до шестидесятых века нынешнего, т.е. существованием вполне осмысленной политико-культурной диаспоры, без включения в нее “нашей” волны. Хотя, если найдутся убойные материалы, можно взяться и за “третьих” эмигрантов. Но, скажу честно, не очень хочется: во-первых, охотников до компромата и без того полно, во-вторых, наша эмиграция почти ничего ни в культурном, ни в каком ином плане не создала, а ушатов грязи мне и без того хватает...»⁷. Однако в конце концов все решали не предпочтения, а значимость самого материала.

Аллоя многие считали неуживчивым человеком с тяжелым характером. Этого мне заметить не довелось, возможно, просто не успел. Правда, мы и виделись мало, больше переписывались. Писал он часто, остроумно, и стоило на несколько дней выпасть из эфира, как от него тут же приходили взволнованные мэйлы: «Дорогой Олег, куда Вы пропали? Не исчезайте». Крайне жаль, что большая часть его переписки утрачена (перед смертью он отформатировал жесткий диск своего компьютера). Впрочем, и сохранившуюся переписку не скоро можно будет опубликовать целиком, слишком много в ней прямых и подчас резких отзывов о современности и современниках.

Людей он оценивал вполне трезво и адекватно, прощая им многие слабости и недостатки, да почти все, кроме несамостоятельности, стремления всегда шагать в ногу с начальством и откровенной халтуры. Комментарии к публикациям вытягивал сам и требовал вытягивать до необходимого уровня (а при стандартах «Минувшего», да и всех остальных его альманахов, такое вытягивание зачастую оказывалось делом очень непростым).

Теперь, задним числом разбираясь в конфликтах Аллоя с редакторами в УМСА, «Постскриптуме» и т.д., я нахожу, что прав почти во всех случаях оказывался он. В его поведении не было самодурства, упертости, как, видимо, казалось оппонентам, напротив, везде прослеживается железная логика. На своем он стоял твердо, но в суждениях его был резон. В некрологах и воспоминаниях о нем несколько раз мелькнули слова «подвижник»⁸, «праведник»⁹. На счет праведника не знаю, но подвижником Аллой действительно был. Работоспособностью обладал невероятной, никогда не гнушался черновой работой: наборщика, корректора, верстальщика, вплоть до грузчика и экспедитора собственной продукции.

⁷ Из письма В.Аллоя от 12 дек. 1999 г.

⁸ Нечаев В. Памяти Володи Аллоя // Нов. лит. обозр. 2001. №48. С.82–83.

⁹ Лавров А. Памяти Владимира Аллоя // Нов. рус. книга. 2001. №6. С.88.

А.В.Лавров не преувеличивал, когда писал: «Все, что осуществлено Аллоем для русской культуры единолично или при содействии небольшой группы людей за последние двадцать лет, сопоставимо с результатами деятельности многих солидных и уважаемых учреждений»¹⁰. По выражению А.Смелянского, Аллой «один работал более продуктивно, чем иные гуманитарные институты»¹¹. Кое для кого он сам был таким институтом. Разговаривая или переписываясь с ним, хотелось работать, так же азартно, увлеченно и продуктивно. Аллой заражал энтузиазмом. Если бывают энергетические вампиры, для симметрии должны существовать и люди-аккумуляторы. Аллой таким и был, он постоянно заряжал энергией все свое окружение. Масштаб его деятельности заставлял вспомнить «Русский архив» П.И.Бартенева, «Русскую старину» М.И.Семевского, «Былое» и «Минувшие годы» В.Я.Богучарского и П.Е.Щеголева. Хотя сам Аллой образцами для «Минувшего» считал «Архив русской революции» И.В.Гессена и «Литературное наследство» И.С.Зильберштейна.

На знаменитый проект Зильберштейна Аллой всегда оглядывался чуть ревниво, считая «Литературное наследство» единственным достойным предшественником «Минувшего», и с гордостью вспоминал определение восхищенного его деятельностью приятеля: «Зильберштейн и Макашин в одном флаконе». В результате он и впрямь сумел создать серию, сопоставимую по значению с «Литнаследством», хотя возможности у обоих проектов были несопоставимы.

Сравнение «Минувшего» с «Литературным наследством» напрашивается само собой. Собственно, в этом жанре за всю историю советской эпохи по-настоящему значимых издательских проектов было не густо.

Да и много ли, по совести, останется от всей, грандиозной по масштабам, но ничтожной по замыслу, издательской деятельности советских времен? Несколько блестяще подготовленных собраний сочинений, действительно академические серии: «Литературное наследство», «Литературные памятники», отчасти «Библиотека поэта», да ряд чудом осуществленных отдельных изданий. Все остальное либо уже устарело, либо устаревает буквально на глазах. Популяризаторскую «ЖЗЛ» или помпезную «БВЛ» к серьезным и в полном смысле слова необходимым проектам отнести трудновато, не говоря уж о горьковской «Истории фабрик и заводов», которая может интересовать, по-видимому, только специалистов, изучающих историю техники и промышленности. А про «Минувшее» очень

¹⁰ Лавров А. Памяти Владимира Аллоя // Санкт-петербургские ведомости. 2001. 11 янв. №5 (2395). С.2.

¹¹ Смелянский А. Дело аутсайдера Владимира Аллоя // Нов. лит. обозр. 2001. №48. С.84.

верно написал А.В.Лавров: «Добросовестно изучать российскую историю XX века, историю русской литературы и общественной мысли без обращения к "Минувшему" теперь уже невозможно. С годами такие книги не стареют, а лишь обретают благородную патину времени»¹².

Новых идей, новых проектов у Аллоя всегда было очень много, и изрядную их часть он пытался при первой возможности воплощать в жизнь. Перестроечные годы, казалось, предоставляли массу таких возможностей.

В России, помимо переиздания первых двенадцати томов «Минувшего» и продолжения уже знаменитого альманаха, команда Аллоя взялась за выпуск «Звеньев», «Лиц», «Невского архива», «Ярославского архива». Параллельно неугомонный Аллой затеял стихотворную серию под названием «Мастерская», в которой издал десяток сборников стихов, в том числе книги Светланы Кековой, Татьяны Вольтской, Алексея Пурина, на протяжении четырех лет выпускал литературно-художественный журнал «Постскриптум».

Долго все это продолжаться не могло. Работа на износ и утомительное разрешение бессмысленных советских, а потом постсоветских бюрократических рогаток и проволочек давали о себе знать.

Начиная с середины девяностых в «Фениксе» том за томом пошли сборники памяти ближайших соратников, складываясь в целую зловещую серию «In memoriam»: Ф.Ф.Перченка (1995), Я.С.Лурье (1997), наконец, ближайшего из ближайших, А.И.Добкина (2000). Но что так скоро придется собирать следующий том, теперь уже памяти самого основателя серии, я и вообразить не мог.

Все издания 1999 г. были последними. Последний, 12-й номер «Постскриптума», который редактировался Аллоем уже в одиночку. Последняя стихотворная книга серии «Мастерская»: «Колесо времени» А.Хвостенко. Последний, 25-й том «Минувшего», целиком состоящий из указателей ко всему изданию. Это до сих пор один из лучших справочников по истории XX века. Аллой умел достойно завершать проекты. В сущности, «Минувшее» – едва ли не единственный в XX веке именно заверченный, а не брошенный проект.

В 2000 году была выпущена лишь одна книга: «IN MEMORIAM: Исторический сборник памяти А.И.Добкина». Весь год Аллой занимался созданием нового альманаха «Дiasпора».

Летом 2000 г. мы с ним шли, только что расставшись с Д.Зубаревым, по жаркой Москве, обсуждая перспективы «Дiasпоры». Он вдруг проронил странную фразу: «Ну пару-то номеров точно выпустим». Я выразился в том духе, что рассчитываю как минимум на 25 томов, по аналогии с «Минувшим». «Это вы уже будете

¹² Лавров А. Памяти Владимира Аллоя // Нов. рус. книга. 2001. №6. С.87.

один, без меня», – отстраненно ответил Володя. Тогда я не придавал значения этим его словам, сочтя их своеобразным кокетством. Теперь я думаю, что он уже тогда все решил и говорил абсолютно серьезно. Однако на его энергии и работоспособности это решение никак не отразилось. Дело оставалось делом, до самого конца.

Аллой все так же мотался из Парижа в Россию и в США, договариваясь об исследовательских грантах для авторов «Дiasпоры», заключал пакты о сотрудничестве с Бахметьевкой и Йелем, встречался с десятками людей, постоянно принимал гостей в парижской квартире, помогал друзьям и приятелям (а в приятелях у него было полмира). В желании помочь и в нелюбви к глупым запретам доходил и до крайностей. Когда одному из авторов «Дiasпоры» потребовалось для собственной книги сфотографировать в нужном ракурсе здание посольского особняка на рю Гренелль, Аллой, не сумев получить официального разрешения, не задумываясь, перемахнул через забор советского посольства, щелкнул требуемый вид и успел перебросить фотоаппарат через ограду приятелю, прежде чем был схвачен охраной. Как французского гражданина его после тщательной проверки документов, плюнув, отпустили, а нужная фотография красуется на своем месте в переписке Маклакова с Бахметьевым.

Он так и умер гражданином Франции. На вопрос, почему не взять второе гражданство и не упростить этим постоянные переезды, он с досадой отмахнулся: «Как отобрали гражданство, так пусть и вернут, сам просить не буду».

Последние строки одного из его последних писем были о новорожденном альманахе: «Ну, вот, а я опять погружаюсь в младенца, который весь выпущен и лежит в люльке из-под бумаги»¹³.

Вскоре он сам выпал из эфира и уже навсегда. Я созванивался с Татьяной Прилькиной, она сказала, что после гибели любимого пса Володя приехал в Питер в состоянии депрессии. Я его понимал, но подумал, что это, в конце концов, не смертельно, в Питере разведется и отойдет, главное, не беспокоить. Оказалось, все не так просто.

Ближе к Новому году появился тираж первого тома «Дiasпоры», первую пачку мне привезла Татьяна, сказала, что Володя собирается в Москву. От самого Аллоя не было никаких известий.

8 января Татьяна позвонила и сказала, что Володя покончил с собой. Еще неделю, несмотря на многочисленные некрологи¹⁴, я надеялся, что это неуместная и очень глупая шутка. Однако через неделю от Аллоя пришла бандероль. С того света. В свертке были шрифты и типографские детали для оформления «Дiasпоры»,

¹³ Из письма В.Аллоя от 8 октября 2000 года.

¹⁴ Они собраны на интернетской страничке памяти Владимира Аллоя: <http://www.litcatalog.al.ru/personalii/alloy/alloy.html>

распечатка компьютерной адресной книги и письмо. Его последнее письмо было сухим, даже жестким, исключительно деловым:

«Дорогой Олег. Отныне “Дiasпора” – ваша. Передаю вам и редакторство, и все связанные с ним мучения. Возьметесь ли? Два ближайших номера практически готовы. Сообщаю содержание и способ найти авторов. Часть материалов уже сделана, необходимо только получить их (мои парижские экземпляры недостижимы). Другая – в работе, крайний срок сдачи по договору с авторами – апрель. Если возникнут трудности с печатью (материальные или какие-либо другие), – я договорился с Буланиными. Таня и Дима возьмут издание (в “Науке”) и распространение в случае необходимости на себя. Так что на вас лягут составление, редакция, оригинал-макет и, конечно, вся авторская команда <...> с авторами (питерскими) помогут Лаврушки, особенно Таня, и Рита Павлова. Свяжитесь с ними побыстрее и объясните ситуацию (можете показать это письмо).

Оригиналы титулов, медных штампов и сидишник со шрифтом для дальнейших шмуцов здесь же. На всякий случай телефон Алексея Анатолиевича Гаранина (художника) <...>. Он – великолепный профессионал и подставит плечо.

Еще одна просьба: пошлите 3 экз. Ричарду Дэвису, 2 – Эльде Гарэтто и 1 – Марку Раеву. Они вам пригодятся. Остальное – на ваше усмотрение. Хотелось бы, чтобы альманах жил. По-моему, во всяком случае в смысле общей идеи, – он довольно удачен.

Дай вам Бог. Обнимаю дружески. Володя».

Гораздо ближе знавший его А.В.Лавров писал: «Уход был следствием продуманного до мелочей и долго вынашивавшегося решения. Для него самого уход стал — при всей неизмеримой мучительности этого акта — скорее всего желанным освобождением»¹⁵. Видимо, Аллой посчитал, что сделал все, что мог, а остальное решил предоставить делать другим.

В предисловии к последнему тому «Минувшего» Аллой написал, что «готов передать эстафету, было бы кому»¹⁶. Эстафету он передал, остановив свой выбор на мне. Хочется надеяться, что он не пожалел бы о своем выборе.

¹⁵ Лавров А. Памяти Владимира Аллой // Нов. рус. книга. 2001. № 6. С.88.

¹⁶ От издателя // Минувшее. Т.25. 1999. С.5.

АРХИВЫ И МЕМУАРЫ

**«Скажи мне, кто твой друг...»
(Друзья и соратники – Владимиру Жаботинскому)**

Эра Мазовецкая, Татьяна Груз (Израиль)

**Париж в воспоминаниях
Александра Яковлевича Френкли
(1925–1929 годы)**

Публикация Елены Френкли (Израиль)

**Документы из частной коллекции:
Коллекционер (Исаар Гурвич)
Две тетради с автографами**

*Иосиф Лемперт, Роза Лемперт-Андреева,
предисл. и коммент. Дмитрия Гузевича (Франция)*

**Две судьбы: художник и журналист
(парижский круг Ильи Эренбурга)**

Борис Фрезинский (Россия)

**«Скажи мне, кто твой друг ...»
(Друзья и соратники – Владимиру Жаботинскому)**

Эра Мазовецкая, Татьяна Груз (Тель-Авив)

Когда мы обдумывали название публикации, наиболее подходящей для него нам показалась русская пословица: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты».

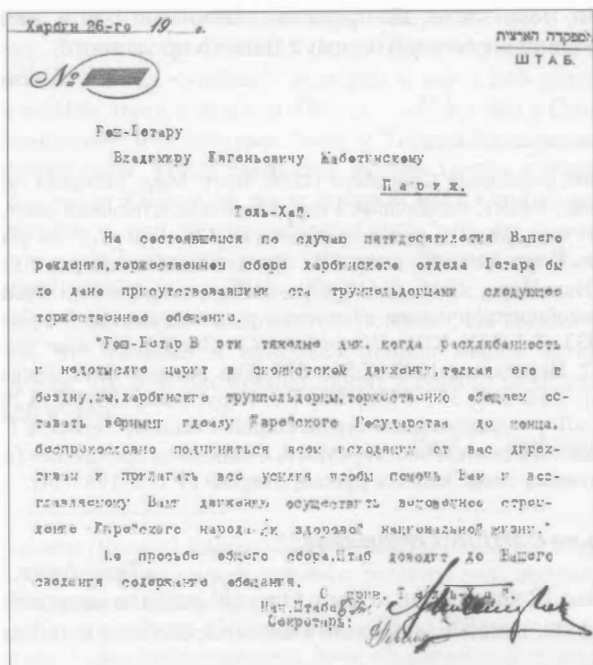
Действительно, В.Е.Жаботинского, несмотря на его нелегкий путь в сионистском движении, всю жизнь окружали преданные ему люди. Он пользовался уважением и расположением даже среди противников его взглядов и убеждений. Особенно это явствует из писем, телеграмм, публикаций по поводу пятидесятилетия Владимира Евгеньевича – 18 октября 1930 г., т.е. в середине парижского периода его жизни и деятельности.

Среди поздравивших Жаботинского с юбилеем был Лев Борисович Яффе, известный сионист, издатель «Сафрута» (Москва), редактор газеты «Ха-арец», руководитель «Керен ха-йесод» (букв. – «Основной фонд») в Палестине. Его поздравление отправлено из Лондона в адрес журнала «Рассвет» – 9 Bis Rue Vineuse. Д-р Хаим Вейцман в своей телеграмме писал: «Желаю многократно праздновать тебе это событие и долго еще сохранить юношеский задор и бодрость духа. Вейцман» (пер. с англ. – Э.М., Т.Г.) Телеграмма датирована 17 октября 1930 г. и отправлена на домашний адрес Владимира Евгеньевича: 6 rue Maria Davy, Paris XIV. И Лев Яффе, и Хаим Вейцман не разделяли политической линии Жаботинского, но ценили Владимира Евгеньевича за его бескомпромиссность, талант и самоотверженность.

В архиве Жаботинского (Институт Жаботинского ИЖИ, Тель-Авив) находится более двухсот поздравлений. Географический разброс их чрезвычайно широк: Восточная и Западная Европа, Палестина, Китай, Соединенные Штаты Америки.

Из Харбина и Тяньцзиня (Китай) – поздравления от сионистов-ревизионистов на русском языке; телеграмма от центра сионистов-ревизионистов из Эрец-Исраэль, подписанная Израэлем Розовым, – на иврите; поздравление от Академической корпорации *Zelotia* из Варшавы – на идиш. От спортивного клуба *Маккаби* – на французском языке, из Бреслау от организации *Бейтар* – на немецком.

Для публикации мы отобрали письма, авторами которых были близкие Владимиру Евгеньевичу корреспонденты, в основном (четверо из пяти) жившие в Париже. Письма публикуются впервые.

**Поздравление В.Е.Жаботинского с 50-летием
и торжественное обещание трумпельдорцев Харбина
(Институт Жаботинского)**

Письмо Г.Б.Слиозберга* (машинопись, подпись от руки)

Париж, 17 октября 1930 г.

Дорогой Владимир Евгеньевич!

Вам исполняется 50 лет. С одной стороны, можно сказать уже 50! – а с другой – только 50 лет! Уже 50 лет – при Вашем темпераменте, юношеском Вашем задоре и брызжущем свежестью Вашем таланте. Только 50 лет – при привычке в течение ряда десятков лет восторгаться Вашими дарованиями, ораторскими, художественными и общественными. Мне кажется, что в самые молодые мои годы я уже любил Жаботинского, как яркого представителя этих дарований. А между тем, оказывается, я возрастом так опередил Вас, ведь

Вам только 50 лет. От души желаю Вам и нашему родному народу, всегда гордящемуся Вами, через 10–20 лет сказать то же самое, что я говорю теперь. Это, понятно, скажу уже не я. Но непременно скажут, если только, как я Вам от души желаю, Бог продлит Ваши годы и сохранит Ваши силы. Да будет так! Обнимаю Вас и прошу принять искренний сердечный поцелуй Вашего преданного,

Г.Слиозберга

* Генрих Борисович Слиозберг (1886, мест. Мир, Минская губерния – 1937, Париж), юрист, выдающийся еврейский общественный деятель, историк. О нем см.: Книга о русском еврействе: От 1860-х гг. до революции 1917 г. Нью-Йорк, 1960; *Кулишер Е.М.* Памяти Г.Б.Слиозберга // Еврейский мир: Сб. Нью-Йорк, 1944. С.419–421; *Жаботинский В.Е.* Г.Б.Слиозберг: Очерк к автобиографическим «Запискам русского еврея» Г.Б.Слиозберга. Париж, 1933. Т.1.С.IX–XIV; *Шварцбанд С.* «Звезды все еще звезды...» // ЕВКРЗ. Т.2. Иерусалим, 1992. С.566–577; Евр. энцикл. СПб., Брокгауз–Ефрон. [1912]. Т.14. Стб. 372–373; КЕЭ. Т.8. Иерусалим, 1996. Стб.29–31. Автор книг: «Дореволюционный строй старой России», «Барон Г.О.Гинцбург: Его жизнь и деятельность», «Месть Спинозы за проклятие» (все 1933), «Дела минувших дней: Записки русского еврея» (Т.1–3, 1933–34).

*Письмо С.(Ш.)К.Гепштейна***

Тель-Авив, 31.X.30.

Сейчас 12 часов ночи, а мы с Ольгой¹ решили «пир себе устроить, и знаешь, какой?» – послать Вам поздравление и теплые пожелания...

Вы едва ли поймете, почему именно сейчас это так кстати, ибо ведь Вы не были только что на народном собрании в Бет-Ам'и², а мы были... Объяснить вам это трудно. Но если бы Вы видели, как в Бет-Ам'и негде было яблоку упасть и 7–8 тысяч человек пришли (без Вас, не на Ваше выступление) и стояли с 7 часов в хвосте на километр, чтобы продемонстрировать что-то (ей Богу – хорошее), Вы бы поняли, почему у нас на душе легко и радостно...

Ольга говорит, что это было торжество правды, что «белоголубой город все-таки...»³, что «сегодня чувствовалось», что В.Е. «недаром»... Я тоже сейчас вроде такого, каким был некогда на Собачьем бульваре на Пересыпи⁴, когда я твердо знал, что

Есть в этой жизни нечто вечно-прекрасное,
Что не может окончиться, когда кончится фарс...

Но Вам объяснять это как следует быть очень трудно. Но, может быть, Вы кое-что поймете, если рассказ повести исторический и воспользоваться методом сравнения. Началось это, когда я написал статью «Поэма поколения» для «Рассвета», а Ольга критиковала не построение статьи и ее очень удачную общую мысль, а обработку и шлифовку. Я начал обрабатывать (из-за этого опоздал, но – надеюсь – напечатают в след <ующем> номере), а мы о ней разговаривали вечером и было хорошо и мило. Потом – 18-го – мы с Ольгой, Фридой Абрамовной⁵ и с цветами были у Терезы Евгеньевны⁶ и весь вечер праздновали. Тогда было еще лучше. Потом я писал другую статью для «Дор Ха-йом'а», из-за которой мы с Ольгой вспоминали и вспоминали, и вышло что-то вроде того, что мы – очень умные оттого, что мы с Вами так давно знакомы. Этот вечер был еще лучше прежних. А сегодняшний вечер лучше... всех, вместе взятых...

Теперь – надеемся – Вы наконец поняли... На всякий уж случай сообщаем, что главная и наиболее ценная мысль авторов этого письма в том, что они Вас крепко любят и горячо поздравляют вместе с Аней и Эри⁷.

Ваш С.Гепштейн и Ольга

**** Соломон (Шломо) Кальманович Гепштейн (Одесса, 2.5.1882 – Тель-Авив, 13.9.1961), архитектор, журналист, редактор ряда журналов и газет. Автор воспоминаний о Жаботинском.**

В своей книге о Зеэве Жаботинском «Сказка нашего поколения» Гепштейн писал: *«...Мы действительно дети единственного в своем роде поколения. Мы поколение "уникум" у народа "уникум", и при этом случилось еще третье своеобразное чудо... Все высокое, все святое, все героическое, что малыми искрами горит в сердцах масс, собирается в душе этого тоже "уникума". Тогда его устами говорит Бог поколения и он делается признанным вождем поколения. Таким вождем нашего единственного в своем роде исторического поколения оказался Зеэв Жаботинский»*. Гепштейн стал одним из первых биографов Евгения Владимировича, опубликовав книгу «Жаботинский – его жизнь, борьба и его дело»⁸.

Архив Шломо Гепштейна, несомненно, интересен для исследователей и биографов Жаботинского и его окружения. Помимо автобиографических очерков, в архиве Гепштейна находятся статьи и наброски его будущих книг и статей. Несомненный интерес представляют: «Философский трактат о Пастернаке» в связи с получением им Нобелевской премии и разразившимся по этому поводу в России скандалом⁹; его статьи о Т.Герцле и М.Усышкине, о Соловейчике, члене редколлегии петербургского «Рассвета»¹⁰; статья «Декабристы и сионизм». Гепштейн пишет: *«...прочитал, что первые русские революционеры – знаменитые участники*

14 декабря 1825 года – сочувствовали идее создания еврейского государства. ...Пестель понял, что еврейскую проблему можно и должно разрешить только как национальную проблему созданием еврейского государства. Еще интереснее вторая идея. Пестель понял, что без армии никто не может строить свое государство, и он проанализировал необходимость такой армии за 100 лет до В.Е.Жаботинского»¹¹.

В реферате о «Самоубийстве» М.Алданова Гепштейн показывает, что истоки разочарований автора романа – в отходе от своих корней: «...Откуда этот пессимизм, это разочарование? Не оттого ли, что Алданов верил в свое слияние с чужим народом, и эта вера оказалась иллюзией? Люди, живущие иллюзией, когда... разбивают эту иллюзию, впадают в пессимизм, в разочарование и вызывают самоубийство...»¹².

В архиве Гепштейна есть и несколько вариантов рукописи его романа-новеллы «Вера в чудо; из жизни Древнего Рима»¹³.

Гепштейн публиковался не только в русскоязычных изданиях. Он был заместителем главного редактора (З.Жаботинского) в газете «Дор ха-йом» («Современное поколение»). Каждую пятницу его статьи появлялись в газете «Хабокер» («Утро»).

В Эрец-Исраэль он оставался на позициях сионистов-ревизионистов и был избран в центральный комитет партии. Эту партию он представлял в мэрии Тель-Авива.

Письмо Р.А.Розова***

П.-Т.¹⁴ 16.11.30

Дорогой Владимир Евгеньевич!

Больше четырех недель пролежал в постели. Нервы и сердце начали изменять. Сегодня первый день на ногах (с грехом пополам), первое дело решил написать Вам поздравление и наилучшие пожелания, какие только могут быть от искреннейшего и преданнейшего ученика и друга своему

величайшему наставнику и учителю. Вы же знаете, что значит для меня «Жаботинский»; это яркая звезда, которая указывает путь в беспросветной тьме, окутавшей нас последние десятки лет. Ведь самая большая гордость для меня – возможность считать себя, правда, может быть, одним из маленьких, членов «шайки шакалов», верных Вам слепо и всегда, Петроград, Льеж, черные дни Турецкой Палестины во время войны – мой процесс «военный» и т.д., т.д. до наших дней!!

**Рафаэль Розов
на охране поля**

Нет, нет тех слов, да еще на бумаге, которые могли бы выразить мои переживания по поводу этого праздника. Шлю Вам самый горячий поцелуй из измученной, издерганной, обливающейся кровью Палестины, но в то же время полной надежды на излечение, ибо знает, что есть верный, стойкий борец за права ее народа в лице Зеэва Жаботинского, который не сдаст позиций и не успокоится, пока не доведет дело до полной победы. Вашим ближайшим помощникам и сотрудникам, дорогим Анне Марковне и Эрику шлю также поцелуй преданнейшего друга Жаботинских, Рафаши. Рука устала и дрожит, опять тянет в постель, потому должен прервать...

Ваш Рафаша

*** Рафаэль (Рафаша) Аншелевич Розов (1892(?) г., Землянк Воронежской губ. – 1956 г., Петах-Тиква). Отметим, что указываются две даты рождения Рафаэля Розова: одна, приведенная нами, – Д.Тидхаром в «Энциклопедии первых поселенцев ишува и его строителей» (Тель-Авив, 1971. Т.2. С.838; иврит); другая дата – 5 дек. 1889 г. – в свидетельстве об окончании им реального училища.

Рафаэль Розов наряду с еврейским получил европейское образование.

В 1906 г. Ишияху, брат Рафаэля, покинул Россию и поселился в Эрец-Исраэль. В том же году из Воронежа, вскоре после погрома 21 окт. 1905 г., в страну приехали их родители с дочерьми Эстер и Ривкой. Они остановились в поселении Ришон ле-Цион, а затем купили апельсиновую рощу и участок земли в Петах-Тикве.

Рафаэль остался с братом Израилем в Петербурге для окончания реального училища. Израиль был активным сионистом, членом Бюро еврейской «Народной группы» IV Гос. Думы и, как его брат Рафаэль, сторонником Жаботинского. С 1909 г. Рафаэль ежегодно проводил летние каникулы у родителей в Эрец-Исраэль. Окончив реальное училище, Розов поступил в Университет Льежа (Бельгия) на инженерный факультет, где училось несколько сотен студентов-революционеров, и среди них высланный из России Лев Троцкий. Большинство еврейских студентов выступало против сионизма. Р.Розов и его единомышленники Гершон Махлин, Хаим Фалькович и другие опубликовали обращение к еврейской молодежи с призывом объединиться вокруг сионистского бело-голубого флага. Многие студенты откликнулись на обращение, и был создан студенческий союз «Кадима» («Вперед»), а также сионистские библиотека, клуб и столовая. Для членов союза читали лекции известные еврейские писатели – Шолом Аш, Шолом-Алейхем, Залман Шнеур. Шмуэль Толковский прочел лекцию на тему «Эрец-Исраэль». В 1912 г. с лекциями выступил В.Е.Жаботинский. Р.Розов был знаком с Владимиром Евгеньевичем еще по Петербургу. Они впервые встретились в 1907 г. в доме брата Рафаэля, Израила.

Союз «Кадима» был связан с сионистской федерацией Бельгии.

В 1914 г. Рафаэль переехал в Эрец-Исраэль. Турецкие власти проводили мобилизацию в армию, но Розову удалось скрыться в районе Зихрон-Яков. После прихода англичан в Палестину Розов вернулся в Петах-Тикву. Началась волна выселений из Эрец-Исраэль. Однако это не коснулось семьи Розовых. Казалось, беда миновала, но не тут-то было: англичане обвинили Р.Розова в шпионаже. Поводом послужил ряд нарушений, связанных с военным временем, а цветочный горшок на подоконнике был истолкован как условный знак для турок.

Пять недель Рафаэль находился в тюрьме Петах-Тиквы, а затем его перевели в Яффо. Военный прокурор требовал сурового наказания. Арест Розова английские власти хотели использовать против еврейского населения Палестины как доказательство его враждебности мандатной власти.

Жаботинский, офицер Еврейского легиона, выступил на суде на стороне Розова. Он привлек для его защиты видного адвоката Солистера Гисборна. Суд был представлен 13 военачальниками и священником. В защиту Розова выступили Хаим Вейцман и некоторые общественные деятели Эрец-Исраэль. Абсурдные обвинения были опровергнуты, и Розов полностью оправдан.

В 1919 г. Рафаэль Розов едет в Тунис заканчивать свое образование. С дипломом инженера сельскохозяйственного машиностроения он возвращается в Эрец-Исраэль. Вернувшись, Розов участвует во всех общественных мероприятиях: входит в Совет Петах-Тиквы, занимается восстановлением сельского хозяйства и распределением земельных участков между еврейскими поселенцами. Становится членом Хаганы¹⁵, участвует в борьбе с арабскими боевиками, входит в Совет Хаганы.

В 1927 г. Розов вступает в Бейтар, а затем становится одним из руководителей профсоюза сионистов-ревизионистов и одновременно состоит в руководстве фонда «Тель Хай»¹⁶. В это же время он работает в строительной компании «Мецудат Зеэв» в Тель-Авиве.

В 1928 г. в Эрец-Исраэль приезжает В.Е.Жаботинский, и Розов как руководитель Бейтара сопровождает его в поездке по стране. Они посещают рабочий лагерь в Кфар-Сабе, устроенный по инициативе Рафаэля Розова для новых репатриантов, сторонников ревизионистского движения. Идея лагеря заключалась в том, что, как и в сельском хозяйстве, так и на промышленных предприятиях должны были работать еврейские рабочие. Однажды по дороге в рабочий лагерь Рафаэль получил настолько серьезную травму, что друзья, в частности Жаботинские, положили его в госпиталь в Париже, и с 1929 г., семь лет, Розов жил в Париже. Он стал офицером Центра Бейтара. Однако, читая его переписку с друзьями, видим, как он тосковал по дому. Домом для него был Эрец-Исраэль. И, как нам сказал племянник Розова, Даниэль, «Рафаша Розов не имел семьи, а был "женат" на Эрец-Исраэль».

Приводим отрывки из письма друга Рафаэля Розова, Нёмы (Нахума) Левина и его сестры Эстер (Фиры):

«1 декабря 1932 г.

Дорогой Рафаша! <...> Что слышно у тебя <...> Как твоё здоровье, не страдаешь ли в связи с холодами. Мы ждем Израйля Аншелевича и, надеюсь, что к весне подготовим и твой переезд, а пока не вешай носа и приноси пользу там, где находишься. Уверен, что ты делаешь это и без моих советов. Как поживают Анна Марковна и Владимир Евгеньевич, как дела нового бюро. Состоится ли переезд в Женеву. <...> Целую крепко, твой Нема (Нахум)»¹⁷.

С большим теплом написаны письма Иоанны Марковны Жаботинской Рафаэлю Розову. Вот строчки из одного ее письма, отправленного на адрес Бейтара:

«Мусье Р.Розову, с/о Шелтлн Бейтар. 74, рю Мослин/Верг. Париж

<...> Что-то Вы меня забыли, Рафаша. Нехорошо. А я Вас помню и люблю»¹⁸. Письмо датировано 18

октября 1933 г., написано на бланке редакции журнала «Рассвет» с приглашением на благотворительный бал, устроенный с целью сбора средств для поддержки журнала. В организационный комитет «Общества друзей "Рассвета"» вошли скульптор Н.Аронсон, промышленник И.Найдич, адвокаты М.Гольдштейн, Г.Слиозберг и другие. Письмо Иоанны Марковны было написано в день рождения Владимира Евгеньевича.

В Институте Жаботинского хранится более 50 писем З.Жаботинского Р.Розову, среди них есть с припиской «конфиденциально».

Перу Рафаэля Розова принадлежит много статей в сионистских изданиях: сборнике «Бамахане» («В лагере») солдатского союза «Брит Ахаял», журналах «Мецуда» («Крепость»), «Медина» («Страна»).

В 1947 г. Рафаэль Розов вместе с Исраэлем Рокахом¹⁹ и Авраамом Криницей²⁰ был арестован британскими властями по подозрению в оказании помощи еврейскому подполью. Несколько месяцев они находились в заключении в лагере Латрун, недалеко от Иерусалима. 5 августа Розов был освобожден по болезни. «С тех пор до своей кончины он был тяжело болен и не мог заниматься активной деятельностью» (из рассказа Даниэля Розова)²¹.

Анна Марковна Жаботинская
На обороте фотографии дарственная надпись Р.Розову. 18-9-36

Письмо З.И. Темкина²²

Sinovy Tiomkine Docteur en medecine
Paris, le 17.X.30
99, rue de Rom Carnot 35-93

Дорогой Владимир Евгеньевич!
Поздравляю!..

Я знаю, что среди бесчисленного множества приветствий и поздравлений мой скромный привет затеряется. Но, тем не менее, я беру на себя смелость уверить Вас, что по сердечности и искренности – он не уступит всем остальным.

Сердцем и помыслами я с Вами, дорогой Владимир Евгеньевич, и в борьбе за наше общее дело и за его успех я, хотя и скромный солдат-пехотинец, буду и впредь в ногу и плечо о плечо идти и бороться вместе с Вами.

Будьте здоровы и счастливы.

Валентина Николаевна присоединяется к моим пожеланиям.

Обнимаю Вас –

Преданный Вам З.Темкин

Сердечный привет Анне Марковне.

Письмо Н.(И.) В.Сорина****

18.X.30
N.Sorin
33, Rue Murills
Vanves Paris

Дорогой Владимир Евгеньевич!

С любовной нежностью шлю Вам сердечный привет! Но к выражению любви и преданности прибавьте еще – подлинно верно-подданнейшие чувства...

Навсегда Ваш, верный Н.В.Сорин.

Дорогой Анне Марковне – сердечнейшие пожелания. Н.С.

P.S. На общем собрании сион<истов>-рев<изионистов> 16.X, на котором я председательствовал, попросил слова ...Эрик! Я был так счастлив, когда видел маленького для меня Эрика в роли официального оратора, что готов был его по-отечески обнять и расцеловать. Храни Бог наше rising generation²³! А вам обоим желаю того, что наши отцы определяли формулой «нахес»²⁴. Н.С.

**** Николай (Иекусиель) Вениаминович Сорин (1880, Петербург – ?, Париж), адвокат, журналист, редактор и сотрудник журналов «Еврейская

жизнь», «Хроника еврейской жизни», «Рассвет», студентом присоединился к ревизионистскому движению.

Подробных биографических сведений о Н.В.Сорине в архивах мы не нашли. Однако нам удалось опосредованно получить информацию о его активной деятельности в среде сионистов-ревизионистов. В письме к доктору Максиму Аркадьевичу²⁵ он подробно излагает географию своих поездок с докладами: «В.Е.Жаботинский предполагает развить большую "акцию". Сам он не может разорваться на части, и потому было решено послать по Европе несколько человек. В частности, мне предложено поехать в Прибалтику. Я думаю через неделю поехать сначала в Ковно и выступить с двумя большими докладами – по-русски и на идиш. (По дороге я выступлю в Антверпене с докладом по-французски и на идиш.) Из Ковно я поеду в 3–4 пункта, а затем в Ригу и Либаву, а на Пасху – снова в Ковно. ...Завтра, 15-го, большое выступление Жаботинского в Париже, о котором много говорят заранее...»²⁶. Следующую информацию о Сорине мы находим в биографических записках Гепштейна: «Я помню хорошо нашу первую встречу в редакции "Рассвет" в Петербурге. В кабинет Сорина вошел молодой человек с большой бородой, и оттуда вдруг раздался громкий изумленный голос Сорина: «Новомейский! Из Петропавловской крепости!»²⁷ По воспоминаниям Моше Новомейского²⁸, его встреча с Сориным произошла, действительно, после освобождения из Петропавловской крепости в начале января 1906 г. Мы предполагаем, что Сорин в 1906 г. работал не в «Рассвете», а в журнале «Еврейская жизнь» (1904–1907 гг.), ибо журнал «Рассвет» под редакцией А.Идельсона выходил с 1907 по 1915 г., а затем был закрыт цензурой.

И в заключение мы приводим еще одно письмо Сорина, адресованное Жаботинскому из Парижа, от 28 декабря 1937 г.

Дорогой Владимир Евгеньевич!

Я пишу Вам без всякого в н е ш н е г о повода: я ни о чем не прошу, ни на что не жалуюсь и никаких советов давать не собираюсь. Я просто испытываю потребность сказать Вам несколько бодрящих слов. Знаю, что редко кто несет такую ношу, как Вы, что редко на чью долю выпадает столько zoges²⁹, как на вашу, что редко кто так «bouculé»³⁰ со всех сторон, как Вы. Ллойд Джордж когда-то шутил сказал, что судьба британского премьера, который делает войну, своеобразна: с утра на его письменном столе накапливается стопа телеграфных донесений о всяких несчастьях, – он, в сущности, бессилен что-либо сделать и лишь старается, пробежав торопливо неприятное известие, не принять его слишком близко к сердцу: ведь, в конце концов, все «образуется». Ему-то хорошо: Британская империя не развалится, а если он лично и потерпит поражение, то быть британским премьером в отставке не такое уже несчастье. Но быть лидером еврейским – другое дело. ...Вы – Иов многострадальный, который сидит, опустив голову, и слушает печальных вестников.

Болит у меня сердце за Вас, дорогой Владимир Евгеньевич, и вечно я думаю: только бы Бог дал «ему» сил, физических и моральных, все перенести и не позволил бы сатане посмеяться над нами.

Крепитесь, дорогой: в самом деле, все образуется, и Эрик скоро будет с Вами, и Вы, счастливый, будете целовать его, как это делаю я со своим единственным сыном (в оригинале подчеркнутое на иврите. – Э.М., Т.Г.)....

Ночью, когда я, счастливый, слышу из соседней комнаты ровное дыхание своего мальчика, я всегда думаю: а В.Е.? а Эрик? И мне становится неловко за свое счастье.

Крепко Вас обнимаю, дорогой. Верую верую полною: пронесет Бог тучу грозовую. И мне еще скоро дано будет видеть Вас и дорогую Иоанну Марковну счастливых и улыбающихся. Силы, силы, силы и силы воли (в оригинале подчеркнутое на иврите. – Э.М., Т.Г.).

Горячо любящий и бесконечно преданный

Ваш Н.Сорин

В этом письме Сорина, как и в письмах других адресатов этого периода (например, в письме Р.Розова от 25 ноября 37 г. из Парижа)³¹, высказывается горячее сочувствие супругам Жаботинским в связи с арестом британскими властями их сына Эрика в Палестине.

Заканчивая биографическую справку о Николае Сорине, считаем необходимым отметить, что только благодаря публикации Елены Яковлевой в 3(8) томе «Русское еврейство в Зарубежье» (*Из неопубликованных писем Владимира Жаботинского // Русские евреи во Франции. Иерусалим, 2001. С.61*) мы узнали, что еврейское имя Николая Сорина было Иекусиель, – в Еврейской энциклопедии в статье о журнале «Еврейская жизнь» Сорин дан с инициалами И.В., а в архиве Института Жаботинского приведены его имя Николай и дата кончины 1933 г., хотя, как мы видим, он еще в 1937 г. писал Жаботинскому. Благодарим также М.Пархомовского, который еще до выпуска тома 3(8) сообщил нам о публикации г-жи Яковлевой.

¹ Ольга Давидовна, урожденная Бруцкус, жена Ш.Гепштейна.

² «Бейт Ам» – Народный дом в Тель-Авиве. Там состоялось празднование пятидесятилетия Зезва Жаботинского.

³ Гепштейн имеет в виду цвета сионистского флага.

⁴ Пересыпь – район Одессы.

⁵ Фрида Абрамовна – вдова Абрама Давидовича Идельсона, редактора журнала «Рассвет» в 1910 (Петербург) – 1921 гг. (Берлин).

⁶ Тереза Евгеньевна – сестра З.Жаботинского, она же Тамара.

⁷ Аня – Иоанна Марковна, урожденная Гальперина, жена З.Жаботинского. Эри-Теодор – сын Жаботинских, последователь идей своего отца. Профессор математики, преподавал в хайфском Технионе. Подробнее о них см. в нашей статье в кн.: РЕВЗ, т.2(7), с.126–130.

⁸ Там же.

⁹ Архив Ш.Гепштейна // ИЖ. Л.9/245.

¹⁰ Там же. Л.8/245.

¹¹ Там же. Л.13/245.

¹² Там же. Л.14/245.

¹³ Там же. Л.10/245.

¹⁴ Петах-Тиква – одно из первых поселений в Эрец-Исраэль. В переводе «Врата надежды». В настоящее время – крупный город.

¹⁵ Подпольные вооруженные силы в подмандатной Палестине, послужившие основой Армии обороны Израиля.

¹⁶ См. нашу ст. в кн.: РЕВЗ. Иерусалим, 2000. Т.2(7). С.126.

¹⁷ Архив Р.Розова // ИЖ Л.201/5.

¹⁸ Там же. Л.7/2001.

¹⁹ Израэль Роках (1896, Яффо – 1959, Тель-Авив), мэ́р г. Тель-Авива (1936–1953). Депутат кнессета 1–3 созывов от партии Общих сионистов. С 1953 по 1955 г. – министр внутренних дел. В 1957–1959 гг. – зам. председателя кнессета. Один из основателей спортивного общества «Маккаби» (КЕЭ, Иерусалим, 1994. Т.7, стб.371).

²⁰ Авраам Криница (1886, Польша – 1969, Рамат-Ган, Израиль). Первый мэ́р г. Рамат-Гана (1950–1969). Погиб в автокатастрофе. Входил в партию Общих сионистов. В Эрец-Исраэль прибыл в 1905 г. О нем см.: *Криница А. Своими руками*. Рамат-Ган: Массасада, 1965. 98 с. (иврит); *Рамба А.* Криница. Рамат-Ган: Массасада, 1968. 248 с. (иврит).

²¹ О Розовых см. также: *Завьялов-Левинг Ю.* Тенишевцы Владимир Набоков, Осип Мандельштам, Самуил Розов: пересечения // РЕВЗ. Т.1(6). С.141–162.

²² О Зиновии Ионовиче Темкине см. в нашей публикации: РЕВЗ: Русские евреи во Франции. Иерусалим, 2001. Т.3(8). С.58. См. также: КЕЭ. Т.8. Стб.938–939.

²³ Подрастающее поколение (англ.).

²⁴ Счастье (*идиш*).

²⁵ Фамилия не установлена.

²⁶ Письмо от 14 февраля 1931 г. // ИЖ. Архив Н.В.Сорина. 166 п.

²⁷ Архив Гепштейна // ИЖ. 8/245 п.

²⁸ *Новомейский М.* От Байкала до Мертвого моря. Иерусалим: Биб-ка Алия, 1979. С.128.

²⁹ Горе (*идиш*).

³⁰ Букв. – толкаем (*фр.*).

³¹ Архив Р.Розова // ИЖ. 3/18/3/1а.

Париж в воспоминаниях Александра Яковлевича Френкли (1925–1929 годы)

Публикация Елены Френкли (Рамат-Ган)*

А.Я.Френкли (1907–1993) известен как один из организаторов и руководителей русского отдела радиостанции «Голос Америки». Эта его деятельность описана вдовой Александра Яковлевича Натальей Александровной Френкли (дев. фам. Тумаркина) в 4-м томе серии «Евреи в культуре Русского Зарубежья».

Свои воспоминания Александр Яковлевич назвал «Письмо к дочери», и в тексте (публикуемый отрывок печатается с небольшими сокращениями) встречаются обращения к Елене Александровне Френкли – публикатору.

15

**Александр Яковлевич
Френкли**
Париж, 1928

<...> эти друзья устраивали небольшие вечеринки с танцами и пением, где мы много смеялись – «наши сердца были молоды и веселы». Позднее я очень хорошо понял, как прав был Хемингуэй, назвав Париж 1920-х годов праздником, который всегда с тобой. Он, этот праздник, и оставался со мной долгие годы моей жизни...

16

Во время первого года моего пребывания в Париже – 1925/26 – меня стали принимать в гостеприимных семьях наших общих друзей, в основном русско-еврейского происхождения.

Во всех этих семьях были дети – девушки и молодые люди моего

* Перевод с англ. М.Пархомовского.

возраста, которые были студентами университета. Много приятных часов мы провели вместе, включая званые обеды в их семьях. Полагалось подношение цветов старшей женщине дома, обычно это была их мать, и, конечно, целование ее руки. Среди прочих вспоминаю Бебу (Беатрису) Ожанскую (ставшую адвокатом) и ее кузенов, сыновей Найдича; Зину Палей (будущего врача) и особенно ее прелестную младшую сестру Раю Палей (она тоже стала адвокатом), в которую я почти влюбился.

По крайней мере дважды в год каждая из этих семей устраивала для своих дочерей и их друзей чаепитие с танцами (*thé dansant*). Такой прием обычно тщательно готовился: приглашали небольшой танцевальный оркестр; предупреждали соседей и консьержку; чтобы как можно меньше шума доносилось к жильцам нижнего этажа, пол в гостиной обычно покрывали толстым слоем войлока или фетра, а сверху клали темно-красный гладкий навощенный брезент, натянутый на специальную раму по краям пола. И в обычной городской квартире создавалась прекрасная и почти бесшумная танцевальная площадка. Оркестру, конечно, не разрешалось играть слишком громко.

Это была эпоха (уже слегка уходящая) танго, фокстрота, шимми, чарльстона; иногда, для романтически настроенных, играли медленный вальс.

Это была эпоха, когда *Негритянское ревю* штурмом захватило Париж и привнесло в Европу необычную жизненную силу и ритм музыки и танца американского *негро* (в сегодняшней терминологии – *блэк*), перед которым невозможно было устоять.

Это была эпоха Жозефины Бейкер, маленькой черной красавицы из Сент-Луи, Миссури, – так же, как и эпоха Мистингет, Мориса Шевалье и многих других незабываемых звезд Фоли-Бержер, Казино де Пари, Мулен-Руж...

Это была эпоха славного расцвета французских театров, таких, как *Комеди Франсэз*, основанного Мольером, театров на бульварах, с их смесью мелодрамы и искрометной комедии, авангардного театра, в котором имена Шарля Дюллена, Жоржа и Людмилы Питовых, Жана Кокто, Жана Жироду, Луи Жюве и многих других создали в Париже целую галактику выдающихся драматургов, режиссеров и актеров. К этому списку мне хотелось бы добавить имена особенно любимых мной Саша Гитри и его жены Ивоны Прентам, Шарля Буайе и Габи Морле, а также Виктора Буше.

Это была эпоха *Русского балета* Сергея Дягилева, чьи блестящие сезоны я никогда не пропускал в 1925–1929 гг. Они происходили в *Опера* и Театре Сары Бернар. Я помню

взрывоподобный эффект модернистской премьеры «Ромео и Джульетты» в мае 1926 г. Она была поставлена Максом Эрнстом и Жоаном Миро на музыку Константина Ламбера; хореографом была Бронислава Нижинская – сестра великого Нижинского, а заглавные роли исполняли Тамара Карсавина и Серж Лифарь.

Среди других балетов, представленных в те парижские годы труппой Сергея Дягилева, я запомнил «Петрушку» Стравинского с Карсавиной и Леонидом Мясным, балет «Стальной шаг» (с критическими атаками на его *большевизм*), восхитительную «Кошку» (ее премьера была в мае 1927 г.) на музыку Анри Соге с хореографией молодого Джорджа Баланчина.

И в это же время в Театре на Елисейских полях (Téâtre des Champs-Élysées) труппа эмигрантской Русской оперы давала первоклассные представления «Князя Игоря» Бородина, «Сказание о невидимом граде Китеже» Римского-Корсакова, «Снегурочку» и «Царя Салтана» с декорациями таких эмигрантских художников, как Наталья Гончарова, Михаил Ларионов, Константин Коровин и другие. Для меня это стало новым открытием прекрасного русского искусства. Мне особенно помнятся половецкие пляски в «Князе Игоре» с Борисом Романовым в одной из главных ролей, бывшим танцором Мариинского императорского театра. Через много лет, в Нью-Йорке, этот блестящий артист стал нашим другом...

Те же 1920-е годы были эпохой и молодого «короля скрипки» Яши Хейфеца (так называли его обычно парижские критики). На своих концертах в *Опера* он выходил во фраке, с белым галстуком, в цилиндре, с шелковой накидкой в черную полоску на плечах, держа своего *страдивари* в футляре под мышкой... Эти же годы стали эпохой молодого феноменального пианиста Владимира Горовица, промелькнувшего по западному миру как ослепительная комета.

В те годы я мог пойти в *Опера* на сольный концерт Федора Шаляпина, величайшего баса и певца-актера, на концерт Сергея Рахманинова или – тоже обычно в *Опера* – послушать Берлинский филармонический оркестр под управлением Вильгельма Фуртвенглера или пользующийся успехом оркестр Амстердама с дирижером Виллем Менгельбергом (после Второй мировой войны он был уличен в сотрудничестве с немцами и смещен со своего поста).

Наконец, это была эпоха, когда в *Зале Гаво*, в ожидании послеполуденной лекции в серии «Университетские анналы» я слушал Андре Моруа, рассказывающего о том, как он пишет свои произведения. В частности, он советовал начинающим авторам: «Никогда не убивайте своего героя в конце романа. Вы не можете быть уверены, что он вам не понадобится в вашей следующей книге».

Может быть, стоит упомянуть здесь кое-что из музыкальной жизни конца 1920-х годов, точнее – весну 1929 года. Я особенно живо помню концерт в парижском *Зале Плейэль*. Тринадцатилетний вундеркинд по имени Иехуди Менухин сыграл три скрипичных концерта: Двойной концерт Баха, Бетховена и Брамса. Двойной концерт Менухин исполнял со своим учителем, великим румынским скрипачом и композитором Джорджем Энеску. Оркестром дирижировал Поль Парэй или Пьер Монте (не помню, кто из них). При исполнении двух других концертов дирижерская палочка была в руках Энеску... Блестящий талант юного Менухина вызвал в Париже сенсацию, не меньшую, чем до этого в Берлине и, конечно, в Америке. Много лет спустя, в 1977 г., когда были опубликованы воспоминания Менухина «Неоконченное путешествие», я был удивлен, что в них не оказалось ожидаемого мной упоминания этого необыкновенного концерта, и я написал ему об этом в Лондон, где он тогда жил. Не прошло и трех недель, как я получил следующее письмо:

12 июня 1977 г.

Дорогой г-н Френкли,

Вы совершенно правы, вспомнив концерт, который я давал в Зале Плейэль, вероятно, в начале 30-х годов, во время которого Энеску дирижировал и исполнял со мной Двойной концерт Баха. Я хорошо это помню и должен был написать о наших многочисленных исполнениях Двойного концерта Баха и о его записи на пластинку в своей книге. Я очень тронут тем, что Вы смогли так живо запомнить этот вечер.

С самыми лучшими пожеланиями, Иехуди Менухин

Тогда, в 1920-е годы, после Первой мировой войны, мечта о мире создавала братские узы между народами Запада, и это – несмотря на растущий фашизм в Италии, не говоря уже о коммунистическом режиме в России. Люди мечтали о благополучии и разоружении и наступлении незабываемого с годами состояния блаженства мирной жизни. Эти мечты развеялись в октябре 1929 г., когда разразился финансовый кризис в Соединенных Штатах, и ударная волна распространилась по западному миру. Затем наступила *Великая депрессия*, приход Гитлера, падение многих европейских правительств с самоубийственным хаосом, капитуляция перед силами зла, войны, смерти и разрушения, каких человеческая история до этого не знала...

Летом и в конце 1925 г., на фоне эйфории тех лет, в Париже проходила Выставка декоративного искусства. Выставка заняла *Гран Палэ, Пети Палэ*, новый Музей декоративного искусства Города Парижа и целый ряд павильонов, построенных множеством стран вдоль берегов Сены между мостами Александра III и Иены, вокруг Эйфелевой башни и на площади Трокадеро. Эта выставка родила *арт деко* – стиль в архитектуре, декоративном интерьере, мебели, одежде, театральном и промышленном дизайне, в других областях творчества. Интересно, что теперь, спустя полвека, этот стиль снова в моде.

В течение этих моих юных парижских лет я два или три раза попадал на балы в *Опера* благодаря пониженной цене на билеты для студентов. Когда такие балы происходят в огромном театре, все стулья партера убираются, оркестровая яма закрывается и пол партера устанавливают на уровне сцены; занавес поднимают, и в глубине сцены вы видите совершенно открытое Танцевальное фойе (*Foyer de la Dance*) – очень большой квадратный репетиционный зал с позолоченными стенами, зеркалами до потолка и хрустальными канделябрами. И все это вместе – поднятый пол партера, сцена и зал за нею – превращалось в огромную танцевальную площадку, окаймленную ошеломляющим блеском немного безвкусной роскоши Второй Империи. Играли два танцевальных оркестра – в зале театра и на сцене и по одному на каждом из пяти ярусов. На каждом ярусе было по два буфета. Такой бал в *Опера* обычно посещало до 5 000 человек, а также такие выдающиеся лица, как президент республики, члены правительства и представители дипломатического корпуса.

Особенно мне запомнились два бала в *Опера*.

Один из них – благотворительный – носил название «Бал маленьких белых кроваток»: полученные от него сборы шли в пользу детских больниц. Самым ярким представлением на этом балу был «Серебряный мост» («*Le pont d'argent*») – закрепленный на стальных тросах под знаменитой люстрой *Опера*, он казался висящим в воздухе и был серебряным в свете прожекторов. На мосту танцевала прекрасная негритянская балерина и певица Жозефина Бейкер, которую я уже упоминал. Благодаря этому номеру звезда Америки стала любимицей Парижа. После Второй мировой войны Жозефина Бейкер основала дом для детей-сирот многих национальностей, которых она усыновила.

А тогда она была необыкновенно хороша какой-то скульптурной красотой; ее великолепное коричневое тело, прикрытое только узкой набедренной повязкой, скользило в свете прожекторов с одного конца моста до другого под гром аплодисментов. Зрелище было незабываемым...

Другой бал в *Опера*, на котором я присутствовал, был организован в пользу Союза университетских студентов Франции, членом которого был и я. Это был маскарад, хотя особый наряд и маска были необязательны. Я запомнил некоторые костюмы, поразившие меня. Среди них был господин, изображавший призрака *Опера*. На нем был черный костюм, гладкая черная шляпа с красной лентой, маска черепа с белыми костями, черные перчатки с рядами нарисованных костей. Он внезапно возник в толпе на площадке парадной лестницы, когда бал был в полном разгаре, и отсюда буквально летал с одного яруса на другой, внезапно появляясь в некоторых ложах и вызывая ужас...

Совершенно иным был другой костюм. Он был на довольно крупной женщине – придворной даме эпохи Людовика XV, маркизе в раскрашенном и напудренном парике, в великолепном платье из серого шелка с кружевами и кринолином, с длинным стеклом с серебряным наконечником в правой руке. Она выглядела по-царски с головы до пят, не принимала участие в танцах, а величественно и спокойно прогуливалась по *Опера*, встречаемая очарованными улыбками справа и слева... В три или четыре часа утра я заметил, что краска и пудра на лице дамы потемнели, и вскоре стала ясна необходимость ...побриться, как это делает по утрам каждый мужчина без бороды. Это в действительности был мужчина, настолько воплотившийся в свою роль, что ему часами удавалось дурачить сотни и даже тысячи обративших на него внимание!

На этот бал я сопровождал Раю Палей. В пять утра мы решили покинуть *Опера*. С огромным трудом я нашел такси, чтобы отвезти Раю в дом ее родителей на авеню Ниель, около площади Терн в 17-м арондисмане. Затем я пешком отправился к себе домой через весь Париж. Этот многокилометровый маршрут был восхитительным и освежающим – я дышал еще почти совсем чистым в эти часы воздухом Парижа, смотрел, как лошади везли свежие овощи и фрукты на двухколесных телегах на центральный рынок – «Les Halles Centrales». Этот памятник ушедшей эпохи (Эмиль Золя назвал его «Чрево Парижа») позже демонтировали и перенесли на юг Парижа, а на его месте потом многие годы оставалась огромная и уродливая дыра.

Переходя Сену, я видел сквозь дымку тумана силуэт Нотр-Дам, как бы сторожащий медленно просыпающийся город, оставшийся навеки живым в «Утренних сумерках» Шарля Бодлера.

Я миновал центральную улицу Латинского квартала – бульвар Сент-Марсель, еще спящий Люксембургский сад, спустился по улице Гей-Люссак и Кл.-Берхар к своему дому. У меня оставалось время только на то, чтобы раздеться, побриться, снова одеться и подкрепиться в ближайшем бистро утренним кофе с круасаном, – нужно было идти в свою Школу права (École de Droit) и настроиться на учебу.

В мае 1927 года произошло событие, которое врезалось в мою память. Полвека спустя я его описал в передаче по *Голосу Америки* – речь идет о первом успешном беспосадочном перелете из Нью-Йорка в Париж через Атлантический океан американца Чарльза Линдберга. Я вспоминал о том напряженном ожидании, которым был охвачен Париж в течение 28 часов полета, и о ликовании после сообщения в специальном выпуске газет о его приземлении в Бурже.

<...>

18

В годы моей учебы в Париже Шура Бакалейник жил в Тулузе, где в 1925-26 году в Электротехническом институте учился мой еще один друг детства Лео Гринфельд. Лео был из известной в Кишиневе русско-еврейской семьи Кёнигшацев. Дед – Евгений Семенович – был выдающимся адвокатом, а его жена – Ольга Васильевна – настоящей великосветской дамой с прекрасными голубыми глазами, которая стала управительницей и благотворительницей приюта для бедных и больных; дом детей-сирот был назван ее именем. Наши семьи были в дружеских отношениях, особенно на уровне поколения моей матери и сыновей Кёнигшацев – Поля (Павлуши) и Григория (Гриши). У них была прелестная сестра Надежда (Надя) – мать моего друга Лео. В свои молодые годы она было социалисткой очень левого толка; во время смуты 1917 года с последующим переходом Бессарабии в состав Румынии она трагически погибла от рук преступников – большевиков или румын (живущий сейчас в Израиле наш общий 91-летний друг Поль Кёнигшац знает об этом гораздо больше). Лео был очень мал, когда погибла его мать, и он вырос в доме бабушки и дедушки.

Их дом находился наискосок на противоположной стороне улицы, где стоял дом моих бабушки и дедушки, и я был частым гостем в высококультурном доме Кёнигшацов.

Как я уже сказал, в 1925/26 году Лео приехал в Тулузу изучать инженерное дело, и, как мне помнится, летом 1926-го или 1927-го мы решили на каникулы ехать домой вместе. Он присоединился ко мне в Париже; до Вены мы ехали поездом, а в Австрии пересели на судно (я еще помню имя компании, которой принадлежало судно, имя из 33 букв, возможное только в немецком языке, – «Danau-dampfschiffahrtsgesellschaft»), на котором мы проплыли вниз по Дунаю до румынского порта Джурджу три незабываемых дня; а потом – до Бухареста и Кишинева – нас довез поезд.

Рассказывая о Лео, стоит здесь сказать, что после окончания института он решил остаться во Франции. Он нашел работу почти сразу после получения диплома. Это был большой французский концерн «Электромеханическая компания». Он проработал в ней следующие 46 лет, достигнув должности вице-президента. Лео прошел военную службу во Франции, стал французским гражданином, женился на очаровательной француженке Жаннет, был мобилизован в начале Второй мировой войны и оставил жену и новорожденного Жана. Попад в плен, Лео провел в немецком лагере для военнопленных почти пять лет. Несколько раз он пытался бежать, но каждый раз его ловили и переводили на еще более тяжелые условия содержания... Как ты, Лена, знаешь, Лео и Жаннет до сих пор остаются нашими близкими друзьями.

Шура Бакалейник был моим двоюродным братом и ближайшим другом детства. Он тоже решил остаться во Франции и стать французским гражданином. После окончания института в Тулузе он поступил в Высшую электротехническую школу, дававшую высокий уровень специализации. После ее завершения он прошел военную службу, получил французское гражданство, был принят на хорошую работу в инженерную компанию, которая вскоре перевела его на свой основной завод в Сен-Кантен, на северо-востоке от Парижа. Примерно тогда он женился, не без некоторых кратковременных, но довольно бурных семейных осложнений. Его женой стала очень привлекательная девушка, родом из России, Зина, которая позже получила диплом врача и специализировалась по рентгенологии.

И эти три столь дорогие нам русско-французские пары – Ирен и Андре Лажюни, Лео и Жаннет Гринфельд, Шура и Зина Бакалейник – стали нашими ближайшими друзьями.

Дальнейшая судьба Шуры преследует меня, постоянно напоминая о Второй мировой войне и злодеяниях нацистов. Когда французский фронт был прорван и Франция подверглась оккупации, Шура в начале лета 1940 года присоединилась к Сопротивлению. 17 мая 1944 он был схвачен на своем заводе гестапо, его пытали и отправили во «временный» трудовой лагерь в Броне, близ Лиона. Когда войска союзников вторглись на юг Франции и начали продвигаться по долине Роны, немцы, по-видимому, в состоянии паники расстреляли своих пленников – и это произошло за неделю до момента, когда те могли быть освобождены. Среди расстрелянных был и Александр Бакалейник. Его имя содержится в приведенных в книге Сержа Кларсфельда списках французских евреев, подвергнутых депортации и/или уничтожению. Шуре было 37 лет... Его жена Зина после того, как была обнаружена и вскрыта общая могила близ аэропорта Брон/Лион, идентифицировала неузнаваемые останки Шуры по одежде и зубам.

Зина вскоре стала работать врачом в Северной Африке, а позже многие годы жила в Париже, где также была рентгенологом; эта профессия, по-видимому, и привела ее к смерти от лейкемии.

Андре Лажюни, муж моей кузины Ирены, попал в плен к немцам в районе Нанси. Ирен быстро выяснила, что он находится в лагере для офицеров в восточной части Франции. Страстно желая спасти Андре, она бесстрашно отправилась к месту расположения лагеря, где со всей свойственной ей энергией и ловкостью добилась его освобождения. Оставшиеся годы войны они провели в Париже в очень тяжелых условиях, но им удалось выжить. Спустя несколько месяцев после твоего рождения в Нью-Йорке, дорогая моя Леночка, у Андре с Иреной тоже родилась дочь, ставшая их единственным ребенком. Как ты знаешь, ее назвали Кристин. Она до сих пор живет в Париже, где вышла замуж за итальянского барона Паоло Айрольди ди Роббиате.

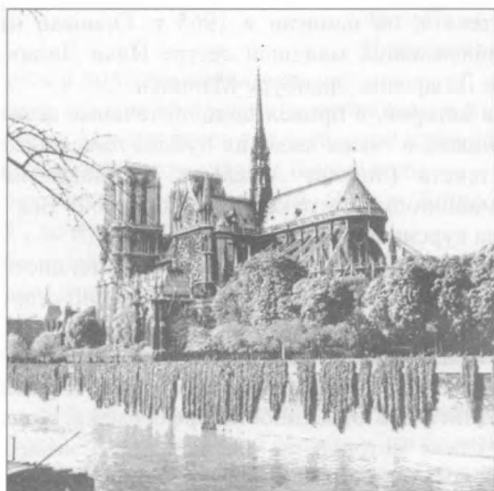
Кузина моей матери Женя Каушанская, ее муж Далья и их дочь Долли покинули Париж вскоре после начала Второй мировой войны и, преодолев многочисленные трудности и раздобыв фальшивые документы, скрывались в юго-западной части Франции до освобождения Парижа; когда они вернулись, им пришлось пройти через суд, чтобы вернуть права на собственную квартиру близ Версальских ворот, которая была у них отобрабана как у «коллорабационистов».

Брат Жени Леонид Ашкенази и его жена Аня, оба инженеры, в 1942 г. были депортированы нацистами и погибли в одном из их чудовищных лагерей смерти (они оба числятся в книге Кларсфельда). Их дочь Руни, спасенная Каушанскими, сейчас живет где-то в Израиле.

Я прервал свои воспоминания, чтобы рассказать, хотя бы вкратце, о судьбе моих ближайших друзей. Возвращаясь к своей линии жизни.

Моя учеба в Париже в 1920-е годы завершилась, и в один прекрасный день июля 1928 г. я стал выпускником юридического факультета Парижского университета. Перед тем как отправиться на каникулы домой, я записался на специальный годичный курс для студентов-иностранцев в одну из французских высших школ, а именно в Высшую коммерческую школу («École des Hautes Études Commerciales»), которая готовила управляющих коммерческими предприятиями. Учеба на таком одногодичном курсе была вполне возможна, так как мне все равно еще нужно было время, чтобы стать дипломированным юристом. Так что я приехал домой с перспективой еще одного студенческого года в Париже.

<...>

**Собор Парижской богородицы
(Вид со стороны Сены)**

Из фотоальбома А. Я. Френкли

«Прославленная архитектура Франции»

**Документы из частной коллекции:
Коллекционер (Исаар Гурвич)
Две тетради с автографами**

*Иосиф Лемперт, Роза Лемперт-Андреева,
предисл. и коммент. Дмитрия Гузевича (Париж)*

Иосифу Лемперту и его собранию была посвящена статья в томе 3(8) «Русское еврейство в зарубежье» (далее – РЕВЗ). Сейчас Иосиф Миронович и его дочь, Роза Иосифовна Лемперт-Андреева, выступают в качестве авторов и публикаторов некоторых документов из своей коллекции – текстов, принадлежащих перу еврейских авторов.

Несколько особняком стоит последний текст – биография И.Л.Эренбурга (Климова), двоюродного брата И.Г.Эренбурга. Происхождение самой рукописи неизвестно. Как следует из заключительных фраз текста, он написан в 1965 г. Основан на семейных архивах, принадлежавших младшей сестре Ильи Лазаревича Эренбурга – Наталье Лазаревне Эренбург-Маннати.

С согласия авторов, я привел дополнительные комментарии со списком источников, а также выверил публикуемые автографы. Два публикуемых текста (письмо Алданова и биография Климова-Эренбурга) – машинопись с рукописной правкой. Вся рукописная правка выделена курсивом.

Тексты содержатся в двух тетрадях и альбоме, листы в которых не нумерованы. Автографы в альбоме написаны по старой орфографии. Исключение составляет автограф Саши Черного, в котором причудливым образом переплелись новое и старое написание. В последнем тексте написание используется новое. Публикаторы постарались сохранить все особенности орфографии, подчеркиваний, пунктуации и стиля авторов, за исключением элементов старой орфографии. Исправлено несколько явных опечаток и пропусков букв в машинописи.

В комментариях во многих случаях ссылки даются на страницы именных указателей.

Д.Гузевич

Коллекционер (Исаар Гурвич)

Иосиф Лемперт

А.Н.Бенуа и И.С.Гурвич
(март 1950 г., Париж). Фотография
Э.Марковича. Фотокопия Б.Гесселя

Исаар Саулович Гурвич¹ жил на пятом этаже старого дома. Без лифта.

Приветливо улыбаясь, встретил у порога огромного салона, где картины были сложены штабелями, а по углам стояла старая русская бронза.

Уже давно был он одинок, и, как правило, день его начинался с посещения аукционов.

Был в большой дружбе с Александром Николаевичем Бенуа, что

чувствовалось в подборе живописи.

Вечерами, по давней традиции, отправлялся в «Куполь» – знаменитое кафе на Монпарнасе², где за чашкой кофе до поздней ночи в кругу старых друзей вспоминались былые годы.

В воскресенье – обязательный обед у Анны Александровны Черкесовой³, дочери А.Н. Бенуа.

Дружба наша завязалась легко. Книг у него было немного, но кое-что было очень редкое. Две тетради с автографами русских композиторов, писателей и поэтов невозможно было бы оценить. Уникальны. На мою просьбу по поводу какой-нибудь книги: «продайте», он неизменно, лукаво улыбаясь, отвечал: «Не сейчас. Буду продавать – только вам». Заметив мой интерес к замечательной бронзе Лансере⁴, Исаар Саулович сказал: «Эти бронзы я не продаю, я их завещаю Шуре Серебрякову*, который мне очень помогал во время немецкой оккупации».

На мое замечание, что тому придется платить налог за наследство и лучше подарить ему раньше, Исаар Саулович улыбаясь, говорил: «Какой вы хитрый. А если я не умру?»

Обязательным было посещение весной могил С.Дягилева и Стравинского⁵ в Венеции.

Так и сейчас, в 1974 году, был куплен билет в Венецию, но

легкое недомогание заставило вызвать врача. «У вас инфаркт. Никуда вы не поедете».

Через две недели после выхода из больницы, поздно вечером, возвращаясь из «Купола», он упал на лестнице своего дома и скончался⁶. Из закрытой квартиры была украдена вся бронза и много картин. Все остальное имущество было вывезено на склад для последующей продажи с аукциона.

Я был приглашен для оценки книг и картин. По окончании работы в качестве гонорара, к моей радости, мне предложили две тетради с автографами, которые некогда принадлежали председателю литфонда Владимиру Феофиловичу Зеелеру⁷ (скончался 27 декабря 1954 г.). А через шесть месяцев состоялась продажа на аукционе, где мной был куплен ряд вещей, которые напоминают мне о хорошем человеке и большом коллекционере И.С.Гурвиче.

* Шура Серебряков (Александр Борисович Серебряков, 7.9.1907–10.1.1995), художник, сын художницы Зинаиды Евгеньевны Серебряковой.

Две тетради с автографами

Роза Лемперт-Андреева

Тетрадь № 1.

В твердой зеленой обложке, частично разброшюрована, 76 с.⁸ Рисунки: М.Осоргина, В.Родченко, В.Поля⁹; портреты А.Ремизова (раб. Fries-Oglowa), Бердяева (раб. А.Ремизова), Георгия Иванова (раб. Тэффи). Репин, слушающий радио (раб. В.Репиной¹⁰). Пейзаж П.Нилуса¹¹.

Первый автограф в тетради (Ивана Бунина) датирован ноябрем 1928 г. Последний (Александра Бенуа) – 4 января 1930 г.¹²

Тетрадь № 2.

В твердой синей обложке с дарственной надписью: «Дорогому юбиляру от Союза писателей и журналистов». 120 с. Рисунки художника Линского¹³.

Первый автограф (Бориса Зайцева) датирован 18.06.1949 г., последний (Николая Евсеева¹⁴) – 5 марта 1953 г.

Кроме публикуемых нами, в тетрадях также имеются автографы: И.Бунина, И.Шмелева, Б.Зайцева, З.Гиппиус, Д.Мережковского, И.Репина, А.Кизеветтера¹⁵, Н.Евреинова¹⁶, Е.Чирикова¹⁷, А.Ремизова, Н.Тэффи, В.Маклакова¹⁸, К.Бальмонта; композиторов: С.Рахманинова, Н.Метнера, А.Гречанинова, А.Глазунова и др. Автограф

Стефана Цвейга на немецком языке. Некоторые листы-автографы – дополнение к тетрадам.

Автографы в альбоме

1. Лев Шестов (Лист <3>)

Оседлый человек говорит: «как можно жить без уверенности в завтрашнем дне, как можно ночевать без крова». Но вот случай навсегда выгнал его из дому – и он ночует в лесу. Не спится ему: он боится дикого зверя, боится своего же брата, бродяги. Но, в конце концов, он все таки вверится случаю, начнет жить бродягой и даже, может быть спать по ночам (Из «Апофеоза беспочвенности»).

*Л.Шестов*¹⁹

2. Сергей Френкель (Лист <11>)

СОНЕТ

Внушили Вы сразу, поверьте,
Любовь и симпатию мне,
А я на яву, не во сне,
Дорогу проделывал к смерти.
И ныне (прошу Вас, измерьте
Мою откровенность вполне),
И в мыслях о смертном я дне
Рай вижу, хоть в ад тянут черти.

Загадку хочу я задать:
Есть в мире, иль нет, благодать?
Есть! Много душевных я знаю
Людей. Одного называю, –
Ему посвящен этот стих.
Разгадку дает акrostих.

*Сергей Френкель*²⁰
Июль 1928 г. Париж.

3. Саша Черный (Лист <11а>, на линованной бумаге)

Вялые гекзамеры (В альбом В.Ф.Зеелеру.)

Год промелькнет и знакомый пейзаж развернется,
Снова на общем собрании журнального цеха²¹ корпишь, –
Вновь из трехсот маргариновых душ приползает
Два-три десятка все тех-же безсменных фигур.

С четким бесстрашьем рулем Рубинштейн²² управляет,
 С кротким раздумьем на лампу глядит Милуков...²³
 Гладкий отчет... Казначей²⁴ корректные цифры,
 Ревизионной комиссии полный любви комплимент...
 Все мы устали, как негры вертящие жёрнов, –
 Нам-ли друг в друга змеиные зубы вонзать?
 Даже, бурлящий ключёмъ, перманентный вулкан Мельгунова²⁵
 Сталь остывать... – Над диваном привстав, Мельгунов
 Выжал слов двадцать (пластинка все та-же – «суд чести»)
 И на другое собрание, махнувши рукою, ушел.
 Только один огнедышащий, пламенный Левин²⁶,
 Стиснув шпаргалку в руке, разстегнул свой фонтан:
 «Горе правленью погрязшему в будничной тине!
 Все поминальные даты, увы, проморгало оно –
 Чехова, Гейне, Толстого... и Марка Аврелия даже!»
 (Список подробный в Ларуссовом зри словаре).
 «Я от стыда за правленье весь год обливаюсь румянцем,
 Железой я молодильной готов для Союза служить».
 Пауза. Жест Демосфена... Но кликов призывных не слышно.
 Спрячь свою железу в шкаф, дорогой Самуил...
 Кончил... Встает секретарь генеральный²⁷ наш грузно,
 Левина скорбную голову стиснув меж ног,
 С вялой усмешкой отшлепал его деловито
 И, посмотрев на часы (скоро двенадцать), умолк.
 Сгладив углы, Рубинштейн закрывает собрание.
 Как-бы последнее не упустить нам метро...

1929. А. Черный*

* Саша Черный (Александр Михайлович Гликсберг, 1/13.10.1880, Одесса – 5.8.1932, Ла Фавьер, Франция)²⁸.

4. М. Алданов (Лист <19>)

Дорогой Владимир Феофилович. О Толстом написал в этой тетради Тихон Иванович²⁹, о Толстом – Александр Александрович³⁰, о Толстом написал бы скорее всего и я, – но пришлось бы всю тетрадь исписать, да еще был ли бы долг? Всю жизнь (с 7-летнего возраста) я его читал, всю жизнь о нем думал – и теперь, больше чем когда бы то ни было, стою пред «Загадкой Толстого». Кто он был, не знаю; зачем делал свое дело, не знаю. Точно явился он в этот мир для того, чтобы взволновать его и встревожить, точно говорил каждой своей страницей: «Придите ко мне все, довольные и спокойные: я расстрою вас»...

Париж 2. VI. 1928

М. Алданов*

* Настоящее имя Ландау Марк Александрович (26.10.1889, Киев – 25.2.1957, Ницца).

5. Лоло (Лист <21а>)

В.Ф. Зеелеру. Стихи в альбом

Я разучился писать в альбомы
Стихи-стишонки, как в оны дни...
(Забыл я форму, забыл приемы),³¹
Но дал я слово – и вот они:

Друг к другу были давно влекомы,
Но не встречались ... неслись года –
Судьба свела нас – и мы знакомы, –
И я в восторге от аксиомы,
Что «лучше поздно, чем никогда!»

*Ницца, Лоло**
18 ноября 1928 г.

Портрет В.Ф.Зеелера
Художник В.Родченко
Тетрадь №1. Лист <10>

*Настоящее имя – Мунштейн Леонид Григорьевич (12.1.1867, Екатеринослав – 6.8.1947, Ницца).

6. В. Ходасевич (Лист <30>)

Буря.

Буря! Ты армады гонишь
По разгневанным водам,
Тучи вьешь и мачты клонишь,
Прах подъемлешь к небесам.
Реки вспять ты обращаешь,
На скалы бросаешь понт,
У старушки вырываешь
Ветхий, выветренный зонт.

Вековые рощи косишь,
Градом бьешь посев полей, –
Только мудрым не приносишь
Ни веселий, ни скорбей.

Мудрый подойдет к окошку,
Поглядит, как бьет гроза, –
И смыкает понемножку
Пресыщенные глаза.

Владислав Ходасевич
16 окт. 1929. Париж.

Тексты, вложенные в альбом

1. М. Алданов³²

107 West 84 sh., New York 24

16 сентября 1945 г.

Дорогой Владимир Андреевич³³.

Вчера получил Ваше письмо от 18 августа. Того письма, о котором Вы сообщаете, что оно было отправлено недель пять тому назад, я не получил.

Искренне благодарю Вас за приглашение писать в «Русских Новостях»³⁴. К большому моему сожалению, принять его не могу. Разумеется, дело совершенно не в гонораре. Поверьте, я с радостью согласился бы писать и бесплатно в газете направления «Последних новостей» (*с должными поправками на события*). Я «Русских Новостей», к сожалению, не получаю, как не получает их и «Новый Журнал», предлагавший обмен. Однако ряд номеров читал. В газете немало хороших статей. Но поскольку ее общее направление сказалось в передовой в первом номере и еще больше в редакционном ответе В.А.Маклакову³⁵, — мне с газетой не по пути (*как не по пути с ней и А.И.Коновалову*³⁶, *М.М.Карповичу*³⁷, *А.Ф.Керенскому*).

Во избежание недоразумений, скажу Вам, что я «большевико-едством» отнюдь не занимаюсь. С первого дня войны мы все, *как и Вы*, заняли абсолютную «оборонческую» позицию. Лично я здесь в статьях на русском, английском и французском языках не раз говорил, что от всей души желаю победы России, каков бы ни был ее строй, что ее поражение считал бы катастрофой, что я признаю большие заслуги советской власти в деле обороны. Но отсюда до позиции Вашей газеты еще далеко. Вы меня поймете. Не сердитесь.

Конечно, я политических разногласий в меру возможного не переносу на личные отношения. Прошу Вас передать мой искренний привет сотрудникам «Русских Новостей». Вы говорите, что Вас (т.е. газету) обо мне спрашивают читатели. Я тронут их вниманием, но ничего сообщать обо мне ненужно.

Шлю Вам и Вашей супруге, которую очень благодарю за память, самый сердечный привет, такой же от моей жены³⁸. Большое спасибо за добрые слова. Надеюсь, у Вас все благополучно?

Ваш М.Алданов

P.S. Получив Ваше письмо, я тотчас позвонил в редакцию «Н.Р. Слова»³⁹ и сказал А.А.Полякову⁴⁰ и Я.М.Цвибаку⁴¹, что высылаю каждому из них по 45 долларов. Однако Цвибак попросил меня немного повременить с отправкой, так как он еще не получил Вашего письма с порученьями. Что же касается Полякова, то он категори-

чески просил меня ничего ему не посылать, так как Вы должны за него что-то заплатить в Париже. Не хотите ли Вы, чтобы я на эти 45 долларов отправил Вам посылки (каждая стоит около 6 или 7 долларов)? Или дайте им другое назначение. Цвибак же обещал меня уведомить, когда ему отправить чек на 45 долларов.

Я в свое время отправил посылку Н.К.Волкову⁴². Получил ли он ее? Из доброй сотни отправленных мною родным и друзьям посылок пропало, по-видимому, лишь несколько.

2. Неизвестный автор⁴³

Биография Климова

Илья⁴⁴ Лазаревич Эренбург, писавший под псевдонимом Климов, родился 8-го июня 1887-го года в Харькове, где его отец, выдающийся химик, работал при Университете⁴⁵. В течение семи лет Лазарь Григорьевич читал лекции студентам, хотя был по чину лаборантом, так как еврей не мог быть профессором. Ушел из Университета, когда потребовали, чтобы он крестился дабы оформить положение. От отца Илья Лазаревич унаследовал редкое самообладание, организаторские способности, мягкость характера и твердость духа.

Все свойственные ему черты характера он проявлял с раннего детства. Каким был тогда, таким и остался. Например, будучи трехлетним ребенком, когда страдал, прятался от всех, чтобы не огорчались. (Он уже тогда болел желудком). Как-то, живя в Париже, он имел ночью столь сильный припадок, что вызванный доктор нашел нужным поехать за профессором для консультации. Сестру⁴⁶, спавшую в комнате рядом, Илья Лазаревич не позволил будить, и она узнала обо всем только утром.

Еще гимназистом И.Л. работал в меньшевистской организации, и так до самой смерти. Впоследствии он был интернационалистом. Благодаря невероятной работоспособности он совмещал с партийной работой живопись и спорт. Отличался и как художник, и как чемпион тенниса.

Илья Лазаревич много путешествовал. Всюду писал с натуры. Среди его картин есть пейзажи и Норвегии, и Египта. В разных странах он не только писал картины и участвовал в спортивных состязаниях, но не забывал и политики. В 1907 году – 20 лет – ездил в Штутгарт на конгресс⁴⁷.

В 1905 году у него на квартире произвели обыск, но благодаря присутствию духа матери ничего не нашли. Студентом 3-го курса он

был арестован⁴⁸ и просидел 8 месяцев в *Лукьяновской*⁴⁹ тюрьме в Киеве. Условия были тяжелые: тюрьма, построенная на 600 заключенных, имела 2.200 заключенных, из них 300 политических. В камерах (шириной в 6 шагов, длиной в 15 шагов) сидели по 18–20 политических или по 50–60 уголовных. Спали на столах, на скамейках, на полу. Тюрьма была на военном положении. На глазах у И.Л. солдат убил его товарища, стоявшего с книгой у окна. Солдат выстрелил в затылок, без всякого предупреждения. Бюджет на прокормление был сведен с полагающихся 10-ти копеек в день на 8 копеек. *От истощения*⁵⁰ 300 человек заболело тифом. Лежали они в три яруса. Многие умерли. Несмотря на молодость, И.Л. был назначен старостой коридора. (В коридоре было 104 человека). Он проявил в своей должности много энергии и поддерживал дух заключенных.

Сам много занимался, давал уроки; выпускал сатирический журнал, в котором все рисунки и почти все статьи были его. Ничто не могло нарушить его спокойствия и прекрасного настроения. Огорчало его только то, что он причиняет родителям неприятности, и он винил себя в этом.

Он пишет сестре: «Через 4 дня суд⁵¹ и придется ...купить шубу. Бедные родители. Они волнуются. А я спокоен, как всегда. Ты, ведь, знаешь, что это так. Несколько лет тюрьмы или ссылки мне ничуть не кажутся неприятными».

После суда он пишет родителям: «Я был в ужасно хорошем и веселом настроении на суде, и мне было как-то смешно, что вы все такие серьезные и важные. Впрочем, настроение духа будет у меня всегда веселое – будет ли суд во вторник или среду, в марте или мае».

В другом письме стоит: «Живу здесь, как в *Grand Hotel*'е. Было бы, право, хорошо, если бы вы поверили и вняли и не волновались. А то мне стыдно, что я над собой не плачу и не горюю. Такой уж я нечувствительный. Ведь как подумаю, над чем мне горевать, так и сам не знаю. Кажется, ничего печального не случилось. Если бы, если бы только это касалось меня одного!»

Его защищать приезжал блестящий *московский* адвокат Николай Васильевич Тесленко⁵².

Благодаря ли ему или же тому, что И.Л. не был совершеннолетним, удалось получить «выдачу на поруки». Внесение потребованной крупной суммы означало – выезд⁵³ за границу. Первым этапом И.Л. был Мюнхен, где он вместе с сестрой поступил в школу живописи. Преподаватель считал недопустимым, чтобы столь одаренный художник мог не посвятить себя всецело искусству, и умолял сестру, как представительницу родителей, направить И.Л. на этот путь.

Однако, к началу учебного года И.Л. уже был в Париже⁵⁴ и поступил на юридический факультет, что не мешало ему ни заниматься политикой и социальными вопросами, ни читать лекции по искусству, ни продолжать учиться живописи... и даже танцевать.

В Париже И.Л. познакомился со своим двоюродным братом, писателем Ильей Эренбургом⁵⁵, тогда восемнадцатилетним юношей⁵⁶. Впоследствии, благодаря одному и тому же имени, случилось, что принимали одного за другого⁵⁷. До того⁵⁷ что как-то серьезный социалистический журнал, посвятив большую статью писателю, вставил в его биографию все данные, собранные об И.Л., соединив их в одном лице⁵⁸. Между ними было мало общего. Художник Эренбург был меньшевиком (по партийной работе Климов); писатель Эренбург, попавший мальчиком в тюрьму за участие в большевистской организации, отошел от политики. Двоюродные братья, оба выпущенные⁵⁹ «на поруки», очутились в Париже⁶⁰. Здесь они вместе задумали и осуществили художественное⁶¹ кабаре (sic!)⁶².

**Рисунок А.Бенуа
на книге своих воспоминаний,
подаренной И.С.Гурвичу**

Оба они сотрудничали в журнале «Гелиос»⁶³, созданном поэтом Оскаром Лещинским, который впоследствии был комиссаром и был расстрелян большевиками⁶⁴. Кроме самого Лещинского и Эренбургов (Ильи Григорьевича, Ильи Лазаревича и его сестры Наталии Лазаревны) принимали участие в журнале Луначарский⁶⁵ и Тугендхольд⁶⁶.

Кончив Университет⁶⁷, сдав докторат, Илья Лазаревич стал больше времени посвящать журналистической работе. Мечтой его было создание партийного журнала. Отец согласился финансировать «Современный Мир»⁶⁸. У Ильи Лазаревича состоялась встреча его отца с главарями партии, и все было решено. Война 1914⁶⁹ года не дала журналу осуществиться⁶⁹.

Остаться во Франции во время войны человеку молодому и штатскому стало невозможным. Эмигранты шли в армию добровольцами: шли⁷⁰ защищать республику. Это не соответствовало убеждениям Ильи Лазаревича.

Он всецело отдался политической работе. Пришлось перебраться в Швейцарию. Жил в Лозанне, потом в Женеве. Здесь его застала Революция. Он бросил жену с ребенком. Как сделали это Ленин и Мартов – поехал в Россию в запломбированном вагоне⁷¹.

Уезжая, писал: «Займусь, конечно, политической деятельностью, газетой и журнальной работой. Надеюсь, что теперь удастся поставить журнал, как я собирался давно».

Он не подозревал, что выйдет по-другому.

Убийения человека другим человеком – он не допускал.

В стрельбе, как и во всех других спортах, он был очень силен – еще маленьким был первоклассным стрелком, но стрелял только в мишень, отказываясь убивать птиц. Трагическим противоречием было для Ильи Лазаревича работать заодно с большевиками, бороться с ними вместе, а не против них.

Другим трагическим противоречием была – любовь к родителям (принадлежали они к кадетской партии), с деятельностью, направленной против них.

В Петербурге он поселился в родительской квартире (они сами застряли в Кисловодске, где проводили лето)⁷², и перевел туда партийный комитет⁷³.

В 1918 году он переезжает в родной Харьков, где интенсивно работает. Спит не больше 3х-4х часов в сутки, и, как он пишет, «не всегда удается пообедать».

Открывает свою мастерскую, где принимает частных учеников и учеников Цеха⁷⁴. (У него учился художник Манэ-Кац (sic!)⁷⁵, уехавший затем в Париж. *Манэ-Кац очень ценил*⁷⁶ его, и как человека, и как преподавателя)⁷⁷. Заведует художественной школой для красноармейцев и рабочих и преподает там по утрам. Днем корректирует в мастерской художественного Цеха, где состоит «мастером Цеха», а также членом Совета Мастеров и членом делового Совета. Там же состоит в Президиуме, в жюри живописно-скульптурного отдела⁷⁸. Для Цеха много работы, не считая плакатов, эскизов костюмов, декораций⁷⁹. Сперва служил ночным выпускающим в местной газете, потом стал заведующим художественной частью журнала художественного Цеха «Творчество»⁸⁰ и членом редакции этого журнала. Там же пишет статьи и помещает концовки, заставки и фронтистики. Пишет тоже в местной газете и в марксистском журнале⁸¹. Заведует культурно-просветительным клубом в артиллерийском училище, т.е. заведует библиотекой, сценой, вечерами, кружками (литературным, спортивным и др.). Люди, выдавшие Илью Лазаревича в Харькове в этот период, недоумевают: как это сын богатых родителей ходит в отрепьях, в сильный мороз носит летнее пальто? Удивляться было нечему, ибо он отдавал охотно другим и деньги, и вещи.

6-го июля 1919 г. Илья Лазаревич пишет *жене*⁸²:

«Еду на фронт. Наша партия мобилизована, даже несмотря на то, что наш Центральный Комитет сидит в тюрьме. Но дело идет не о защите большевиков, а о защите революции, хотя бы и изуродованной.

Признаться, мне этот поход будет отдыхом. Еду с артиллерийским училищем, где заведовал уже 2–3 месяца клубом и сдружился с молодежью». *Родителям пишет всего только: «Иду на фронт. Поручаю вам Веру»⁸³.*

Прошел год, в течение которого *они*⁸⁴ не получали писем.

11-го августа 1920 года он, наконец, пишет и это письмо было его последним письмом к ним.

«Вы все должны были считать меня погибшим. Было недалеко до того, но все-таки эти известия оказались, как говорил Марк Твэн, сильно преувеличенными. Правда, я был на фронте, и на самом фронте, а не в тылу, получил награду за боевые отличия (серебряные часы), был близок к смерти, но... она меня миновала. Был болен сыпным тифом.

Выздоровел и даже поправился пуще прежнего. Нужно сказать, что поход мне, как туристу⁸⁵, ничего, кроме пользы, не принес. Там, где остальные падали от изнеможения, для меня было моционом. Пришлось на фронте также режиссировать и играть: так что можете меня видеть в новой роли – актера. Теперь продолжаю от времени до времени эту профессию. Сейчас пять месяцев жил в Александровске⁸⁶».

За этим, столь лаконичным изложением того, что его лично касается, письмо продолжается. Длиннейшее описание деятельности в Александровске, создания школы, работы в подъяотделе (sic!) искусстваа и т.д.

Илья Лазаревич пишет: «Создал очень крупное дело. Открыл студии драмы, живописи, скульптуры, балета, музыки и пр... Был председателем художественного Цеха⁸⁷. Писал театральные декорации и плакаты.

Во время эвакуации Александровска Илья Лазаревич попал на курорт Славянск⁸⁸ и продолжал здесь столь же интенсивно работать. За 4 дня и столько же ночей он с двумя другими художниками расписал станцию и весь парк Славянска, всего 668 квадратных аршин. Работой своей не всегда был доволен. Например, «когда надо было написать за десять минут на стене зрительного зала курзала портрет Маркса чуть ли не в 2 на 2 1/2 аршина⁸⁹».

Последнее письмо, полученное от Ильи Лазаревича, было от 11-го августа 1920 года.

В январе 1923 года сестра Ильи Лазаревича написала в Александровск в Наробраз⁹⁰, запрашивая, не знают ли⁹¹ о его судьбе. Ее письмо попало случайно в руки журналиста Николая Варламова

(работал в местной газете «Красное Запорожье»), который поспешил прислать настоящий отчет о жизни Ильи Лазаревича в период: конец февраля – июль 20-го года. Они встретились по прибытии Ильи Лазаревича в Александровск и не расставались больше, до того момента, когда Илью Лазаревича увели казаки.

Приводим некоторые выдержки из длиннейшего письма Варламова:

«Меня назначили Зав. II/Отд. Искусств, а Илью – моим Заместителем и Зав. Секцией Изобразительных Искусств. В то же время мы работали в Художественном Цехе. По студиям Цеха числилось без малого тысяча учеников – работа в буквальном смысле кипела, педагоги умели не только “загораться”, но и зажигать своих студийцев.

«Илья всюду был центром внимания, толкачем, вдохновителем. Необходимо отметить, что и студийцы, и служебный персонал Цеха обожали его, как институтки. Да оно и понятно. Илья в самом деле был какой-то обаятельный. И продуктивность работ Цеха, а особенно студий Изобраз. Искусств, необходимо всецело отнести за его счет. Благодаря ему, празднование 1-го мая в 20-м году было проведено в чрезвычайно красивой обстановке.

«В июне месяце мы эвакуировались в первый раз. Попали на Славянск-курорт.

В июле нас вызвали обратно в Александровск. В дороге мы оба заболели: Илья – острым катаром желудка, я – брюшным тифом. А в скором времени началась вторая эвакуация.

Нас, как больных, поместили в военно-санитарную летучку. Отъехали недалеко от Александровска. Возле ст. Софиевка⁹², верстах в 25 от Александровска, наш эшелон, шедший первым, остановился.

Еще раньше, подъезжая к станции, мы слышали редкую пушечную пальбу и стрекотание пулеметов».

Следует описание нападения казачьего разъезда на поезд и ответного обстрела артиллерией красных.

«Снаряд разорвался в соседнем вагоне. Убил кашевара, поранил сиделку и санитаря. Медицинский персонал разбежался. С нами осталось только двое санитаров.

«Как только аэропланы улетели, прискакали казаки. Сначала громили вагоны со складом белья, продуктов и т.д. Затем принялись за нас, очистили буквально все. На некоторых из нас осталось только нижнее белье. Корзинки, баулы, чемоданы, одеяла, даже подушки и полотенца забрали.

«Белые умчались быстрым аллюром. На прощание пообещали: «Мы еще навестим вас. Пошупаем жидов да коммунистов».

«Мы остались одни. В вагоне умирали больные дизентерией и тифом, кончались раненые. Некому было выносить трупы. Илья

подговорил двух-трех красноармейцев убрать в вагоне. И они начали выносить трупы, чистить пол, скамьи. На освободившиеся от мертвецов места вползали и ложились новые раненые, прятаясь в канавах от казаков. Илья нашел в себе силы ухаживать за всеми, кто только нуждался в помощи. А нуждались в ней все. Все жаждали пить. И тут же увещевали друг друга: – “Нам нельзя пить сырую воду, а кипяченой нет”.

«Где взять воды? И во что? У нас не было даже ведра. И вот Илья разжег небольшой костер возле вагона и принялся кипятить воду в двух котелках.

«На следующее утро появились казаки: урядник и несколько калмыков. Пошарили, забрали недограбленное накануне, спросили есть ли евреи. Евреев в вагоне было человек шесть, но вагон дружно ответил: “Нет ни одного”».

Илюша же сам сказал, что он еврей. “Имел несчастье родиться таковым”⁹³.

– Ты что комиссар?

– Нет, я не комиссар. Я художник. Пишу картины, и актер, играю на сцене.

«Калмыки требовали, чтобы Илью немедленно вывели в расход, потому что “больно хороши сапоги”. Урядник, узнав о том, что он знает французский и немецкий, решил его увести в штаб.

«Красноармейцы упрашивали его оставить: “Уж очень он хороший человек”. Его увели. Выстрела не последовало. Трупы мы тоже не нашли».

Судьба Ильи Лазаревича остается загадочной, ибо есть другая версия, сообщенная несколько лет спустя⁹⁴ Лидией Николаевной Лещинской, женой поэта Оскара Лещинского, которого Илья Лазаревич хорошо знал в *Париже*. С ней же он никогда не встречался⁹⁵.

Рассказ ее был принят за вымысел, хотя спрашивается, откуда она черпала вполне правильные сведения о нем?⁹⁶

Лидия Николаевна утверждала, что познакомилась с Ильей Лазаревичем в Москве, куда он будто бы приехал из Донецкого бассейна с мандатом на съезд школьных и внешкольных работников, и откуда уехал в Сибирь, 13-го или 14-го января 1921 года с поездом имени Калинина. Уехал в качестве инструктора. Тем же поездом ехал инструктор некий Вишневский. Ссылаясь Лещинская на ряд лиц, с которыми Илья Лазаревич будто бы встречался во время пребывания в Москве, давала их адреса или указывала где их разыскивать: говорила, что в архиве Наркомпроса можно было бы достать список инструкторов, уехавших с этим поездом⁹⁷, но не знала, записан ли был Илья Лазаревич под именем «Илюши» или «Климова». Для подтверждения ее слов, советовала обращаться к следующим лицам:

Илья Исаевич Средников, инженер научно-технического отдела ВСНХ, Москва, Мясницкая, 1.

Натан Венгеров⁹⁸, поэт. Заведовал отделом инструкторов в Наркомпросе.

Александр Шингарев – художник (из Парижа). Работал в 20^м и 21^м годах в Донецком бассейне в одном из Политпросветов.

Давид Петрович Штернберг⁹⁹ в Охотр.

Анатолий Васильевич Луначарский¹⁰⁰. Благодаря тому, что было известно, что с двумя последними Илья Лазаревич часто встречался раньше за границей, ее утверждения приобретают некоторую правдоподобность.

Не такие были времена, чтобы обращаться к людям за справками о ком бы то ни было. Кроме того, *рассказ Лещинской был принят за вымысел. Ведь, все знали, что Ильи Лазаревича уже давно нет в живых*¹⁰¹.

В Александровске были уверены, что Илья Лазаревич погиб, даже если казаки не убили его на месте (прошли годы, а он не объявлялся)¹⁰². В Харькове, пропавшего Илью Лазаревича считали убитым снарядом, ибо кто-то «своими глазами видел», как в санитарную летучку попал снаряд (а попал он в соседний вагон).

*За границей семья не имела от него известий. Последним пришло письмо от 11го августа 1920го года, письмо которое их тогда несколько успокоило. Из него они узнали, что с фронта он вернулся жив и невредим, что перенес сыпной тиф, после чего жил пять*¹⁰³ *месяцев в Александровске. Думали, что письмо шло из Харькова. Только сейчас, через сорок пять лет, сопоставляя числа, выясняется, что письмо было написано не до событий, описанных Варламовым, а после.*

Будь это известно, когда явилась Лидия Николаевна, ей бы поверили.

*Неизвестно как кончил жизнь Илья Лазаревич. Сестра его еще жива и просит лиц, знающих что-либо сообщить об этом в редакцию*¹⁰⁴.

Которая из двух версий соответствует действительности? Уехал ли в январе 1921го года в Сибирь или же уже погиб летом 1920го года под Александровском?

За версию Лещинской говорит то обстоятельство, что у нее об Илье Лазаревиче бесспорно точные сведения, которые ей неоткуда было бы черпать, не будь она с ним знакома.

*Версия Варламова гарантируется личностью*¹⁰⁵ *человека. Ему нельзя не верить хотя бы потому*¹⁰⁶ *что решительно все, что писали Варламов и Илья Лазаревич согласуется. Они рассказывали о жизни в Александровске и Славянске – и все совпадало, но каждый из них рассказывал по-своему.*

Варламов писал пространно, патетично и несколько витиевато. Илья Лазаревич – кратко, лаконично, с никогда не покидавшим его юмором.

Надо думать, что фраза Ильи Лазаревича «был близок к смерти, но она меня миновала», резюмирует длинное повествование Варламова.

Характерным для Ильи Лазаревича было не распространяться о своих бедах и мытарствах¹⁰⁷.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рис. 1. А.Н.Бенуа и И.С.Гурвич (март 1950 г., Париж). Фотогр. Э.Маркевича¹⁰⁸.

Рис. 2. Тетрадь №1. Л.<10>. В.Родченко. <Портрет В.Ф.Зеелера>.

Рис. 3. Рисунок Александра Бенуа на книге своих воспоминаний, подаренной И.С.Гурвичу¹⁰⁹.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Российская еврейская энциклопедия. Т.1–3. М.: Эпос, 1994–97.
2. Незабываемые могилы: Российское зарубежье: Некрологи 1917–1997: В 6 т. / Сост. В.Н.Чуваков. Т.1–3. М.: РГБ, 1999–2001.
3. Александр Бенуа размышляет... / Подгот. изд., вступ. ст. и коммент. И.С.Зильберштейна и А.Н.Савинова. М.: Сов. худ., 1968. 752 с. (Экз. из б-ки И.Лемперта).
4. Лейкинд О.Л., Махров К.В., Северюхин Д.Я. Художники Русского Зарубежья: 1917–1939: Биограф. слов. 2-е изд. СПб.: Нотабене, 1999. 717 с.
5. Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940 / Под ред. Е.П.Чельшевой, Д.М.Шаховского: В 2 кн. М.: Наследие, 1994.
6. Розенталь Л.В. Непримечательные достоверности / Публ. Б.Розинского // Минувшее: Ист. альм. №23. СПб.: Atheneum–Феникс, 1998. С.18, 62, 132, 147.
7. Лансере Евгений Александрович // БСЭ. 3-е изд. Т.14. М.: СЭ, 1973. С.148.
8. Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции: Первая треть XX века: Энцикл. биограф. слов. М.: РОССПЭН, 1997. 749 с.
9. Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1920–1940, Франция: В 4 т. / Под общ. ред. Л.А.Мнухина. М.: ЭКСМО; Paris: YMCA-Press, 1995–97.
10. Литературная энциклопедия Русского Зарубежья (1918–1940): Периодика и литературные центры. М.: РОССПЭН, 2000. 640 с.
11. То же: Писатели Русского Зарубежья. Там же, 1997. 512 с.
12. Яновский В.С. Поля Елисейские: Книга памяти / Предисл. С.Довлатова. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. 278 с.
13. Евреи России – иммигранты Франции. М.: Мосты культуры; Париж; Иерусалим: Гешарим, 2000. 416 с.
14. Вакар Н.П. Дневник: 1938–1940 / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. О.Р.Демидовой // Минувшее: Истор. альм. №24. СПб.: Atheneum–Феникс, 1998. С.553–644.

15. Юбилейный сборник газеты «Последние новости»: 27 апреля 1920–1930 гг. Париж, 1930. 64,[2], XXX с. (Экз. из б-ки И.Лемперта.)
16. Русские писатели 20 века: Биогр. слов. М.: БРЭ; Рандеву-АМ, 2000. 808 с.
17. Русские писатели 1800–1917: Биогр. слов. Т.1–4. М.: БРЭ; Фанит, 1989–99.
18. Политическая история русской эмиграции: 1920–1940 гг.: Док. и материалы / Под ред. *А.Ф.Коновалова*. М.: Владос, 1999. 776 с.
19. Словарь поэтов Русского Зарубежья / Под общ. ред. *В.Крейда*. СПб.: Изд-во Русск. Христианского гуманит. ин-та, 1999. 472 с.
20. L'Émigration russe en Europe: Catalogue collectif des périodiques en langues russe / Etabli par *T.Ossorguine-Bakounine*. 2 t. Paris: Institut d'études slaves, 1976–77.
21. *Янгиров Р.* Киностатист как зеркало русской революции // Минувшее: Истор. альм. №16. М.; СПб.: Atheneum–Феникс, 1994. С.331; *Амфитеатров-Кадашев В.* Страницы из дневника / Публ. *О.Р.Демидовой* // Там же. 1996. №20. С.467, 606.
22. Политические деятели России 1917: Биогр. слов. М.: БРЭ, 1993. 432 с.
23. Отечество: История, люди, регионы России: Энцикл. слов. М.: БРЭ, 1999. 800 с.
24. История издания одной книги: Переписка А.А.Ханжонкова с В.Е.Вишневым / Публ. *В.Мыльникова* // Минувшее: Истор. альм. №10. Paris: Atheneum, 1990. С.463.
25. Dictionnaire Nationale des communes de France. Paris: Albin Michel; Berger-Levrault, 1984. P. 259, 673, 893.
26. Диаспора: Новые материалы. II. СПб.: Феникс, 2001. С.740.
27. *Осоргин М.* «Мы можем быть только летописцами...»: Письма М.Осоргина А.Полякову (1940–1942) / Публ. *О.Демидовой* // Диаспора: Новые материалы. I. Париж: Atheneum; СПб.: Феникс, 2001. С.422–476.
28. *Фрезинский Б.* Скращения судеб, или Два Эрэнбурга (Илья Григорьевич и Илья Лазаревич) // Там же. С.145–178.
29. *Фрезинский Б.* Илья Эрэнбург в Киеве: 1918–1919 // Минувшее: Ист. альм. №22. СПб.: Atheneum–Феникс, 1997. С.248–250.
30. Писатели современной эпохи: Биобиблиограф. слов. писателей XX века / Ред. *Б.Л.Козьмин*. Т.1. М., 1928. С.276. (Труды Гос. Акад. Художеств. Вып.1); Эрэнбург Илья Григорьевич / *Г.А.Белая* // БСЭ. 3-е изд. Т.30. М.: СЭ, 1978. С.233.
31. Интернационал 2-й / *И.С.Галкин* // БСЭ. 3-е изд. Т.10. М.: СЭ, 1972. С.325–328.
32. *Эрэнбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. Кн. I. М.: Худ. лит., 1966. С.15–16. (Собр. соч.: В 9 т. Т.8).
33. Меньшевики в 1917 году: В 3 т. Т.2–3. М.: РОССПЭН, 1995–97.
34. Тугендхольд Яков Александрович // БСЭ. 3-е изд. Т.26. М.: СЭ, 1977. С.288.
35. *Лейкинд О.Л., Северюхин Д.Я.* Золотой век художественных объединений в России и СССР: 1820–1932: Справ. СПб.: Изд-во Чернышева, 1992. 400 с.
36. *Суварин Б.* Солженицын и Ленин: «Ленин в Цюрихе» с исторической точки зрения // Время и мы. 1977. №23. С.153; *Пайнс Р.* Русская революция. М.: РОССПЭН, 1994. Ч.1. С.6; Ч.2. С.60–66; *Senn A.E.* New documents on

Lenin's departure from Switzerland, 1917 // Internat. Review of Soc. Hist. Vol.19. 1974. P.245–276; *Шишкин М.* Русская Швейцария: Лит.-ист. путеводитель. Zürich: Pano Verlag, 2000. С.272–274.

37. Писатели – о себе / *Илья Эренбург* // Новая Русская книга. 1922, апр. № 4. С.43–45.

38. Славянск // БСЭ. 3-е изд. Т.23. М.: СЭ, 1976. С.551; Славянские минеральные озера, Славянск // Энцикл. слов. Т.30. СПб.: Брокгауз–Ефрон, 1900. С.332–333, 348.

39. Софиевка // Там же. С.955.

40. Писатели: Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918–1921 гг. // Русская книга. 1921, май. № 5. С.20; *Богомолов Н.А.* Материалы к библиографии русских литературно-художественных альманахов и сборников: 1900–1937. Т.1. М.: Латерна-Вита, 1994. С.56–57, 84, 90–91, 93, 98–99, 342.

41. Венгров Натан // Краткая лит. энцикл. Т.1. М.: СЭ, 1962. Стб.910; The National Union Catalog Pre-1956 Imprints. Vol.632. Mansell, 1979. P.407–408.

42. Штеренберг Давид Петрович // БСЭ. 3-е изд. Т.29. М.: СЭ, 1978. С.495; Bénézit E.: Dictionnaire critique et documentaire des peintres, sculpteurs, dessinateurs et graveurs. Nouv. éd. Т.3. Paris: Librairie Gründ, 1976. P.23.

43. *Бенуа Александр.* Жизнь художника: Воспоминания. Т.1. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. 414 с. (Экз. из б-ки И.Лемперта.)

¹ По-видимому, сын профессора, редактора древнееврейского отдела изд-ва «Клал-Ферлаг», одного из осн. рук. «Гистадрут Иврит» Саула Вениаминовича Гурвича (1860, Уваровичи, Могилев. губ. – 8.8.1922, Берлин) [1, I, с.393; 2, II, с.274; 3, с.593, 594, 697], *РЕВЗ*:6. По воспоминаниям И.Лемперта, И.С.Гурвич рассказывал о своей жизни в Копенгагене, а также о том, что одно время пел в ресторане вместе с Вертинским. Обладая хорошим голосом, И.С.Гурвич исполнял старинные романсы и даже записал одну пластинку. См. «Евреи в культуре Русского Зарубежья», далее *ЕВКРЗ*:1.

² «La Coupole», 102 bd Montparnasse.

³ А.А.Бенуа (1895–1984), жена художника Ю.Ю.Черкесова (1900–1943) [4, с.603–604; 5, II, с.428; 6].

⁴ Бронза скульптора Евгения Александровича Лансере (12/24.8.1848–23.3/4.4.1886), ряд работ которого тиражировался на Каслинском литейном з-де [7].

⁵ С.П.Дягилев (19.3.1872–19.8.1929) и И.Ф.Стравинский (5.6.1882–6.4.1971) похоронены на православной части кладбища на о-ве Сан-Микеле в Венеции, хотя последний умер в Нью-Йорке [5, II, с.488, 505; 8, с.223–227, 601–603], *ЕВКРЗ*:1–4, 7.

⁶ И.С.Гурвич умер 29 сентября 1974 г. в Париже и был похоронен на кладбище Банье [2, II, с.273]. И.М.Лемперт принимал участие в организации похорон.

⁷ Зеелер Владимир Феофилович (6.6.1874–27.12.1954, Париж), адвокат, политич. деятель, журналист; министр внутр. дел в правительстве Деникина (1919–20); член Русского эмигрантского комитета; секретарь Союза русских

писателей и журналистов в Париже, казначей объединения русских адвокатов во Франции; в годы оккупации арестован нацистами, содержался в концлагере; член редакции «Русской мысли». Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа [2, II, с.602; 9, IV, с.145; 10, с.608; 12, с.262; 13, с.400; 14], *ЕВКРЗ*:4–6. В альбоме №1 хранится вырезка из газеты «Русская мысль» №723 от 29.12.1954 с извещением о его смерти и отпевании в Александро-Невском храме. Портр. [15, с.XI].

⁸ По нашим подсчетам, в альбоме 32 собственно альбомных нумерованных листа, остальные подклеены позже. Им при публикации дана литературная нумерация.

⁹ Поль Владимир Иванович (1.1.1875, Париж – 21.6.1962, Париж), пианист, композитор, педагог, художник [8, с.506; 9, IV, с.274; 10, с.526; 11, с.297–300].

¹⁰ Вера (1872–1948), дочь И.Е.Репина от первого брака [4, с.486–489]. Рис. в альбоме (вклеен) датируется 1927 г.

¹¹ Нилус (Нилус-Словенский) Петр Александрович (29.6/11.7.1869, Бушены Подольск. губ. – 23.5.1943, Париж), живописец, литератор [4, с.442–443; 8, с.620; 9, IV, с.251; 17, IV, с.333–335], *ЕВКРЗ*:1, 4.

¹² Среди вклеенных позже листов встречаются датированные 1942 годом.

¹³ Две карикатуры, датруемые 1939 г.; М.С.Линский – фельетонист и карикатурист, ред. сатирич. ж. «Барабан» (СПб., 1917–18) и «Бич» (Париж, 1920); секретарь (1920) и автор «Последних новостей» [9, I, с.11; IV, с.207; 13, с.204; 20, I, р.109; 21], и, по сообщению И.Лемперта, автор парижского ж. «Иллюстрированная Россия» (см. о журнале [10, с. 179–184] и *ЕВКРЗ*:2). В словаре «Художники Русского зарубежья» [4] отсутствует. В *ЕВКРЗ* упоминаются художники-карикатуристы: в т.4 – М.Линский, а в т.3 – И.Линский, расстрелянный нацистами (в именном указателе отсутствует, с.158). Нет ли здесь какой-либо ошибки, ибо была еще певица Ирина Линская [9, IV, с.207]. Портр. см. [15, с.XV].

¹⁴ Евсеев Николай Николаевич (1.8.1891, Борисоглебск Тамбов. губ. – 6.2.1974, Ганьи, ок. Парижа), поэт [2, II, с.473; 9, III, с.569, 611; 10, с. 607; 11, с. 163–164; 19, с.99–100], *ЕВКРЗ*:4.

¹⁵ Кизеветтер Александр Александрович (10/22.5.1866, СПб. – 9.1.1933, Прага), историк, публицист [2, III, с.268; 5, II, с.491; 8, с.291–293; 9, IV, с.168; 22, с.149–150], *ЕВКРЗ*:1–3, 5, 6.

¹⁶ Евреинов Николай Николаевич (13/25.2.1879, Москва – 7.9.1953, Париж), драматург, режиссер, теоретик и историк театра [2, II, с.471; 5, II, с.489; 8, с.232–233; 9, IV, с.133; 10, с.607; 11, с.162–163], *ЕВКРЗ*:1–4, 6.

¹⁷ Чириков Евгений Николаевич (24.7/5.8.1864, Казань – 18.1.1932, Прага), прозаик, драматург, публицист [5, II, с.509; 8, с.699–700; 9, IV, с.368; 10, с.633; 11, с.439–441; 16, с.744–745], *ЕВКРЗ*:1–3.

¹⁸ Маклаков Василий Алексеевич (10.5.1869, Москва – 15.17.1957, Баден, Швейцария), адвокат, один из лидеров партии кадетов, в 1917 г. посол во

Франции, с 1924 г. – пред. Эмигрантского ком. [5, II, с.495; 9, IV, с.217; 10, с.616; 22, с.201–202; 23, с.346], *ЕВКРЗ*:1–7.

¹⁹ Запись не датирована. Судя по датировкам соседних, сделана в июле 1928 г. Шестов Лев Исаакович (Шварцман Иегуда Лейб, 31.1.1866, Киев – 20.11.1938, Париж), философ-экзистенциалист, проф. Парижского ун-та [1, III, с.389; 5, II, с.510; 8, с.713–715; 9, IV, с.375; 10, с.633; 11, с.449–452; 13, с.407], *ЕВКРЗ*:1–7.

²⁰ Сергей А. Френкель. В 1908 г. организовал контору по прокату, копированию и обработке киноплёнки. В «Хронике»: «Френкель С.А. (деят. культ., кино, инж., литер.)». 9 марта в Союзе молодых поэтов и писателей, а 29 марта 1929 г. в Студенческом клубе при РСХД зачитывал свои переводы П.Верлена [9, I, с.543, 551; IV, с.355; 24]. По сообщению поэта и литературоведа М.Яснова (дек. 2001), ему встречались переводы С.Френкеля, находившиеся скорее на любительском, чем на профессиональном, уровне.

²¹ Речь идет о Союзе русских писателей и журналистов в Париже (1920–40), секретарем которого был владелец альбома Зеелер. Годовые собрания проходили в конце зимы – начале весны: в феврале 1926, 27.2.1927, 31.3.1928. По-видимому, спародировано совершенно конкретное собрание, достаточно близкое по датам к записи в альбоме [9, I, с.238–239, 315, 438; IV, с.525; 10, с.457–460].

²² Яков Львович Рубинштейн, юрист, литератор, общ. деятель, бывш. член правления Нансеновского офиса при Лиге Наций. Известно, что 27.2.1927 именно он председательствовал на годовом собрании Союза [9, I, с.315; IV, с.297; 13, с.99; 14; 22, с.389], *ЕВКРЗ*:2.

²³ Милуков Павел Николаевич (15.1.1859, Москва – 31.3.1943, Экс-ле-Бен, Франция), политический деятель, один из лидеров партии кадетов, министр Временного правительства, историк, гл. ред. (1921–41) газ. «Последние новости», с 1921 г. председатель Союза [5, II, с.497; 8, с.415–417; 9, IV, с.233; 10, с.617; 18, с.750–751; 13, с.402; 22, с.214–219], *ЕВКРЗ*:1–7.

²⁴ Если речь идет о собрании 1927 г., то казначеем в предыдущий год был экономист и литератор проф. Александр Михайлович Михельсон (1885–?) [5, II, с.497; 9, I, с.238–239; IV, с.236, 512; 10, с.279;], *ЕВКРЗ*:1,3,6,7. Его карандашный портрет руки Михаила Осоргина (1.8.1928, Париж) имеется на л.<7> альбома №1 – на полях его же автографа, в котором о Михельсоне ни слова. Портр. см. [15, с.XVII].

²⁵ Мельгунов Сергей Петрович (25.12.1879, Москва – 26.5.1956, Шампньи-Сюр-Марн, ок. Парижа), историк, публицист, политич. деятель, редактор, издатель [5, II, с.496; 8, с. 403–405; 9, IV, с.228–229; 10, с. 617; 18, с.750; 22, с.212–213], *ЕВКРЗ*:1, 3–5.

²⁶ Самуил И. Левин, журналист и обществ. деятель [9, IV, с.201], *РЕВЗ*:6.

²⁷ Владелец альбома В.Ф.Зеелер. Сравни с публикуемым портретом.

²⁸ В биографиях Саши Черного [8, с.689–692; 11, с. 432–435; 16, с.741–742] подробно описаны обстоятельства и место его смерти – Ла Фавьер на юге Франции, и место захоронения – Лаванду. В «Словаре поэтов Русского

Зарубежья» место смерти ошибочно указано как «Лаванду» [19, с.262]. В целом речь идет о Le Lavandou на юге департамента Var в кантоне Collobrières и о La Favière ? ä?партаменте Alpes-de-Haute-Provence. Ла Фавьер чрезвычайно маленький нас. пункт, не имеющий ныне даже статуса коммуны (входит в коммуну Prads-Haute-Bleone, недалеко от г. Digne) и находящийся не только в другом департаменте, но и далеко от кантона Collobrières [25]. Впрочем, и Ле Лаванду не город. По-видимому, у А.Спиридоновой, указывающей, что «Ла Фавьер (близ г. Лаванду)» [8, с. 692; 16, с.742], не было возможности свериться с географическими источниками.

²⁹ Т.И.Полнер, редактор, обществ. деятель, чей автограф, посвященный Л.Н.Толстому и сделанный 14.9.1928 в Париже, находится на л. <15а> [9, IV, с.228–229; 10, с. 623], *ЕВКРЗ*:1. Из контекста [13, с.99] следует, что Тихон Иванович также еврей.

³⁰ А.А.Кизеветтер (см. выше), чей автограф, посвященный Л.Н.Толстому и сделанный в 27.9.1928 в Белграде, находится на л.<16>.

³¹ Любопытные строчки, касающиеся навыков ныне забытой «альбомной», салонной культуры.

³² Машинописный текст на двух листах (обороты чистые) плотной бумаги, сложенных вдвое. Написан по старой орфографии. Рукописные вставки – черными чернилами.

³³ Владимир Андреевич Могилевский (1880 – не ранее 1945), журналист, обществ. деятель; до 1917 – в эмиграции, по возвращении – городской голова Керчи, затем Севастополя, где редактировал газ. «Прибой». Потом снова в эмиграции. Был гл. бухгалтером и зав. конторой «Последних новостей» [9, III, с.548; 10, с.329; 12, с.250; 14; 27], *ЕВКРЗ*:1. Судя по письму, ту же финансовую функцию выполнял и в «Русских новостях». Портр. см. [15, с.XXX].

³⁴ «Русские новости» (18.5.1945 – 13.11.1970, №1–1288, Париж) еженед. газета просоветской ориентации. Основана группой бывших сотрудников «Последних новостей» с претензией на преемственность. В 1945 гл. ред. А.Ф.Ступницкий [10, с.565–567; 20, II, р.94].

³⁵ В.Маклаков опубликовал в «Русских новостях» (от 25.05.1945) одну статью («Советская власть и эмиграция») и в дальнейшем от сотрудничества воздерживался [10, с.565].

³⁶ Коновалов Александр Иванович (17.9.1875, Москва – 28.1.1949, Париж), текстильный фабрикант, пианист-виртуоз, кадет, зам. Керенского в последнем коалиционном правительстве. В эмиграции – председ. Российского музыкального об-ва в Париже [2, III, с.426; 5, I, с.132], *ЕВКРЗ*:1–3, 5. В [18, с.743; 22, с.163] ошибочно указаны дата (1948) и место (Нью-Йорк) смерти.

³⁷ Карпович Михаил Михайлович (1887/88?, Тифлис – 7.11.1959, Кембридж, США), историк, проф.; с 1917 г. в эмиграции в США; с 1946 г. – ред. «Нового журнала» [2, III, с.212; 5, II, с.491; 8, с.281–282; 9, IV, с.162; 10, с.610; 12, с.263; 13, с.45], *ЕВКРЗ*:1–7.

³⁸ Алданов женился в Берлине, где проживал в 1922-24 гг., на своей двоюродной сестре Татьяне Марковне Зайцевой, переводчице [8, с.19], *ЕВКРЗ*:5, 7.

³⁹ «Новое русское слово» (Нью-Йорк, 1910, апрель, №1 – по наст. вр.), старейшая русская газета в Америке [10, с.255–258], *ЕВКРЗ*:5.

⁴⁰ Александр Абрамович Поляков (1879–1971/70?/), юрист, журналист, сотрудник «Последних новостей», «Сегодня» и, затем, «Нового русского слова» [9, II, с.43; 12, с.268; 14], *ЕВКРЗ*:3–7.

⁴¹ Яков Моисеевич Цвибак, псевд. «Андрей Седых» (1/14.8.1902, Феодосия – 8.1.1994, Нью-Йорк), журналист, писатель, литературный критик. С 1920 г. жил во Франции, с 1942 – в США. Сотрудник «Нового русского слова» с 1942, его гл. ред. – с 1973 [1, III, с.37–38; 5, II, с.503; 8, с.571–572; 9, IV, с.307; 10, с.626; 11, с.352–353; 14; 19, с.457], *ЕВКРЗ*:1–7.

⁴² Волков Николай Константинович (25.11.1875, Вологда – 30.1.1950, Париж), агроном, политич. деятель, представит. Деникина в Сибири, в эмиграции – директор-распорядитель «Последних новостей» [2, I, с.608; 9, IV, с.84; 14; 27], *ЕВКРЗ*:3.

⁴³ Машинописный текст на 13 стр., каждая заканчивается отточием; вторая копия на тонкой бумаге с рукописными вставками и вклейками. Черновая рукопись статьи, над которой еще продолжалась работа. Текст явно оборван, отсутствует последняя страница с завершающими фразами и подписью.

Эту статью в 1993 г. видел у Лемперта Б.Фрезинский, о чем он пишет: «Ксерокс машинописи неподписанной и незавершенной биографии И.Л.Эренбурга (возможно, принадлежащей перу Б.И.Николаевского) прислан автору Дж.Рубенстейном; эта биография основана лишь на тех материалах, которые хранятся в фонде Б.И.Николаевского в Гуверовском институте; текст этой же самой биографии был показан мне И.Лемпертом в Париже в 1993 г.» [28, с.146]. И.Лемперт подтверждает этот факт и рассказывает, что в 2000 г. редактор книги «Диаспора» предлагал ему передать безвозмездно оригинал для готовившейся тогда статьи Фрезинского. Однако это тексты из личной коллекции, которые не продаются и никуда переданы быть не могут.

Б.Фрезинский считает, что материалы, касающиеся И.Л.Эренбурга и принадлежавшие Н.Л.Эренбург-Маннати, поступили в Гуверовский ин-т ок. 1963 г., когда после публикации «Люди, годы, жизнь» И.Г.Эренбурга и критики мемуаров Н.С.Хрущевым возник интерес ко всему семейству. Исключение составляют последние страницы письма Н.Варламова, утерянные и обнаруженные лишь в авг. 1965 г. и тогда же процитированные Н.Л.Эренбург-Маннати в письме Б.И.Николаевскому [28, с.175, 177]. Детально анализируя на основании копий, присланных из Гуверовского ин-та, параллелизм биографий двух Эренбургов и публикуя выдержки из писем И.Л.Эренбурга, Фрезинский не публикует самой статьи, а лишь цитирует ее и пересказывает. Публикация оригинала (а, учитывая рукописную правку,

мы можем считать текст таковым), осуществленная Лемпертами, восстанавливает этот пробел.

Если предположение Б.Фрезинского верно и автором статьи является Б.И.Николаевский (ум. в 1966 г. в Нью-Йорке), то простое сопоставление дат может говорить о том, что он просто мог не успеть ее дописать, и тогда перед нами одна из последних его работ. Однако тот факт, что во Франции остался оригинал с рукописными правками, вызывает сомнение в авторстве Николаевского, проживавшего в Америке. Сличение обоих экземпляров, а также анализ почерка могли бы подтвердить или опровергнуть это гипотетическое авторство. Как нам кажется, текст писался во Франции, скорее всего, в период пика интереса к семье перед передачей материалов в Гуверовский ин-т, но тогда и сами материалы были переданы, скорее, не в 1963 г., а в начале 1965.

⁴⁴ Назван Ильей, как и два его кузена, в память о прадеде [28, с.146; 29].

⁴⁵ Лазарь Григорьевич Эренбург. Его родной брат, Григорий Григорьевич, отец писателя Ильи Эренбурга, был инженером (технологом?) [29; 30].

⁴⁶ Наталья Лазаревна Эренбург (не ранее 1888, Харьков/?/ – не ранее 1968, Париж/?/), в замужестве Маннати, младшая сестра И.Л.Эренбурга [28, с.146,168].

⁴⁷ В Штутгарте 18–24.8.1907 проходил VII Конгресс II Интернационала [31].

⁴⁸ Он был арестован 28.10.1907 [28, с.146].

⁴⁹ Напечатано «Бутырской», затем зачеркнуто.

⁵⁰ Напечатано «Вследствии чего», затем зачеркнуто.

⁵¹ Слушание дела было назначено на 21.3.1908 [28, с.151].

⁵² Тесленко Николай Васильевич (1870–1942), адвокат, криминалист, кадет. После революции – в эмиграции во Франции, тов. председ. Русского юридического об-ва, масонский деятель [9, IV, с.335; 13, с.406; 18, с.763; 22, с.314].

⁵³ Первоначально слово «*московский*» было вставлено сюда, затем зачеркнуто и перенесено на свое место.

⁵⁴ Из парижских адресов И.Л.Эренбурга можно назвать rue du Maine, 18, недалеко от вокзала Монпарнас, где он проживал в 1914 г. и где у него на какое-то время обосновался приехавший в Париж Шагал [28, с.167].

⁵⁵ Из воспоминаний И.Г.Эренбурга: «Я родился в буржуазной еврейской семье <...> Отец мой принадлежал к первому поколению русских евреев, попытавшихся вырваться из гетто. Дед его проклял за то, что он пошел учиться в русскую школу <...> Один из моих дядюшек разбогател; звали его Лазарем Григорьевичем, и жил он в Харькове. Его сын, мой двоюродный брат, Илья, стал социал-демократом, долго просидел в Лукьяновской тюрьме, эмигрировал в Париж, там занялся живописью, а во время гражданской войны пошел в Красную Армию и был убит белыми. Брат Лазаря, Борис Григорьевич, жил в Иркутске, служил на каком-то предприятии, принадлежавшем киевскому богачу Бродскому <...> удрал в Америку <...>. Млад-

ший из дядюшек, Лев, писал стихи и содержал бродячий цирк» [32]. Сравнивая тексты трех прижизненных изданий, Б.Фрезинский выяснил, что имя «Илья» появилось лишь в последнем... [28, с.175, 178].

⁵⁶ И.Г.Эренбург родился 15/27.1.1891 [30], т.е. речь идет о 1909 г.

⁵⁷ Вырезан машинописный текст и вклеен рукописный.

⁵⁸ О более поздней путанице с именами см. [28].

⁵⁹ Написанное «за» зачеркнуто.

⁶⁰ Фрезинский допускает, что в это время в Париже оказался и третий кузен – Илья Захарович Эренбург. Он же цитирует письма И.Л.Эренбурга сестре от 11.11 и 14.12.1910 о систематических встречах и яростных спорах с И.Г.Эренбургом [28, с.153, 160–161].

⁶¹ Напечатанное «заб» зачеркнуто.

⁶² Вырезан машинописный текст и вклеен рукописный. Об этом кабаре И.Л.Эренбург сообщает в письме от 11.11.1910 сестре и родным: «Дней через 10 открывается наше кабаре (sic!), которое отнимает порядочно времени» (цит. по [28, с.155,161]).

⁶³ «Гелиос. Издание коллегии художников при Русской Академии». В коллегию входили Л.Гальперин, О.Лещинский, П.Чичканов. Русская Академия располагалась в знаменитом «La Ruche» («Улей») на Монпарнасе. В дек. 1913 – янв. 1914 г. в Париже вышло два номера за нояб.-дек. 1913 г. [20, I, p.39]. История журнала, роль поэтов Оскара и Марка Лещинских, а также участие в нем трех Эренбургов – Ильи Григорьевича, Ильи Лазаревича (под псевд. «И.Эль») и Натальи Лазаревны – подробно описана Фрезинским [28, с.161–168].

⁶⁴ Российская еврейская энциклопедия дает несколько иную информацию, по которой полит. деятель Лещинский Оскар Моисеевич (1892–1919) занимался организацией Красной Армии на Сев. Кавказе; в сент. 1918 г. выбыл из Кисловодска войска ген. Шкуро; депутат 6-го Всероссийского съезда Советов (Москва); в апр. 1919 г. командирован в Дагестан в помощь подпольному обкому РКП(б); чл. обкома Дагестана; в мае 1919 г. арестован в Темир-Хан-Шуре и в августе расстрелян деникинцами [1, II, с.168]. Он, по-видимому, не сразу стал членом партии, хотя и входил в большевистскую группу содействия РСДРП в Париже в 1909 г. под кличкой «Захар» [28, с.152]. Известно, что в сент.-окт. 1917 г. в состав созданного 27(28?) сентября в Петрограде Избирательного комитета меньшевиков-оборонцев входил некто Лещинский [33, III-2, с.201]. Не о нашем ли герое идет речь? И.Л.Эренбург тоже принадлежал к партии меньшевиков, что в этом случае должно было способствовать их сближению в эмиграции. Б.Фрезинским в 1987 г. в журнале «Нева» (№4) были опубликованы воспоминания поэтессы Е.Полонской о годах, проведенных в Париже, в том числе о Русской Академии и об Оскаре Лещинском. Упоминает Лещинского и И.Г.Эренбург (см. [28, с.152, 161–162]).

⁶⁵ А.В.Луначарский для №1 написал статью «Отец художественной критики», посвященную Дидро [28, с.163].

⁶⁶ Тугендхольд Яков Александрович (5/17.12.1882, Москва – 29.11.1928, там же), худож. критик. Учился в Моск. ун-те, затем в частной худож. школе Антона Ашбе (Ажбе) в Мюнхене. В Париже проживал в 1905-13. Публиковал статьи в ж. «Аполлон» и «Современный мир» [4, с.16; 5, II, с.339; 28, с.160; 34; 35, с.32-33,113], *ЕВКРЗ*:4, 6. Не исключено, что в Мюнхене он и И.Л.Эренбург обучались в одной и той же худож. школе, хотя и с некоторой разницей во времени.

⁶⁷ Юридический факультет Сорбонны. О самом обучении И.Л.Эренбург пишет в письме сестре от 11.11.1910, цитируемом в [28, с.155].

⁶⁸ Здесь любопытно подчеркнуть, что его отец, Л.Г.Эренбург, был кадетом, а деньги, насколько можно судить по тексту, согласился давать на меньшевистское издание. Много позднее, в 1932 г., в Париже будет выходить русский эмигрантский журнал с таким же названием [20, I, р.285].

⁶⁹ Из текста можно понять, что И.Л.Эренбург так и не возвращался в Россию до революции. Но, возможно, что все-таки он в России бывал в 1911-12 гг.. В противном случае непонятно его участие в выставках группы художников «Кольцо», которые организовывались в Харькове с окт. 1911 по весну 1914 г. В саму группу он не входил [35, с.89–90].

⁷⁰ В обоих случаях напечатано и зачеркнуто «или».

⁷¹ Первый «запломбированный» (в реальности никаких пломб не было) вагон с 32 самыми нетерпеливыми эмигрантами во главе с Лениным и сопровождаемый Ф.Платтемом (19 большевиков, 6 бундовцев, 3 меньшевика-интернационалиста, а по другим сообщениям – «3 троцкиста» и дети) отошел от вокзала в Цюрихе в 15²⁰ 27.3/9.4.1917. Кроме К.Радека, они все прибыли в Петроград в 23¹⁰ 3/16 апреля. Второй поезд был отправлен 30.4/13.5.1917. Уехавшие с ним Мартов и Луначарский прибыли в Петроград 9/22 мая. Третий поезд отправился 7/20 июня [8, с.395; 22, с.181, 194, 205; 36]. Т.о. в каком поезде приехал И.Л.Эренбург, сказать сложно. Скорее все-таки во втором, с Мартовым, с которым они принадлежали к одной партии. Что касается И.Г.Эренбурга, чьи связи с РСДРП были полностью разорваны, то он добирался в Россию из Парижа через Англию вместе с сотнями других политэмигрантов (причем дата отъезда определялась жребием) и прибыл в Петроград в момент июльских событий [28, с.169; 37].

⁷² На основании справочников за 1917 «Весь Харьков» и «Весь Петроград» Фрезинский указывает, что квартиру в Петрограде имели не его родители, а дядя и кузен – Захар Григорьевич и Илья Захарович Эренбурги [28, с.169].

⁷³ Среди документов за июль-авг. 1917, опубликованных в кн. «Меньшевики в 1917 году», регулярно упоминается некто Климов в качестве члена Петроградской организации этой партии, причем, насколько можно судить, он принадлежал к меньшевикам-интернационалистам мартовского направления [33, II, с.50, 149, 269, 270]. И хотя инициалы отсутствуют (что, впрочем, логично при использовании партийной клички), можно думать, что речь идет о нашем герое.

⁷⁴ «Художественный цех», или «Литературно-художественное и театральное объединение», существовал в Харькове в 1918-19 [35, с.329].

⁷⁵ Мане-Кац (Мане Лазаревич, или Иммануэль Лейзерович Кац; 5.6.1894, Кременчуг – 8.9.1962, Тель-Авив), художник. Эмигрировал (через Минск и Варшаву) в 1921 г. [4, с.409–411; 5, II, с.495; 9, IV, с.221; 13, с.402; 35, с.329], *ЕВКРЗ*:1–4, 6.

⁷⁶ Напечатанное «он расхвалил» зачеркнуто.

⁷⁷ Сравним это утверждение с отзывом самого Мане-Каца в № 1 ж. «Творчество», который вышел в Харькове в 1919, т.е. когда там был и Илья Лазаревич: «В работах Эренбурга, даже при поверхностном знакомстве с ними, чувствуется, что художник больше понимает, чем умеет, что у него гораздо больше художественной культуры, чем технических познаний» (цит. по [28, с.167]).

⁷⁸ Отдел был образован в октябре 1918 г. и объединил 25 местных и приезжих художников [35, с.329].

⁷⁹ И.Л.Эренбург принимал участие в обеих художественных выставках Цеха, проводившихся в конце 1918 – янв. 1919 [35, с.329].

⁸⁰ Литературно-художественный журнал, выходил в 1919 г.. Было выпущено 5 номеров, последний – сдвоенный (№1 – 5/6) [35, с.329].

⁸¹ Научно-марксистский журнал «Мысль», издававшийся меньшевиками. Подробнее о деятельности И.Л.Эренбурга в обоих журналах см. [28, с.170–171].

⁸² Напечатанное «за границу» зачеркнуто.

⁸³ Возможно, жена Ильи Лазаревича, оставленная им в Швейцарии. Насколько можно понять из этих отрывков, а также из контекста письма Н.И.Эренбург-Маннати своему кузену И.Г.Эренбургу от 1.10.1965 [28, с.176], родители Ильи Лазаревича сумели эмигрировать и жили в Европе.

⁸⁴ Напечатанное «родные за границей» зачеркнуто.

⁸⁵ Подчеркнуто карандашом и на полях карандашом же поставлен знак вопроса.

⁸⁶ С 1921 г. Запорожье.

⁸⁷ Возможно, что этот Художественный цех, упоминание о котором отсутствует в справочнике «Золотой век художественных объединений» [35], был создан И.Л.Эренбургом по образу и подобию аналогичного Цеха в Харькове.

⁸⁸ Грязевой курорт в 7 км от г. Славянск Харьковской губ. (ныне Донецкой обл.). В 5 км находится ж.-д. станция с тем же названием [38].

⁸⁹ Соответственно 338 м² и 1,4х1,8 м.

⁹⁰ Об И.Г.Эренбурге как возможном инициаторе этого письма см. [28, с.173].

⁹¹ Напечатанное «они» зачеркнуто.

⁹² Известна также под назв. Гейковка [39].

⁹³ Подчеркнутые фразы в тексте выделены красным карандашом.

⁹⁴ Прочитав этот пассаж и пересказав дальнейшие, Фрезинский недоумевает: «Непонятно, когда – после 1923 года? И кому? И почему Н.Л. не связалась с Л.Н.Лещинской сразу? В биографии написано: “Рассказ ее был принят за вымысел” – кем принят?». И далее сообщает, что историю с

Лещинской Н.Л.Эренбург-Маннати пересказывает И.Г.Эренбургу в письме от 1.10.1965 [28, с.176–178]. Недоумение Фрезинского не совсем понятно. Проблемы снимаются, если допустить, что Лещинская встречалась с Эренбург-Маннати за пределами СССР. Но это входит в противоречие с его же собственным предположением о том, что женой О.Лещинского стала художница Лидия Николаевна Мямлина, проживавшая после революции в Москве [28, с.164].

⁹⁵ Либо неверно это утверждение, либо неверно предположение Фрезинского, ибо репродукции работ Л.Н.Мямлиной, проживавшей в это время в Париже, были использованы в оформлении №1 «Гелиоса». Впрочем, он сам указывает на возникшее несоответствие [28, с.164, 175]. Зададимся еще одним вопросом: а где был в это время третий кузен Илья (Захарович) Эренбург и не имеет ли он отношение к этой загадочной ситуации?

⁹⁶ Выделенная фраза в тексте зачеркнута карандашом.

⁹⁷ Почему бы историкам, проживающим в России, не воспользоваться советом Л.Н.Лещинской и не поискать в архиве Наркомпроса документы об этом самом поезде им. Калинина?

⁹⁸ Венгеров, или Венгров Натан (Венгров Моисей Павлович, 4/16.1894, Прилуки Полтав. губ. – 1962), поэт, прозаик. Лейкинд и Северюхин, описывая события 1915-17, а также *ЕВКРЗ*:5 (с.188) называют его так же, как и в статье, «Венгеров». Богомолов, на основании альманахов 1918-19, а также «Русской книги» в 1921 – «Венгров». Фрезинский утверждает, что Лещинская ссылалась на «поэта Натана Венгрова», хотя в статье, на которую он ссылается, стоит «Венгеров». И.Г.Эренбург в письме Н.Л.Эренбург-Маннати от 7.10.1965: «Из перечисленных Вами имен – Штеренберг, Луначарский и Венгров умерли» [28, с.176, 178; 35; 40]. Возможно, здесь нет ошибки, и первоначально был избран псевдоним «Венгеров». Натан Венгров – один из учредителей кружка художников «Зеленая птица» (Пг., 1915-17), член художественных союзов «Свобода искусству» и «Искусство, революция» (Пг., март-лето 1917), автор сборников детских стихов. В 1921 г. в Москве заведовал информационным отделом Наркомпроса. Позднее публиковал литературоведческие работы о А.Блоке, Д.Фурманове, М.Горьком, Н.Островском [41].

⁹⁹ Правильно Штеренберг Давид Петрович (14/26.7.1881, Житомир – 1.5.1948, Москва), живописец, график, один из идеологов «левого» искусства. В 1906-12 обучался в Париже в Школе изящных искусств и в Академии Витти. Входил в тот же круг, что и оба Эренбурга. В 1917 вернулся в Россию. В 1918-20 гг. зав. отд. изобр. иск-в Наркомпроса. В 1917-18 участвовал в выставках Еврейского об-ва поощрения художеств (Пг.), член «Нового общества живописцев» (Москва, 1921-24), председатель Московского об-ва художников-станковистов (1925-32) [1, III, с.429; 28, с.162; 35; 42], *ЕВКРЗ*:2, 4.

¹⁰⁰ Фрезинский: «Биографу И.Л. почему-то кажется, что, благодаря упоминанию двух последних имен, “ее утверждения приобретают некоторую правдоподобность”» [28, с.176]. Комментарий, не соответствующий тексту

комментируемой статьи. Как ясно из первой, опущенной при цитировании части фразы, дело не в именах, а в том, что с этими людьми «Илья Лазаревич часто встречался раньше за границей». Биограф констатирует совпадение известий о факте знакомства, пришедших из разных независимых источников, что, без сомнения, повышает степень достоверности сообщаемой при этом информации.

¹⁰¹ Вырезан машинописный текст и вклеен рукописный.

¹⁰² Напечатанное «тогда как» зачеркнуто.

¹⁰³ Вырезан машинописный текст и вклеен рукописный.

¹⁰⁴ Отсюда ясно, что статья готовилась для какого-то конкретного издания.

¹⁰⁵ Написанное «этого» зачеркнуто.

¹⁰⁶ Вырезан машинописный текст и вклеен рукописный.

¹⁰⁷ На этом текст обрывается. Дополнительную информацию о поисках, проводившихся Н.Л.Эренбург-Маннати, см. [28, с.172–178].

¹⁰⁸ Репродукция Б.Гесселя фотографии из экземпляра книги «Александр Бенуа размышляет...» [3, с.112–113], подаренной писательнице и журналистке А.А.Евреиновой. Ныне принадлежит И.Лемперту. На книге дарственная надпись: «Дорогой Анне Александровне Евреиновой с наилучшими пожеланиями здоровья от инициатора этого издания И.Зильберштейна 16XI.1968 г.».

¹⁰⁹ Репродукция Б.Гесселя рисунка А.Бенуа из экземпляра его книги «Жизнь художника: Воспоминания», которую автор подарил И.С.Гурвичу [43]. Рисунок карандашный, позднее прорисован пером с подписью «Alexandre Benois 1956». Выполнен на отдельном листе бумаги вместе с автографом (публ. И.и Р.Лемпертов): «Дорогому Иссару Сауловичу Гурвичу в знак искренней и уже долголетней дружбы! Да доставит сия книга ему некоторое развлечение и да не сочтет он ее за слишком навязчивое свидетельство стариковского экзистенциализма (sic!)! Александр Бенуа, 6 ноября 1955 Париж, улица Августа Вина(?) номер второй(?) в четвертом этаже с подъемником». Вклеен в книгу, выполняя функцию внутреннего листа форзаца. Книга из библиотеки Гурвича, после его смерти куплена на аукционе И.Лемпертом.

Две судьбы: художник и журналист (парижский круг Ильи Эренбурга)

Борис Фрезинский (С.-Петербург)

Илья Эренбург жил в Париже дважды – с 1908 по 1917 и с 1924 по 1940-й годы. Человек он был в высоком смысле слова космополитический, и окружали его друзья разных национальностей. Было среди них и немало евреев – выходцев из России, жизнь которых навсегда или на время оказалась связанной с Францией. О двух таких друзьях здесь и пойдет речь...

1. Серж Фотинский*

О существовании французского художника, выходца из России Сержа Фотинского русские читатели узнали из мемуаров Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь» еще в 1960 году – сначала он был упомянут в длинном и пестром списке посетителей легендарного парижского (точнее – монпарнасского) кафе «Ротонда»¹, а затем последовал краткий, но, как всегда у Эренбурга, выразительный портрет: *«Художник Серж, или Сергей Фотинский, приехал в Париж задолго до меня. Как все, он голодал, как все, писал пейзажи и свято верил в искусство. Он женился на француженке, но всегда говорил “у нас в России”; получил советский паспорт. Это человек очень добрый и восторженный...»*². Я обрываю это краткое повествование и обращаю внимание читателей на слова о приезде Фотинского в Париж: «задолго до меня». Эренбург, как известно, приехал в Париж в декабре 1908 года. Когда же приехал Фотинский?

Единственная изданная в России книга (помимо «Люди, годы, жизнь»), где я встретил упоминания о Фотинском, – больших разме-

* О С.Фотинском см. также: О.Л.Лейкинд, К.В.Махров, Д.Я.Северюхин. Художники русского зарубежья: 1917–1939: Биограф. слов. СПб., 1999. С.584–585. В книге сообщается о выставках, в которых участвовал художник, о том, что в 1920-е гг. он был секретарем Союза русских художников во Франции; приводятся др. источники литературы, содержащие информацию о С.Фотинском. Даты жизни указаны такие: 3.2.1887, Одесса – 1.9.1971, Париж – ср. с текстом статьи (Примеч. ред.).

¹ Эренбург И. Собр.соч.: В 8 томах. Т.6. М., 1996. С.481.

² Там же. С.553.

ров монография-альбом В.М.Полевого «Двадцать лет французской графики»³. В аннотированном указателе сообщается, что Фотинский приехал во Францию в 1908 году, а в тексте (с.89) – что это произошло в 1907-м. Сомнительно и то, и другое. Ясность в этом вопросе, равно как и уникальная информация о том, как Фотинский попал во Францию, пришла неожиданно-негаданно.

Как-то я рассказывал о своих эренбургских штудиях московскому поэту Дмитрию Антоновичу Сухареву; зашла речь и об эренбургских мемуарах, первое бесцензурное, комментированное издание которых я тогда уже начал готовить. И тут Д.А. говорит: «А вы знаете, я – родственник одного из друзей Ильи Григорьевича». «Кого?» – немедленно спросил я. И в ответ прозвучало: «Фотинского».

С.Фотинский и И.Г.Эренбург. Париж, 1965
Все иллюстрации – из собрания автора

Сухарев – литературный псевдоним поэта; как ученый-биолог, специалист по мозгу, он известен под своей подлинной фамилией: Сахаров. В семье Д.А.Сухарева память о дальнем родственнике, давно уехавшем во Францию, хранили и связей с ним не порывали – мать Д.А., Ирина Владимировна, встречалась с художником в

³ Полевой В.М. Двадцать лет французской графики: Рисунок в революционных газетах и журналах, политический плакат 1920–1930-х годов. М., 1981.

1935 г., когда он на время оказался в Москве; Д.А. виделся с ним в Париже уже в 1970-м. Вот откуда я узнал то, что не было известно никому во Франции: Серж Фотинский – это Абрам Саулович Айзеншер. Он родился в 1887 году в Одессе. Смолodu (еще до революции 1905 года, всколыхнувшей всю Россию) был участником всяких революционных дел, грозили ему серьезные неприятности, и в 1903 году молодому Айзеншеру удалось раздобыть российский паспорт на имя Сергея Фотинского, и с ним он бежал во Францию. Так, в Париже 1903 года шестнадцатилетний Абрам Айзеншер стал Сержем Фотинским и уже никогда не возвращался к своему подлинному имени. Понятно, что значит в юном возрасте пять лет, – для Эренбурга, встретившего Фотинского в 1912 году, тот был уже парижанин с почти десятилетним стажем...

Пылкость Фотинского особенно запомнилась Илье Эренбургу в марте 1917 года: *«Это было утром. Я сидел, как всегда, в пустой "Ротонде" и бился над переводом сонета Дю Белле. Меня схватил за руку чрезвычайно возбужденный Фотинский – я не заметил, как он вошел в кафе...*

– Как, ты не знаешь? – кричал Фотинский. – Царя нет!

Я ничего не понял, но обрадовался и обнял Фотинского. На первой странице газеты было напечатано: "Государственный переворот в Петрограде. Николай II отрекся от престола в пользу своего брата Михаила". "Ну и что? – сказал я Фотинскому. – Чем Михаил лучше Николая?" Но Фотинского разочаровать трудно: он побежал за другой газетой, и мы нашли маленькую телеграмму: "В Петрограде забастовки, демонстрации". "Это настоящая революция!" – кричал Фотинский; я его снова обнял»⁴.

Февральская революция открыла в Россию путь многим политэмигрантам, но Фотинский возвращаться не захотел (в длинных списках на возвращение, которые составлялись в парижском посольстве Временного правительства, – там попадают и те, кто все-таки в Россию не поехал, – Фотинского нет)⁵. Он навсегда остался во Франции. Возможно, это было связано уже с обстоятельствами семейной жизни. Вот отрывок из записанных мною и неопубликованных воспоминаний А.Я.Савич: *«Сержа Фотинского Эренбург звал "Фотя". Они были старые друзья, еще с дореволюционных лет. Фотинский приехал во Францию из России, женился на француженке (его жена Лиан Ренар происходила из семьи ремесленников; она изумительно вкусно готовила; в Париже у нее была своя квартира с*

⁴ Эренбург И. Собр. соч. Т.6. М., 1996. С.553–554.

⁵ ГАРФ. Ф.479. Оп.1. Ед.хр.5.

уборной по старинке на лестнице, а у Фоти ателье в другом районе Парижа. Фотинского Лиан считала гением)»⁶.

Фотинский писал не только пейзажи, но и натюрморты; делал он и портретные зарисовки. Я видел не много его работ (он дарил их в Париже Эренбургу, Лидину⁷, возможно, другим знакомым – так они попадали в СССР). Выходящие теперь на Западе каталоги распродаж графики и живописи – монументальны и фантастически полны; в них регулярно встречаются и по несколько работ Фотинского. «В последние годы у Фоти ослабло зрение, – рассказывала А.Я.Савич, – он видел все как-то стерто, его живопись изменилась – это понравилось публике, и его поздние вещи имели успех...».

В 1920–1930-е годы Фотинский много занимался графикой – ему были доступны разные техники. В начале 1920-х годов его графика систематически появляется в хорошо иллюстрированном левом французском журнале «Clarté», который редактировал Анри Барбюс. Среди художников этого журнала было и несколько выходцев из России – помимо Фотинского, это: Осип Цадкин, Жан Лебедев, Натан Альтман, Дм. Митрохин, Виктор Барт, Айзик Федер, Хана Орлова... Чтобы показать, какому уровню требований надо было удовлетворять, чтобы пробиться на страницы журнала, назову несколько художников, чьи рисунки там постоянно появлялись: Пикассо, Матисс, Фужита, Люрса, Лот, Мазерель. Героико-романтические ксилографии Фотинского (они до некоторой степени напоминают работы Рокуэлла Кента) попадали и на обложку «Clarté»⁸; Фотинский напечатал в журнале целую серию своих литографий.

В 1928–1935 годах Серж Фотинский печатается в новом барбюсовском международном журнале «Monde»⁹. Графика этого журнала блистательна – один только перечень имен художников завораживает: Матисс, Пикассо, Леже, Ривера, Синьяк, Дерен, Дюфи, Марке, Грос; здесь начинал Жан Эффель. И вот в таком блистательном

⁶ Савич А.Я. «Минувшее проходит предо мною...» – авторизованная правленая машинопись воспоминаний, которые я записывал в 1982–1991 годах в Москве и Комарово (архив автора статьи). Далее воспоминания А.Я. цитируются по этой машинописи.

⁷ Елена Владимировна, дочь писателя В.Г.Лидина, показывала мне замечательный пейзаж Фотинского, сохранившийся у ее отца; видел я его работы и у А.Я.Савич, И.И.Эренбург.

⁸ Одна из них воспроизводится в цитированной выше монографии В.М.Полевого (с.86).

⁹ О том, как в 1935 г. Барбюс пытался сохранить свой журнал, ведя переговоры со Сталиным, – см. в моей статье: Великая иллюзия – Париж 1935 // Минувшее (СПб.). 1998. №24. С.166–239.

ряду мы видим имена и художников российского происхождения: Шагала, Анненкова, Ларионова, Лебедева, Альтмана, Дейнеки, Редько, Глущенко, Кибрика. Фотинский не затерялся в этом искрометном перечне...

В начале 1930-х годов он вступает в ряды АЕАР – французской левой Ассоциации революционных писателей и художников (большинство писателей и художников этой Ассоциации и группировались вокруг журнала Барбюса).

С.Фотинский. Портрет И.Г.Эренбурга

Моряк – гравюра на дереве
(С обложки «Clarté», 1923, №41)

В июне 1935 года, когда в Париже состоялся международный антифашистский конгресс писателей в защиту культуры, Фотинский, с подачи Эренбурга – одного из основных организаторов конгресса, становится художественным корреспондентом московской «Литературной газеты»; на конгрессе – его зарисовки, беглые портреты писателей, приехавших на парижский конгресс, газета печатала в нескольких номерах (замечу, что парижский журнал «Lu» помещал зарисовки с конгресса Натана Альтмана). Фотинский принимал участие в работе конгресса не только как художник. Большинство советских делегатов не владело французским (отбор делегатов шел по соображениям сугубо идеологическим – о языке не думали), и Эренбургу пришлось привлечь все свои парижские ресурсы, чтобы обес-

печить гидами и переводчиками гостей из СССР. Они были закреплены за друзьями и знакомыми Эренбурга. Фотинским досталась Анна Караваева (кто теперь вспоминает этого «классика» советской литературы!). Привожу рассказ А.Я.Савич: «*Караваева ежедневно агитировала жену Фотинского Лиан за СССР. Летом в Париже стоит невыразимая духота, и город пустеет. Караваева говорила Лиан: "Духота у вас тут. А у нас в СССР вот такие горы снега!"*». «*Как, – ужасалась Лиан. – Даже летом?"*».

В том же 1935 году Серж Фотинский, после длительного перерыва, решил наконец съездить в Москву. Уговорил его принять это путешествие, разумеется, Эренбург, да и гонорар от «Литгазеты» содействовал поездке. Она планировалась двухнедельной: посмотреть, как изменилась страна, повидать родных. Человек Фотинский был родственник и, хотя с момента его бегства во Францию прошло 30 лет, родных не забывал. Одна из его почтовых открыток 1930-х годов – матери Д.А.Сухарева Ирине Владимировне уцелела: «*Зайди в отель "Метрополь" – там живет Любовь Михайловна Эренбург. Она передаст тебе привет от меня и подарочки. Она скоро уедет в Париж*»¹⁰ – все okazии в Москве всегда использовались.

Эренбург, с его любовью к броским, емким фразам и прозрачным намекам (последнее – от понимания, что цензуру можно только обмануть), повествует об этом событии в жизни Фотинского так: «*В 1935 году он решил съездить в Москву на две недели; прожил в Москве два года; глядел на все с восторгом и с испугом*»¹¹. Два года, конечно, преувеличение – на самом деле Фотинский задержался (правильнее сказать, его задержали) меньше: он вернулся еще в 1936-м. Задержка произошла, разумеется, не по его воле – таково было решение НКВД. За Фотинского «болели» все друзья, ему самому было совсем не до восторгов. А.Я.Савич, на собственной судьбе хорошо узнавая, что значит, когда НКВД не выпускает из страны, рассказывала: «*Когда срок его путешествия истек, ему неожиданно отказали в выездной визе. Он прибежал к Лидину и возмущенно жаловался на чиновников, а Лиан приходила ко мне и жаловалась на судьбу. Слава богу, все устроилось, – ИГ стал хлопотать, и Фотинского выпустили во Францию. Но в Россию он уже больше не ездил*». Добавлю, что хлопоты были основательные – Эренбургу пришлось обращаться к другу своей юности Н.И.Бухарину, которому в последние месяцы своей свободы (в 1937 году он был уже арестован, а в 38-м расстрелян) удалось добиться для Фотинского загранпаспорта. Московские родственники художника этого не забывали, но семейное

¹⁰ Собрание Д.А.Сухарева (Москва).

¹¹ Эренбург И. Собр. соч. Т.6. С.553.

предание было закодировано: *«Помог большой человек, ставший потом врагом народа»*.

Когда немцы в 1940-м подходили к Парижу, Фотинскому удалось бежать, но в 1941-м он им все равно попался и был посажен в Компьенский концлагерь. Судьба оказалась к нему милостивой – он чудом уцелел.

После войны он встречался с Эренбургом только в наезды последнего во Францию. И в каждый приезд он Эренбурга поражал. В мемуарах «Люди, годы, жизнь» читаем: *«Он живет в Париже шестьдесят лет, но продолжает говорить: “У нас в Советской России...” Говорит он по-русски своеобразно: “Ты берешь авион?” Еще своеобразнее переходит улицу – подымает руку, как бы предупреждая водителей, что машины должны уважать пешехода, вид у него при этом Моисея, останавливающего морские волны»*¹².

В послевоенном 1946-м авторитет России, победившей Гитлера, был еще очень велик, и Фотинский взволнованно говорил Эренбургу, что *«поедет в Москву, теперь он не боится, что его снова задержат: русские – победители, они спасли мир»*¹³. Эта эйфория быстро рассеялась. Когда через три года Эренбург снова приехал в Париж – на сей раз мрачный и еле живой (в СССР шла кампания по борьбе с «космополитами», как тогда именовали евреев, – французы задавали об этом много вопросов, а он вынужден был от них уворачиваться: одно неосторожное слово, и – капут), Фотинский прибежал к нему в гостиницу и, как подчеркивает Эренбург, «не задавал мне неприятных вопросов», а повел бродить по городу и выставкам: *«Я глядел то на Сену, то на серые дома с зеленоватыми ставнями, то на яблоки Сезанна. Все мне казалось прекрасным и бесконечно чужим. Фотинский вдруг встревоженно спросил: “А ты здоров?” Я ответил, что здоров, но не высыпался. Я ни о чем не думал, но ничего не мог забыть, мне трудно было разговаривать – отвечал невпопад»*¹⁴. Потом, слава богу, Сталин умер, и наступила оттепель...

Письма Фотинского Эренбургу сохранились как раз оттепельной, относительно свободной поры.

Приведу их здесь впервые, язык писем, пожалуй, посуше того своеобразного языка, на котором Фотинский говорил; редакционная правка – минимальна. В РГАЛИ письма хранятся без конвертов, и дат на них, как правило, нет. Примерно они выстраиваются в такую хронологическую цепочку¹⁵.

¹² Эренбург И. Собр.соч. Т.6. С.553.

¹³ Там же. Т.8. М., 2000. С.146.

¹⁴ Там же. С.225.

¹⁵ Письма 1, 8, 9 – собр. автора; остальные – РГАЛИ. Ф.1204. Оп.2. Ед.хр.2303.

1.

«Париж, 1 мая <1960>

Дорогой Эренбург и дорогая Люба, как живете и когда приедете в Париж?

Вот уже год, как ты не приезжал к нам. У меня все по-прежнему. Со зрением не хуже, я могу заниматься живописью, в этом году я много работал и думаю продолжить летом. Мы уезжаем в деревню¹⁶ 15 мая до октября, там легче работать, т.к. жизнь в Париже невыносима. Я занимаюсь садоводством (прошлым летом урожай огурчиков был великолепный).

Если приедешь в Париж и меня уже не будет и если у тебя будет свободное время, приезжай к нам хоть на несколько дней. Я тебя приглашаю. Предупреди меня и мы тебя устроим. Понятно, с Любой, если она приезжает с тобой.

Увидим Les grottes de Lascaux¹⁷ и другие замечательные места в этой области.

Буду рад, если напишешь несколько слов из Москвы.

Ну вот так, дорогой Эренбург.

В Париже сейчас холодно, как зимой.

Крепко обнимаю тебя и Любу. Фотя.

Лиан также шлет вам лучший привет.

Привет всем друзьям».

2.

«Дорогой Эренбург, все лето жил в деревне и скоро возвращаюсь в Париж. На днях узнал, что ты в Париже. Звонил отсюда в твой отель, но, к сожалению, ты уже уехал. Когда был вечер в Москве в память Аполлинера, я слушал передачу и слышал тебя, d' Astier¹⁸ и др., словно был в Москве. Хотел бы повидать тебя и Любу. Надеюсь, что приедете осенью или зимой сюда. Мы работали все лето – я писал, занимался живописью, а Лиана делала ковры (по моим рисункам).

Обнимаю тебя и Любу, также и Лиан.

Твой Фотя».

¹⁶ Деревня, где проводили лето Фотинские, Le Peche à Belves в департаменте Дордонь, на юго-западе Франции.

¹⁷ Гроты Ласко (франц.)?

¹⁸ Французский политический деятель и литератор Эммануэль д'Астье де ла Вижери (1900–1969) выступал на вечере памяти Гийома Аполлинера в Москве в 1960 г., на котором председательствовал Эренбург.

3.

«Дорогой Эренбург,

Когда думаешь приехать в Париж. Если б я знал, что ты был в Париже этим летом, я бы нарочно приехал, чтоб тебя повидать. Но, к сожалению, я узнал о твоём приезде, когда мы возвратились в Париж поздно осенью.

Крепко обнимаю тебя и Любу. Лиана Вам кланяется и передай сердечный привет Ирине и сестрам Беле и Жене¹⁹.

Твой Фотя».

4.

«Дорогие Эренбурги.

Я получил Ваш привет, переданный мне Кавериним²⁰, и был очень рад. Каверины очень милы и симпатичны. К сожалению, у них не было много времени, чтобы фланировать по Парижу.

Из Италии в декабре месяце я получил твое письмо и ответил тебе моментально, но получил это письмо обратно из Италии. Ты вероятно переехал в другой город, и это письмо тебя не догнало. Когда приедете в Париж? Мы с Лианой думаем уехать в деревню 15 мая и быть до 15 октября. Но если ты приедешь в это время в Париж, я возвращусь в Париж, чтоб повидаться. Я читал отрывок из твоих мемуаров "Le Rotonde" в журнале "Horisont"²¹.

Здоровье мое благополучно. С глазами не ухудшается, процесс остановился. Я работаю, т.е. занимаюсь живописью. Думаю устроить свою выставку.

Лиана шлет Вам обоим свой сердечный привет и мы обнимаем Вас крепко

Твой Фотя.

Привет Ирине и сестрам».

¹⁹ Ирина Ильинична Эренбург (1911–1997) – дочь писателя; Изабелла Григорьевна (1886–1965) и Евгения Григорьевна (1883–1965) – сестры писателя, жили у него на подмосковной даче в Новом Иерусалиме.

²⁰ Писатель Вениамин Александрович Каверин (1902–1989) навещал Фотинского с подачи Эренбурга, будучи во Франции в 1961 году вместе с женой, писательницей Лидией Николаевной Кавериной.

²¹ Глава «Ротонда» из первой книги мемуаров Эренбурга, еще до их появления в «Новом мире» (тогда они еще предположительно назывались «Годы, люди, жизнь») была опубликована в №5 (108) за 1960 г. международного журнала «Horisont» (по-русски журнал выходил под названием «В защиту мира»).

5.

«Дорогие Эренбурги.

Я получил письмо от Worms-a, в котором он мне пишет, что Вас видел в Москве и Вы ему сообщили, что писали мне, но я не ответил на это письмо. К сожалению, я не получил (вероятно, оно затерялось). Надеюсь, что ты скоро приедешь в Париж.

Обнимаю и целую Вас Ваш Фотя.

Привет Лидину и Савичам²²».

6.

«Париж, 26 июля

Дорогой Эренбург

Люсен едет в Лондон на 2 дня, я воспользовался этим случаем, чтоб он тебя обнял за меня. Передай ему, если знаешь, как поживают мои родные.

На днях уезжаем в деревню в "Perigord" на 2 месяца, надеюсь, что вакансии²³ не будут прерваны, как в 1939²⁴.

Передай сердечный привет Любе, Лидину и Савичам.

Обнимаю тебя, твой Фотя».

7.

«Дорогой Эренбург

Я был очень рад, получив от тебя письмо. Глупо и досадно, что мы не могли встретиться, несмотря на то, что ты все время бываешь на границах и был даже <одно слово нрзб. – Б.Ф.> головой. Живу, как всегда, работаю, выставляюсь иногда, но иногда, читая газеты или слушая радио, начинаю беспокоиться, не зная, чем все это кончится. А кто знает?

Как ты воображаешь Париж сей во всей своей красе и даже не хочется его оставлять для вакансов.

Если увидишь моих родных, скажи им, что покамест все благополучно, собираюсь устроить в этом году свою выставку.

Передай Любе, что я совершенно отошел от импрессионизма и приблизился к неоэкспрессионизму. Когда устрою выставку, пришлю Вам каталог.

²² С приятелем Эренбурга писателем Владимиром Германовичем Лидиным (1894–1979) Фотинский познакомился в его первый приезд в Париж в 1928 г. С ближайшими друзьями Эренбурга Овадием Герцовичем (1897–1967) и Алей Яковлевной (1904–1991) Савичами, в 1920–30-е годы жившими в Париже, Фотинский был хорошо знаком.

²³ От французского *vacances* – каникулы.

²⁴ Некоторые опасения были связаны с ухудшением международных отношений.

Лиана тебе очень кланяется, передай сердечный привет и поцелуй от нас Любе. Кланяйся Ирине, милому Лидину, Савичам. Обнимаю тебя, твой Фотя».

8.

«Дорогие Эренбурги,

Был очень рад, когда получил твою телеграмму²⁵. Мы шлем Вам лучшие пожелания к Новому году и крепко целуем Вас. Когда увидимся? Надеюсь, что приедем в этом году в Париж
Твой Фотя».

9.

«С Новым годом, дорогие Люба и Илья, целую Вас крепко. Увидимся ли в этом году в Париже?
Ваш Фотя».

Это последняя открытка, она написана почерком очень старого человека. Сохранилось еще письмо Лианы Л.М.Эренбург по-французски от 3 сентября 1968 г. – в первую годовщину смерти Эренбурга.

**И.Е.Путерман и
Л.М.Козинцева-Эренбург
Монпарнас, 1930-е годы**

Фотинский пережил обоих Эренбургов – он умер в 1972 году. Лиана долго занималась его картинами и, как вспоминала А.Я.Савич, ей в итоге удалось их как-то пристроить...

2. Иосиф Путер

Иосиф Ефимович Путерман родился в Бессарабии примерно в 1885 году. Говорю примерно, потому что точно неизвестно, – наверное, это можно найти в архивах парижской полиции, но такой возможности у меня сейчас нет. Когда я спросил о возрасте Путермана у А.Я.Савич (жены, а тогда уже вдовы самого близкого друга Эренбурга Овадия Герцовича Савича),

²⁵ Видимо, поздравление с 1964 г. – в том году Эренбург рассылал старым друзьям в СССР и за рубежом новогодние поздравления по телеграфу.

она задумалась и проговорила: он был лет на пять старше Эренбурга. Спрашивать у Любови Михайловны Козинцевой-Эренбург в те две, пусть и протяженные, беседы, которые у нас были, мне пришлось, а потом я и не жалел об этом – неизвестно, как она отреагировала бы на вопрос о Путермане, но это я понял много позже...

Как это говорится – в биографии Путермана много темных пятен. Начну с того, что имя-отчество его случайно всплыло в одном из цветаевских писем к философу Льву Шестову²⁶. В этом письме, кстати сказать, речь идет о званом обеде у Путермана в субботу, 2 июля 1927 года в 7 часов, на который были приглашены Цветаева и Шестов, – «немножко раньше заезжаю за Вами и вместе едем к Путерману», – предлагает Цветаева Льву Исааковичу в письме. Если б не это, пришлось бы довольствоваться тем, что на французских своих изданиях Путерман ставил инициалы I.E. или I.-E., так что не вполне было даже ясно – инициалы это имени и отчества или двойного имени. Свой рассказ о Путермане А.Я.Савич начала так: «Как звали Путермана, никто не знал. В письмах к нам он всегда подписывался "Отец"²⁷, а мы его звали "Папаня"»²⁸. Эренбург звал его Путером (вообще в том парижском кругу клички были в ходу; мужчин в лучшем случае звали по фамилиям, женщин – по именам). Словом, спасибо Цветаевой и Шестову...

Неизвестно, когда и как Путерман попал в Париж, но 26 апреля 1927 года, когда упоминание о нем возникло в письме Марины Цветаевой Анне Тесковой*, он уже, несомненно, имел дело с литературой как издатель (и, в частности, – издатель русских книг; потом перешел на французские). Цветаева пыталась тогда напечатать в Париже книгу стихов «После России», и Путерман обещал ей содействие. Она пишет об этом Тесковой: «Неожиданное везение. Нашелся издатель для моей последней (1922–1925 гг.) книги стихов... Издатель, очень любящий мои стихи и хотящий, чтобы они были»²⁹. Л.А.Мнухин, много занимавшийся не только творчеством Цветаевой, но и вообще парижской эмиграцией из России, пишет в комментариях к письмам Марины Ивановны, что в то время Путерман

²⁶ Цветаева М. Собр. соч.: В 7 томах. Т.7. М., 1995. С.49. Речь в письме идет о званом обеде у Путермана.

²⁷ По созвучию: Router это ведь почти Pater, т.е. «отец» по-латыни.

²⁸ Воспоминания А.Я.Савич «Минувшее проходит предо мною» здесь и дальше цитирую по правленной и авторизованной ею машинописи, хранящейся в моем архиве.

* Анна Тескова – писательница и переводчица, чешская подруга и постоянный адресат Цветаевой. Их переписка издавалась в Праге в 1969 и в Петербурге в 1991 г. (Примеч. ред.)

²⁹ Цветаева М. Собр. соч. Т.6. С.357.

служил в советском торгпредстве в Париже и был пайщиком издательства «Плеяда»³⁰. Книга «После России» вышла в Париже через год без указания издательства³¹. В течение этого года и еще три года затем (с 26 марта 1927 г. по 11 июня 1931 г.) Цветаева не раз упоминает Путермана в письмах Саломее Андрониковой*, которая с ним была хорошо знакома. Телефона у Цветаевой не было, и благодаря этому масса подробностей сохранилась в письмах – это своего рода хроника. Возможно, Цветаеву с Путерманом и познакомила Саломея Андроникова; во всяком случае, когда 28 марта 1927 года Марина Ивановна только еще собиралась встретиться с Путерманом у себя дома и почитать ему стихи, Андроникова знакома с ним уже была. Перед тем как вместе с С.Я.Эфроном посетить Саломею Николаевну в понедельник 28 марта 1927 года Цветаева просит ее: «Известите Путермана, чтобы был у меня определенно *во вторник* – звала его либо в понедельник, либо во вторник – почитать стихи» – и добавляет в конце: «НЕ ЗАБУДЬТЕ известить Путермана, а то – придет – меня нет. С этого начинать нельзя»³². Это и позволяет датировать первую встречу Путермана с Цветаевой.

Дело с «После России» складывалось непросто, видимо, были у Путермана какие-то трудности – деловые, а может быть, и личные.

25 апреля 1927 г. Цветаева собирается увидеться с Путерманом у Андрониковой: «Звала его к себе – занят – а дорог в Париже кроме как к Вам я не знаю (*Встреча с ним у Вас – идет от него, это я для пущей ясности*)»³³.

5 февраля 1928 г. Сообщая о том, что «положение поганое», М.И. вопрошает: «ПУ-ТЕР-МАН. Что?! Где?? КАК?! В издательстве домашнего адреса не дают, как узнать? Со всех сторон расспросы о книге – что отвечать? Вообще, что мне с ним делать? Посоветуйте! Уже дважды просили на отзыв. От факта книги (какова бы ни была!) многое зависит, могла бы съездить, например, почитать в Чехию, мне об этом писали. И – пустые руки. Расскажите ему об этом, если позвонит...»³⁴.

³⁰ Цветаева М. Собр. соч. Т.7. С.487.

³¹ На книге лишь обозначено, что 100 экземпляров этого издания отпечатаны на роскошной бумаге и в продажу не поступают; а также обозначена типография «Union», Paris, 13, rue Mechain.

* С.Н.Андроникова (*Гальперн*) (1888–1984) – подруга Цветаевой и Ахматовой с дореволюционной петербургской поры; в парижские годы материально поддерживала Марину Ивановну. (*Примеч. ред.*)

³² Цветаева М. Собр. соч. Т.7. С.105–106.

³³ Там же. С.107.

³⁴ Там же. С.111.

11 февраля 1928 г.: «В ответ на предложение Путермана встретиться у Вас в один из трех последних дней недели (оцените долготу периода!) я назначила ему воскресенье, – он должен был запросить Вас и оповестить меня...»³⁵.

Наконец, 25 февраля 1928 года оптимистическое письмо: «Видалась с Путерманом, дела неплохи, есть надежда на выход книги в марте»³⁶.

Нетерпение Цветаевой понятно – оптимизм сменяется тревогой. 10 мая 1928 г. («замогильным, нет – заупокойным голосом»: – *Что Путерман?*»³⁷

Книга вышла в мае 1928 года; в июне состоялся поэтический вечер Цветаевой, крайне ей необходимый для денег – на лето. Шлейф от своего рода «презентации» в письме Андрониковой 7 июня 1928 г.: «Мне очень жалко, что Путерман Вам послал книжку без надписи, но тогда, у него, я бы двух слов не выжала...»³⁸.

Затем они почти не видятся, но это не ссора. 19 марта 1930 г. Цветаева пишет Саломее: «Слышу, что Путерман опять оженился, – что это с ним?»³⁹. Вот и первая информация о личной жизни нашего героя, но, по-видимому, неточная. Не позже 1932 года с ним подружились Эренбурги и Савичи; для них он – всегда холостяк.

В мае 1930 г. Цветаева вновь занята организацией своего вечера; Андроникова помогает ей пристраивать билеты (Цветаева отправила ей 10 штук) – при обсуждении этих дел возникает вопрос: «А если Путерману послать штук пять – продаст (хоть один!!!)? ...»⁴⁰. С посетителями вечеров – вечные проблемы по части совместимости: одни не желали видеть других (так, летом 1928 г. на вечер Цветаевой не смогла прийти любившая ее Л.М.Эренбург, чтоб не встречаться с некоторыми одиозными для нее эмигрантами...). Летом 1931 года Цветаева собирается читать свои заметки о Мандельштаме; 21 июня она пишет Андрониковой: «Читать Мандельштама лучше вечером и без Мура <сын Цветаевой. – Б.Ф.>. Если позовете на чтение Путермана – думаю, – доставите ему удовольствие – ввиду сюжета»⁴¹. Это последнее упоминание его имени в письмах Саломее Андрониковой.

Еще одному адресату Цветаевой довелось встретить имя Путермана в ее письме (в 1929 году): бывшему Серапиону, а тогда уже

³⁵ Цветаева М. Собр. соч. Т.7. С.112.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С.114.

³⁸ Там же. С.115.

³⁹ Там же. С.128.

⁴⁰ Там же. С.137.

⁴¹ Там же. С.141.

начинавшему становиться французским прозаиком, молодому Владимиру Познеру. Речь шла про обсуждение его книги «Панорама современной русской литературы», написанной по-французски. На этом обсуждении, как сообщала Цветаева Познеру, «Вас очень защищали Святополк-Мирский и Путерман»⁴².

С начала 1930-х годов след Путермана отчетливо просматривается в кругу Ильи Эренбурга, довольно быстро они становятся близкими друзьями. Путерман даже поселяется в соседнем с Эренбургами доме на улице Котантен (возле Монпарнасского вокзала у бульвара Пастер). У Эренбургов Путерман знакомится с приезжающими из СССР русскими писателями и даже потом поддерживает с ними переписку. 3 декабря 1933 г. Бабель из Нальчика писал Савичам в Париж о своей поездке по Северному Кавказу; его послание заканчивается фразой: «Эренбургу и Путеру пишу особо»⁴³. Характерно, что в обширной переписке В.Г.Лидина с О.Г.Савичем имя Путермана не встречается ни разу: значит, в 1928 году, когда Лидин был в Париже и путешествовал по Бретани с Эренбургами и Савичами, Путерман еще не входил в их тесный круг...

В октябре-ноябре 1931 года Эренбурги целый месяц путешествовали по Испании. И.Г. подробности путешествия сообщал оттуда Савичам; 2 декабря Савич писал из Парижа в Москву Владимиру Лидину: «Приехали из Испании Эренбурги. Рассказывают много любопытного и смешного»⁴⁴. Путерман так проникся этими рассказами, что следующим летом двинулся в Испанию. Сохранились две его открытки (разумеется, с изображением корриды!), посланные Савичам⁴⁵ – на бульвар Брюн в Париже:

«31.8.32.

Милые Савичи,

Вот каковы интересующие вас открытки в Ируне. Может в других местах они получше. Во всяком случае я уже зол на Испанию, как сто тысяч...: застрял на границе на целых 8 часов. В поезде, которым мне полагалось следовать дальше, не оказалось мест!! Разве это не хамство? Ну-с до следующей бой-бычачьей открытки. Ваш Путерман».

И через неделю:

«Toledo. 8.9.32. Здесь прелестно. Шатаюсь лениво по узким улочкам, которые неизменно приводят меня к какому-нибудь заме-

⁴² Там же. С.353.

⁴³ Вопросы литературы. 1987. №4. С.269.

⁴⁴ Архив публикатора.

⁴⁵ Всю свою почту Эренбург сжег в Париже в 1940 году, когда в город входили гитлеровцы; письма Путермана Бабелю, вероятно, пропали при аресте писателя. Архив самого Путермана, видимо, не сохранился.

чательному месту с видом на Тахо. Я здесь с утра, но достопримечательности еще не осматривал: даже и в этот мертвый сезон чересчур много туристов, а я последних ненавижу глубоко. Вероятно скоро вернусь в Париж: деньги уже на исходе. Что у вас нового? Как Монпарнас и –цы? Угостите фаршированной щучкой, когда приеду? Испанская пицца уже надоела. Ваш Путерман».

Говоря, что Путерман подписывался «Отец», А.А.Савич не ошиблась – просто это традиция установилась позже, примерно в конце 1935-го – 36-м годах, когда друзья часто отправляли ей дружеские послания, начертанные на видах Парижа (А.Я. срочно уехала в Москву к больной матери и не получила разрешения вернуться в Париж.) 10 ноября 1935 (вместе с Савичем, Фотей – художник Серж Фотинский – и французом, подпись которого не разобрать): *«Милая Аля! Мы с Савичем живем мирно. Какой менаж! Не поддается описанию. Только вот грустим чрезмерно. Уедем! Целую Отец»*. На другой открытке – 18 марта 1936-го наряду с посланиями Л.М.Эренбург, О.Г.Савича и Ю.Н.Тынянова приписка Путермана: *«Кажется, действительно весна. Я в ней не уверен. Но так говорят. Целую Вас (можно?) Отец»*⁴⁶.

В 1930-е годы Путерман редактировал парижский еженедельник «Lu» – «Читать» (ревью мировой прессы), который (наряду с иллюстративным еженедельником «Vu» – «Видеть») издавал Луи Вожель. У Эренбурга и Савича Путерман систематически брал материалы для своего журнала; 2 декабря 1931 года Савич писал Лидину: *«Посылаю Вам вырезку из “Lu” – журнала, составленного из статей всей мировой прессы. Денег за это не платят, но тираж большой...»*⁴⁷. У Вожеля планы бывали наполеоновские – скажем, в 1935 году он сопровождал премьер-министра Пьера Лавала в Москву, их принял Сталин – соответствующие репортажи с помпой подавались тогда в его журналах. Работа Путермана была нелегкой, но зато интересной. Положение во Франции было острое, политическая чаша весов колебалась – то вправо, то влево. В мемуарах «Люди, годы, жизнь» Эренбург вспоминал, как 26 апреля 1936 года во Франции состоялись всеобщие выборы, на которые редакция «Известий» свистала его из Испании: *«В воскресенье вечером с Савичем и редактором “Lu” Путерманом мы стояли возле редакции газеты “Матэн”. Толпа заполнила широкий бульвар. Все не сводили глаз с экрана: сейчас объявят первые результаты...»*⁴⁸. Тогда победил Народный фронт – левые брали верх в Европе (ненадолго...).

⁴⁶ Все открытки Путермана – собрание автора.

⁴⁷ Архив автора.

⁴⁸ Эренбург И. Собр. соч. Т.7. С.475–476.

18 июля 1936 года в Испании вспыхнул военный мятеж. На помощь Республике устремились левые со всего света. Многие французы помогали республиканцам – среди них друг Эренбурга писатель Андре Мальро, организовавший и возглавивший авиаэскадрилью. Все годы этой войны Эренбург почти безвыездно находился в Испании, посылая статьи и репортажи для «Известий». В конце 1936 года Путерман перевел на французский 19 первых репортажей Эренбурга из воюющей Испании – они вышли в Париже отдельной книжкой⁴⁹. Продолжая работать в Париже, Путерман охотно выполнял испанские поручения не только Эренбурга, но и Савича, которого Эренбург в 1937 году забрал в Испанию и тот стал корреспондентом «Комсомольской правды» в Барселоне (2 августа 1938 г. О.Г.Савич писал жене в Москву: «*Книг французских здесь нет, но я попрошу Путера выслать тебе из Парижа*»⁵⁰).

Утешение от политических передряг Путерман находил в стихах Пушкина. Его поэзию он обожал. В 1937 году отмечалось столетие гибели поэта. И, хотя финансовое положение Путермана было не ахти каким, он составил и издал на французском сборник Пушкина⁵¹. Томик был сделан так, чтобы дать читателю представление обо всех гранях таланта великого поэта. Вслед за кратким предисловием составителя книжка открывалась фрагментами тогда знаменитой в СССР книги В.В.Вересаева «Пушкин в жизни». Затем следовали 29 писем Пушкина, написанные им по-французски, а вслед за ними две статьи о Пушкине – парижская, 1928 года, статья Д.П.Святополк-Мирского (с которым Путерман в Париже был хорошо знаком) и статья 1936 года, принадлежавшая питерскому литературоведу В.А.Десницкому. Эти статьи предваряли раздел из 17 стихотворений Пушкина (среди их переводчиков были и двое русских поэтов – Владимир Сирин /Набоков/ и Валентин Парнах). Заключали том стихотворная трагедия «Каменный гость» (в переводе Ивана Тургенева и Луи Виардо), «Сказка о рыбаке и рыбке» (в переводе Александры Гольдштейн и Рене Гиля) и повесть «Выстрел» (в переводе А.Жида и Ж.Шифрина).

Томик украшали репродукции тропининского портрета поэта и его автопортрет. 15 нумерованных экземпляров книги были напечатаны на особой бумаге. Уцелел экземпляр №2 (первый, понятно, принадлежал составителю – страстному книжнику; он пропал вместе с его библиотекой; №2 – второй по значению). На нем надпись: «А

⁴⁹ *Ilya Ehrenbourg. No pasaran!: Scènes de la guerre civile en Espagne / Traduit J.-E.Pouterman. Paris: Bureau d'éditions, [1937].*

⁵⁰ Архив автора.

⁵¹ *Pouchkine: 1837–1937 / Textes recueillis et annotés par J.-E.Pouterman. Paris: Éditions Sociales Internationales, 1937. 236 p.*

ma fille chérie L.M.K.-E. Paternellement. I.E.Pouterman»⁵². Эта книга принадлежала Любви Михайловне Козинцевой-Эренбург. Когда в июле 1940 года (Путермана уже не было в живых) Эренбурги уезжали из оккупированного гитлеровцами Парижа (они сожгли все свои бумаги и оставили друзьям большую часть книг), эту книгу Любовь Михайловна взяла с собой, как и портрет Путермана (написанный ею маслом совсем недавно, а казалось – прошла целая жизнь; портрет небольшой, одно только лицо – на черном фоне, оно едва ли не высвечено из мрака⁵³). Все последние годы Путерман был страстно влюблен в Любовь Михайловну. На нескольких фотографиях они сняты за столиком монпарнасского кафе («Дом», или «Куполь») – смеющимися: Л.М. – весело, а Путерман, скорее, иронически...

Когда я расспрашивал А.Я.Савич о Путермане, она говорила о нем сердечно, но кратко (впрочем, обычная женская болтливость ей никак не была свойственна). В тех воспоминаниях, что А.Я. авторизовала, Путерману посвящен один абзац, там где рассказывается про обычный парижский день Эренбургов: *«Дома Эренбурги никогда не обедали – всегда вдвоем отправлялись в ресторан (в последнее время троим: с Путерманом). ...Близкий приятель Эренбурга, он жил с ним по соседству; обедать они всегда ходили вместе, а ресторан выбирался в зависимости от состояния бюджета. Приземистый, но не маленький, широкий в плечах, Путерман был очень вспыльчив. Потом оказалось, что он страдал сильной гипертонией, но мы, молодые, этого и не понимали... Иногда он проводил с Эренбургами и нами часть каникул, иногда путешествовал как бы по следам Эренбурга... Ему всегда можно было довериться...»*

Конец 1930-х годов был для Путермана очень трудным: Гитлер завоевывал Европу, Сталин заливал кровью Россию. Эренбург вспоминал пору подписания мюнхенских соглашений, когда Чемберлен и Даладье, боясь войны, отдали Гитлеру Чехословакию: *«Вечером мы с Путерманом ужинали в кафе “Куполь” на Монпарнасе. Я упоминал, что мой друг Путерман редактировал левый еженедельник “Ли”; он был уроженцем Бессарабии, боготворил Пушкина, собирал редкие книги, а сердце у него было совсем не книжное – горячее, страстное. Мы сидели подавленные происшедшим. За соседними столиками французы пили шампанское, тировали. Один из соседей вдруг заметил, что мы возмущены тостами, гоголем, карнавальным весельем, и спросил: “Мы вас, кажется, беспокоим?” Путерман ответил: “Да, сударь. Я – чехословак”. Они притихли, а несколько минут спустя снова стали восторженно галдеть»*⁵⁴.

⁵² Дорогой дочке Л.М.К.-Э. отечески И.Е.Путерман (франц.).

⁵³ Собрание В.Г.Козинцевой, С.-Петербург.

⁵⁴ *Эренбург И.* Собр.соч. Т.7. С.593.

Нервность Путермана все нарастала – окружающие не сразу поняли, что это болезнь. Когда Испанская Республика пала и Савич вернулся в Париж, все вокруг было другим; он писал жене в Москву: «И.Г.<Эренбург. – Б.Ф.> в ужасном состоянии, как и все мы, а Люба <Л.М.Эренбург. – Б.Ф.> серьезно больна. Папаня совсем сумасшедший – словом, представляешь себе атмосферу, если прибавить бесконечные обращения испанцев, несчастье которых превосходит все, что можно вообразить... В Париже очень неприятно, его просто трудно узнать. Если когда-то говорили “Москва слезам не верит”, то уж Париж подлинно слез не любит, и сочувствия, теплоты в нем нет ни на грош...»⁵⁵.

После подписания советско-германского пакта в августе 1939-го Эренбург (его уже с апреля перестали печатать в СССР) заболел. С началом «странной войны» за ним установилась слезка, мало кто из друзей хранил ему верность. «С Путерманом тогда трудно было разговаривать, – написано в четвертой книге «Люди, годы, жизнь», – все его выводило из себя – Даладье, германо-советский пакт, англичане, Финляндия, у него обострилась гипертония. В один из последних вечеров он вдруг начал читать на память стихи Пушкина:

*Оплачьте, милые, мой жребий в тишине;
Страшитесь возбудить слезами подозренье;
В наш век, вы знаете, и слезы преступленье...*

Он умер три дня спустя. Полиция произвела обыск, когда он лежал мертвый. Вытряхивали томики Пушкина... На похороны пришел Возжель. Я помнил его оживленным, снобом, представителем “всего Парижа”. А он стоял на кладбище постаревший, печальный»⁵⁶.

Записная книжка Эренбурга позволяет уточнить все эти даты. Вот короткие записи 1940 года: «18 февраля. Умер Путер. 20-го – обыск у мертвого Путера. 21 – похороны»⁵⁷...

⁵⁵ Архив автора.

⁵⁶ Эренбург И. Собр. соч. Т.7. С.617.

⁵⁷ РГАЛИ. Ф.1204. Оп.2. Ед.хр.387.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ, ОРГАНИЗАЦИИ И СОЮЗЫ

Луи Рапкин, последний ученик Баруха Спинозы

Константин Кикоин (Израиль)

Российские инженеры во Франции

Лев Мнухин (Россия)

**О своей жизни и работе рассказывает
Александр Яковлевич Звигильский (Франция)**

Сионистский деятель Иосиф Ариэль (Фишер)

Михаил Пархомовский (Израиль)

Луи Рапкин, последний ученик Баруха Спинозы¹

Константин Кикоин (Ришон ле-Цион)

J'ai tant d'amour et pour tant des choses².

Луи Рапкин

Попробуйте вообразить себя французским ученым, ну, скажем, физиком или биологом средних лет с высокой репутацией в академических кругах и более чем солидным положением в одном из ведущих парижских научных центров... в черную осень 1942 года. Наци в Париже, большая часть Франции под их пятой. Они захватили почти всю континентальную Европу. Немецкие танки утюжат Северную Африку и где-то на востоке, почти на границе с Азией, нацисты, по-видимому, добивают русских. А вы, допустим, еврей, и ваши ближайшие жизненные перспективы предстают перед вами с беспощадной ясностью.

И вдруг сообщают, что относительно вашей судьбы и судьбы ваших близких у кого-то имеются совсем иные планы. Вам со всей семьей помогают добраться до одного из средиземноморских портов, сажают на корабль, заполненный беженцами, вы пересекаете

¹ В основе этой работы лежат два труда – воспоминания о Рапкине (Louis Rapkin. Vermont: The Orpheus Press North Bennington, 1988) и диссертация Дианы Доско (*Dosso Diane*. Louis Rapkin /1904–1948/ et la mobilisation scientifique de la France libre: Thèse ... docteur de l'Université Paris 7 / Dir. Dominique Pestre. 2 t. Paris, 1998, 23.12.). О герое статьи мы узнали от проф. Ж.И.Абрамовой, которая обратила наше внимание на названную диссертацию. Благодарим Жанну Исааковну, а также Константина Абрамовича Кикоина, который согласился написать о Луи Рапкине, несмотря на чрезвычайную занятость по основной работе и необходимость отъезда в длительную командировку. – *Ред.*

² «У меня было столько любви и к столь многим вещам» (*фр.*) – надпись на надгробном памятнике Луи Рапкину.

Атлантику. В Нью-Йоркском порту вас встречает человек, с которым вы были едва знакомы в довоенной, мирной жизни. Вам помогают оформить документы, без которых беженец ни шагу не может ступить в Новом Свете. В Америке – почти забытое мирное изобилие и жизнь кипит, хотя многие работают «на оборону». Вас тоже ожидает работа по специальности. Вашим близким помогают получить работу или продолжить учебу. Оказывается, вы не один такой счастливец. Еще несколько ваших парижских коллег, и не обязательно еврейской национальности, были вызволены подобным образом. Это похоже на сказку, но это несомненная реальность.

Что за могущественная сила перенесла десятки ученых через океан, волшебным образом спасла их от неминуемой мучительной гибели и вернула к полноценной профессиональной деятельности? Какая организация сумела в беспросветной ночи почти восторжествовавшего нового нацистского мирового порядка столь блестящим образом устроить под носом у оккупационных властей перемещение и обеспечение работой стольких математиков, физиков, биологов мирового ранга и их семей? И какие имена... Адамар! Перрен! Бриллюэн! Оже! Леблон! Вюрмсер! Леви-Стросс... Организация эта состояла из одного человека, и звали его Луи Рапкин. В 1942 году ему было тридцать восемь, и впереди у него оставалось всего шесть лет жизни...

Перед войной французский биохимик Рапкин работал в Институте Пастера. За плечами у него было три (!) эмиграции. Родившийся в местечке под Минском, он был увезен родителями во Францию в семилетнем возрасте в 1911 году. Отец его был портной, покинувший черту оседлости в поисках лучшей доли на волне эмиграции после погромов, которые охватили западные окраины Российской империи на рубеже веков. Во Франции Рапкины задержались ненадолго и через два года перебрались в Канаду, во франкоязычный Монреаль. Нелегкая эмигрантская жизнь скрашивалась теплыми отношениями, царившими в семье Рапкиных. Луи был любимым ребенком, физически развитым, темпераментным и любознательным. Стипендии помогли ему успешно окончить школу, а скопленные отцом небольшие средства – поступить на медицинский факультет университета McGill. Проучившись на факультете два года, Луи в один прекрасный день огородил родителей просьбой разрешить ему использовать деньги, отложенные на его образование, на продолжение учебы во Франции. Именно там, по его мнению, происходили важнейшие события в избранной им науке – биологии.

Мировая экономическая ситуация в начале 20-х годов как нельзя более благоприятствовала проекту Луи – доллар стоил 25 франков, и можно было надеяться, что при экономной жизни имеющихся средств хватит, чтобы завершить учебу в Париже. После долгих колебаний родители отпустили сына, и мать, которая была малограмотна, но очень его любила, тоже взялась за учебу, чтобы переписываться с сыном через океан. И вот двадцатилетний Луи Рапкин в Париже. Он поступает на интересующие его курсы в Сорбонне и получает наконец возможность утолить интеллектуальный голод. Однако его подстерегает голод реальный – ведь практически все родительские доллары ушли на то, чтобы пересечь Атлантику, притом что пришлось устроиться посудомойщиком в камбузе, чтобы покрыть дорожные расходы. Да и здесь, в Париже, он по утрам подрабатывает в обувном магазине на самой черной работе. Уплатив за жалкую меблированную комнатушку, Луи остается до следующего месяца с полсотней франков в кармане, и нередко ему приходится решать, купить кусок хлеба с сыром или пойти в душ. Выбор, как правило, делается в пользу душа... А до следующей получки он дотягивает с помощью глюкозы из лабораторных запасов. Опыт литературного персонажа из гамсуновского «Голода» становится его собственным опытом. Но зато он имеет свой угол в лаборатории профессора Переса и право заниматься тем, что считает нужным.

То, чем интересуется двадцатилетний канадец, в середине 20-х годов еще не имеет установившегося названия, но в скором будущем превратится в биофизику и биохимию. Предметом его интереса становится эволюция живых клеток. В письме домой он описывает свои ощущения начинающего исследователя: *«Наблюдать живые клетки... разбираться в том, что происходит внутри них. Я чувствую себя таким крошечным перед клеткой, этой загадочной вселенной... Бог мой! Я надеюсь, что моя мечта осуществится! Создавать, открывать неизвестное и помогать другим делать то же»*³. Давайте запомним эти строчки, они помогут нам понять необыкновенную жизнь этого человека.

Французские наставники Луи Рапкина довольно быстро оценили приверженность юноши к научным исследованиям и качество его первых экспериментов. На втором году учебы в Сорбонне ему было предложено подать прошение на стипендию Рокфеллеровского фонда. Юноша долго колебался. Всегда готовый помогать другим, сам

³ Introduction // Louis Rapkine. Vermont: The Orpheus Press North Bennington, 1988. P.1–2.

он принимал помощь крайне неохотно. Он полагал, что Rockefeller Foundation – это какая-то благотворительная организация, и категорически не желал просить милостыню у кого бы то ни было. Лишь получив исчерпывающее объяснение о присуждениях стипендий на исследования, он заполнил соответствующие формы и через некоторое время стал Рокфеллеровским стипендиатом. Теперь он мог позволить себе перебраться в только что отстроенный корпус общежития для канадских студентов, Maison Canadienne, в Университетском городке между парком Монсури и Орлеанскими воротами, обновить свой донельзя обветшавший гардероб, посещать концерты классической музыки... и от стипендии кое-что еще оставалось, чтобы помочь нуждающимся студентам.

Летний семестр 1925 года Рапкин провел в Англии на береговой научной станции Роскофф, изучая эволюцию яиц морских ежей. Вскоре после этого он получил приглашение от профессора Рене Вюрмсера в его лабораторию в Школе высших исследований (École des Hautes Études). Во время последующих визитов в Роскофф он свел знакомство с многими английскими учеными, и в частности с биохимиком Дж. Нидхэмом, который впоследствии стал выдающимся историком науки и китаеведом. Человеческие и научные качества Луи Рапкина были по достоинству оценены. Нидхэм пригласил его в Кембридж и представил самым именитым кембриджским профессорам того времени – Резерфорду, Эддингтону и другим. Научная репутация Рапкина во Франции тоже быстро укреплялась, некоторые его эксперименты по делению клеток были доложены в Академии наук Франции. В 1930 году лаборатория Вюрмсера и Рапкина вошла в состав вновь образованного Института физико-химической биологии, и Рапкин был назначен заместителем директора отдела биофизики.

Жизнь, по всей видимости, входила в определенное русло. В 1929 году Луи съездил в Канаду и приехал оттуда не один. С Сарой Меламуд он дружил с детства, и она стала его женой. В перспективе была успешная научная карьера, красивые эксперименты, ученики, академические регалии – нормальные радости и треволения ученого, занимающегося делом, к которому он призван. Один из самых заметных результатов Рапкина по биохимии разделения клеток был, как это называется, «одновременно и независимо» получен крупным английским биохимиком Фредериком Хопкинсом, директором биохимической лаборатории Кембриджского университета. Когда сэр Хопкинс узнал о работе Рапкина, он задержал свою публикацию, чтобы молодой ученый мог утвердить свой приоритет. Впоследствии

они сблизилась, и Хопкинс неоднократно отмечал фундаментальную важность работ Рапкина по функционированию клеток.

Наступил год тысяча девятьсот тридцать третий. В Германии к власти пришли национал-социалисты, и вскоре в немецкой науке повеяли новые – холодные ветры. Этническая принадлежность профессоров, о которой никто не думал в Германии уже лет пятьдесят – со времен реформ Бисмарка, принесших Германии экономическое могущество, вдруг стала предметом повсеместного пристрастного обсуждения. В университетах начались чистки по расовому признаку. Канадский подданный российского происхождения еврей Луи Рапкин немедленно создает Французский комитет по приему иностранных ученых и организации их научной деятельности (*Le Comité français pour l'accueil et l'organisation du travail des savants étrangers*). Не по спасению несчастных еврейских «лишенцев» от притеснений и унижения (о планах «окончательного решения еврейской проблемы» в то время за пределами Германии еще никто не подозревал), а по профессиональному трудоустройству перво-классных специалистов в научных учреждениях Франции. В комитет входили многие из именитых друзей Рапкина, но именно Луи и его жена Сара беседовали с каждым беженцем, вникали в детали его положения, старались подыскать ему такое место, чтобы его профессиональный опыт не пропал и возможности были реализованы наилучшим образом, помогали получить официальный статус, используя связи в государственных организациях, искали частные источники финансирования. Комитет сумел принять более тридцати ученых из Германии, Австрии, Испании и Португалии... При этом сам Рапкин оставался во Франции иностранцем вплоть до 1937 года, когда он, наконец, получил французское гражданство. Он был прекрасно осведомлен о французской ксенофобии. Он писал своему другу Нидхэму: *«Здесь все научные учреждения, кроме нашего Института биологии и Института Пастера, закрыты для нефранцузов. Когда я говорю "закрыты", я имею в виду невозможность получить в них позицию. Да и Институт Пастера в последнее время становится ужасающе враждебным к иностранцам и даже в большой степени антисемитским»*⁴. Но Рапкин делал то, что считал нужным, стараясь не афишировать эту сторону своей жизни и не обращая внимания на тягостную политическую и психологиче-

⁴ Fonds Rapkine: Correspondance avec Joseph et Dorothy Needham. Archives de l'IP.Paris. Цит. по: *Dosso Diane. Louis Rapkine (1904–1948) et la mobilisation scientifique de la France libre: Thèse ... Vol.I. P.77.*

скую атмосферу во Франции, да и во всей Европе. Свои этические и моральные принципы он унаследовал от родителей. Он рассказывал о своем деде, который в ледяную российскую зимнюю ночь подобрал пьяного крестьянина, лежавшего посреди улицы, дотащил его до своего дома, отогрел, привел в чувство, накормил и только после этого отправил во-сво-сяси.

В те же предвоенные годы, когда Рапкин развернул свою первую гуманитарную акцию, он сделал самые яркие работы по механизмам каталитической активности ферментов. К концу 30-х годов он был автором трех с лишним десятков отличных научных статей, имел устойчивую репутацию одного из ведущих биохимиков Франции, и его авторитет в научном сообществе по обе стороны Атлантического океана был весьма высок⁵. Но миссия, которую он принял на себя, отнимала все больше сил, и все больше времени ему приходилось проводить не в своей любимой лаборатории, а в переговорах с официальными и частными лицами, которые помогали ему в его тайной деятельности. «Странная война» и вторжение германской армии во Францию застали его в Англии. Рапкин использовал создавшуюся ситуацию так, как мог сделать только он, – стал первым ученым, мобилизовавшим себя на

**Титульный лист диссертации
Дианы Доссо о Л.Рапкине и его деятель-
ности по спасению ученых**

⁵ О значении этих работ говорит тот факт, что на них до сих пор ссылаются в биохимической лит-ре, и это значит, что высказанные Рапкиным идеи не исчерпали себя. Так, в 2001 г. цитировались два его фундаментальных исследования, в то время как обычные статьи цитируются в течение 10 лет, а особо выдающиеся – 25. Благодарим за это сообщение В.Петрановского. (Ред.)

избранный им фронт, где был поначалу единственным офицером и бойцом. Созданное им *Научное бюро* имело ту же цель, что и *Французский комитет*, организованный семью годами раньше, – спасение и профессиональное устройство ведущих ученых, теперь уже французских, в научных организациях стран антигитлеровского блока. Рапкин связался с генералом де Голлем, который принял его Бюро под эгиду «Свободной Франции». Рокфеллеровский фонд и другие американские организации обеспечили финансирование его Бюро со стороны США, и механизм заработал. 11 декабря 1941 г. Рапкин получил от правительства де Голля в изгнании телеграмму с подтверждением официального статуса его Бюро, а через несколько дней представил первый список лиц, получавших разрешение на въезд в Соединенные Штаты.

Возможности, которыми располагал Рапкин, были весьма велики. Научное бюро действовало в США и Канаде. Государственный департамент в Вашингтоне и лондонский Foreign Office оказывали ему твердую поддержку, хотя Рапкин ни в коей мере не принадлежал к сильным мира сего. Фактически он был такой же изгнанник, как и те, кого он теперь пытался спасти. Никаких шансов продолжить научную работу в своем институте у него не было. Гестапо занесло Рапкина в черные списки, и люди в немецкой военной форме навевались в его пустующую парижскую квартиру (жена и дочь в это время уже перебрались в демилитаризованную зону на юг Франции). Все могущество Бюро основывалось на личных качествах и организационных способностях этого удивительного человека. Рапкин действовал так, как если бы имел статус аккредитованного дипломата, своего рода научного атташе, связи которого простирались от официальных учреждений стран антигитлеровской коалиции до ячеек французского Сопротивления и тайных убежищ, где прятались евреи, спасавшиеся от депортации.

В безжалостной мясорубке войны гибли солдаты и мирные жители, счет погибших и вывезенных в концлагеря шел на десятки и сотни тысяч, армиям Гитлера и его союзников на континенте противостоял только Советский Союз, французские маки и партизаны в Балканских горах. А Луи Рапкин составил список из 57 человек и пытался выволить каждого из них вместе с семьей, найти индивидуальный путь к его спасению. Гибли государства, готовились и осуществлялись «оптовые смерти», а он неуклонно и спокойно выполнял *свою* миссию. Бюро не прекратило деятельность и тогда, когда последний из этого списка ступил на американскую землю.

Ведь задача заключалась не только в том, чтобы спасти ученых, но и в том, чтобы обеспечить им возможность работать в науке. И Рапкин посещал министерства, университеты и институты, добывал паспорта и другие необходимые документы, требовал, доказывал и убеждал. Перед силой его характера, твердостью и искренностью устоять не мог никто. Один из высоких американских чиновников в раздражении спросил у Рапкина:

– А вы не хотите получить американское гражданство?

– Послушайте, – немедленно ответил Рапкин, – я родился в России, воспитывался в Канаде, потом натурализовался во Франции. Вы что, будете меня больше уважать, если я еще раз сменю гражданство, как костюм?

Жена и дочь Рапкина после опасного путешествия по оккупированным и нейтральным территориям и длительного плавания через океан на корабле, заполненном беженцами из поверженной Европы, оказались в Нью-Йорке, который был центром активности Научного бюро и куда собирались все ученые, вызволенные Рапкиным и его помощниками и агентами. Квартирка на 83-й улице Манхэттена, снятая к их приезду, быстро превратилась в пункт по приему беженцев. Луи Рапкин лично встречал каждый пароход и каждый самолет, привозил эмигрантов к себе, помогал с первоначальным обустройством в новом, незнакомом мире. Людям, потерявшим родину, видевшим смерть вблизи, лишившимся многих родных и близких, испытывавшим горечь разрушения всего векового жизненного уклада, не так-то просто было привыкнуть к неизбывному американскому оптимизму и несокрушимой вере в то, что все будет о'кэй, выходить на улицы, заполненные энергичными людьми, не спеша заходящими в магазины с яркими витринами и не боящимися внезапной бомбежки. Рапкин, помогший им добраться до Нового Света, был для них фигурой всемогущей, почти мифической. По его слову открывались двери во все департаменты, выдавались документы, находились места в университетах и исследовательских центрах... А ведь Луи Рапкин был всего лишь *один из них*, не побоявшийся взять судьбу в свои руки и взвалить на себя ответственность за судьбы других. Сверхзадачей Научного бюро и его руководителя было сохранение целостности французской научной колонии. Рапкин был душой этого маленького сообщества и делал все, чтобы предотвратить растворение своей маленькой группы в огромном мире американской науки, вобравшей в себя огромное число эмигрантов из всех стран.

Впрочем, могущество Рапкина не было абсолютным. Правительство США резко ограничивало доступ иностранцев к оборонным

работам, опасаясь шпионов (как мы теперь знаем, опасения были более чем обоснованными, хотя выяснилось это обстоятельство много позже, когда началась гонка за обладание атомным и ядерным оружием). И здесь кончались возможности Луи Рапкина, хотя среди его протеже было немало специалистов в областях, имевших отношение к будущему Манхэттенскому проекту. Некоторые из них (Бертран Гольдшмидт, Жюль Герон, Франсис Перрен, Станислас Винтер) после войны вошли в руководство Французского комиссариата по атомной энергии. Группа специалистов по цепным ядерным реакциям стараниями Рапкина была включена в англо-канадскую ядерную программу, базировавшуюся в Монреале, но после того как Манхэттенский проект вобрал в себя все остальные ядерные программы союзников, французам не нашлось в нем места...

Все эти события происходили в 1943 году. После успехов русских в Сталинграде, американцев в Салерно и англичан в Эль Аламейне, когда стало ясно, что в ходе войны произошел перелом в пользу стран антигитлеровской коалиции, приоритеты в проекте Рапкина изменились. Теперь речь уже шла не о спасении, выживании и трудоустройстве. Конечной целью было обозначено восстановление научного потенциала Франции, катастрофически пострадавшего в результате нацистской оккупации. В 1944 году группа Рапкина начала постепенно перебираться обратно через океан, в Англию, где по его инициативе возникла новая организация – French Scientific Mission in London (Французская научная миссия в Лондоне). Помимо участия в государственных научных программах Великобритании, она ставила своей задачей подготовку научных исследований в будущей послевоенной Франции. Вернувшись в Париж вместе с союзными армиями, Луи Рапкин начинает новый этап своей деятельности в Институте Пастера и немедленно приступает к решению этой задачи. Рокфеллеровский фонд, который поддерживал Рапкина в течение всей его научной жизни, способствует реализации его новых инициатив. Осенью 1945 года он получает от фонда гранты на приобретение современного научного оборудования и на организацию международных конференций. В отчете о работе Французской научной миссии он не только описывает ее деятельность в последние военные годы, но и выдвигает план реорганизации всей системы научно-исследовательской работы во Франции. Многие из идей, высказанных в этом отчете, действительно были реализованы во время реформ, проведенных в конце 50-х годов. Французская республика награждает его орденом Почетного легиона. Наконец можно вернуться к любимой работе, от которой он

самоотверженно отказался шесть лет назад во имя принятой на себя миссии. Но судьба вполне беспристрастна и безжалостна к смертным. Рапкин был завзятый курильщик, то, что у англичан называется *chain smoker*. Его жизнь во Франции и затем в эмиграции требовала постоянного напряжения всех духовных и физических сил. Медицина знает, что предельно мобилизованный организм обладает повышенной сопротивляемостью к болезням. Они, однако, ждут своего часа и набрасываются на человека, когда напряжение спадает. Вскоре после победы стали появляться первые симптомы болезни, и рак легких, бич многих курильщиков, унес Луи Рапкина в могилу 13 декабря 1948 года – в возрасте сорока четырех лет. Похоронен Рапкин на Парижском кладбище Montrouge, неподалеку от *Maison Canadienne*, в котором он провел, быть может, самые счастливые годы своей недолгой жизни.

Конечно, Луи Рапкин был не единственным *праведником* последней мировой войны. Множество людей и организаций участвовали в спасении людей, которых нацистский режим намеревался уничтожить по политическим, идеологическим и расистским соображениям. Среди самых активных организаций этого рода был Чрезвычайный комитет спасения (*Emergency Rescue-Committee*), который создал в Марселе В.Фрай. К сотрудничеству в этом комитете он привлек большую группу известных американских либералов и многих представителей европейской элиты. В числе тысячи двухсот спасенных этим комитетом деятелей европейской культуры были Марк Шагал, Андре Массон, Конрад Хайден, Макс Эрнст, Ванда Ландовска, Жак Липшиц, Генрих Манн и многие другие. На этом фоне список Рапкина из пятидесяти семи фамилий выглядит не столь впечатляюще, даже если иметь в виду имена вошедших в него выдающихся ученых, упомянутых в начале этой статьи. Конечно, если вы пишете многотомную историю мировой войны и следите с высоты птичьего полета за перемещением или гибелью огромных масс людей, попавших в шестеренки чудовищной военной машины, то *список Рапкина* останется незамеченным, так же, как и *список Шиндлера*, до того как на него упал волшебный луч кинематографа. Но для каждого, попавшего в эту мясорубку, масштаб исторических событий определяется тем, что случилось с ним самим и его близкими. *Sub speciae aeternitatis*, история солдата значит несколько не меньше, чем история армии.

В книге мемуаров о Луи Рапкине⁶, в архиве Института Луи Пастера и в диссертации, посвященной истории его Бюро собраны свидетельства многих из тех, чьи жизни были спасены его усилиями и чьи биографии были предопределены знакомством или дружбой с этим человеком. Почти все эти люди, не сговариваясь, называют его святым либо апостолом. Apostolos – по-гречески означает «посланник». Но если вы зададитесь вопросом, чим посланником был Луи Рапкин, то ни один из стандартных ответов не выглядит убедительным. Рапкин, по-видимому, не был религиозен в традиционном смысле слова. Вопросы об устройстве мира и месте человека в нем были в центре интересов Рапкина, но ответ на эти вопросы он искал прежде всего в сфере науки. Вспомним, что первым предметом его научных исследований была клетка – элементарная ячейка, в которой возникает «живое». Клетка для него была равновелика Вселенной. Детальное изучение биохимии деления клеток Луи Рапкин считал неотъемлемой частью исследования мироустройства в целом. Среди трудов Рапкина есть и «Заметки по научной теории эстетики». В этих заметках он применяет идеи термодинамики необратимых процессов, управляющие закономерностями эволюции неживой и живой природы, к художественному творчеству. С его точки зрения, работа художника или музыканта есть акт, направленный против стрелы необратимости времени и противостоящий мировой термодинамической тенденции к старению и разрушению. Физическое и умственное состояние музыканта в момент исполнения великой музыки Баха или Бетховена реализует на несколько мгновений тот высший порядок, который этой музыкой зафиксирован и озвучен.

Друзья замечали в характере Рапкина необыкновенную смесь идеализма и реализма. Но для самого Луи Рапкина никакого зазора между абстрактными идеалами и конкретными практическими поступками, по-видимому, не существовало. Он просто поступал в соответствии с этими идеалами. Именно эта кажущаяся простота *правильного* поступка недоступна большинству из нас. Потому-то Рапкин и казался святым многим своим друзьям, хотя сам он никакого нимба над челом не ощущал и никогда ни в малейшей степени не вел себя, как знаменитость или Very Important Person.

Леон Эдель, канадский журналист, а позднее – известный литературовед и биограф Генри Джеймса, друживший с Рапкиным еще с

⁶ Louis Rapkine. Vermont: The Orpheus Press North Bennington, 1988. 168 p.

полуголодных студенческих лет в Париже, пишет: «Я всегда замечал в Рапкине странную смесь невинности и высокоумия. В ранней молодости он открыл для себя Спинозу и принял его в качестве жизненной модели... Было нечто в его воспитании, что предохраняло его от самодовольства или интеллектуального снобизма, которые нередко являются спутниками “высоколого” интеллектуализма – возможно, это шло от глубоко прочувствованной еврейской традиции, воспринятой еще в хедере. Она стала основой, на которую он мог опереться, приступив к чтению Платона и Спинозы. Полировальщик линз Барух Спиноза воспламенил его ум идеей, что все конечное является неотъемлемой частью бесконечного, идеей целостности, равновеликости материальной и духовной жизни и неделимости пространства»⁷. В письме другу Солу Мюльштоку, датированном 2 января 1934 г., Рапкин писал: «Любой человек может представить себе, что существует некто, более совершенный, чем он, или, другими словами, всегда можно вообразить индивидуума, находящегося в большем равновесии с природой и ее законами, чем ты сам. К этой категории я отношу таких людей, как Спиноза, Бах, Шекспир, некоторых из еврейских пророков... Пока я нахожу мои научные методы гораздо менее адекватными, чем, скажем, методы Спинозы... но я надеюсь, что, усовершенствуя ум и сердце, я когда-нибудь смогу достичь этих высот»⁸.

Спиноза, проведший жизнь в Амстердаме, был тем не менее внутренним эмигрантом. Подвергшийся херему и изгнанный из еврейской общины за вольномыслие, он не стал изгоем и не отринул Бога. Он просто вел с ним особый диалог. «Геометрический метод», которым Спиноза обосновывал свои богословские, политические и этические взгляды, был для него инструментом познания целостного и неделимого мира. «Теоремы» спинозианской этики многое объясняют в мировоззрении и биографии Луи Рапкина:

- человек свободный ни о чем так мало не думает, как о смерти, и его мудрость состоит в размышлениях не о смерти, а о жизни;
- человек, руководствующийся разумом, стремится, насколько возможно, воздавать другому за его ненависть, гнев, презрение к себе и т.д., напротив, любовью и великодушием;

⁷ *Edel Leon. Unwritten Lives: Memoir of Louis Rapkine // Vermont: The Orpheus Press North Bennington, 1988. P.23.*

⁸ *Muhlstock Saul. An Enduring Friendship // Idem. P.87.*

— сострадание в человеке, руководствующемся разумом, само по себе дурно и бесполезно⁹.

Эта последняя максима, возможно, кажется парадоксальной, но именно она помогает понять направленность *гуманизма* Рапкина. Если и можно назвать Рапкина чьим-нибудь апостолом, то человек, пославший его с миссией, звался Барух Спиноза.

Свое сострадание к жертвам нацизма Луи Рапкин проявлял максимально конкретно и целенаправленно. Для него гуманитарная деятельность по спасению ученых была естественным продолжением научной работы и подчинялась тем же принципам целостности познаваемого мира. Не партизанская война вообще, не негодующая публицистика или участие в международных комитетах, а четкая и, что очень важно, *реализуемая* программа действий. Никаких деклараций и петиций. Он просто составил список, продумал методы работы и последовательно реализовывал программу, пока все люди, внесенные в этот список, не оказались там, где должны были оказаться. Тридцать девять научных статей и несколько десятков спасенных ученых и членов их семей — это *личный* вклад Луи Рапкина в борьбу с мировым хаосом и силами разрушения. И это не так мало перед лицом вечности.

А срок жизни, отмеренный Спинозе, был тот, же, что и у Рапкина. Барух Спиноза умер от туберкулеза в возрасте 45 лет.

⁹ Спиноза Б. Этика. СПб.: Азбука, 2001. С.280, 282, 298.

Российские инженеры во Франции

Лев Мнухин (Москва)

О роли русских и еврейских инженеров в научно-технической и общественной жизни русского зарубежья и приютивших их стран написано крайне мало. Если писателям, художникам, религиозным деятелям, масонам, генералам и офицерам и др. посвящены целые справочники, то все работы о российских инженерах за границей сводятся, как правило, к 20–30 именам, таким, как авиаконструкторы Я.Д.Акерман, Б.В.Корвин-Круковский, А.М.Никольский, А.Н.Прокофьев-Северский, И.И.Сикорский, инженер-электронщик и ученый В.К.Зворыкин, конструкторы-кораблестроители Я.М.Хлытчиев, А.П.Фан-дер-Флит, В.И.Юркевич, аэро- и гидродинамик Д.П.Рябушинский, инженер-строитель С.П.Тимошенко, инженеры И.И.Махонин, Г.Н.Пио-Ульский, И.А.Рубинский и др. (см., например, в кн.: «Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энцикл. биогр. слов.». П.Е.Ковалевский в своем знаменитом труде «Зарубежная Россия» инженерным и техническим наукам посвятил крохотную главку. (Из инженеров, живших во Франции, в книге упомянуты специалист по точным приборам физик Ф.Е.Волошин, гидравлик А.В.Дейша, инженер-строитель А.М.Волженский, Е.А.Вечорин, А.А.Кириллов, Дм.Г.Балаховский, Г.С.Давидов.) В известном сборнике «Российские ученые и инженеры в эмиграции» (под ред. В.П.Борисова. М., 1993) инженерам из первой волны эмиграции также отведено всего несколько страниц. Однако подобная картина, на наш взгляд, не отражает действительности. Настоящий краткий обзор призван расширить существующие представления в этой области, привлечь внимание специалистов, занимающихся историей российского зарубежья, к данному, несправедливо забытому ее разделу и ввести в научный и справочный аппарат малоизвестные или совсем незнакомые читателю имена инженеров из России, живших и творивших во Франции.

В основу обзора положено рассмотрение трех основных направлений деятельности инженеров: организация системы технического высшего и среднего образования, работа по профессиям на заводах, предприятиях, в конструкторских бюро и т.д. (на примере нескольких конкретных биографий, а также сведений о важнейших достижениях и изобретениях), общественная деятельность, включающая

в себя, помимо решения социальных проблем, вопросы налаживания и проведения научно-популярной лекционной работы, культурных мероприятий, сотрудничества с другими общественными организациями и т.д.

В качестве главных источников информации для составления обзора использована литература, список которой указан в конце статьи. При этом, учитывая большое количество приводимых мелких фактов, мы решили отказаться от ссылок по каждому поводу. Отметим лишь, что подавляющую часть включенных в обзор сведений можно найти в [5,7].

В первые два десятилетия эмиграции среди инженеров-эмигрантов преобладали специалисты, получившие образование еще в дореволюционной России. Однако вопрос подготовки инженерных сил за границей и их трудоустройства встал уже в самом начале 1920-х гг. В 1920 г. в Париже под покровительством французского и югославского правительств был открыт Политехнический институт (66, bd Exelmans, 16-e), положивший в эмиграции начало заочному обучению на славянских языках. Институт готовил инженеров по специальностям электротехники и гражданских сооружений. Общее число студентов в отдельные годы превышало 8 000 человек. Первым директором института стал инженер З.Н.Файн. Общество окончивших Политехнический институт, созданное для поддержания связи между его воспитанниками и защиты их профессиональных интересов, возглавил инженер-электротехник Г.З.Лейзерсон.

Но вскоре выяснилось, что число желающих получить или продолжить начатое в России техническое образование заметно превышает возможности института, имеющего к тому же всего два отделения. Более широкий выбор специальностей стал возможен, когда в 1921 г. в помещении Североамериканского христианского Союза молодых людей (ХСМЛ; 10, bd Montparnasse, 15-e) открылся прием еще в одно техническое учебное заведение: в Русскую политехническую школу заочного преподавания. Набор студентов производился на 11 отделений, в том числе на машиностроительное, автомобильно-тракторное, авиационное, радиотехническое, архитектурно-строительное, путей сообщения и др. Школа готовила инженеров, помощников инженеров и техников. Директором школы был назначен П.Ф.Андерсон. В 1931 г. на базе этих двух учебных заведений был создан Русский высший технический институт (29, rue St-Didier, 16-e), что явилось новым крупным начинанием в области подготовки инженеров из среды российских эмигрантов. В первый же год существования Институт ходатайствовал перед

французским правительством о том, чтобы его отнесли в ведение министерства народного просвещения. Ходатайство Института было удовлетворено, а это автоматически означало, что его дипломы становились эквивалентными дипломам соответствующих французских высших технических школ. Чтобы сделать Институт доступным для широких слоев российской эмиграции, его правление установило плату за обучение в три раза ниже аналогичных французских школ. В июле 1935 г. состоялся первый выпуск дипломированных инженеров Института. Все они, как и при последующих выпусках, смогли устроиться на инженерные должности в различных отраслях промышленности в разных странах. К этому можно добавить, что с учетом растущей потребности в специалистах новейшей техники в 1920-е годы в Париже в Практической школе радиотехники (57, rue de Vanves, 17-е) была открыта русская секция во главе с инженерами Н.Яфаровым и Л.Тарновским. Дипломы секции были признаны военным и морским министерствами Франции. Несколько позже начали работать Курсы радио и телевидения под руководством инженеров Е.Д.Айсберга и А.Л.Неусыхина (48, rue de Passy, 16-е), возникшие на базе недолго просуществовавшего Русского радиотехнического института (1932–1933).

Одновременно с созданием системы технического образования русские и еврейские инженеры начали деятельную работу по организации общественных объединений. В 1920–1930-е годы в Париже были образованы и действовали Союз русских инженеров во Франции (с 1933 г. в названии укрепились «дипломированных инженеров») и при нем Союз русских студентов-техников, Общество русских инженеров в Париже, Общество еврейских инженеров и архитекторов, Общество русских химиков, Общество инженеров путей сообщения, Союз морских инженеров, Союз русских электротехников, Объединение петроградских политехников, Кружок молодых инженеров, Кружок любителей радиотехники и др.

Раньше других, если не считать Общество русских инженеров (о чем будет сказано ниже), образовался Союз русских инженеров во Франции. «Последние новости» от 8 октября 1920 года оповестили читателей, что новый Союз начал свою работу 5 октября по адресу 5, pl. Palais Bourbon, 7-е в помещении Ассоциации русских финансистов, в одном из самых известных в 1920-е годы среди эмигрантов из России зданий. Здесь начинали свою жизнь весной 1920 года «Последние новости», летом того же года здесь был учрежден Союз русских писателей и журналистов, спустя год основан Русский народный университет и др. Осенью 1921 г. в Союзе начал работать лекционный зал, открывшийся циклом лекций физика и

журналиста Е.В.Ратнера о теории Эйнштейна и материализации энергии. С первых дней существования Союза его научные и научно-технические собрания стали регулярными. За период 1920–1929 гг. было проведено более 80 таких собраний. Из главных тем состоявшихся докладов следует отметить: двигатели внутреннего сгорания (В.П.Аршаулов, М.Бруцкус), статистические расчеты элементов аэропланов (П.Н.Финисов, В.Грязнов), проектирование ирригационных сооружений (С.Н.Лелявский), подъем затонувших судов, в частности линейного корабля «Либерте» в Тулоне в 1921–1925 гг. (И.И.Бокановский, М.В.Виноградов), радиотехника (Е.В.Трикоза, А.М.Шефтель), автогенная и электрическая сварка (В.Сонин), преподавание в технических учебных заведениях (П.П.Чубинский), выпрямительные устройства на электронных лампах и их применение (А.А.Кириллов), средства связи (И.Л.Мостков, Мшанецкий), автомобильный и железнодорожный транспорт (П.И.Секретев, П.П.Юренев), вопросы инженерной обороны (П.П.Ставицкий), обработка металлов (Н.И.Цыпкевич), доклады на общие и социальные темы: политическая карта мира и Россия, возможности переселения в Южную Америку,

В начале 1929 г. Союз русских инженеров переезжает в новое помещение по адресу 3, rue Nicolo, 16-е. В январе 1931 г. Союз насчитывал 450 членов. При Союзе была открыта библиотека и образована касса взаимопомощи, выдававшая наиболее нуждающимся краткосрочные ссуды. В 1933 г. Союз вошел в Палату Синдиката инженеров Франции, а его члены могли официально участвовать в мероприятиях французских инженерных объединений. Тематика докладов (около 60) в период 1930–1940 гг. в полной мере отражала новые направления в науке и технике: авиационные двигатели и моторы (В.Г.Рафаилов), новые решения при конструировании больших судов (В.И.Юркевич), применение железобетона (М.А.Кедров, П.А.Богуславский), изучение промышленного потенциала Германии (7.10.1931, Л.Е.Вайнштейн), перегонка и переработка нефти (В.Я.Гудков), телевидение (Д.К.Стрелков), современные гидроэлектростанции (Н.Н.Бернацкий, О.И.Ядов), роль современного инженера в мире, будущее русских инженеров, обзоры современных технических журналов и т.д.

Союзом руководило его правление, в состав которого в разные годы входили: П.Н.Финисов, Н.В.Брадке, П.С.Сергеев, А.М.Волженский, Н.Н.Изнар, Б.В.Никитин, Л.Ю.Михневич, Н.Л.Фриман, В.А.Мшанецкий, П.К.Монахов и др. Помимо научно-технической деятельности, Союз устраивал благотворительные вечера. Первый состоялся 3 ноября 1921 г. в отеле «Мажестик». Союз русских сту-

дентов-техников, действующий при Союзе инженеров, провел концерт с участием русских артистов, сбор от которого стал платой за обучение неимущих студентов-техников.

В ноябре 1931 г. при Союзе русских инженеров был организован научно-технический Кружок молодых инженеров, который возглавили председатель О.И.Ядов и его помощник Г.Б.Ошмянский. Кружок располагался в помещении Федерации Союзов русских инженеров (3, rue Nicolo, 16-е), затем перебрался в помещение Общества галлиполийцев (81, rue de la Faisanderie, 16-е). В предвоенные годы члены Кружка провели 60 собраний.

Вслед за Союзом, 25 февраля 1922 г., организацией вечера в пользу голодающих России возобновило прерванную войной деятельность Общество русских инженеров, созданное в Париже еще в 1913 г. С первых дней оно обосновалось в помещении по адресу: 44, rue des Rennes, 6-е. Большинство инженеров, объединенных в Общество, составляли русские евреи. Его правление возглавляли в разные периоды Н.А.Лазаркевич (1925), Л.Е.Вакхевич (1930), Л.А.Мирлес (1931), А.И.Маргулиес (с 1933 г. и до начала войны), членами избирались Ю.П.Гольдштейн, М.И.Розенфельд, В.А.Никольский, С.И.Коган, Е.П.Руднев, А.Э.Вайсберг, И.О.Маршак. 9 февраля 1921 г. состоялось первое научно-техническое собрание Общества, на котором с обзором применения электрической тяги на железной дороге выступил инженер М.Л.Кремер. Всего таких собраний в 1920–1930-е гг. состоялось около 100. С докладами в Обществе выступали (о некоторых из них подробнее см. ниже): А.С.Алисов, М.Л.Беренгольц, Л.Е.Вакхевич, Ю.П.Гольдштейн, М.Л.Кремер, А.И.Маргулиес, Л.А.Мирлес, В.С.Маргулиес, М.И.Розенфельд, Н.И.Цыпкевич, Д.О.Цыперович, инженер-технолог М.П.Зейлигер (двигатели внутреннего сгорания), инженер-строитель В.В.Левитан, инженер-электрогальваник А.И.Мазе, инженер-технолог Е.И.Рабинович (хлебопекарная техника) и др.

Из всех инженерных организаций Парижа Общество русских инженеров выделялось активной культурной и благотворительной деятельностью. С 1928 по 1938 г. ежегодно в различных престижных залах столицы устраивались традиционные балы Общества в пользу его безработных и больных членов. Для участия в концертных программах приглашались известные артисты и музыканты. Среди них были виолончелист А.Михельсон, певицы М.Давыдова, Н.Карандакова, Н.Кашук, певец И.Мозжухин, скрипач В.Вульфман, пианистка Ф.Гольдштейн и др.

Активной научно-технической организацией в Париже в течение многих лет было Общество русских химиков (44, rue de Rennes, 6-e). Общество объединяло свыше 150 химиков-эмигрантов, устраивало регулярные заседания, посвященные вопросам чистой и прикладной химии, физики и биологии, вопросам современной научной и технической мысли. Большинство докладов, прочитанных в Обществе, печаталось во французских научных журналах. В правление Общества (пред. проф. А.А.Титов) в разные годы входили инженеры И.А.Пастак, Д.С.Лесник, д-р С.Н.Зейдман, Ц.А.Шац, С.М.Шерешевский, Э.И.Юбельман.

Просветительская работа среди настоящих и будущих инженеров была в Париже в те годы настолько интенсивной, что зачастую лекции проходили в один день в разных местах. 18 апреля 1928 г. в помещении Союза П.И.Секретев прочел доклад «Грузовые автомобили» и сделал сообщение о Техническом музее в Мюнхене, в то же время в помещении Общества известный фотограф П.И.Шумов прочел лекцию «Воспроизведение цветов фотографическим путем», 30 мая того же года член Союза радиоинженер В.А.Мишанецкий рассказал о технических средствах воспроизведения грамзаписи, а в помещении Общества М.И.Розенфельд объяснял аудитории, как собственными силами построить выпрямитель тока для зарядки маломощных аккумуляторов. Подобных примеров можно привести немало.

Нередко в качестве докладчиков на собрания Союза и Общества приглашались известные ученые и деятели науки. Среди них: проф. металлург Н.Т.Беляев, проф. медицины В.Н.Новиков, проф. гидравлики А.В.Дейша, проф. Г.Н.Пио-Ульский (Югославия), проф., специалист по нефти Н.И.Авнатамов, публицист Б.П.Кадомцев, проф. социологии Г.Д.Гурвич, доктор медицины Я.О.Кефели, публицист и социолог А.М.Кулишер, инженер-химик, писатель Б.Пантелеймонов и др. Общественно-политический деятель, сотрудник «Еврейской трибуны» и «Последних новостей», инженер, выпускник Горного института в Париже Я.Л.Делевский постоянно участвовал в заседаниях и собраниях инженерных организаций, выступал с докладами на научно-популярные и технические темы о космосе, астрономии, статистике, техническом прогрессе. В 1938 г. в Обществе русских инженеров он сделал интересный доклад на тему: «Эволюция техники и история культуры». С именем Я.Л.Делевского связано и единственное известное нам собрание Общества еврейских инженеров и архитекторов, состоявшееся 15 октября 1932 г. в зале «Мютюалите». Им был прочитан доклад «Проблемы полетов в стратосфере». (К сожалению, мы не распола-

гаем никакой информацией о возникновении и работе данного Общества. Возможно, оно, образовавшись гораздо позднее других, недолго просуществовало и к тому же могло испытывать финансовые затруднения.)

В начале 1930-х гг. в Париже был образован Объединенный комитет инженерных и технических организаций (ОКИТО), главной задачей которого было привлечь инженеров и ученых к участию в традиционных Днях русской культуры, которые проводились во Франции и других странах ежегодно начиная с 1925 г. Первый День русской культуры в области техники и прикладной науки под эгидой ОКИТО состоялся 26 июня 1932 г. в помещении Общества русских инженеров. Программа праздника включала в себя открытие выставки работ, изобретений и научных трудов российских инженеров за рубежом, доклады Л.А.Мирлеса, М.А.Кремера, П.К.Монахова, П.П.Юренева, В.Н.Изнара, проф. Н.И.Авнатамова и др. На втором празднике техники (18 июня 1933 г.) тон задавали ученые. С докладами выступили профессора Н.И.Авнатамов, Н.И.Беляев, Д.П.Рябушинский, А.А.Титов. Три последующих Дня были тематическими. 10 июня 1934 г. инженеры отметили День русской культуры торжественным собранием, посвященным 100-летию со дня рождения Д.И.Менделеева. Председательствовал П.К.Монахов. Темой следующего праздника русской техники, прошедшего под председательством Г.Б.Слиозберга, доктора В.Аитова и французского ученого Камила Пьетри, был «Вклад русского технического гения в развитие электротехники от Яблочкова, Попова, Лебедева и Столетова до наших дней» (30 июня 1935 г.). Пятый, последний, День русской культуры в области техники и прикладной науки ознаменовался собранием на тему «Русский научный и технический труд в завоевании воздушного пространства» (14 июня 1936 г.).

Неоценимый вклад внесли русские и еврейские инженеры во внедрение новейших технических решений в самые разнообразные отрасли промышленности. Многие из этих решений были выполнены на уровне изобретений и запатентованы. Количество их, по видимому, должно исчисляться сотнями и тысячами. Мы же назовем лишь некоторые из них, такие, как «Новый способ изготовления железобетонных конструкций и шпал, придающий им исключительную прочность и гладкую поверхность» (инженер путей сообщения В.П.Вейнберг, 1926–1928; его способ нашел широкое применение в железнодорожном хозяйстве Франции), «Железобетон с листовой арматурой» (инженер П.А.Богуславский, 1931; несколько лет занимался дорожным строительством во французских колониях в Африке), «Новый принцип сверхнасыщения автомобильных и

авиационных моторов» (инженер В.Г.Рафаилов, 1931), «Усовершенствование ленточного тормоза» и еще ряд изобретений в автомобиле- и станкостроении (инженер-технолог, будущий пионер космонавтики А.А.Штернфельд; подробнее см. в т.3(8) настоящего издания, стр. 286–300), «Особый карбюратор “Каталекс”» (инженер-технолог Дм.Г.Балаховский; см. о нем далее), «Переменный конденсатор большой емкости» (инженер-электрик М.Л.Беренгольц; см. о нем далее) и многие др. Над изобретениями в самолетостроении работал выпускник парижской Высшей школы авионавтики и механических конструкций В.А.Грюнберг, в начале Второй мировой войны уехавший в США. Проблемами оформления изобретений и патентов, их внедрения и защиты занимались инженер-механик М.М.Гофман (в 1920-е гг.), позже, начиная с 1930-х годов, инженер С.Б.Гербильский, брат А.Б.Гербильского (см. далее), член правления Союза, после войны избранный тов. председателя.

Участие инженеров, выходцев из России, в развитии инженерного дела во Франции можно проследить также по их печатным трудам, публикациям, выступлениям на научно-технических заседаниях и др. Вновь ограничимся для иллюстрации сказанного несколькими примерами. В августе 1931 г. инженер В.С.Маргулиес, который занимался техническими проблемами передачи тепла в движущихся жидкостях и газах, с отличием защитил в Сорбонне диссертацию по номографии, где предложил эффективное использование номограмм в аэродинамических расчетах. В декабре 1932 г. В.С.Маргулиес был удостоен Академией наук Франции специальной премии за свои работы по номографии, а спустя полтора года он получает приглашение от японского правительства возглавить постройку новых аэродинамических лабораторий, что явилось первым приглашением специалиста в этой области из Франции. Член правления Общества русских инженеров в течение многих лет, специалист в области прикладной электротехники М.И.Розенфельд внес заметный вклад в решение проблем изготовления и применения современных выпрямительных устройств для систем связи, промышленных и сельскохозяйственных установок. За заслуги в области электротехнической промышленности М.И.Розенфельд был награжден французским правительством серебряной медалью (1931 г.). Попутно он уделял много внимания социальному положению российских инженеров и техников во Франции, регулярно ставя эти проблемы на заседаниях Общества (8 и 29 октября 1930 г. – «Положение инженеров во французской промышленности», 14 октября 1931 г. – «Положение русского инженера во Франции в связи с промышленным кризисом и перспективы для оканчивающих тех-

нические школы во Франции», 28 ноября и 9 января 1935 г. – «Кризис и русская эмиграция» и др.).

Инженер-химик А.И.Вестерман, работая в Лионе в химической лаборатории над производством минеральных и органических продуктов, создал новые материалы для электротехники, телевидения (в том числе для покрытия экранов), медицины и др.

Активный деятель Общества ремесленного труда, инженер-электротехник М.Л.Кремер свои первые работы посвятил современным схемам электроснабжения транспорта, о чем говорят темы его докладов в Обществе русских инженеров, например, «Новейшие достижения электрической тяги» (1922 г.), «Электрические автобусы» (1922 г.) и др., а начиная с конца 1920-х годов он один из первых переключился на новую область техники – электронику, сосредоточив свои усилия на одном из ее направлений, а именно электроакустике.

Работавший в Париже и Лионе один из основоположников радиационной химии, автор капитальной монографии «Ядерная химия и ее приложения» М.Гайсинский* внес заметный вклад в решение проблем использования радиоактивных изотопов в промышленности.

Архитекторы Б.Я.Криммер и И.И.Фидлер участвовали в разработке проекта здания Музея современного искусства в Париже, а по проекту А.М.Волженского было построено здание американского посольства на place de la Concorde и на Всемирной выставке 1937 года в Париже – павильоны Австрии и Мексики.

Инженер-химик М.С.Мендельсон, общественный деятель, бывший одним из лидеров Бунда, консультировал крупнейшие французские фирмы по проблемам промышленной химии.

Уже упоминавшийся нами инженер В.П.Вейнберг во второй половине 1930-х гг. выполнил ряд работ по применению новых способов приготовления бетона и железобетона: прессование, вибрация, центрифуга.

23 июля 1924 г. инженер-технолог и математик М.Д.Бруцкус выступил в Союзе с изложением своей теории двигателей внутреннего сгорания и топлива, за которую позже, после публикации на французском языке, был удостоен Академией наук Франции почетного отзыва.

Инженер-геолог Б.Шуберт стал автором оригинальной химико-математической классификации горных пород, а его брат Георгий

* См. о нем отдельную статью в настоящей книге. (Примеч. ред.)

успешно работал в Марокко в качестве ведущего специалиста по геологической съемке.

Вопросами техники звукового кино занимался инженер-радиотехник А.М.Шефтель (1920-е гг.), новыми методами обработки металлов резанием – инженер-электромеханик Н.И.Цыпкевич (1930-е гг.), внедрением новых видов датчиков (фотоэлементов) в автоматических системах мощных электростанций – инженер-электрик А.С.Алисов (1937-38), проблемами синтетической нефти – инженер-технолог Д.О.Цыперович. Этот перечень можно продолжать довольно долго.

Многим инженерам удавалось совмещать свою профессиональную работу с общественной, культурной или какой-либо иной деятельностью. Инженер-электротехник С.Дридза занимался журналистикой, одно время был директором парижской газеты «Наше слово» (1930-е гг.). Инженер-электрик И.Пескин работал во французской технической фирме и одновременно сотрудничал в «Юма-

Борис Прегель

ните» (1920-е гг.). Инженер-химик И.А.Пастак увлекался медальерным искусством, в 1958 г. вместе с братом, инженером-электротехником С.А.Пастаком изготовил памятную медаль по случаю 100-летия со дня рождения ученого-этнографа А.А.Башмакова. Инженер-физик Б.Ю.Прегель был крупным общественным деятелем, писал музыку (см. о нем подробнее: ЕВКРЗ. Т.4. С.426–433). Инженеры Т.А.Шамшин и С.И.Шоник участвовали в серьезных соревнованиях по шахматам, оба возглавляли русские шахматные кружки в Париже. Инженер-физик Е.В.Ратнер увлекался философией, читал лекции. Его коллега А.Б.Гербильский был художником. И вновь впереди долгий перечень.

С началом германской оккупации деятельность инженерных организаций в Париже была прервана. Отдельные попытки продолжить эту работу были предприняты Союзом русских дипломированных инженеров. В марте 1941 г. его правление через берлинскую газету «Новое слово» (23 марта) предложило инженерам, техникам и чертежникам работу в Германии и Франции. Первое собрание Союза в оккупированном Париже под

председательством Б.А.Гурского состоялось в сентябре 1942 г. в помещении Общества галлиполийцев. С докладом о положении железных дорог в России выступил П.Д.Кандауров. Затем состоялось еще два собрания. Союз начал выпускать бюллетени, содержащие отчеты о докладах и хронику событий. Последним мероприятием Союза при оккупации явилось открытие с разрешения германского командования в ноябре 1942 г. краткосрочного политехникума, где основной специальностью была строительная. Неизвестно, удалось ли кому-нибудь окончить это учебное заведение.

25 августа 1944 г. Париж был освобожден от оккупантов. Спустя ровно полгода, 25 февраля 1945 г., Союз провел свое первое послевоенное общее собрание, на котором было выбрано правление во главе с П.Н.Финисовым. В него вошли также С.Б.Гербильский, А.В.Мержанов, К.Г.Барковский, Б.А.Богоявленский, Н.И.Цыпкевич и др. В марте того же года по инициативе адмирала М.А.Кедрова была создана Комиссия по подготовке к организации Объединенного союза русских дипломированных инженеров во Франции с целью идеологического сближения с родиной. Предполагалось объединить Союз и Общество, а также Общество инженеров-химиков, Союз морских офицеров и Кружок молодых инженеров. Инженеры-химики не захотели объединяться, а Союз инженеров, хотя и вошел на первых порах в Объединение, практически остался самостоятельной организацией, провел сначала 1 июля 1945 г. свое отдельное общее собрание, а затем продолжил свою независимую деятельность. Союз стал использовать помещение Российского музыкального общества за границей, переехав в 1948 г. в Дом РСХД (91, rue Olivier-de-Serres, 15-e), а новое объединение обосновалось в помещении 44, rue de Rennes, 6-e. Наряду с традиционными техническими темами в Объединенном союзе было немало докладов, посвященных Советскому Союзу, такие, как «Финансовое хозяйство СССР», «Организация и развитие сельскохозяйственного опытного дела в СССР», «От капитализма к новым общественно-хозяйственным системам» и др. 8 ноября 1945 г. в Объединенном союзе состоялось заседание, посвященное памяти инженеров Л.А.Мирлеса, Л.Е.Вакхевича и А.И.Маргулиеса, погибших от рук фашистов. Слово произнесли М.И.Розенфельд, Е.П.Руднев и др. Всего за три года своего существования Объединенный союз организовал около 70 собраний, основными направлениями которых были металловедение и металлообработка, химические вещества и процессы, сельскохозяйственная техника, термическое оборудование электростанций. 11 декабря 1948 г. декретом французского

правительства Объединенный союз русских дипломированных инженеров был упразднен.

Довоенный Союз, активно проведя послевоенные годы, продолжал свою деятельность и в 1950–1960-е годы, расширив область своих интересов такими современными темами, как «Атомная энергия и атомные установки», «Силовая и прикладная электротехника», «Мощные сталеплавильные печи» и т. д.

* * *

Завершая наш обзор и в подтверждение приведенных выше отдельных общих выкладок, приведем несколько выбранных на наше усмотрение ярких имен еврейских инженеров, выходцев из России, которые внесли заметный вклад в развитие французской промышленности и науки и в общественную жизнь русско-еврейского Парижа:

Анатоль Абрагам

Абрагам Анатолий Семенович (р. 1914, Россия), инженер-электрик, физик. Окончил Высшую электротехническую школу в Париже. Сразу после войны молодой специалист был принят на работу в Комиссариат по атомной энергии. Руководил исследованиями в области физики. С 1960 г. профессор Коллеж де Франс. В 1965 г. был избран президентом Общества французских физиков. Кавалер ордена Почетного легиона и Национального ордена «За заслуги».

Абрагамсон Артур Адольфович (1854, Одесса – 1924, Париж), инженер путей сообщения, действительный статский советник. Окончил Политехнический техникум в Цюрихе. Был комиссаром русского железнодорожного отдела на Всемирной выставке в Париже (1900). Бывший член правления Московско-Казанской железной дороги, Елисаветградского электрического общества и др. В эмиграции с 1918 г. Обосновался в Париже. Активно занимался общественными делами в среде инженеров. Состоял членом зарубежного Совета частных железных дорог в России, а в марте 1923 г. на первом съезде русских инженеров в Париже был избран тов. председателем президиума Федерации Союзов русских инженеров за границей.

Айсберг (Айзберг) Евгений Давидович (1905, Одесса – 1980, Париж), инженер-электронщик, издатель. Учился в Одесском политехническом институте. Во Франции с середины 1920-х. Работал техническим директором издательства «Широн» (1925–1933), затем возглавил Общество издательства по радио (с 1934 г.) Занимался проблемами записи и воспроизведения звука и современными моделями радиоприемников. Выступал с докладами в Обществе русских химиков (8 марта 1931 г.), на собраниях Кружка русских инженеров (17 марта 1933 г.), читал лекции на Курсах радио, телевидения и звукового фильма (1930-е). Участвовал в открытии Русского радиотехнического института (31 мая 1932 г.), сделал там доклад об особенностях современных радиоприемников, выступал с практическими советами радиолюбителям. Основал и был директором ведущих технических журналов «Вся электроника», «Радиоконструктор», «Телевидение», «Промышленная электроника». Автор многочисленных трудов по математике, радио и телевидению. В 1961 г. был избран президентом Международного союза прессы по радиотехнике и электронике.

Балаховский Альфред Арнольдович (1901, Каротча, Россия – 1983, Париж), инженер-агроном, доктор наук. Окончил Высшую агрономическую школу в г. Ренн. Работал директором управления сельским хозяйством в Алжире (1923–1929), затем в Институте исследований по агрономии. Участник Сопrotивления, прошел концлагерь Бухенвальд. О своем пребывании в лагере рассказал в июне 1945 г. на собрании, организованном Комитетом «Франция – СССР». Был награжден Военным крестом и медалью Сопrotивления. После войны был приглашен в Пастеровский институт на должность управляющего делами. С 1962 г. – профессор в Национальном музее естественных наук. Президент Международной организации биологов в борьбе против уничтожения природы. Автор 250 публикаций по научной и прикладной энтомологии. За свою инженерную и научную деятельность был награжден орденом Почетного легиона.

Балаховский Даниил Григорьевич (1862, Киев – 1931, Париж), инженер, промышленник. В России владел сахарными заводами. Брат Дм.Г.Балаховского. Был женат на сестре Л.И.Шестова Софии. Представлял французское благотворительное общество и французское консульство в Киеве. С 1919 г. жил в Париже. В эмиграции помогал Шестову, предоставил его семье свою квартиру в 1926–1929 гг. Знаток и любитель музыки.

Балаховский Дмитрий Григорьевич (1879, Киев – 1952, Париж), инженер-технолог, промышленник, титулярный советник. Окончил Рижский политехнический институт. Был дружен с семьей Л.И.Шестова. Эмигрировал во Францию. Работал в области

автомобилестроения, автор ряда изобретений, в том числе запатентованного им особого карбюратора, дающего значительную экономию и позволяющего применять тяжелые горючие масла в быстроходных двигателях. Предложенные им машины на электрическом токе нашли применение во Франции. Явился создателем новых способов рафинирования нефти, был одним из пионеров науки петрохимии. Член Общества друзей русской книги в Париже.

Беренгольц Михаил Львович (Лазаревич?) (1892 – 1956, Париж), инженер-электрик, изобретатель. В Париж приехал перед Первой мировой войной. Окончил математический факультет Сорбонны и Высшую электротехническую школу в Париже. Служил в Обществе электротехников «Томсон–Хустон», затем организовал собственное производство электро- и радиодеталей. Сделал важное для телевидения и радио изобретение: переменный конденсатор большой емкости. 7 марта 1928 г. выступил в Обществе русских инженеров с программным докладом «Основные принципы беспроводного телеграфа». В последние годы деятельности специализировался в области применения электрических сопротивлений для промышленных установок. Автор многих патентов, участник промышленных выставок. Был награжден медалями разной степени.

Бродский Михаил Александрович (1917, Киев – 1980, Франция), инженер-химик, доктор права. Окончил факультет права и наук в Париже. Работал инженером по прикладной химии. В 1961 г. возглавил отдел конструирования и исследований в Обществе химиков Потаса и Энгра. Был награжден орденом Почетного легиона и Военным крестом.

Бройдо Виктор Михайлович (1907, Москва – 1978, Франция), инженер-электротермист, доктор наук. В 1920-х гг. эмигрировал во Францию. Окончил Политехнический институт в Гренобле, Национальную консерваторию искусств и ремесел и университет в Париже. Работал на различных предприятиях промышленной электротермии (1930–1937), в научных организациях (1944–1951). Состоял профессором Института холодильных установок (1950–1958). Был награжден орденом Почетного легиона.

Гербильский Андрей Борисович (1907 – 1992, Париж), инженер-физик, деятель культуры, художник. Брат инженера С.Б.Гербильского. Занимался вопросами механики, интересовался радиотехникой. Работал в лаборатории Аэродинамического института Парижского университета у Д.П.Рябушинского. Активный участник Кружка молодых инженеров (1930-е гг.), член правления Научно-философского общества (1934 г.). Участвовал в Международном конгрессе механики жидкости в Лилле (1934 г.), в проведении Дня русской культуры (1935 г.). На рождественском благотворительном

базаре в пользу нуждающихся граждан и семей тех, кто находится в плену, организованном Кружком молодых инженеров в декабре 1940 г., А.Б.Гербильский предоставил в распоряжение устроителей свои художественные работы.

Гольдштауб Станислав Львович (1906, С.-Петербург – 1978, Франция), горный инженер, доктор наук. Окончил Высшую горную школу и научный факультет университета в Париже. В 1940-е гг. работал в Центре научных исследований, занимался проблемами кристаллографии, выращивания кристаллов и др. В 1951 г. получил звание профессора университета в Страсбурге, позже был назначен директором Научного института геологии там же. Был награжден орденом Почетного легиона, орденом Академических пальм и Военным крестом.

Гольдштейн Юлий Павлович (1886 – 1933, Париж), инженер-технолог. Специалист по проблемам применения каучука. Открыл во Франции завод по производству каучука. Член Общества русских инженеров, входил в состав его правления, выступал на заседаниях с докладами («Каучуковое производство», 1924; «Суррогаты каучука», 1927; «Восстановление каучука», 1928 и т.д.). Публиковался в научных изданиях.

Гранат Илья (Элия) Бенатович (1889, Киев – 1969, Франция), инженер, промышленник. Окончил Политехнический институт в Киеве и Высшую электротехническую школу в Париже. Работал в области электрификации и конструирования теленавигационных приборов для морских судов. В 1923 г. основал техническую фирму «Saint-Chamond-Granat» и оставался ее директором до 1952 г. Был награжден орденом Почетного легиона и орденом Академических пальм.

Давидов (Давыдов) Георгий Сигизмундович (1894 – 1985, Париж), инженер-электротехник, профессор. Последний декан Русского Высшего технического института. Много лет преподавал электротехнику. Входил в правление Русской академической группы. В 1961 г. был избран членом Комиссии по сбору материалов для «Золотой книги русской эмиграции». 20 января 1962 г. на общем собрании Русской академической группы П.Е.Ковалевский посвятил ему свой доклад: «О работах Г.С.Давидова в области электротехники». Завершив свою деятельность на инженерном поприще, занимался научной работой в Музее естественных наук.

Коварский (Коварски) Лев Николаевич (1907, С.-Петербург – 1979), инженер, физик-ядерщик, доктор наук. После революции с семьей переехал в Вильно, в 1923 г. переехал в Берлин, затем во Францию. Окончил Лионский университет с дипломом инженера-химика. Работал инженером-конструктором в Обществе «Стальная труба» в Париже (1929–1937), занимался вопросами распределения

газа под давлением. Во второй половине 1930-х гг. занимался исследованиями в области атомной энергии в Институте радия и Коллеж де Франс, продолжил эти работы во время войны в Великобритании и Канаде. Одним из первых обнаружил излучение нейтронов в ядерной реакции деления. С 1946 по 1954 г. возглавлял в Париже Управление по делам атомной энергии. Принимал участие в строительстве первых атомных реакторов во Франции. Кавалер ордена Почетного легиона.

Любович Евгений Львович (1883, Москва – 1968, Париж), инженер, промышленник, деятель культуры. Окончил в Петербурге юридический факультет университета и Политехнический институт. Во время Первой мировой войны был членом Высшего экономического совета России. В 1918 г. эмигрировал. Основал в Париже Общество международной торговли металлами, минералами и химическими продуктами. Член Комитета торгово-промышленного и финансового союза. Был членом-учредителем Общества друзей русского музея (1930 г.), избирался в правление Российского музыкального общества за границей (1934 г.). Собрал уникальную коллекцию русской старинной серебряной посуды. Был награжден орденом Почетного легиона.

Пастак Исаакий Абрамович (1894, Ялта, Таврической губ. – 1965, Париж), инженер-химик, доктор наук, общественный деятель. Окончил Петроградский университет. Участник Добровольческой армии. Эвакуировался в Галлиполи, затем перебрался в Чехословакию. Окончил Политехникум в Праге. С 1925 г. в Париже. Преподавал в Коллеж де Франс. В 1929 г. основал и более 30 лет возглавлял исследовательскую лабораторию красящих веществ при Обществе продуктов агрохимии в Версале. Автор работ по красителям, искусственным удобрениям и средствам химической защиты растений. За изобретение способа лечения болезней растений Французское общество поощрения промышленности наградило его золотой медалью. Занимался также проблемами переработки чая, использования мышьяка в промышленности, применения газов в военных условиях, химиотерапией раковых опухолей и др. Один из основателей Общества русских химиков, избирался членом его правления и сделал на его собраниях более 60 докладов. Член Союза русских инженеров. Был награжден орденом «За заслуги в сельском хозяйстве» и орденом Почетного легиона.

Поляков Александр Львович (1890, Москва – 1956, Париж), архитектор. Окончил специальную архитектурную школу в Париже (1911 г.), учился в С.-Петербургской академии художеств. Участник Первой мировой войны, служил летчиком во французской эскадрилье на русском фронте. В Москве работал в мастерской у И.В.Жолтовского. В Париже с 1925 г. Построил (вместе с И.И.Фид-

лером) несколько доходных домов в Париже. Автор проектов многочисленных особняков, вилл, деловых помещений. Среди них вилла кн. Палей в Нейи, дача доктора Маршака в Вокрессоне, дом виконта д'Ази и др. Несколько лет работал в Танжере. На выставке декоративного искусства удостоен Гран-при. Собрал коллекцию русских икон.

Фриман Николай Львович (1889 – 1949, Париж), инженер-архитектор, общественный инженерный деятель. Входил в Палату синдиката инженеров Франции. Предложил новую систему печей с высоким коэффициентом утилизации тепла (1932 г.). Участвовал в известной встрече инженеров, состоявшейся в Париже под председательством сенатора Ле Троке и организованной Объединением инженеров-членов французского парламента (9 марта 1933 г.). В 1936–1938 гг. – генеральный секретарь Союза русских дипломированных инженеров.

Литература

1. Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. Paris, Librairie des Cinq Continents, 1971. С. 153–156.
2. Незабываемые могилы: Российское зарубежье. Некрологи 1917–1999. Сост. В.Н. Чуваков: В 6 т. Т.1–3. М.: Российская государственная библиотека, 1999–2001.
3. Российская еврейская энциклопедия. Биографии: В 3 т. М., 1994–1997.
4. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энцикл. биогр. слов. М.: РОССПЭН, 1997.
5. Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. Франция. 1920–1975: В 8 т. / Под общ. ред. Л.А. Мнухина. Т. 1–4. 1920–1940. Москва: ЭКСМО – Париж: ИМКА-Пресс, 1995–1997; Т. 1(5)–4(8). 1940–1975. Москва: Русский путь – Париж: ИМКА-Пресс, 2000–2002.
6. Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000 гг.: Энцикл. слов. М.: РОССПЭН, 2001.
7. Картотека российского зарубежья (вырезки, выписки, записи бесед и опросов и т.п.). – Архив Российского отделения GREER (Groupe de recherche sur l'émigration russe, Paris), М.

О своей жизни и работе рассказывает Александр Яковлевич Звигильский (Париж)

А.Я.Звигильский. Фото Б.Гесселя

Фамилия Звигильских происходит от испанских евреев, которые попали на Балканы после их преследований на Иберийском полуострове. Сохранилось предание, что моя бабушка пела португальские песни.

Я родился в Париже 19 декабря 1932 года. Мой отец, Яков Григорьевич Звигильский (Кишинев, 1901 – лагерь в Ковно,

1944), происходил из русско-еврейской семьи, жившей в Кишиневе. У моего деда был там табачный завод. Когда после войны 1914 года Бессарабия перешла к Румынии, русским евреям там жить стало трудно, и они, по мере возможности, эмигрировали в Западную Европу.

В семье Григория Звигильского было четверо детей. Одна из дочерей – Роза Григорьевна с мужем Борисом Александровичем Скоморовским в 1925 году поселилась в Париже. Мой отец, в возрасте 23 лет, поехал учиться в Льеж (Бельгия). Он поступил на юридический факультет и, чтобы оплачивать учебу, работал на шахте. В 1927 г., получив диплом, он решил жить в Париже, чтобы быть поближе к сестре Розе. В следующем, 1928 году, туда же приехала старшая сестра Ева Григорьевна со своим мужем Яковом Арнольдовичем Айбиндером и дочерью Диной. Через десять лет Дина вышла замуж за Сашу Верного, а ныне возглавляет Музей Майоля в Париже (Fondation Dina Vierny, Musée Maillol)¹.

Отец познакомился с моей мамой во время встречи 1928 года на балу, устроенном Красным Крестом, – на эти балы ходили русские эмигранты. Мать, Фаня Яковлевна Кроль (Витебск, 1903 – Париж, 1959), была младшей дочерью в многодетной семье (шесть дочерей и один сын). Ее отец, родившийся в Шклове (Белоруссия) в

¹ О Д.Верни см. ст. В.Воробьева: ЕВКРЗ. Т.4. С.437–445. (Примеч. ред.)

1863 году, до революции 1917 года был крупным меховщиком и купцом первой гильдии, жил с семьей в Москве. Его супруга, моя бабушка Любовь Самуиловна Хаин, родилась в 1868 году в Могилеве и погибла вместе с дедушкой и тетей Беллой в Аушвице (Освенциме) в мае 1944 года.

Я провел детство в Париже, а в мае 1940 года под угрозой немецкого нашествия вся семья переехала в Лион. Уже в сентябре 1939-го, когда вспыхнула война, мой отец записался добровольцем во французскую армию и числился резервистом.

В Лионе я поступил в лицей, а в 1943 году меня, вместе с двоюродным братом Павликом, отправили в деревню под Лионом, который стал опасным городом для евреев. Несчастье произошло: 2 мая 1944 года арестовали отца, бабушку, дедушку и тетю Беллу и при ужасных обстоятельствах депортировали, и из лагеря они уже не вернулись.

Воспитывала меня мать, чудом спасшаяся от фашистов. Мы с ней вернулись в Париж в декабре 1944 года на квартиру, которую родители снимали еще до войны, – люди, которые в ней устроились, сразу же освободили ее, и я продолжаю жить здесь – уже 64 года.

Учился посредственно, в лицее Buffon; меня больше всего интересовала французская литература и латынь. Изучал английский и испанский; этот последний мне особенно нравился. Позднее увлекся математикой, главным образом алгеброй и пространственной геометрией, а также физикой. В последнем классе поступил в шахматный клуб, которым руководил наш учитель математики. С 12 лет много играл в шахматы, и эта страсть меня не покидала: долгое время посещал столичный шахматный клуб и даже участвовал в соревнованиях.

Я не знал, по какому направлению идти – гуманитарному или физико-математическому. Мне очень нравился язык Испании, ее музыка и литература. В Испанию я попал в 1953 году. Это была туристская поездка, которая помогла познакомиться с этой увлекательной страной в период диктатуры Франко. После получения аттестата зрелости (*baccalauréat*) я записался на филологический факультет, учился на испанском и русском отделениях Сорбонны, а в 1956 году защитил диплом на тему «Тургенев и Испания». Этот этюд был кратко изложен в моей первой статье, опубликованной в 1959 году в *Revue de littérature comparée*².

² Всего Александром Яковлевичем опубликовано 11 книг и более 100 статей на французском, русском и испанском языках. (Примеч. ред.)

Сходство между русскими и испанцами меня уже тогда поразило, хотя я еще не бывал в России, куда попал лишь три года спустя: в сентябре 1959 года умерла мама, и мне захотелось как можно скорее познакомиться с оставшимися в России старшей сестрой матери Соней и ее семьей: кузиной Верой, ее мужем Исидором и их сыном Евгением, с которым мы до сих пор поддерживаем теплые родственные отношения.

По возвращении из СССР пришлось отбыть воинскую повинность: мне уже было 27 лет, и отсрочка из-за учебы подошла к концу. Так как отец «погиб за Францию», меня считали «питомцем нации», и я не был обязан служить в Алжире, где шла война. Все 28 месяцев, проведенные в армии, я преподавал испанский язык в высшем военном учебном заведении *Prytanée Militaire* города *La Flèche*, в 200 км от Парижа, где шла подготовка в знаменитые школы *Saint-Cyr*, *Ecole Navale*, *Ecole de l'Air* и др. Учащиеся – будущие офицеры – становились воспитанниками этих школ в том числе и благодаря хорошим оценкам по испанскому языку.

Я часто ездил к Скоморовским – тете Розе и дяде Борису, который работал в Женеве в ООН. Борис Александрович поражал своей эрудицией, свободно говорил и писал по-русски, по-французски, по-английски и по-немецки. Он посоветовал прочесть книгу В.П.Боткина «Письма об Испании». Эта книга мне так понравилась, что я решил ее перевести на французский язык и подготовить научное издание. Темой будущей диссертации, для написания которой я собирался рыться в архивах СССР и Испании, стал «Сравнительный анализ отношений между Россией и Испанией в первой половине XIX века: политические, культурные и литературные связи».

Я был аспирантом МГУ в 1962/63 году, и этот учебный год позволил мне поработать в архивах Москвы и Ленинграда, побывать на Кавказе и встретиться в Одессе с родственниками со стороны отца: тетей Бертой и кузиной Сильвой – бывшим офицером Красной Армии – и с ее дочерью Беллой. Сильва время от времени приезжала в Европу на теплоходе «Иван Франко», на котором она служила.

В начале стажировки в Москве я познакомился в доме тети Соны с Тamarой, которая в 1968 году стала моей женой.

В 1969 г. я защитил в Сорбонне диссертацию (*thèse de 3-e cycle*) и опубликовал свою первую книгу в издательстве парижского испанского института: *Vassili Botkine. Lettres sur l'Espagne. Texte traduit du russe, préfacé, annoté et illustré par A.Zviguilsky.*

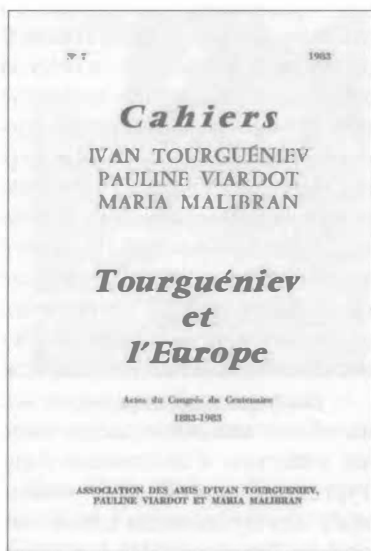
Защита же докторской диссертации (*thèse d'Etat; Russie et Espagne. Etudes sur leurs relations politiques, culturelles et littéraires /1801–1861/, 840 с. в машинописи*) состоялась в 1975 году в Ницце,

куда переехал мой научный руководитель, бывший профессор Сорбонны Шарль Винцент Обрен (Charles Vincent Aubrun).

В этой работе я затронул вопросы, которые до сих пор актуальны: революция, терроризм, национализм и его противоположность – западничество, Европа, космополитизм. Надо учесть, что эти страницы, касающиеся двух стран, находящихся на двух концах европейского материка, писались во время диктатуры и тут и там. Испания и Россия в это время не имели дипломатических отношений. При Наполеоне они сблизились, и русские писатели вдохновились этой далекой живописной страной. Появились «Записки сумасшедшего» Гоголя, «Письма об Испании» Боткина, «Гамлет и Дон Кихот» Тургенева, «Легенда о великом инквизиторе» Достоевского.

При подготовке дипломной работы «Тургенев и Испания» (1956) я съездил впервые в предместье Парижа Буживаль (Bougival), чтобы увидеть дом, где русский писатель жил последние восемь лет и где он скончался. Дом много лет принадлежал знаменитой французской актрисе Габи Морле (Gaby Morlay), которая пригласила меня к себе. Впечатление от «Ясеней» было очень сильное и сохранилось в моей памяти, хотя я тогда увлекался Достоевским. Никто не мог предвидеть, что после приобретения (в 1978 году) усадьбы Тургенева соседним городом Ля Сель-Сен-Клу (La Celle Saint-Kloud) я посвящу часть своей жизни спасению дома писателя и превращению его в мемориальный музей.

Тургенев интересовал меня по разным причинам: как либерал, космополит, стилист. В эпоху революций, коммунизма, т.е. нетерпимости, взгляды Тургенева показались разумными и здравыми. Иван Сергеевич писал «Записки охотника», прославляя справедливость и правду. Эта книга, сыгравшая свою роль в подготовке

Журнал (№7 за 1983 г.) Ассоциация друзей Ивана Тургенева, Полины Виардо и Марии Малибран, посвященный столетию со дня смерти Ивана Сергеевича

отмены крепостного права, за истекшие 150 лет – со времени первого издания, запрещенного цензурой, – не устарела.

Писатель был убежденным *западником*. Этим он отличался от *гигантов* русской литературы – Достоевского и Толстого. Вклад его в так называемую *культурную Европу*, куда он включал и Россию, будет оценен новым поколением.

В 1977 году мы, Звигильские Тамара и Александр, основали Ассоциацию друзей Ивана Тургенева, Полины Виардо и Марии Малибран. Первым органом Ассоциации стал издаваемый ею ежегодник (*Cahiers*), вторым – Музей И.С.Тургенева в Буживале.

Официально Музей был открыт 3 сентября 1983 года – в день столетия со дня смерти Ивана Сергеевича. Это не только памятник русскому писателю, но и отцу *культурной Европы*, который, наряду с французским отцом *политической и экономической Европы* Жаном Монне (*Jean Monnet*), способствовал прогрессу цивилизации путем ознакомления разных стран с литературой и искусством других народов. Учение Тургенева в определенном смысле направило мою собственную мысль и собственную жизнь. У него нет ни догмы, ни нетерпимости. Наоборот, он прислушивался к чужому человеку и не только *терпел* его, но, даже не разделяя взглядов инакомыслящего, иногда помогал ему деньгами. Вершины морального учения Тургенева содержатся в его «Стихотворениях в прозе» (многие из них были написаны в Буживале), а также в его переписке.

Частью этой переписки занимался я, издал в Париже три тома неопубликованных доселе писем Полине Виардо и ее семье, а сейчас участвую в подготовке Академией наук второго издания писем Тургенева – в 1982-99 гг. вышло 11 томов. В свое время (30 лет назад!) моя публикация писем наделала много шума среди специалистов по Тургеневу. На нее постоянно ссылаются – в ней содержится богатый материал по истории музыки и литературы XIX в. во Франции и России.

Я занимался и другим русским писателем, который долго жил во Франции и умер в Париже. Речь идет о Герцене. В 1967 г. мне посчастливилось познакомиться с внучкой Александра Ивановича – Жанной Амфу-Моно (*Jeanne Amphoux-Monod*), дочерью Ольги Александровны, умершей в 1953 г. (ей было 103 года!). Г-жа Амфу-Моно представила тексты неизвестных писем Герцена дочери, которые были опубликованы мной отдельной книгой по случаю юбилея писателя в 1970 г. Это событие позволило собрать всех родственников писателя, живших во Франции, Швейцарии и Италии, на кладбище в Ницце, где похоронен Герцен: встреча состоялась в день

столетия со дня его смерти (21 января 1970 г.). Впоследствии упомянутые письма были напечатаны в двух книгах «Литературного наследства» (том 99).

Я опубликовал по автографам всю переписку Флобера с Тургеневым. Эта книга выдержала два издания (Flammarion, 1989 и 1996 годы). Неизданные материалы о Тургеневе, русской и французской литературе XIX в. собираю и публикую в созданном журнале *Cahiers Ivan Tourguéniev, P.Viardot et M.Malibran* (23 номера в течение 1977–1999 гг.), органе Ассоциации друзей Тургенева и двух знаменитых певиц – сестер Гарсия. Младшая – Полина известна каждому русскому школьнику из-за сорокалетней любви, которую питал к ней Тургенев. Об «этом прекраснейшем любовном примере в XIX столетии» высказался Мопассан в романе «Сильна как смерть».

В предисловии к неизданным письмам Тургенева Полине и Клоди Виардо я впервые указал на связь между этими живыми образами и главными персонажами мопассановского романа.

Именно эта сильная любовь побудила меня создать памятник русскому французу³. Основать мемориальный музей И.С.Тургеневу во Франции – вещь не простая, да еще для еврея с польской фамилией. Пришлось сталкиваться с враждебно настроенными местными властями и населением, относящимся с ненавистью к Советскому Союзу и вообще ко всему русскому. Район, где в свое время поселился Тургенев, населен шовинистически настроенными жителями, собственниками, боящимися красных революционеров и отказывающимися платить налоги в пользу иностранного писателя, о котором они, по существу, ничего не знают. Несмотря на поддержку министерства культуры (при правом, а затем при левом правительстве), городской совет и мэр Сель

Дом-музей И.С.Тургенева
в Буживале

³ «Вы почти француз», – писал Ги де Мопассан Тургеневу 16 ноября 1880 г. (*Cahiers Ivan Tourguéniev*. 1993-94. №17–18. P.128), а Ипполит Тэн, который восхищался его творчеством, «ожалел», что Тургенев не француз (*Hippolyte Taine. Lettre à Tourguéniev* 8 avril 1874. (Там же. С.5).

Сен-Клу вели против нашей Ассоциации друзей русского писателя ожесточенную войну. В 1987 году им даже удалось опечатать дом. Они уже собирались выбросить из него мебель, автографы, книги, вещи, принадлежавшие Ассоциации, – т.е. выгнать самого Тургенева из его последнего убежища. Политическое вмешательство нас спасло, хотя мы и проиграли три процесса против города Сель Сен-Клу...

Музей живет и развивается, но снова, по случаю 20-летия его существования в будущем году, появилась прежняя угроза: 2002 год станет решающим для увековечивания этого культурного европейского центра. С точки зрения развития туризма, главным образом речного (дом Тургенева стоит на берегу Сены), французские власти будто бы примут положительное решение. Вдруг вспыхнул огромный интерес к этому городку, где писали свои картины художники-импрессионисты и где сочинил свою знаменитую оперу «Кармен» Жорж Бизе (ул. Тургенева, дом 5).

При создании музея пришлось собирать экспонаты в собственной библиотеке, на аукционах, где я покупал в основном письма Тургенева и Тургеневу, книги с его дарственными надписями, редкие экземпляры из его личной парижской библиотеки и общественной Русской библиотеки, основанной им в столице Франции в 1875 г.

Некоторые письма, книги, партитуры Полины Виардо были подарены музею. Иногда нам одалживают экспонаты на определенное время, а иногда на неопределенное: я имею в виду знаменитый бюст Тургенева работы русско-еврейского скульптора М.М.Антокольского (1880) или эскиз В.В.Верещагина «Вид Туркестана» (1870-е годы). Художник был знаком с писателем, который помогал ему устраивать выставки в Париже и Лондоне.

Немецкое фортепиано Тургенева, подаренное госпожой Мюллер из Баден-Бадена, занесено в список памятников Франции. На нем в свое время играл Брамс, а теперь вокруг этого уникального исторического инструмента собираются на устраиваемых музеем музыкальных вечерах.

Организацией концертов, временных выставок, симпозиумов также занимаюсь я. Ассоциация обычно отмечает юбилей писателей, художников, музыкантов из окружения Тургенева и Полины Виардо⁴.

⁴ В музее состоялись выставки, посвященные Сен-Сансу, Россини, Бизе, концерты в честь Листа, Форе, Брамса, Клары Шуман и, разумеется, Полины Виардо и Марии Малибран, коллоквиумы «Тургенев и Франция», «Тур-

Все эти мероприятия отражены в *Cahiers*, которые известны специалистам русской литературы и сравнительного литературоведения. Отдельной книгой был издан сборник докладов конференции о смертной казни (вокруг «Казни Тропмана» И.С.Тургенева). Конференция эта состоялась в 1979 г. под моим руководством. В прошлом (2001) году я опубликовал также сборник «Памяти Е.Г.Эткинда» – известного литературоведа и пушкиниста – это доклады на международной конференции в Буживале «Два учителя Тургенева: Гете и Пушкин, поэты любви».

В 2002 году, по случаю 150-летия первого издания «Записок охотника» и 200-летия со дня рождения Виктора Гюго, состоится конференция на тему: «В.Гюго, И.Тургенев и права человека». Проблемы далекого прошлого оказываются актуальными.

Я никогда не бывал в Израиле и вообще оторван от всего еврейского, однако осознаю себя евреем. Не будучи верующим, как мои дедушка и бабушка, я все же считаю своим долгом раз в год ходить в синагогу, которую посещал мой дедушка Яков Кроль, и читать там кадиш в память о моих родных. По той же причине я согласился на предложение Михаила Ароновича Пархомовского написать о себе для книги «Русские евреи во Франции», выходящую в грандиозном издательском предприятии «Евреи в культуре русского зарубежья» и «Русское еврейство в зарубежье», – благодаря этим книгам навсегда зафиксированы данные о русско-еврейской диаспоре.

Хотя я много писал о России и мало о русских евреях, *еврейский вопрос* меня всегда интересовал и продолжает беспокоить. Я посвятил этому сюжету статью («Тургенев и еврейский вопрос», 1978)⁵ и впервые опубликовал интервью А.П.Чехова о деле Дрейфуса (2001)⁶. Оба писателя понимали корни антисемитизма. Известна повесть Чехова «Скрипка Ротшильда», но высказывания Тургенева (в его переписке) не всем читателям доступны. Он

гениев и Европа» (К столетию со дня смерти писателя), «Тургенев и Пушкин», «Тургенев и Лермонтов», «Тургенев и Салтыков-Щедрин», «Два учителя Тургенева: Гете и Пушкин, поэты любви», «Тургенев и группа пяти (Флобер, Золя, Доде, Гонкур)», «Тургенев и Мопассан», «Тургенев и Генри Джеймс».

⁵ Ivan Tourguéniev et le problème juif // Annales du Centre d'études supérieures et de recherche les relations ethniques et le racisme européens. 1978. №1. P.77–97.

⁶ Une interview inédite de Tchekhov sur l'affaire Dreyfus // Les Cahiers Naturalistes. 2001. №75. P.381–387.

считал, что, когда в России появится демократия, русские евреи станут свободны.

Я заканчиваю свой очерк во время ужасных событий в Израиле и вспышки антисемитизма во Франции.

Когда в Петербурге 120 лет назад собрались казнить революционера Млодецкого, толпа осудила его как еврея. Тургенев сразу же написал Полине Виардо: «Il ne faut pas laisser fermenter ce vieux levain qui se trouve encore au fond de tous les Européens, les Français seuls exceptés»⁷.

История доказала, к сожалению, что ненависть, предрассудки и невежество существуют и в «стране прав человека».

⁷ «Нельзя допускать роста этого застарелого порока, который живет во всех европейцах, за исключением французов» (Ivan Tourguéniev: Nouvelle correspondance inédite. Paris: Librairie des Cinq Continents, 1971. T.I. P.232).

Сионистский деятель Иосиф Ариэль (Фишер)¹

Михаил Пархомовский (Бейт-Шемеш, Израиль)

Будущий известный сионистский деятель Иосиф Фишер родился в Одессе 8 (20) апреля 1893 г. Родители – Арон и Эстер Фишер владели мебельным магазином, и у Иосифа была возможность посещать частную гимназию Илиади. В 1918 г. он окончил исторический факультет Одесского (Новороссийского) университета. Начал учиться на юридическом факультете, но в 1920 г., уже при советской «чистке», был исключен за сионистскую деятельность.

Сионизмом увлекся в 17-летнем возрасте и в 1912 г. стал делегатом 1-й Всероссийской конференции Организации *Цеирей Цион (Молодые сионисты)* и конгресса палестинофилов (*Ховевей Цион*). Сразу же после поездки в Вену на XI сионистский конгресс (1913) получил боевое крещение: приходя на сходку для доклада о конгрессе, был арестован, но попал под амнистию в связи с 300-летием династии Романовых. Тогда же основал в Одессе отделение *Хе-хавер (Товарищ)*, а на следующий год был избран председателем этой еврейской студенческой организации.

Иосиф Фишер
на XI конгрессе сионистов
Вена, 1913 г.

¹ В основном статья написана по двум документам на фр. языке: официальному *Curriculum vitae* (машинопись на 8 с. без даты) Иосифа Ариэля (Фишера) и его подробному письму внуку Давиду от 25 мая 1963 г. (машинопись на 4 с.), любезно предоставленным автору очерка дочерью И. Ариэля (Фишера) Руфью Шацман (Париж). Дополнительным источником стало интервью с г-жой Шацман Д.Ю.Гузевича (две рукописные страницы от 12 февр. 2002 г.). Благодарю Габи Шор (Иерусалим), младшую дочь И. Ариэля (Фишера), за рассказ о жизни семьи во Франции и возможность познакомиться с семейным архивом. Приношу благодарность за консультативную помощь Дану Харуву. (*Автор*)

При сходных обстоятельствах происходит второй арест – в 1915 г. Иосиф, уже член ЦК сионистов Одессы, участвует в их подпольной всероссийской конференции в Москве. Вскоре после возвращения, во фраке (как и его товарищи) он является на «танцевальный вечер», на котором должен был рассказать о конференции. В помещение врывается отряд полиции (во главе с известным полковником Карауловым). Иосиф просит стоящую рядом участницу изобразить обморок с истерикой, и возникшая суматоха позволяет ему спрятать конспиративные документы. Этот трюк не спасает его от ссылки в Сибирь. Но и там он не оставляет интенсивную сионистскую пропаганду, а после Февральской революции митинг евреев Томска, по его инициативе, принимает решение послать Временному правительству требование не предоставлять самостоятельности Финляндии, пока она не гарантирует евреям все гражданские права.

В 1918–1919 гг. Иосиф преподает историю и литературу в Одесском коммерческом училище, откуда его увольняют как сиониста. В эти же годы служит в Городском совете (Городской Думе – в периоды, когда власть в городе переходила к белым, зеленым и пр.); в 1919–1921 – его генеральный секретарь, а в 1921–1922 – генеральный секретарь губернского комиссариата по внешней торговле.

В 1919 г. становится членом Центрального комитета *Цейрей Цион* Украины. Несмотря на то, что деятельность организации совершается в условиях еще большей конспиративности, чем до революции, Иосифа в 1921 г. арестовывают. Вот как он рассказал об этом своему внуку Давиду:

«Однажды ночью за мной явились чекисты. Они ни слова не сказали о причине ареста. Я находился в ЧК лишь неделю, но она стала самой ужасной в моей жизни. ЧК располагалась в доме, где еще три года назад жила твоя бабушка. Комната, куда меня поместили, находилась как раз над той, в которой в 1918 году мы решили пожениться. Вместе со мной заперли около двадцати обвиняемых в контрреволюции. Почти все они были украинскими националистами. Каждый день нескольких арестованных уводили на смертную казнь. Их расстреливали в подвале дома, и я слышал эти выстрелы. Жертвы знали о своей судьбе, так как накануне стражники ЧК отбирали у них часы – это была их “узаконенная” доля. А парни уходили на смерть с пением украинского патриотического гимна».

В 1922 г. в связи с участием в подпольной конференции *Цейрей Цион* в Киеве Фишер попадает в знаменитую Лукьяновскую тюрьму. В результате хлопот родителей заключение ему заменяют высылкой из страны. У младшей дочери Иосифа (Габи Шор) сохранился его заграничный паспорт, подписанный Генрихом Ягодой, тогда уполномоченным народного комиссара по внутренним делам.

Пересекая советскую границу 21 января 1924 г., Иосиф Фишер узнает, что в эту ночь умер Ленин.

В течение нескольких месяцев он находится в Берлине и участвует в работе активистов сионистского движения, связанного с палестинской еврейской организацией *Ха-поэль ха-цаир* (*Молодой рабочий*). После получения соответствующих виз он переезжает в Палестину.

Реальная Святая земля оказалась не совсем такой, какой Иосиф (теперь уже Ариэль) ее себе представлял, и он не сразу нашел там свое место. К тому же жена Лия – тогда преподаватель математики в Одесском политехническом институте – с дочерью Руфью не сразу воссоединились с ним. Но вот он входит в Центральный комитет *Керен каймет ле-Исраэль* (*Еврейский национальный фонд /ККЛ/*), и в октябре 1924 г. его делегируют на шесть месяцев в Бессарабию, а вскоре после возвращения – в Латвию.

В 1925 г. в качестве делегата XIV съезда сионистов Фишер едет в Вену, а в августе того же года начинается его четвертьвековая работа во Франции – он приезжает в Париж и становится представителем («шалиахом») ККЛ во Франции (фактически – заведующим французским отделением ККЛ), с 1926-го – включая Эльзас и Лотарингию, а с 1927-го – и Северную Африку. Повсюду он развивает интенсивную сионистскую пропаганду среди евреев, одной из главных целей которой в те годы был сбор денег на покупку земли в Палестине. Собирались и мелкие пожертвования, но основной была работа среди богатых евреев, которая наладилась не сразу. Успех пришел после хорошего освоения французского языка (тут ему пришлось потрудиться), а войти в круг богатых французских евреев помог Эдмон Флег, с которым возникли дружеские отношения: этот поэт и прозаик принадлежал к поколению, у которого еврейское самосознание развилось в связи с делом Дрейфуса.

И.Ариэль присутствует на всех сионистских конгрессах между двумя мировыми войнами. На некоторых (как в Базеле в 1927 г., в Женеве в 1939) – в качестве депутата, на других – как журналист. Он создает отделения ККЛ в городах и провинциях Франции, в Алжире и Марокко (в Тунисе ККЛ был основан еще в 1912 г.). В этот же период его часто направляют в Швейцарию. Были миссии в Голландию, Испанию, Грецию, Болгарию, Италию и другие страны. И.Ариэль основал комитеты ККЛ в романской Швейцарии и в Испании.

Активно участвует в общем сионистском движении, организации сионистских кружков, таких, как *Атерет Цион* (*Корона Сиона*), *Эт лаасот* (*Время действовать*), *Союз студентов-сионистов*, *Палестинский рабочий*, женская организация ВИЦО, для развития которой он многое сделал (в том числе организовал для ее членов

курс лекций); становится членом Центрального комитета *Поалей Цион*.

В Париже он читает доклады и лекции, выступает на диспутах и митингах, траурных заседаниях и юбилейных торжествах, участвует в прениях по докладам, организуемым русско-еврейскими кружками, союзами и их объединением. Лекция 17 ноября 1927 г. называется «Современный Иерусалим. Его быт и культура». 11 февраля 1928 г. он выступает на диспуте Союза студентов сионистов-ревизионистов «Кризис еврейской колонизации в России». Выказывается по темам: «Социальные силы современной России», «Коллективизация: политические выводы», «Что происходит в России?», «Что дает евреям Биробиджан?», «Трагедия русского еврейства», «Новая эпоха в сионизме». Часть докладов и лекций он читает по впечатлениям от поездок: «Евреи во французском Марокко», «Немецкие евреи в Палестине», «Еврейский вопрос в Алжире». Большое место в тематике его лекций занимает палестиноведение, сионизм и его история. 7 февраля 1938 г. Иосиф Фишер выступает на собрании-митинге, посвященном трагическому положению евреев в Европе и Палестине². На Международной выставке 1937 г. дает комментарии в павильонах еврейской культуры, ОРТа и Палестины³.

В годы войны 1939–1945 гг. Фишер отказался уехать, посчитав своим долгом оставаться во Франции. Он продолжил свою неутомимую деятельность в рамках ККЛ. После поражения Франции он перенес свое отделение ККЛ в Лион, где призвал развернуть свои центры все сионистские организации. Лион стал центром этих организаций. Семья переехала к нему, и опасность разоблачения его подпольной деятельности и еврейства возросли. Французский язык родителей, натурализовавшихся в 1932 г., и обеих дочерей не внушал опасений, тогда как жившая в семье мать Лии не знала ни слова по-французски, и в доме говорили на русском. Но у Иосифа было много друзей, как среди французских евреев, так и среди французов, и бабушку устроили в какой-то провинциальный госпиталь. Удача сопутствовала Фишерам, и им не раз удавалось спастись от угрозы ареста и депортации.

В 1941 г. при непосредственном участии И.Фишера была созвана подпольная сионистская конференция, сформировавшая Комитет управления всеми сионистскими организациями и избравшая его президентом Леона Бернхайма. После его депортации в 1943 г. президентом стал д-р Робер Леви-Дрейфус. Ариэль (Фишер) был

² Использованы материалы книги: Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: Франция: 1920–1940 / Под общей ред. Л.А.Мнухина. Т.1–4. Москва; Paris, 1995–97. (По ук. им.)

³ Там же. Т.3. С.361.

назначен генеральным секретарем и оставался на этом посту до 1946 г., когда Комитет управления (в подполье Коди – от Comité Directeur) был заменен на Федерацию сионистов Франции. Фишер оставался членом Центрального комитета Федерации до 1950 г.

Во всех городах нового рассеяния евреев Франции под его управлением создавались сионистские ячейки, собрания сионистов созывались в синагогах и частных домах. Во всех центрах деятельности сионистов по почте или из рук в руки распространялся дактилографический бюллетень, который выпускался в 50 экземплярах. Поскольку евреи в эти годы были лишены всех прав, в том числе не могли держать деньги в банках, ККЛ собирал их сбережения с условием, что *Джойнт* вернет их, как только появится такая возможность: эта американская организация в то время была лишена возможности оказывать непосредственную помощь Эрец-Исраэль.

В 1942 г. в Лионе под председательством И.Ефройкина проходит подпольная конференция, посвященная еврейскому образованию, создается *Ваад ха-хинух* (*Комитет по образованию*), который в свою очередь создает центры по изучению иврита почти во всех общинах. Учебник «Хайейну» («Наша жизнь») был размножен в 200 экземплярах и распространен среди учащихся. *Ваад ха-хинух* просуществовал до 1948 г., когда *Сохнут* (*Еврейское агентство*) в Иерусалиме взяло в свои руки еврейское образование во Франции. Осуществлял всю эту работу адвокат из Страсбурга Леопольд Мецкер, работавший по указаниям Иосифа Ариэля и депортированный зимой 1944 г. В те годы наиболее близким сотрудником Ариэля по ККЛ был Тэо Клейн, избранный президентом ККЛ Франции в 1952 г. и скончавшийся в Париже в 1958 г.

В 1942 г. Ариэль активно создавал подпольное Молодежное сионистское движение (МСД); участвовал в деятельности евреев-сионистов в Соппротивлении по линии *Комитета управления сионистской организации Франции*; был президентом *Комитета помощи сионистам* (1942-44). Его сотрудниками тогда были Ф.Топиоль, Н.Герман и Альтер (оба последних погибли в депортации). В 1943 г. был избран членом Центральной консистории (существовала со времен Наполеона и касалась религиозных евреев) иسرائлитов во Франции, участвовал в создании Совета представителей евреев Франции.

После войны был делегирован *Комитетом управления сионистской организации* на Лондонскую конференцию сионистов (1946 г.).

В 1950 г. вернулся в Израиль. За год до этого туда переехала младшая дочь – 17-летняя Габи – по линии организации *Еврейские скауты*.

С 1950 по 1952 г. был директором французской секции Центрального бюро ККЛ в Иерусалиме.

На государственной службе в Израиле

В 1952-57 гг. работал в министерстве иностранных дел Израиля под руководством и при поддержке тогдашнего министра Моше Шарета. И.Ариэль представлял страну в Бельгии и Люксембурге, где способствовал формированию у министров иностранных дел этих стран позитивного отношения к Израилю, что, в частности, проявилось в их благоприятном голосовании в ООН при конфликте на Суэцком канале и во время Синайской кампании. Подписал два

Иосиф Ариэль (Фишер)
Брюссель, 1952–1957

соглашения – о воздушном пространстве и о выдаче преступников; добился от представителя Бельгии в Израиле прекращения бойкота Иерусалима, так что новый посол Бельгии (барон Хольвэт /Holvoet/) представлял свои верительные грамоты в Иерусалиме; получил согласие Бельгии и Люксембурга на их участие в выставке 1953 года «Покорение пустыни» в Иерусалиме; согласие на участие Израиля в Брюссельской выставке 1957 г., на которой руководил израильским павильоном; добился согласия королевы Елизаветы посетить Израиль (визит состоялся в 1958 г.); установив дружеские отношения с послом Португалии в Брюсселе, добился признания португальским правительством Израиля *de facto* и установления с ним консульских отношений (1955);

получил согласие бельгийского правительства на заем Израилю 6 миллионов долларов (1957; заем осуществлен в 1960 г.); был инициатором посещения Израиля бельгийской парламентской делегацией (1957); установил дружеские отношения с послом Египта в Бельгии, прерванные Синайской войной; предпринял первые шаги к установлению регулярной связи между Израилем и Европейским экономическим сообществом; был инициатором создания Комитета содействия *Магбит меухедет* – организации, занимавшейся сбором пожертвований для Израиля. С его же подачи руководителями Комитета стали М.Готшалк (Gottschalk), а затем Поль Филипсон (Philipson); в такой же последовательности они были президентами Консistorии евреев Бельгии); инициировал и создание Комитета бельгийских друзей *Алии молодых* (1953).

В 1953 г. инициировал создание Леса Вандервельде – в его честь и в честь его жены бельгийскими евреями было посажено

2000 деревьев; а в 1956 – организовал сбор средств для ЦАХАЛа (Армии обороны Израиля).

В 1957-58 гг. руководил консульским отделом министерства иностранных дел в Иерусалиме.

С 1958 г. возглавлял Общество францужско-израильской дружбы. С 1960 г. работал в Яд ва-Шеме: заведовал отделами, занимающимися неонацизмом и внешними сношениями Яд ва-Шема.

В последний год жизни Иосиф Ариэль (Фишер) тяжело болел. Он умер в 1964 г. в Иерусалиме. В одном из газетных сообщений⁴ об этом приведены краткие сведения о его насыщенной сионистской деятельности с гимназических лет; говорится, что он оставил вдову и двух замужних дочерей; что вынос тела состоится в 3 часа дня (20 XII.64 г.) из здания *Керен ха-Кайемет* в Иерусалиме. Во второй заметке так рассказывается о похоронах:

«Большое количество народа, президент страны, министр юстиции, консул Франции в Иерусалиме, президент Еврейского университета, члены кнессета, общественные деятели, журналисты, представители Организации французских репатриантов проводили вчера в последний путь Ариэля (Фишера), который был похоронен на кладбище Санхедрия в Иерусалиме.

Перед выходом похоронной процессии из двора Национальных учреждений собравшиеся услышали прощальные речи председателя правления ККЛ Якова Цура и председателя правления Яд ва-Шема д-ра Арие Лейб Кубовы. Прощальные слова у могилы произнесли член кнессета Давид Бар-рав-Хай⁵ и – от имени репатриантов из Франции – редактор газеты "L'Information" Т.Грин. Они рассказали о человеческих качествах покойного, его подпольной сионистской деятельности в Одессе в студенческие годы, его особой роли в еврейском подполье во Франции во время Второй мировой войны, о работе посланником Израиля в Бельгии и Люксембурге⁶.

Деятельность Иосифа Ариэля (Фишера) неоднократно отмечалась. Он трижды был записан в золотую книгу *Керен ха-Кайемет*; в честь И.Ариэля и его жены была высажена роща около Эштаола (в Иудейских горах), он был награжден Большим крестом и Дубовым венком великого герцога Люксембургского, а в 1962 г. во Франции был возведен в офицерское звание ордена Почетного легиона.

⁴ Вырезки из неизвестных ивритских газет // Центральный сионистский архив в Иерусалиме. Папка И.Ариэля (Фишера).

⁵ Брат известного историка из Одессы Саула Борового.

⁶ Вырезка из неизвестной ивритской газеты // Центральный сионистский архив в Иерусалиме. Папка И.Ариэля (Фишера).

Публицистическая деятельность

Работа Иосифа в качестве журналиста началась еще в Одессе. Он печатался в ежедневных газетах «Южная мысль» (1913-15), рассказывая ее читателям о XI конгрессе сионистов в Вене и о международном положении, в «Одесских новостях» (1917), постоянно сотрудничал в сионистском еженедельнике «Еврейская мысль» (1918-19), печатался в «Рассвете» (1912-16; под псевдонимом Форвард), в ежемесячном журнале «Еврейский студент» (1914-16).

После изгнания из страны стал автором статей и корреспонденций русских ежедневных газет Риги и Берлина (газета «День», выходившая под редакцией Керенского).

В 1928 г. основал сионистский журнал «La terre retrouvée» («Обретенная земля»), выходивший раз в два месяца, редактором и издателем которого был до 1962 г. (в 1950-62 гг. он руководил журналом вместе с И.Ефройкиным).

В 1928-32 гг. сотрудничал во французско-израильском журнале «Палестина»; в 1947-49 гг. был парижским корреспондентом газеты «Хаарец»; с 1957 г. постоянно сотрудничал с «Энформасьон д'Израэль», «Трибюн сионист» в Брюсселе и со множеством других еврейских периодических изданий (парижской «Трибюн сионист», «Дас Нойе Исраэль» и «Ди Израилише Вохенблат» в Цюрихе и т.д.).

В 1958-61 гг. периодически писал для газеты «Джерузалем пост».

1944-62 гг.: основатель и директор издательства «La terre retrouvée», которое выпустило около 20 изданий. В их числе «История еврейского народа» Сесиль Рот.

1950-52 гг.: еженедельные беседы на радиостанции «Коль Цион ла-гола» («Голос Сиона для галута /находящихся в диаспоре/»).

Печатные работы

(кроме многочисленных статей, опубликованных в периодике)

Дипломатическая корреспонденция о Палестине (1927)⁷.

Армянский сионизм (1930)⁸.

Joseph Fisher. Un peuple renaît: La Palestine juive d'aujourd'hui. Paris: Éditions de la Terre retrouvée, 1939.

Cecil Roth. Histoire du peuple juif, des origines à la résurrection de l'État d'Israël. Traduit de l'anglais par R.Schatzman et A.-M.Gentily. Introduction de Joseph Ariel, 2e éd. Paris: Éditions de la Terre retrouvée; Lyon, 1957. 548 p.

⁷ Более подробных библиографических данных найти не удалось.

⁸ То же.

НАУКА

Евгений Вольман

Андре Львов (Франция)

Моиз (Моисей) Гайсинский

Юлия Систер (Израиль)

Где был физик Анатолий Абрагам?

Арон Черняк (Израиль)

**Кирилл Зайцев: парижский период
(хроника научной жизни)**

Вадим Телицын (Россия)

Евгений Вольман¹

Андре Львов (Париж)

**Евгений Вольман
(1883–1943)**

Евгений Вольман родился в Минске 1 мая 1883 г. Здесь же прошло его раннее детство. Марк Вольман, его отец, врач, в связи со своими либеральными взглядами вынужден был покинуть Россию, и семья воссоединилась с ним в Нью-Йорке. После смерти мужа вдова с двумя детьми в 1896 г. вернулась в Минск, где Евгений завершил среднее образование. В 1902 г. он едет в Льеж, где, не найдя в себе призвания к инженерному делу, переходит к изучению медицины и естественных наук. Ему повезло — он оказался учеником двух выдающихся мэтров: физиолога Леона Фредерика и зоолога Эдуарда

ван Бенедена, ассистентом которого состоял в 1906–1909 гг. Бенеден был в дружеских отношениях с Ильей Мечниковым и горячо рекомендовал ему своего воспитанника. Таким образом Вольман стал ассистентом в Институте Пастера, где осуществилась его карьера.

Примерно в это время он женился на подруге детства, с которой встретился в Льеже, — она там изучала физику и химию. В Институте Пастера Елизавета Вольман несколько лет проработала с Жаком Дюкло² — ему мы в основном обязаны трудами по осмотическому давлению коллоидов, — а потом стала сотрудницей мужа.

Общеизвестен интерес Мечникова к кишечной флоре, и очередную серию опытов на животных (крысах и собаках) по дезинток-

¹ Сокращенный перевод М.Белого статьи А.Львова из книги: *A la mémoire de quinze savants français lauréats de l'Institut assassinés par les Allemands, 1940–1945*. Paris: Gauthier-Villars., 1958. P.133–145. (фр.: Памяти пятнадцати французских ученых — лауреатов Института /Пастера/, убитых немцами в 1940–45 гг.).

² Жак Дюкло — Duclaux, не путать с Жаком Дюкло — Duclos, известным деятелем компартии Франции.

сикации тонкой кишки он провел со своим новым помощником Евгением Вольманом. Эти и их более поздние исследования роли кишечных бактерий внесли определенный вклад в изучение нормальной и патологической физиологии млекопитающих. Вольмана интересует и соотношение между насекомыми и пресмыкающимися, с одной стороны, и введенными в их организм бактериями, патогенными для человека, – с другой. И тут его опыты дают интересные результаты.

В начале войны 1914–1918 гг. Евгения Вольмана мобилизуют, он – врач батальона, а затем полка. В качестве полкового врача он участвует в кампании в Салониках. Возобновив свою исследовательскую работу после демобилизации (1919), ученый проводит многочисленные опыты по определению влияния витаминов (в основном витамина С) на уже частично изученные развитие и метаболизм бактерий в кишечнике, а также на выработку ими витаминов в макроорганизме. Он занимается бактериофагией и фагоцитозом. Но во главе угла всех исследований остаются проблемы иммунитета.

В 1922 г. Вольман получает французское гражданство.

По просьбе Эмиля Ру³ и Альбера Кальметта⁴, Е. Вольман в 1929 г. становится директором Института здоровья в Сантьяго (Чили). Здесь, в числе прочего, он проводит опыты на гигантских лягушках *Calyptocephalus Gayi*, которые, как выясняется, по-разному реагируют на холерный вибрион при различной температуре.

После возвращения в 1932 г. он больше не покидает Институт Пастера, где его карьера завершилась в должности заведующего Научно-исследовательской лаборатории бактерий. Он изучает хромосомную субстанцию бактерий и их наследственность, фильтрующиеся вирусы и их роль в опухолевых процессах. Участвует в работах Института по анафилаксии. В опытах на животных и в наблюдениях за человеком исследует протеолитические свойства кишечной, сенной и туберкулезной палочек, выработку ими индола и др. Евгений и Елизавета Вольманы выявляют взаимозависимость между бактериофагом, бактериями и лизоцимами; влияние повышенного давления, температуры, радиации и т.п. на бактерии и

³ Эмиль Ру (1853–1933) – микробиолог; основные труды в области бешенства и дифтерии.

⁴ Альбер Кальметт (1863–1933) – выдающийся бактериолог и гигиенист, основатель и директор Пастеровского ин-та в Лилле, вице-президент Пастеровского ин-та в Париже, член АН. Особенно известен своими работами по туберкулезу.

клетки животных, на опухолевые клетки, на фильтрующиеся вирусы. Например, они нашли, что давление в 1800 атмосфер инактивирует образцы раковой ткани, без этого давления вызывающие заражение. Результаты опытов уточняют биологическую и патологическую природу феноменов.

Последняя публикация супругов Вольман датируется сентябрем 1940 г. В ней речь идет о термостабильности фагов. Именно в этом году, согласно немецкому законодательству, они лишились права публиковать свои труды, и протоколы части их интересных находок пропали.

После трагического поражения Франции в июне 1940 г. Вольманы могли без каких-либо трудностей покинуть Париж или, по

TOLILA	ANDRE	19.09.09	UTREST	WOLFF	LEONIE	08.08.00	PARIS
TOLMAI	OSCAR	26.10.86	LOSONCZ	WOLFF	MARGOT	21.12.01	BECKUM
TOTIS	KOMA	.94		WOLFF	MAURICE	21.01.96	PARIS
TOUBOULE	CAMILLE	01.01.21	CASABLANCA	WOLFDORF	ABRAHAM	30.08.94	FRAGUE
TOUPAS	MICHEL	30.04.04	PARIS	WOLLMAN	ELISABETH	15.08.88	MINSK
TRACHTENBERG	EUGENE	26.12.93	ST PETERSB	WOLLMANN	EUGENE	26.05.83	MINSK
TYLBOR	BINEK	14.01.08	VARSOVIE	WULFOWITCH	HENRI	11.12.27	PARIS
ULMANN	GEORGES	30.06.23	PARIS	WULFOWITCH	JOSEPH	04.05.94	NOWO MINSK
ULMANN	GERMAINE	06.11.91	BORDEAUX	WULFOWITCH	HINDLA	26.10.00	KALUSZYN
ULMANN	GISELE	10.05.21	PARIS	ZARLOTZKY	ARI	17.12.61	MINSK
ULMANN	PAUL	02.06.99	PORRENTUZY	ZARLOTZKY	ESTHER	15.01.91	ODESSA
URWICZ	ABRAHAM	15.04.89	VARSOVIE	ZABOURI	ROGER	25.02.23	VALENCE
URWICZ	GITTE	14.07.13	VARSOVIE	ZELASNY	SECL	04.08.91	KALUSZYN
VAINFRESSE	LEIB	04.01.85	ZMTROUSK	ZERMATI	CLAIRE	29.11.66	ALGER
VAN GLEEF	JOSEPH	11.03.86	AMSTERDAM	ZINGER	LIVIA	02.08.26	BUDAPEST
VAN HAALTE	HEERT	24.02.75	ROTTERDAM	ZINGER	OLGA	26.08.97	BUDAPEST
VECHSLER	PINKAUS	.71	KICHINEFF	ZILBERMANN	BERNARD	19.04.15	
VIGDERHAUS	SAPAH	16.06.15		ZILBERMANN	CLAUDINE	11.04.43	PARIS
VITAKYI	NICOLAS	15.03.01	KOSICE	ZILBERMANN	ESTHER	.89	ODESSA
VIVENEL	ESTHER	05.04.09		ZILBERMANN	FORTUNEE	10.12.22	PARIS
VOGEL	ERNEST	02.03.13	VITROVICE	ZILBERMANN	ARON	.04.91	NOHILEW
VOGELGARN	FENDEL	02.06.89	DUELIN	ZLOCEWEN	EVA	15.06.91	MILAVA
VOLF	ADELE	16.11.17	PARIS	ZORLOT	MOSES	11.09.77	AMSTERDAM
VOLF	GILBERT	01.07.41	PARIS	ZYLSBERSTEIN	LAJA	.67	MELANOW

Страница из списка евреев с именами Евгения и Елизаветы Вольман, депортированных из Франции транспортом №63 17 декабря 1943 г.

Из книги Serge Klarsfeld. Le memorial de la deportation des Juifs de France

крайней мере, принять какие-либо минимальные предосторожности, которые позволили бы им избежать санкций немецкой полиции. Но они продолжали работать в своей лаборатории.

10 декабря 1943 г. немецкие полицейские пришли за Вольманом в больницу при Институте Пастера. В лагере Дранси он встретил свою жену, которая была арестована за несколько дней до этого. И менее чем через неделю Евгений и Елизавета Вольман попали в конвой, отправлявшийся в Освенцим. Всем известно, с какой садистской жестокостью немцы организовывали эти депортации, как большая часть несчастных, загнанных в вагоны для скота, погибали, не достигнув места назначения, а с выжившими обращались, как с животными, или уничтожали. И не удивительно, что не удалось найти следов двух депортированных, разделивших участь миллионов человеческих жертв.

Те, кто был знаком с Евгением и Елизаветой Вольман, представляют себе, что этот конец, который они четко предвидели, был принят ими мужественно.

Знавшие Евгения Вольмана сохраняют память о нем как об исключительно порядочном человеке, широко образованном и высококультурном, интересовавшемся не только наукой, но и всеми видами искусства. Работа в лаборатории не отбила у него любви к природе. Мы нередко беседовали под тенью деревьев, посаженных им около собственного деревенского дома. Его острый и всегда настороженный ум светился в едких высказываниях, смягченных законами гостеприимства и тихой свежестью сада.

В действительности Евгений Вольман тщательно скрывал свою чувствительную душу и глубоко ранимое сердце. Без сомнения, ему было бы не очень приятно выслушивать перечисление его добрых человеческих качеств, так что мы воздержимся от этого.

Мысленно воскрешаю тонкое, нежное и в то же время энергичное лицо Елизаветы Вольман, которая была подругой этого мужчины, сотрудницей ученого и даже в смерти оставалась его спутницей.

Увы, мы можем только оплакивать судьбу, так чудовищно остановившую карьеру плодотворного ученого и превратившую узы дружбы в воспоминания.

*Андре Львов, руководитель Отдела
физиологии микробов Института Пастера*

Моиз (Моисей) Гайсинский

Юлия Систер (Кирият-Экрон, Израиль)

Моиз (Моисей) Гайсинский

В школе я учила французский. Наша учительница – выпускница Кишиневской французской гимназии им. Жанны д'Арк – прекрасно преподавала, и мы прилично усвоили язык. Многие из нас посещали французский кружок и участвовали в спектаклях, которые ставили на французском языке и для которых сами шили костюмы. Учительница сумела привить нам любовь к французской культуре, литературе, к Франции и ее истории. И когда я посетила эту страну, была там не просто рядо-

вой туристкой, а туристкой, со школьных лет влюбленной во Францию, в ее певучий мелодичный язык, много о ней знавшей, перечитавшей книги ее писателей и поэтов.

И вот теперь судьба преподнесла мне подарок – написать статью об известном французском ученом-химике Моизе (Моисее) Гайсинском.

В конце 60-х годов академик А.Н.Фрумкин, глава советской электрохимической школы и директор Института электрохимии АН СССР, привел в институт интересного гостя. Уже после официального окончания рабочего дня, вечером, он ходил с ним по лабораториям и знакомил со своими сотрудниками. Невысокого роста, очень симпатичный, даже обаятельный, М.Гайсинский (а это его привел Александр Наумович), которому тогда было более 70 лет, проявлял ко всему живой интерес и говорил, что понимает по-русски.

Многим фамилия Гайсинского была знакома со студенческих лет, когда слушались лекции об открытиях Марии и Пьера Кюри в области радиоактивности. В своих исследованиях ученый ши-

роко использовал электрохимические методы, что и привлекло к нему внимание Фрумкина. Было известно, что М.Гайсинский работал в лаборатории Кюри и являлся одним из основоположников радиационной химии, той области химии, где физика и химия тесно переплелись, где успехи первой, а точнее ядерной физики, в исследовании атома и его ядра дали толчок развитию нового направления в химии – ядерной и радиационной химии.

Недалеко от Киева, в местечке Тараща, проживала еврейская семья Гайсинских. В 1898 г. в семье родился мальчик, которого называли Моисеем. Он был очень способным ребенком и рано проявил тягу к знаниям.

Его дедушка был раввином; внук получил традиционное еврейское образование, его интересовала история еврейского народа, и он любил слушать рассказы бабушки об Эрец-Исраэль.

Семья переехала в Екатеринославль (Днепропетровск), где в 1917 г. Мойсей окончил гимназию. В этом же году он поступил в Харьковский университет, где изучал психологию и философию. Студент Гайсинский на какое-то время заинтересовался идеями большевиков, но вскоре разочаровался в них. Разразившаяся Гражданская война помешала учебе.

В 1921 г. он нелегально с группой молодежи уехал в Эрец-Исраэль. Работал в киббуце, занимался строительством дорог. Приобрел новых друзей. Здесь он познакомился и с будущими руководителями Израиля.

Жизнь в киббуце его не удовлетворила. Он стремился продолжить образование, как будто чувствовал, что судьба уготовила ему другую роль.

В 1923 г. Моисей переехал в Италию, где уже учился один из его друзей. Поступил на химический факультет Римского университета. В то время он не знал итальянского языка и имел весьма смутное представление о химии, так что вначале ему было очень тяжело. Но работал много и упорно (он вообще отличался необыкновенной работоспособностью), преодолел трудности и достиг успехов. Быстро вошел в студенческую жизнь. Началась его дружба со многими сокурсниками, которая продолжалась всю жизнь. Гайсинский умел дружить, это ценили друзья, отвечавшие ему взаимностью. А химия его увлекала все больше и больше, он был уверен в правильности своего выбора.

В 1927 г. ему была присуждена докторская степень по химии за работу: «Десульфирование сульфидов металлов и исследование сульфидов молибдена и вольфрама».

Затем, в 1928 г., Моисей уехал во Францию и начал работать в химической лаборатории известной промышленной фирмы «Томпсон-Хаустон» в Париже. Он стремился попасть в США, где к тому времени уже находились его отец, мать, дедушка. Надеялся получить Рокфеллеровскую стипендию. Но этим планам не суждено было осуществиться.

В 1930 г. в жизни М.Гайсинского произошли важные события. Он женился и не ошибся в своем выборе – в трудные периоды жизни Жанна была незаменимой опорой (потом у них появились дети Мишель и Жак); вышла его первая книга «Современное учение об атоме» на итальянском языке, которая вскоре была переведена на французский; в том же году Гайсинский получил стипендию Карнеги, и судьба привела его в лабораторию Кюри. С этого момента его жизнь в науке была связана с ядерной химией. Тогда же он начал свою работу в Парижском университете, которая продлилась до 1936 г.

Кюри спросила его, в какой области химии он хочет работать, поинтересовалась, владеет ли он стеклодувной техникой, рассказала о талантливом молодом экспериментаторе Вюрце, недавно погибшем, сделавшем сложные стеклодувные работы.

М.Кюри предложила молодому исследователю продолжить работы Фридрика Жолио, связанные с электроотрицательностью полония и описанные в его диссертации. Гайсинский сразу увлекся этой темой.

В 1937 г. он перешел в Национальный центр научных исследований Франции, где работал в 1937–1940 гг. и снова – с 1945; в 1955 г. стал директором Центра.

Гайсинский испытывал большое уважение к патронессе, считая, что под видом строгости и жесткости Марии Кюри прятались благородные чувства и доброжелательность. Она поддерживала и различными способами помогала тем, кто был достоин называться ученым. Была очень требовательной, особенно к тщательности и точности проведения исследований. Это очень помогло Гайсинскому в его становлении как ученого.

Моиз охотно рассказывал следующий случай: однажды Кюри вошла в лабораторию и спросила, что делает на полу листок бумаги. Гайсинский поднял его и спрятал в карман халата.

– Это ничего, мадам. Это только кусочек бумаги.

На что она ответила:

– Господин Гайсинский, бумаги не должны валяться на полу Вашей лаборатории.

Напомню, что в то время каждый исследователь сам занимался уборкой своей комнаты.

В начале войны Гайсинский должен был поехать в Тулузу и присоединиться к исследованиям, связанным с обороноспособностью страны. Но атмосфера в университетской среде была «вишистской», и он предпочел перебраться в Лион, где проф. Лемашан принял его в университетскую лабораторию минерального сырья. В Лионском университете он преподавал до окончания оккупации.

Гайсинский испытывал значительные материальные трудности и вынужден был прятаться. У него было фальшивое удостоверение личности на девичью фамилию его жены – Гей (Gay). Это, несомненно, спасло ему жизнь во время проверок, которые осуществляла французская полиция.

После освобождения Франции М.Гайсинский вернулся в Париж в лабораторию Кюри.

К середине 50-х годов коллектив лаборатории насчитывал более 25 человек. Были получены кредиты, появилась возможность приобрести современное оборудование, реактивы и пр.

Mauris Cottin вспоминал, как он и Гайсинский несли огромные кошельки, наполненные драгоценными колбами, реактивами и т.д. Настроение у них было приподнятое, веселое.

Гайсинский был личностью. Иногда совершал неожиданные поступки. Был отзывчивым и доброжелательным. Очень любил исследовательскую работу, это была его страсть, смысл жизни. Он обожал этот процесс соприкосновения с тайнами природы и умел передавать эту любовь своим сотрудникам и ученикам.

Он навязывал ритм работы, порядки, традиции, которые царили в лаборатории с тех пор, как сам Гайсинский начал в ней работать. Требовал от каждого скрупулезно записывать все детали эксперимента, легко соглашался, чтобы сотрудники оставались работать по вечерам или приходили в воскресенье, но не понимал, что из-за того, что накануне работали допоздна, можно утром опаздывать. В субботу, прежде чем оставить лабораторию на выходной день, сотрудники должны были привести все в полный порядок, помыть посуду и пол.

В описываемый период в институте не было службы защиты (техники безопасности), и предпринимаемые Гайсинским меры предосторожности были довольно зыбкими.

К концу 40-х годов, когда появились портативные счетчики, были проверены все комнаты, и оказалось, что большинство из них в той или иной степени были радиационно опасны.

Гайсинский внимательно следил за опытами, которые проводили его сотрудники. А когда время было ограничено датой конгресса (апрель 1948), который должен был состояться в Институте радия, присоединился к исследованиям. При помощи расчетной линейки он определял величину каждой новой экспериментальной точки и тут же проверял, соответствует ли она теоретической.

Работоспособность Гайсинского была почти невероятной. Например, в 1955 г. он правил семь диссертаций, осуществил шесть больших поездок, в том числе в США и СССР, закончил огромную работу над книгой «Ядерная химия и ее применение».

В 1953 г. Гайсинский читал курс лекций по радиохимии в Италии, куда был приглашен в рамках фонда Донегани (Donegani), который лег в основу вышеупомянутой книги.

В Национальном центре научных исследований он вначале изучал свойства йодистых соединений азота. В послевоенное время предметом его исследования стали соединения протактиния, полония и кюрия электрохимическими и радиохимическими методами. В 1945 г. американский ученый Г.Сиборг выдвинул актинидную концепцию размещения в Периодической системе химических элементов с порядковым номером больше 89. Гайсинский раскритиковал эту концепцию (1949–1950 гг.), предложил и теоретически обосновал новую идею о размещении элементов седьмого периода, а именно группу элементов, начинающихся с урана. Так возникла уранидная концепция Гайсинского.

В 1957–1963 гг. он преподавал на химическом факультете Парижского университета, и в 1959 г. ему было присвоено звание профессора.

Гайсинский показал возможность использования результатов радиационной химии в кинетике и катализе (1970), что в дальнейшем подтвердилось на практике. Он также увидел аналогию в активирующем действии альфа-облучения и ультразвука на протекание химических реакций.

Для элементов, начинающихся со 104-го номера, он предсказал электронные конфигурации, степени окисления, величины ионных и атомных радиусов, значение потенциалов ионизации, электроотрицательность, а также характерные качественные реакции (1972). Ему принадлежит открытие четырехвалентного палладия. Он ис-

следовал природе радиоактивных коллоидов (радиокolloидов), механизм образования монокристаллических слоев; занимался радиохимией водных растворов и многим другим.

В 1956 г. Гайсинский закончил монографию по ядерной химии. В предисловии к ней он написал: *«Подобно тому, как молекулярная химия развивалась в тесной связи с молекулярной физикой, оставаясь самостоятельной дисциплиной, ядерная химия возникла как дисциплина, родственная ядерной физике, но имеющая свои собственные проблемы, свои методы и подходы»*. В этом же предисловии он выразил благодарность за помощь своей жене Жанне Гайсинской.

В 1957 г. в Париже, в издательстве *Masson & Co* вышла его известная фундаментальная монография «Ядерная химия и ее приложения», которая стала настольной книгой многих специалистов. Написанная строго научно, но доступным языком, которым пишут авторы, глубоко владеющие материалом, обладающие широким кругозором и умеющие делиться своими знаниями, она радовала глаз и уровнем издательской работы, и своим красивым темнокрасным переплетом.

Гайсинский начинает свою книгу с описания открытия радиоактивности, которое датируется 1896 годом, когда А.Беккерель обнаружил самопроизвольное испускание ураном ранее неизвестного вида проникающего излучения, названного радиоактивностью (от латинского *radio* – «излучаю» и *activus* – «действительный»). Вскоре радиоактивность была обнаружена и у тория, а в 1898 г. (год рождения будущего радиохимика Гайсинского) супруги Кюри открыли в составе урановых руд два гораздо более мощных, чем уран, излучателя – новые радиоактивные элементы полоний и радий. Далее Гайсинский подробно осветил современные (к тому времени) проблемы ядерной химии, ядерные реакции, деление ядер, действие ионизирующего излучения на вещество, получение и свойства трансурановых элементов, изотопное равновесие и др. Очень ценным было описание практического использования радиоактивных изотопов и ядерного излучения в аналитической химии, при изучении механизмов химических реакций, в промышленности и сельском хозяйстве, в медицине, биологии, геохимии, геологии и астрофизике.

Это была первая монография по ядерной химии. Книга была переведена на русский язык и вышла в 1961 г. в Издательстве иностранной литературы (Москва) с предисловием академика А.Виноградова. При подготовке русского издания монография была существенно дополнена и переработана. В свете новых достижений физики переработаны первые главы, особенно глава, посвященная

элементарным частицам. Глава о трансурановых элементах написана заново и значительно расширена. Добавлены некоторые новые разделы, дополнено изложение теоретических представлений о свободных радикалах. В 1964 г. была издана на английском (перевел с французского D.Tuck, Nottingham университет, Англия), дополнена приложениями для факультативного использования студентами, что практикуется в США, и вошла в международную серию книг по химии.

В предисловии к английскому изданию дается высокая оценка монографии и указывается, что ее автор, радиохимик М.Гайсинский, занимает ведущую позицию в ядерной химии, подчеркивается, что он работал с М.Кюри, Э.Ферми, И. и Ф.Жолио-Кюри, является лидером французской школы в этой области науки, представителем Института радия, в котором успешно развивалась техника ядерной химии и физики и где физическая химия и химическая физика влияли друг на друга.

В 1961 г. Гайсинский издал еще одну монографию, посвященную химическому и биологическому действию радиации («The Chemical and Biological Action of Radiations»). Совместно с французским радиохимиком Ж.Адловым Гайсинский в 1965 г. написал «Радиохимический словарь терминов» (переведен на русский язык в 1968 г.). В этой монографии впервые были обобщены основные характеристики 104 известных к тому времени химических элементов Периодической системы, причем авторы описали историю открытия каждого элемента, его физические и химические свойства, состав изотопов, способы получения радиоактивных изотопов, их ядерные характеристики, области применения. Только по этому перечислению видно, какой титанический труд стоит за этой книгой.

Редакторская деятельность занимала большое место в его жизни: он любил редактировать и делал это со знанием дела, хотя французский не был его родным языком. Он заново карандашом писал сжато и четко то, что его сотрудники писали длинно и непонятно.

М.Гайсинский был главным редактором нескольких серий монографий, например, «Actions chimiques et biologiques des radiations» (серия выходила в 1955–1969 гг.), «Organic peroxides in radiology» и др.

Одна из книг представляет собой сборник докладов, прочитанных на коллоквиуме в Институте радия 9 и 10 января 1957 г. В предисловии выражается благодарность главному редактору книги М.Гайсинскому за компетентность. В этом коллоквиуме Гайсинский

принимал самое активное участие, как всегда, лаконично выступал в дискуссиях, расставлял точки над i.

Гайсинский ценил конгрессы, съезды, которые давали возможность встречаться с учеными и дискутировать на близкие ему темы. Конгрессы были для него и способом путешествий. Он был знаком с многими видными учеными, с некоторыми из них переписывался. В каждой стране, которую он посещал, Гайсинский любил встречать старых друзей и приобретать новых. Очень ценил человеческие контакты.

К Новому году он обычно получал множество поздравительных открыток; гордился этим, показывал открытки из разных частей света, был счастлив, что столько людей помнило о нем, и это придавало ему силы. Открытки он хранил в ящике большого письменного стола.

Начиная с 1933 г. велосипед был его любимым средством передвижения, во всяком случае, во Франции.

Он любил ездить рано утром или поздно вечером и на большие расстояния. Использовал велосипед для развлечений, уезжая в конце недели, а также для поездки на некоторые конгрессы. Для того чтобы участвовать в одной из конференций, проходившей в Страсбурге, он на велосипеде проехал от Парижа до этого города и в воскресенье вечером, накануне конференции, прибыл в спортивном костюме и кедах, чем удивил своих коллег.

Собирая сведения о Гайсинском, я как-то вечером позвонила в Ригу своему старому коллеге, ныне президенту Академии наук Латвии, Я.П.Страдыню. Оказалось, что он не только был знаком с Гайсинским, но и около 10 лет переписывался с ним. Впервые Ян Павлович встретился с директором Института радия в 1967 г., когда посетил Париж с группой советских историков науки. Он тогда интересовался учеными из окружения М.Кюри, которая была почетным гражданином города Риги. И еще он хотел проверить легенду о ее переписке с народовольцем, а потом сибирским золотопромышленником Болотом, интересовавшимся радиоактивностью; этот человек стал прообразом Рахметова в книге Чернышевского «Что делать?». Гайсинский, как и Страдынь, занимавшийся историей науки, тщательно изучил архив М.Кюри, но не нашел подтверждения факту такой переписки. Страдынь встречался с Гайсинским и в Ленинграде, и на Международном конгрессе по истории науки в Москве. На одном из форумов Ян Павлович сделал доклад об открытии трансурановых элементов. Они обменивались оттисками своих

статей. Гайсинский запомнился Страдыню как человек очень добродетельный и скромный.

Блестящий ученый, проф. М.Гайсинский был также прекрасным организатором науки. Он внес существенный вклад в методологию и развитие научно-исследовательских работ во Франции.

Научный вклад М.Гайсинского современники оценили по достоинству: в 1939 г. Парижская академия наук вручила ему премию Хеберта, он стал членом Академии dei Lincei (Рим, 1953 г.), членом Французской академии инженерных наук, членом многих научных химических и физических обществ в Европе и Америке.

Когда это стало возможным, Гайсинский, всегда интересовавшийся развитием науки на своей бывшей родине, начал приезжать в Советский Союз. В 1969 г. в Ленинграде он ознакомился с исследованиями, проводимыми в Радиовом институте. В 1971 – участвовал в работе 13-го Международного конгресса по истории науки, который проходил в Москве. Гайсинский выступил на нем с оригинальным докладом «Псевдооткрытия в истории радиоактивности», который вызвал неподдельный интерес слушателей.

Незадолго до смерти Гайсинский написал: *«Я чувствую удовлетворение во время своей работы не только потому, что она позволяет мне преодолеть трудности и дает ощущение созидания, но также потому, что исследовательская работа отделяет меня от внешнего мира с его проблемами... В этом плане научный труд приближается к художественному творчеству».*

Судьбой ему было отпущено еще пять лет. Умер ученый в Париже. В химической науке Моиз Гайсинский оставил яркий свет.

Использованные источники

Haïssinsky M. (Editeur) Action chimiques et biologiques des radiations. Paris: Masson, 1955–1969. V.1–6.

Haïssinsky M. La Chimie nucléaire et ses applications. Paris: Masson, 1957. 651 p.

Haïssinsky M. (Editeur) Organic Peroxides in Radiobiology. Paris, 1958.

Haïssinsky M. Constantes sélectionnées. 1963.

Haïssinsky M. Nuclear Chemistry and its Applications. London, 1964. 834 p.

Haïssinsky M., Adloff J.-P. Dictionnaire radiochimique des éléments. Paris, 1965.

Haïssinsky M. and J.P. Adloff. Radiochemical survey of the Elements: Principal Characteristics and their Isotopes. Amsterdam, N.Y., 1965. 177 p.

Magat M. Моисе Haïssinsky, 1898 – // International Journal for Radiation Physics and Chemistry. 1969. V.1. P.83–85.

Cottin M. Monsieur Моисе Haïssinsky au Laboratoire // Journal de chimie physique et de physico-chimie biologique. 1979. V.76. №1. P.626–629.

Где был физик Анатолий Абрагам?

Арон Черняк (Хайфа)

Настоящий этюд связан с жизнью и деятельностью известного физика Анатоля Абрагама. В основу очерка легла автобиографическая книга ученого «*De la physique avant tout chose*» (Éditions Odile Jacob, 1987). В русском переводе самого автора название книги, вышедшей в Москве в 1991 г., звучит так: «Время вспять, или Физик, физик, где ты был». Автору оно очень нравится, «потому что, — пишет он, — нельзя придумать более точного описания содержания книги». Впрочем, думается, неплохо бы назвать и по-другому: «Жизнь одного физика: всерьез и в шутку». Но это дело вкуса. Итак, перед читателем жизнь Анатоля Абрагама, описанная им самим. Читаешь книгу и оказываешься в роли путешественника по мало-знакомой и весьма интересной, отчасти даже загадочной стране. Это обстоятельство и породило своеобразие моего очерка — не реферирование и не резюмирование книги. Это впечатление путника, попавшего в ареал, созданный на страницах литературного произведения. Впечатление живое, заинтересованное, равнодушное — и потому комментирующее. Путник видит, слышит, оценивает — следовательно, присутствует. Дабы читатель сразу получил представление об авторской манере, начну с изложения эпизода, который показался мне характерным. Я назвал его так: *Притча о трех евреях и одном аспиранте*.

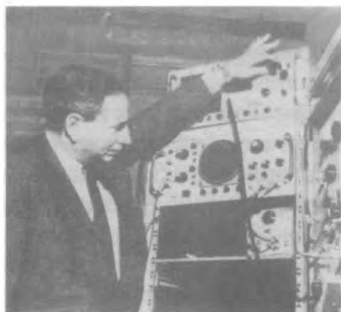
Однажды некий американский аспирант никак не мог решить задачу. Он пошел за помощью к знаменитому Роберту Оппенгеймеру. Тот прочел ему блестящую двухчасовую лекцию; аспирант понял из нее очень мало, но ушел в восторге. «Есть среди нас, — подумал он, — гении, которые способны решать задачи, недоступные простым смертным». Все же аспирант обратился также к выдающемуся физiku, лауреату Нобелевской премии Джулиусу Швингеру. Не прошло и часа, и задача была решена, причем так, что аспирант все понял. «Есть среди нас, — подумал он, — гении, которые способны столь трудные задачи сделать доступными для простых смертных». Но не иначе как некий коварный искушитель подбил аспиранта обратиться еще и к лауреату Нобелевской премии Энрико Ферми (есть авторитетное мнение, что Нобелевский комитет недодал ему еще пять таких премий по физике, что, впрочем, объясняется ужасно строгими правилами награждения этими премиями). Прошло

пять минут, и великий ученый решил задачу. В плохом настроении, ужасно недовольный собой, покинул его аспирант – ведь он не сумел сам решить, как оказалось, такую простую задачу!

Анатоль Абрагам проникся восхищением к Ферми. А при личном знакомстве с ним незаметно больно ущипнул свою жену Сюзан. Когда позднее возмущенная женщина потребовала объяснений, он ответил: «Это чтобы запечатлеть навеки в твоей памяти, что ты пожалала руку Ферми».

Подобные любопытные случаи из жизни ученых разбросаны по всей книге А.Абрагама. И прелесть этой книги в том, что, как правило, нигде в другом месте о них узнать нельзя. В силу своего положения видного физика, а ранее – способного и весьма контактного ученика, Абрагам встречался со многими выдающимися людьми: учеными, общественными и государственными деятелями и др. – и создал в книге такие их яркие образы, которые надолго запоминаются читателю. «Мне хотелось, – пишет автор, – рассказать в этой книге разные истории про себя и про других». «Зачем?» – вопрошает он сам себя. А вот зачем: «То, что я не расскажу сегодня, никто никогда не расскажет... я охвачен чувством непоправимого и необратимого». Физик Абрагам, много сделавший для своей науки, вдруг почувствовал, что еще что-то может сделать для сохранения истории своего времени, увидел в этом общественную задачу. И он прекрасно справился с этой историко-литературной задачей, стал в какой-то мере бытописателем. Правда, напрасно будет искать в его изложении строгую последовательность. Очевидно, это сделано обдуманно. «Я оставляю за собой, – заявляет автор, – свободу шататься взад и вперед, как мне угодно, и нахально попирать хронологию». Впрочем, наш мемуарист вовсе не считает себя первооткрывателем подобного способа изложения. Он ссылается на известного французского кинорежиссера Жан-Люка Годара, которого однажды спросили: «Не согласны ли вы с тем, что каждый фильм должен иметь начало, середину и конец?» – «Конечно, – ответил Годар, – но не обязательно в этом порядке». Читателю книги А.Абрагама с недвусмысленным названием «Время вспять...» остается только поблагодарить автора за приверженность этому принципу изложения. И еще одна большая благодарность в его адрес. «Книга предназначена широкому кругу физиков», – читаем мы в издательской аннотации. Конечно, никто не собирается оспаривать это назначение, но оно существенно сужено – книгу с удовольствием и пользой прочтет и ученый, и студент, и старшеклассник, и каждый, кто интересуется жизнью в России первой половины 20-х годов, Франции последующих десятилетий, Англии, Америки, кому

хочется узнать, как делалась наука в Европе и США, что собой представляли люди науки, как раскрывались ее тайны, и о многом другом.

**А.Абрагам: «Экспериментаторы принимают меня за теоретика» (слева),
«Теоретики принимают меня за экспериментатора» (справа)**

Все же начнем с личности автора и внешних событий его жизни. Анатолий Израилевич Абрагам – выдающийся физик-теоретик XX века. Он родился в Москве в 1914 г. и провел там первые десять лет жизни. Отец его был владельцем небольшой фабрики, мать – врачом. Мальчик много читал, посещал школу, а также Мавзолей Ленина – все как надо. В 1925 г. он и большая часть семьи оказались в Париже. После окончания лицея юноша пробовал себя в медицинском учебном заведении, но вовремя перешел к изучению физики. Его научным руководителем стал выдающийся ученый Фрэнсис Перрен, впоследствии Верховный комиссар Комиссариата по атомной энергии Франции. Абрагам был восхищен его необыкновенным обаянием и беззлобным остроумием, умом, «скоростью, с которой он схватывал все новое, объемом и разнообразием его знаний и культуры, его способностью всем интересоваться и все понимать». Абрагам высоко оценил своих очных и заочных учителей: советских физиков-теоретиков Я.И.Френкеля и В.А.Фока (о книге Фока он написал: «Она была чудом ясности и краткости»), английского ученого П.Дирака («Это величайшая книга, когда-либо написанная о физике», – так отзывался Абрагам о его монографии «Принципы квантовой механики»).

Но книга Абрагама отнюдь не сборник дифирамбов. Вот и иной рассказ: герцог де Бройль, великий французский физик, лауреат Нобелевской премии в 37 лет, сделал гениальное открытие, но,

замечает Абрагам, ... и ничего за оставшиеся после этого 60 лет: «Вторая великая мысль к гению больше не приходит и не придет...». Так бывает, и нередко.

Вторая мировая война временно прервала путь в науку начинающего ученого. В октябре 1939 г. он призван в армию, в тяжелую артиллерию, но неожиданно несчастный поворот в ходе войны с Германией – разгром французской армии – не позволил его подразделению принять участие в боевых действиях. В период оккупации А.Абрагаму приходилось прятаться или прибегать к различным ухищрениям, чтобы избежать печальной судьбы многих французских евреев. Ему повезло: он встретил Сюзан Лекем, которая стала его женой. Молодой человек пытался попасть на французский военный корабль, чтобы воевать с немцами, но это ему не удалось. Однако в 1944 г. он вступил в Вооруженные силы Сопротивления, а затем в возрождающуюся регулярную армию. После демобилизации в 1945 г. Абрагам завершил свое университетское образование и вскоре занялся научно-исследовательской работой в Комитете атомной энергии (КАЭ), в 1950 г. защитил диссертацию в Оксфорде. Он познакомился с крупным специалистом Львом Коварским, также выходцем из России, ближайшим сотрудником Ф.Жолио-Кюри. Признавая научные и организаторские способности Коварского (кстати, в 1940 г. он, по указанию Ф.Кюри, тайно вывез в Англию запас тяжелой воды Франции), Абрагам не скрывал своего недовольства человеческими качествами Коварского. Интересно мнение Абрагама о возможностях французской науки в овладении атомной энергией. «Какая страна, – восклицает он, – была лучше подготовлена, чтобы преуспеть в атомной гонке, нежели Франция?» Здесь работали Антуан Беккерель, открывший явление радиоактивности урана, Пьер и Мария Кюри, Фредерик и Ирен Жолио, Жан Перрен, Поль Ланжевен, Френсис Перрен, Пьер Оже – авторы авангардных работ в области атомной энергии. Абрагам упрекает Жолио, оставшегося в оккупированной Франции, где он ничего не мог сделать для науки: «Он был одним из многих доблестных участников Сопротивления... а вот физиков равного ему масштаба не было. Жаль!» Автор отмечает его чародейскую ловкость как экспериментатора, неутомимую энергию, личное обаяние, привлекавшее всех, его важнейшие научные открытия, заслуженный авторитет, роль в создании во Франции КАЭ. Вместе с тем Абрагам отмечает, что супруги Жолио прошли мимо трех великих открытий, которые были у них, что называется, в руках. Это открытие нейтрона, «буквально оброненное супругами Жолио в корзину англичанина Чэдвика из-за неспособности правильно проанализировать результаты своих опы-

тов». Это открытие позитрона, траекторию которого Жолио наблюдал, но неправильно истолковал как следы электронов, движущихся к источнику. Наконец, Ирина Жолио не смогла правильно объяснить один из своих опытов, а это был процесс ядерного деления. Правда, это же явление поставило в тупик и Э.Ферми, а позднее немцев О.Гана и Ф.Штрассмана. Только Лиза Майтнер сумела объяснить полученные результаты и вместе с Р.Фришем ввела само понятие – «ядерное деление». Указанные «недосмотры» супругов Жолио Абрагам объясняет некоторой слабостью развития теоретической физики во Франции. Абрагам сожалеет о прекращении научной деятельности Ф.Жолио после увольнения его в 1950 г. с поста Верховного комиссара по атомной энергии в связи с активной коммунистической деятельностью.

Среди выдающихся ученых, которых столь ярко характеризует Абрагам, пожалуй, особое место занимает Георгий Антонович Гамов (1904–1968). Он был невозвращенцем – в 1933 г. не вернулся в СССР из командировки и с 1934 г. работал в США. И потому имя его и труды длительное время замалчивались в Советском Союзе. Гамову принадлежат три крупнейших научных открытия: теория альфа-распада, гипотеза «горячей Вселенной», первый расчет генетического кода. Абрагам характеризует его как одного из самых замечательных людей нашего времени, который заслужил Нобелевскую премию не меньше многих, получивших ее. Называет его эксцентричным гением, подробно рассказывает о драматических обстоятельствах его попыток покинуть СССР*, о трудностях научного пути. Так, его теория альфа-распада была встречена с недоверием, против нее активно возражал знаменитый Бор. Гамов жаловался: «Чего им надо? Я даю правильное решение волнового уравнения, которое правильно описывает все факты, а они капризничают». В конце концов Бор изменил свое отношение к теории и даже стал самым горячим ее поклонником. Обо всем этом Гамов рассказывал Абрагаму и встретил полное сочувствие. Все же Гамов считал себя неудачником. «Нас было трое неразлучных: Ландау, И. (очевидно,

* Однажды он с женой пытались уплыть из Крыма в Турцию на маленькой лодке, но чуть не погибли, их спасли рыбаки. Акция была настолько нелепа, что бдительные власти поверили, будто незадачливые туристы катались, и буря унесла их далеко от берега. Зато вторая попытка оказалась удачной. В 1933 г. Гамов выехал в Брюссель на Сольвеевский конгресс. В.Молотов, с которым Гамов, очевидно, был знаком, разрешил ему взять в поездку жену. В Советский Союз они не вернулись. (Примеч. А. Ч.)

Гамов имел в виду Д.Иваненко, автора общепринятой гипотезы строения атомного ядра из протонов и нейтронов. – А.Ч.), да я, – сетовал он. – Нас звали три мушкетера. А теперь? Ландау – гений, И. – все знают, кто такой, а я – вот где». Абрагам высоко отзывается также о серии замечательных забавных популярных книг по физике «Приключения мистера Томкинса», написанных Гамовым, который получил премию Калинга за выдающуюся деятельность в области популяризации науки.

Много внимания автор уделяет Полю Дираку и, кажется, не столько его выдающимся научным достижениям, сколько многочисленным анекдотам, ходящим о нем. Известен, например, такой. Дирак приезжает в Москву для участия в семинаре Ландау. Тот, слушая выступление Дирака и уверенный, что Дирак не знает порусски ни слова, вполголоса приговаривает: «Дирак дурак, Дирак дурак». И вдруг раздается громкий голос Дирака: «Сам дурак!». Знатоки анекдотов про ученого выпад Ландау объясняют его ответом на остроу Дирака во время музыкального вечера у Бора, где в числе присутствующих был голландский физик Казимир с женой. Юный Ландау, который не любил музыку, скучал, кривлялся, всем мешал. «Раз вы так не любите музыку, почему бы вам не выйти погулять в сад?» – спросил Дирак. «Да я предложил пойти со мной в сад госпоже Казимир, которая ненавидит музыку пуще моего, но она не захотела», – ответил Ландау. Дирак призадумался: «Возможно, гулять с вами в саду ей неприятнее, чем слушать музыку».

Большой интерес проявил Абрагам и к выдающемуся швейцарскому лауреату Нобелевской премии Вольфгангу Паули (1900–1958), одному из создателей квантовой механики. Человек весьма живого ума и своеобразного поведения, Паули тоже стал героем многих анекдотов, и наш мемуарист просто не мог не привести хотя бы некоторые из них. В 1919 г. Эйнштейн, в зените своей славы, прочел лекцию, на которой присутствовал и юный Паули, к тому времени уже автор прекрасного изложения общей теории относительности. В конце лекции он громогласно заявляет: «А знаете, то, что доктор Эйнштейн говорит, далеко не глупо» (!!). А вот еще: Паули попадает в рай, и Бог встречает его: «Ты был хорошим человеком и хорошим физиком. Скажи, чего бы тебе хотелось?» – «О, Боже, мне очень хотелось бы узнать тайну Вселенной, я ее искал всю жизнь». «Это просто, – говорит Бог. Он ведет Паули к доске, берет мел и пишет три формулы. – Вот и все». Паули смотрит на доску, качает головой и произносит: «Dummkopf».

Конечно, отзывы автора об ученых вовсе не собрание анекдотов. Многие характеристики посвящены сущности и значению их деятельности, и он умеет их изложить!

Вот одна, на тему о молодых талантах. Широко известно явление «красного смещения», сопровождающее сдвиг частоты электромагнитного излучения в гравитационном поле; оно было предсказано Эйнштейном, но его подробное изучение потребовало усилий и сопровождалось рядом сложных экспериментов и некоторыми казусами. В английском научном центре Харуэлле было сделано открытие в этой области. Оно попало на глаза юному студенту Кембриджа Брайану Джозефсону, который усомнился в результате проведенных опытов и написал об этом в Харуэлл. Физики всполошились, начали поиск по телефону доктора Джозефсона. «Нет у нас такого, – ответил привратник. – У нас есть студент Джозефсон». – «Попросите его к телефону». «Студентов к телефону не зовем», – заявил привратник и повесил трубку. И тут Абрагам не без злорадства продолжает: «Чины и физики *затолкались* в две официальные машины и помчались в Кембридж (добрых сто километров от Харуэллы), где Джозефсон подтвердил им устно более подробно то, о чем им уже писал. Краска на лицах была куда краснее смещения».

Открытие так называемых стандартного и нестандартного эффектов в области сверхпроводимости Джозефсоном, неизвестным еврейским юношей, оказало существенное влияние на современную физику. В 1973 г., в возрасте 33 лет, он был удостоен Нобелевской премии. А вот другой историко-научный экскурс, изображенный Абрагамом в назидание молодым и не очень молодым ученым. Широко известный в ядерной физике эффект Мессбауэра был обнаружен им и объяснен в 1958 г., за что он впоследствии был удостоен Нобелевской премии. Абрагам показал, что в сущности открытие Мессбауэра было сделано еще в 1938 г. У.Лэмбом, однако его публикация не была замечена «из-за необыкновенной слепоты всех тех, кто до сих пор занимался этим делом». Сам Абрагам весьма заинтересовался эффектом, распространил его на область физики твердого тела, посвятил эффекту тринадцать лекций в своем курсе, и американский издатель выпустил их отдельной книгой.

Безусловно, много места в книге занимают тексты, в которых излагаются успехи самого Абрагама в области физической науки, конкретно – в средах ядерного магнетизма, ядерной поляризации и пр. Мы не можем останавливаться на соответствующих главах, так как они носят специальный характер. Правда, автор стремился к доступности изложения, и это в целом ему удалось. Однако даже самая удачная популяризация не может превратить глубокую материю

в общедоступное чтение. Укажем лишь, что Анатолий Абрагам в современной физике звезда первой величины, его научные работы во многих ее областях стали классическими, основополагающими, переведены на ряд иностранных языков. В Москве на русском языке вышли следующие: «Ядерный магнетизм» (1963), «Электронный парамагнитный резонанс переходных ионов» (в соавторстве; 1973), «Ядерный магнетизм. Порядок и беспорядок» (1984). С 1960 г. Абрагам – профессор прославленного Коллеж де Франс, в 1973 г. его избрали членом Парижской Академии наук, он также член Лондонского Королевского общества. Оксфордский университет присвоил ему почетную докторскую степень. Абрагам читал лекции в Англии, США, Индии, Японии (одна из его монографий переведена на японский язык), Голландии, Израиле. В последнем он побывал пять раз: на международных конференциях, встречах ученых, по случаю присвоения почетной докторской степени Хайфским университетом.

Описывая свои поездки в Израиль, Абрагам рассказывает сопутствующие забавные истории. Однажды, когда вылет самолета с делегацией французских ученых, в которую входил Абрагам, был задержан, физик Альберт Мессиа дал телеграмму в Институт Вейцмана: «Прибуду во вторник. Мессиа». Ожидали ли израильские ученые прихода мессии, сказать трудно.

Находясь в Цфате, Абрагам обратил внимание физика С.Дэвонса на молодых йешиботников: «Смотрите, – сказал он ему, – какие умные одухотворенные лица! Какая потеря для теоретической физики!» Дэвонс ответил: «Вполне возможно, что, глядя на нас, они думают: “Какая потеря для изучения Торы”».

Редкое сочетание тонкого юмора с логическими доводами видно из обоснования Абрагамом своего голосования за прием Китая в Международный союз физиков (Абрагам был вице-президентом Союза):

«Китай – самая цивилизованная из стран по трем причинам: во-первых, китайцы открыли порох, но не изобрели огнестрельного оружия; во-вторых, они изобрели печать, но не изобрели газет, а в-третьих, что самое главное, они изобрели компас, но не открыли Америки».

Анатолий Абрагам – не только крупный исследователь, но и организатор науки: был «директором физики» КАЭ, руководителем лабораторий и целых научных направлений и т.п. Совокупность его научных заслуг отмечена международными наградами: медалью имени А.Лоренца, великого нидерландского физика-теоретика, творца электронной теории вещества (медаль присуждается раз в четыре года физико-теоретику), и медалью имени Макса Планка,

великого немецкого физика, одного из основоположников квантовой физики; Абрагам был первым лауреатом медали М.Планка.

Будучи научным руководителем физических исследований национального масштаба, Абрагам хорошо знал внутреннюю жизнь таких научных учреждений, как Коллеж де Франс и Парижская Академия наук. Его рассказы о них – яркие части книги. Коллеж де Франс – один из старейших университетов страны, основанный в 1530 г. Краткий исторический экскурс автора начинается с этого времени и охватывает важнейшие события жизни Коллежа. Здесь и характеристики ряда профессоров, и описание процедуры их выбора, в том числе самого Абрагама, и особенности преподавания, рассказ о связи преподавательской работы с научной и пр. Не меньший интерес представляет глава о Парижской Академии наук, существующей с 1666 г. и фамильярно именуемой «старой дамой с Набережной Конти». К началу 70-х гг. XX века ее отличительная черта – древний возраст академиков. Так, в секции геометрии самому старшему было 96 лет, а самому молодому – 79. С неприкрытой иронией повествует автор о порядках в этом почтенном учреждении, о парадоксах выборов и т.п. Большинство выдающихся французских математиков, биологов, врачей не были в числе «бессмертных»; среди физиков не было ни Марии Кюри, ни ее дочери Ирен; лауреат Нобелевской премии Андре Львов был завален при первой же попытке, зато десять членов Академии были физиками, имена которых были известны лишь немногим. «Для пришельца без предков, без традиций, без корней, – сетует Абрагам, – проникнуть в эту тихую гавань, где время остановилось, великий соблазн». И все же он был избран. Но с 1976 г. старая Академия больше не существует – президенту Франции Жискару д'Эстену удалось провести реформы, которые придали Академии более или менее современный вид. Тем не менее автор завидует Российской Академии наук, которая обладает властью, ибо во Франции все академики – лишь почетные. Абрагам приводит слова российского физика О.Хвольсона: «Звание почетного академика отличается от звания академика, как *милостивый государь* от *Государя*».

Как уже говорилось, Абрагам много путешествовал. Своим неоднократным посещениям России он уделяет специальную главу. «С Россией у меня сложные отношения... Я не могу забыть ее язык, ее литературу и поэзию, которая меня трогает (Абрагам знает наизусть всего *Евгения Онегина*. – А. Ч.). Нет звука прекрасней чистой русской речи. Не могу забыть своего детства. Не могу забыть, что с 1941 по 1945 год эта страна стояла между моей жизнью и моей гибелью. Я продолжаю испытывать к ней влечение, несмотря на

разочарования и отвращение, которое медленно просачивалось сквозь стену лжи, воздвигавшуюся в течение стольких лет властями на Востоке и нашими левыми на Западе».

Абрагам ездил в СССР на международные научные конференции, читал лекции (на русском языке, к удовольствию слушателей), встречался с учеными и общественными деятелями и т.д., посещал научные центры. Автор описывает свои встречи с лауреатами Нобелевской премии А.Прохоровым и Н.Басовым, с физиками Бруно Понтекорво, А.Мигдалем, И.Халатниковым, П.Капицей, А.Боровиком-Романовым (редактором воспоминаний Абрагама). Специальный раздел – «Настоящий человек» он посвящает встрече с А.Д.Сахаровым, о которой давно мечтал: «В течение многих лет я принимал участие в борьбе западной научной интеллигенции с недостойным обращением властей с великим ученым и гуманистом». Свои впечатления о Сахарове автор закончил в присущей ему манере: «Если бы Сюзан была со мной в тот вечер, я бы ее опять ущипнул, как когда-то при встрече с Ферми, чтобы она не забыла и этой встречи».

«Мимолетная дружба» – так назвал автор главку, посвященную академику Я.Б.Зельдовичу. В ней он рассказал о встрече «с другим замечательным ученым, человеком, как мне показалось, очень непохожим на Сахарова, но уникальным истинно нечеловеческой широтой своих научных интересов и достижений». О Якове Борисовиче, ввиду секретного характера многих его работ, очень мало известно на Западе. Приведены письма Зельдовича Абрагаму, весьма лестные для последнего.

Любопытна попытка Абрагама представить термоядерную модель советского государства, в основу которой положен страх сношений с границей, что противоречит интересам страны. Поэтому советское государство рассматривается как система с отрицательной температурой, а западные страны – как система с положительной температурой. Отсюда следуют характеристики модели:

1. Советский режим устойчив, что доказывается его 70-летней историей.

2. Власти не разрешают близких контактов с другими странами, ибо такие контакты опасны для стабильности страны.

3. Уничтожение Сталиным иностранных коммунистов, оказавшихся в стране во время войны, и заключение бывших советских военнопленных в лагеря обусловлено тем, что те и другие заражены Западом, они – источник хаоса.

4. Советская политика международного напряжения не империалистическая – она для внутреннего употребления. Цель ее – не

завоевания, а желание убедить народ, что его границы под постоянной угрозой и нуждаются в постоянной глобальной охране.

5. Советской литературе позволяется иногда описывать тяжелую жизнь, что соответствует внутренним флуктуациям (отклонениям), не угрожающим стабильности системы с отрицательной температурой.

Эта модель была создана в 70-е годы, но теперь положение в России изменилось, и страна приходит в нормальное состояние, – констатирует автор. Дело в том, что изменилась термодинамика системы – под воздействием внешнего когерентного (т.е. согласованного протекания во времени нескольких процессов. – А.Ч.) и мощного фактора. Абрагам подчеркивает при этом важную роль М.Горбачева, хотя его деятельность носит лишь стимулирующий характер. Абрагам, конечно, осознает всю условность термодинамического моделирования сложнейшей социально-экономической и политической системы. «Хочу уверить читателя, – заключает он, – что все предыдущее – умственное развлечение, и прошу его не принимать это буквально, ни даже просто всерьез, как и большинство моделей в физике».

Анатолий Абрагам снабдил свою книгу редкими фотографиями из собственного альбома и интереснейшими групповыми снимками участников международных (Сольвеевских) конгрессов физиков. К этим снимкам он приводит специальные комментарии.

На этом заканчивается мой рассказ о физике Анатоле Абрагаме. А на его вопрос «Физик, физик, где ты был?» можно с уверенностью ответить, что Анатолий Абрагам оказался в жизни своей вполне *на месте* – в полном соответствии со своими способностями и обстоятельствами, которые складывались вокруг него.

Кирилл Зайцев: парижский период (хроника научной жизни)

Вадим Телицын (Москва)

Судьба и деятельность Кирилла Иосифовича (Осиповича) Зайцева (28 марта 1887; Петербург – 26 ноября 1975; Джорданвилль, США), еврея по отцу, его вклад в науку мало известны отечественной научной общественности¹. Тогда как его работы в области экономики, философии, литературоведения и богословия заслуживают серьезного внимания².

* * *

К.И.Зайцев

Кирилл Зайцев родился в семье экономиста Осипа Зайцева, известного своими трудами в области железнодорожного транспорта³. После окончания экономического отделения Петербургского политехнического института и юридического факультета Петербургского университета (последний – экстерном в 1912 году) К.Зайцев был оставлен при кафедре государственного права университета для подготовки к профессорскому званию. В том же году отправлен в двухгодичную заграничную командировку, прослушал ряд курсов по правоведению и экономико-финансовым проблемам в Гейдельбергском

университете (Германия). В Россию вернулся в июне 1914 года.

Своими учителями считал экономиста П.Б.Струве⁴, В.М.Гессена⁵ и М.А.Дьяконова⁶. Еще до революционных потрясений зарекомендовал себя как серьезный специалист в области экономической истории (исследовал крестьянское самоуправление в первой трети XIX века, управление крестьянами централизованным государством, взимание сборов, соотношение общины и сельского общества), современного хозяйственного положения России и проч.⁷ Во время Первой мировой войны Зайцев работал в управлении делами Особого совещания для обслуживания и объединения мероприятий по продовольственной части⁸.

Занимая позицию непримиримого критика большевизма, выступил против захвата власти большевиками, участвовал в деятельности антибольшевистских организаций. Весной 1918 года бежал на юг России, проживал в Ростове-на-Дону, Новороссийске, Севастополе. Сотрудничал в антибольшевистской «Свободной России», где весной 1919 года опубликовал серию статей «Как ликвидировать земельную революцию». Сотрудничал в журнале «Русская культура», выходившем в Севастополе. В ноябре 1920 года эмигрировал из России вместе с остатками армии барона П.Н.Врангеля.

До лета 1921 года Зайцев проживал в Константинополе, влача, как и тысячи российских изгнанников, жалкое существование. В августе того же года он уже в Софии, сотрудничает в журнале «Русская мысль». По всей видимости, Зайцева «извлек» из константинопольского прозябания его учитель Струве, который и был редактором этого издания. В 1921-22 годах из-под пера К.Зайцева выходит серия статей, посвященных вопросам экономики, политики, культуры, «белого дела» и проч.⁹ Недостаток средств вынудил редакцию «Русской мысли» свернуть издание журнала. Струве перебрался в Прагу. В это время чешское правительство объявило о начале так называемой «русской акции» – поддержке вынужденных русских эмигрантов, в первую очередь творческой и научной интеллигенции. Кирилл Иосифович потянулся вслед за своим учителем и в июле 1922 года находился уже в Чехословакии.

Три года, проведенные в Праге, прошли незаметно. Преподавание на Русском юридическом факультете, сотрудничество в экономическом семинарии Струве, публикации в русскоязычной прессе поглощали все время исследователя.

Сохранились воспоминания философа и публициста В.Зеньковского: «В Праге пришлось мне познакомиться с Кириллом Иосифовичем Зайцевым, когда он был доцентом на русском юридическом факультете. В писаниях у него есть опасный дар хлесткости, но его литературный талант я всегда ощущал. Он по типу фанатик, в нем исключительно ярко “страсти ума”, по выражению Достоевского, это не максимализм мысли, а максимализм воли, нетерпимость беспощадная и <...> умелая. Странный человек!»¹⁰

* * *

По всей видимости, в конце 1925 года Зайцев последовал за своим учителем в Париж. Здесь Струве возглавил редакцию газеты «Возрождение», а Зайцев стал его заместителем¹¹. Но долго в редакции газеты не задержался. Как и Струве (и с десятков других

сотрудников издания), он, в знак протеста против ксенофобической политики издателя¹², покидает «Воскресенье». Впрочем, без работы Кирилл Иосифович не остался: в Русском коммерческом институте он читал курс законоведения, во Франко-русском институте – эпизодически – лекции по аграрной истории России, в Институте русского права и экономики вел семинары по советскому хозяйственному праву (совместно с профессором В.Б.Эльяшевичем¹³, там же читал лекции по истории русского права, состоял редактором ежедневной газеты «Россия и славянство» (первый номер вышел 1 декабря 1928 г.).

Много выступал – со своими научными разработками – перед различной эмигрантской аудиторией.

Хроника¹⁴ его научной жизни впечатляет.

1926 год

9 января – Зайцев выступает с лекцией на тему «Смысл и значение нашего зарубежного существования»¹⁵. Он подчеркивает, что главная задача российских изгнанников – сохранить культурное наследие и передать его будущему поколению, которому, быть может, удастся вернуться в Россию.

29 марта. На первом заседании семинария академика Струве был заслушан доклад Б.Э.Нольде «Ю.Самарин и проблемы русского конституционализма»¹⁶. К.И.Зайцев принял участие в дискуссии.

В ноябре Зайцев выступил во Франко-русском институте с лекцией «Аграрная система в России». Он остановился на последствиях «военного коммунизма», некотором подъеме деревни, произошедшем после принятия в 1922 году Земельного кодекса и нового аграрного кризиса в Советском Союзе после начала нэпа.

27 декабря, на экономическом совещании при Торгово-промышленном и финансовом союзе Кирилл Иосифович выступает с сообщением «Основные тенденции развития советского земельного строя». Он, в сущности, повторяет основное содержание лекции, прочитанной в Франко-русском институте, подытоживая «развитие» деревни за девять лет советской власти: «аграрный сектор, вдохнувший воздуха нэповской свободы, вновь на грани глубочайшего кризиса». Зайцев подтвердил свой вывод фактографическими выкладками, почерпнутыми им из зарубежной и российской печати, разработок Экономического кабинета профессора С.Н.Прокоповича¹⁷.

1927 год

2 июля на собрании группы содействия журналу «Борьба за Россию», в ходе обмена мнениями по докладу А.В.Карташева¹⁸ «Об

евразийстве». Зайцев, взяв слово, очень критически отозвался об этом мировоззренческом движении. Он, как непримиримый антибольшевик¹⁹, откровенно говорит о том, что (исходя из анализа политических установок евразийства) сторонники идей «Евразии» по существу «льют воду на советскую мельницу», поскольку их рассуждения оправдывают само существование Советов и большевистской политики. Кирилл Иосифович предостерегал, что евразийцев может ждать та же судьба, что и сменовеховцев, – им придется бежать к своим хозяевам.

1928 год

16 февраля в Обществе по изучению местного самоуправления Зайцев выступает с аналитическим докладом «Жилищная политика в современной России»²⁰. Беспощадной критике докладчик подверг идеи коммунализации квартирного вопроса. Он считал последнюю возвращением к каменному веку, к пещерному быту и стадности.

1929 год

19 мая, на собрании воспитанников бывшего русского факультета в Праге Кирилл Иосифович представил свои воспоминания о выдающемся историке права П.И.Новгородцеве²¹, его жизни и творчестве.

23 июня на торжественном обеде русского общевойскового союза (в честь генерала А.П.Кутепова²²) Зайцев выступает с приветственной речью. Многих из собравшихся он помнит по Гражданской войне, других видит впервые, но, по его словам, уверен, что опыт и знания и «стариков» и «молодых» пригодятся России, которую русским офицерам пришлось оставить не по своей воле.

Примерно об этом же Кирилл Иосифович говорил на 6-м съезде русского студенческого христианского движения, проходившем 15–30 июля. Он призывал русское студенчество помнить, что они – дети Великой России, которых воля случая оторвала от родины и забросила на чужбину, но и здесь они вполне могут пополнить свои знания, свой интеллект, раскрыть свои таланты. И все это, рано или поздно, будет востребовано.

26 сентября Зайцев участвует в прениях на Конференции молодых юристов при Союзе русских адвокатов за границей, *16 ноября* – на «Дне поминовения павших за Родину», а *18 декабря* – на заседании Литературных франко-русских собеседований совместно с французским публицистом Рене Лалу на тему «Достоевский в представлении наших современников».

1930 год

29 января, 25 февраля и 25 марта – на заседаниях Литературных франко-русских собеседований – Зайцев дискутирует по докладам «О духовной драме Л.Н.Толстого», «О Марселе Прусте» и «Об Андре Жи-де». Подобная широта интересов свидетельствует об энциклопедичности исследователя, а уважительное отношение к нему со стороны французских интеллектуалов – о глубине знаний, умении анализировать проблему, обобщать ее узловые моменты, формулировать выводы.

7–11 апреля на Экономическом совещании (проводимом Российским торгово-промышленным и финансовым союзом), посвященном проблемам подведения итогов советской политики во всех областях народного хозяйства, звучит доклад К.И.Зайцева «Пути земельной революции»²³, в котором внимание исследователя концентрировалось на свертывании нэпа в деревне.

15 апреля Зайцев появляется на заседаниях литературного общества «Зеленая лампа», созданного Зинаидой Гиппиус и Дмитрием Мережковским²⁴. В этот день шло собеседование на тему «Чего они хотят? (“Современные записки” и “Числа”))». Кирилл Иосифович пытался предостеречь интеллектуалов русской эмиграции от разжигания политических страстей в диаспоре, от ненужного и самоуничтожающего противоборства, от попыток «столкнуть лбами» писателей, публицистов или ученых. Русская эмиграция от этого не выиграет, – утверждал Зайцев, – все плоды от подобного рода склок могут достаться только их «разжигателям» – агентам спецслужб. Не лучше ли посвятить себя любимому (хотя практически неоплачиваемому делу) – «служению музе»; ведь и авторы эмигрантских изданий и даже колкие на язык супруги Мережковские-Гиппиус известны более как талантливые прозаики и поэты, а уж потом – как хлесткие критики эмиграции.

О том же Зайцев говорил 10 мая на заседании Союза молодых поэтов и писателей, где с докладом «Проблема современной эстетики и литературная критика» выступал один из идеологов сменовеховства и «возвращенства» И.Голенищев-Кутузов²⁵.

Подобные выступления не могли пройти незамеченными: 5 ноября на годовом собрании Союза русских писателей и журналистов Кирилл Иосифович был избран в правление последнего.

1931 год

5 и 19 января Зайцев участвует в прениях по докладу «Идеи бесконечности и типы культуры», который был заслушан на заседании Научно-философского общества.

21 января в редакции газеты «Россия и славянство» по случаю приезда в Париж Струве (Петр Бернгардович в то время преподавал в Югославии) состоялась беседа на тему «Сдвиги во внутренней России и в зарубежье». Зайцев, как главный редактор издания, выступил со вступительным словом. Он подчеркнул, что и эмиграция и Россия за прошедшие после революции полтора десятка лет прошли немалый путь: изгнанники расстались с мыслью о возможности скорого возвращения на родину и стремятся «вписаться» в среду страны проживания, а большевики расстались с иллюзиями на скорую мировую революцию и (готовя почву для будущих мировых конфликтов) принялись в одиночку воплощать свои планы на практике. Эти идеи он развил в докладе «Коллективизация деревни», с которым выступил месяц спустя на экономическом совещании торгово-промышленных союзов. Зайцев считал идею «экономического» (на самом деле – идеологического) обобществления деревни нереальной, оторванной от исторической действительности и не имеющей никакой перспективы.

Иным духом пропитана лекция Зайцева «Земское самоуправление в России»²⁶ (прошедшая 14 марта в кружке «К познанию России»²⁷). По мнению выступавшего, идея эта уходила корнями своими в прошлое российского государства, в начало XVII века, во времена подавления первой русской Смуты. Именно благодаря этой системе, власти удалось не только противостоять польско-шведской интервенции, но и восстановить разрушенное многолетней войной и крестьянскими бунтами хозяйство страны²⁸.

С контрдокладом «В защиту либерализма» Кирилл Иосифович выступил на собрании (20 и 27 января) умеренно левой газеты «Дни». Он дискутировал с Бердяевым, не избавившимся еще от иллюзий относительно миссионерских наклонностей русского народа и его тяги к соборности. Зайцеву стоило только сравнить развитие Западной Европы (либеральное направление) и России («общинность», камуфлирующаяся в одежды «коллективизма»), как все становилось на свои места: преимущества первого были видны невооруженным взором²⁹, а бесконечные рассуждения славянофилов о величии русского духа представлялись не чем иным, как обыкновенной демагогией.

Выступление настолько поразило слушателей, что оратору пришлось выступать с этим контрдокладом еще не раз. Так, 29 февраля – на дискуссионном собрании молодежи Республиканско-демократического объединения, 2, 16 и 22 апреля – на заседании Экономического семинара Коммерческого института. Аудитория

жально впитывала мысли Зайцева о причинах отставания России от западноевропейской цивилизации.

1933 год

1 февраля Русский академический союз организовал торжественное публичное собрание памяти С.Ф.Платонова и А.А.Кизеветера³⁰. Зайцев знал первого по Петербургскому университету, а второго – по совместной работе в Праге. Его воспоминания, лишённые академического пафоса, изобиловали личностными характеристиками, бытовыми деталями, которые дополняли портреты этих двух выдающихся историков.

13 июня и 14 июля с докладом «Сумерки права и проблема русского мессианизма» Зайцев выступил на очередных заседаниях Научно-философского общества. Его спор с Бердяевым продолжался; Зайцев, в отличие от уважаемого в эмигрантских кругах философа, более реалистично смотрел на роль русского народа в Смуте первой четверти XX века.

1934 год

28 февраля Зайцев выступает с докладом «Павел I и крестьянский вопрос»³¹ на семинаре публичного права. Кирилл Иосифович показал, как в политике этого российского императора (правившего всего четыре года) переплелось и отрицание деятельности его матери Екатерины II, и продолжение политики, направленной на укрощение дворянства. С одной стороны, подобная двойственность порождала правовую и хозяйственную неразбериху, а с другой – несколько облегчала положение крепостного крестьянства.

7 октября на заседании Союза русских писателей и журналистов прозвучало сообщение К.И.Зайцева «Съезд советских писателей».

Но перечисленные нами научные выступления – лишь верхушка айсберга; основные научные достижения Зайцева (даже только парижского периода) требуют большего внимания.

Основные направления его научных исследований:

- аграрный сектор: эволюция или революция;
- экономика России: прошлое и настоящее;
- элементы либерализма или диктатуры: история и перспективы;
- российское общество и воздействие на него революционных потрясений.

Эти направления можно рассматривать и в целом и по отдельности.

Для России первоочередную роль играет аграрный сектор – исходная клеточка экономики страны; от того, насколько «удобно» будет себя чувствовать крестьянское хозяйство, крестьянин и его семья, настолько можно вести речь о «здоровье» всего хозяйства страны. Любое насильственное вмешательство приведет лишь к болезненным моментам в экономике. Именно поэтому, считал Зайцев, с таким трудом и медлительностью продвигались реформы П.А.Столыпина, буксовала военно-коммунистическая политика советской власти и коллективизации и более или менее спокойно развивался в деревне нэп. Однако новая экономическая политика была замешана на легализации либеральных моментов: разрешении наемного труда, аренды–найма земли, свободы торговли, возобновления земского самоуправления и проч. Это приводило к тому, что позиции советской власти и идеологии в сельской местности стали ослабевать, чего большевистская диктатура допустить не могла. Диктатура должна была либо переломить и ликвидировать либеральную линию, либо расстаться с претензией на власть. Принять решение (при наличии силы и беспрепятственного ее применения) было очень просто, но советскую власть интересовала реакция общества на возможность ликвидации даже ограниченных свобод. Большая часть населения России, привыкшего первые годы к патерналистской форме сосуществования с властью, без особых проблем восприняла ликвидацию нэповских свобод и их носителей. О мессианстве русского человека рассуждали лишь эмигрантские философы и публицисты, сам же пролетарий, крестьянин или интеллигент больше интересовались насущными проблемами, чем размышляли о своей роли в окружающем мире или евроазиатской цивилизации.

Зайцев писал об этом практически в каждой своей статье, посвященной истории, экономике и общественно-политической мысли. Однако он не был сторонником «отката назад» – к монархии. Кирилл Иосифович, как нам думается, прекрасно понимал, что революция – процесс объективный, порожденный не только (и может не столько) «шатанием умов» народных масс, сколько интегральным кризисом Российской империи, охватившим все стороны социально-политической и экономической жизни. Зайцев хорошо знал историю Русских смут, побуждающие их общие и частные причины и потому смотрел на происходящее в России как на вполне закономерный процесс, как на болезнь государства и масс, ментальности, быта и проч. Для того, чтобы утихомирить страсти, а жизнь среднестатистического россиянина вернулась в размеренную колею, необходимо было время и трезвое осмысление того, что произошло с государством и народом... Именно эти мысли представлены

практически в каждой статье, докладе, книге (и даже рецензии) Кирилла Зайцева, будь то экономический, исторический или литературный аспект.

* * *

В 1934 году Зайцев, получив приглашение возглавить Педагогический институт в Харбине, покидает Европу. Уже цитируемый нами В.Зеньковский вспоминал:

«...Он уехал в Харбин (откуда прислал литографический курс, читаемый им в университете, – *Этика*³², солидная, недурная книга), женился, очевидно подобрел...»³³.

В жизни Зайцева настал новый период – «китайский», но это уже другая история³⁴.

¹ В последнем российском издании сборника произведений Кирилла Зайцева (архим. Константина) представлена лишь малая толика его интереснейших работ (*Константин Зайцев*. Чудо русской истории. М., 2000. 826 с.).

² Хочу сразу оговориться: даже при очень внимательном изучении работ Зайцева, его переписки, текстов и обзоров его выступлений мне не удалось обнаружить и намек на якобы его антисемитизм, и если бы такие намеки когда-либо появлялись, вряд ли бы с ним поддерживали знакомство и сотрудничали такие известные русской эмиграции и мировой общественности демократы, как П.Н.Милюков, В.Зеньковский, С.Н.Прокопович, Е.Д.Кукова и др.

³ См.: *Зайцев И.П.* Материалы к пересмотру общего тарифа железных дорог 1 и 2 групп. СПб., 1898–1899.

⁴ Струве Петр Бернгардович (1870–1944) – политический и общественный деятель, экономист, академик Российской академии наук. Эмигрант.

⁵ Гессен Владимир Матвеевич (1868–1920) – юрист, общественный и политический деятель.

⁶ Дьяконов Михаил Александрович (1855–1919) – историк, публицист и педагог.

⁷ См.: *Зайцев К.И.* К вопросу о платежных книгах и платежницах. СПб., 1912.

⁸ *Зайцев К.И.* Дороговизна мяса. Политика городов Западной Европы по борьбе с дороговизной мяса. Пг., 1914; *Его же.* Современное положение таксировки предметов продовольствия в России и меры к ее упорядочению. Пг., 1915.

⁹ См. например: *Зайцев К.И.* В сумерках культуры // *Русская мысль*. София, 1921. Кн. 1–2. С.99–118; *Он же.* [Рец. на кн.]: *Уэллс Г.-Д.* Россия во мгле. София, 1921. 96 с. // Там же. Кн. 2–3. С.206–208; *Он же.* Буржуазная

Европа и Советская Россия // Там же. Кн. 5–7. С.115–130; *Он же*. Памяти Гюстава Флобера (1821–1921) // Там же. Кн.8–9. С.265–272; *Он же*. Земельная революция в России // Там же. Кн.10–12. С.263–273; *Он же*. К познанию революции // Там же. Кн.3. С.128–157; *Он же*. Экономический семинаракадемика П.Б.Струве // Там же. Кн.6–7. С.379.

¹⁰ *Зеньковский В.* Мои встречи с выдающимися людьми // Записки РАГ в США. Т.28. Н.-Й., 1996–97. С.10–11.

¹¹ См.: Из переписки И.С.Шмелева с П.Б.Струве и К.И.Зайцевым. Подготовил к печати Г.П.Струве // Мосты (Мюнхен). 1958. Вып.1. С.399–415.

¹² «Возрождение» было основано в 1925 г. первоначально под редакцией П.Б.Струве и при поддержке финансового магната А.О.Гукасова. Оно было задумано как «умеренно-консервативный орган». Струве рассчитывал на сотрудничество с широким кругом авторов всего Русского Зарубежья. Вскоре, однако, он разошелся во взглядах с Гукасовым, которого явно не устраивала позиция редактора. Струве (и большая часть сотрудников) подали в отставку. Его пост занял Ю.Ф.Семенов, и газета стала открыто монархической, адресованной малообразованному читателю. Новый редактор обвинил «масонские» и «еврейские» элементы среди эмигрантов в том, что ему не дают возможности оказывать влияние на более широкую аудиторию читателей. В 1930-е гг. «Возрождение» открыто приветствовало победу на выборах в Германии Гитлера и успехи профашистских организаций в др. странах (напр., «Огненных крестов» во Франции), «Возрождение» поддержало войну, развязанную Муссолини в Эфиопии, и мятеж Франко в Испании (*М.Раев*. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции, 1919–1939. М., 1994. С.110).

¹³ Ельяшевич Василий Борисович (1875–1956) – историк права, эмигрант.

¹⁴ Использованы материалы книги: Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: Франция. 1920–1940. Т.1, 2, 3 / Под общей ред. *Л.А.Мнухина*. Москва–Париж, 1995–1997.

¹⁵ *Зайцев К.И.* За-Рубежье // Новое время. 1995. №32. С.44–45.

¹⁶ См.: *Нольде Б.Э.* Юрий Самарин и его время. Париж, 1926. (2-е изд.; Париж, 1978). Нольде Борис Эмильевич (1876–1948) – историк права, общественный деятель, эмигрировал в годы Гражданской войны.

¹⁷ Прокопович Сергей Николаевич (1871–1955) – экономист, выслан из Советской России в 1922 г.

¹⁸ Карташев Антон Владимирович (1875–1960) – богослов, историк церкви, церковный и общественный деятель. Эмигрировал в 1919 г.

¹⁹ Известный эмигрантский писатель Роман Гуль вспоминал: «Зайцев был человек острый, умный, образованный. За столом в общем разговоре он довольно остро столкнулся с Верой Гучковой. И неудивительно: Зайцев страстный антибольшевик»... // *Гуль Р.* Я унес Россию. Апология эмиграции. Т.2. Россия во Франции. Н.-Й., 1984. С.33. (Как оказалось впоследствии, дочь А.И.Гучкова – Вера состояла секретной сотрудницей ОГПУ.)

²⁰ Ср.: *Зайцев К.И.* Строй управления Чехословацкой республики. Очерк 2 // Местное самоуправление. Кн.2. Прага, 1925. С.30–52.

²¹ Новгородцев Павел Иванович (1866–1924) – историк права, общественный деятель. Эмигрировал в 1920 г.

²² Кутепов Александр Павлович (1882–1930) – генерал от инфантерии, участник Гражданской войны, в эмиграции с ноября 1920 г. 26 января 1930 г. был похищен в Париже агентами советских спецслужб.

²³ См.: *Зайцев К.И.* Зародыши и элементы свободного крестьянского хозяйства в русском крепостном строе периода Империи // Записки Русского научного института в Белграде. 1935. Вып. 11. С. 34–59; *Он же.* Крепостной земельный строй России XVI–XVIII вв. и отражение его в сочинениях Пошкова. Белград, 1931.

²⁴ Гиппиус Зинаида Николаевна (1869–1941) – поэт, прозаик, литературный критик; Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865–1941) – поэт, драматург, философ, литературный критик.

²⁵ Голенищев-Кутузов Илья Николаевич (1904–1969) – писатель, литературный критик.

²⁶ См., например: *Зайцев К.И.* Земское самоуправление императорской России // Записки Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге. Прага, 1925. Кн. 3. С. 87–125.

²⁷ Центр хранения историко-документальных коллекций. Ф. 461. Оп. 1. Д. 189. Л. 260.

²⁸ *Зайцев К.И.* Das Rechtswusstsein der russischen leibeigenen Bauern // Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. Breslau, 1934. Bd. X. S. 421–453; *Он же.* Судьбы земельного крепостного строя в России // Современные записки. 1931. № 45–46; *Он же.* Les paysans russes et leurs droits à la terre // Le monde Slave. Paris. 1932. V. 4. № 10.

²⁹ *Зайцев К.И.* Le problème de la libération des serfs en Russie // Le monde Slave. Paris. 1932. V. 3. № 8.

³⁰ Платонов Сергей Федорович (1860–1930) – историк. Отказавшись эмигрировать, пал жертвой красного террора. Кизеветтер Александр Александрович (1866–1933) – историк, политический деятель. Выслан из Советской России в 1922 г., проживал в Праге.

³¹ *Зайцев К.И.* Paul I et le problème du servage seigneurial // Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 1933. Bd. 26.

³² Речь идет о работе: *Зайцев К.И.* Основы этики: Пособие к лекциям. Вып. 1. Античная Греция; Вып. 2. Мировоззрение христианского Средневековья. Харбин, 1937–1938.

³³ *Зеньковский В.* Указ. соч. С. 10–11.

³⁴ См., например: *Телицын В.Л.* Кирилл Зайцев – ученый и просветитель русского Харбина // Годы. Люди. Судьбы. История российской эмиграции в Китае: Материалы конференции. М., 19–21 мая 1998 г. С. 69–71.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Рисунки Зеева Жаботинского

Леонид Пекаровский (Израиль)

Художник Соня Делоне

Жанна Абрамова (Израиль–Франция)

**«Работаю очень много в разных жанрах и материалах»
(Скульптор Мишель Мильбергер)**

Эльвира Берман-Штернфельд (Израиль)

Рисунки Зеева¹ Жаботинского

Леонид Пекаровский (Холон, Израиль)

З.Жаботинский. Автопортрет
*Надпись: «1918, Вольфь,
комендант деревни Абузйнь»*

Совершенно неожиданно я открыл для себя 16 листов с рисунками Зеева Жаботинского. Это произошло в большом его архиве в «Бейт Жаботински» на улице Кинг-Джордж в Тель-Авиве.

Уже после репатриации в Израиль передо мной открылось величие одного из самых больших наших талантов периода новейшей еврейской истории. Меня потрясли две относительно ранние (1923 года) статьи Жаботинского – «О железной стене» и «Этика железной стены» – как прощеским содержанием, так и стилем, как бы фокусирующим мощнейший энергетический пучок. Пушкин придал такому воздействию вид законченной математической формулы: «Глаголом жеч сердца людей».

Мое увлечение Жаботинским и всем, что связано с его именем, переросло в желание побывать в его архиве, познакомиться с рукописями и черновиками – глубже понять автора.

И вот я – в архиве. На вопрос архивариуса, над чем я собираюсь поработать, ответа у меня не нашлось. Мне хотелось посмотреть

многое – письма, рукописи художественных произведений, философско-политических статей, переводов из Бялика и даже «Ворона» Эдгара По, о котором Брюсов сказал Бальмонту, что у Жаботинского перевод лучше.

На мою невнятицу архивариус только пожал плечами и поинтересовался, что же у меня за профессия. Это я знал наверняка –

¹ Это имя пишется в двух вариантах: *Зеев* и *Зезв*. Авторы публикуемых в томе статей (как и КЕЭ) чаще используют первый. (Здесь и далее примеч. ред.)

искусствовед. Тогда он вынес из запасников картонную коробку, в которой и находились рисунки Жаботинского²...

Личности масштаба Жаботинского всегда с избытком одарены многими способностями. В том числе – и способностью к художественному творчеству. Вспомним графику Пушкина и Толстого, Гете и Гюго, Флобера и Достоевского. Правда, не всегда уровень созданных ими композиций был соизмерим с литературно-поэтическим талантом. Но вот у Гюго и Бодлера, например, графика по степени мастерства соперничала с их даром литераторов, а автопортреты Бодлера и вовсе можно отнести к высоким достижениям графического портретизма XIX века.

В основном же рисунки писателей – это побочный и необязательный продукт их творчества. Те из них, кому в определенный момент оказывались тесны рамки, очерченные словом, брали карандаш и бумагу. А что касается качества... уже одно то, что с помощью этих рисунков мы можем расширить свои представления о творчестве известных писателей, компенсирует их определенное художественное несовершенство. И уж если нас волнуют рукописи, стремительность почерка и даже абрисы букв, то что уж говорить о художественно-изобразительных композициях, которые в эстетическом отношении явно стоят выше.

Подобная закономерность наблюдается и в немногочисленной графике Жаботинского. Из рисунков архивной коллекции наиболее весома серия портретов, два из которых – автопортреты.

Силуэтный профильный автопортрет был нарисован Жаботинским в 1921 году в Карлсбаде во время XII сионистского конгресса. И, судя по дарственной надписи, он был выполнен для Э.-З.Левина-Эпштейна³. В рисунках подобного рода, где отсутствует светотеневая моделировка (Жаботинский обозначил штриховкой только волосы), самым главным, да, пожалуй, и единственным элементом, конструирующим форму, является линия. Надо признать, что здесь она не столь цельна, как в других рисунках, может быть, потому, что Жаботинский, создавая репрезентативный дарственный автопортрет, предъявлял к себе завышенные требования, что не соответствовало его техническим возможностям. Однако он точен и в пропорциях лица, и в линии лба, носа и особенно губ, которые Жаботинский иронически называл негритянскими, – этой ключевой,

² Дело 1 «алеф». Ед. хр. 1/11. 16 нумерованных листов.

³ Э.-З.Левин-Эпштейн (1863–1932) – временный председатель «Ваад-ха-цирим» (Комитета депутатов в Эрец-Исраэль), с которым Жаботинский активно сотрудничал в 1919 г.

ROMĀS VIESNĪCA

RESTORĀNS
OTTO SCHWARZ

TĒL. ADĒ. : ROMĀSVIESNĪCA
TĒL. CENĒT.
RĪGA 3525

HÔTEL DE ROME

RESTAURANT
OTTO SCHWARZ

TĒL. ADĒ. : HÔTELOVEI RĪGA
TĒL. CENĒT.
RĪGA 3525

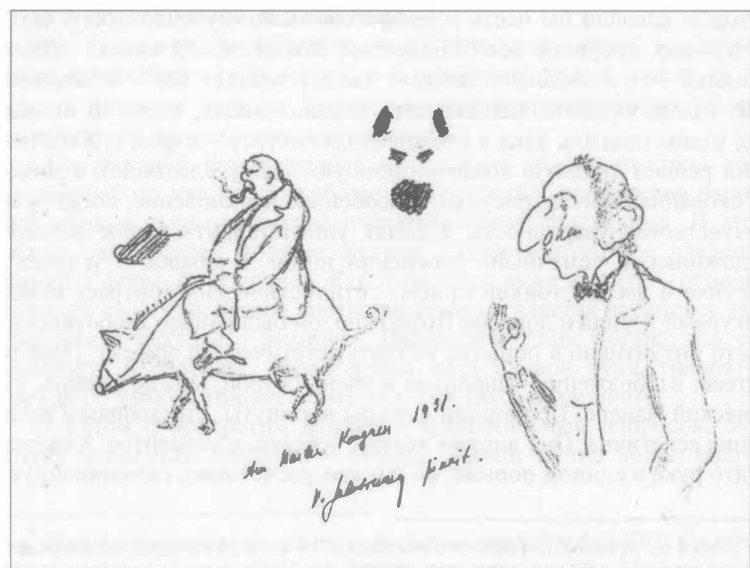

RĪGA,

F. Zhabotinsky

ДИКАЯ КОННИЦА 1-го ХАСИДСКОГО ПОЛКА

З.Жаботинский
«Дикая конница 1-го хасидского полка»

Рисунки З.Жаботинского

знаковой детали, верно схватив которую, можно добиться портретного сходства. Вообще же Жаботинский довольно критически относился к своей внешности, над которой частенько подтрунивал и которую, уж конечно, хорошо изучил. Надо полагать, что собственное изображение в профиль, как и Пушкин, он довел до автоматизма.

В письме к жене, написанном в июле 1918 года, Жаботинский послал рисунок, где изобразил себя в полный рост в форме английского офицера. Подпись гласит: «Вольф, комендант деревни Абузйнь»⁴. В то время Жаботинский служил офицером в 38-м батальоне Еврейского легиона.

Тот же, один к одному, профиль, что и в более позднем портрете 1921 года, только увенчанный колониальным пробковым шлемом. Фигура изображена в фас. Линия здесь более свободна – она живо передает детали: китель, гетры, накладные карманы, портупею.

Разумеется, рисование профилей – это еще не признак художественного дара – так себе, баловство дилетантов. Определил парую другую линий, отыскал им путем механического подбора соответствующее место – и готово. И если бы Жаботинский ограничился только этим, то не было бы смысла говорить о его рисунках, о его недюжинных художественных способностях.

Подтверждают мою мысль несколько первоклассных работ, которые сделали бы честь и профессиональному художнику. Один из лучших рисунков всей коллекции Жаботинский назвал «Дикая конница 1-го хасидского полка». Здесь изумляет все – и композиция, где изображен спешившийся всадник-хасид, взявший лошадь под уздцы (лошадь дана в сложнейшем ракурсе – в фас, и Жаботинский решает трудную композиционную задачу блестяще), и ничем не скованная манера рисунка, и особенное вдохновение, когда рука, почувствовав уверенность, в силах удовлетворить любое желание художника, и «смачный» еврейский юмор. Вдобавок я углядел в рисунке и весьма тонкий прием – стилистический контраст между фигурами хасида и лошади. Возможно, он был найден Жаботинским чисто интуитивно в попытке усилить эстетический эффект. Приглядитесь: изображение выполнено в очень острой, можно сказать, готической манере. Пропорции фигуры вытянуты, стремящаяся вверх линия аскетична. Она лишена всяких побочных элементов. Кажется, будто рука в едином порыве, но и очень расчетливо, гармонизирует

⁴ Одна из стоянок Еврейского легиона в 14 км от Рамаллы; ее современные названия: Абвейн и Ибвайн. Жаботинский был комендантом. Вольф (идиш) = Зеев (иврит) = «волк».

массы и объемы. В барочной же фигуре хасида, напротив, все круглит-ся: в завитках пейсов, в меховой шапке с опушкой, в очках, в окладистой бороде, в пружинистой штриховке рукавов кафтана. И как верно подмечен характер несколько экспансивного, чтобы не сказать экзальтированного религиозного человека, исповедующего оптимистическое учение хасидизма.

Однако вернусь к портретам. На одном листе – их целых двенадцать. Видимо, Жаботинский, участвуя во всевозможных конгрессах, комиссиях, заседаниях, постоянно рисовал, и эти 16 случайно уцелевших листиков с рисунками – лишь малая часть того, что было им создано. Портреты, рисованные с натуры, разнообразны как композиционно – они выполнены в профиль, в фас, в пол-оборота, три четверти, так и стилистически: те же линейные рисунки перемежаются штрихованными портретами со светотеневой моделировкой. В некоторых из них, например, расположенном в самом низу листа, настолько умело выявляются свет и тень, а с помощью густых, мягко положенных штрихов лепится форма, что они воспринимаются объемными, точнее сказать – скульптурными.

3. Жаботинский. «Искушение»

Но, пожалуй, самая главная особенность этих портретов в том, что при работе над ними Жаботинскому хватало мастерства наполнить образы яркими психологическими характеристиками. В этом смысле замечателен портрет Когана⁵. Здесь виртуозное владение линией и формой позволяет Жаботинскому даже шутить – основой крупного еврейского носа портретируемого является латинское «С» – заглавная буква его фамилии. Выражение лица Когана, вся его внешность и особенно характерный жест правой руки, говорят о нем как об умном, тонком и вместе с тем едком полемисте.

А рядом с портретом Когана – моментальный набросок, буквально несколько штрихов – борода, брови, пучки волос вокруг

⁵ Портрет нарисован на оборотной стороне повестки дня XVII Сионистского конгресса (Базель, 1931 г.). Коган – скорее всего, д-р Маркус Коган, представлявший там швейцарскую организацию.

лысины. Средства минимальные – а образ угадывается. На этом же листе, датируемом, кстати, 1931 годом, и еще один рисунок, но с более сложной композицией, – всадник на... свинье. И вот здесь мне бы хотелось отвлечься и поговорить о юморе Жаботинского.

Человеку, родившемуся или выросшему в Одессе, это обстоятельство никогда не обходится даром – от него ждут остроумия, перца, соли, чего хотите, а главное – юмора, юмора и еще раз юмора. В этом отношении Жаботинский был настоящим одесситом, особенно в молодости, в бытность свою журналистом. Его корреспонденции из-за рубежа, подписываемые «Альталена», были настолько самобытны, остроумны, искрились именно одесским юмором, что ими зачитывались не только на юге России, но и в Петербурге и Москве. Известно свидетельство и еще одного одессита – Корнея Чуковского, близко знавшего Жаботинского в эти годы и писавшего, что Владимир Евгеньевич был одним из самых талантливых людей, которых он когда-либо встречал. Это тем более отратно читать, что через «критические руки» Чуковского прошел почти весь Серебряный век русской поэзии и литературы, оставивший глубокий след в мировой культуре XX века.

Но в произведениях, созданных Жаботинским в последние 10–15 лет жизни, той беззаботности и легкости пера, того юмора, который был присущ «Альталене», мы уже не наблюдаем. Перед нами теперь не юное дарование, многообещающий талант, а оригинальный мыслитель, политический вождь, пророк, пытавшийся предотвратить массовую гибель евреев. Понятно, что его произведения: статьи, очерки, обзоры, повести, романы – стали глубже по мысли и основательнее по стилю. А что же чувство юмора? Пресеклось, что ли, в Жаботинском, выветрилось? В том-то и дело, что нет. Только оно из верхних слоев переместилось в подпочву души и проявляло себя опосредованно – в интимных беседах с друзьями, в письмах и... рисунках.

А в разбираемой выше композиции (замечу в скобках, что она была создана в период проведения в Базеле XVII сионистского конгресса) Жаботинский изображает вполне солидного, бюргерообразного, полного, лысого господина в смокинге, с трубкой в зубах и в комнатных тапочках, который как заправский всадник восседает на свинье. И если лошадь в «Дикой коннице...» была выполнена в обобщенной манере, то свинья – в предельно реалистической, где каждая деталь тщательно, даже с любовью проработана.

В рисунке 1937 года – тот же мотив, только здесь уже не свинья, а хряк, на которого взгромоздился еще один лысый господин, но худой и с бородкой. В руках у него бесовский атрибут – метла, являющаяся одновременно и зонтиком. Жаботинский настолько верен натуре в передаче хряка, что даже обозначил копытца, закрутил хвостик в колечко и тщательно вырисовал пятачок.

А комизм ситуации заключается в том, что благочестивые евреи, правоверные сионисты помещены на свиней, которых не то что изображать или, упаси Б-г, есть, но и помыслить о которых, согласно еврейскому закону, – грех.

На другом рисунке, который условно можно назвать «Искушение», изображен религиозный еврей в кипе и ...плавках. Его толстое тело с большой отвислой грудью, необъятным животом и слоноподобными ногами отталкивающе. Рядом, пытаясь соблазнить нашего героя, танцует молодая стройная девушка с головой кошки. Не иначе как происки самого дьявола. Должно быть, это шарж на высокоморального, богобоязненного еврея.

В коллекции есть группа рисунков, которые при всем желании художественными назвать нельзя. Они даже не поднимаются до уровня самых незатейливых детских рисунков. В чем же дело? Неужели в них Жаботинскому отказали умение и вкус? Я думаю вот о каком феномене – в момент их создания Жаботинский никаких художественных задач перед собой и не ставил. Он, когда глубоко задумывался, просто водил карандашом по бумаге. Вот почему «слепая» рука напоминает здесь самописец какого-нибудь аппарата, который фиксирует импульсы многомерной объемной мысли, преобразуя их в механические, очень условные фигуры людей, в геометрические заштрихованные объекты, просто линии, всевозможные, никак не связанные между собой смыслом слова.

На листе, датированном 13 декабря 1937 года, имя премьер-министра Великобритании Невилла Чемберлена повторено шесть раз – на иврите и по-английски. Причем на иврите имя Невилл дано в разных транскрипциях – через «бет» и удвоенный «вав». Мысль Жаботинского все время вращается вокруг Чемберлена. Да, это было время, когда Жаботинский планировал встречу с премьер-министром, когда готовил доклад правительству Англии о положении в Палестине и необходимости увеличения репатриации из Европы накануне Второй мировой войны...

О Жаботинском говорили, что сионизм похитил у русской литературы большого писателя и тонкого поэта. Ученые сожалели о потере талантливого лингвиста. То же можно теперь сказать и об изобразительном искусстве. Но не так уж важно, кто проиграл в результате «хищений по-сионистски». В конечном счете выиграл еврейский народ, который в Жаботинском обрел выдающегося политического вождя, отдавшего все свои силы строительству еврейского государства в Эрец-Исраэль.

Художник Соня Делоне

Жанна Абрамова (Нацрат-Илит /Израиль/ – Париж)

Интернационализм, свойственный еврейскому народу, в XX веке подорвала Вторая мировая война – когда была уничтожена большая часть евреев, в том числе цвет ее интеллигенции. Тогда-то рассеянные по разным странам родные, и в их числе дети изрешеченного поколения, захотели сохранить память о своих близких и о их заслугах (как и еврейского народа в целом) в мировой культуре. Этому, в моем представлении, посвящен настоящий многотомный альманах, через эту призму я рассматриваю и написанную мной статью о Соне Делоне.

Автор

В начале XX века произошло осознанное рождение нового направления в изобразительном искусстве – авангарда, свободного от привычных канонов, наполненного бунтарской энергией и духом эксперимента.

Искусство авангарда связано с интуицией, оно абстрактно, безвременно и бессюжетно, может вначале инициировать ощущение абсурда и непостижимой загадочности. Абстрактное искусство вызывает полет мысли, раскрывает гамму чувств, созвучных форме и цвету художественного произведения, позволяет осознать невидимое, которое открывается духовному зрению. Позже может подключиться ассоциативная память, и ощущения приобретают данность времени, событий, переживаний, т.е. материализуются.

Соня Делоне
Фотография 1932 г.

Талант художника ищет единства с душой и интеллектом зрителя. Абстрактное произведение создает энергию, порождает радость, печаль, тревогу, негодование, любовь.

Особенные чувства могут вызывать произведения прикладного абстрактного искусства. Например, та-

лантливая роспись платья или костюма может пробудить чувства уверенности, гордости, независимости, дать свободу движениям (походке, жестам), подчеркнуть индивидуальность личности.

Идеи авангарда реализовались в прикладном искусстве, в производственном дизайне, в книжной графике, в росписях тканей и ковров, в сценографии.

Соня Делоне была в числе тех, кто создавал авангардное искусство во Франции в 1910-е гг., кто генерировал смелые новаторские идеи, разрушавшие художественные стереотипы. Ее имя ассоциируется с двумя направлениями авангарда – симультанизмом и орфизмом. Ее оригинальные открытия в области композиционных и цветовых отношений актуальны до сих пор и успешно развиваются современными художниками разных стран. Несомненно также ее влияние на эстетические воззрения ряда крупных мастеров культуры, и в их числе писателей, театральных деятелей, издателей.

В кратком очерке можно лишь контурно очертить незаурядной облик Сони Делоне и этапы ее жизни и деятельности как выдающейся художницы.

Биографическая хронология представлена на основе трех книг:

J.Damase. Sonia Delaunay. Rythmes et couleurs. Éd. Hermann. Paris, 1971.

A.Cohen. Sonia Delaunay. Éd. Harry Abrams. New York, 1975.

Sonia et Robert Delaunay. Bibliothèque National. Paris, 1977.

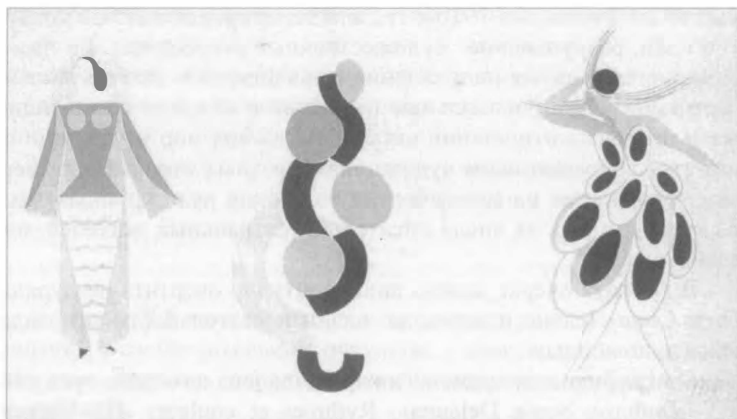
Учитывались также данные, приведенные в статье о Робере и Соне Делоне в словаре: *Le petit Robert: Des noms propres. Paris: Éd. dictionnaires Le Robert, 2001¹.*

¹ Le Grand Robert des noms propres: Dictionnaire universel alphabetique et analogique des noms propres: T. 2. Paris: Le Robert, 1992. P.853–854 (здесь и дальше примеч. ред.).

Редакторами использовалась консультативная помощь Леси Войскун (Музей русского искусства в Рамат-Гане) и дополнительные источники:

Лейкин О.Л., Махров К.В., Северюхин Д.Я. Художники русского зарубежья: Биограф. слов. СПб.: Нотабене, 1999. С.253–256; *Delaunay Robert. Du cubisme à l'art abstrait : Documents inédits / Publ. par P.Francastel et <...> G.Habasque.* Paris : SEVPEN, 1957. 415 p.; *Imdahl Max.* Couleur: les écrits des peintres français de Poussin à Delaunay. Paris: Éd. MSH, 1996. 239 p.; *Bénézit E.* Dictionnaire critique et documentaire des Peintres, Sculpteurs, Dessinateurs et Graveurs. Nouv. éd. T.3. Paris: Libr. Gründ, 1976. P.460–462; Dictionnaires de biographie française. T.12. Paris: Librairie Letouzey et Ané, 1965. P.745; *Боулт Дж.* Художники русского театра. 1880–1930. Собрание Никиты и Нины Лобановых-Ростовских: Каталог. М., 1994.

В предисловии, написанном к последней книге директором библиотеки G.Rider, указано, что «Соня Делоне, с согласия сына Шарля Делоне, передала библиотеке важные рукописи, книги, картины, эстампы, литографии и другие ценные материалы. Имя ее представлено на мраморной доске среди лиц, сделавших исключительный дар Национальной библиотеке Франции».

Три студийных костюма. 1919–1923
Из собрания Н.Лобанова-Ростовского

Соня Делоне (Sophie Stern) родилась 14 ноября 1885 г.² в семье фабричного управляющего недалеко от Одессы³. Рано потеряв родителей, девочка в пятилетнем возрасте была удочерена петербургским присяжным поверенным Генрихом Терком⁴ – братом матери –

² По др. сведениям, Соня родилась 1.11.1885 по ст. ст., т.е. 13.11.1885 по н. ст.

³ По другим сведениям – в Градижске Полтавской губернии. Ее отцом был Елия (Елиас) Штерн. «Le Grand Rober», считающий, что Соня родилась около Одессы, делает из нее украинку. Любопытный пример анахронизма и географической аберрации (в XIX в. Одесса была частью Новороссии и к Украине не относилась), помноженных на характерное для французской историографии пренебрежение к этническим группам, признание тождества национальности и подданства (гражданства) с одновременным реверансом к только что получившей самостоятельность постсоветской Украине.

⁴ Удочерив девочку, Генрих Тимофеевич Терк дал ей свою фамилию. Поэтому во французских словарях она представлена как «Delaunay-Terk» – во Франции девичья фамилия сохраняется за женщиной всю жизнь.

и воспитывалась в интеллигентной и благополучной семье. В детстве побывала в Финляндии, Германии, Италии и Швейцарии.

Увлечение рисованием проявилось рано, примерно с шести лет, и оно поощрялось приемными родителями.

В течение 1903-04 гг. она учится в художественной школе в Карлсруэ (Германия)⁵, а в 1905 г. переезжает в Париж⁶, где поступает в Академию де ла Палет (Académie de la Palette). Судя по рецензиям на гравюры Сони Терк, экспонировавшиеся в галерее Нотр-Дам-де-Шам⁷ в 1908 г., в ее работах 1905-08 гг. ощущается влияние живописи Гогена и Ван-Гога.

В 1910 г. она выходит замуж за французского художника Робера Делоне, своего ровесника (Робер был старше Сони на семь месяцев). Они поселились на улице Grands-Augustins. У них было много друзей художников и писателей, приверженцев абстрактного искусства, с которыми, в числе прочего, велась оживленная переписка. Сохранилась писчая бумага с трафаретом, выполненным Соней Делоне: Delaunay Paris 6-e, 3, rue des Grands-Augustins: Ateliers «Simultanes» New York Londres Petrograd Berlin.

Это был период, когда после увлечения постимпрессионизмом Робер стал последователем кубизма. Контрасту красок и динамике движений простых геометрических фигур были посвящены его публичные выступления и рукописи, об этом же говорится в его письмах. В картинах Робера заиграли краски, их контрасты создавали ритм движения. Соня Делоне чувствует рождение нового языка в живописи. Вместе с мужем Соня Делоне создает теорию *симультанизма* (*simultanisme* – «одновременность»), основанную «на взаимоотношениях цветов, наблюдаемых в их взаимодействии...<...> когда контрасты разрешаются гармониями, построенными на диссонансах»⁸, и формулирует принципы *орфизма*⁹ (живопись из элементов,

⁵ В Карлсруэ Соня обучалась у художника Шмидта-Рейтера.

⁶ В Париж Соня переехала окончательно в 1906 г., а в 1905 лишь побывала там, а затем уехала во Фландрию.

⁷ Эта же информация содержится в словаре «Художники русского зарубежья» (с.253), но она не совсем точна. Rue Notre-Dame-des-Champs – это парижская улица, на которой находилась галерея. А название улицы было «Galerie d'Art moderne». Искусствовед, коллекционер и владелец галереи, у которого она выставляла свои работы, – Вильгельм Уде (Wilhelm Uhde). Именно он организовывал ее первую выставку в 1908 г. С Робером Делоне она познакомилась в 1907-м. Заметим, что к этому же году относятся два портрета В.Уде (W.Uhde), выполненные Робером.

⁸ Боулт Дж. Художники русского театра. С.129.

⁹ Термин *орфизм* предложен Г.Аполлинером.

Костюм Клеопатры

не имеющих аналогий в образах зримого мира). С тех пор начинается их совместная творческая жизнь. Соня и Робер Делоне представляли собой редкую по духовной близости семейную пару, в которой, однако, каждый сохранял свою творческую индивидуальность.

Первой работой Сони в абстрактном стиле считается плед для качалки сына, созданный в 1911 г. из кусков ткани разной формы и цвета.

В первые десятилетия XX века живопись авангарда подвергалась резкой критике и не имела успеха у посетителей выставок. Невостребованность создаваемых ими картин послужила толчком для Сони и Робера Делоне применить свое творчество в разных видах прикладного искусства. Они открыли мастерскую, в которой Соня, со свойственной ей кипучей энергией, в течение нескольких лет создавала почтовые открытки и игральные карты, макеты торговых реклам и театральных афиш, расписывала платки и вуали. Их абстрактные сюжеты выражены сочетанием простых геометрических форм контрастных цветов. И с тех пор девиз ее творчества — «Одновременность (симультанность) всегда».

Значительным событием в ее творчестве стала встреча в конце 1912 г. с поэтом Б.Сандрамом. Под впечатлением от его поэмы «Пасха» она выполнила эскиз обложки книги.

Следующая поэма Сандрара называлась «Проза о транссибирском экспрессе и о маленькой Жанне Французской». В восторге от красоты произведения, Соня Делоне впервые создает макет художественного оформления всего текста, используя для этого 10 шрифтов разной величины и окраски. Родилась символика текста с синхронной (симультанной) живописью. Впервые художник не иллюстрировал книгу, а вместе с автором участвовал в ее создании, что придало поэме глубину и красочность. Для рекламы книги Соня сделала несколько проектов афиш, в которых игра цветовых форм сливается с буквами текста.

В архиве сохранился экземпляр поэмы в виде собранных в гармошку, склеенных между собой четырех листов, раскладывающийся в длину на два метра. Сандрар в своем обзоре, опубликованном в журнале «Der Storm» (ноябрь 1913 г.), писал: «Мадам Делоне сделала такую красивую книгу в цвете, что моя поэма наполнилась светом больше, чем моя жизнь. Вот отчего я счастлив. Я счастлив и оттого, что эта книга достигла двухметровой величины».

Прекрасную оценку первой попытке синхронного

Платье-спираль

написания книги в цветовых контрастах Г.Апполинер в журнале «Парижские вечера» (июнь 1914 г.): «Б.Сандрар и м-м Делоне сделали первую попытку синхронного написания книги в цветовых контрастах, чтобы приучить глаз с первого раза прочитывать поэму, как дирижер с первого взгляда читает музыкальную партитуру». Ее симультанные цветные иллюстрации к произведению Б.Сандрара были высоко оценены и русскими кубофутуристами.

Эта книга, а также картины, афиши, игральные карты, вуали и другие ее творения были экспонированы на осенней выставке в берлинской галерее «Der Sturm» (1913 г.) наряду с работами Р.Делоне, В.Кандинского и других.

С началом Первой мировой войны супруги Делоне покидают Францию и до 1921 г. живут в Португалии и Испании. В этот период Соня продолжает активно работать и представляет свое искусство на международных выставках. Она увлечена возможностью изображения характерных движений танго и фламенко сочетаниями красок и геометрических форм.

В 1918 г. в Мадриде состоялось плодотворное знакомство Робера и Сони Делоне с С.Дягилевым, который находился на гастролях в Испании вместе со своей триумфальной труппой «Русский балет». В это время Дягилев решил возобновить постановку «Клеопатры» для сезона в Лондонском театре «Колизеум»¹⁰ и пригласил Соню и Робера Делоне для оформления этого спектакля. Естественным было стремление супругов применить свои эстетические принципы в художественном оформлении спектакля. В том же 1918 г. были сделаны акварельные эскизы: Робером – декорации, Соней – костюмы для Клеопатры и ее фаворита-раба.

Они нашли смелое и эффектное художественное решение сценического дизайна. Известный английский балетный критик С.Бомонт писал: «Новые декорации Робера Делоне, решенные в резко контрастирующих цветах и кубистических формах, были тогда последним словом художественного выражения <...> Соня Делоне сделала новый костюм Клеопатры – яркое решение в желтом, красном и золотом <...>»¹¹.

На следующий день после премьеры Дягилев послал им телеграмму: «После вечернего дебюта с неописуемым успехом декор и

¹⁰ Одноактная хореографическая драма на музыку балета «Египетские ночи» А.Аренского, которая прежде шла в оформлении Л.Бакста (1909).

¹¹ Боулт Дж. Художники русского театра. С.130.

костюм Клеопатры»¹². Соня Делоне продолжила свою работу как театральная художница. Кроме «Клеопатры», она оформила оперу «Аида» Верди в барселонском театре «Лицео» в 1920 г. Певица Ага Лаховская, исполнявшая партию Амнерис, писала Делоне в 1918 г.: «Опера так стара и затаскана, что, для того чтобы слушать ее с интересом, необходимо ее заново одеть». Костюм Амнерис был выполнен в стиле симультанизма и очень походил на костюм Клеопатры¹³. Также приобрел известность созданный ею костюм для знаменитой танцовщицы Габи (Petit Casino, Мадрид, 1919), для которой Соня также выполнила эскизы интерьера.

Соня Делоне использовала театральный опыт в своих моделях одежды 1920-х гг. В Испании она открывает маленький магазин для продажи своих дизайнерских вещей, названный «Casa Sonia». Созданные ею платья встречались с воодушевлением, особенно испанской аристократией.

В 1921 г. семья Делоне вернулась в Париж. В большой квартире на бульваре Malherbes, 19 все оформление интерьера, включая мебель, ковры, занавески, носило на себе отпечаток вкуса хозяев. У супругов Делоне был открытый дом, который посещали многие представители интернациональной богемы, среди которых были Андре Бретон, Жозеф Дельтей, Альбер Глез, Блез Сандрар, Филипп Супо, Тристан Тцара (André Breton, Joseph Delteil, Albert Gleizes, Blaise Cendrars, Philippe Soupault, Tristan Tzara)¹⁴. Их друзьями были Андре Лот (André Lhote), Пабло Пикассо, Марк Шагал.

Робер Делоне
Фотография 1935 г.

¹² Костюм был продан на аукционе Сотбит в 1968 г. (Costumes and Curtains from Diaghilev and de Basil Ballets. London, Sotheby's 17 July 1968, lot 75).

¹³ Боулт Дж. Художники русского театра. С.131.

¹⁴ К ним же можно отнести Игоря Стравинского, Маяковского, Якова Соскина, портреты которых были написаны Делоне в 1918, 1922 и 1924 гг. соответств. Одним из мест знакомства с Сандраром, Аполлинером и др. представителями лит-ного авангарда был салон баронессы Е.Эттинген, который Соня посещала еще до своего отъезда на Иберийский п-ов.

В 1922-23 гг. Робер Делоне создал целую галерею из живописных и графических портретов гостей.

В том же году Соня вышила на занавесе текст поэмы Soupault «На ветру». Сохранился снимок 1924 г., где видна дверь салона, на которой Робером каллиграфически написаны отрывки из поэмы гостей, среди них – и Маяковского. Бывая в Париже, поэт подружился с семьей Делоне и приходил к ним обычно с Эльзой Триоле – сестрой Лили Брик и женой Луи Арагона. Многолетняя дружба и сотрудничество завязались с писателем Т.Тцара (наст. имя Сами Розеншток), вдохновителем и одним из создателей движения «Дада», в которое вошли художники и поэты, тяжело пережившие Первую мировую войну и своим творчеством выражавшие протест против эстетических, моральных и философских основ традиционной культуры. В 1924 г. Соня создает акварельные эскизы костюмов для пьес Т.Тцара «Газовое сердце» («Le Cœur a Gaz») и пьесы И.Зданевича «Вечер колючего сердца».

В 1920–1930-е гг. Соня работает над эскизами оригинальных реклам новых товаров для различных фирм. Шедеврами графического искусства, основанного на принципах орфизма, были признаны ее рекламные открытки «симультанных тканей», сделанные для специализированного магазина «Boutique simultanée» («Симультанная лавка»). По ее проектам оформляются интерьеры библиотек, частных домов и квартир, выставочные залы и витрины магазинов.

Впервые шелковые ткани по ее рисункам были произведены на фабрике в 1923 г. Вскоре «синхронные» ткани стали производиться из разных материалов. Появились модели жилетов, пакетов, костюмов, платьев, купальников из таких тканей. В шерстяных жилетах с рисунками С.Делоне публично выступали Л.Арагон, Р.Кревель, Б.Сандрар. Она одевала звезду немого кино Глорию Свенсон. Известно, что ее декоративные шарфы оказали влияние на Пауля Клее и Жана Кокто, писавшего о ее дизайне моды.

Свои работы Соня почти ежегодно демонстрирует на многих выставках. В 1924 г. в Осеннем салоне были показаны ее ткани «в движении» и сделанные из них ковры. В 1925 г. совместно с модельером Ж.Хеймом, с которым она открыла ателье мод на мосту Александра III в Париже, Соня представляет образцы тканей, одежду и вышивки, которые имели огромный успех. Из созданных ею моделей наибольшее восхищение вызвало платье-спираль. С.Делоне была сторонницей идеи «освобождения женского тела» и формы платья-рубашки. По словам А.Лота, она покрывала «мягкие колеба-

ния человеческого тела геометрическими структурами»¹⁵. В этом же году выходит ее художественный альбом с предисловием А.Лота.

В последующие годы С.Делоне интенсивно работает в разных жанрах. В 1931 г. она была в числе организаторов международного авангардистского объединения «Abstraction-Creation». В 1936-м получила первую премию на конкурсе светящихся афиш, а в 1936-37 гг. вместе с Робером расписала французский павильон Международной выставки. Эта работа была отмечена золотой медалью.

В 1927 г. С.Делоне выступила на конференции в Сорбонне с докладом «Влияние живописи на искусство одежды». В 1930-м выходит альбом: «Соня Делоне: Композиции, цвета, идеи». В 1939 г. Соня с Робером и другими художниками основала авангардистский салон «Новые реальности» в галерее Charpentier и участвовала в выставке «Русский балет Дягилева» в Музее декоративных искусств.

25 октября 1941 г. после продолжительной болезни умирает Робер Делоне¹⁶. Соня почти сразу же уезжает в Португалию, где ее окружают друзья-художники – Ж.Аrp с женой Софи Таубер-Арп (Sophie Taeuber-Arp) и А.Маньелли (Magnelli)¹⁷. Она сосредоточивается на создании трафаретных рисунков, литографий, витражей, мозаик. В ее красках появляются новые сочетания с преобладанием бежево-коричневых тонов и цвета «торжества солнца».

С.Делоне с друзьями участвует в совместных выставках. В 1944 г., по приглашению международного центра Красного Креста в Тулузе, она создает эскизы декораций и оформляет интерьер.

В 1945 г. Соня возвращается в Париж. Здесь она экспериментирует с цветными карандашами и гуашью. Созданная ею серия работ позже становится основой новых афиш (1952-67), рисованных букв в ее «Алфавите» (1969) и оформления игральные карт.

В 1946 г. С.Делоне вместе с Louis Carré, хозяином галереи, организует большую выставку «Ретроспектива Робера Делоне». Возобновляется сотрудничество с поэтом Т.Тцара. Она иллюстрирует его поэмы «Le Fruit permis» («Дозволенный плод», 1956) и «Juste

¹⁵ Боулт Дж. Художники русского театра. С.131.

¹⁶ В 1939 г. семья перебирается в деревню ок. Montfort-l'Amaury. В 1940-м они бегут в Auvergne, затем в Mougins и, наконец, в Монпелье, где Робер вскоре умирает.

¹⁷ Согласно словарю «Художники русского зарубежья» (с.255), Соня после смерти мужа жила в Грассе (1941-44). *Bénézit* указывает 1942 г. как дату переезда в Грасс и считает, что Софи Таубер-Арп и Маньели она встретила именно там.

présent» (1961). В 1962 г. Соня показывает свои работы в парижской галерее Denis René, и в связи с этим выходит ее альбом с шестью планшетами, иллюстрирующими поэмы Рембо, Малларме, Сандра-ра, Дельтейя, Супо и Тцара.

Продолжается многолетняя дружба и сотрудничество с поэтом и издателем многих ее творений Ж.Дамазом (J.Damase). В 1966 г. выходит его поэма «Ритмы – Цвета» («Rythmes – Couleurs») с 11 трафаретами С.Делоне, в 1969 г. публикуется ее «Алфавит» («L'alphabet») и «Robes – poèmes», а в 1978-м его книга «Les noirs et blancs de Sonia Delaunay».

По макетам декора и костюмов, сделанных С.Делоне в 1968 г., хореограф Felix Blaska ставит в Париже спектакль «Концертные танцы» на музыку И.Стравинского.

Искусство Сони и Робера Делоне становится все более востребованным, успешно проходят выставки их работ во многих странах. В 1958 г. в Музее искусств Билфида (Bielfied, Германия) было экспонировано 260 их работ. В 1959-м их выставка состоялась в Лионе. В 1963 г. она подарила 58 своих работ и 40 произведений Робера Национальному музею современного искусства в Париже, и на следующий год Лувр организует выставку подаренных ею работ. Таким образом Соня Делоне становится первой женщиной-художником, произведения которой при жизни были выставлены в Лувре¹⁸. В 1965 г. прошла первая совместная выставка Сони и Робера Делоне в Канаде (Национальная галерея Оттавы). В 1967-м была организована большая ретроспектива в Национальном музее современного искусства. В 1970 г. – первая большая выставка их настенных ковров в Париже. В 1972-м – показ этих ковров в Музее современного искусства.

Центр Жоржа Помпиду в связи с 90-летием Сони Делоне организует показ ее работ в Антверпене, Брюсселе, Неаполе и Ницце (1976). В 1979 – ретроспектива Сони и Робера Делоне в Токио из картин, находящихся в Музее современного искусства.

В разгар этих событий, 5 декабря 1979 г., Соня Делоне умирает в своей парижской студии.

После ее смерти состоялись несколько крупных ретроспективных выставок ее творчества в Нью-Йорке, Питтсбурге, Чикаго, Монреале, которые показали, насколько велика была ее роль в развитии абстрактного искусства и в области современного дизайна. В

¹⁸ Musée nationale d'Art moderne (MNAM). С открытием в 1977 г. в Париже Центра Жоржа Помпиду (Centre national d'art et de culture George Pompidou, он же Centre Beaubourg) становится его подразделением.

1985 г. Центр Помпиду устраивает экспозицию, посвященную столетию супругов Сони и Робера Делоне.

* * *

О многих чертах характера Сони Делоне мне рассказывала Зинаида Лемперт, которая с начала 1967 года до середины 1974-го была ее личным секретарем и, следовательно, проводила с ней по многу часов. Несмотря на возраст (Соне тогда было 82–89 лет), она ежедневно работала, и немало: создавала эскизы к будущим литографиям, рисунки и трафареты для готовящейся к изданию книги Рембо («Озарения», 1973; для этой книги Соня подготовила 18 гуашей), делала новые афиши, воспроизводила гравюры.

Обычно двери ее дома после дневного отдыха были открыты для всех, кто интересовался ее искусством или хотел получить совет у мэтра. Среди посетителей были художники, модельеры, работники театра. У начинающих художников, если она видела их увлеченность и способности, Соня покупала картины и таким образом поддерживала их. С живым интересом она откликалась на политические события. Ежедневно просматривала газеты (читала без очков).

Зинаиде Лемперт запомнился звонок президента Франции Жоржа Помпиду в 1970 г. с просьбой отобрать картину для подарка Ричарду Никсону. Соня выбрала гуашь («Rytme – couleur») 1960 г., которая вскоре и была увезена в Белый дом. Лемперт была поражена дружеским тоном разговора и просьбой Помпиду. Большое впечатление на нее производило повсеместное преклонение перед С.Делоне во время посещений ими выставок и вернисажей. В 1972 г. Соня получила приглашение в Португалию, куда они поехали вместе. Хорошо запомнилась Зинаиде Лемперт торжественность встречи в Лиссабоне, где была организована выставка Сони и Робера Делоне. Она же была свидетелем триумфа творчества С.Делоне на выставках в музеях Ниццы и Гренобля.

Между ними сложились теплые отношения (чему, среди прочего, способствовало желание Сони говорить по-русски), и у Зинаиды Зиновьевны хранятся подаренные художницей книги и картины с ее дружескими надписями.

* * *

Соня Терк приехала из России во Францию (Париж) в период рождения новых художественных течений и смелых экспериментов в области искусства. Ее художественный дар быстро проявляется, когда она попадает в среду художников Парижской школы и выходит замуж за Робера Делоне. Их творчество представляло собой симбиоз двух ярких индивидуальностей.

Долгий земной путь Сони (она не дожила шести лет до своего столетия) говорит о ее жизненной энергии, огромной трудоспособности, внутренней свободе, богатой фантазии, интуитивном чувстве времени и востребованности ее произведений, честности, способности противостоять ударам судьбы. Соня отличалась глубокой порядочностью. Многие десятилетия она умела хранить дружбу с людьми, нелегкими в сотрудничестве. Известный писатель Ж.Дельтей (J.Delteil), многолетний друг семьи Делоне и постоянный посетитель их воскресных обедов, еще в начале 1920-х гг. назвал Соню Жанной д'Арк, а в своей книге «Deltheillerie» (1968) написал: «Делоне – в моем сердце и, в какой-то мере, – в моих творениях». Одна из глав его книги посвящена Роберу и Соне Делоне, а в подаренном ей экземпляре на ее портрете написано: «В течение более 80 лет молодой дух Франции».

Тристан Тцара в своей книге «*Poésie de mots, poésie de couleurs*» (Paris: Denis René, 1962), которую иллюстрировала С.Делоне, оставил надпись: «*Мадам, мадам, если бы Вы знали, как я Вас люблю и как преклоняюсь перед Вами...*».

Наследие Сони Делоне и сегодня современно. Оно поражает своим разнообразием. Ее цвет свободен, имеет собственную жизнь и поэтический язык, создаваемый игрой форм и красок, взаимодействием их контрастов. Работы С.Делоне постигаются интуитивно – не сухой мыслью, а сердцем. Ее искусство беспредметно, но дает поразительное ощущение цвета и формы, лаконичных и пластически выразительных.

Сочетания в ее живописи чистых красок с простыми геометрическими фигурами создает особую атмосферу глубины и одновременно легкости восприятия. Робер Делоне, анализируя магическую силу искусства Сони, неоднократно повторял: «*Как все артисты и поэты Востока, она владеет цветом в его первозданном состоянии <...> Уже в ее самых первых этюдах ощущается запас первозданной живописной энергии <...>*»¹⁹.

¹⁹ Delaunay Robert. Du cubisme à l'art abstrait: Documents inédits / Publ. par P.Francastel et <...> G.Habasque. Paris: SEVPEN, 1957. P.200–201.

В первый период ее творчества наблюдается приверженность к черному и оттенкам красного цвета. Соня Делоне отмечала: *«Тяжесть черного снимается сочетанием с красным и розовым, как бы усиливает притяжение энергии солнца»*. Впоследствии она создает более мягкие цветовые контрасты в тех же простых формах.

Ее девиз «Мы пойдем за солнцем», провозглашенный в 1913 г. после возникновения *симультанизма*, оставался неизменным во всем многообразии творчества Сони. Ее произведения заряжены положительной энергией, несущей радость и прилив сил.

Несомненен ее вклад во многие виды прикладного искусства. Обладая большой интуицией, Соня Делоне много сделала для развития художественной мысли своего времени.

Она была одной из первых современных создателей тканей с абстрактным рисунком и, естественно, всевозможных изделий из них: одежды, ковров, декораций и др. Она изобрела новые цветовые сочетания и открыла широкие возможности их применения в оформлении одежды. Женщины, обычно менее консервативные, чем мужчины, вышли в «ее» нарядах на улицу, а позже стали носить «сонины» платья и дома.

Делоне сформировала новый стиль дизайна выставочных залов, интерьеров квартир и магазинов, витрин и мебели, в театральных декорациях, сменив символику цветов, фруктов и пейзажей ритмами красок и простых форм. Диапазон ее фантазий распространился на театральные костюмы, волшебные ковры, игральные карты, алфавит для детей, метко «стреляющие» афиши и рекламы. Через оформление тканей, одежды, декораций, книг, афиш она изменила вкус публики легче и быстрее, чем было преодолено сопротивление интеллектуалов. Сегодня осознается реальная ценность ее творческого вклада. Соня примерно на 40 лет опередила профессиональных модельеров, создателей стиля модерн. Многие ее изделия в области прикладного искусства продолжают жить и воспроизводятся, не становясь понятием «ретро», до сих пор оказывают влияние на новые поколения художников, декораторов, модельеров.

Произведения Сони Делоне находятся во многих музеях и частных коллекциях Франции и других стран. Вклад этого большого художника – выходца из России в общемировую культуру и эстетическое влияние продолжается. Она является миссионером абстрактной живописи и ее философии, несущими лозунг «идти за солнцем».

К 90-летию знаменитой художницы ее заслуги перед Францией были отмечены орденом Почетного легиона. А одна из улиц Парижа получила имя Робера и Сони Делоне²⁰.

Так русская еврейка, Соня Штерн-Терк–Делоне, стала *частью Парижа* – художественной столицы мира, и уже навсегда.

²⁰ В XI округе Парижа, недалеко от знаменитого кладбища Père Lachaise, имеется целый квартал «Cité Delaunay», а рядом – улочка под названием «Impasse Delaunay».

«Работаю очень много в разных жанрах и материалах» (Скульптор Мишель Мильбергер)

Эльвира Берман-Штернфельд (Кирия-Экрон, Израиль)

Мишель Мильбергер (1922–1997) – известный скульптор, лауреат престижных международных премий. Его работы можно увидеть в музеях и частных коллекциях России, Франции, Израиля, США, Польши, Канады, Бельгии, Аргентины, Литвы. Он работал почти во всех жанрах пластического искусства: монументальная скульп-

**М.Мильбергер за работой над бюстом
поэта Claude Vigée (1986)**

тура, портрет, рельефы, композиции. Был он и прекрасным рисовальщиком. Среди его работ скульптурные портреты выдающихся современников – политических деятелей (Менахем Бегин, Ицхак Шамир, Эзер Вейцман, Эфраим Кацир, Хаим Герцог, Ицхак Навон), литераторов (Фридрих Дюрренматт, Чеслав Милош, Ицхак Кацнельсон), актеров (Аркадий Райкин, Олег Попов, Марсель Марсо, Шимон Джиган), художников, генералов, ученых. Его увлекали библейские темы: «Жертвоприношение Исаака», «Сон Иакова», «Страдания Иова», «Песнь песней», «Самсон и Далила», др. Он – автор известных в Москве горельефа «Пушкин и Мицкевич» и памятника Александру Герцену, а также множества лирических и трагических скульптурных композиций. Он создал также портрет моего отца – Ари Штернфельда, одного из основоположников космонавтики. Несмотря на разницу в возрасте, они были большими друзьями, судьбы их в чем-то схожи. Оба были людьми четырех культур: еврейской, польской, русской и французской. Оба с юных лет стали одержимы каждый своей идеей и, несмотря на трудности, не изменили своему призванию.

Родился М.Мильбергер в декабре 1922 г. в Варшаве в семье винодела. Он рано начал интересоваться искусством и, учась в обычной школе, посещал также школу декоративного искусства. Ему еще не исполнилось 17 лет, когда немцы заняли Варшаву. Видя издевательства немцев над евреями, он решает бежать на восток, в СССР. Ему удалось добраться до Белостока, а оттуда Мильбергера, вместе с другими беженцами, переправили в Могилев. Здесь его приютила семья актера местного театра. Ему даже удалось устроиться на работу в артель «Красная светопись». Нужно было рисовать плакаты, портреты вождей. Работа получалась, он стал посещать художественную студию. Его картина маслом, изображающая беженца, была послана в Минск на выставку, где была замечена К.Ф.Юоном (впоследствии членом Академии художеств СССР), который посоветовал юноше ехать учиться в Москву. В Москве он выдержал конкурсный экзамен и был принят в Академию художеств. Его учителем был известный график и живописец Владимир Андреевич Фаворский, ставший его наставником и старшим другом. Фаворского он боготворил, ценил за талант и мудрость, считал своим Учителем не только в искусстве, но и в жизни, часто цитировал его. В парижской мастерской Мильбергера фотография Фаворского висела на видном месте. В 1948 г. Миша (так звали его в Москве, а потом и в Израиле) окончил академию, получил диплом скульптора.

В послевоенные годы и вплоть до своего отъезда в 1961 г. (сначала в Варшаву, а потом во Францию) Мишель Мильбергер часто бывал в нашем московском доме. Мы жили тогда в коммунальной квартире в деревянном двухэтажном доме, а он и вовсе не имел собственного жилья. Приютил его Моисей Беленький, в то время директор еврейского театрального училища. В конце 50-х Мильбергер сумел получить мастерскую – в бывшей церкви, в самом начале Сретенки. В этой церквушке, внешне хорошо сохранившейся, нижние помещения были заняты какими-то складами, а на втором этаже была не отапливаемая комната; она и служила ему мастерской. В эти годы он защитил диссертацию по истории искусств и получал заказы от министерства культуры. Он выиграл конкурс на скульптурный памятник Александру Герцену. Бронзовый памятник высотой в 3,8 метра и сегодня стоит во дворе Литературного института на Тверском бульваре, 25. А у бокового входа в знаменитый Елисейский магазин, в самом центре Москвы, на стене дома, в котором когда-то встречались Пушкин и Мицкевич, находится замечательный бронзовый горельеф (2,40 на 1,20 метра) работы Мильбергера. Горельеф этот, запечатлевший встречу двух великих поэтов, был

Michel MILBERGER

Confidences - Vertraulichkeiten - Confidenze

sculpture - Skulptur - scultura, 14 x 22 cm, 1990

Expositions collectives récentes
Jüngste Kollektiv-Anstellungen
Esposizioni collettive recenti

Institut de France (1980, Paris, France)
Galerie Delphi (1988, Paris, France)
Salon des Indépendants (1990, Paris, France)
Salon d'Hiver (1991, Paris, France)

"A la Rencontre des Grands et Nouveaux Artistes, de 1700 à nos jours"

Collection de cartes d'art éditée par
WHO'S WHO IN INTERNATIONAL ART

20, avenue de la Gare - Case Postale 205 - CH-1001 Lausanne (Suisse)

**На таких открытках, выпускаемых издательством
Who is who in the international art , писал письма М.Мильбергер**

выполнен к 100-летию со дня смерти Мицкевича. В Польше была выпущена почтовая марка с изображением этого произведения, а ЮНЕСКО повторила его в виде открытки. Еще одна монументальная работа Мильбергера – статуя А.Пушкина – находится во Львове в Музее изобразительных искусств. Скульптурный портрет известного «солнечного» клоуна Олега Попова был выполнен по заказу Музея изобразительных искусств им. Пушкина в Москве.

Симпатизируя идеям авангарда, Мильбергер никогда не был сторонником соцреализма. Официальные требования к искусству вообще, и к пластическому искусству в частности, его не устраивали. Болезненно переживал он период борьбы с космополитизмом, период, когда выставочные залы очищали от Пикассо, Шагала и других больших художников. Будучи воспитанным в европейском духе, он не мог работать так, как хотел. В 1961 г. он решается покинуть Москву. Через Польшу ему удается попасть во Францию, гражданином которой он становится в 1963 г.

В Париже, в центре Латинского квартала, на улице St. Severin, 14, он снимал квартиру, в которой и кухни-то не было (так называемую студию). Впоследствии он перебрался в более удобную квартиру в районе площади Республики, но настоящим его домом стала мастерская на улице Vogotée, 12. Здесь *«в негнущихся телах, неподвижных лицах, которые Мильбергер словно по волшебству извлекает из rigor mortis¹, художник открывает необозримый простор чувственному духу, освобождаемому наконец солнечным ураганом от мрачной скованности. <...> Ловкие и сильные пальцы месят сырой материал, дабы отразить в нем или скорее обнаружить и подчеркнуть ту характерную деталь вдруг открывшейся души, ту сокровенную черту, которая подобно замку свода одновременно и решает, и поддерживает весь архитектурный комплекс...»².*

Я не раз бывала в этой его мастерской и всегда уходила под большим впечатлением. Мильбергер был не только талантливым художником, но и прекрасным рассказчиком. А ему было о ком и о чем рассказать. Говоря о своих встречах – с какими людьми! – он артистично подражал их мимике, жестам, даже голосу. Заразительно смеялся, был доброжелателен, деликатен, никогда не говорил плохого о людях, а если критиковал кого-то, то всегда с юмором. Он

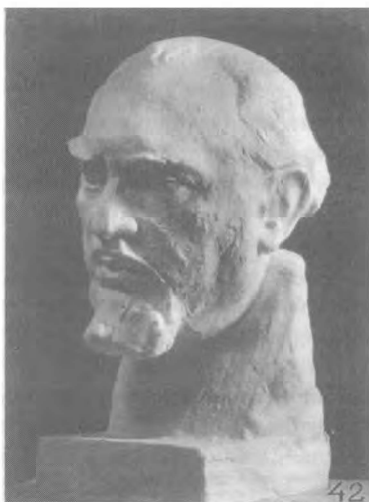
¹ Жесткий материал (лат.).

² Vigée Claude. Michel Milberger sculpteur // Cahiers Bernard Lazare (Paris). 1986. №115–116., nov. Перевод Эстер Маркиш.

создал портреты многих политических деятелей, но не любил говорить о политике. И еще не любил говорить о грустном и... о себе. Стоило задать ему вопрос о какой-нибудь подробности, касающейся его лично, как он незаметно переводил разговор на другую тему: о великих мастерах, моделях, приятелях. О своем любимом, почитаемом учителе В.А.Фаворском он мог рассказывать часами. Называл его фигурой удивительной, поистине ренессансной, рассказывал, что, будучи родом из дворянской семьи и человеком искренне и глубоко верующим, влюбленным в русские иконы, Фаворский доброжелательно относился к евреям. Как-то он сказал Мильбергеру, что его фамилия – Фаворский – происходит от святой горы Табор, что в Палестине... Мильбергер был благодарен ему и за то, что он воспитывал своих учеников в духе свободы. Он изучал с ними иконопись, что не входило в программу, открывал своим ученикам Пикассо, Дега, Матисса. Когда Мильбергер стал довольно известным скульптором и был признан во Франции, Фаворский прислал ему открытку со словами: «Поздравляю Парижем».

Одними из первых работ Мильбергера в Париже были скульптурные портреты известного мима Марселя Марсо и маршала Кенига. Во французской прессе появились восторженные отзывы. *«Бюст Марселя Марсо это не только достоверный портрет большого артиста сцены, выполненный несомненно талантливым скульптором; это изображение современного человека, со всеми свойственными ему мучениями и волнениями»*, – писал один из критиков³.

Кениг (Koenig Pierre, 1898–1970), соратник генерала де Голля, во время Второй мировой войны командовал Французским батальоном в Палестине, затем в Египте и Алжире. Сразу после освобождения Парижа стал его

Ари Штернфельд (1956)
*Бюст находится
у старшей дочери ученого
Майи Штернфельд в Москве*

³ Visite à l'atelier de Michel Milberger // La Press Nouvelle (Paris). 1964. 12 dec.

военным губернатором; как активный деятель партии де Голля был избран в Национальную Ассамблею, занимал пост министра обороны Франции. *«В этой удачной фигуре и гармоничной модели Мильбергер показал необыкновенное чувство пропорций... он передал движение души и мысли точным и деликатным наброском линий. Эта работа – безупречное творение чувств – привносит нечто существенное в искусство скульптуры: мощностъ формы, неуловимостъ мысли, сочетаемой с достоинством сердца»*⁴. Этот бронзовый бюст находится в музее Дома инвалидов в Париже.

Мильбергером были выполнены бюсты двух Нобелевских лауреатов в области медицины – биохимика Жака Моно, участника Французского сопротивления, директора Института Пастера в Париже с 1971 г., и генетика и вирусолога Андре Львова. Обе работы находятся в Институте Пастера.

С людьми, портреты которых он лепил, часто завязывались дружеские отношения. Так было со швейцарским писателем-драматургом Ф.Дюрренматтом, чей бронзовый бюст (он находится в музее в Берне) Мильбергер выполнил в Швейцарии в 1962 г. Их сближению способствовало то, что Дюрренматт оказался профессиональным художником, имел собственную мастерскую в Нойшателе. Оба любили философствовать, и, что было важно для Мильбергера и он подчеркивал это, Дюрренматт интересовался историей Израиля и даже написал объемное эссе об этой стране. Над его портретом Мильбергер работал долго. А через несколько месяцев по возвращении во Францию Мильбергер получил французское гражданство.

Польского поэта и переводчика, лауреата Нобелевской премии Чеслава Милоша, позировавшего в его парижской мастерской, Мильбергер считал одним из интереснейших людей среди тех, с кем довелось ему встречаться. Мильбергер восторгался тем, что Милош прекрасно владел не только английским и французским, но и ивритом. С иврита Милош перевел на польский Псалмы, «Пять свитков» («Хамеш мегилот») и «Книгу Иова».

К Иову, с его нечеловеческими страданиями и бесконечным терпением, у Мильбергера было особое отношение, и образ Иова не раз возникал в композициях Мильбергера.

С французским поэтом и писателем Клодом Виже, часто заглядывавшим в студию по улице Вогтомée, возникла взаимная

⁴ *Wagman A. Un grand sculpteur Michel Milberger // Journal de L'amateur d'art (Paris) // 1966. 1.7–25.9. №375. P.17.*

симпатия. Потребовалось немного сеансов, чтобы проникновенный портрет поэта был закончен. Клод Виже родился в Страсбурге, был лишь на год старше Мильбергера и тоже еврей. Во время немецкой оккупации его семья была депортирована нацистами из Страсбурга. В Тулузе он был одним из организаторов еврейского Сопротивления. Свои первые стихи он опубликовал в те годы в подпольном издании. Впоследствии он преподавал французскую литературу в различных университетах Америки, а в 60-е годы занимал должность профессора в Еврейском университете в Иерусалиме. Виже написал о Мильбергере серьезное, прочувственное литературное эссе, глава из которого служит вступлением к каталогу работ Мильбергера⁵. К сожалению, каталог этот неполон, хотя и содержит список 189 скульптур, бюстов, композиций, этюдов.

Исаака Башевиса Зингера, еврейского писателя, лауреата Нобелевской премии по литературе, пишущего на идиш, Мильбергер не лепил, но на пригласительном билете на встречу с писателем в Сорбонне, где чествовали его в связи с высокой наградой, был помещен портрет Башевиса Зингера, выполненный Мильбергером. Мильбергер, любивший и ценивший талант, ум, юмор, человечность Башевиса Зингера, иллюстрировал некоторые из его книг. Они были дружны, встречались несколько раз и в Израиле, когда оба оказывались здесь. Рассказывая о своих встречах с Башевисом Зингером, Мильбергер приводил его ироническую фразу: *«Вся еврейская литература была коммунистической, кроме меня»*.

При всем обилии людей, искренне любивших его, Мильбергер оставался одиноким человеком. «Отшельником с улицы Вогтомее» называли его приятели. Он предпочитал оставаться наедине с созданными им персонажами. Тема печали, душевной боли часто проникала в его работы. В Варшавском гетто погибли его отец, мать и два младших брата. В память о Катастрофе создал он композицию «В опасности». Эта волнующая скульптура, изображающая мать, пытающуюся защитить своего ребенка, находится в музее Холокоста в кибуце Лохамей ха-Гетаот в Верхней Галилее. «Реквием», «Страдание», «Отчаяние», «Охваченный ужасом» – это далеко не весь перечень прочувствованных и полных сострадания композиций. Одновременно Мильбергер оставался и большим оптимистом. Он создал теплые лирические композиции и экспрессивные, выразительные статуэтки.

⁵ Michel Milberger : Sculptures. Paris : Les Editions Poliglottes, 1991. 57 p.

Работа, искусство поглощали его целиком. Жить для него началось творить. Он боялся упустить хоть минуту светлого дня, когда солнце пробивалось через частично застекленную крышу его мастерской. Жалко было тратить время на кино, концерты. Телевизора у него никогда не было.

В одной из своих открыток из Парижа (от 12 января 1993 г.) он писал мне: *«Работаю очень много в разных жанрах и материалах. Попадают заказы. Это меня кормит. Завершил работу над бюстом проф. Кристиана Карболя – знаменитого французского хирурга-кардиолога (католик). Работаю над скульптурой поэта Давида Гофштейна, погибшего в 1952 году. Это я делаю на базе иконографического материала. Сделал бюст выдающегося французского философа Эммануила Левинаса...»*. Впоследствии он признался, что работа над этим портретом долго не удавалась ему. *«Скульптор не должен работать, если натуращик не вызывает у него никаких чувств»*, – говорил Мильбергер. Он всегда старался раскрыть невидимую сторону лица, понять внутреннее содержание, душу человека. На сей раз это удалось ему, когда они стали читать друг другу Пушкина по-русски и беседовать по-польски. Оказалось, что Левинас тоже родился в Польше, в Ковно.

В 1994 г. мы встретились с Мишей Мильбергером уже в Израиле, куда он приехал на вручение ему премии имени Давида Гофштейна, известного еврейского поэта, чей скульптурный портрет он выполнил в 1993 г. в Париже. Он тогда привез его вдове и дочери поэта. На этот раз самой большой наградой для него была реакция вдовы Фейги Гофштейн, когда она приблизилась к скульптуре и, погладив ее по голове, прошептала: «Да, это он».

В Израиле Мильбергер бывал довольно часто. Встречался с друзьями и много работал. В один из своих приездов, в 1973 г., он оказался накануне Войны Судного дня. Он вспоминал, как многие спешили улететь. А он почувствовал, что не может уехать в такое тяжелое для страны время, хотел хоть чем-то помочь. Пошел в Дом писателей, предложил, например, сортировать почту, разносить письма, но не подумал, что читать на иврите не умеет.

Целую галерею политических деятелей: Менахема Бегина, Ицхака Шамира, Эзера Вейцмана, Эфраима Кацира, Хаима Герцога, Ицхака Навона – он вылепил в Израиле. Все отливки в бронзе делались во Франции, где, считал Мильбергер, есть прекрасные мастера и старинные традиции. Некоторые из этих портретов украшают двор дома президента Израиля в Иерусалиме, другие – кабинет премьер-министра. Уже после трагической гибели Ицхака Рабина

Мильбергеру заказали его скульптурный портрет. Работу эту он успел закончить и считал ее удачной.

«Если бы моя мама знала, с какими важными людьми я встречаюсь, ей было бы приятно», – с грустью и свойственной ему деликатностью говорил Мильбергер. Как-то я спросила его, на каком языке и о чем ему удастся беседовать с такими важными, как он сам их называл, людьми, ведь политика его не интересовала. Оказалось, что Бегин говорил на польском, идиш и русском, Шамир по-польски, Эзер Вейцман на идиш, Кацир по-русски. О них он отзывался как о простых и доброжелательных, высокоинтеллектуальных личностях, с которыми было легко беседовать и шутить. А шутить, рассказывать анекдоты Мильбергер любил. С Шамиром они смеялись над историей, которую Мильбергеру как-то давно рассказала Хана Орлова⁶ – известный французский скульптор, работы которой Мильбергер высоко ценил, еще будучи в Москве. Познакомился он с ней в Париже вскоре после того, как обосновался там. Она была всемирно признанным мастером, а он только начинал ориентироваться в бурном мире парижских художников. Так вот, она и рассказала историю, так развеселившую Шамира: Хана Орлова предложила Хаиму-Нахману Бялику позировать. Поэт благодарно согласился, но спросил: «А сколько Вы думаете потребуется сеансов?» Хана: «Восемь, девять, ну, может быть, десять». «Тогда я не согласен!» – заявил Бялик. «Почему, – растерялась Хана, – Вы же только что согласились?» – «У меня есть что вам рассказывать, по крайней мере, на двенадцать сеансов», – последовал ответ.

Во время своего последнего визита в Израиль (1994 г.)

Чюрлёнис Микалоюс
Музей изобразительных
искусств. Каунас

⁶ Добин В. Мгновения будущего: Интервью с М.Мильбергером // День седьмой (прил. к газ. Новости недели /Тель-Авив/). 1994. 2 сент. С.2, 4–6.

Миша Мильбергер гостил несколько дней у нас. Я рассказала ему, что в скором времени должно состояться присвоение имени Ари Штернфельда, моего отца и его друга, одной из улиц нашего городка. Мильбергер сразу предложил сделать и подарить местному Совету барельеф – портрет отца. Надо было только договориться, что расходы по отливке барельефа в бронзе возьмут на себя местные власти. Я обратилась с этим предложением к нашему мэру Арику Хаддаду. Пришла к нему на прием с альбомом-каталогом работ Мильбергера. Листая каталог – И.Шамир, Х.Герцог, З.Шазар и др., Хаддад вдруг увидел бюст генерела Кенига. «Да это же тот самый Кениг, которого я хорошо знаю!» – воскликнул он. Дружба их началась с того, что Хаддад, учась в парижской школе, получил задание (а было ему 13 лет) взять интервью у известного человека. Арик выбрал генерала, добился встречи, и они подружились. Переписывались вплоть до смерти Кенига. Бюст из каталога очень понравился нашему мэру. Он с радостью согласился на предложение Мильбергера. И в октябре 1996 г. состоялось открытие мемориальной доски пионеру космонавтики Ари Штернфельду работы скульптора Михаила Мильбергера в далеком от Москвы, Парижа и Варшавы Киры-Экроне. На этой церемонии присутствовали посол России Александр Бовин, посол Польши Войцех Адамецкий и научный атташе посольства Франции Жан-Луи Дюкло. М.Мильбергер приехать не смог. А барельеф можно увидеть в холле библиотеки – современного красивого здания из стекла и бетона в центре Киры-Экрона...

В последние годы Мильбергер стремился больше работать над композициями, передавая в материале самые разные чувства. Вот некоторые их выразительные названия: «Нежность», «Эротика», «Тайна», «Материнство», «Тревога», «Гнев», «Боль», «Клошар», «Слепой с собакой», «Вечерняя молитва», «Благословение», «Вечность».

– Искусство не терпит равнодушия, – часто повторял он.

Умер Мильбергер 18 декабря 1997 года. Друзья похоронили его на еврейской части старинного парижского кладбища Bagneux. Но жизнь его, как жизнь большого Художника, продолжается в его работах, разбросанных по разным частям света, душа его продолжает жить в глине, гипсе, камне, бронзе.

СЦЕНИЧЕСКИЕ ИСКУССТВА

История одного клана – Шайкевичи

И.Обухова-Зелиньска (Польша – Россия)

**Звездный час «отца современного еврейского театра
на идиш» Аврахама Гольдфадена: Париж, 1889–1903**

Мириам Изабель Нюк (Франция)

**Татьяна Высоцкая, сестра Георгия Адамовича
(по воспоминаниям Т.Высоцкой)**

И.Обухова-Зелиньска (Польша–Россия)

История одного клана – Шайкевичи

Ирина Обухова-Зелиньска (Варшава – Москва)

Из семьи Шайкевичей в XX в. вышло несколько замечательных личностей, которые сыграли немаловажную роль в культуре ряда стран. Речь идет о семье, понимаемой в расширительном смысле: о большом клане, члены которого были связаны не только чисто кровными узами, но и другими отношениями, возникшими в результате разводов, новых браков и усыновлений. Нас в первую очередь интересуют не эти семейно-родственные сложности (которых, впрочем, мы и так неизбежно должны будем коснуться), а роль Шайкевичей в культуре. Роль эта значительна, но, во-первых, не очень выявлена, а во-вторых, в России неизвестны члены семьи Шайкевичей, прославившиеся во Франции и в США.

Так случилось, что основным летописцем семьи Шайкевичей стала Нина Тихонова – "ассоциированный" член этого клана (см. о ней ниже). Ее воспоминания¹ – единственный известный нам источник, где довольно систематически изложена история семьи. Ее живое изложение и психологические портреты, основанные на семейных рассказах и собственных наблюдениях, – просто кладезь информации, к которой мы будем постоянно обращаться.

Нам известно, что в XIX в. семья Шайкевичей из родного Киева разъехалась по разным городам России и Европы. Многие члены клана стали преуспевающими адвокатами и врачами². Ниже мы представляем тех из них, о которых пойдет речь в нашем очерке.

I. "Московско-парижская" ветвь Шайкевичей

Мария Шейкевич (Marie Scheikevitch) (1884, Париж? – 1964, Париж) – жена французского художника Э.-О.Каролус-Дюрана. Известна своей дружбой с Марселем Прустом и мемуарами о нем и его времени³.

Брат Марии **Антон (Antoine Scheikevitch)** – человек, судя по отзывам родственников, ничем не примечательный⁴.

¹ Тихонова Нина. Девушка в синем. Москва: Арт, 1992. 368 с.

² Там же. С.79.

³ Scheikevitch Marie. Souvenirs d'un temps disparu. Paris, 1935; *Idem*. Marcel Proust et Céleste // Oeuvres libres. 1960. Mai. № 168.

⁴ О брате и сестре Шейкевича приведем отрывок из письма Андрея Шайкевича Н.П.Рославлевой от 16.09.1962 (РГАЛИ. Ф.2966. Оп.1. Д.390): "...Что касается А.Шейкевича, о котором пишет Станиславский, то это мой

Дочь Антуана **Раймонда** – вышла замуж за Робера Риччи, сына основательницы знаменитого дома моды "Нина Риччи", управление которым он унаследовал. Раймонда была его верной сотрудницей и вдохновительницей, восхищая Париж своей красотой и элегантностью⁵.

II. "Петербургско-парижская" ветвь

Ефим Григорьевич Шайкевич, банкир, один из самых богатых людей предреволюционной России. Перед революцией был директором-распорядителем Петербургского международного коммерческого банка. Он был соседом Леонида Андреева по финскому поселку Тюрсево, и его имя часто упоминается в опубликованных В.Александровым письмах Л.Андреева Н.К.Рериху⁶. В связи с этой публикацией Г.А.Морев, сославшись на мемуары сына писателя, Вадима Андреева (*Андреев В.* Детство. М., 1963. С.151), пополнил скудные биографические сведения о Е.Г.Шайкевиче немаловажной деталью: именно он был тем, кто действительно стоял во главе "Русской воли" – петербургской газеты, литературно-критическим отделом которой Л.Андреев заведовал в 1916–1917 гг.⁷

Его дети от первого брака:

Анатолий Ефимович Шайкевич (1879, СПб. – 1947, Париж) – коллекционер, меценат, литератор (см. о нем ниже).

Федор Ефимович Шайкевич, о котором известно, что в Париже он держал русский ресторан и магазин – в нем довольно долго работала Варвара Шайкевич.

Григорий Ефимович Шайкевич – см. о нем в приведенной ниже цитате из воспоминаний Н.Тихоновой.

Пасынки Е.Г.Шайкевича после его женитьбы на сестре умершей жены:

1. Евгений Густавович Берман (Eugène Berman) (1899, СПб. – 1972, Рим).

дальний родственник, уроженец Москвы. Они все писали свою фамилию через *e*. Звали его Антон, по-французски Антуан, и он ничем особенным не отличался. Сестра его Мария, здравствующая и по сей день, наоборот, была очень блестящей женщиной, дружила с Марселем Прустом, Анатолем Франсом, Полем Валери и др. Она была замужем за знаменитым Каролус-Дюраном, а по профессии далеко не бездарная художница".

⁵ *Чистякова В.* Комментарий к воспоминаниям Н.Тихоновой // *Тихонова Н.* Указ. соч. С.333.

⁶ *Александров В.* Примечания к публикации: "Леонид Андреев. Письма к Н.К.Рериху" // *De Visu.* 1993. № 4 (5).

⁷ *Морев Г.А.* К публикации писем Л.Н.Андреева (*De Visu.* 1993. № 4) // *De Visu.* 1993. № 11. С.93.

2. Леонид Густавович Берман (художественный псевдоним **Леонид** или **Léonid**) (1896, СПб. – 1976, Нью-Йорк).

Поскольку братья Берманы стали известными художниками, и сведения о них можно почерпнуть как в отдельных статьях, так и в монографиях, ограничимся отсылкой к биографическому словарю О.Лейкинда, К.Махрова, Д.Северюхина "Художники русского Зарубежья" СПб., 1999, статьи: *Евгений Берман* на стр. 142 и *Леонид* на стр. 378; обе статьи снабжены библиографией.

III. Семья старшего сына Е.Г.Шайкевича – А.Е.Шайкевича

Первая жена: **Варвара Шайкевич** (в девичестве Зубкова) (1884 – 1950, Париж).

Их сын: **Андрей Шайкевич (André Schaikevitch)** (1903, СПб. – 1972, Париж) – инженер, переводчик, балетный критик.

Дочь Варвары Шайкевич от второго брака с А.Н.Тихоновым: **Нина Тихонова** (1910, СПб. – 1995, Париж) – балерина.

Вторая жена А.Е.Шайкевича: **Клавдия Павлова** – балерина.

Мария Шейкевич, по отзывам ее знавших, была яркой и интересной личностью. Ее литературный салон посещали художники и литераторы, она переписывалась с Анатолем Франсом (переписка опубликована), аббат Монье упоминает ее в своих мемуарах⁸. Но самое главное, чем обязана ей Франция и мировая литература, – организация публикации и продвижение романа Марселя Пруста "В поисках утраченного времени", ставшего классикой XX века и культовым произведением для французов.

Роман, где впервые психологический анализ и поток сознания так явно преобладали над действием, где, собственно говоря, действия самого и не было, а только смакование мельчайших деталей прошлого, оставшегося в воспоминаниях, воспринимался современниками без особого энтузиазма. У многих не хватало терпения его прочесть, эта форма была так нова, что ее воспринимали с трудом, и, например, Анатоль Франс без смущения говорил, что он не прочел его. Неизвестно, каким образом сложилась бы судьба романа и творческая судьба Пруста (а следовательно, и судьба литературы XX века, если учесть то место, которое занимает в ней Пруст), если бы в дело не вмешалась М.Шейкевич. Именно она добилась того, что о выходе "Утраченного времени" было объявлено в большой статье Э.-Ж.Буа в газете "Temps" ("Тан") – одном из самых влиятельных печатных органов того времени. Этой редкой привилегии Мария смогла добиться благодаря своим близким отношениям с

⁸ Тихонова Н. Указ. соч. С.79.

А.Эббаром, редактором газеты. С тех пор Мария стала верным другом писателя – она поддерживала его до самой его смерти, а ее воспоминания стали одним из основных источников для биографии Пруста и всего бурно развивавшегося "прустоведения", в частности ими пользовался А.Моруа для написания одной из лучших биографий Пруста⁹.

Е.Г.Шайкевич и сыновья

Единственным источником сведений о жизни и характере Ефима Григорьевича Шайкевича, главы семьи петербургских Шайкевичей (в разное время и разными путями эмигрировавших после революции и осевших в 20-х годах в Париже), являются уже упоминавшиеся мемуары Нины Тихоновой¹⁰:

...Ефим Григорьевич, по общему мнению современников, был человеком исключительно умным и одаренным. Блистательный, деловой адвокат с репутацией безупречной порядочности, он быстро выдвинулся и занял пост директора Международного Коммерческого банка, отделения которого распространялись по всей России, а также в Париже, Брюсселе, Женеве, Вене и, кажется, в Нью-Йорке. Петербургская финансовая пресса называла его состоянием одним из самых крупных в столице.

Он рано овдовел и женился на сестре своей покойной супруги, Лидии Борисовне, также вдове и матери (от первого брака) двоих сыновей. К трем сыновьям Ефима Григорьевича от первого брака прибавились, таким образом, два пасынка – Леонид и Евгений Берманы. Все три сына Ефима Григорьевича – Анатолий, Федор и Григорий – походили на мать и, в особенности Анатолий, были красивы. Закончив каждый по два факультета Петербургского университета, они проводили свою молодость без всяких материальных забот, заезжая иногда на часок на заседания акционеров крупных предприятий, членами правления которых они числились.

Все трое, как и молодые Берманы, олицетворяли собой просвещенное снобистское петербургское общество.

Младший сын, Григорий Ефимович, был женат на дочери крупного московского фабриканта Свешиникова, Вере Евгеньевне, в семье которой передовые взгляды причудливо смешивались с патриархальными нравами. Вера Евгеньевна, по прозвищу Билька, и ее сестра Лиза, впоследствии жена миллионера Второва, в 90-х годах прошлого столетия жили одни в Париже и учились на медицинском факультете. Эти передовые взгляды не мешали всему семейству, перекочевывающему каждую весну на виллу в Ницце, прихватывать с собой... российскую корову... (французские представительницы этой

⁹ Моруа А. В поисках Марселя Пруста: Биография. СПб., 2000.

¹⁰ Тихонова Н. Указ. соч. С.79–80.

породы не считались достойными "наших деточек"). Г.Е. был умен, культурен, писал стихи¹¹ и отлично играл на скрипке.

Средний сын, Федор Ефимович, не унаследовал талантов своей семьи. Умом он, чтобы не сказать больше, не вышел и обладал к тому же невыносимым характером. Продрав глаза после очередного кутежа, он проводил целый день в расчесывании никогда его не удовлетворявшего пробора и в саркастических замечаниях окружающим.

Вся семья отличалась несокрушимым, беспредельным эгоизмом, который наложил печать на их взаимоотношения, но у Федора Ефимовича бывали изредка какие-то проблески сердечности.

Как ни странно, старик Шайкевич, вращавшийся в самом центре деловых и политических кругов, не верил в возможность революции. Петербург он покинул, не захватив с собой ничего, "на минуточку", переждать в близких Териоках, покада улягутся уличные беспорядки. Там его соседом был Леонид Андреев, который упоминает о нем в своем дневнике.

Перебравшись в Париж, Е.Г. вспомнил про находившееся там небольшое отделение Международного банка. Отделение это существует и по сей день, превратившись в грандиозный "Банк Интернасьональ де Коммерс". Тогда, поделив бразды правления с графом Коковцевым, он стал до своей смерти заведовать этим учреждением. Доходы позволили ему привольно проживать в окружении всей семьи в особняке на авеню Малакоф, переполненном продвунной прислугой под управлением неграмотной, ни слова не говорившей по-французски, но преданной Агафьи, вывезенной из России.

Про то, как крали там повара и лакеи, ходили легенды. Не менее легендарными были способы, которыми, переглядываясь под шумок, молодое поколение тянуло деньги из щедрого старика. Виртуозом выдумки и исполнения был Анатолий Ефимович, выуживавший огромные суммы для заказов у прославленных парижских портных театральных костюмов для жены, танцовщицы Клавдии Павловой. Про свою изобретательность в этих делах он у нас рассказывал с удовольствием, хвастаясь знанием человеческой психологии.

Анатолий Ефимович Шайкевич (1879–1947)

Старший сын Е.Г.Шайкевича получил прекрасное образование¹², но как будто не имел особой необходимости заниматься чем-либо профессионально. Виолончель, европейские языки, путешествия, театр, стихи, коллекционерство и увлечение балетом были для

¹¹ Нам известна только одна публикация стихов Г.Шайкевича: "В белом поле выюга стелется": Стихи // Зеленая палочка (Париж). 1920. № 5/6.

¹² В 1901 г. он окончил юридический факультет Петербургского университета (Российская Еврейская энциклопедия. Т.3. М., 1997. С.351).

него естественным образом жизни. Эстет и философ, дружил с А.Волынским и Н.Бердяевым, бывал в "Бродячей собаке" и вообще в среде петербургской художественной богемы был человеком известным. Остается сожалеть, что мемуарная книга с эффектным названием "Мост вздохов через Неву" не была опубликована, и даже маловероятно, что она была написана: очерк о встречах с М.Кузминым и Ю.Юркуном остался одним из немногих дошедших до нас фрагментов мемуарной прозы А.Шайкевича¹³. Стимулом к его написанию послужила необходимость наполнения интересным и привлекательным для читателей материалом альманаха "Орион", изданного в 1947 г. в Париже самим Шайкевичем, В.Смоленским и Ю.Одарченко. Из своих многочисленных петербургских сюжетов автор выбрал то, что ему казалось наиболее значительным, – обстоятельства знакомства с М.Кузминым, бывшим тогда на вершине своей популярности, и тем самым внес свой вклад в "кузминоведение". Очерк оказался востребованным по мере возрождения интереса к эпохе Серебряного века: в 1991 г. он был перепечатан в журнале "Русская литература" (№ 2, с.104–112). До того этот текст был мало доступен, но известен как место первой публикации стихотворения М.Кузмина "Декабрь морозит в небе розовом...", не печатавшегося при жизни автора, – Шайкевич получил это стихотворение уже в эмиграции как знак благодарности Кузмина за ужин, предоставленный ему Анатолием Ефимовичем в голодном 1918 году.

Очерк написан хорошим литературным языком, не без самолюбования (впрочем, подробное описание обстановки собственного дома на Кронверском, где Шайкевич принимал М.Кузмина, можно истолковать как проявление гордости за собранные там сокровища) и очень информативен как психологическая и бытовая зарисовка – до сих пор он использовался для пополнения сведений о М.Кузмине, ради которого этот текст и писался, но, сместив акцент внимания, мы можем принять на заметку какие-то детали и об авторе текста.

Анатолий Ефимович был своим человеком в театральном и художественном мире дореволюционного

Анатолий Шайкевич

¹³ Известны также его воспоминания о "Бродячей собаке" и "Привале комедиантов": *Аш. Петербургские катакомбы // Театр (Берлин). 1922. № 14.*

Петербурга. Описание поражающих воображение интерьеров его дома на Кронверкском проспекте¹⁴ позволяет судить об изысканном вкусе и материальных возможностях этого денди, объехавшего всю Италию и вывезшего оттуда уникальные произведения искусства. Еще более подробно обстановка квартиры описана в воспоминаниях Нины Тихоновой¹⁵. Супруги Тихоновы с детьми поселились там в 1918 г., чтобы сохранить по просьбе эмигрировавшего владельца его феноменальную коллекцию от разграбления. Родители показывали маленькой Нине эту квартиру как музей, и она запомнила ее до мельчайших деталей.

Задолго до революции А.Е.Шайкевич начал писать о балете (чаще всего под псевдонимом "Ашъ"). Он был завсегдатаем театров и артистических кафе, прежде всего, конечно, прониинских подвалов – "Бродячей собаки" и позже, перед самой революцией, "Привала комедиантов", где под руководством модных петербургских режиссеров составлялись регулярные театральные программы, насыщенные танцевальными дивертисментами. Именно там Шайкевич подружился с танцовщиком и хореографом Б.Г.Романовым. Бабиш Романов, бывший тогда балетмейстером в Мариинке, пользовался репутацией новатора и часть своих постановок осуществлял в "Привале". В начале 20-х годов, уже в эмиграции, Романов, его жена, балерина Елена Смирнова, ее партнер Анатолий Обухов и А.Шайкевич со своей второй женой, Клавдией Павловой, стали организаторами "Русского романтического театра". Финансировал балетную труппу с многочисленным кордебалетом немецкий табачный король Гютчев – поклонник характерной танцовщицы, солистки театра Эльзы Крюгер¹⁶. Краткая, но яркая история "Русского романтического театра", объехавшего с выступлениями всю Европу, заслуживает отдельного повествования. Здесь мы отметим только, что А.Е.Шайкевич был художественным руководителем театра и работал в нем с большим увлечением, а его жена выступала в качестве солистки. К сожалению, это творческое сотрудничество закончилось конфликтом: во время гастролей в Мадриде Клавдия Павлова, разъяренная тем, что ее не представили испанскому королю вместе со всей труппой, покинула театр вместе с Анатолием Ефимовичем¹⁷. В бытность свою художественным руководителем "Русского романтического театра" А.Е. написал совместно с П.П.Потемкиным и Б.Романовым сценарий к балету "Сольвейг" на музыку Э.Грига, но

¹⁴ Шайкевич А. Петербургская богема: М.А.Кузмин // Русская литература. 1991. № 2. С.107.

¹⁵ Тихонова Н. Указ. соч. С.32–33.

¹⁶ Там же. С.60.

¹⁷ Там же. С.85.

его литературные таланты, по-видимому, не ограничивались драматургией: в июле 1920 года он присутствует на оргсобрании парижского Цеха поэтов под председательством И.Бунина¹⁸.

В первой половине 20-х гг. А.Е.Шайкевич работает с организованной при его участии труппой "Русский романтический театр" и ездит с ней на гастроли по Европе, появляясь то в Париже, то в Вене, то в Берлине – тогдашней культурной столице русской эмиграции, где в основном и печатаются его статьи – см. публикацию во втором издании альбома Б.Григорьева "Расея"¹⁹. Статьи Анатолия Ефимовича можно найти в берлинских журналах "Жар-птица", "Театр", "Театр и жизнь".

К середине 20-х годов основные художественные силы после-революционной эмиграции съезжаются в Париж. Шайкевич с женой к тому времени покидает театр и оседает в Париже. В то время, в отличие от большинства эмигрантов, Анатолий Ефимович не нуждался в средствах, тем более что благодаря своему дипломатическому таланту ему удавалось пользоваться деньгами отца, которые он тратил даже на роскошные костюмы для жены (см. приведенную выше цитату из воспоминаний Н.Тихоновой). Его статьи о балете чаще всего публикуются в газете "Возрождение", с которой он постоянно сотрудничал вплоть до начала войны (9–12 декабря 1936 года на чествовании сотрудников "Возрождения" К.Коровина и А.Плещеева он был одним из выступавших с приветственной речью²⁰). В русском Париже тех лет его позиция знатока и специалиста по балету не вызывает сомнений. Он часто произносит вступительное слово или приветствие на балетных вечерах и утренниках, показах балетных студий и тому подобных событиях в мире балета²¹.

Предвоенную деятельность А.Е.Шайкевича как балетного критика увенчало издание книги: *Schaikevitch A. Mythologie du Ballet – "Corrêa"* (Paris, 1939). У нас нет точных данных о его судьбе во время войны и оккупации Парижа, но после войны его публикации появляются на страницах газеты "Русские новости". Книга о Сергее Лифаре – любимом исполнителе Анатолия Ефимовича (судя по вниманию, которое он всегда уделял ему в своих статьях) – вышла уже после смерти автора: *Schaikevitch A. Serge Lifar et le Ballet*

¹⁸ Последние новости. 17.07.1920.

¹⁹ Григорьев Б. Расея (альбом) / Текст А.Толстого, А.Шайкевича, А.Бенуа, Б.Григорьева. Берлин; Потсдам, 1922.

²⁰ Возрождение. 19.12.1936.

²¹ Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1940–1975: Франция / Под общ. ред. Л.А.Мнухина. 3 (7). М.: Русский путь; Paris: YMCA-Press, 2000. С.135, 185, 257.

contemporain (Paris [1950]). Эта книга стала чем-то вроде посмертного памятника человеку, который так много сделал для теоретического осознания истории и развития балета в XX в. Кроме текста самого Шайкевича, в книге помещены два предисловия. Автором одного из них, подписанного инициалами "G.A.", является, по-видимому, Георгий Адамович, хорошо ориентировавшийся в критике вообще, и в балетной критике в частности. Он указывает на своеобразие той балетной критики, которую можно отнести к школе Акимы Волынского. Ее выдающимися представителями мы можем считать А.Е.Шайкевича и А.Левинсона (а также продолжателя этой традиции – Андрея Анатольевича Шайкевича, о котором см. ниже). Второе, точнее первое по порядку, предисловие написано французским академиком Жаном-Луи Водуайе (Jean-Louis Vaudoyer), который признается, что лично не был знаком ни с Волынским, ни с Шайкевичем, но об авторе книги и о главном ее герое, Сергее Лифаре, отзывается в самых возвышенных хвалебных тонах.

О посмертной судьбе наследия А.Е.Шайкевича мы скажем в заключительной части нашего очерка.

Андрей Анатольевич Шайкевич (André Schaikevitch). Сын Анатолия Ефимовича и его первой жены Варвары Шайкевич унаследовал от отца любовь к балету. Однако жизнь его сложилась совершенно иначе, хотя он жил в тех же городах и странах, что и отец.

Андрей Шайкевич

Причиной этой разницы был иной характер или, быть может, иное воспитание, а также – в огромной степени – иные жизненные условия, заданные общественными катаклизмами, потрясавшими Россию и Европу в течение всего XX века. Финансовая обеспеченность и беспечность А.Е.Шайкевича является резким контрастом тому, как складывались обстоятельства жизни Андрея, – и он, и его близкие

часто оказывались на грани нищеты. Тяжелейшие болезни, иногда связанные с условиями работы, выбивали его из колеи. Несмотря на это, он был веселым и доброжелательным человеком, внимательным к друзьям и близким. И внешность его, и манеры отличались

каким-то врожденным артистизмом²². Выразительный портрет брата оставила в своих воспоминаниях Нина Тихонова. Приведем также высказывание Ирины Гржебиной:

*...Пока пишу Вам по поводу Андрюши Шайкевича. Он был большим и долголетним другом всей нашей семьи, и в его честь сестра Елена назвала своего сына Андреем. Шайкевич был исключительно славный, умница, культурный и чуткий человек и, слава Богу, не унаследовал от своего отца какую-то чуть "высокомерную манеру" речи, да и Нинин снобизм, унаследованный от ее матери – восковой куклы – Варвары Васильевны Тихоновой, был ему чужд"*²³.

Брак петербургского богача, красавца и бонвивана Анатолия Шайкевича с 16-летней красавицей Варенькой Зубковой не был удачным. Характер и привычки Анатолия Ефимовича, быть может, не способствовали семейному образу жизни, хотя женился он по любви и в дальнейшем не порывал дружеских отношений с бывшей женой. О Варваре Васильевне Шайкевич мы знаем не так уж много – она все время остается в тени тех ярких мужчин, с которыми ее связывала жизнь и взаимная любовь. Насколько можно судить, она не культивировала собственного амплуа "профессиональной красавицы" и от первого мужа ушла, в основном, для продолжения образования. Неизвестно, был ли развод с А.Шайкевичем зафиксирован официально, во всяком случае, Варвара до конца жизни сохранила фамилию мужа и под таковой вошла в историю. В русской среде гражданские браки не были редкостью, так что брак с А.Н.Тихоновым не обязательно должен был быть подтвержден документами, но взаимоотношения супругов явно базировались на иных началах, нежели роскошная, но безалаберная жизнь с Шайкевичем. Варвара Васильевна была другом и сотрудником Тихонова, что свидетельствует о ее интеллектуальном потенциале и жизненной позиции. Она никогда не выходит на первый план, не претендует на видное место, и на первый взгляд кажется, что это характер вялый и пассивный. Однако эта "восковая кукла" решительно и твердо меняла жизненных партнеров, принимая на себя все последствия этих решений, мудро воспитывала детей в совсем не легких условиях взбаламученного революцией Петрограда и эмигрантского Парижа. Не будем "влезать без галош" в ее личную жизнь и сердечные тайны, которые остались скрытыми и от детей, и от внешнего мира.

Однако коснуться в самом общем виде ее взаимоотношений с Горьким необходимо. Хотя бы потому, что они определили

²² Устное сообщение Андре Гржебина.

²³ Из письма И.Гржебиной М.Пархомовскому от 10.05.1994 (личный архив М.Пархомовского).

дальнейшую судьбу как ее лично, так и ее обоих детей. Известно, что Горький был склонен обращать внимание на женщин из своего ближайшего окружения, – то, что для других являлось моральной преградой, для него, по-видимому, было малозначимым обстоятельством. Так что в том, что он не только не остался равнодушен к красоте жены своего ближайшего сотрудника, но и установил с ней неоднозначные отношения, удивительного ничего нет. Сама Варвара Васильевна либо подпала под обаяние Горького, либо была загипнотизирована его славой первого писателя в мире, но она не только дает волю своему чувству (нужно отдать должное, что именно чувствами она руководствовалась при смене своего семейного положения), но и постепенно начинает официально исполнять роль хозяйки дома Горького, и эта роль молчаливо принимается в ближайшем горьковском окружении. "Железная женщина", Мура Бенкендорф, появившаяся в доме Горького в 1918 году, застала именно такое положение дел и не стала напрямую соперничать. Между тем внешне сохранялась и структура семьи А.Н.Тихонова, который воспитывал Андрюшу и Нину, официально считавшуюся (и бывшую?) его дочерью.

Таким образом, Андрей воспитывался в новой семье матери, время от времени бывая и в семье отца. Воспитание это было мудрым и тактичным, как это видно хотя бы по эпизоду с увлечением Андрея анархизмом, описанном в воспоминаниях Нины. Андрею и Нине все-таки повезло во многих отношениях. С детства они были окружены любовью родителей и бабушки и, кроме того, все время находились в культурнейшей среде людей образованных и увлеченных искусством. Не приходится удивляться, что и Андрей, и Нина, получившие такой мощный культурный и интеллектуальный потенциал в детстве и юности, несмотря на дальнейшие испытания, смогли проявить себя как яркие творческие личности. Через всю их дальнейшую жизнь проходит эта духовная связь с пред- и пореволюционным Петроградом – она проявляется в строе мыслей и характере увлечений, в круге знакомств²⁴.

Несмотря на революционные передрыги и связанные с ними перемещения (об этом – в тех же воспоминаниях Н.Тихоновой), Андрей успел еще в Петрограде с блеском сдать экзамен на аттестат

²⁴ Позднее, уже в парижской эмиграции, семьи Гржебиных, Шайкевичей и Анненковых сохраняли самые близкие дружеские и семейные отношения. Дети учились в рус. гимназии в Булони, старшие присматривали за младшими. Андрей Шайкевич, несмотря на разницу в возрасте, дружил со своим крестником Андреем Гржебиным, непременно приходил на его день рождения; в дни именин и праздников встречались семьями. В этот круг входил также художник Л.Воловик (муж Л.Гржебиной) и его друзья-художники – Мане-Кац, Терешкович и др. (Устное сообщение А.Гржебина.)

зрелости (в 1921 г.). Отъезд Варвары Шайкевич из Петрограда был, безусловно, сопряжен с ее отношениями с Горьким, у которого к тому времени практически уже не было выбора – его идеологические друзья, Ленин и бывшая большевистская фракция, а ныне правящая партия большевиков (не говоря уж о конфликтных взаимоотношениях с Зиновьевым) недвусмысленно выталкивали его из страны. 16 октября 1921 г. М.Горький, его секретарь В.Шайкевич и ее дочь Нина выехали поездом из Петрограда в Финляндию и через Скандинавию доехали до Берлина, где встретились с приехавшими туда через Ригу бабушкой (матерью В.Шайкевич Ю.Зубковой) и Андрюшей. В Берлине быт семьи определялся поддержкой Горького: они смогли поселиться в фешенебельном пансионе, а дети продолжали образование. Поэтому о жизни в Берлине, лишенной бытовых трудностей и насыщенной привычной творческой атмосферой, у Нины (а можно полагать, что и у Андрея также) сохранились самые прекрасные воспоминания. В обширных комнатах пансиона "Штерн" часто собирались многочисленные гости, среди которых был и А.Е.Шайкевич с новой женой, Клавдией Павловой, – они тогда с увлечением организовывали "Русский романтический театр".

Многолетний роман Варвары Шайкевич с Горьким, разрушивший, в конце концов, ее брак с А.Н.Тихоновым, закончился летом 1923 г. Андрей был, по-видимому, в курсе каких-то семейных тайн, которые он хранил до самой смерти и лишь будучи при смерти рассказал Нине то небольшое, что знал о взаимоотношениях своей матери и великого писателя. До того по желанию матери все это (возможно, что и тайна рождения самой Нины) оставалось скрытым от дочери – осталось скрытым и от нас, потому что в воспоминаниях Тихоновой, полных любви ко всем близким людям, мы не найдем никаких сенсационных разоблачений. Кроме, быть может, того банального факта, что финансовая поддержка Горького после разрыва с Варварой практически прекратилась, и переехавшая в Париж семья Шайкевичей (Варвара, ее мать, сын и дочь) должна была резко изменить образ жизни. С большой и, несомненно, заслуженной теплотой и благодарностью Нина пишет о матери – как эта хрупкая и, казалось, беспомощная

Федор Шаляпин

*Надпись на портрете:
«Сердечно на память мило-
му Андрюше Шайкевичу от
Ф.Шаляпина. 1932. Париж»*

женщина, оказавшись в чужой стране, без привычного окружения, среди таких же нищих эмигрантов и, не будем забывать, с разбитым сердцем, хотя и не сломленная душевно, оказалась способной работать на фабрике, на самой примитивной работе, ходить в рваных туфлях и переносить всяческие лишения, особенно когда Андрей умирал от туберкулеза.

Поначалу, впрочем, все было не так уж плохо. Нина продолжила учиться в балетной студии, Андрей – в Сорбонне (где не все шло гладко из-за плохого пока что знания языка). В тот период он частенько бывал в доме деда на avenue de Malakoff. Обеспеченная семья Шайкевичей как будто не проявляла заботы о "сыне большевички" (никого не упрекая прямо, Нина пишет об этом достаточно ясно, и ее указания на присущий Шайкевичам эгоизм, вероятно, имеют в виду именно равнодушие к Андрею), что, тем не менее, не помешало ему подружиться с братьями Берманами и часто бывать в доме деда на Malakoff. На последнем этаже особняка находилась мастерская Берманов, где часто бывали Челищев²⁵ и Кристиан Берар²⁶, составлявшие группу, названную позже "неоромантиками". В те времена все они увлекались авангардом, были молоды, беспечны и неизвестны.

В отличие от обеспеченных братьев Берманов, Андрей должен был заботиться о себе сам, поэтому его увлечение искусством не превратилось в профессиональное занятие. К началу 30-х гг. он уже не учился, а работал на стройке рабочим около г. Тур. 30-40-е гг. были для Андрея очень тяжелыми не только из-за войны и вынужденных скитаний, но и из-за непрерывных тяжелых болезней: в 1932 у него открылся туберкулез²⁷. Но надо было на что-то жить, и он работал то инженером общественных работ, то на фабрике "Ферролит", то электромонтером. При вступлении фашистов в Париж он бежал через Шартр в Тулузу²⁸. Жил также в По, Аркашоне, Монте-

²⁵ Павел Челищев (1898–1957) – живописец, график, сценограф; в эмиграции с 1920 г., с 1942 – гражданин США; работал в США, во Франции и Италии.

²⁶ Кристиан Берар (Christian-Jacques Bérard, 1902–1949) – известный фр. театральный деятель, художник театра и кино, модельер; один из организаторов балета Театра Елисейских полей (Ballet de Champs-Élysées).

²⁷ Состояние его было настолько тяжелым, что в парижской больнице его сочли безнадежным и предложили родственникам забрать больного. Однако русский врач по фамилии Зиви сказал: "Я его вылечу" – и, действительно, в течение года-двух поставил Андрея на ноги. Конечно, здоровье его было сильно подорвано, он часто хворал, особенно под конец жизни, но, тем не менее, вопреки официальному диагнозу, дожил почти до 70 лет. (Устное сообщение Андрея Гржебина.)

²⁸ Он выехал из Парижа вместе с сестрами Гржебиными. (Устное сообщение А. Гржебина.)

Карло. Во время войны он подружился с Михаилом Ларионовым и после кончины художника (в 1964 г.) стал хранителем его архива. Воспоминания о Ларионове помещены в книге Т.Д.Логиновой-Муравьевой (псевдоним – Loguine), ученицы Гончаровой. Андрей Шайкевич активно участвовал в составлении этой книги.

И вот – ресторан "О Пети Сен-Бенуа". Именно здесь я познакомился с Мишей Ларионовым и Натальей Гончаровой. Памятное место, где мы часами просиживали за разговорами.

Потом появился угол улицы Жак-Калло и улицы Сены. Прошло много лет... Я встретил моего друга – он шел с трудом, один глаз неестественно неподвижен.

Мы обнялись.

– Как вы, Миша?

– О, Андре, как бы я хотел пожить еще... Я люблю эту жизнь, ох, как я ее люблю, и вот – она меня покидает...

И, наконец, осенний день, в заброшенном парке, таком романтическом, на улице Фонтене-о-Роз, под сводом из разросшихся веток гигантских деревьев мы шагаем вдоль аллеи, иногда присаживаясь на какую-нибудь каменную скамью.

Мы говорим без конца.

Это была наша последняя встреча. Но о чем мы обычно говорили? Обо всем, потому что ничто не оставляло моего друга равнодушным. У него было множество увлечений, прежде всего театр и балет. Театр, сцена, кулисы...²⁹

По окончании войны Андрей Шайкевич работал инженером-консультантом в промышленной фирме "Вестингауз"³⁰. По-видимому, после войны жизнь Андрея Шайкевича стала полегче. Он неплохо зарабатывал техническими переводами. С 1946 г. он начинает печататься как балетный критик в газете "Русские новости", становится членом правления русского музыкального общества. В 1954 г. выходит его книга об Ольге Спесивцевой, а незадолго до смерти – о Сергее Лифаре (см. приложение к статье).

После войны Андрей жил вместе с сестрой, в квартире на rue de l'Université, 80. Они были очень дружны, а общая страсть к балету объединяла их еще больше. О жизни Андрея Шайкевича после 60-х гг. мы можем кое-что узнать из сохранившейся в архивах его переписки с Н.П.Рославлевой³¹, также балетным критиком. С Рославлевой

²⁹ Loguine T. Gontcharova et Larionov: Cinquante ans à St Germain-des-Prés. Paris: Editions Klincksieck, 1971. P.162.

³⁰ Серков А. Русское масонство 1731–2000: Энцикл. слов. М.: РОССПЭН, 2000. С.881.

³¹ РГАЛИ. Ф.2966. Оп.1.

Андрей обменивался профессиональной информацией – они помогали друг другу уточнять биографические данные танцоров и хореографов, делились мнениями о просмотренных спектаклях. Шайкевич потратил много сил, чтобы выяснить по просьбе своей корреспондентки данные о семье Мариуса Петипа и о нем самом. Эти поиски напоминали детективную историю: он сверял документы, искал свидетельства рождения и смерти, проверял даты и имена на надгробных памятниках. Кроме того, Андрей собирал материалы для книги о русском балете, роль которого в развитии танца, начиная с XX в., считал определяющей. Книга осталась незаконченной. Он умер 29 июня 1972 г. в Париже и похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Нам остается сказать несколько слов о том, как наследие двух выдающихся балетных критиков (Анатолия и Андрея Шайкевичей) воспринималось потомками. То, что оно не было известно в СССР, не требует пояснений. В Париже оба Шайкевича опубликовали большое количество статей о балете на русском и на французском языках и издали каждый по две книги на французском языке. Андрей Шайкевич был, кроме того, одним из основателей единственного во Франции журнала, полностью посвященного искусству танца ("Art et Danse"). Он считался видным специалистом в области балетной критики – об этом свидетельствует приглашение его, среди нескольких французских критиков, на штатную должность в Архив по документации истории танца. Тем не менее во французских энциклопедиях по балету и современному танцу фамилия Шайкевичей фигурирует только в библиографии к статьям "Лифарь" и "Спесивцева". При написании данного очерка и поисках биографических сведений о Шайкевичах нам пришлось столкнуться со многими трудностями, связанными с отсутствием документации и неучтенностью письменных источников по теме. Что ж, основным результатом данной работы можно было бы считать то, что удалось напомнить о талантливой семье, и в том числе о двух балетных критиках, чье наследие достойно изучения. Нам, однако, представляется, что затронутая тема имеет более универсальное и даже базовое значение для нашего понимания истории балета XX в.

Само по себе явление "забывчивости" потомков не новость, тем более что балетный критик – не беллетрист и не эссеист, он пишет о том, что видят на сцене только его современники (это относится ко всей театральной критике, не только к балету). Можно вспомнить еще раз, что театр – явление мимолетное, и не удивляться тому, что никто не издал собрания сочинений одного из Шайкевичей или хотя бы его избранных статей.

Посмотрим на этот вопрос с другой стороны. Роль и престиж русского балета в XX веке известны, об этом написано много концептуальных и монографических работ, не говоря о справочной литературе. Однако балет – это не только исполнители и хореографы. Это целая система, в которой многие элементы жизненно необходимы для ее существования, и историк балета должен отдавать себе в этом отчет, если его интересует не только перечень фамилий, а механизмы и динамика явления. Балетная критика нужна не только современникам, интересующимся балетом, она необходима для создания истории балета, если традиция этого искусства в какой-то степени продолжается. В XX в. Акимом Волынским и его последователями, которыми являлись, прежде всего, Андрей Левинсон и оба Шайкевича, была создана методология балетной критики, способной дать профессиональный анализ и оценку спектаклей и исполнителей³². Их тексты не потеряли своего значения с течением времени: по ним мы судим о развитии балета, которое может в конце концов представиться в несколько ином свете, нежели до сих пор.

Андрей Шайкевич собирал материал для фундаментальной истории русского балета с конца XIX в. до 1925 г.³³ – именно этот период он считал особенно важным и значительным, поскольку в конце XIX в. русский балет достигает небывалого уровня, итальянских солисток вытесняет с русской сцены плеяда замечательных танцовщиц, воспитанных в императорских балетных классах. Вскоре они триумфально завоевывают европейскую сцену, потрясая зрителей своей техникой и артистизмом. Этому сопутствует также и невиданная в Европе сценография, великолепная музыка и авторская режиссура – все то, чем поразили европейских зрителей дягилевские спектакли. Потенциал, накопленный к началу 20-х гг. российский балетной школой, был таким мощным, что произошедший после революции "культурный выброс" русского балета в Европу и иные части света (его носителями были многочисленные эмигранты) полностью изменил лицо мирового балета. Дальнейшая интеграция русских эмигрантов в странах проживания не прервала традиции: благодаря существованию многочисленных балетных школ и студий³⁴ молодое поколение исполнителей воспитывалось в духе

³² Эту методологию, не существовавшую до того в Западной Европе, можно считать разработанной *школой* Волынского.

³³ Это было одной из тем его переписки с Н.Рославлевой, начавшейся в 1962 г. и продолжавшейся до смерти А.Шайкевича в 1970.

³⁴ Только в Париже мы можем назвать с десяток студий, где преподавали мировые звезды балета, такие, как М.Кшесинская, Л.Егорова, О.Преображенская, Н.Балашова, И.Гржебина. В 60-х и 70-х гг. одной из

русской балетной школы. Андрею Шайкевичу не удалось завершить задуманную книгу, однако в случае обнаружения фрагментов рукописи (если они уже существовали в виде рукописи) его концепция могла бы быть представлена на суд читателей и специалистов. Она, кстати, напоминает о том, что балетные школы и студии, где преподавали великие русские балерины, – это также весьма важная тема, изученность которой оставляет желать лучшего.

Анатолия Шайкевича и Андрея Шайкевича часто путают, особенно в тех случаях, когда имя дано только инициалом. Тем более что оба написали по книге о Лифаре (см. приложение). Я совсем недавно наткнулась на шокирующий пример, когда в биографической справке об Андрее Шайкевиче автор, нимало не смущаясь приведенными датами жизни, с уважением пишет о роли Андрея в жизни Санкт-Петербурга периода Серебряного века и с похвалой отзывается о его воспоминаниях о Кузмине (не замечая, что Андрей был в это время подростком). Но путаница случалась и при его жизни. В письме Рославлевой от 6 окт. 1966 г. Андрей пишет о некоем Долине: *"цитируя мою работу, он добавил, что автор уже несколько лет, как умер. Очевидно, он спутал меня с моим отцом. Странно, так как мы с ним неоднократно переписывались по поводу Спесивцевой, очень много, сравнительно недавно, говорили о ней, и, кроме того, он направил ко мне людей, приехавших сюда из Англии для изучения документов для фильма о Спесивцевой. Я им много помог, а в результате попал в покойники. Ну да мне не привыкать стать – это уже второй раз в моей карьере"*.

И, наконец, в связи с тематикой данного издания необходимо сказать о национальном элементе – еврействе семьи Шайкевичей. Увы, мы не располагаем никакими конкретными данными о конфессиональной принадлежности членов семьи. Что же касается психологического и ментального типа Анатолия Ефимовича, то уместно припомнить, что Нина Тихонова определяет его следующим образом: "Все трое [сыновья Ефима Григорьевича], как и молодые Берманы, олицетворяли собой просвещенное снобистское петербургское общество". Поведение, привычки, увлечения, круг общения и интересов (разумеется, в той степени, в какой они нам известны) отца и сына Шайкевичей свидетельствуют об их полной ассимилированности в русской культуре, а после эмиграции – об успешной адаптации в культуре европейской, по преимуществу французской.

То, что все критики, причисляемые к школе Волинского, по национальности – евреи (и, кроме самого основателя, эмигранты), служит иллюстрацией известному факту, что в среде петербургской

самых больших и известных в Париже частных балетных школ была студия сестры А.Шайкевича Нины Тихоновой.

творческой интеллигенции ассимилированных евреев было не так уж мало и что, независимо от нашей оценки самого процесса ассимиляции, для развития русского и, в конечном счете, мирового искусства участие этих талантливых людей в самых разных сферах искусства несомненно оказалось благотворным.

**Приложение: Перечень выявленных нами печатных работ
А.А.Шайкевича (André Schaikevitch)**

Книги:

Schaikevitch A. Olga Spessivtseva. Paris, 1954.

Schaikevitch A. Serge Lifar. Le destin du Ballet de l'Opéra. Paris, 1971.

Статьи в периодических изданиях:

Русские новости (газета, Париж, 1945–1970, выходила по пятницам)

Подпись указана в скобках, кроме тех случаев, когда статья подписана полной фамилией автора – А.Шайкевич.

Звездочкой отмечены статьи, которые находятся в РГАЛИ в виде машинописи (Фонд 1956. Оп.4. Ед.хр.16).

В квадратных скобках текст публикатора.

№ [?], 01.11.1957 – О.Преображенская, слава русского балета. К предстоящему чествованию ее в Париже. – Новый альбом о балете. (А.А.Ш.)

№ 679, 06.06.1958 – Первые спектакли московского балета в Париже. "Ромео и Джульетта" и "Лебединое озеро".

№ 680, 13.06.1958 – Книжки о балете.

№ 846, 18.08.1961 – Ида Рубинштейн. К 1-й годовщине смерти балерины.

*№ 901, 07.09.1962 – М.Кшесинской 90 лет.

№ 904, 28.09.1962 – Балет Баланчина в Европе.

№ 932, 12.04.1963 – Театр–Музыка–Кинематограф. В театре наций.

– Драматургическая антология фламенко.

№ 933, 19.04.1963 – Театр–Музыка–Кинематограф. Сомнительная новинка.

№ 935, 03.05.1963 – Театр–Музыка–Кинематограф. В Театре Наций.

Гастроли Штутгартской оперы: "Тиран Эдип" Карла Орфа. (Par interim К.А.)

№ 936, 10.05.1963 – В Театре Наций. "Пикколо Театро музикалэ".

№ 937, 17.05.1963 – "Севильский цирюльник". – В Театре Наций. Гастроли Королевской оперы. (А.Ш.)

№ 939, 31.05.1963 – Театр–Музыка–Кинематограф. Балетный спектакль. – Вести о Спесивцевой. (А.А.Ш.)

№ 941, 14.06.1963 – В Театре Наций. Спектакли голланд. балетного театра.

№ 958, 11.10.1963 – Театр–Музыка–Кинематограф. Поэт танца. Танцовщик А.Сахаров скончался на 78 году жизни. (А.А.Ш.)

№ 978, 28.02.1964 – Пекинская опера в Париже. (А.А.Ш.)

*№ 995, 10.07.1964 – Балетные заметки.

№ 1017, 11.12.1964 – Балет Киевской оперы в Париже. Первая программа. – [без названия] (А.А.Ш.)

№ 1018, 18.12.1964 – Триумф балета Кировской оперы в Париже – Прием у С.М.Лифаря [без подписи] – Чествование Любви Николаевны Егоровой [без подписи].

№ 1054, 27.08.1965 – Под небом Прованса. Фестиваль музыки в Эксан-Прованс.

*№ 1080, 25.02.1966 – [Сообщение о смерти Жана Витольда].

*№ 1081, 04.03.1966 – Жан Витольд [некролог].

*№ 1086, 08.04.1966 – Балет Ролана Пети.

*№ 1087, 15.04.1966 – "Миражи" С.Лифаря в парижской Опере.

*№ 1093, 27.05.1966 – В Театре Наций. Гастроли Миланского Пикколо театро.

*№ 1113, 14.10.1966 – "Аида" и "Спящая красавица" в Амфитеатре Вероны.

№ 1124, 30.12.1966 – Театр-Музыка-Кинематограф. Балетные заметки. "Балет XX века" – На сцене дворца спорта.

*№ 1130, 10.02.1967 – На парижской сцене. Новый зрительный зал в театре "Одеон".

*№ 1132, 24.02.1967 – Дебют Нанон Тибон в "Лебедином озере".

№ 1147, 09.06.1967 – Новосибирский балет в Париже. "Спящая красавица" в Отель де Роан.

№ 1165, 13.10.1967 – Балетные заметки. 45-й оперный сезон на Аренах Вероны.

№ 1180, 26.01.1968 – Театр-Музыка-Кинематограф. Балетные заметки. – Большой классический балет Франции (А.А.Ш.)

№ 1186, 15.03.1968 – Театр-Музыка-Кинематограф. Мариус Иванович Петипа (к 150-летию дня рождения).

№ 1195, 17.05.1968 – Балет. – Кончина Н.Н.Сингаевского [без подписи].

*№ 1209, 06.09.1968 – 46-й оперный сезон на Аренах Вероны.

№ 1228, 31.01.1969 – Международный конкурс артистов балета в Москве.

№ 1230, 14.02.1969 – Сергей Лифарь вернулся в Оперу.

André Schaikevitch:

Art et Danse (le seul journal consacré entièrement à la danse). Les informations chorégraphiques.

Nr 1 Mars 1959 (p.4) Tamara Toumanova incarne Giselle...

Nr 2 Avril 1959 (p.7) ORPHEE marque une date dans la carrière de Bejart.

Nr 3 Mai 1959 Edmond Rosrand revu par Roland Peti.

Nr 4 Juin-Juillet 1959 (p.4) Les concours de danse du Conservatoire ' A.S. (Schaikevitch ?) (p.6) Soirée au théâtre Récamier

Nr 5 Octobre 1959 (p.6) Le Ballet de Jérôme Robbins.

Nr 6 Novembre 1959 (p.4) Cyrano de Bergerac revu et corrigé.

(XIII année) [1960] Nr 7-8 (p.6) Le Lac des Cygnes (Une grande étude d'André Schaikevitch).

(XIII année) [1960] Nr 9 (p.7) Le Lac des Cygnes II. Retentissement et carrière à l'étranger du ballet de Tchaikowsky.

(XIII année) [1960] Nr 10 (p.4) Au théâtre des Nations. La Musique de Strawinsky a-t-elle consacré Maurice Béjart?

Звездный час «отца современного еврейского театра на идиш» Аврахама Гольдфадена: Париж, 1889–1903¹

Мириам Изабель Нюк (Париж)

Общепризнано, что Авром² Гольдфаден³ является «отцом современного еврейского театра», а также оперетты на идиш. История его жизни совпадает с первыми этапами истории современного еврейского театра: его странствия по Северной Америке и по Европе содействовали созданию первых и главных мировых центров еврейской сцены⁴.

Аврахам Гольдфаден

Авром Гольдфаден родился 12(24) июля 1840 г. в Староконстантинове (Украина), а умер в Нью-Йорке 9 января 1908 г.⁵

Он вышел из семьи *маскилим* (сторонников светского знания), но получил традиционное еврейское образование в хедере. Одновременно он изучил основные сочинения, связанные с еврейским Просвещением (*хаскала*). Затем Авром обучался в одной из самых престижных йешив Украины – в Житомире. Именно в этом городе он встретился с одним

¹ В основе настоящего текста лежат материалы диплома автора: *Nuk M.I. Le théâtre yiddish en France: Mémoire de DEA / Section des Etudes hébraïques et juives, Institut National des Langues et Civilisations Orientales (INALCO). Paris, juin 2001. 130 p.* Статья написана на французском, перевод – автора.

² Полное имя Аврахам (см.: КЕЭ. Т.2. Стлб.163; *примеч. ред.*).

³ Автором все фамилии были написаны согласно ашкеназскому произношению, что оговаривалось отдельно. Те из них, которые существуют в доступной справочной лит. на рус. яз., приведены в соответствие с уже принятым написанием. (*Ред.*)

⁴ *Zylbercweig Zalmen. Leksikon fun yidishn teater. 5 t. [S.n.], 1931-37 (идиш).*

⁵ *Yiddish drama // Encyclopaedia Britannica.*

<http://britannica.com/bcom/eb/article/printable/1/0,5722,80061,00.html>

из братьев, вошедших в историю как «Бродер Зингерс»⁶. Нахмен познакомил его с песнями великих еврейских трубадуров – Берла Бродера (Berl Broder) и Вольфа Збаржера (Wolf Zbarzher).

В 1862 г. в Одессе Гольдфаден опубликовал свою первую песню на иврите в газете «Ха-Мелиц» («Ha-Melitz»), а в 1865 – уже целый сборник, и еще год спустя – другой песенник на идиш. С того времени еврейская публика ласково называла его «Авромом Бадхэном», что в переводе дословно – «бард Авром».

С 1866 г. Гольдфаден преподавал несколько лет в школе в Симферополе. Затем поселился в Одессе, где в 1869 г. вышло в свет его первое драматическое произведение «Ди Идене» («Di yidene» – «Еврейка»), которое в действительности было сборником скетчей. И один из них – «Mume Sossi» – очень походил на пьесу Шлойме Эттингера «Сиркеле»⁷.

В 1875 г. Гольдфаден решил поехать в Мюнхен, где поступил на медицинский факультет, но через некоторое время оставил учебу.

Два раза он пробовал силы в журналистике, но каждый раз безуспешно. Так, в Лемберге, где Гольдфаден проживал после Мюнхена, он вместе со своим старым другом Ицхоком Йозлем Линецким⁸ основал еженедельник на идиш «Isroëlik», в котором защищались концепции Просвещения. К сожалению, через полгода они были вынуждены остановить издание. Позже, в Черновцах, Гольдфаден повторил попытку, но его новое периодическое издание существовало лишь три месяца.

После этого провала Гольдфаден переехал в Румынию, в Яссы. Ему казалось, что там он найдет много читателей. Он быстро стал известной личностью в еврейском обществе этого города, особенно в кругах *маскилим*.

⁶ Broder Zingers – два брата – бродячие актеры из г. Броды в Румынии. Выступали в первых *кафешиантах* в Румынии и в Российской империи в духе *Pourim-shpilers* (*Пуримшпильн*): играли скетчи и пели юмористические песни. Но это еще не были настоящие спектакли. По другой версии, Бродер Зингерс поселились в Яссах в 1868 г., где они выступали в спектаклях до приезда Гольдфадена в этот город. Они встретились с ним только в 1876 г., и тогда вместе создали первую профессиональную театральную труппу на идиш.

⁷ Доктор Shloyme Ettinger (1803?–1856) является одним из первых евр. драматургов. Вместе с Ицхаком-Бер Левинзоном (Isaac-Ber Levinsohn), Абрахамом-Бером Готтлобером (Abraham-Ber Gottlober) и Менделе Мойхер Сфоримом (Mendele Mokher Sforim) он модернизировал еврейскую сцену.

⁸ Yitzhok Yoël Linetski (1839–1915) написал антихасидский рассказ «Дос пойлише ингль» («Dos poylishe yingl») – «Еврейский мальчик в Польше» (1869), который оставил след в литературе еврейского Просвещения на идиш.

В первый раз Гольдфаден вышел на сцену в 1862 г. Он исполнил тогда главную женскую роль Сиркеле в самой известной сатирической комедии Шлойме Эттингера. Явная склонность к сцене побудила его в дальнейшем играть в собственных пьесах.

Премьеру его спектакля в саду трактира «Зеленое дерево» в Яссах можно оценить как полупровал. В значительной степени это объяснялось плохо поставленным голосом Гольдфадена. Но он не терял надежды и обратился к бродячим актерам, среди которых были оба Бродер Зингерс, Исроэл Гроднэр (Isroël Grodner) и Мойше Финкл (Moyshe Finkel). Таким образом Гольдфаден смог осуществить свою мечту и создать первую профессиональную еврейскую драматическую труппу, руководство которой он взял на себя. Сам Гольдфаден, как правило, играл главную роль в своих произведениях. Кроме сочинения текстов и музыки, он также работал над декорациями и костюмами.

Афиша оперетты
Гольдфадена «Шуламит»

Вначале его скромная труппа исполнила комическую импровизацию в двух действиях по музыкальному скетчу самого Гольдфадена. Эта инициатива понравилась публике, что поощрило актеров продолжать в том же духе.

Гольдфаден искал исполнителей прямо в городах, где гастролировала его труппа. Некоторые из найденных им актеров стали в дальнейшем звездами театра на идиш – **Яков А. Адлер** (Jacob P. Adler), **Давид Кэслэр** (David Kessler), **Кэни Липизин** (Keni Lipyzin), **Зигмунд Могулеско** (Sigmund Mogulesko), а также **Арон Розэнблум** (Aaron Rosenblum) и **Захар Голдштейн** (Zakher Goldstein).

Поначалу Гольдфаден был вынужден сам играть женские роли. Возможно, поэтому он оказался первым театральным директором, который пригласил в свою труппу актрису. Софию Карп Гольдфаден встретил на гастролях. Чтобы сохранить респектабельность всей труппы, он вынужден был пообещать ей, что у нее будет муж и бракосочетание произойдет по еврейскому закону. Так Соня Карп вышла замуж за Захара Голдштейна – единственного холостого актера труппы – и официально стала первой актрисой на еврейской сцене.

Всего Гольдфаден сочинил для труппы около шестидесяти музыкальных комедий, которые всегда имели большой успех.

Его творения быстро приобрели популярность в рамках нарождавшегося драматического репертуара. Для великого актера Зигмунда Могулеско он написал «Шмендрик» («Shmendrik», 1877) и «Куни-лэмл» («Kunileml», 1880). А музыкальный аккомпанемент к ним принадлежит самому Могулеско. Среди его самых известных пьес можно назвать «Шуламис» (1880), «Бар-Кохбе» (1887), «Колдунья» (1887) и «Бэн-Ами» – драма, восходившая к «Даниэлю Даронду» Джорджа Элиота.

Карол Янку отмечает влияние румынского театра на творчество Гольдфадена. Исследователю удалось выявить много общего между пьесами «Шмендрик» и «Колдунья» Гольдфадена, с одной стороны, и «Маленький Влад мамы» и «Старая карга» Матея Милло – с другой⁹.

Труппа быстро стала популярной у еврейской публики. 29 апреля 1877 г. в первой ежедневной газете на идиш «Юдишер телеграф» («Yudisher Telegraph») сообщалось о приезде труппы в Бухарест на двенадцать представлений.

Театральное движение быстро распространялось по всей Румынии. Михаил Эминэску (1850–1889), один из крупнейших румынских поэтов, едва ли не первым понял, какой культурный потенциал таит в себе создание театра на идиш. Он опубликовал несколько лестных критических статей о работе Гольдфадена и с энтузиазмом превозносил достоинства актеров¹⁰.

Многие другие артисты, часто бывшие члены труппы Гольдфадена, в свою очередь организовывали театры и ставили пьесы, которые нравились румынской еврейской публике.

Около шести лет труппа Гольдфадена гастролировала по Румынии и России. Но в 1882 г. царское правительство запретило любые культурные мероприятия на идиш на всей территории империи. Тогда в России играло около пятнадцати трупп, и, следовательно, все они были вынуждены прекратить свою деятельность. Многие драматурги и актеры эмигрировали во Францию, Англию или Америку. Гольдфаден временно поселился в Варшаве.

В 1887 г. он попытал удачи в Соединенных Штатах, куда уехал с актерами своей первой труппы. В Нью-Йорке они вновь создали театр, в котором Гольдфаден продолжил работу в качестве художественного руководителя, драматурга, композитора, продюсера и режис-

⁹ *Iancu Carol. Les Juifs en Roumanie: De l'exclusion à l'émancipation: 1866–1919. Aix-en-Provence: Ed. de l'Université de Provence, 1978. P.147 (Etudes historiques. № 4).*

¹⁰ *Eminescu M. Articole si traduceri. Bucarest: Minerva, 1974. P.191. No visu, см.: Iancu Carol. Op. cit. P.147.*

сера, но встретил сильное сопротивление и, в конце концов, через два года после приезда, был вынужден отказаться от своего театра.

Отметим здесь, что первую пьесу на иврите «Давид на войне», которая была поставлена на нью-йоркской сцене в 1904 г., сочинил Гольдфаден. А еще за пять лет до приезда Гольдфадена, летом 1882 г., нью-йоркскую публику очаровала одна из его главнейших пьес на идиш – «Колдунья». Это был первый профессиональный спектакль на идиш в Соединенных Штатах. В «Тюрнер Холл» («Turner Hall») главную роль блестяще исполнил молодой еврейский актер с Украины Борис Томашевский. (Впоследствии он прославился как один из самых способных актеров своего поколения. Томашевский также создал «People's Theater», где ставил пьесы Гольдфадена.)

После неудачи, постигшей его в Америке, Гольдфаден переезжает в Лондон, но там тоже сталкивается с полным непониманием со стороны и актеров, и публики. Затем – Париж, и здесь 15 лет (с 1889 по 1903) ему сопутствует удача. Потом он еще вернется в Нью-Йорк, где и закончит свой жизненный путь в 1908 г., но Париж навсегда останется его вторым звездным часом.

Еврейский театр на идиш в Париже. Начало

«Язык, несомненно, держит иммигрантов на расстоянии, но он одновременно крепит узы сообщества. Идиш процветал в квартале еврейских иммигрантов, и еврейский театр на идиш появился в Париже во времена "Belle Époque"»¹¹.

Появление театральной жизни на идиш в Париже связывают с именем писателя Исроэля Аксенфелда (Isroël Axenfeld, 1787–1866)¹². Этот автор, принадлежащий движению Просвещения, относится к числу первых еврейских драматургов. По профессии он был юрист – работал адвокатом и нотариусом. В 1864 г. поселился в Париже, где жил его сын – известный врач, профессор Сорбонны. Аксенфелд умер в 1866 г., через два года после приезда в столицу. Его перу принадлежит много пьес, но, к сожалению, те из них, которые остались в рукописях, исчезли. Среди его драматических произведений стоит запомнить «Dos Shterntikhl» («Головной шарф»; Лейпциг, 1861), «Man un vayb, shvester-brider» («Муж и жена, сестры-братья») – пьеса, посмертно опубликованная в Одессе в 1867 г., и особенно «Der yidisher rekrut» («Еврейский рекрут»,

¹¹ Green Nancy. Les travailleurs immigrés juifs à la Belle Époque: Le «Pletzl» de Paris. Paris: Fayard, 1985. P.108. (L'espace du politique).

¹² Kornhendler Yekhezkiel. Der yidisher teater in Pariz // Hundert yor yidisher teater in Pariz / Dir. Y. Kh. Klinger. Londres, 1962. P.18–25. (Идиш.)

первоначально «Rekrutn» – «Рекруты»; Лейпциг, 1861), которая торжественно открыла парижскую еврейскую сцену и затем ставилась несколько раз в течение всего XX века.

Но возникновение во Франции еврейского театра на идиш действительно высокого уровня связано с приездом в Париж Аврома Гольдфадена.

Он приехал в 1889 г. И поначалу жил в крайней нужде в квартале Passy на rue de Siam в XVI округе. Его длинный плащ и цилиндр шокировали соседей, но прежде всего скрывали от них его нищету¹³.

Он сразу же основал профессиональную актерскую труппу, которую назвал «Русский еврейский драматический клуб» («Club dramatique israélite russe») и стал ее руководителем. Репетиции проходили в одном из залов XVIII округа. Гольдфаден был отменным педагогом и администратором, но он также доказал, что обладает способностями композитора, декоратора, костюмера. А во время представлений в театре на rue de Lancry или в Folies Rochecouart выполнял обязанности суфлера.

В музыкальных комедиях – своем основном жанре – Гольдфаден соединяет библейские или фольклорные сюжеты, представляя их в праздничном духе, с более современными темами, характерными для еврейского Просвещения. Социальная сатира и насмешка, типичные *Пуримштил*¹⁴, были поставлены на сцене в опереттах с мелодраматической ноткой.

Юмор и музыка – неотделимые элементы его пьес. Гольдфаден является основателем музыкальной традиции на еврейской сцене. Он особенно настаивал на необходимости для актера умения петь и танцевать.

Музыка, безусловно, делала пьесы более доступными для публики, состоящей главным образом из рабочих, и гарантировала приятные минуты отдыха. Поэтому она занимала основное место в спектаклях Гольдфадена, и с того времени ее важность в еврейском театре никогда не ставилась под сомнение.

Гольдфаден находил вдохновение в традиционной еврейской музыке, а также ориентировался на творчество великих европейских

¹³ Kornhendler Yekhezkiel. Op. cit.

¹⁴ *Пуримштил* – небольшой комический спектакль. Ставится в праздник *Пурим* в память описанной в Библии победы царицы Эсфирь и ее дяди Мордехая над министром персидского царя Артаксеркса Хаманом (Аманом), который намеревался уничтожить еврейский народ. Выбирали первых актеров-любителей этих *Пуримштил* среди учащихся талмудических академий.

композиторов. Так, в его опереттах можно узнать целые пассажи партитур Мейербера, Вебера, Бизе, Вагнера, Генделя, Моцарта и Верди.

Шедевры Гольдфадена «Шуламис» и «Бар-Кохбе» имели большой успех в Париже. Но, несмотря на это, наступил момент, когда популярному драматургу пришлось навсегда покинуть Францию после двух коммерческих провалов. Труппа выступала еще несколько месяцев после отъезда своего директора.

В своих статьях Гольдфаден объясняет, что, основав театр на идиш, он желал «вывести еврейские массы из оцепенелости, учить их истории и оживить в них национальную гордость».

Это, очевидно, и составляет основу его драматургической концепции: театр позволял ему не только переосмысливать традиционное культурное наследие и использовать фольклорные мотивы, но и распространять свои политические убеждения.

Можно считать, что он достиг своей цели, ибо его работа оставила глубокий след в еврейской театральной жизни Парижа. Труппы, которые ему наследовали на сцене, сохранили память о его искусстве и регулярно ставили его пьесы в течение всего XX века. Даже если некоторые руководители еврейского рабочего движения иногда сомневались в национальной направленности произведений Гольдфадена (а пьеса «Бар-Кохбе», например, явно защищала сионистские позиции), его работы всегда привлекали французскую публику.

Некоторые его песни стали так популярны (например, «Rojnkes mit mandlen» – «Изюм с миндалем» – колыбельная песня из оперетты «Шуламис»), что их часто считают народными.

Пьесы Гольдфадена постоянно включались в репертуар знаменитых театральных трупп, гастролировавших в Париже в 20-е годы – золотой век еврейского театра на идиш.

В 1924 г. труппа Мориса Шварца (Maurice Schwartz), основателя известного Еврейского художественного театра в Нью-Йорке, сыграла около дюжины пьес на сцене театра Эдуарда VII. Она имела большой успех в Париже в течение нескольких недель подряд. В первую очередь труппа играла «Di tsvey Kunileml» Гольдфадена, пьесу, описывающую вынужденный брак в хасидской среде.

Сцена из спектакля
«Сон Гольдфадена»

По А. Гольдфадену
и И. Мангеру

Парижский еврейский
театральный
ансамбль (1964/65)

В 1928 г. парижская публика встретила овациями известную труппу Александра Грановского *ГОСЕТ* (Государственный еврейский театр), он же – Московский камерный еврейский театр. Спектакли, которые она привезла в Париж, произвели настоящий переворот в искусстве постановки и театрального исполнения.

Звезда этой труппы – знаменитый актер Шломо (Соломон) Михозлс прославился в пьесах «Колдунья» Аврома Гольдфадена, «Выигрыш» Шолом-Алейхема и «Путешествия Бенджамена III» Менделе Мойхера-Сфорима.

Многие большие и менее крупные парижские труппы возобновляли, каждая в свое время, постановку пьес Гольдфадена. Можно привести в качестве примера работу режиссера Иосифа Шейна¹⁵, второй спектакль которого в Париже был – «Колдунья». Но эта постановка не имела большого успеха: она игралась лишь 13 раз в театре «Антрепо» («*Théâtre de l'Entrepôt*»).

В 1947 г. Еврейский художественный театр («*Yidisher Kunst Theater*», *YKUT*) поставил пьесу «Сон Гольдфадена», представлявшую собой монтаж текстов А.Гольдфадена, И.Мангера (*I.Manger*), Г.Эйнбиндера (*G.Einbinder*) и Б.Фенцера (*B.Fentzer*). Режиссером был Яков Ротбаум (*Jacob Rotbaum*). «*Ensemble théâtral juif*» в Париже («Парижский еврейский театральный ансамбль») вновь с блеском играл этот спектакль в 1964-65 гг.

Как видим, пьесы Аврома Гольдфадена живут на протяжении всей истории мирового еврейского театра – от эпохи его создания до нашего времени. Они входят в репертуар самых известных трупп.

И не забудем о другой роли этих произведений: они не только доставляли радость публике, но и стали школой для многих актеров и трупп. Многие театральные коллективы создавались, играя эти пьесы. Следуя примеру их замечательного создателя, новые поколения актеров отдавали свое искусство зрителям, сохраняя идеалы и ценности Аврахама Гольдфадена, которые были дороги им самим.

¹⁵ Выхав в 1959 г. в Израиль, Иосиф Шейн в 1962 г. переехал в Париж. В Москве он был студентом Александра Грановского, а также работал с Соломоном Михозлсом и Марком Шагалом. См. его театроведческие сочинения, носящие отчасти мемуарный характер: Вокруг еврейского театра. Париж: Полиглот, 1964; Актер на камне. Нью-Йорк, 1967; Еврейский театр между двумя мировыми войнами. Нью-Йорк, 1974. (См. также: Шейн Иосиф // Рос. евр. энцикл. Т.3. М.: Эпос, 1997. С.381, где имеется библиография. – *Примеч. ред.*)

Татьяна Высоцкая, сестра Георгия Адамовича (по воспоминаниям Т.Высоцкой)

И.Обухова-Зелиньска (Варшава–Москва)

Сестра Георгия Адамовича Татьяна (в замужестве Высоцкая) до последнего времени не привлекала внимания литературоведов или историков культуры периода Серебряного века¹, хотя уже тогда, в эти последние 5–6 лет перед революцией, была известной танцовщицей, владелицей танцевальной студии, хозяйкой литературного салона и, наконец, просто очаровательной девушкой, в которую влюблялись поэты и музыканты. Как театральный деятель она принадлежит в основном истории польского театра (в частности – балета), что и отмечено в соответствующих энциклопедиях. В русскоязычных же тек-

Татьяна Высоцкая

стах ее имя изредка мелькало в воспоминаниях тех, кто был причастен к художественной жизни предреволюционного Петербурга², чаще всего в связи с ее ролью в жизни Гумилева – роман с поэтом был замечен. Вышедшая в 1916-м книга его стихов "Колчан" была посвящена Татьяне. В то время она была в самом центре культурной жизни столицы – в их доме собиралось много известных людей и талантливой молодежи. Всем им вскоре было суждено испытать на себе всю тяжесть обрушившегося на Россию общественного катаклизма. Часть гостей салона Адамовичей погибла в круговороте ужасных событий Гражданской войны, голода и разрухи, часть эмигрировала – их имена упоминались в СССР поначалу в самом негативном контексте, а позже перестали упоминаться вообще. Оставшиеся должны были в той или иной форме вписаться в советскую жизнь и не стремились афишировать свои "буржуазно-декадентские" знакомства. Имя Гумилева после расстрела стало практически табуировано, как и все, что было с ним связано. Так что воспоминания (а также письма, дневники и подобные личные документы) людей этого круга, если и были написаны и сохранились, то

лишь в исключительно редких случаях стали достоянием широкого круга читателя в свое время. Многие тексты этого рода вошли в научный оборот лишь в самое последнее время или до сих пор ждут публикации.

Сама Татьяна еще в 1916 году вышла замуж за Стефана Высоцкого – поляка-петербуржца, вместе с которым выехала в Польшу в 1918-м. В Польше Высоцкие стали людьми известными – основанная ими танцевально-музыкальная школа, где преподавание велось по системе Далькроза, усовершенствованной и дополненной ими, пользовалась успехом. Кроме того, артистическая деятельность Татьяны была напряженной и разнообразной. Прожив долгую жизнь, она оставила яркий след в искусстве как танцовщица, хореограф, педагог и организатор театральных и балетных трупп, а также как историк балета и автор нескольких книг на эту тему. В Варшаве она была очень известна как исполнительница, балетмейстер и педагог, а ее ученицы гастролировали по всей Европе. Однако до Второй мировой войны отношения СССР с Польшей были достаточно напряженными и отнюдь не располагали к активному культурному обмену. Впрочем, даже если кто-то и был в курсе польской театральной жизни и слышал о деятельности Татьяны Высоцкой, то далеко не всегда знал, кто она и откуда. Что касается послевоенного времени, то польским читателям вышедших в 1962 г. "Воспоминаний" Т.Высоцкой очень мало что говорили имена Г.Адамовича, С.Волконского, Д.Бушена, да и самого Гумилева, который, кстати, упоминается там всего лишь раз. Ну, а у большинства русских читателей, если они вообще обращали внимание на мелькнувшую в тексте фамилию, оставалось впечатление, что это еще одна из барышень Серебряного века, так в нем и оставшаяся. Как видим, это не так. Татьяна действительно была незаурядной личностью, одаренной и разнообразными талантами, и волей к их реализации.

Нам осталось только выяснить, почему очерк о петербургской танцовщице, переселившейся в Польшу и вскоре начавшей там блистать в танцевальных ревю и дивертисментах, оказался помещенным в очередном выпуске "Русского еврейства в Зарубежье", посвященном Франции. Ведь, по видимости, Т.Адамович-Высоцкая не была ни эмигранткой, ни еврейкой, ни жительницей Франции. Видимость в данном случае (как и во многих других) оказывается обманчивой.

Начнем с эмиграции. После революции эмиграция интеллигенции из Петербурга осуществлялась разными путями и под разными предлогами. Оформлялись командировки за свой счет с разными диковинными целями, воссоединялись несуществующие се-

мы, восстанавливалось или приобреталось гражданство любой другой страны, в которую можно было выехать. Польское гражданство Стефана Высоцкого, мужа Татьяны, не было поддельным, но Польша только-только обрела независимость, а супруги жили в Петербурге, как и их родные. Даже после назначения С.Высоцкого чиновником в консульство Польши в Москве устроить ему выезд из России оказалось непросто, хотя, в конце концов, этого удалось добиться, и Высоцкие выехали легальным путем. В Варшаве жизнь начиналась с нуля, и, таким образом, по сути это была, конечно, эмиграция, а не просто переезд в другую страну.

Чуть позже родственники Татьяны выехали во Францию. Судьба ее брата Жоржа известна: начинающий поэт-акмеист в Петербурге–Петрограде, он вскоре стал самым влиятельным литературным критиком русского Парижа. Остальные члены семьи – мать, старшая сестра, тетя – жили в Ницце, где как раз у тети³ еще с дореволюционных времен была собственная вилла. С Францией, таким образом, оказалась связана и личная, и, как мы увидим, профессиональная судьба Т.Высоцкой.

Наконец, еврейство. С национальностью Адамовичей этого поколения дела обстоят не так просто. Будучи русскими по культурной принадлежности и по воспитанию, они, как и многие граждане империи, были потомками людей разных национальностей. Сообщение о еврейском происхождении матери Татьяны и Георгия Адамовичей исходит от Н.Берберовой⁴, которая называет и девичью фамилию матери (Елизавета Семеновна Вейнберг, в замужестве Адамович), и рассказывает о том, что брак этот вызвал в свое время скандал в Вильне⁵. Девичья фамилия матери подтверждается пока неопубликованными документами из архивных фондов РГБ и ЦГВИА.

В своих воспоминаниях (они были изданы на польском языке в Варшаве в 1962 г.), являющихся основным источником биографических сведений о ней самой и о детстве и молодости ее брата, Высоцкая сообщает о родителях следующее:

Отец был поляком, а Мама – русская. Собственно говоря, со стороны отца Мамина бабушка была итальянкой, а дед – поляком, но уже Мамины родители и по воспитанию, и по образованию были русскими. Мама в самой малой степени знала польский, и нашими домашними языками были русский и французский⁶.

После этого следует забавный рассказ о том, как отец решил, что дети должны научиться польскому языку, и пригласил с этой целью на лето выпускницу Московского университета, польку. Однако панна Станислава оказалась яркой феминисткой и по

каждому поводу подчеркивала превосходство женского пола: на уроках она всегда ставила Татьяну в пример Жоржу, что смешило их обоих, так как Жорж с детства выделялся своими умственными способностями и начитанностью. Так что если в семье и были какие-то проблемы, связанные с национальностью, то скорее это была забота о сохранении своих польских корней. Татьяна пишет воспоминания очень спокойно, никогда не драматизирует ситуации (даже оккупация и смерть любимого мужа описаны очень сдержанно), поэтому поневоле привлекает внимание ее радостно-взволнованный тон, когда она пишет о получении Польшей независимости после революции, — чувствуется, что это было для них событием особой важности. От еврейской среды она была до такой степени далека, что вскоре после приезда в Варшаву в 1918 г. с ней произошел забавный случай. Она сразу начала ходить на прогулки, чтобы узнать Варшаву получше. Делилась с мужем впечатлениями: "Ты знаешь, в Варшаве есть итальянский квартал". — "Как это? Что ты говоришь?" — "Ну да, люди такие темноволосые, смуглые и говорят не по-польски". — "А ты заметила, какая это была улица?" — "Конечно. Там было написано — Налевки"⁷.

Собственно говоря, не было ничего удивительного в том, что мать скрывала свое еврейское происхождение, даже весьма отдаленное. Генерал Адамович занимал довольно высокое положение в социальной иерархии, и вряд ли родители хотели создавать детям трудности, которые неизбежно возникли бы в той среде, в которую им предстояло войти. В дальнейшем мы увидим, что именно родители матери были против того, чтобы Татьяна стала профессиональной танцовщицей: они не считали петербургскую богему, кстати, весьма равнодушную как к расовым, так и к конфессиональным проблемам, подходящей средой для девушки "из хорошего дома", смолянки и т.д.

Возвращаясь к "Воспоминаниям" Т.Высоцкой, отметим еще раз, что они не только написаны прекрасным языком, в них, помимо этого, чувствуется та привитая с детства культура сдержанности, жизненная установка, не позволявшая впадать в мелодраму, захлебываться восторгами или отчаянием (это то, что так отличало петербуржцев и "европейнок нежных" от остальных современников; ставшее уже банальным сравнение именно такой поведенческой модели, в высшей степени свойственной Ахматовой, со стилем, например, Цветаевой, усвоившей с детства "вседозволенность" и бесконтрольность, хорошо иллюстрирует эту черту). Продуманная композиция и элегантные формулировки не дают возможности понять, были ли определенные умолчания (неизбежные

по тем или иным причинам в любых мемуарах) следствием требований цензуры (непосредственных или предполагавшихся), вмешательства редактора или авторской воли. Разумеется, нам, умирающим от любопытства потомкам, хотелось бы знать больше, но умудренная жизненным опытом Татьяна умело и даже изящно обходит любые острые углы и скользкие места. Для иллюстрации приведем несколько примеров, небезынтесных для читателя и имеющих значение для дальнейшего изложения. Высоцкая ни словом не упоминает о своем романе с Гумилевым⁸, между тем он продолжался почти два года и отличался от остальных многочисленных увлечений поэта серьезностью и "приличностью" (Татьяна была хорошо воспитанной барышней). Так же тактично она обходит вопрос о разительных изменениях в атмосфере не только политической жизни новой Польши, но и, прежде всего, в очень близкой ей театрально-художественной среде. Все встречи с советскими людьми описаны кратко, но в самой благожелательной тональности. В данном случае трудно было бы ждать иного – в 1962 году другая тональность просто сделала бы выход книги невозможным, но звучат эти фрагменты очень искренне и естественно.

Наиболее разительным и одновременно досадным примером "исторической фальсификации" в тексте Высоцкой является дата ее рождения. В польских энциклопедиях неизменно сообщается, что Т.Высоцкая родилась в Москве 31 января 1894 года⁹ или, в кратком варианте, даются даты рождения–смерти: 1894 – 1970¹⁰. Между тем документы (в частности, послужной лист генерала Адамовича) свидетельствуют, что настоящая дата ее рождения – 18 января 1891 года¹¹. Если расхождение в дне рождения объясняется переводением даты на европейский календарь, то есть, дата дана по новому стилю¹², то изменение года, скорее всего, объясняется обычным человеческим тщеславием и желанием хоть так "убавить" себе лет – для артистки это более, чем объяснимо¹³. Однако необходимость скрывать урезанные три года привела к заведомым неточностям в тексте мемуаров. Излагая почерпнутые в них сведения, мы не будем более останавливаться на этой деликатной проблеме. Несмотря на указанные особенности, объемная и подробная книга воспоминаний содержит множество сведений, позволяющих не только хотя бы в некоторой степени восполнить "информационный пробел" в области истории Серебряного века, но и расширить наши знания о пространстве эмиграции первой волны.

В течение многих лет советская критика делала вид, что эмигрантской литературы не существовало и не существует. Те имена, которые было невозможно скрыть (Бунин, Цветаева), – только

исключения. И Г.Адамович, и Г.Иванов даже если и упоминались в советских текстах, то крайне редко и, как правило, весьма пренебрежительно. Таким образом, когда в конце 80-х началось "обвальное" возвращение широкому читателю в метрополии литературных классиков либо эмигрантского происхождения, либо раннесоветского (выпавших из канона по причине расстрела, ссылки и т.д.), то поначалу они оказались почти без биографий. Причем эмигрантские биографии в своем большинстве плохо изучены до сих пор, даже в том случае, когда речь идет о классиках первого ряда (не собраны документы личного плана – письма, дневники, не верифицированы воспоминания современников и собственные мемуары, если они были написаны, не определен круг общения). Г.Адамович – характерный пример как раз этого ряда. Поэтому даже краткие сведения о его семье, детстве, петербургской молодости уже представляют интерес. Что касается универсальной истории театра первой эмиграции, которая должна была бы учесть продолжателей русских традиций в театрах разных стран и народов, то она еще не написана. Татьяне Высоцкой в этой истории должно принадлежать заслуженно значительное место.

Московское детство описано Татьяной с очень теплым чувством. Январь 1899 года. Большой театр, "Спящая красавица" Чайковского. Малолетняя Таня потрясена увиденным на сцене и решает стать танцовкой. Многие дети принимают подобные решения в этом возрасте. Однако Таня была из такой семьи, где танцы могли быть увлечением, хобби, но никоим образом не профессией. Было просто стать балериной ребенку из театральной семьи (как Кшесинские, Нижинские, Карсавины). Не слишком сложно и для барышень из семей бедных (как Павлова) – родители видели в такой карьере открывающиеся возможности для талантливого ребенка. Но для дочери генерала Адамовича карьера танцовщицы вовсе не была престижной. Девушка из такой семьи должна была получить надлежащее воспитание, стать благовоспитанной, в меру образованной барышней и успешно выйти замуж. Поэтому понадобились и воля, и упорство, и дипломатия юной *Мадемуазель "я так хочу"* (так Таню прозвали дома за настойчивость в осуществлении своих желаний), чтобы убедить родителей в своей правоте, чтобы самой найти возможности совершенствоваться в любимом деле.

Конечно, о поступлении в театральное училище не было и речи, но для Тани пригласили профессора Свенцицкого, который давал уроки на дому.

Он приходил два раза в неделю, элегантный, изящный, во фраке. Нас было четверо: брат Владимир, сестра Ольга, знакомый мальчик и я. Младший брат, Жорж, был еще слишком мал, чтобы принимать участие в занятиях. Я была самой младшей, но училась лучше всех и не могла надивиться, что другие дети порой относились к этим занятиям, как к скучной обязанности¹⁴.

Тогда же она получила от отца в подарок серебряную ложечку с выгравированной надписью: "Танцорка Таня". Эту ложечку Таня хранила как реликвию, она пропала лишь в аду варшавского восстания.

Домашнее воспитание было поставлено матерью прекрасно. Все в доме дышало теплом и любовью к музыке, искусству, литературе, занятия которыми считались не скучными обязанностями, а самым необходимым и естественным компонентом жизни. Семья не испытывала финансовых трудностей. В 1898 году отец получил назначение на должность начальника военного госпиталя в Лефортове. В распоряжении семьи оказался двухэтажный дом с садом, где зимой устраивался каток, а на задах располагалось небольшое хозяйство: корова, лошади, куры.

Они жили спокойной, размеренной жизнью. Старшие, Владимир и Ольга, занимались с учителями, Таня готовилась к экзамену в гимназию с мамой. (Где эта замечательная мать получила такое прекрасное образование?) Кроме того, в доме всегда жили гувернантки-француженки. Так что все четверо детей с детства прекрасно говорили по-французски. Таня, кроме того, училась играть на фортепьяно. Музыка и чтение всегда были ее любимыми занятиями. Она читала повести мадам Сегюр из серии "Розовая библиотека", Гектора Мало, Марка Твена, Бичер-Стоу, Сенкевича. Вечерами дети собирались у фортепьяно – мать играла любимого Шопена, Чайковского¹⁵. Лето семья проводила на даче в Кунцеве. Но однажды пришла телеграмма о смерти старшего брата отца. С тех пор в течение нескольких лет семья проводила лето в родовом гнезде Адамовичей, имении Петровцы на Украине. Прекрасный сад, мельница, поездки в Миргород.

Несмотря на большую разницу в возрасте, отец и мать были, по-видимому, идеальной любящей парой. Внезапная смерть главы семьи стала не только большим потрясением для жены и детей, она изменила весь ход их жизни. Оставшись одна с четырьмя детьми, Елизавета Семеновна решила переехать в Петербург, где жили ее родители (Семен Исаевич и Ольга Федоровна Вейнберги).

Пятикомнатная квартира в Петербурге показалась маленькой и тесной. Теперь они должны были жить на пенсию¹⁶. Владимир

пошел в военное училище (его всегда интересовало в основном военное дело), сестра Ольга из-за слабого здоровья должна была остаться дома, чтобы учиться в гимназии княжны Оболенской. Таню отдали в Смольный, а Жоржа мать решила все же не отдавать в Императорский лицей, как она планировала раньше, – боялась пространенного в этой среде снобизма, поэтому он пошел в обычную классическую гимназию, где, впрочем, сразу же стал первым учеником.

В Смольном Таня была одной из лучших по французскому языку, все свое свободное время проводила за чтением. Любимым предметом были уроки танцев. Они проходили в большом зале два раза в неделю.

*Мы снимали пелеринки и рукавички, старательно причесывались и в таком "бальном" виде вступали в зал, где нас уже ждала маленькая, пухленькая 2-жа Ушакова и тапер при фортепьяно. Урок начинался с реверансов и элементарных классических упражнений, потом мы учили полонез, гавот, менуэт, чакону, па-де-шае, качучу. Бальных танцев, кроме вальса, не было*¹⁷.

В старших классах смолянки выезжали в театр или на концерты. Они ездили в придворных каретах, занимали в театрах самые лучшие ложи. Ездили только в Мариинский театр, на оперу или балет. Тогда она увидела на сцене Кшесинскую, Преображенскую, Карсавину и – чудо из чудес – Павлову.

По выходе из Смольного Таня училась еще год в гимназии Оболенской. Это был первый год ее светской жизни. Она была неутомима в посещении балов, конкурсов, прогулок на тройках (разумеется, ее везде сопровождала гувернантка). Таня уговорила мать, чтобы та разрешила ей брать частные уроки балетного танца у балерины Соколовой. Однако занятия классическим танцем уже не слишком ее удовлетворяли. Ей удалось убедить мать в том, что необходимо поехать на первый сезон дягилевских балетов в Париже, где, приобретя несколько элегантных платьев и шляпок для молодых барышень и приободренная своим "взрослым" видом, Таня отправляется в театр Шатле, чтобы вручить рекомендательное письмо от Соколовой Фокину. Ей позволено присутствовать на репетициях. Каждый день, с утра, она являлась в театр. В 12 она выходила на завтрак с мамой в кафе на бульваре Османн, но почти не обращала внимания на горячий шоколад и сэндвичи – столько надо было рассказать. Потом она опять бежала в театр и сидела там до 7 вечера. Наконец, 18 мая была назначена генеральная репетиция – в Париже это чуть ли не важнее, чем премьера, – и начались триумфы Нижинского, Карсавиной, Павловой...

Из Парижа она вернулась другим человеком: созрело решение порвать со светской жизнью и полностью посвятить себя искусству.

*Я поняла, что пора перестать быть послушной девочкой, которую водят за ручку. Нужно любой ценой отвязаться от гурвернантки и заработать собственные деньги*¹⁸.

Из толстой книги "Весь Петербург" Таня выписала адреса женских учебных заведений и начала обходить одну за другой петербургские гимназии, предлагая свою кандидатуру на роль преподавательницы французского языка. В то время миниатюрная Таня в "полувзрослом" платье и с косой на плече никак не походила на учительницу, на нее смотрели с недоумением и усмешкой. Но все-таки нашлось учебное заведение, куда ее приняли (выручил престиж Смольного), и она начала преподавать¹⁹.

Когда в семье заметили, что Таня перестала бывать в свете, а все время посвящает урокам танца, перепугались не на шутку: "Таня хочет быть танцовщицей!" Это слово приводило родственников в ужас. Бедная мама защищала ее, как только могла, не будучи уверенной, что поступает правильно.

Татьяна и сама не очень знала, что ей делать. Она понимала, что классической балериной она уже не станет, да ей и самой больше нравилась не формальная рутина классической балетной школы, где все внимание обращалось на техническую тренировку ног (в ущерб работе рук и корпуса) и почти не предполагалось импровизации.

Период с 1912 до 1918 г. для Татьяны Адамович – это время интенсивной учебы, направление которой она выбирает сама со всей решительностью своего характера. В дополнение к классической школе Соколовой она берет уроки у Веры Фокиной. В это время в Россию приезжает на выступление школа Далькроза, швейцарского музыканта и педагога, где учат ритму и импровизации. Побывав на выступлении его учеников, закончившемся овацией, Таня и Жорж всю ночь

Балетный вечер, посвященный Изадоре Дункан
Т.Высоцкая в вальсе Брамса
(Собственная постановка)

провели в обсуждении музыкально-танцевальных проблем, а утром Таня приняла решение: "Я хочу учиться ритмической гимнастике". Новый путь в танце и, как оказалось, в жизни был найден. Татьяна предпринимает решительные шаги: находит преподавателя ритмики и организует группу из семи девушек и трех юношей (с том числе и брат Жорж). К сожалению, на занятиях нужно быть одетым в черное трико. Ужасу родственников и, главное, бабушки и дедушки, нет предела. Хотя на этот раз все как-то утряслось, может быть, потому что занятия проводились в гимназии Хворовой, где Таня преподавала французский язык. Лучшей Таниной подругой была в то время участница той же группы сценического танца француженка Габриэль Тернизьен (будущая жена Г.Иванова).

В том же году князь Сергей Волконский, бывший директор Императорских театров, также искавший новых путей в искусстве, побывал в школе Далькроза и привез в Петербург трех дипломированных преподавателей. Филиал школы открывался на Б.Конюшенной, с осени начинались занятия. В этот решающий момент семья категорически воспротивилась поступлению Тани в школу Далькроза. Видимо, с трудом пережитое черное трико было последней каплей: весь семейный клан набросился на Елизавету Семеновну с упреками, и Таня должна была обещать, что в эту школу она не пойдет. Обещание было дано с легким сердцем. Князь Волконский, близкий друг семьи, очень ценивший Танин талант, уже подсказал выход: организовать свою, частную студию, куда будет приглашен преподаватель школы Далькроза. Так появилась студия Татьяны Адамович, куда учениками, кроме нее самой, вошли Габриэль, брат Жорж и даже бывший руководитель группы сценического танца из гимназии Хворовой. Весь год студия провела в напряженных занятиях, а на следующий год из Женевы в Петербург приехал сам основатель нового метода Жак Далькроз, желавший посмотреть результаты занятий. Маэстро сам сел к фортепьяно, и начались показательные выступления. Даже спустя пятьдесят лет Татьяна вспоминала этот триумф с особым волнением и помнила мельчайшие детали. В финальной части предлагалась свободная импровизация под музыку, которая так захватила Татьяну, что она импровизировала в состоянии полного самозабвения. Закончив игру, маэстро подошел к ней и выразил свое восхищение. Успех был так очевиден, а рассказы самой Татьяны, Жоржа и князя Волконского так восторженны, что мать уступила и позволила дочери учиться в Институте Далькроза, с тем чтобы в будущем сдать экзамены на полный диплом (то есть, с правом преподавания по методике Далькроза). Программа Института была успешно пройдена,

но последний год учебы в Германии, где находился Институт (экзамены на полный диплом маэстро принимал только лично), пришелся на 1914 год. Вместо учебы в Геллерау Татьяна вернулась в Петербург и пошла на курсы медсестер.

Война войной, но оказалось, что закончить Институт все-таки можно. Находчивый Волконский обратился к Далькрозу, и тот, учитывая ситуацию, позволил специальной комиссии, состоящей из профессоров консерватории и танцовщиков, принять экзамены в Петербурге. Методика Далькроза предполагала не только обучение танцевальной импровизации и ритмике, но и специальную музыкальную подготовку. Будущий преподаватель должен был импровизировать соответствующую музыку на фортепьяно, не глядя на клавиши, а наблюдая за движениями учеников – при этом нужно было то отсчитывать ритм, то давать им объяснения. Татьяна больше всего боялась как раз экзамена по музыке. Она обратилась к выпускнику Института Далькроза Стефану Высоцкому (этот поляк-петербуржец в 1913 году вернулся в Россию после сдачи полного экзамена в Геллерау) с просьбой о частных уроках импровизации на фортепьяно. К экзаменам она подготовилась прекрасно: на сольфеджио безошибочно определяла на слух тридцать две тоналности.

Метод Далькроза особенно привлекал Татьяну потому, что она стремилась учить других танцевальным импровизациям. У нее рано проявились педагогические способности, а также склонность к постановке собственных танцевальных композиций. Сознывая, что для преподавания необходимо знание теории и истории танцевального искусства, Татьяна поступила вначале в университет (не прерывая занятий в Институте Далькроза), а потом в только что созданный Институт истории искусств графа Платона Зубова. Там она слушала лекции Н.Врангеля, самого Зубова, Ф.Зелинского, Волконского, Ростовцева. Историю читал С.Платонов, право – знаменитый Петражицкий. Несмотря на сопротивление преподавателей, она выбрала ту тему диплома, которая ее интересовала: "Балет XVI века. Французская и итальянская школы".

При таком огромном количестве учебных занятий не совсем понятно, когда у Татьяны находилось время для друзей. Между тем как раз в это время она часто бывает с братом в "Бродячей собаке", ездит на концерты. С Жоржем они всегда были очень дружны²⁰ – их сближала общая любовь к искусству, общий круг знакомых, в который входили и Танины подруги-смолянки, и юные танцовщицы, и друзья Жоржа по Цеху поэтов, и студенты университета. Мать позволила им установить свой *jour-fixe*, и по понедельникам

у них бывали Ахматова, Михаил Кузмин, Гумилев, Георгий Иванов, часто бывал Бальмонт с сыном Никой, иногда заходил Блок. Таня помнит, как однажды Жорж привел голубоглазого паренька со светлыми волосами, тоже поэта – это был Есенин. Кузен Димка Бушен, тогда студент Академии художеств, а впоследствии известный французский сценограф, приглашал своих однокурсников, молодых художников, которые набрасывали портреты гостей. В веселой компании молодых талантливых музыкантов, художников, поэтов легко возникали флирты, завязывались романы, иногда составлялись супружеские пары. Именно в это время (1914–1915 гг.) Гумилев увлекся Татьяной и ухаживал за ней очень церемонно, с букетами цветов, с посвящениями стихов. Георгий Иванов женился на Таниной подруге Габриэль, у них родилась дочь. Из "Бродячей собаки" Татьяна обычно возвращалась с братом за полночь, в санях – скрип снега, морозный воздух... В 1962 году она вспоминает об этом с ностальгической ноткой – этого Петербурга уже давно нет. Она бывала и в редакции "Аполлона", куда ее ввел Волконский, – там часто собирались не только литераторы, но и художники.

По окончании Института Далькроза в 1915 году Татьяна начала преподавать в школе и давать частные уроки. К ней обратилось... Министерство Двора с предложением давать уроки великой княжне Вере. Татьяна начала бывать в Мраморном дворце.

В ноябре 1916 года в церкви Св. Екатерины на Невском состоялось ее венчание со Стефаном Высоцким. К этому времени Татьяна, потихоньку от мужа, научилась говорить по-польски и поразила этим его родителей.

Революция, однако, была не за горами. Из воспоминаний Г.Адамовича:

Моя сестра вышла замуж месяца за три до революции. В Петербурге нельзя было найти квартиру тогда ни за какие деньги, потому что все было переполнено, люди бежали с занятых фронтом губерний. Ей сдал половину своей квартиры начальник дома предварительного заключения, то есть тюрьмы, на Шпалерной. И во вторник 28-го, утром, она прибежала чуть ли не в 7 часов утра. Был сильнейший мороз в Петербурге, несмотря на то, что это был конец февраля. Прибежала в одном платье, в легком платье, потому что разгромили тюрьму и хотели убить начальника <...> а ей и ее мужу было трудно доказать, что они тут совершенно не при чем²¹.

После октябрьского переворота в Москве было организовано Польское представительство. Высоцкому предложили там долж-

ность, чтобы со временем можно было устроить выезд в Польшу. Год, проведенный в Москве, Татьяна вспоминает с ужасом: голод, холод, продажа последних вещей за горстку тухлых овощей. Со стороны властей были попытки удержать Татьяну в России. Наркомпрос делегировал к ней... Осипа Мандельштама с предложением принять руководство Институтом ритмики и танца. Татьяна отказалась и в последний раз поехала в Петроград, чтобы попрощаться с родными, которых надеялась вскоре увидеть во Франции.

Варшава 20–30-х годов – это город больших и маленьких театров и театриков, кабаре, музыкальных кафе. Приехав туда в 1918 году, Высоцкие не имели ни гроша в кармане, но были полны энергии и замыслов. Стефан получил должность в министерстве иностранных дел, что давало возможность устроить быт, но он не ограничил свою деятельность государственной службой. Они сразу же заняли денег и организовали "Школу музыкальной культуры С. и Т.Высоцких", где оба вели преподавание. Постепенно из воспитанниц этой школы был создан "Балет Татьяны Высоцкой" – в Варшаве этот коллектив называли "Татьянки". Поначалу школа выступала в Польском театре, но со временем Высоцкие построили собственное здание театра для выступлений своих воспитанниц – "Театр искусства танца". Татьяна ставила отдельные танцы и целые программы, труппу начали приглашать в другие города. Завязывалось близкое сотрудничество с известными театрами – с "Редутой", "Театром им. Богуславского"; Татьяна Высоцкая вводила в свои программы элементы польского фольклора и характерные танцы, позже она увлеклась цирком и акробатикой. С 1928 года труппа Высоцкой начала сотрудничать с знаменитым довоенным театром "Кви про кво", где пела легендарная Ордонувна – ее славу в Польше можно сравнить, например, со славой Вертинского. В этом музыкальном театре все номера сопровождалось танцами "Татьян-*girls*".

Поездки за границу, как пишет сама Высоцкая, были двух видов: те, когда она ехала одна или с мужем, чтобы что-то узнать, послушать, посмотреть новый балет, и "служебные", когда она ездила со своей труппой на гастроли или конкурсы. Первый вид путешествий она считала заслуженным удовольствием, второй был тяжелой работой. "Для удовольствия" она путешествовала каждый год – ездила в Париж, в Берлин, в Италию. В плане всегда было что-то полезное (она много работала в библиотеках), но заканчивалась эта поездка, как правило, отдыхом с родными в Ницце. Кроме того, она часто ездила за границу специально, чтобы увидеть какой-то

интересный балетный спектакль. Новые постановки Дягилева ее поначалу шокировали и новой сценографией Гончаровой, и новой постановкой танцев, которая показалась ей слишком рассчитанной, формальной. В 1925–26 гг. она смотрела первые балеты Баланчина и Мясина. Лифаря она помнит с 1923 г.: начав с небольших ролей, он быстро стал великим артистом. В 1932 году в Монте-Карло она в первый раз увидела талантливых пятнадцатилетних балерин – славу русского балета – Татьяну Рябушинскую, Тамару Туманову и Ирину Баронову. В Париже часто бывала на постановках Иды Рубинштейн. Берлин от Варшавы недалеко, и Высоцкая часто ездила туда на несколько часов, чтобы посмотреть какую-нибудь балетную или оперную постановку. За границей Высоцкая всегда старалась найти время, чтобы посидеть в библиотеках. В Париже она работала в Национальной библиотеке и в Библиотеке Оперы, часто ездила в библиотеки Милана, Флоренции, Венеции. В течение многих лет она собирала материалы по истории балета.

В 1920 году у Высоцких родился сын Стефек. Отец-музыкант каждый вечер играл ему на ночь Шопена и Шимановского. Они часто ездили втроем за границу. Танины родственники с 1921 года жили в Ницце, брат Жорж в Париже. В 1923 Высоцкие доехали через Вену и Италию до Ниццы, оставили ребенка у бабушки, а сами отправились в Женеву, где их ждал Далькроз. Он показал им весь Институт, они побывали на лекциях и приняли участие в торжествах по поводу какого-то юбилея. Остальную часть лета провели у родных на прекрасной вилле "Резеда": купались в море, съездили в Монте-Карло. На следующий год они провели во Франции три месяца. Ребенка опять подкинули бабушке и после визита в Женеву к Далькрозу поехали в Париж. Там тоже был Институт Далькроза. Татьяна попросила разрешения принять участие в уроке старшей группы. "Но, мадам, это уже очень высокий уровень". – "Я постараюсь соответствовать". Триумф был полный – директор, конечно, понял, что имеет дело с профессиональной танцовщицей. Походив по театрам, – у Дягилева как раз шли балеты Б.Нижинской, – они поехали на несколько недель в Женеву и опять на отдых в Ниццу. Там были тишина, море, долгие разговоры с Жоржем и Олюшей (брат Владимир погиб во время Гражданской войны). Напротив была роскошная вилла князей Любомирских и Радзивиллов "Olivette", о которой пишет в воспоминаниях Матильда Кшесинская. Стефек ходил туда играть с ровесниками.

Первая "служебная" поездка состоялась в 1932 году. В Париже был объявлен хореографический конкурс. После долгих совещаний с мужем Высоцкая решила ехать. Уже скомпонованные

раньше сценки были объединены в общий сюжет "Образы Польши", позволявший продемонстрировать разнообразные возможности танцовщиц, которые выступали и в сценах, основанных на академической балетной школе, и в характерных танцах. Постановка в целом давала возможность показать разные польские танцы: полонез, мазурку, польку, народные танцы, а также вальс. Сложностей было много. Исполнительницы должны были менять костюмы для каждого танца, не выходя из лимита времени. Кроме того, финансовые затраты на путешествие были огромны. Организаторы покрывали только проживание в гостинице, но это была лишь малая часть затрат. Костюмы, туфли, которые нужно было по замыслу сценографа покрыть золотой краской, переписка партитуры – все это стоило больших денег, и в определенный момент Татьяна поняла, что у них с мужем их не хватит. Тогда она записалась на прием к министру иностранных дел и получила небольшую дотацию.

Конкурс, в котором принимало участие 20 коллективов из разных стран, проходил в театре Елисейских полей. После ужасных переживаний (нелады с партитурой, отказ оркестра исполнять финальную часть композиции, недовольство режиссера) труппа выступила так успешно, что уже на следующий день к ним явился импресарио. Он предложил труппе концертное выступление в зале Иена уже через две недели – к счастью, в путешествие были взяты костюмы для всей программы. Начались ежедневные репетиции. После репетиции девочки могли гулять по Парижу, осматривать достопримечательности – для этого на помощь был призван брат Жорж. Тем временем были объявлены результаты конкурса – труппа Высоцкой получила бронзовую медаль.

Выступления прошли при полном зале, под аплодисменты. Татьяна была очень горда высокой оценкой ее работы балетмейстера. В Варшаву все возвращались счастливые.

Следующая зарубежная поездка, на этот раз гастрольная, состоялась только через три года. Импресарио предлагал хорошие контракты и раньше, но Татьяна переживала тяжелые дни: в 1933-м скончалась ее мать, Елизавета Семеновна Адамович. Кроме того, в Варшаве школа переехала в новое помещение. Переезд, с транспортировкой трех роялей и огромной библиотеки, отнял много сил. В конце концов в 1935 году труппа выехала на гастроли, которые должны были продлиться несколько месяцев: Италия, Германия, Бельгия. Потом последовали гастроли в Париже, в театре "Альказар". Там труппа Высоцкой пользовалась таким успехом, что знакомые из польского посольства предложили им рискнуть: выступить на конкурсе "Казино де Пари". В этом фешенебельном

мюзик-холле программа ревью составлялась раз в год и шла без изменений до следующего конкурса. Татьяна с трудом решилась на участие в этом конкурсе: ей казалось, что костюмы у них слишком скромные, программа нетипичная, а срок контракта – целый год! – слишком устрашающий. Все-таки заявление было подано. Составили программу из четырех танцев, самый эффектный – акробатический – шел третьим. За кулисами было столпотворение: балетные и танцевальные группы всех народностей. Все танцовщицы были значительно старше "Татьянок" – рослые и уверенные в себе. В первом ряду перед сценой разместился целый ареопаг артистов, музыкантов, балетмейстеров во главе с грозным директором Анри Варна. Он, собственно говоря, и решал дело. Если первый танец ему не нравился, он говорил: "Достаточно, больше я не хочу смотреть". Но после акробатического танца он оживился: "А, они очень сильные, прекрасно!"

В финал вышло только несколько трупп. Было известно, что основой будут английские герлс. Высоцкая утратила какую-либо надежду. Наконец, всех руководителей оставшихся групп вызвали на сцену. Варна всех поблагодарил и огласил свой вердикт: "Я выбрал этих маленьких полек, они очаровательны. Bravo, мадам!" Таким образом, на 1937 год "Казино де Пари" подписало контракт с Т.Высоцкой. Она поставила несколько условий: во-первых, девочки не будут красить волосы (английские танцовщицы обязаны были каждые шесть месяцев менять цвет волос); во-вторых, костюмы должны согласовываться с ней непременно – ни о какой "обнажёнке" не может быть и речи; в-третьих, выступление труппы должно объявляться под названием "Польский балет Высоцкой". Варна на все согласился, сказав, что это совпадает с его пониманием дела. Татьяна не могла на весь год остаться в Париже – она должна была заниматься преподаванием в своей школе, работа балетмейстера в театрах тоже требовала ее присутствия в Варшаве. Все договоренности были достигнуты, контракт подписан, и она попрощалась с девочками до лета. Жорж должен был навещать их раз в неделю и спрашивать, все ли в порядке. Он оказался очень добросовестным опекуном: после каждого визита подробно отчитывался о проблемах, по большей части чепуховых. Татьяна пишет, что она хохотала, читая его письма: как только он входил, девочки бросались к нему со словами: "Ах, месяе Жорж, я не могу..." Было трудно понять, что "не могу", но Жорж с ангельским терпением выслушивал, сочувствовал и даже иногда ходил к директору по каким-то пустяковым делам. Летом Высоцкие приехали в Париж, чтобы встре-

титься с ученицами и посмотреть международную выставку. Это была последняя поездка в Париж.

Стефек Высоцкий был призывником 1938 года, когда в воздухе уже пахло грозой очень явственно. Татьяна в этом году пошла на годичные курсы медсестер. Во время оккупации (в Польше – шестилетней) она пережила бомбежки (дом Высоцких был полностью разрушен), смерть мужа в 1940 году от туберкулеза, но сын остался в живых и вернулся с фронта. Он работал рикшей и вступил в АК²². Чтобы жить, Татьяна ставила танцы для кафе и кабаре. В последний год войны у сына открылся туберкулез ноги. Состояние дошло до критического, он почти уже умирал, когда загородную больницу при монастыре заняли немцы: начались расстрелы, все, кто был на ногах, и монахини, и больные, все ушли, кроме лежавшего неподвижно в гипсе Стефека и Татьяны, оставшейся с ним. В конце концов, они чудом остались в живых. Если бы не эта, почти смертельная болезнь, они наверняка погибли бы во время Варшавского восстания.

Послевоенная жизнь начиналась на пепелище: Варшава лежала в руинах. Татьяна снова начала работать балетмейстером и педагогом, вначале в Силезии (в Варшаве не было ни одного целого дома), потом вернулась в Варшаву. Начало 50-х годов – пик сталинских репрессий в Польше. Высоцкая переживает какую-то драму (не был ли арестован ее сын за участие в АК?), но написать о ней прямо не может:

Я вернулась в Варшаву в состоянии абсолютной депрессии. О театрах и балетах думать не могла. Денег совершенно не было. Работы тоже. Я поселилась в подсобке квартиры-колхоза, где одну комнату занимала моя золовка с мужем. Нужно было найти работу. В этом помогли друзья. Они нашли мне рукописи, которые я переписывала на машинке. Работая целый день, я зарабатывала только 600 злотых, я ведь не была профессиональной машинисткой²³.

Через полгода она начинает вести уроки ритмики и музыки в детских садах (!), потом бывшая ученица устраивает ее на работу в Академии физкультуры. Она заинтересовалась художественной гимнастикой и написала о ней книгу (*Wysocka T. Gimnastyka Artystyczna. Warszawa, 1955*), используя свои записи о технике танца и акробатики, сделанные еще в 1922–1924 гг. Эти записи сохранились в Ницце вместе с другими оставленными там документами и были присланы Жоржем. Понемногу жизнь налаживается, меняется политический климат, Высоцкая находит свою "нишу" в

новой жизни: она пишет о балете и театрах в периодической прессе, в 1956 году ее выбирают председателем балетной секции в Союзе польских театральных артистов. Начиная с 1958 г. она снова может ездить за границу. Ей страстно хотелось поехать во Францию, чтобы закончить книгу по истории балета (для этого она намеревалась взять оставшиеся в Ницце материалы и восполнить утраченное в библиотеках). Она выхлопотала трехмесячную командировку во Францию. Она ехала туда через Австрию и Швейцарию. Выйдя из поезда в Женеве, она остолбенела, увидев на прилавках бананы и фрукты, которых она не видела так давно, что уже забыла об их существовании. Жизнь при социализме уже кое-чему ее научила:

Я быстренько оглянулась вокруг – очереди не было, так что я как можно скорее накупила столько бананов, сколько уместилось в моей большой ручной сумке. Пять минут спустя я уже смеялась сама над собой, видя вдоль улицы в магазинах и киосках самые прекрасные фрукты²⁴.

Поездка во Францию была радостной и грустной. Трогательные встречи: в Ницце она встретила знакомых еще с петербургских времен. Но в Ницце – только три дня, все остальное время она работала в парижских библиотеках. Через несколько дней работы в Национальной библиотеке Татьяну пригласили в дирекцию, которая выразила желание приобрести ее книги (сын выслал их почтой, и, уже вернувшись в Варшаву, она получила благодарственное письмо). Конечно, она ходила по театрам и концертам, однажды бедный Жорж должен был дежурить несколько часов в кассе театра Шатле, где в это время выступал Роберто Бенци. Татьяна пишет, что из выделенной ей в Варшаве стипендии она не потратила на себя и ста франков – все деньги были истрачены на книги по хореографии. Но Жорж, как всегда, был любящим братом: он подарил сестре шубу, элегантное платье и множество мелочей. Расставание с ним было для Татьяны тяжелым переживанием, она очень любила брата и гордилась им:

Жорж – человек очень добрый и справедливый, он чуток к несчастью других и всегда готов оказать помощь, но он также человек незаурядного ума, образования и литературного таланта. Помню, как однажды, наверно в году 1951-52-м, мы сидели в Литературном кафе – Тувим, Шиллер²⁵ и я. Тувим говорил о своих переводах из Пушкина и рассказывал, что в Париже он познакомился с блистательным критиком и писателем Жоржем Адамовичем, человеком огромного таланта и большим эрудитом. Я выслушала, наслаждаясь, весь его рассказ, и сказала: "А ведь вы говорите о

моем брате" <...> Мы долго смеялись, а Шиллер, который в свое время познакомился с Жоржем в Париже, подтвердил мое родство с ним²⁶.

Т.Высоцкая до самой смерти (в 1970 г.) сохранила жизненную активность. Она известна в Польше как талантливая танцовщица, балетмейстер самых популярных театров в довоенной Варшаве, театральный деятель, историк театра. Во Франции ее книги находятся в Национальной библиотеке. К сожалению, неизвестно местонахождение ее личного архива (сохранился ли он?), изучение которого могло бы ввести в научный оборот многие новые факты и позволило бы расширить наши знания не только о культуре и быте Петербурга Серебряного века, но и об истории эмиграции первой волны.

Книги Т.Высоцкой:

Wysocka T. Wspomnienia. Warszawa: Czytelnik, 1962.

Wysocka T. Historia baletu. Warszawa, 1969.

Wysocka T. Dzieje baletu. Warszawa, 1970.

¹ Документальными сведениями о Т.Адамович располагает в настоящее время О.А.Коростелев, видный специалист по литературе русского зарубежья, готовящий к изданию собрание сочинений Г.Адамовича. Пользуемся случаем поблагодарить его за предоставление этих сведений, а также за ценную консультацию и дружескую помощь при подготовке данной публикации.

² Например: Анна Энгельгардт – жена Гумилева (по материалам архива Д.Максимова). Публ. *К.Азадовского* и *А.Лаврова* // Николай Гумилев. Исследования. Материалы. Библиография. СПб., 1994; *О.Н.Гильдебрандт-Арбенина*. Гумилев. Публ. *М.Толмачева*, прим. *Т.Никольской* // Там же.

³ Сестра матери, тетя Вера, вдова англичанина-миллионера N.Bailey; до революции они также жили в Петербурге.

⁴ Gleb Struve Papers. Hoover Institution Archives. Stanford University.

⁵ Об этом уже писалось в ЕВКРЗ №1(6). С.195: *Коростелев О.* Парижское "Звено" (1923–1928) и его создатели.

⁶ *Wysocka T.* Wspomnienia. Warszawa: Czytelnik, 1962. Str.15–16.

⁷ Одна из самых известных улиц еврейского квартала в довоенной Варшаве.

⁸ Польская цензура 60-х годов отнюдь не была так ригористична, как советская, особенно по отношению к неизвестным со всеми подробностями в Польше реалиям раннесоветского и эмигрантского литературного быта. Г.Адамович упоминается в тексте многократно, и, судя по всему, ни редактор, ни цензура не обратили на это ни малейшего внимания. Имя Гумилева могло быть более одиозным, но любой склонный к некоторой фронде редактор всегда мог объяснить его появление (тем более, в романтическом

контексте) своим незнанием запрета – в таких вопросах это сходило с рук без последствий.

⁹ Wielka Encyklopedia Powszechna PWN. Warszawa, 1969. T.12. Str.568.

¹⁰ Nowa Encyklopedia Powszechna PWN. Warszawa, 1996. T.6. Str.931.

¹¹ Сообщено О.А.Коростелевым.

¹² С ошибкой в один день: для дат XIX в. следовало прибавлять 12, то есть день рождения по новому стилю пришелся бы на 30 января.

¹³ Подобные "фальсификации" случалось проделывать не только артистам – для примера приведем Г.Адамовича и М.Кузмина, которые также "убавили" себе несколько лет.

¹⁴ Wysocka T. Wspomnienia. Str.10.

¹⁵ Елизавета Семеновна училась музыке с детства, а в возрасте с 14 до 16 лет ей давал уроки великий Антон Рубинштейн, близкий друг ее родителей, запросто бывавший в их доме. В Петербурге она регулярно собирала у себя выдающихся музыкантов, друзей дома на домашние концерты.

¹⁶ Кроме пенсии, государство в таких случаях обеспечивало образование детей до совершеннолетия, но только если они учились в закрытом учебном заведении.

¹⁷ Wysocka T. Wspomnienia. Str.32.

¹⁸ Там же. Str.55.

¹⁹ Одной из ее учениц была Н.Берберова.

²⁰ Они были почти ровесники: Г.Адамович родился 7 апреля 1892 г.

²¹ Адамович Г. В 1917 году: Из интервью к 50-летию русской революции / Пред. и публ. Олега Коростелева // Новый журнал. 2000. № 221. С.124–136; то же: Родная Кубань. 2000. № 4. С.132–138.

²² Армия Крайова – польская подпольная организация, которая вела вооруженную борьбу с оккупантами, а после войны была жестоко разгромлена советским режимом, – в послевоенные годы даже упоминание об АК было недопустимым. Возможно, этим объясняется то, что Высоцкая очень туманно упоминает о послевоенной судьбе сына – например, когда она пишет, что в какой-то период очень нуждалась, но сын не мог оказать ей помощи.

²³ Wysocka T. Wspomnienia. Str.354.

²⁴ Там же. Str.370.

²⁵ Известный польский режиссер, друг Татьяны и ее коллега по работе в театре еще в довоенные времена.

²⁶ Wysocka T. Wspomnienia. Str.384.

МУЗЫКА

**«Жить становится все труднее и труднее...»
Парижские годы Артура Лурье**

Светлана Савенко (Россия)

Сергей Кусевицкий в Париже

Эрнст Зальцберг (Канада)

Эмиль Альбертович Купер – дирижер-Наполеон?

Белла Бергинер-Тавгер (Израиль)

«Жить становится все труднее и труднее...» Парижские годы Артура Лурье

Светлана Савенко (Москва)

Артур Лурье

В июне 1992 года в Кельне состоялся фестиваль в честь столетнего юбилея Артура Винцента Лурье – российского композитора и музыкального критика, покинувшего родину в начале 1920-х годов. Его музыка, малоизвестная при жизни и полузабытая после смерти, была воскрешена благодаря усилиям знаменитого скрипача Гидона Кремера, инициатора и деятельного участника кельнских фестивальных концертов. О жизни Лурье имелись тогда лишь скудные отрывочные сведения, к тому же не всегда достоверные. Даже сам год юбилея оказался избранным неточно, ибо на самом деле Лурье родился в 1891 году (к этой проблеме мы еще вернемся).

10 октября 1924 года официально началась парижская жизнь Артура Лурье: в этот день ему было разрешено поселиться во Франции. За год до того Лурье уже пытался обосноваться в Париже, но вскоре был выслан как «большевистский комиссар» (по доносу, как сам вспоминал позднее). На этот раз ему пришлось прибегнуть к помощи влиятельных друзей, и все кончилось благополучно. Полтора года спустя, 20 апреля 1926, Лурье принял французское подданство. Его парижское пребывание продлилось до 1940 года, когда он был вынужден бежать из столицы после вторжения немецких войск. В 1941-м Лурье покинул Европу и поселился в США, вначале в Сан-Франциско и под конец жизни в Принстоне, где и скончался 12 октября 1966 года, почти в полной безвестности.

Совсем не такими были годы его молодости. Лурье, наверное, не зря высылали из Парижа: он действительно служил «большевист-

ским комиссаром», а точнее – заведующим Музыкальным отделом Народного комиссариата просвещения, и принял эту должность по приглашению А.В.Луначарского. Еще раньше, в первой половине 1910-х годов, Лурье примкнул к кругу «модернистов», левых художников, стал завсегдатаем артистического кабаре «Бродячая собака», сблизился с Анной Ахматовой и первым положил на музыку ее стихи; в 1914 вместе с художником Георгием Якуловым и поэтом Бенедиктом Лившицем выпустил футуристический манифест «Мы и Запад», в 1915 создал цикл пьес для фортепиано «Формы в воздухе», посвященный Пабло Пикассо, – один из первых образцов «графической музыки», экспериментировал с «музыкой высшего хроматизма», основанной на микроинтервалах, – меньших, чем традиционные полутоны. Параллельно писал музыку на религиозные тексты, главным образом на французском языке. Приняв большевистскую революцию, Лурье сотрудничал с Всеволодом Мейерхольдом и Владимиром Маяковским, на стихи которого в 1918 году сочинил «Левый марш» – как и в случае с Ахматовой, первый образец музыкального прочтения поэзии великого современника. В должности заведующего МузО Лурье состоял до января 1921 года, после чего занялся исследовательской деятельностью в петроградском Институте истории искусств. Советскую Россию он покинул в июле 1922 года, получив служебную командировку в Берлин. Лурье стал одним из первых добровольных невозвращенцев пореволюционных лет – в отличие от насильственно выславшихся в те же годы философов, писателей и деятелей искусства. Попав на Запад, Лурье всячески отрицал свою приверженность, даже временную, коммунистической идеологии – насколько искренне, трудно судить, ибо во многом его вынуждали к этому обстоятельства: *«Считаю нужным заметить, что к коммунистической партии я никакого отношения не имел, так как в то время, когда я был зав. музыкальным отделом, я по должности близко соприкасался с Луначарским и тому подобными людьми. Фактически никогда коммунистом не был»*¹. Примерно о том же Лурье говорит и в одном из первых своих писем И.Ф.Стравинскому, отправленных еще из Германии (Висбаден, 17 мая 1924): *«Не верьте, если говорят дурное о моей работе в России. Я верил в то, что делал, и делал это честно. От этих лет работы в России у меня осталась большая душевная тяжесть, но на совести моей ни человеческой, ни артистической пятен нет»*².

Со Стравинским Лурье познакомился лично, только попав в Париж; однако общение в письмах установилось несколько ранее. Поводом послужили семейные обстоятельства Игоря Федоровича. Война и затем революция разлучила его с матерью, Анной Кирилловной,

которая осталась в Петрограде совсем одна и, как не без оснований предполагал Стравинский, в весьма тяжелом положении. Игорь Федорович всеми силами стремился выволить мать из Советской России. Для этой цели он и вступил в переписку с Лурье, который, по иронии судьбы, сделался в это время «подселенцем» в петроградской квартире Стравинских на Крюковом канале, близ Мариинского театра. Правда, квартира, превращенная в библиотеку МузО, была объявлена национальным достоянием, что, несомненно, спасло ее от разграбления. Кроме того, Лурье, по-видимому, старался облегчить существование своей невольной хозяйки, и отношения между ними сложились вполне дружеские. Анне Кирилловне посвящен романс Лурье «Болотный попик» на стихи А.Блока.

2 сентября 1920 года Стравинский обратился к Лурье с письмом, начинавшимся весьма необычным для него, но необходимым в данном случае образом: «Дорогой товарищ». Он просил посодействовать отъезду Анны Кирилловны, убедив ее распродать для этой цели имеющееся в петроградской квартире семейное имущество Стравинских (послать деньги из-за границы было по условиям того времени невозможно): *«Я думаю, Вы в силах этого добиться и захотите это сделать, так как хорошо поймете чувства, которые мною руководят»*. В заключение Стравинский обещал прислать свои сочинения последних лет – он знал об интересе, который Лурье испытывал к его музыке³.

Покинуть Петроград Анне Кирилловне удалось лишь через два года: она прибыла в Германию в ноябре 1922. Лурье немного опередил ее – в сентябре он уже находился в Берлине, где возобновил контакт с Ферруччо Бузони (с ним он встречался раньше в Петербурге) и познакомился с другими видными композиторами того времени – Эрнстом Кшенеком, Алоисом Хабой и Филиппом Ярнахом. Объединившись, они основали «Международную гильдию композиторов», просуществовавшую, впрочем, недолго. 22 ноября состоялся концерт из камерных произведений Лурье. В Берлине Лурье женился на Тамаре Михайловне Персиц (это был второй его брак). Друг Лурье последних двух десятилетий, его либреттистка и биограф Ирина Грэм писала об этом так – несомненно, со слов самого композитора: *«У семьи Персиц сохранились за границей средства, и Тамара Михайловна сумела создать для Артура Сергеевича условия существования, при которых он мог заниматься только музыкой и не знать материальных забот. К несчастью для А.С., этот союз был ими разрушен»*⁴. Супруги расстались через несколько лет, и вскоре в жизни Лурье появилась другая женщина – Соня Шалит, происходившая «из семьи богатых негоциантов», как сооб-

щала впоследствии та же Ирина Грэм. С Соней, впрочем, официальный брак заключен не был: в третий раз Лурье женился лишь в 1940 году, на Елизавете Белевской-Жуковской. Женщины вообще играли в его жизни очень значительную роль, очевидно, он умел увлекать и легко увлекался сам. Его образ является среди «петербургских теней» в «Поэме без героя» Анны Ахматовой – возможно, самой сильной привязанности в жизни Лурье. Расставшись в 1922, с отъездом Лурье из России, они вновь нашли друг друга и вступили в переписку за несколько лет до смерти, постигшей обоих в один и тот же 1966 год.

Судя по всему, в Берлине у Лурье намечались некоторые перспективы композиторской карьеры. В Париже все сложилось иначе. Возможно, он был сам во многом виноват: «феноменально ленивый» (И. Грэм), он не отличался систематичностью в работе, подолгу не мог закончить произведение, бросал начатое без продолжения. Так, к 1923 году относятся наброски оперы «Нос» по Гоголю в шести картинах (за несколько лет до Шостаковича!), которые, однако, не пошли дальше сцены «У Ковалева. Прихожая и комната. Вечер». Над другой своей сценической вещью – оперой-балетом «Пир во время чумы» по Пушкину Лурье трудился с 1929 по 1933 год и затем еще, по-видимому, дорабатывал: она была намечена к постановке в Парижской опере в 1940 году, но война помешала премьере. *«"Пир во время чумы", – писал Лурье Ахматовой 23 марта 1963, – не был никогда исполнен на сцене полностью, а только в отрывках...»*⁵. Лурье как оперный композитор по сию пору остается практически неизвестным: его вторая опера «Арап Петра Великого» (1949–1960) была исполнена лишь однажды в концертном варианте, в рамках вышеупомянутого фестиваля в Кельне.

В Париже композиторская манера Лурье претерпевает значительные изменения. В сущности, он отказывается от футуристических экспериментов, и в его творчестве обозначаются признаки неоклассицизма – направления, пришедшего на смену авангардному «буйству» 1910-х годов. Главным законодателем новой стилистики в это время становится Стравинский – одна из важнейших для Лурье фигур в его парижские годы.

Судя по всему, их лично познакомила Вера Артуровна де Боссе-Судейкина, близкая знакомая Лурье петербургских лет, понемногу пробовавшая себя в живописи, театре и кино (она сыграла Элен в экранизации «Войны и мира», осуществленной Яковом Протазановым), но больше известная как блестящая красавица, принадлежавшая той же, что и Лурье, петербургской богемной среде. В начале 1920-х годов она еще была женой художника Сергея Судейкина, но

уже тогда начался ее роман со Стравинским, много лет спустя завершившийся браком (они поженились в 1940 году в США). Вера Судейкина сделала запись в дневнике о совместном завтраке с Лурье и Стравинским, присовокупив, что *«Лурье счастлив видеть Игоря и беседовать с ним»*⁶. Лурье почти сразу начинает сотрудничать со Стравинским, помогая ему в подготовке сочинений к изданию. Он просматривает корректуры и позднее делает фортепианные переложения двух крупных сочинений Стравинского – Октета для духовых и «Симфонии духовых инструментов». Между ними завязывается переписка, в 1920-е годы, по-видимому, довольно интенсивная⁷.

«Мне приятна мысль, что я сберегу Вам время и разгрузю от такой работы, которую вместо Вас могут сделать другие. Кроме того, лично мне, я чувствую, это полезно в смысле укрепления техники», – пишет Лурье Стравинскому 4 мая 1924 года из Висбадена, где он дожидается разрешения поселиться во Франции. В другом письме за тот же год Лурье сообщает, что *«первую корректуру партий октета я прочел уже давно и вернул в типографию.<...> Буду очень рад, если Вы мне поручите еще что-нибудь»*. Далее он делится своим замыслом написать монографию о Стравинском: *«Я взял классификацию Ваших произведений совсем по-новому – деля все на два периода кроме подготовительного (включая "Жар-птицу")*. Эти два периода имеют отправной точкой двух "Петрушек"...». Интересно, что «вторым Петрушкой» Лурье называет «Пульчинеллу» – балет с пением на итальянском материале, который большинством был воспринят как отказ Стравинского от своего «русского прошлого». Лурье смотрит глубже, находя в творчестве Стравинского внутреннее единство, существующее вопреки внешней причудливости его эволюции.

Монографию Лурье так и не написал. Самым крупным, что он опубликовал о своем великом современнике, оказалась статья «Музыка Стравинского», напечатанная в парижском русском журнале «Версты»⁸.

«Версты» были евразийским изданием, и легкий оттенок евразийской историософии в статье Лурье ощутить можно, хотя в целом она свободна от какой-либо идеологической заданности. Свободна она и от комплекса исторической неполноценности, заставлявшего видеть в судьбе русской культуры, и в частности музыки, нечто неслыханно уникальное. Мировое значение выросшего на национальной почве творчества Стравинского Лурье констатирует как очевидный факт, как свидетельство зрелого состояния, достигнутого русским искусством на пути естественной эволюции. «Музыка Стравинского становится сверхнациональной и общечеловеческой»,

и в этом своем качестве она значительно влияет на молодую музыку Запада. Стравинский у Лурье – антимодернист, «гений ремесла», пришедший на смену романтическим излишествам Рихарда Штрауса, Скрябина и Дебюсси: *«Диалектика его последних произведений настолько сильна, что в данный момент она не только непобедима, но даже немногими воспринята по существу»*⁹. Под «диалектикой» Лурье подразумевает законы чистой музыки, не замутненные «литературой». Его собственная Первая симфония, законченная в 1930 г., так и озаглавлена: «Sinfonia dialectica».

Далее Лурье обзорекает творческий путь Стравинского, и многие его наблюдения, надо признать, оказались на редкость прозорливыми, особенно, если иметь в виду дальнейшую эволюцию композитора. Статья завершается важным обобщением: *«Начиная с Глинки и до самого последнего времени, в русском музыкальном опыте происходило всегда только повторение и своеобразное отражение того, что свершалось в опыте европейском. В наши дни русский музыкант Стравинский сам творит универсальный опыт, а европейское музыкальное сознание влечется за ним. Впервые русская музыка теряет свое "провинциальное", "экзотическое" значение и с музыкой Стравинского оказывается "во главе угла", становясь водителем всемирного музыкального искусства»*¹⁰.

Остается лишь сожалеть, что Лурье так и не написал обещанную книгу о Стравинском. Наверняка это огорчало и самого Игоря Федоровича, тем более что о другом музыканте-современнике Лурье все же создал солидный труд: о дирижере Сергее Кусевицком. Опубликованный в 1931 году, он был написан при деятельном участии героя книги, кровно заинтересованного в подобной рекламе и не жалевшего усилий и средств для ее появления (позднее в США Лурье служил Кусевицкому своего рода спичрайтером, сочиняя за него тексты публичных выступлений). За содержание книги Лурье пришлось почти извиняться перед Стравинским (письмо от 21 апреля 1932): *«...в самой книге нет ничего, что было бы мне неприятно, это работа серьезная и не плохая, кроме биографической части, которая не имеет значения сама по себе, и которая, как теперь оказывается, сделана на основании сильно подтасованных фактов, которые они мне подсунули, так что это не биография, а лубок раскрашенный...»* Эту фразу в письме Лурье Стравинский сопроводил язвительными подчеркиваниями и вопросительным знаком на полях.

В начале 1930-х годов, когда было написано это письмо, отношения Стравинского и Лурье стали довольно прохладными. Не то было раньше, когда Лурье обращался к своему адресату «мой дорогой

и единственный друг», подписывался просто именем и когда другие корреспонденты Стравинского передавали ему приветы, почти как члену семьи. Их связывало не только деловое сотрудничество: Лурье посвящал Игоря Федоровича в подробности своей внутренней жизни, в свои религиозные переживания, да и просто жаловался на неудачи. *«О себе сказать мне нечего, – пишет он 22 марта 1928 из Парижа. – Чувствую себя неважно. Жизнь становится все труднее и труднее. Иногда просто сил никаких нет, и ищу выхода необходимого в высшем мире...»*; *«Я неоднократно раздумывал о Ваших словах, что я всегда, как Вы сказали, ошибаюсь в оценках людей – следствие одиночества и потребности находить хоть какую-нибудь возможность общения с людьми»* (письмо от 27 декабря того же года). Очевидно, Лурье находил отклик у Стравинского и в творческих проблемах. Так, достоверно известно, что Стравинский пытался продвигать сочинения Лурье и рекомендовал два из них – «Concerto spirituale» (1929) и «Sinfonia Dialectica» (1930) – своему издателю Вилли Штрекеру, главе немецкой фирмы «Schott». О том же свидетельствует и письмо дирижера Эрнеста Ансерме Стравинскому от 31 декабря 1929, где, в частности, говорится: *«Я получил письмо от Лурье, излучающее радость по поводу интереса, который Вы обнаружили к его творчеству»*¹¹. Стравинский считал Лурье одним из лучших экспертов в своем творчестве; в благодарность за работу над изданием «Свадебки» он подарил ему рукописный экземпляр «Сказки о солдате». О доверии Стравинского свидетельствует и такой эпизод: 12 декабря 1929 композитор написал представителю «Columbia Records» в Лондоне, предлагая пригласить Лурье дать серию «конференций» по поводу записей Стравинского – в связи с предстоящим концертным турне в Германии (Берлин, Лейпциг и Дюссельдорф). В другой раз Стравинский пишет в венское издательство «Universal Edition» касательно предисловия к карманному изданию партитуры «Байки про лису»: *«...Хотя оно и написано на неправдоподобном французском, я сумел разобрать смысл достаточно ясно, чтобы понять, что автор едва ли даже знаком с музыкальным языком моего времени...Я прошу Вас изъять эту статью и заменить другой, написанной Ансерме или Артуром Лурье»* (письмо от 30 августа 1929)¹².

По письмам Лурье можно судить о его художественных впечатлениях и оценках, которыми он стремится поделиться с дорогим для него адресатом. 9 декабря 1927 года он отправляет Стравинскому из Парижа большое и весьма характерное в этом отношении письмо: *«...Здесь два события, которые стали центральными. Это Шенберг и изобретатель Термен. Это настоящая сенсация под*

знаком мирового открытия. Он инженер, одаренный технически, его я давно знал в России, теперь находится по дороге из Берлина в Лондон и в Америку. Он изобрел нечто фантастическое, музыку без оркестра и без инструментов: электрическую музыку! Он импровизирует на электрическом инструменте – жестикулируя как дирижер, что выглядит как колдовство, но через несколько минут привыкаешь и становится скучно. Если "термен" разовьется, его можно использовать в кино и радио... Шенберг буквально заполонил собою все. Все играют Шенберга – оркестры, камерные ансамбли, даже в салонах. Вчера я был в его концерте в зале Pleyel. Было полно народу и очень взбудораженное настроение. От музыки впечатление ужасное, во всяком случае у меня. Думаю, что это типичный представитель темного начала, причем вооруженный до зубов и утверждающий во всем только себя самого с удивительной настойчивостью. Он все время пугает, но не становится от этого страшно нисколько, только злит»¹³.

Повлиял ли, в свою очередь, Лурье на Стравинского, и если да, то насколько было велико это гипотетическое воздействие? С полной определенностью ответить на этот вопрос вряд ли возможно¹⁴. Однако следы воззрений Лурье можно обнаружить в художественной идеологии Стравинского 1920-х годов, в его философии композиторского творчества как рода «ремесла», в его усиливающейся склонности к религиозному искусству. Многое здесь шло не только от самого Лурье, но и от Жака Маритена, известного философа неомистического направления, с которым Стравинский познакомился в те же годы, очевидно через Лурье. Маритен – вторая после Стравинского важная личность в духовной эволюции Лурье парижских времен. К нему мы еще вернемся, но прежде расскажем о том, чем кончилась дружба двух композиторов.

Последнее сохранившееся письмо Лурье Стравинскому датировано 18 июня 1939 года, и теплый тон его напоминает былые времена. Но тут были особые обстоятельства: «Дорогой Игорь Федорович, поздравляю Вас с днем Вашего рождения и желаю Вам от всей души найти успокоение от всех ужасных мучений, которые обрушились на Вас за этот год»¹⁵. Думаю о Вас с любовью и нежностью. Не сетуйте на меня, что не пишу. Мне очень трудно писать. Отделяться общими фразами – не хочу, а чтобы по-серьезному писать, нужно исписывать целые тетради. Целую вас и обнимаю. Ваш Артур».

Вскоре после этого произошел полный разрыв отношений. Причина была сугубо личной и касалась Веры Артуровны, точнее, намерения овдовевшего Стравинского жениться на своей многолетней

подруге. По-видимому, Лурье рассказал что-то лишнее о петербургском прошлом Веры Артуровны взрослым сыновьям Игоря Федоровича, и реакция последовала незамедлительно. Позднее Стравинский не желал даже слышать имени Лурье. Не смягчился он даже после его кончины, по поводу которой старый друг, тоже знавший Лурье, Петр Петрович Сувчинский написал ему, что «*Лурье всегда кого-нибудь предавал*». Стравинский ответил так: «*О Лурье стараюсь не думать. Но что Вы о нем пишете, к сожалению, верно; а после смерти человека хотелось бы больше жалеть, чем осуждать, а в данном случае жалению места не нахожу*» (январь 1967; архив).

Сувчинский и позднее остался тверд в своем мнении о Лурье. На просьбу М. Кралина поделиться воспоминаниями о нем он ответил отказом (письмо от 21 октября 1975): «*Я хорошо знал Артура Лурье, но это был человек, о котором мне лично (да и не только мне!) очень трудно говорить и, в особенности, писать...*»¹⁶. Аналогичным образом реагировал русско-американский дирижер и музыковед Николай Леонидович Слонимский, тоже отклонивший вопросы М. Кралина. «*По всей вероятности, в нем было что-то, что вызывало расхождение с людьми*», – заключила одна из современниц Лурье, знавшая его с петербургских времен, – Саломея Николаевна Андроникова-Гальперн¹⁷.

О Маритене Лурье писал Стравинскому не раз. «*...В последнее время я вижу часто Маритена и очень его полюбил... Настоящее Божье гнездо этот дом*» (письмо от 24 ноября 1926). В Маритене и его жене Раисе (по происхождению русской еврейке) Лурье видел духовную опору и поддержку собственному религиозному опыту. На стихи Раисы им было создано несколько вокальных сочинений. Дружба эта сохранялась рекордно долгий для Лурье срок. По завещанию Раисы Маритен, скончавшейся в Париже в 1960 году, Лурье унаследовал дом в Принстоне близ Нью-Йорка и последние годы прожил материально обеспеченным, получая твердую ежемесячную сумму (тоже завещанную Раисой).

Религиозное самоопределение, по-видимому, всегда оставалось для Лурье актуальной проблемой, хотя он и писал на склоне лет о нерушимости своей веры: «*Я верю в Бога... Мой случай редкий, так как у меня никогда не было на этой почве сомнений. Это не просто религиозность, о которой я мало думаю, а мистическое сознание, очень личное, которое питает меня и движет мною всегда и во всем*»¹⁸. Однако необходимо принять во внимание, что Лурье, судя по всему, постоянно пересматривал свое прошлое, подвергая его

подчас весьма решительной ревизии. По этой причине сведения, которые он сообщал о себе, не всегда надежны и нуждаются в тщательной проверке – что, к сожалению, возможно далеко не во всех случаях.

Одной из подобных проблем оказалось происхождение Лурье – вплоть до даты и места его рождения. Биографическая записка, составленная Ириной Грэм со слов Лурье и опубликованная после его смерти (там сказано, что он родился в 1892 году в Петербурге), противоречит и документам, и свидетельствам знавших семью Лурье. Одна из важнейших бумаг на эту тему была опубликована М.Кралиным. Это не вполне грамотно составленный «общественный приговор», то есть нечто вроде метрики, из которой следует, что Лурье родился 1(13) мая 1891 года в местечке Пропойск Могилевской губернии (в советские времена переименован в Славгород), что отец его – «Израиль Хацкелев Лурья», мать – «Анна Янкелева происходящая от левитина», что сын наречен Наумом и «обряд еврейский был исполнен жителем м. Пропойска Гиршею Мовшевым Мовшиным»¹⁹. Семья вскоре переехала в Петербург, что, по-видимому, и дало основания Лурье указывать столицу своим местом рождения. Отец и мать, принявшие русские имена Сергей Львович и Анна Яковлевна, а также брат Яков ко времени эмиграции Артура жили в Петрограде; родители впоследствии умерли в блокаду, брат погиб в ополчении в первые месяцы войны. Очевидно, в юности Лурье так и назывался Наумом (Сергеевичем), пока в 21 год он не принял католичество и не окрестился как Артур Винцент – в честь Шопенгауэра и Ван-Гога. В России его имя превратилось в «Артура Сергеевича».

Довольно фантастична указанная в биографии Грэм родословная семьи Лурье: по отцовской линии он считал себя потомком средневековых испанских евреев и полагал, что среди его предков был легендарный философ и мистик Ицхак Лурия. Все это малодостоверно, особенно если учесть широкую распространенность в самых разных концах света, в том числе и в России, фамилии Лурье. Далее в том же источнике говорится, что Анна Яковлевна, мать Артура, была «верующей христианкой», в то время как семья по укладу была чисто еврейской и в доме соблюдались иудейские праздники. Сам Артур Сергеевич в юношеские годы изучал древнееврейский язык и Тору под руководством частного учителя – хедер он не посещал. Соприкасался он и с православием, что было естественно в России; позднее, в парижские годы, он одобрительно отнесся к переходу в православие жены Тамары. От Стравинского он ждал сочинения «обедни православной»: *«...видите, теперь я еще ближе подошел к православию и не только чувством, а и в обряде. <...>*

Благодаря русской службе он (священник Евреинов. – С.С.) создал для меня связь с Россией и уводит меня от буржуазного быта, который очень утомляет в современном латинстве...» (письмо от 24 апреля 1924 года). Подобный поворот к православию – типичная черта российских эмигрантов, даже тех, кто прежде на родине был индифферентен к религии. «Буржуазность» для Лурье – крайне негативное качество, и здесь слышится не столько эхо его «комиссарства», сколько голоса завсегдатаев «Бродячей собаки» с их презрением к «фармацевтам», как на тамошнем языке назывались состоятельные посетители подвала-кабаре.

Ненавистью к «буржуа», вероятно, объясняется отношение Лурье к соплеменникам – хотя в данном пункте тоже приходится полагаться на свидетельства Ирины Грэм. Вероятно, что-то в подобном роде ей все же приходилось слышать от Лурье. В письме М.Кралину от 28 августа 1973 года она сообщает следующее: *«Он странно относился к евреям и говорил, что только очень бедные евреи бывают "людьми". Он не выносил еврейскую буржуазию и плутократию; столкнувшись с каким-либо явлением спекуляции, жадности, саморекламы, делячества, хвастовства, он с отчаянием в голосе восклицал: "Боже! За что я так наказан? Почему я родился среди этого ужасного народа?"...А.С. говорил, что еврейство закончило свою миссию после явления Христа»*²⁰. В другом месте Грэм добавляет, что Артур Сергеевич «органически не терпел сионистов» и именно это послужило причиной расхождения с упоминавшейся выше Соней Шалит, которая ревностно участвовала в сионистском движении. Впрочем, и католицизм Лурье, по мнению Грэм, не был глубоким: *«А.С. увлекся католическим романтизмом в юные годы, затем бросился в католическую мистику в Париже, как и многие снобы. Он – суевер. Сейчас – горькие сетования, переоценка всех ценностей, всей жизни переоценка»*²¹.

Отказавшись от своих корней, Лурье, по-видимому, не обрел опоры ни в круговерти парижской жизни, ни в американском «крокодилищем раю» (его собственное выражение). В США он тоже чувствовал себя чужим, ища спасения в творчестве и, на склоне лет, в воспоминаниях о России, о собственном футуристском прошлом и о петербургских тенях из давно исчезнувшей жизни.

¹ Цит. по: *Стравинский И.Ф.* Переписка с русскими корреспондентами: Материалы к биографии / Сост., текстолог. ред. и коммент. *Варунца В.П.* Т.2: 1913–1922. М.: Композитор, 2000. С. 479.

² Архив И.Ф.Стравинского в Фонде Пауля Захера (Paul Sacher Stiftung, Basel, Schweiz), №41/1486. Публикуется впервые.

³ *И.Ф.Стравинский*. Указ. соч. С.479.

⁴ *Кралин М.* Артур и Анна: Роман без героя, но все-таки о любви. Томск: Водолей, 2000. С.67.

⁵ Там же. С.12.

⁶ Dearest Bubushkin: The Correspondence of Vera and Igor Stravinsky, 1921–1954, with excerpts from Vera Stravinsky's Diaries, 1922–1971. Ed. by Robert Craft. London: Thames and Hudson, 1985. P.20.

⁷ Письма Стравинского Лурье за единичными исключениями остаются неизвестными; письма Лурье хранятся в указанном выше Архиве И.Ф.Стравинского в Фонде Пауля Захера. Выдержки из них, публикуемые с любезного разрешения Фонда, приводятся далее без специальных ссылок.

⁸ Париж. 1926. №1. Как значилось на титуле, журнал выходил «под ред. кн. Д.П.Святополк-Мирского, П.П.Сувчинского, С.Я.Эфрона и при ближайшем участии Алексея Ремизова, Марины Цветаевой и Льва Шестова».

⁹ Версты. 1926. №1. С.121.

¹⁰ Там же. С.134.

¹¹ Stravinsky in Pictures and Documents. Ed. by Vera Stravinsky and Robert Craft. New York: Simon & Schuster, 1978. P.291.

¹² Ibid. P.290.

¹³ Противоположностью Шенбергу Лурье считал Стравинского: эта мысль, впоследствии ставшая популярной в литературе о музыке XX века, была впервые высказана именно им.

¹⁴ В музыкальном наследии Лурье есть любопытный пример совпадения со Стравинским, причем хронологически опережающего. В 1945 г. он написал камерную кантату на текст Томаса Элиота «Little Gidding» (из цикла «Четыре квартета»). В 1962 г. к этому же тексту обратился Стравинский, сочинивший на него «Антем» для хора без сопровождения. О кантате Лурье он почти наверняка не знал.

¹⁵ В период с ноября 1938 по июнь 1939 г. Стравинский потерял старшую дочь Людмилу, жену Екатерину Гавриловну и мать Анну Кирилловну. (*Примеч. автора наст. статьи*)

¹⁶ Письмо М.Кралину от 20 нояб. 1973 г. Цит. по: *Кралин М.* Указ. соч. С.151.

¹⁷ Там же. С.150.

¹⁸ Письмо С.Н.Андрониковой-Гальперн от 30 авг. 1963 г. Цит. по: *Кралин М.* Указ. соч. С.108.

¹⁹ Там же. С.7–8.

²⁰ Там же. С.73–74.

²¹ Письмо И.Грэм С.Н.Андрониковой-Гальперн от 29 мая 1965 г. Цит. по: *Кралин М.* Указ. соч. С.127.

Сергей Кусевицкий в Париже

Эрнст Зальцберг (Торонто)

Сергей Кусевицкий

Говоря о вкладе русско-еврейских музыкантов в музыкальную жизнь за рубежом, чаще всего упоминают инструменталистов, значительно реже – певцов и почти никогда – дирижеров. Отчасти это связано с тем, что дирижеров мирового класса в России всегда было немного. Тем большего внимания заслуживает фигура Сергея Александровича Кусевицкого, оказавшего большое влияние на музыкальную жизнь России, Западной Европы и Северной Америки в первой половине XX века.

Он родился в Вышнем Волочке 26 июля 1874 г. в ортодоксальной еврейской семье, где строго соблюдались религиозные еврейские законы и традиции. Отец был учителем музыки и клейзмером, мать – пианисткой; она умерла, когда Сергею было всего три года. У отца мальчик научился играть на скрипке, а с помощью друзей отца – музыкантов познакомился с игрой на других инструментах.

В 1891 г. Сергей уехал в Москву и был принят в Училище Филармонического общества. По-видимому, до отъезда в столицу он крестился, но точная дата этого события неизвестна. В Училище Сергей поступил в класс контрабаса профессора Йозефа Рамбоузека¹. Такой несколько странный выбор объяснялся тем, что желающих учиться игре на этом инструменте было слишком мало, и для того чтобы привлечь студентов в класс контрабаса, их освобождали от платы за обучение и даже выплачивали небольшую стипендию.

Под руководством Рамбоузека Сергей делал значительные успехи. Уже в 1892 г. он был представлен П. Чайковскому и исполнил

¹ Рамбоузека Йозеф (1845–1901), чешский контрабасист-виртуоз, работал в Штутгарте, Гетеборге и Москве, где был концертмейстером Большого театра и профессором Училища Филармонич. общ-ва.

ему собственную аранжировку *Andante Cantabile* из Первого струнного квартета композитора, который сам аккомпанировал молодому музыканту на фортепиано.

Еще до окончания Училища, 1 октября 1894 г., Кусевицкий был принят в оркестр Императорского Большого театра. Не ограничиваясь игрой в оркестре, он периодически выступал в Москве и Петербурге с сольными концертами, а также в составе трио и квартетов.

После смерти профессора Рамбоуэка в марте 1901 г. Кусевицкий заменил его в качестве концертмейстера контрабасов в оркестре Большого театра и преподавателя контрабаса в Филармоническом училище.

Не позже чем в 1902 г. (точная дата неизвестна) Кусевицкий женился на балерине кордебалета Большого театра Надежде Галат, однако этот брак оказался недолговечным.

В 1905 г. произошло одно из важнейших событий в жизни Сергея Александровича – его знакомство с Наталией Ушаковой, дочерью главы крупной чайной компании, multimиллионера Константина Ушакова, и последующая женитьба на ней. Громадное приданое, полученное Наталией, обеспечило финансовую независимость Кусевицкому как в России, так и впоследствии на Западе. Помимо этого, он приобрел прекрасного помощника во всех своих музыкальных начинаниях: Наталия была хорошо образована, владела немецким, французским и английским языками и обладала незаурядными организаторскими способностями.

Вскоре после женитьбы Кусевицкий оставил службу в театре и училище и в 1906 г. вместе с женой уехал в Берлин. Главной целью поездки было приобретение знаний и навыков для того, чтобы испытать свои силы в новой для него области дирижирования, которая давно уже привлекала музыканта. Сергей Александрович никогда ранее не обучался этому искусству, его наглядными уроками стали выступления выдающихся немецких дирижеров Феликса Мотля², Рихарда Штрауса³, Феликса Вейнгартнера⁴ и, в особенности, Артура

² Мотль Феликс (1856–1911), австр. дирижер, композитор. В 1881–1903 гг. – дирижер театра в Карлсруэ, с 1903 г. – муз. руководитель Мюнхенского театра; дирижировал мн. вагнеровскими постановками в Байрейте. Известен как один из лучших интерпретаторов опер Вагнера.

³ Штраус Рихард (1864–1949), нем. композитор и дирижер, автор широко известных симфонич. поэм и опер. Выступал с оркестрами Майнингена, Берлина, был дирижером оперных театров в Дрездене и Вене, участвовал в Байрейтских фестивалях.

⁴ Вейнгартнер Феликс фон (1863–1942), австро-нем. дирижер, композитор. В 1908–11 и в 1935–36 гг. – директор и дирижер Венской оперы. Известен своими интерпретациями произведений Бетховена, Вагнера и Чайковского.

Никиша⁵. Изучив партитуры, которые предстояло услышать, он брал их с собой на концерты этих дирижеров и делал в них тщательные пометки, касавшиеся всех деталей исполнения. Не будучи стеснен в средствах, Кусевицкий нанимал сначала пианиста, а позже – студенческий оркестр и, дирижуя им по многу часов, приобретал и совершенствовал свою дирижерскую технику. Нетрадиционную практику разучивания партитур под рояль музыкант сохранил на многие последующие годы.

23 января 1908 г. состоялся дирижерский дебют Кусевицкого – наняв Берлинский филармонический оркестр, он продирижировал программой, состоявшей из произведений русских композиторов. В нее входили увертюра «Ромео и Джульетта» П.Чайковского, Концерт для фортепиано с оркестром №2 Рахманинова (солист – автор), антракт из оперы С.Танеева «Орестея» и Симфония до минор Р.Глиэра⁶. Два последних произведения прозвучали в Германии впервые. Этот живой интерес к современной музыке Сергей Александрович сохранил до конца дней. Дирижерский дебют Кусевицкого был чрезвычайно успешен. Рецензент журнала *Die Signale* («Сигнал») писал:

Между дирижером и оркестрантами установился полный контакт, музыкант, несмотря на горячий темперамент, никогда не терял контроля над собой... Если это был действительно дирижерский дебют Кусевицкого, то с полной уверенностью можно сказать, что от него следует ожидать многого... Можно утверждать уже сегодня, что трудно желать лучшего интерпретатора русской музыки, чем этот дебютант дирижерской палочки⁷.

Вернувшись в 1909 г. в Россию, Кусевицкий быстро стал заметной и влиятельной фигурой в музыкальной жизни страны. Особенно существенной была его роль в пропаганде современных русских композиторов. Уже весной 1909 г. Сергей и Наталия Кусевицкие объявили об учреждении в Москве и Берлине Русского музыкального издательства с начальным капиталом в пятьсот тысяч рублей. Целью издательства была публикация сочинений современных русских композиторов, и трудно переоценить заслуги Сергея Александровича в этой области. Так, до 1917 г. здесь были опубликованы

⁵ Никиш Артур (1855–1922), венг. дирижер. Руководил Бостонским симфонич. оркестром, оркестром Гевандхауз, Берлинским филармонич. оркестром, Гамбургским филармонич. оркестром.

⁶ Глиэр Рейнгольд Морицевич (1875–1956), рус. композитор, автор пяти опер, шести балетов, трех симфоний, четырех концертов с оркестром, вокальной и камерной музыки.

⁷ *Smith Moses. Koussevitzky. New York: Allen, Towne and Heath Inc., 1947. P.37. (Далее – Smith).*

произведения А.Скрябина, И.Стравинского, С.Рахманинова, С.Тане-ева, Г.Конюса⁸, Н.Метнера⁹, Г.Катуара¹⁰ и многих других русских композиторов. Отныне Кусевицкий делил свое время между дирижированием, издательскими делами и сольными выступлениями.

В мае 1910 г. дирижер предпринял гастрольную поездку, невиданную до тех пор в России. Зафрахтовав пароход «Первый», он вместе с оркестром Большого театра отправился «вниз по матушке, по Волге». В течение месяца оркестр дал 23 концерта в одиннадцати волжских городах, включая Тверь, Саратов, Самару, Казань, Нижний Новгород, Симбирск, в большинстве из которых симфоническая музыка никогда до этого не исполнялась. Программы концертов были далеко не развлекательного свойства и включали произведения Бетховена, Мусоргского, Вагнера, Чайковского, Римского-Корсакова, Скрябина, Бруха¹¹.

В следующем году Кусевицкий осуществил свою давнюю мечту – основал собственный оркестр. Это был первый в России профессиональный коллектив, созданный исключительно для исполнения симфонической музыки. До революции 1917 г., после которой оркестр прекратил свое существование, Сергей Александрович дал с ним десятки концертов в Москве и Петербурге. Пожалуй, наиболее ярким был последний предвоенный сезон 1913/14 гг., во время которого под управлением Кусевицкого были исполнены «Реквием» Д.Верди, Концерт для фортепиано, оркестра и хора Ф.Бузони¹² (солист – автор), и Сюита из балета И.Стравинского «Весна священная» (премьера). Помимо концертов в столицах, Кусевицкий со своим оркестром совершил еще два концертных турне по Волге – в 1912 и 1914 гг.

Уже при большевиках Кусевицкий был назначен дирижером Государственного оркестра в Петрограде (бывший Императорский оркестр, ставший впоследствии оркестром Ленинградской филармонии).

⁸ Конюс Георгий Эдуардович (1862–1933), рус. композитор, теоретик, педагог. Автор балета «Даита», симфонич. и камерной музыки, романсов.

⁹ Метнер Николай Карлович (1880–1951), рус. композитор, пианист. Автор сонат и сказок для фортепиано, трех концертов для фортепиано с оркестром и многочисленных вокальных произведений.

¹⁰ Катуар Георгий Львович (1861–1926), рус. композитор, музыковед, педагог. Автор симфонии, симфонической картины «Мцыри», концерта для фортепиано с оркестром, камерной и вокальной музыки.

¹¹ Брух Макс (1838–1920), нем. композитор и дирижер, ученик Ф.Хиллера и К.Рейнике. Работал в Берлине, Бонне, Ливерпуле, Бреслау. Автор трех опер, трех симфоний, трех концертов для скрипки, Шотландской фантазии для скрипки с оркестром, Концерта для виолончели с оркестром «Кол нидре» (молитва; иврит, букв. «Все обеты») и мн. хоровых произведений.

¹² Бузони Ферручио (1866–1924), итал. пианист, композитор, дирижер, автор четырех опер, оркестровых и фортепианных произведений.

С разрешения новых властей дирижер вместе с женой уехал в конце мая 1920 г. на гастроли в Европу и, воспользовавшись этой возможностью, остался навсегда на Западе.

Покинув Россию, Кусевицкие сделали остановку в Берлине. Здесь, вопреки своим худшим опасениям, они обнаружили, что и помещение, и оборудование их нотного издательства остались невредимыми, и даже их старый служащий оказался на месте. Хотя касса издательства и его счет были пусты, это не изменило решения Кусевицких перевести немецкий филиал издательства в Париж.

Супруги прибыли во французскую столицу в июне 1920 г. Несмотря на то, что после революции 1917 г. собственность Кусевицких в России была национализирована, у них остались значительные вклады в заграничных банках, и это позволило им обосноваться на новом месте с комфортом. Кусевицкие приобрели в престижном парижском пригороде Auteuil большой дом и обставили его с дореволюционной роскошью и вкусом.

В этом доме бывали многие французские и русские музыканты. Одним из них был молодой Николас Слонимский¹³, который стал переводчиком, секретарем и ассистентом-аккомпаниатором дирижера.

Кусевицкий, верный своему испытанному методу, продолжал разучивать новые произведения под аккомпанемент фортепиано, и необычайная легкость, с которой Слонимский читал с листа сложные оркестровые партитуры, была как нельзя более кстати дирижеру. Сотрудничество двух музыкантов было взаимно полезным. Так, во время работы над партитурой балета И. Стравинского «Весна священная» Слонимский заметил, что дирижер испытывал трудности со сложными и часто меняющимися размерами в «Священном танце», завершающем партитуру. Пианист предложил свой, несколько упрощенный вариант метрической структуры танца, который, не меняя его размеров, значительно облегчал дирижирование. После долгих колебаний Кусевицкий принял предложенную версию и впоследствии всегда следовал ей, дирижуя этим произведением. Интересно отметить, что много лет спустя сам композитор внес в партитуру изменения, аналогичные тем, которые предложил Кусевицкому Слонимский¹⁴.

В конце апреля – начале мая 1921 г. в парижском зале Гаво прошел организованный Кусевицким Русский музыкальный фести-

¹³Слонимский Николас (1894–1995), амер. музыковед, лексикограф, композитор, дирижер, пианист (см. также: *Бергинер-Тавгер Б.* Вечно юный Николас (Николай) Слонимский // ЕВКРЗ. Т.4. Иерусалим, 1995. С.469–487).

¹⁴*Slonimsky Nicolas.* Perfect Pitch. Oxford: Oxford Univ. Press, 1988. P.76.

валь. Он состоял из трех симфонических концертов, в программы которых входили парижские премьеры «Поэмы экстаза» и «Прометей» А.Скрябина и «Скифской сюиты» С.Прокофьева.

Критик музыкального журнала *Le Ménestrel* писал об исполнении последнего произведения:

*До Кусевицкого никто из дирижеров не был поглощен в такой степени игрой оркестровых тембров. Такая переоценка ценностей справедлива лишь для произведений, которые предрасположены к ней генетически. Кусевицкий, однако <...> применяет этот подход ко всей музыке <...>*¹⁵.

Несмотря на критические ноты, содержащиеся в рецензии, обозреватель верно подметил одно из главных качеств Кусевицкого-дирижера: его глубокий интерес к оркестровым краскам и тембрам и умение пользоваться ими для достижения художественных целей.

Слушателями первых концертов Кусевицкого в Париже были преимущественно русские эмигранты, для которых эти выступления стали отдушиной и средством хотя бы на время отвлечься от тягот борьбы за выживание.

Начиная с осени 1921 г. дирижер перенес свои выступления, названные «Симфонические концерты Кусевицкого», в помещение Парижской национальной оперы на площади Гарнье. Концерты стали модными и престижными, изменилась их аудитория – роскошный зал Парижской оперы заполняли представители высшего парижского общества и западно-европейской музыкальной элиты. Кусевицкий превратился в одного из законодателей музыкальной моды в Париже, и его роль и место в музыкальной жизни французской столицы 20-х годов вполне сопоставимы с ролью Дягилева и его «Русских сезонов» в довоенном Париже.

Как известные композиторы, так и композиторы, желавшие обрести известность, обращались к Кусевицкому с просьбами об исполнении их сочинений, и дирижер охотно включал премьеры их произведений в программы своих концертов. Однако интерес Кусевицкого к современной музыке не ограничивался концертной деятельностью. Он заказывал новые музыкальные произведения и публиковал их в своем издательстве; нередко издавал и ранее сочиненные, но не публиковавшиеся. Так, в Русском издательстве Кусевицких были опубликованы фортепианная версия балета «Шут», «Сказки старой бабушки», фортепианные пьесы Op.32, «Увертюра на еврейские темы», «Песни без слов» и оркестровая сюита из оперы «Любовь к трем апельсинам» С.Прокофьева. По заказу Кусевицкого

¹⁵ Smith, p.107.

С.Прокофьев сочинил летом 1924 г. Вторую симфонию. Для того чтобы композитор смог сосредоточиться исключительно на сочинительстве, дирижер выплатил ему большую часть гонорара авансом. В Русском издательстве были также опубликованы многие сочинения И.Стравинского и других современных композиторов.

С 1921 по 1924 г. «Симфонические концерты Кусевицкого» проходили дважды в году, весной и осенью. Поскольку концерты финансировались самим дирижером, то он соединял в своем лице художественного руководителя и менеджера этого коллектива и единолично решал все кадровые и репертуарные вопросы. Так же, как и в России, Кусевицкий оставался убежденным пропагандистом современной музыки, которая составляла основу репертуара его концертов. Вкусы дирижера в этой области были весьма избирательными и основывались на его поразительном чутье к новым веяниям и течениям и к новым, быстро меняющимся запросам парижской публики, пресыщенной музыкальными впечатлениями. «Концерты Кусевицкого» не только привлекали музыкальных эстетов и «гурманов» со всей Европы, они служили также своеобразной лабораторией, где молодые композиторы проверяли на публике новые творческие идеи и концепции и обменивались ими с коллегами. Живший в Париже в 20-е годы начинающий американский композитор А.Копленд¹⁶ вспоминал:

Концерты Кусевицкого проходили в зале Оперного театра... и привлекали интернациональную музыкальную элиту. Я ходил на каждый из них и сидел на галерке вместе с другими студентами... Эти концерты давали уникальную возможность услышать премьеры и исполнения произведений современной музыки, в том числе «неоклассические» сочинения Стравинского, которые мы затем обсуждали в классе Буланже¹⁷.

Кусевицкий не только дирижировал новыми сочинениями, но и привлекал молодых композиторов к исполнению собственных сочинений. Вот список премьер произведений Прокофьева и Стравинского, прозвучавших в «Концертах Кусевицкого» в Париже:

29 апреля 1921 г. – «Скифская сюита» С.Прокофьева;

20 апреля 1922 г. – Третий Концерт для фортепиано с оркестром С.Прокофьева (солист – автор);

¹⁶ Копленд Аарон (1900–1990), амер. композитор и педагог. Учился у Р.Гольдмарка (Нью-Йорк) и Н.Буланже (Париж). Автор двух опер, четырех балетов (наиболее известный – «Родео», 1942 г.), трех симфоний и камерно-инструментальной музыки.

¹⁷ Copland A., Perlis V. Copland 1900 Through 1942. New York: St.Martin's Mark, 1984. P.73. (Далее – Copland A., Perlis V.).

18 октября 1923 г. – Первый Концерт для скрипки с оркестром С.Прокофьева (солист – М.Дарье) и Октет И.Стравинского;

22 мая 1924 г. – Концерт для фортепиано и духовых инструментов И.Стравинского (солист – автор);

29 мая 1924 г. – Оратория «Семеро, их было семеро» С.Прокофьева.

Парижский корреспондент газеты *Нью-Йорк таймс* Олин Даунс писал о премьере Оратории:

*Трудно сказать, как прозвучало бы это произведение под управлением дирижера, не преисполненного к нему такой заинтересованности, как Кусевицкий. Но в этот вечер и под его управлением эта вещь произвела громадное впечатление*¹⁸.

Помимо произведений русских композиторов, в «Концертах Кусевицкого» были впервые исполнены многие сочинения современных французских авторов. Так, под его управлением состоялись премьеры «Победоносного Горация» (1921 г.), «Песни радости» (1923), «Пасифик 231» (1923), Концертино для фортепиано (1925) Артура Онеггера¹⁹, «Миражей» Флорана Шмитта²⁰ (1924), «Картинок с выставки» М.Мусоргского в оркестровке Мориса Равеля (1922). Дирижер часто включал в программы своих концертов работы Дариуса Мийо²¹, Альбера Русселя²², Эрика Сати²³, Лили Буланже²⁴.

Программа (фрагмент)
концертов С.Кусевицкого
Художник М.Добужинский

¹⁸ Robinson H. Sergei Prokofiev. New York: Viking Penguin Inc., 1987. P.183.

¹⁹ Онеггер Артур (1892–1955), французский композитор, член группы *Шести*, автор многих опер, ораторий, пяти симфоний, многочисленных оркестровых произведений и камерной музыки.

²⁰ Шмитт Флоран (1870–1958), французский композитор, критик, пианист, педагог. Автор балетов, двух симфоний и других оркестровых произведений, а также камерно-инструментальной музыки.

²¹ Мийо Дариус (1892–1974), французский композитор, член группы *Шести*. Автор опер, балетов (наиболее известный – «Сотворение мира», 1923 г.), двенадцати симфоний, концертов с оркестром и камерной музыки.

²² Руссель Альбер (1869–1937), французский композитор, автор четырех балетов, камерной и вокальной музыки.

²³ Сати Эрик (1866–1925), французский композитор. Автор оркестровых и фортепианных произведений и балета «Парад» (1917 г.).

²⁴ Буланже Лили (1893–1918), французский композитор, сестра педагога, дирижера и композитора Нади Буланже. Автор симфонических поэм, оперы, пьес для скрипки и фортепиано, вокальной и хоровой музыки.

Хотя в репертуаре Кусевицкого современная музыка занимала главное место, он исполнял и классический репертуар – произведения Бетховена, Берлиоза, Брамса, Чайковского. Сам дирижер так говорил о программах своих концертов:

Я не модернист и не классицист в моих музыкальных пристрастиях. Произведения великих классиков совершенно необходимы мне и как музыканту, и как слушателю. Как никто другой, я бы не согласился жить без них. Но музыка не является застывшим искусством. Она продолжает создаваться и является выразительницей своего времени. Для нас так же необходимо знать, что делается в области музыки теперь, как и то, что было сделано раньше... Что касается ценности новых произведений, то дирижер, основываясь на своей оценке, представляет их публике. Остальное рассудит время²⁵.

В Париже Кусевицкий выступил и в качестве оперного дирижера. Так, в 1922 г. под его управлением в Парижской опере были исполнены «Борис Годунов» и «Хованщина» М.Мусоргского. С ноября 1922 по январь 1923 г. Кусевицкий вместе с труппой русских певцов совершил гастрольную поездку по Испании и Португалии. В репертуаре труппы было несколько русских опер, в том числе «Борис Годунов» М.Мусоргского, «Князь Игорь» А.Бородина и «Пиковая дама» П.Чайковского. Зимой следующего года дирижер с той же оперной труппой предпринял вторую поездку по Испании.

Кусевицкий не только прекрасно ориентировался во всех направлениях современной музыки, но и обладал несомненным чутьем на новые, неизвестные таланты. Вот как описывает свою первую встречу со знаменитым дирижером в 1923 г. молодой А.Копленд, который был ему представлен учительницей по композиции Н.Буланже:

Дом Кусевицкого в Париже показался мне роскошным. Под мышкой у меня была моя единственная оркестровая партитура «Мрачный кортеж». Мазстро попросил меня сыграть ее... Зная, что Буланже собиралась посетить США, Кусевицкий предложил, чтобы она исполнила сольную партию органа в сочинении для органа с оркестром, которое я должен буду написать. «Вы напишите Концерт для органа, мадам, Буланже сыграет его, и я продирижирую им», – заявил Кусевицкий без тени сомнения²⁶.

Из Парижа Кусевицкий совершал частые гастрольные поездки в Англию и Германию. Так, по окончании уже своего первого весеннего сезона в Париже дирижер дал несколько концертов из произведе-

²⁵ Smith, p.126.

²⁶ Copland A., Perlis V., p.91–92. Кусевицкий выполнил свое обещание – симфония для органа с оркестром (солистка – Н.Буланже) была исполнена им с Бостонским оркестром в сезоне 1924/25 гг.

дений русских композиторов в Лондоне. В одном из этих концертов, 10 июня 1921 г., им была впервые исполнена Симфония для духовых инструментов И.Стравинского.

Хотя дирижирование было в центре музыкальной деятельности Кусевицкого в Париже, он выступал здесь и как виртуоз-контрабасист, чаще всего в ансамбле с пианистом Р.Казадезюсом²⁷. За несколько лет до парижских концертов К.Бальмонт написал замечательную «стихотворную рецензию» на одно из московских выступлений Кусевицкого-контрабасиста:

Я знаю, что сегодня видел чудо:
Гудел и пел священный скарабей.
Души был слышен ясный зов оттуда,
Где зреет гром средь облачных зыбей.
Вдруг мощный звук ладьею стал скользящей,
Мелькало белым тонкое весло.
Играли струны музыкою зрящей,
И сердце пробудилось в ней светло.
А он, колдун, обеими руками
Нам рассыпал напевный дождь колец
И, весь горя, дрожащими перстами
Касался струн, касаясь всех сердец²⁸.

Судя по восторженным отзывам, Кусевицкий не утратил своего мастерства и в полной мере сохранил и в Париже редкое умение «касясь струн, касаться всех сердец».

Летом 1923 г. музыкант получил приглашение занять пост дирижера Бостонского симфонического оркестра, который освобождался в следующем году в связи с окончанием контракта Пьера Монте²⁹. Желая представить нового дирижера американской публике, упоминавшийся парижский корреспондент газеты *Нью-Йорк таймс* О.Даунс писал:

Это дирижер, которого нужно и видеть, и слышать. Высокий, с темными с проседью волосами, с нервными руками и выразительным лицом, с подвижностью, которой обладают лишь считанные дирижеры, Кусевицкий играет... на инструменте, которым является его оркестр. То, что он слышит в музыке, воплощается в каждом его движении. Дирижируя хором и оркестром, он добивается от них

²⁷ Казадезюс Робер (1899–1972), французский пианист, педагог, композитор. Гастролировал во многих странах мира.

²⁸ Бальмонт К. С.А.Кусевицкому, играющему на контрабасе // Лирика. Минск: Харвест, 1999. С.474.

²⁹ Монте Пьер (1875–1964), французский дирижер. В 1919–1924 гг. руководил Бостонским оркестром, в 1928–1938 гг. – симфоническим оркестром Парижа, в 1936–1952 гг. – симфонич. оркестром Сан-Франциско, с 1961 г. – Лондонским симфонич. оркестром.

наиболее выразительного... отклика на свои жесты... Дирижер запоминается надолго – прямой, властный, с лицом, выражающим всю гамму эмоций, с выразительными пальцами, вызывающими всплески хорового звучания, со взглядом, охватывающим весь оркестр и вызывающим неожиданный и драматический эффект. Как музыкант он обладает темпераментом, который сметает все на своем пути. В нем есть властность, громадный энтузиазм и способность увлечь всем, что он делает. Даже если бы он был менее искренним и оригинальным музыкантом, чем он есть на самом деле, одни упомянутые выше качества вполне обеспечили бы ему успех у публики³⁰.

В начале сентября 1924 г. Кусевицкий уехал в Америку, и с этого времени начался заключительный период его жизни, тесно связанный с Бостонским симфоническим оркестром и музыкальным фестивалем в Танглвуде. Однако с отъездом в США связи дирижера с Парижем не прервались – на протяжении следующих четырех лет он регулярно возвращался во французскую столицу в качестве гастролера и продолжал «Концерты Кусевицкого». На сей раз дирижер выступал в новой роли – пропагандиста современной американской музыки в Старом Свете. Так, весной 1925 г. в «Концертах Кусевицкого» были впервые в Европе исполнены «В стране зазеркалья» Д.Тейлора³¹, «Китайская легенда» Г.Эйхейма³² (дирижер – автор) и симфония А.Копленда для органа с оркестром.

Как и прежде, в «Концертах Кусевицкого» исполнялись новые произведения современных европейских композиторов: в июне 1925 г. под его управлением впервые прозвучала 2-я симфония С.Прокофьева, 7 июня 1928 г. состоялась премьера Концерта для фортепиано с оркестром А.Русселя (солист – А.Боровский).

Кусевицкий продолжал привлекать молодых композиторов к исполнению их собственных сочинений. Так, в концерте 30 мая 1925 г. был впервые исполнен концерт для фортепиано с оркестром Ж.Тайфер³³ (солистка – автор); в мае 1928 г. П.Хиндемит³⁴ исполнил свой Концерт для альта с оркестром.

³⁰ Smith, p.121–122.

³¹ Тейлор Димс (1885–1966), амер. композитор и критик, автор опер и оркестровых произведений.

³² Эйхейм Генри (1870–1924), амер. композитор и скрипач, совершил неск. путешествий в Китай и Восточную Азию, где изучал и собирал местную музыку и инструменты. Автор оркестровых произведений, в которых широко использованы восточные темы.

³³ Тайфер Жермен (1892–1983), франц. композитор, член группы *Шестниц*, автор нескольких опер, произведений для фортепиано, камерной музыки.

³⁴ Хиндемит Пауль (1895–1963), нем. композитор, дирижер, альтист, теоретик. Автор мн. опер, балетов, симфоний, концертов, сюит.

Не прекращалось сотрудничество Кусевицкого и с Парижским оперным театром – в 1926 г. он снова дирижировал «Хованщиной» Мусоргского.

Начиная с 1930 г. Кусевицкий приезжал во Францию в основном для отдыха или лечения. Последний раз перед войной оркестр под его управлением играл в Париже 1 февраля 1939 г. на вечере, посвященном симфонической музыке Чайковского; в программе были 6-я симфония, «Итальянское каприччио» и скрипичный концерт (солист – М.Эльман)³⁵.

В знак признания выдающихся заслуг дирижера в развитии французской музыкальной культуры он был удостоен званий офицера и командора ордена Почетного легиона.

С.Кусевицкий скончался в Бостоне 4 июня 1951 г.

Дополнительная литература о С.А.Кусевицком

Lourié Arthur. Sergei Koussevitzky and his Epoch. Freeport, New York: Books for Libraries Press, 1931.

Современные дирижеры / Сост. Л.Григорьев и Я.Платек). Москва: Сов. комп., 1969. С.150–152.

Schonberg Harold. The Great Conductors. New York: Simon and Schuster, 1967. P.300–308.

Lyman Darryl. Great Jews in Music. Middle Village. New York: Jonathan David Publishers, 1986. P.107–109.

DeKay Kenneth. Koussevitzky and his Biographers. Koussevitzky Recording Society's Newsletter. V.III. 1988. P.3–6.

Сорокер Яков. Российские музыканты евреи: Биобиблиогр. слов. Часть I. Иерусалим, 1992. С.44–45.

Музыка: Большой Энцикл. слов. / Гл. ред. Г.Келдыш. М.: Большая Российская энцикл., 1998. С.287.

The New Grove Dictionary of Music and Musicians, second edition edited by Stanely Sadie. London: MacMillan Publishers Limited, 2001. P.844–845.

³⁵ Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: Франция: 1920–1940. В 4 т. / Под общей ред. Л.А.Мнухина. Москва: ЭКСМО – Париж: ИМКА-Пресс, 1995–1997. (По ук. им.).

Эмиль Альбертович Купер – «дирижер-Наполеон»?

Белла Бергинер-Тавгер (Иерусалим)

Эмиль Купер

Когда, в достаточно зрелом возрасте, я впервые посетила Париж, я покидала его с каким-то разочарованием: оказалось, что это реальный город, с обычными людьми, которые ездят на работу, покупают еду в магазинах и занимаются другими будничными делами. Только тогда я отдала себе отчет в том, что после многих лет увлечения книгами французских писателей, после различных учебных курсов о французской культуре (музыке, театре, живописи, литературе) во мне жило какое-то особое, очень *романтизированное* и *антиматериальное* представление о Париже, о его духе, как о центре европейской и мировой культуры.

Даже названия парижских улиц и бульваров звучали для меня как сошедшие со страниц книг Дюма, Бальзака, Флобера...

Прошли годы. На смену романтическому очарованию пришло более земное знакомство с историей парижского искусства. И вместе с тем возник вопрос: может быть, не только или не столько Париж зачаровывал деятелей искусств разных национальностей, сколько именно они влияли на эту особую художественную атмосферу Парижа и даже создавали ее? И если это так, то, несомненно, немалая роль в том принадлежала выходцам из России, которых всегда было очень много в столице Франции.

Информационные материалы о первых четырех десятилетиях XX в., до начала Второй мировой войны¹ просто поражают богатством и исключительной насыщенностью и разнообразием интеллектуальной и художественной жизни русских эмигрантов в Париже.

¹ См., напр., справочное издание: Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция. Тома 1–4 / Под общ. ред. Л.А.Мнухина. Париж–Москва, 1995–1997.

Среди них было много музыкантов высокого класса. Один из них – оперный и симфонический дирижер Эмиль Купер². В период между 1909 и 1940 гг. под управлением Э.Купера во Франции проходили многочисленные музыкальные спектакли и концерты, в которых исполнялись, прежде всего, произведения русских композиторов, а также сочинения западных авторов.

«Парижский роман» Купера начался с приглашения, полученного им от знаменитого русского антрепренера С.П.Дягилева, прославившегося в первую очередь как организатор спектаклей и концертов русской музыки в Париже (несколько позже – и в Лондоне). Дягилев начал там свою деятельность в 1906 г. открыв Выставку русского искусства в Осеннем салоне. В 1907 г. он организовал в Париже Русские исторические концерты, среди исполнителей которых были Римский-Корсаков (в качестве дирижера), Рахманинов, Шаляпин. В мае 1908 г. в Гранд-Опера под управлением дирижера Ф.Блуменфельда³ был поставлен «Борис Годунов» Мусоргского, с Шаляпиным в главной роли и с хором Большого театра.

Русский сезон 1908 г. в Париже прошел с огромным успехом, и Дягилев планировал программы на следующий год. В это время тяжело заболел дирижер Ф.Блуменфельд, и Дягилев должен был решить, кем его заменить. В Москве шутили, что он выбирает из трех возможных «К» – Кусевицкого, Коутса и Купера.

Купер к тому времени успел зарекомендовать себя как перво-классный дирижер, который с успехом поставил в частных театрах Москвы (сначала в Солодовниковском, затем в Опере Зимина) такие оперы, как «Сон на Волге» Аренского, «Борис Годунов» Мусоргского, «Кармен» Бизе, «Скоморох» Бларамберга, был постоянным дирижером симфонических концертов Керзинского кружка любителей русской музыки и Московского отделения Русского музыкального общества. В московских газетах, которые хвалили Купера, можно было встретить и упоминание о том, что на одном из спектаклей Оперы Зимина в зале сидели рядом Дягилев, Шаляпин и Рахманинов.

Купер был связан с Шаляпиным с 1898 г. Скорее всего, он познакомился с ним в Петербурге, когда Русская оперная труппа известного антрепренера князя А.А.Церетели, с которой Купер работал в качестве оперного репетитора и второго дирижера, обычно гастролировавшая в Одессе и Харькове, поставила «Травиату» Верди

² Родился 1 дек. 1877 г. в Херсоне, умер 16 нояб. 1960 г. в Нью-Йорке.

³ Ф.М.Блуменфельд (1863, Ковалевка, Украина – 1931, Москва), пианист, композитор, дирижер и педагог.

в петербургском Панаевском театре. В следующем, 1899 году, Купер участвовал, вместе с Шаляпиным и другим известным русским певцом-тенором Л.Собиновым, в оперной поездке по городам провинции. Так что, кроме непосредственных впечатлений Дягилева от дирижирования Купера, по-видимому, на его выбор повлияло и давление Шаляпина. Вот как сам Купер описывал вмешательство Шаляпина в решение Дягилева: *«Шаляпин со мной пел, начиная с 1899 г., и знал, на какую помощь он может рассчитывать с моей стороны. Предполагаю, что он отказывался участвовать [в антрепризе Дягилева], если я не буду приглашен в качестве дирижера труппы. Не знаю точно, как шли переговоры, ибо все эти люди, Дягилев и его группа, жили в Петербурге и принимали решения там, но в один прекрасный день Сергей Павлович приехал в Москву и сделал мне предложение поехать в Париж дирижировать русскими оперными спектаклями»*⁴.

Так Дягилев остановился на кандидатуре Купера. Купер настоял, чтобы в парижских оперных спектаклях, кроме русских певцов и петербургского хора, участвовал и московский оркестр, уже знакомый дирижеру. Несмотря на дороговизну проекта, Дягилев принял это условие Купера.

Очередной Русский сезон в Париже под управлением Купера открылся 19 мая 1909 г. Программа включала фрагменты «Руслана и Людмилы» Глинки (с Шаляпиным в роли Фарлафа), балет «Пир» в постановке М.Фокина на музыку Римского-Корсакова, Глинки, Глазунова, Мусоргского, Чайковского и третий акт «Юдифи» Серова, в которой Шаляпин пел партию Олоферна.

Русский сезон прошел с огромным успехом, европейская критика высоко оценила нового дирижера из России. Особый восторг публики и критики вызвало исполнение третьего акта «Князя Игоря» Бородина, включавшего Половецкие пляски (с декорациями Рериха). Купер вспоминал, что после этого *«секретарь Дягилева <...> попросил мою дирижерскую палочку с автографом на ней отдать в музей Парижской консерватории»*⁵.

Парижский дебют Купера сыграл важную роль в его карьере, как европейской, так и российской. Прямо в Париже к нему обратился директор Императорских театров В.А.Теляковский, и там же через несколько дней Купер подписал договор о переходе на службу в московский Большой театр, где проработал до 1919 г.

⁴ Купер Э. Незаконченная автобиография музыканта // Эмиль Купер: Статьи, воспоминания, материалы. М.: Сов. комп. 1988. С.146–147.

⁵ Там же. С.149.

В дягилевских Русских сезонах в Париже и Лондоне Купер участвовал также в последующие годы. Среди постановок, которыми он дирижировал неизменно с большим успехом, были «Князь Игорь» Бородина, «Борис Годунов» и «Хованщина» Мусоргского, «Золотой петушок» и «Псковитянка» Римского-Косакова, произведения Стравинского. Во многих из этих спектаклей солировал Шаляпин. Купер вспоминает, например, как *«Дягилев решил, что иностранная публика не поймет, что значит псковитянка, и потому, со свойственной его натуре решимостью быстро переименовал эту оперу в “Ивана Грозного” (“Ivan le Terrible”). Этим он преследовал две цели: во-первых, публика сможет лучше отдать себе отчет в происходящем, а, во-вторых, Шаляпин будет показан в заглавной роли, как это было прежде с Борисом.*

“Псковитянка” имела большой успех d'estime [из почтительности], потому что содержание ее было чуждо публике, а роль самого Ивана Грозного, хотя и замечательно написанная Римским-Корсаковым, все же не раскрывала этой личности так, чтобы [иностранцам] было понятно, почему его зовут “Грозным”»⁶.

В сезоне 1913 г. постановкой «Бориса Годунова» Мусоргского под управлением Купера, с Шаляпиным в главной роли, открылся парижский Театр Елисейских полей. После этого, впервые в антрепризе Дягилева за границей, была поставлена «Хованщина» Мусоргского. Газеты писали о восторженном приеме публикой как Шаляпина, так и Купера. Вот одна из коротких цитат: *«О Купере все парижские газеты отзываются как о капельмейстере (дирижере. – Б.Б.-Т.) поразительного темперамента и вдохновения»⁷.*

В Париже в эти годы Купер познакомился с ведущими французскими музыкантами, среди них – композиторами Клодом Дебюсси и Морисом Равелем. Контакты были интересными и взаимно плодотворными. Купер включал произведения французских композиторов в программы своих симфонических концертов в России (а впоследствии дирижировал и оперой Дебюсси «Пеллеас и Мелизанда»). М.Равель оркестровал несколько сцен из «Хованщины» Мусоргского для ее парижской постановки.

Кроме Парижа, Дягилев возил спектакли с участием Шаляпина и Купера и в Лондон, где они пользовались едва ли не еще большим успехом. Так, в 1913 г., после одного из спектаклей, на котором присутствовал английский король, Шаляпин и Купер были приглашены исполнить русские песни в концерте в королевском

⁶ Эмиль Купер... С.153–154.

⁷ Голос Москвы. (Газ.) 5 июня 1913. Цит. по: Эмиль Купер... С.250.

дворце. Куперу было обеспечено участие в дягилевской антрепризе и на следующий год.

Дирижер сотрудничал с Шаляпиным не только в заграничных гастроях. Шаляпин пел во многих спектаклях, которыми Купер дирижировал в российских оперных театрах, как в Москве, так и позже в Петрограде (в бывшем Мариинском театре). Летом 1916 года они даже работали вместе над переводом либретто оперы Верди «Дон Карлос», под которым подписались общим псевдонимом «Шалк».

Певец и дирижер долгие годы были друзьями, встречались семьями. Племянница Купера вспоминала, что когда она гостила у Куперов в Москве, «*приезжали к ним девочки Шаляпины с отцом, я каталась у Федора Ивановича на плече, было немножко страшно, так как сидела, казалось, очень высоко*»⁸.

Американский певец Джером Хайнс писал, что «*среди его [Купера. – Б.Б.-Т.] личных вещей помню одну, которой он особенно дорожил и с которой никогда не расставался, – золотые часы, подарок его дорогого друга Федора Шаляпина*»⁹.

По свидетельству жившего в Париже балетмейстера Сергея Лифаря, «*о дирижере Купере я много слышал – в самой прекрасной оценке его таланта – здесь, в среде русского зарубежья. Слышал о нем я и от Федора Шаляпина, который браня “всех и вся”, – воспевал музыкальность Купера и его гражданские качества*»¹⁰.

К сожалению, многолетняя дружба Купера с Шаляпиным после их совместных гастролей в Берлине в 1928 г. закончилась разрывом.

Дружил Купер и с Л.Собиновым.

Возвращаясь к участию Купера в Русских сезонах, необходимо упомянуть постановку «Золотого петушка» Римского-Корсакова в сезоне 1914 г. Вообще и в России, и за рубежом Купер был признан одним из лучших знатоков и интерпретаторов многих опер Римского-Корсакова. Он познакомился с композитором еще молодым, начинающим дирижером и ставил его оперы в Ростове-на-Дону и Киеве¹¹. Работая в Киеве и, позднее, в Москве, Купер дирижировал в летние месяцы частными оперными спектаклями в Петербурге и, как он вспоминал, «*постоянными их посетителями были Римский-Корсаков и Глазунов. Иногда к ним присоединялись Лядов и*

⁸ Купер В. Воспоминания о детстве в семье Э.А.Купера // Эмиль Купер... С.176.

⁹ Эмиль Купер... С.198.

¹⁰ Эмиль Купер... С.231.

¹¹ Купер работал в Киевском оперном театре с осени 1900 до начала 1907 г.

Блуменфельд»¹². Римский-Корсаков успел оценить дирижерское мастерство Купера и в 1907–1908 гг. старался воздействовать на Зимина (в опере которого работал тогда Купер), чтобы тот поручил Куперу дирижировать его операми – вначале «Сказкой о царе Салтане», а затем «Золотым петушком». Именно Купер подготовил премьеру «Золотого петушка», которая прошла с огромным успехом в Опере Зимина 24 сентября 1909 г., когда композитора уже не было в живых.

Удачная премьера «Золотого петушка» значительно подняла профессиональный престиж Купера, и эта, последняя опера Римского-Корсакова была особенно дорога дирижеру. Стремясь к тому, чтобы она была по-настоящему принята зарубежной публикой, Купер предложил Дягилеву

Э.А.Купер

Рис. Ф.И.Шаляпина

поставить ее *«совершенно по-новому, а именно: певцы должны петь, а танцоры изображать содержание оперы<...>Мне казалось, что пластический элемент сможет придать опере некоторую живость, а успех [русского] балета и полное покорение им иностранцев, может весьма способствовать успеху и этого спектакля <...>*

Необходимо было решить задачу: если балетные актеры и кордебалет будут изображать все действие, то что же сделать с певцами? Споры, предложения и переговоры велись в течение трех дней на моей квартире в Москве<...>Мы пили чай и спорили о том, куда посадить певцов. Придуманно было очень талантливо: по бокам сцены, с обеих сторон, были устроены уходящие вверх лестницы, на которых в костюмах стрелцов разместился хор. Певцы-солисты были посажены в первый ряд оркестра. Таким образом, их голоса, которые очень хорошо звучали в окружении оркестра, ясно доносились до публики, а балету была предоставлена полная свобода действий на сцене»¹³.

Спектакли «Золотого петушка» как оперы-балета (постановщиком танцев был «маг и чародей» М.Фокин) в Париже и в Лондоне были приняты с воодушевлением. Но Дягилеву пришлось улаживать дела с русским посольством в Париже, которое передало

¹² Купер Э. Эмиль Купер... С.156.

¹³ Там же. С.157–158.

ему протест вдовы композитора, Н.Н.Римской-Корсаковой, против исполнения произведения в искаженном, по ее мнению, виде (хотя дирижированием Купера на московской премьере она была очень довольна).

После 1914 г. Русские сезоны Дягилева были прерваны Первой мировой войной. В результате дягилевских Сезонов влияние русской музыки, русского искусства на искусство Франции и других стран Европы значительно возросло, оно было очень многогранным, серьезным и глубоким, и значение его трудно переоценить.

В жизни Купера новый парижский этап начался после того как он покинул Советскую Россию в 1924 г.¹⁴ Купер много разъезжал, только в 1924–1926 гг. он выступал, кроме Парижа, в Буэнос-Айресе, Мадриде, Милане, Лиссабоне, Лондоне, Риме, Хельсинки и других европейских городах. Из всех них Купер выбрал Париж как основное и постоянное место жительства. Даже работая в течение трех лет главным дирижером Латвийской национальной оперы в Риге и выезжая оттуда на гастроли по Прибалтике, в Польшу и другие страны Европы, Купер считал своим постоянным адресом Париж, о чем писал, например, в письме сыну Римского-Корсакова в августе 1926 г.: «*“Китежем”, также по-латышски, открывается в Риге предстоящий сезон. Я там в настоящее время состою главным дирижером, хотя постоянно проживаю в Париже – 14, rue Raffet*»¹⁵.

Деятельность Купера в Париже и в эти годы была интенсивной и многообразной. Так, парижские газеты упоминали состоявшийся в октябре 1925 г. «*концерт симфонического оркестра под управлением Э.Купера и Ф.Шалаятина в пользу Общества распространения земледельческого и ремесленного труда среди евреев*»¹⁶. В июле 1926 г. в Гранд-Опера он руководил первыми в Париже концертными исполнениями оперы Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии» с участием русских певцов. Антрепренером был князь А.Церетели, с которым Купер работал когда-то на юге России.

Дирижировал Купер и концертами на Фестивалях русской музыки, в частности в 1928 г.

¹⁴ Перед этим Купер с 1919 г. работал в Петрограде, где он руководил бывшим Мариинским театром оперы и балета и Петроградской филармонией, и, как в Москве, был профессором консерватории. Его известность и авторитет в России достигли в то время наибольшей высоты, и в 1923 г. было торжественно отмечено 25-летие его дирижерской деятельности.

¹⁵ Письмо Купера А.Н.Римскому-Корсакову // Эмиль Купер... С.215.

¹⁶ *Русское зарубежье. Хроника научной...* Т.1. С.208.

Серьезной работой было для Купера его участие в спектаклях Русской частной оперы в январе–июне 1929 г. Эта опера была организована в Париже по инициативе русской певицы, бывшей солистки Мариинского театра М.Н.Кузнецовой(-Массне-Бенуа), при содействии ее тогдашнего мужа, французского мецената и деятеля культуры Альфреда Массне (племянника известного композитора Жюль Массне) и с участием князя Церетели. Русская частная опера давала спектакли в центре Парижа, в Театре Елисейских полей. За день до открытия сезона в январе 1929 г. газеты сообщили, что «*в фойе театра отслужен молебен по поводу открытия сезона <...> Присутствовала вся труппа во главе с А.Массне, Э.Купером, М.Фокиным, К.Коровиным*»¹⁷.

Будучи главным дирижером Русской частной оперы, Купер поставил там четыре спектакля: «Князь Игорь» Бородина (этой оперой сезон открылся и закрылся), «Снегурочку», «Китеж» и «Сказку о царе Салтане» Римского-Корсакова (в том числе и на специальных утренних представлениях). М.Кузнецова солировала в большинстве спектаклей, в труппе были и другие известные певцы (например, Е.Садовень, ученица Н.А.Ирецкой). Сопровождал оперу *Оркестр Старама*, с которым Купер выступал и в симфонических концертах. И опять, как в антрепризах Дягилева, русские оперы проходили с большим успехом, при переполненных залах.

В том же 1929 г. Купер был приглашен на пост главного дирижера оперного театра в Чикаго, где он проработал в течение трех лет. Но и в эти годы Купер приезжал на концерты в Европу. Так, например, в мае 1930 г. он дирижировал произведениями русских и французских (Дебюсси) композиторов в симфоническом концерте *Оркестра Старама*. В апреле 1932 г. Купер стоял за пультом в концерте парижского *Оркестра Колонн*, закрывавшего Фестиваль русской музыки и включавшего произведения Глинки, Бородина, Римского-Корсакова и Стравинского.

Осенью 1932 г. Купер дирижировал двумя спектаклями («Князь Игорь» Бородина и «Садко» Римского-Корсакова) еще одной *Русской оперы* (на этот раз – под дирекцией князя А.Церетели и графа В.Базиля, он же В.Г.Воскресенский). И опять, в 1932 и 1933 гг. он выступает с различными оркестрами (в том числе – с *Оркестром Пуле*) в концертах и фестивалях русской музыки.

¹⁷ *Русское зарубежье. Хроника...* Т.1. С.524.

В письме от 30 мая 1933 г. известная польская пианистка и клавесинистка Ванда Ландовска приглашает Купера прийти на один из ее концертов, «как все другие знаменитые музыканты Парижа»¹⁸.

В сообщениях о годовых собраниях Российского музыкального общества в Париже (в мае 1934 и мае 1937 г.) имя Э.А.Купера приводится среди избранных членов совета этого общества.

В 1934 и 1935 г. Купер дирижирует симфоническими концертами и оперными спектаклями русских композиторов в Виши. Любопытно, что в газетах упоминалось выступление Шаляпина в июле 1935 г. в спектакле под управлением Э.Купера¹⁹ (т.е. через семь лет после газетного сообщения об их столкновении и разрыве).

Вклад Э.Купера в развитие музыкальной культуры Франции был настолько велик, что в 1936 г. французское правительство наградило его орденом Почетного легиона²⁰.

Интенсивная дирижерская деятельность Купера во Франции, с выездами в другие страны Европы и Южную Америку, продолжалась до конца 1930-х гг. В 1940 г. Купер успевает вовремя – до немецкой оккупации – оставить Париж и переезжает в США.

Купер продолжал с успехом дирижировать почти до самой смерти. Последний концерт с его участием, полностью посвященный русской музыке от Глинки до Стравинского, состоялся в марте 1960 г., за восемь месяцев до кончины – дирижеру было более 82 лет.

Купер и в Америке стал известным, в первую очередь, в качестве единственного русского дирижера, стоявшего за пультом Метрополитен-Опера в Нью-Йорке. Кроме того, некоторое время он руководил спектаклями в оперном театре Монреаля (Канада) и дирижировал симфоническими оркестрами. Немногочисленные сохранившиеся магнитофонные записи исполнений Купера относятся, в основном, к этому, последнему периоду его творчества.

Профессиональный портрет Купера дополняет небольшое количество написанных им сочинений, однако композиторская работа никогда не была для него основной.

Здесь уместно вспомнить, что Купер был силен в другой области исполнительства – он начал свой музыкальный путь как скрипач и успел прославиться как вундеркинд. В этом смысле начало жизни Э.Купера было довольно типичным для еврейских музыкантов–выходцев из России. Он родился в музыкальной семье. Его

¹⁸ Ландовска В. Письмо Э.Куперу от 30 мая 1933 г. // Эмиль Купер... С.218.

¹⁹ *Русское зарубежье*. Хроника... Т.3. С.93.

²⁰ Эмиль Купер... С.37.

мать, до замужества Мария Тихоновна Штейман, была дочерью музыканта и тетей дирижера М.О.Штеймана. Отец Эмиля, Альберт Леонович Купершток, играл на скрипке, контрабасе, кларнете и других инструментах, был известным педагогом и иногда дирижировал небольшими оркестрами (что не мешало ему для пополнения заработка варить скрипичную канифоль или ремонтировать струнные инструменты). Именно он решил, что фамилия Купершток слишком длинна для афиш, и переименовал себя в Купера.

Эмиль, старший из восьми братьев и сестер, начал заниматься музыкой с отцом с пяти лет. Русское музыкальное училище в Одессе Э.Купер закончил по двум классам – скрипки и композиции. Пять лет он совершенствовался в области скрипичной игры в Вене.

Все это время – и в Одессе, и в Вене, и в других городах, включая Константинополь и Будапешт, – Эмиль выступал как талантливый скрипач-солист. Он вспоминал, к примеру, в своей автобиографии, что в Константинополе слухи о скрипаче-вундеркинде докатились до султана, и «он не раз приглашал мальчика играть для него,

Э.М.Каренина (Горовиц)
в роли Графини
 («Пиковая дама»
 П. Чайковского)

присылая за ним провожатого с конем. Провожатый вел под уздцы коня, на котором восседал Эмиль, а также нес его скрипку. Игра мальчика настолько понравилась султану, что он наградил его орденом и подарил мешочек с золотом. На эти деньги Купер приобрел две скрипки, одну – работы Амати, а другую – Страдивари»²¹.

Когда 19-летний Купер вернулся из Вены в Россию, ему самому и всем окружающим было ясно, что перед ним открыта карьера скрипача. Он поступил концертмейстером-солистом в оркестр Киевской оперы. Там он как-то продирижировал одной оперой, но это еще не изменило его музыкальной судьбы. Поворот произошел в 1898 г., когда дирижер, который готовил «Аиду» Верди, накануне спектакля неожиданно отказался стать за пульт. Положение было безвыходным. Тогда отец Эмиля, игравший в том же оркестре на контрабасе, уговорил отчаявшегося антрепренера поручить

²¹ Эмиль Купер... С.12.

дирижирование его сыну. Альберт Леонович до старости любил рассказывать об этом в семье. Изюминка рассказа заключалась в том, что на единственной репетиции, которую успели организовать до спектакля, молодой дирижер *«остановил оркестр и сказал: “Папа, выйдите из оркестра. Эту оперу вы играть не можете!” Отец в полном восторге вскричал: “Видите, я же сказал, что мой Эмиль настоящий дирижер: ведь этого мне еще никто никогда не говорил!”»*²².

Так Купер оставил скрипичную карьеру и полностью посвятил себя оперному и симфоническому дирижированию.

У Эмиля Купера были и другие «семейно-музыкальные» связи. Один из его младших братьев, Макс, тоже стал профессиональным дирижером. Жена Купера, Эсфирь Михайловна Каренина (урожденная Горовиц) была оперной певицей и нередко участвовала в спектаклях под управлением мужа. Так, о тех летних спектаклях в Петербурге, которые посещал и Римский-Корсаков, Купер вспоминал: *«Во всех операх пела и моя жена, исполняя ответственные партии драматического сопрано»*²³. Партию Графини в «Пиковой даме» Чайковского Э.Каренина пела и в Мариинском театре.

Что касается влияния на жизнь Купера его еврейства, то оно было немалым и чаще всего, к сожалению, отрицательным. Так, в конце 80-х годов его родители с семьей вынуждены были переехать на время в Константинополь, так как в Одессе начались еврейские погромы. Позднее молодой Купер оставил Киевский оперный театр, где он успешно работал, из-за погромов в Киеве. В годы работы Купера в Латвии одна из ведущих газет постоянно нападала *«на руководство театра за то, что ведущие посты в нем занимают “нелатыши”»*²⁴. Поспешное бегство из Парижа в 1940 г. также было связано с еврейством Купера и его жены. И, наконец, относительная малочисленность упоминаний Купера в русских и советских источниках тоже, по-видимому, объясняется не в последнюю очередь его национальным происхождением²⁵.

Э.Купер был человеком высокой общей культуры, владел в совершенстве несколькими европейскими языками. Ему посчастливилось работать с выдающимися оперными режиссерами, хореографами, художниками (среди них – Фокин, Евреинов, Коровин, Рерих,

²² Эмиль Купер... С.230.

²³ Автобиография // Эмиль Купер... С.156.

²⁴ Эмиль Купер... С.70.

²⁵ Показательно, что о С.Кусевицком (кстати, нередко видевшем в Купере конкурента), который также покинул Россию, но принял в юности христианство, писали гораздо больше. Не помогло Куперу и то, что он считался в России «вагнеровским дирижером».

отец и сын Бенуа), и со многими из них у него установились дружеские отношения.

Что же привлекало слушателей, критиков и музыкантов, игравших под его управлением, в дирижерской манере Э.Купера? Все они единодушно отмечают два его основных качества: огромный темперамент, волю, энергию и вместе с тем – удивительную продуманность и цельность исполнения, охват всего музыкального произведения как своего рода архитектурного строения.

Вот краткая выборка из оценок, воспоминаний и высказываний о Купере-дирижере.

«Невысокого роста, <...> коренастый, он оставлял после себя впечатление значительной личности благодаря неукротимой энергии, неумолимости в работе, проявлению властности как за пультом, так и в быту <...> Само лицо его выражало эту властность <...> таким образом, что невозможно было не покориться его воле, его мысли. Но самое замечательное в его внешности были руки. Недлинные, даже короткие, они тоже выражали что-то неодолимое в этом человеке. Его дирижерская палочка, которая была короче обычной и равной толщины по обеим концам, обладала необычайной силой»²⁶.

«Он был очень темпераментным дирижером и обладал гипнотической силой, увлекая за собой и музыкантов и слушателей»²⁷.

«Несмотря на стремление к предельной точности и ясности, в его дирижировании не было схематизма, не было ничего внешнего, никакой позы. Все у него было музыкой. Во время репетиции говорил мало, всегда только то, что требовалось в работе. Строго следил за дисциплиной, не допускал никаких вольностей. Даже слушатели, которые во время репетиции сидели в зале, не смели пошевелиться, хотя он им ничего не говорил, ни о чем не предупреждал. <...> А вне службы он был приятным и умным собеседником. Ему было присуще чувство юмора, которым он умел расположить к себе любого человека»²⁸.

«Купер был маленького роста в жизни, но настоящим Великаном в музыке! Купер – большой дирижер, уровня, приближающегося к <...> Тосканини. Мы, певцы, его очень уважали, потому что его знание музыки было колоссальным»²⁹.

²⁶ Найденов А. Воспоминания ассистента // Эмиль Купер... С.195.

²⁷ Сауль В. Эмиль Купер в Таллине // Эмиль Купер... С.191.

²⁸ Найденов А. Воспоминания ассистента // Эмиль Купер... С.196.

²⁹ Кипнис А. Знаток мировой музыки // Эмиль Купер... С.197–198.

Дирижер, композитор и критик Г.Юдин писал о Купере, что его можно отнести к типу *дирижера-диктатора*, какими были, например, О.Клемперер и А.Тосканини, в отличие от другого типа великих *дирижеров – добрых волшебников*, как Б.Вальтер. При этом Купер, по мнению Г.Юдина, не был из тех, которые «*навязывают артистам оркестра и слушателям в качестве аксиомы свой категорический императив: “Я так понимаю это произведение!”*» (таким, например, был С.Кусевицкий) и тем самым *оттесняют на второй план замысел композитора <...> Совершенно иное дело те дирижеры, которые фанатично преданы музыке и ее высоким задачам. Они забывают при этом себя, и на знамени их начертано не “Я так хочу!”, но “Так это написано!”*³⁰

К этому можно добавить слова выдающегося советского дирижера Е.Мравинского: «*Вспоминаю человека, чем-то похожего одновременно и на Вагнера, и на Наполеона, наделенного ярким талантом, неиссякаемой энергией, громадной волей. Это был Эмиль Купер*»³¹.

Так раскрывается загадка вопроса, поставленного в названии моего очерка. Теперь понятно, что он вызван сочетанием внешних и внутренних качеств Э.Купера – дирижера и человека. Мне не довелось слышать исполнения Купера, и для меня это все еще вопрос. Ответ на него я оставляю читателям...

Краткий список литературы о Э.Купере

- Эмиль Купер: Статьи, воспоминания, материалы. М.: Сов. комп., 1988.
- Купер Э.А. // Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции: Первая треть XX века. Энцикл. биогр. слов. М.: РОССПЭН, 1997. С.322–325.
- Русское зарубежье*. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция. Тома 1–4 / Под общ. ред. Л.А.Мнухина. Париж–Москва, 1995–1997. (По указ. им.)
- Асафьев Б. О балете. Л.: Музыка, 1974.
- Baker's Biographical Dictionary of Musicians. 6th Ed. N.Y.–London, 1978. P.345.
- The New Grove Dictionary of Music and Musicians. Second Ed., Vol.6. London, 2001. P.392.
- Holde A. Jews in Music. N.Y., 1959. P.164.

³⁰ Эмиль Купер... С.25–26.

³¹ Там же. С.23.

ЖУРНАЛ В КНИГЕ

К десятилетию издания «Евреи в культуре Русского Зарубежья» – «Русское еврейство в зарубежье»: Десять лет и восемь томов. *А. Черняк* (416); К десятилетию... *В. Телицын* (422); ...и к пятилетию НИ центра «Русское еврейство в зарубежье»: Интервью с Юлией Систер, генеральным директором Центра (425)

Сообщения из Франции: По следам коллоквиума в Сорбонне. *М. Яснов* (427); Выставка, посвященная 80-летию ОРТ во Франции. *Д. Гузевич* (430); Аукцион в Трувиле. *Д. Гузевич, И. Гузевич* (432)

Наши иерусалимские посиделки: Катулл, Ан-ский, Фриш и другие, или *Мир во время войны*: 1. Сестры – тяжесть и нежность... *Б. Голлер* (435). 2. «Молодец» и «Дибук». *Р.* (440). 3. Новый культурный центр для русскоязычных жителей Иерусалима. *Б. Ремез* (442)

Рецензии: Русская эмиграция в фотографиях: Франция, 1917–1947 / Авт.-сост. *А. Корляков*. Т. I. Париж: ИМКА-Пресс, 1999. Русская эмиграция в фотографиях: Франция, 1917–1947 / Авт.-сост. *А. Корляков*. 2-я кн.: Они сохранили достоинство и честь. Париж: ИМКА-Пресс, 2001. *М. Пархомовский* (444); Семен Луцкий: Сочинения / Сост. *В. Хазан*. Slavic Studies. Stanford. Vol. 23. *А. Брун-Шатиро* (449)

Библиография

Письма наших корреспондентов

Десять лет и восемь томов

«Большое значение для революции, – писал В. Ленин, – имело то обстоятельство, что в русских городах было много еврейских интеллигентов. Они ликвидировали тот всеобщий саботаж, на который мы натолкнулись после Октябрьской революции <...> Нам удалось овладеть государственным аппаратом исключительно благодаря этому запасу разумной и грамотной рабочей силы» (Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм // Российская газета. 1994. 27 февр.). В этих словах – признание роли еврейства как «разумной и грамотной рабочей силы». Разумеется, в конечном итоге еврейство было обмануто и во многом предано, но это уже другой вопрос. Знал ли Ленин, какая значительная и важная часть этой силы, не принявшей советский режим, оказалась за рубежом? Обстоятельно об этом не знал никто – в течение многих десятилетий. До последнего времени, которое имеет четкие определенные границы: оно протянулось с 1992 г. по сей день, расширяя свою значимость.

Произошло это обычным, испытанным путем – посредством печатного слова. Вышла серия книг по специальной тематике, количественные характеристики которой говорят сами за себя: 8 томов, в общей сложности около 4,5 тысячи страниц и более 300 наименований произведений – статей, публикаций, мемуаров и эссе. Все это научно-литературное громадьё именуется *«Евреи в культуре Русского Зарубежья»*, а с 1998 г. – *«Русское еврейство в зарубежье»*. Последние две книги отличаются и страноведческим направлением: подзаголовок 2(7) тома – «Русские евреи в Великобритании», а 3(8) – «Русские евреи во Франции». Конечно, такой переход от подачи материала без учета, в какой стране жили его герои, стал возможным в связи с накоплением соответствующей информации и расширением авторского коллектива. Авторы – более 150, и это число не должно поражать: разве могло создать столь большое энциклопедическое полотно небольшое количество людей? Это – авторы из Израиля, России, Франции, Великобритании, Германии, Венгрии, Швейцарии, Польши, Бельгии, Эстонии, Украины, Латвии, Голландии, Италии, США, Канады, Новой Зеландии. Таким образом, речь идет о *коллективном международном издании*. Немногие научно-литературные издания могут похвастать таким статусом.

Первостепенной фигурой в таком деле является его инициатор и руководитель. Такой человек должен быть охвачен идеей издания, быть непреклонным и последовательным в своих действиях, готовым к преодолению многочисленных трудностей, должен обладать крупными организаторскими способностями, быть коммуникабельным и заражать своим энтузиазмом людей, привлекая их к работе. Этим человеком оказался израильтянин (с 1990 г.), бывший москвич Михаил Аронович Пархомовский. Кандидат медицинских наук, много лет заведовавший отделением, параллельно с врачебной практикой публиковавший научные медицинские статьи и занимавшийся литературоведением (его книга о Зиновии Пешкове приобрела известность).

На титульном листе первых шести книг значится: составитель, главный редактор и издатель М.Пархомовский. Издание последующих томов привело к необходимости участия в составительской и редакторской работе исследователей, проживающих в Англии и Франции. Это – Андрей Борисович Рогачевский («Русские евреи в Великобритании») и Дмитрий Юрьевич Гузевич («Русские евреи во Франции»). Основополагающую роль М.Пархомовского в создании серии и руководстве изданием трудно переоценить. Свою рецензию, приуроченную к выходу 5-го тома серии, я назвал «Пятикнижие Михаила Пархомовского» (Журнал «22». 1997. №104. С.193–199).

Научная ценность издания подчеркивается тем, что на его базе в 1997 г. был создан Научно-исследовательский центр «Русское еврейство в зарубежье» (обычно бывает наоборот). Это же привело к международному признанию заслуг М.Пархомовского. В 1998 г. он удостоился звания «Человек года» в США и в Великобритании. Очень трудная (и, видимо, «опасная») задача – перечислять наиболее видных авторов издания. Это израильтяне: М.Агурский, М.Бирман, С.Векслер, А.Воронель, С.Дудаков, Э.Капитайкин, И.Орен (Надель), Н.Прат, Я.Сорокер, Д.Штурман, Л.Юниверг, др.; среди зарубежных авторов: сэр Исая Берлин, Л.Васильева, О.Ласунский, Б.Лосский, кн. Н.Лобанов-Ростовский, Б.Носик, М.Раев, Н.Струве, Е.Эткинд, др. И уже совершенно невозможно перечислить персоналии, которым посвящены материалы серии. Они образуют обширную *портретную галерею*, персонажи которой далеко не всегда достаточно освещены в литературе. Здесь писатели и поэты, литературоведы и критики, переводчики, художники, историки, музыканты, актеры, общественные деятели и т.д. Довольно длительное время преобладали гуманитарии. Но с 1(6) тома в сборниках введен раздел «Наука». И здесь мы находим обзорную статью «Русские евреи-эмигранты в науке», статьи о химике, лауреате Нобелевской

премии, в детстве узнике нацизма Р.Хофмане; экономисте С.Коне, пионере космонавтики А.Штернфельде; Х.Вейцмане как ученом-химике; медиках А.Безредка и Э.Шляхове; любопытна статья Д. и И.Гузевичей «Как стать великим английским ученым, или Путешествие по маршруту Москва – Варшава – Льеж – Париж – Оксфорд», посвященная выдающемуся биохимику Давиду Кейлину, и др.

Помимо биографических статей, значительный интерес представляют материалы об организациях и учреждениях Русского Зарубежья, которые создавались евреями и в которых они играли ведущую роль. Например, это издательства журналов и газет: «Современные записки», «Социалистический вестник», «Иллюстрированная Россия», «Сатирикон», «Еврейская трибуна», «Новое русское слово», «Рассвет», «Новый журнал» и многие другие. Очень хотелось бы видеть обширную работу о газете «Рассвет» – серия книг рассматривает только отдельные составляющие этого важного русско-еврейского органа печати, длительное время редактировавшегося В.Жаботинским. Интерес представляют статьи ведущего специалиста по русско-еврейской периодике В.Карасика (Иерусалим) в 6-м (о студенческом «самиздате» в Германии) и 7-м («Русско-еврейская периодика в Великобритании») томах; статьи по истории издательств «Звено» (Париж) и «Геликон» (Берлин), о библиотеке Рене Аркоса (Франция), о театре «Габима», «Комитете помощи русским писателям и ученым» в Париже и т.д.

Рецензент «Нового мира» (М., 1993, №9) дал такую обобщающую оценку первых выпусков: *«Одно перечисление авторов и названий статей, составляющих этот уникальный – по многообразию тем и персонажей – сборник с трудом уместится в объем обычной аннотации. Благодаря продуманной композиции разнородные по существу материалы прочитываются как цельное повествование»*. Конечно, глубинной основой подобного единства служит центральная идея издания, о чем необходимо сказать подробнее и со всей определенностью.

Выход в свет серии «Евреи в культуре Русского Зарубежья» вызвал основательную прессу, были напечатаны десятки рецензий, как в Израиле, так и в различных странах мира (количество рецензий, введенных в интернет в 2000 г., – более 70; страничка ЕВКРЗ в интернете – <http://www.litcatalog.al.ru/periodics/evkrz.html>, внизу страницы ссылки на отзывы и письма редактору и список рецензий – http://www.litcatalog.al.ru/periodics/evkrz/evkrz_recences.html).

Появление первого тома сопровождалось двумя неоднозначными рецензиями: первая принадлежала журналистке М.Аристовой

(Место у колонн // «Окна» – приложение к газете «Вести» /Тель-Авив/. 28 янв. 1993); вторая написана автором этих строк и под названием «И на чужбине в авангарде» напечатана в газете «Вестник Хайфы и Севера» 29 янв. того же года. Она, безусловно, положительная, и в ней дана оценка научно-политической значимости книги именно в Израиле как крупнейшем центре изучения истории мирового еврейства. Выход в свет нового издания укреплял этот статус нашей страны, способствовал его развитию. Автор первой рецензии придерживался диаметрально противоположных взглядов: выделение евреев в истории русской культуры неправомерно – «вряд ли подобный подход будет конструктивным». За исключением Д.Кнута, В.Жаботинского, Х.Орловой, герои книги «евреями были только по крови, и с тем же успехом они могли быть армянами, французами, грузинами – кем угодно... либо наднациональными в своем творчестве, либо вполне русскими». Уместен вопрос к рецензенту: а откуда взялись эти «наднациональные» деятели еврейской крови и еврейского племени? Разве не закованы они на жизненных соках народа своего, на накопленной веками интеллектуальной силе его, на моральных и психологических принципах, на его эмоциях? Другими словами, *еврейство и культура* – это не только факты, события, имена, те или иные произведения. Это еще (а может быть, и прежде всего) и психология, лежащая в глубинной модели творчества евреев, это проявление национального духа, души, склада ума, характера и пр. Это еще и исторические традиции, тот творческий потенциал, который накапливался в течение многих столетий и который проявился ныне в форме своеобразного «большого взрыва» (кстати, этот термин космологии взят из трудов еврея А.А.Фридмана). Об этих особенностях писали великие еврейские ученые Г.Грец и С.Дубнов, ориенталист и гебраист Д.Хвольсон, философы М.Бубер и М.Козн и многие другие.

Но все это не останавливает рецензента – и вот появляется точка над «i»: «Мне заложенная в сборник и вынесенная в заглавие идея не импонирует, ...я считаю ее *постыдной изначально как ущербное мировоззрение*» (выделено мной. – А.Ч.). Перед нами прямая попытка морально уничтожить идею, замысел серии «Евреи в культуре Русского Зарубежья». На основе чего: Галахи, логики, морали, психологии? По какому праву? «Старая русская интеллигенция считала неприличным делить русскоязычных собратьев по национальности». Верно. Но что это обозначало? Это был протест против антисемитизма, акция защиты евреев. Разве этот тезис стал господствующим в истории и современной жизни человечества? Разве случайно возник так называемый *синдром Тувима*, согласно

которому не та кровь объединяет, что течет в жилах, а та, которая течет из них? Разве не возник «нюрнбергский счет» величиной в шесть миллионов безвинных жертв? Вот если бы всего этого не было, возможно, и не надо было бы говорить о евреях в культуре и прочих *еврейских* делах...

Считаю нужным говорить об этом не только в связи с недоумением, вызванным указанной рецензией, – негативный отзыв был лишь один, но из-за сходных выступлений в печати по другим поводам (в частности, в статье «Выделенные синим» Льва Авенайса // Глобус. 2002. №492). Наконец, и это особенно важно, теоретические проблемы в рассматриваемой серии занимают достойное место. Уже в призывном предисловии (М.Пархомовский. «Пришла пора вспомнить о них, написать, поспорить») к первому тому обсуждается новизна и значение предпринимаемого издания. В вводной статье второго тома (Д.Штурман. «О многопринадлежности Homo novus») дана оценка серии в плане продолжения разговора на тему давнюю и неисчерпаемую – еврейство и Россия; в числе прочего, автор доказывает, что самоидентификация не отменяет генетики. В эссе А.Воронеля («Философское мышление как атрибут этнического существования». Т.5) особый интерес вызывает утверждение, что «именно русская культура по мере углубления в нее заставляет еврея особенно внимательно отнестись к своему еврейству». Размышляя о смысле и значении издательского творения Михаила Пархомовского и о месте серии в историографии и культурологии, М.Хейфец в послесловии к пятому тому справедливо отмечает: *«Где бы российские евреи ни оказались, они всюду обогащали местную культуру, внося в ее среду потребные для быстрого развития, но почему-то отсутствующие там витамины. Они служили живыми носителями мировой цивилизации в ее контактах с местными сокровищами культуры»*.

В передовой статье шестого тома (М.Пархомовский. «“Русское еврейство в зарубежье” – книга и Центр») автор указывает на два аспекта русско-еврейской общности: двойственность русского еврея, который ощущает себя евреем, но не мыслит себя вне русской культуры, и духовный союз русской и еврейской интеллигенции.

Особое значение для осмысления серии имеет дискуссия, развернувшаяся на страницах 3(8) тома. Иницировавший ее известный писатель, историк и философ Шимон Маркиш задается вопросами: существует ли такая общность – *русское еврейство за границей*? Кто такой *русский еврей*? Его сомнение в существовании этих понятий разделяет ведущий историк Русского Зарубежья Марк Раев, считающий себя евреем только по категориям нюрнбергского

закона (как показал некоторый опыт, это совсем немало. – А. Ч.). С эмоционально изложенным ответом Ш.Маркишу выступает М.Пархомовский: в течение двух тысяч лет деятельность евреев была тесно связана с культурой народа, на территории которого они жили, и это не исключало их еврейства. Дмитрий Гузевич, поддерживавший основные тезисы М.Пархомовского, рассматривает проблему с генеалогической точки зрения и вводит понятие *культурно-генетическая память*.

«Собственное происхождение изменить мы не в силах, даже если коренным образом меняем свою биографию (язык, страну проживания, национальную принадлежность)», – пишет москвич Анатолий Коростелев, считая, что человек, меняющий свою национальность, не уважает своих предков.

Впечатляет отклик следующего участника дискуссии петербуржца Андрея Васильева: *«Для кого-то [еврейство] благословенный дар и знак избранничества, для кого-то злой рок и клеймо позора, но всегда болевая точка, всегда незаживающая рана».*

Закрывающий дискуссию Абрам Торпусман выразил убеждение, что в замысле серии книг о русских евреях ничего антисемитского нет.

Жизнь показала, что смелое большое научно-литературное предприятие полностью себя оправдало. Оно не только заслужило право на существование, но вызвало у читателей и критиков такой интерес, которого, очевидно, не ожидали сами инициаторы и пионеры издания.

Бесспорно, еще будут выдвигаться различного рода упреки и обвинения в «теоретических грехах» и несообразностях. И неизбежны ошибки, неточности, погрешности. Но, думается, что речь может идти не о коренных, а частных недостатках, – как и полагается в подобного рода масштабных изданиях.

Явные успехи в практике издания серии будут способствовать развитию и совершенствованию теории. В этом еще одна роль серии «Евреи в культуре Русского Зарубежья» – «Русское еврейство в зарубежье». Пожелаем этому предприятию дальнейших успехов.

Арон Черняк (Хайфа)

К десятилетию...

Передо мной восемь книжек: пять – под названием «Евреи в культуре Русского Зарубежья», три – «Русское еврейство в Зарубежье», редактором-составителем которых выступает М.А.Пархомовский (в последних двух томах – в соавторстве с А.Б.Рогачевским и Д.Ю.Гузевичем).

Первая книга вышла в 1992 году, таким образом, в этом году исполняется ровно десять лет – возраст для «сборника статей, публикаций, мемуаров и эссе» достаточно почтенный (подобного рода издания «умирают», как правило, на втором-третьем году своего существования или на втором томе; могу судить по собственному опыту).

По сути дела, серия была призвана продолжить благородное дело, начатое первой волной эмигрантов из России, – «сохранить и приумножить духовные ценности оставленной родины», но в определенном ракурсе – изучение еврейского культурного слоя русской эмиграции. И это не случайно. Как отмечает сам составитель, «...их [евреев] необыкновенный сплав идеализма и практицизма, инициативность и трудолюбие, преданность делу оказали русской культуре большую помощь. Евреи вложили в нее свой интеллект и свою душу. И не могли не оказать определенного влияния на эту культуру». Вряд ли кто возьмется отрицать подобное утверждение. История оставила огромное количество свидетельств и доказательств на этот счет, и собрать их, толково изложить и представить на суд читателя – вот та задача, которую ставили авторы восьми «пухлых» книжек.

Первоначально планировалось посвятить тома определенному временному периоду и различным волнам эмиграции. Кроме того, планировалась строгая и последовательная структура томов:

- Евреи и русская культура;
- Писатели, поэты, критики;
- Книжное дело и периодика;
- Архивы и мемуары;
- Деятели искусств;
- Шахматисты;
- Общественные деятели и меценаты.

Но уже ко второму-третьему тому стало понятно, что невозможно обойтись без включения в книги таких разделов, как «Русские евреи в Палестине (Израиле)» «Катастрофа» («The Holocaust»), «Дискуссия», «Философия», «История».

И подобный подход лишь усилил исследовательский момент, дал возможность читателю более разносторонне представить себе этот пласт мировой цивилизации – «Русское еврейство в Зарубежье и мировой культуре».

Издав в 1996 году пятый (из запланированных в 1992 году) том, М.А.Пархомовский «запускает» новую (на самом деле – логическое продолжение старой) серию – «Русское еврейство в Зарубежье». Стремясь раздвинуть рамки исследований, составитель, на наш взгляд, сделал очень разумный шаг, посвятив тома отдельным странам – Англии и Франции (видимо, в планах у составителя обращения и к другим государствам). Подобный подход позволяет пройти по теме не «галопом», а очень обстоятельно, с учетом особенностей, свойственных тому или иному региону. (Быть может, лишь одно замечание – на мой взгляд, стоило начинать с Палестины, но составителю все же видней.)

Мне эти сборники были интересны с позиции профессионала-историка, много занимавшегося вопросами исторической биографии. По моим подсчетам, благодаря сборникам удалось «извлечь» из-под спуда забвения добрую сотню имен (и тех, кому посвящены статьи, и тех, кто составляет «второй» план исследований). Перед читателем встает целый ряд исторических личностей – тех, кто оставил после себя известный след – в культуре, экономике, общественной жизни. И это особенно важно сейчас, когда в исторической науке превалирует тяга к социальной истории (истории обезличенной, лично не атрибутированной), когда деяния на благо человечества тонут в общем потоке либо гендерных, либо фрейдистско-мальтузианских подходов к человеческому обществу (подходов, не приветствующих обращения к индивидуумам).

На мой взгляд, составителю сборников удалось удивительным образом сочетать, казалось бы, несовместимые вещи – научность с популярностью, сухой нарратив с теплотой авторов к своим героям, стремление к объективности с неумолимым налетом субъективизма (что свойственно биографическому жанру, когда исследователь «погружается» в «мир» своего героя).

Удивителен и иллюстративный ряд. Несмотря на двухцветность, он способствует более полному и всестороннему усвоению огромных фактографических массивов, представленных в сборниках. Эта же «двухцветность» придает серии непередаваемую словами ауру – трагизма и величия, свойственную двадцатому столетию...

Радует и появление в последних сборниках рецензий на исследования, в которых в той или иной мере затрагивается тема

сборников, последних конференций и симпозиумов (в 1998 году эти материалы, отличающиеся фактором «текучности» и «актуальности», появлялись в «Иерусалимском русско-еврейском вестнике», издававшемся тем же Центром «Русское еврейство в зарубежье»). Высказанные замечания выглядят очень корректно и объективно и порой дополняют рецензируемых авторов. находка составителей «Журнал в книге» очень удачна и была бы более продуктивна, если бы сборники выходили, по крайней мере, два раза в год. Но...

О спорных моментах.

Быть может, из «российского далека» я покажусь «отсталым», но переходящая (порой – «подстрочно») из номера в номер проблема принадлежности лишь разнообразит общее впечатление от того или иного тома, от той или иной статьи, публикации или эссе, которые я лично воспринимаю как своеобразную энциклопедию ранее неизвестного мне цивилизационного пласта – с переплетением культур, языков, обществ и прочего. И для меня, человека довольно далекого от подразделения интеллектуального богатства на «наше» и «ненаше», споры вокруг категории «русский еврей», «принявший или не принявший христианство» не вызывают ни прояснения, ни путаницы «в умах». Для меня важно совсем иное, – а именно, что осталось нам в наследство: доброе или злое, поучительное или безалаберное, прекрасное или безобразное.

И еще: хотелось бы отметить иногда некоторую поспешность в составлении примечаний и указателей: порой происходит путаница в датах жизни, фамилиях, именах. А ведь сборники, кроме основной функции – познавательной, выполняют и другую – служат прекрасным вспомогательным «пособием» для молодых, только начинающих свой путь исследователей, обращающихся к изданию и как к серьезному биографическому справочнику.

Исследовательское поле огромно: еще далеко не все страны представлены и «обойдены», еще сотни имен ждут своих первооткрывателей, еще десятки частных архивов ждут исследователей, еще так много может быть представлено в будущих томах бесмертной серии «Русское еврейство в Зарубежье».

В.Телицын (Москва)

...И К ПЯТИЛЕТИЮ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА
«РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ»

Интервью филолога Людмилы Школьник (Безр-Шева) с генеральным директором НИ центра «Русское еврейство в зарубежье» Юлией Систер в связи с этим юбилеем

Л.Ш. Деятельность вашего Центра стала заметным явлением в общественной и культурной жизни страны, и я благодарю вас за любезное согласие рассказать о работе Центра и ее тематике.

Ю.С. Центр изучает вклад евреев, покинувших Россию / СССР / СНГ, во все сферы цивилизации (литература, музыка, живопись, наука, экономика, военное дело и т.д.) в странах, куда они эмигрировали. Издаем книги, проводим конференции и семинары, готовим учебные программы по истории русского еврейства в рассеянии.

Л.Ш. Что было важным и интересным в вашем юбилейном году? Как для вас начался этот год?

Ю.С. В канун 2002 г. вышла наша очередная книга – «Русские евреи во Франции». Т.3(8). Редакторы-составители: М.Пархомовский, Д.Гузевич. В ней опубликованы и мои работы.

В начале января в Иерусалиме состоялась конференция, посвященная еврейскому самосознанию в меняющемся мире. Погода стояла ужасная, на город обрушился ливень, начинался снегопад, но мужественные участники выступали на пленарных и секционных заседаниях. Запомнилось сообщение Якир Эйнат «Чуковский и Маршак на иврите». Мало кто знает, что юная докладчица и переводчица, родившаяся в Израиле, – внучка известного писателя на идиш Янкеля Якира.

Л.Ш. Вы выступали на этой конференции?

Ю.С. На секции «Культурологические проекты» я прочла доклад: М.Пархомовский, Ю.Систер, Д.Харув. «Издательская деятельность научно-исследовательского центра “Русское еврейство в зарубежье”». Рассказала о некоторых авторах и героях только что вышедшей книги. Упомянула о работах, для которых нашла авторов – статьи о парижском библиофиле и антикваре Иосифе Лемперте, о художниках Михаиле и Янке Кикоинах, др.

В книге появился оригинальный раздел для освещения текущих событий в русско-еврейской диаспоре – «Журнал в книге». В нем опубликованы острая дискуссия, отчет об организованной нами конференции в связи с 50-летием НИИ им. Х.Вейцмана: в становлении Института основная заслуга принадлежит выходцам из России.

Л.Ш. СМИ уделяют внимание вашей деятельности?

Ю.С. 21 мая в передаче опытного и интересного радиожурналиста Михаила Абира (Иосефа Дана; радио РЭКА) «Страницы еврейской истории» мы говорили о наших юбилеях и о докторе М.Пархомовском, удивительном человеке, поднявшем всю эту громадину. М.Хейфец, принявший участие в передаче, вспомнил: «Когда я познакомился с Пархомовским и он рассказал мне о своей идее, я думал, что ничего не получится. Но я не знал этого человека, он, оказывается, не отстывает от намеченной цели. И вот получилось».

Л.Ш. Это была единственная радиопередача?

Ю.С. В этом году исполнилось 140 лет со дня рождения художника Леонида Пастернака и 100 лет со дня рождения его дочери Лидии, доктора биохимии, поэтессы, переводчицы стихотворений брата – Бориса Пастернака на английский. Это послужило поводом для следующей нашей встречи на радио, где речь шла о семье Пастернаков, о которой много говорится на страницах наших книг.

Л.Ш. Скажите, эти передачи имели какие-то отклики?

Ю.С. Были телефонные звонки, нас приглашали выступить в разных городах. Одна такая встреча у меня состоялась 2 июля в Тель-Авиве в помещении Дома писателей. Обстановка была теплая, нестандартная. Более подробно рассказала о создателе израильской оперы – бывшем дирижере Мариинского театра Мордехе Голинкине, о забытых поэтах Раисе и Михаиле Горлиных, погибших в Катастрофе. Это Раиса Блох-Горлина написала стихи для песни «Здесь шумят чужие города / И чужая плещется вода», которую пел А.Вертинский. Речь шла и об ученых, работавших в парижском институте Пастера: И.Мечникове, В.Хавкине, А.Безредка, а также проф. Э.Шляхове, признанном специалисте по сибирской язве, – по его трудам принимала решения ВОЗ. Рассказывала о судьбе Нобелевского лауреата по химии Р.Хофмана, спасенного узника нацистов, ставшего известным и как поэт, и как философ. О своих встречах с людьми, о которых пишу, например, о проф. Э.Кацире-Качальском (его вклад в химию белков признан учеными всего мира), четвертом президенте Израиля, доброжелательном, улыбчивом человеке со сложной и интересной судьбой, который заинтересовался деятельностью нашего Центра.

Л.Ш. Что еще значительного было в жизни Центра?

Ю.С. Пришло письмо из Америки о присуждении М.Пархомовскому гранта им. Анны Хавинсон. Письмо это опубликовано в конце настоящего «Журнала в книге».

Л.Ш. Вы живете в Кирьят-Экроне, Михаил Пархомовский – в Бейт-Шемеше, Дан Харув – в Иерусалиме. Как вы общаетесь, согласовываете работу и т.д.?

Ю.С. Помните, когда-то много говорили и писали о так называемых незримых коллективах (невидимых колледжах): живут ученые в разных местах, а занимаются одной темой. Пользуемся обычной и электронной почтой; наращиваем телефонные счета...

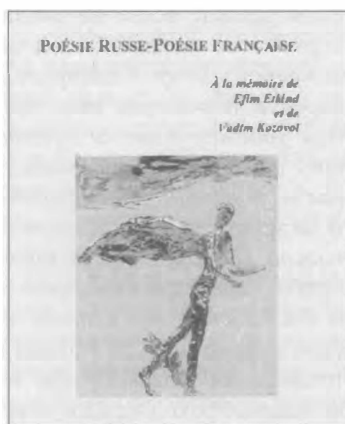
Л.Ш. Вы взаимодействуете с другими странами?

Ю.С. Конечно, такое взаимодействие существует. Авторы статей живут в Америке, России, Новой Зеландии, Франции, Швейцарии, Германии... В двух последних книгах соредакторами и составителями стали ученые из Великобритании и Франции. М.Пархомовский переписывается с исследователями более десяти стран. В ряде из них наши книги пользуются известностью, и о нашей деятельности пишут газеты и журналы. Сейчас нет ни одной книги о Русском Зарубежье, где не было бы ссылок на наше издание.

Л.Ш. Спасибо за беседу. Мне остается пожелать вашему коллективу дальнейших успехов и, конечно же, здоровья.

По следам коллоквиума в Сорбонне

В Сорбонне с 14 по 16 марта 2002 года состоялся международный коллоквиум, посвященный проблемам русско-французских поэтических связей, а в его рамках – поэтические чтения, на которые были приглашены французские и русские поэты. Событие само по себе заслуживает внимания и подробного рассказа, но нас в первую очередь интересуют те, чьей памяти были посвящены отдельные заседания коллоквиума: поэт и переводчик Вадим Маркович Козовой (1937–1999) и филолог, переводчик, исследователь русской и

европейской литературы Ефим Григорьевич Эткинд (1918–1999). Оба они оказались в вынужденной эмиграции во Франции, оба служили русской и французской поэзии и ушли почти одновременно, дав повод почтить их память серьезным собранием ученых и литераторов двух стран под крышей объединившей их Сорбонны.

Вадиму Козовому были посвящены несколько в высшей степени интересных докладов: Борис Дубин рассказал о Козовом как о человеке двух культур, Жорж Нива – о перекличке Федора Сологуба и Козового на примере интерпретации творчества Малларме, Жерар Абенсур и Мишель Окутюрье говорили о Козовом как о теоретике и практике поэтического перевода. Мне же в связи со всем этим хотелось бы обратить внимание на книгу, вышедшую уже после смерти Вадима Козового, – на его «Антологию французской поэзии» (М., 2001).

Но прежде – два слова о ее авторе. Вот что сообщает о Козовом «Словарь поэтов русского зарубежья» под редакцией Вадима Крейда (1999): *«Литературовед (романист), переводчик. Учился на ист. ф-те Моск. ун-та, был арестован в 1957 как член подпольного кружка “Союз патриотов России” и приговорен к 8 годам лагерей. В 1963 вернулся в Москву и с 1967 по 1980 публиковал статьи о литературе и переводы стихов французских поэтов в советской прессе. Его собственные стихи и проза оставались ненапечатанными <...> В 1981 уехал из СССР и поселился во Франции».*

Искусство перевода для В.Козового определялось, по его собственным словам, «сродством душ» и выявлялось «в самой поэзии и ее внутренней корысти». В превосходном предисловии литературоведа и переводчика Бориса Дубина к антологии Козового (построенном прежде всего на анализе творческого метода переводчика) вскрывается механизм этой «внутренней корысти». *«Следует приблизиться к нему, – цитирует Дубин Козового, – не в интенции... а, скорее, в интонации, что, опять-таки, удастся сделать – если вообще удастся довести начатое до конца и не сорваться – только через тональную игру языка... Проще всего было бы назвать это тем неуловимым или бесконечно малым, что в реальности, особенно на уровне чтения, кажется и вовсе ничем и что, тем не менее, должно содержаться в поэтическом тоне, чтобы можно было сказать: это стихотворение, одно из наиболее нам дорогих, – каковы бы ни были его истоки, конструкции, вся его система – держится ни на чем...»*. Можно безусловно согласиться с Дубиным в определении Козового как мастера «тональности», «интонации», как «первопроходческого переводчика» в этой области – многолетняя работа, представленная в антологии, только подтверждает такую высокую оценку.

На моей памяти имена Эткинда и Козового сошлись в первый раз на страницах книги «Из современной французской поэзии» (М., 1973), где под редакцией Эткинда были опубликованы два французских поэта в переводах Козового – Анри Мишо и Рене Шар. Книга эта была во многом революционной (кроме Шара и Мишо, в ней были представлены внушительные подборки еще двух французских поэтов – Раймона Кено и Жана Тардые в переводах Михаила Кудинова): мы впервые узнали, какой может быть современная поэзия, с ее аллюзиями на ту европейскую культуру, которая была закрыта советскому читателю. Эткинд был человеком европейской культуры – об этом и шел разговор в Сорбонне, в той части коллоквиума, что был посвящен памяти Ефима Григорьевича. Доклады Жана Бессона, Мишеля Кадо, Вардана Чимишкяна были посвящены работе Эткинда как концептуального организатора переводов русской поэзии на французский язык. Жан-Люк Моро, Леон Робель, Ирина Кузнецова говорили об отдельных проблемах переводческой практики, в частности и в свете работ Эткинда по проблемам перевода. Наконец, автор этих строк сделал сообщение о ленинградской школе поэтического перевода, к бытованию которой Е.Г.Эткинд имел самое непосредственное отношение.

Эткинд и ленинградская школа поэтического перевода – особая тема. Помимо знаменитых переводческих семинаров (Эткинд вел

один из них), помимо теоретических конференций и конкретной работы над книгами, в первую очередь следует назвать любимое детище профессора Эткинда – уникальные устные альманахи зарубежной поэзии, которые проходили в Доме писателя под названием «Впервые на русском языке». Собственно, с них и началось знакомство многих и многих слушателей с современной зарубежной поэзией, с ее новыми, неизвестными или даже тогда запрещенными темами. Помню юбилейный, пятидесятый, выпуск альманаха – вечер был устроен таким образом, что в первом отделении читались переводы, как тогда говорили, «с языков народов СССР», а второе было отдано зарубежной лирике. Первое отделение затянулось, но Ефим Григорьевич вышел к микрофону и твердо сказал: *«Пока не покончим с Советским Союзом, останавливаться не будем!»*.

Он и не останавливался. В апреле 1974 года по представлению КГБ Е.Г.Эткинд был лишен всех степеней и званий и уволен из Ленинградского государственного педагогического института имени А.И.Герцена, в котором проработал более двадцати лет. Вслед за тем секретариат Ленинградской писательской организации исключил его из Союза писателей. Среди обвинений, указанных в специальной справке, три должны были выглядеть особенно устрашающе: письмо к молодым евреям, в котором Эткинд обосновывал необходимость не эмигрировать, а оставаться на родине для того, чтобы здесь бороться за свои права; связь с Солженицыным, а именно то, что Эткинд «длительное время хранил у себя» его рукописи; наконец, «близкие отношения» с Бродским – Эткинду помянули и защиту поэта во время известного процесса в середине шестидесятых, и причастность к машинописному собранию его сочинений, которому органы придали антисоветский характер. Исследователю вменялось в вину знакомство с предметом исследования: рукописью. 12 июня 1989 года, после пятнадцатилетней разлуки, Е.Г.Эткинд посетил Пушкинский дом. Оказалось, Рукописный отдел жаждет приобрести у него рукописи Солженицына и Бродского. Так своеобразно зарифмовалась хронология этого пятнадцатилетия...

Последним переводческим трудом Эткинда стала работа над книгой Ицхака Каценельсона «Сказание об истребленном еврейском народе», написанная на идиш: судьба этой книги и этой работы заслуживают отдельного разговора. Пока же дискурс в Сорбонне касался конкретных французско-русских поэтических связей – прежде всего, как реализация идеи памяти, которой служили оба выдающихся представителя русской культуры во Франции: и Вадим Козовой, и Ефим Эткинд.

Михаил Яснов

Выставка, посвященная 80-летию ОРТ во Франции

С 12 по 18 ноября 2001 г. в Centre Communautaire de Paris, созданном три года назад Объединенным еврейским социальным фондом (Fonds Sociale Juif Unifié) при поддержке парижской мэрии и министерства культуры, прошла выставка «80 ans au service de l'éducation et de la formation» – «80 лет на службе воспитания и образования».

Небольшая экспозиция в холле Центра: ряд стендов с плакатами и фотографиями, скорее рекламно-дидактического, чем информационно-музейного характера. Да одна витрина – несколько документов, реликвии и регистр учеников (уже послевоенной эпохи). Это, пожалуй, самый ценный экспонат из всей экспозиции. Фами-

лии, имена, места рождения. Много учеников еврейско-русского происхождения.

Как нам кажется, выставка могла бы быть много лучше – и материалы в архиве ОРТ имеются, как это видно по одинокой витрине, и множество моделей, которые ученики одной из школ ОРТ, обучавшиеся столярному искусству, делали для экспозиций Музея еврейского искусства еще в конце 40 – начале 50-х гг.* А мог бы быть стенд и просто со статистическими данными, не говоря уже о стенде, посвященном русской предыстории французского ОРТ, с датами, именами и портретом не только барона Гинцбурга (который, по счастью, имеется), но и С.Полякова, одного из крупнейших благотворителей и меценатов России. Они оба стояли у истоков ОРТ. Впрочем, оба портрета посетители имели возможность увидеть на экране во время показа диафильма в ходе круглого стола «ОРТ Франции: 1921–2001: О ее основании в черные годы войны и о ее воссоздании» («ORT France 1921–2001: De la création aux années noires de la Guerre et à la reconstruction: Table ronde»), который состоялся 15 ноября. Его вела

* См.: *Гузевич Д.* Красота, талант и эрудиция, или Сохранение памяти (Мария Шабшай) // *РЕВЗ*. Т.3(8). С.326–340.

Эммануэль Полак (Emmanuelle Polack), архивист ОРТ. Для докладов были приглашены историки Жан Лалум (Jean Laloum) и Кати Хазан (Kathy Hazan). Они представляли свидетельства и воспоминания бывших учеников и воспитанников ОРТ, демонстрировали фотографии. Особый интерес вызвал рассказ о деятельности ОРТ в годы войны и оккупации, о спасении, воспитании и образовании детей в эти черные годы.

Среди слушателей в зале были воспитанники школ ОРТ. Возможно, даже довоенной эпохи или времен войны, судя по их преклонному возрасту. По-видимому, многие вместе учились, что чувствовалось по тому, как люди слушали друг друга, как выступали и рассказывали. Они были явно хорошо знакомы.

Выступил и автор этих строк с рассказом о статьях, посвященных ОРТ в томе 3(8) *РЕВЗ*, который вот-вот должен был выйти из печати. Его вежливо выслушали и – не проявили никакого интереса. Так же закончилась неудачей попытка установить научный контакт с ведущими – рассказ французских исследователей о деятельности ОРТ в годы войны был бы, без сомнения, интересен читателям *РЕВЗ*. Однако историки торопились к распродаже собственных книг, устроенной тут же, в маленьком холле перед залом заседаний, и остальное было только досадной помехой... (Ситуация автору живо напомнила начало 90-х гг. и отношение французских славистов к исследователям из СССР–России.)

И все же, несмотря на явные недостатки и в организации выставки, и в устройстве круглого стола, хорошо, что они были, что их видели и слышали, – слишком велико значение организации, созданной некогда бароном Гинцбургом и железнодорожным королем Самуилом Поляковым, для воспитания, образования, а то и просто выживания нескольких поколений еврейских мальчиков и девочек во всем мире.

И мы можем только радоваться, что три статьи, связанные с историей ОРТ или ей целиком посвященные, были опубликованы в *РЕВЗ* как раз в юбилей французской ветви этой организации*.

Это случайность, но очень приятная.

Д.Гузевич (Париж)

* Помимо статьи о Шабшай и Музее еврейского искусства, это: *Пархомовский М.* ОРТ во Франции и его русские руководители // *РЕВЗ*. Т.3(8). С.254–272; *Белый М.* ОЗЕ во Франции // Там же. С.273–277.

Аукцион в Трувиле

Афиша аукциона (фрагмент)

Трувиль – небольшой курортный городок в Нормандии, на берегу Ла Манша. Со времен Второй империи – «Reine des plages» («Королева пляжей»; на французском этот город женского рода). Его слава не померкла и через столетие. Вместе с Довилем (Deauville), расположенным на другом берегу реки Ла Тук (La Touques), он был одним из самых модных курортов послевоенной

эпохи. Там развивались события фильма «Мужчина и женщина».

В мире искусства Трувиль стал известен еще раньше, чем прославился как курорт, – с 1825 г., когда уроженец этих мест, художник Шарль Мозен (Mozin) начал представлять пейзажи родного города в парижских салонах. Здесь творили художники Ж.Б.Изабэ (Isabeu), К.Моне, Ж.Б.Коро, Э.Л.Буден (Boudin) и писатели – Марсель Пруст, Маргарит Дюра (Duras), Александр Дюма, Гюстав Флобер*. «Держите на освещенное окно г-на Флобера» – это строка из лоции нормандского побережья XIX в.**

И ныне эти имена хранят улицы, проспекты, отели. Город старается поддерживать свою славу – музей, выставки, экскурсии, лекции. Афиши, посвященные прошедшим и будущим мероприятиям, так плотно увешивают витрины и двери ресторанов, отелей и магазинов, что внимание к ним притупляется.

Чудо произошло в последний вечер нашего пребывания в городе. Мы ужинали в небольшом ресторанчике на берегу моря. И этот плакат сложно было не увидеть – он висел рядом. Взгляд рассеянно скользил по красочному полю – свадьба как свадьба, пока не остановился на необычном: люди на полотне летали. Но на такое были способны лишь жители еврейских местечек бывшей Российской империи. Вспомните полотна Марка Шагала. Ныне это почти что фольклор. Но тех, кто умел летать, на той земле уже нет. Одни ее покинули добровольно-принудительно – в эмиграцию. Другие ушли в вечность с пеплом Освенцима и Бабьего Яра. Третьи лежат на просторах Сибири. А оставшиеся разбрелись по городам. И летать стало

* Touville sur Mer : Bienvenue-Welcome-Willkommen. Trouville: Office de Tourisme, 2000; La Mouette (Touville / Mer). 2002, juillet. №30.

** Рассказано одному из авторов Ю.Васильевым. Этот недавно ушедший из жизни писатель никогда не был во Франции и полжизни прожил в Магадане.

некому. В тех краях ныне живут совсем другие люди и слышны там иные языки. И вдруг, во Франции...

Мы стали внимательно изучать афишу*: выставка и аукцион – с 9 по 11 августа 2002 – все завершилось за три дня до нашего приезда. Картины, эстампы, скульптура. Внизу мелким шрифтом десятка два имен: Пикассо, Дали, Бонфуа... И среди них – Шагал. Но картина явно не его.

И далее – некая Рая Соркина. А еще мельче, под самым эстампом: «Raya Sorkine. “Les Mariés de Venise”. Lithographie signée» («Рая Соркина. “Венецианские новобрачные”. Подписанная литография»). Венеция, так Венеция. И пусть фоном – мост Риальто. Вот только новобрачные туда прилетели из какого-нибудь литовского или белорусского местечка. Когда еще умели летать.

Но кто автор? И фамилия, и имя явно еврейские, из Восточной Европы. Однако среди российских эмигрантов не было такой художницы. Через два дня в Париже мы перерыли все справочники по русской эмиграции, начиная со словаря художников и хроники культурной жизни. Пусто. Лишь в т.5 *ЕВКРЗ* появляется некто «Соркин, заключенный концлагеря Компьень». Отец? Муж? Брат?

Разгадка, и достаточно неожиданная, пришла через интернет. Наша художница оказалась Аленом Франсуа де Бувье де Кашар (Alain François de Bouvier de Cachard), французским аристократом, родившимся в Париже 22 июня 1936 г. и ныне проживающим в Провансе. Как этот человек, принадлежащий древнему (известному с XV века**) баронскому католическому роду, стал художником еврейских свадеб – «Le peintre des mariages Judaïka»? Как проник вглубь и ухватил поэтическую суть местечек, этой квинтэссенции культуры идиш? Заметим, не сефардов, составляющих основную часть французского еврейства, но ашкенази. И что за странное имя?

Ответ нашелся в другом сайте. Матерью нашего героя была русская еврейка, попавшая во Францию на волне послереволюционной эмиграции. Именно она сумела привить сыну ту любовь к русской еврейской культуре и дать те знания, которые легли в основу его будущего творчества. Художник настолько боготворил мать, что взял ее имя «Raya» своим псевдонимом, а в 1971 добавил и ее девичью фамилию. Так и возникло «Raya-Sorkine», именно в такой форме его имя вошло в словарь***.

* Vente aux enchères: Tableaux, Estampes, Sculptures, Objets: Trouville, hôtel Mercure – place Foch (face au casino), Vendredi 9, Samedi 10 et Dimanche 11 Août 2002 <...>. [2002]. 1 f. – (Афиша).

** Sereville, E. de Saint Simon, F. de. Dictionnaire de la noblesse française. Paris: Sté fr. au XX s., 1975. P.219.

*** Bénézit E. Dictionnaire critique et documentaire des Peintres, Sculpteurs, Dessinateurs et Graveurs. Nov. éd. T.8. Paris: Gründ, 1976. P.628.

А значит, и Рая Соркина все-таки была...

Но это все мы узнали позже. А потому вернемся в Трувиль. На следующий день, даром что было воскресенье, мы бросились на поиски хоть каких-нибудь следов аукциона: не могло же все исчезнуть за неделю – каталог, проспекты в турагентстве, несколько строк в программе выставок. Начали с того самого ресторана «Le Mayflower» и приносим благодарность его хозяину, M.Djouadi, который подарил нам афишу. Затем в отель «Mergure» – где происходила продажа: «Нет, что Вы. У нас просто снимали зал. Мы никогда не сохраняем подобных проспектов». Мэрия, турагентство. Множество проспектов, программ. Анонсы выставок: «Женщина в воображении художника» («La femme dans l'imaginaire du peintre»), «Корабли-путешественники» («Bateaux voyageurs»), «Взгляд фотографа на Трувиль» («Regard photographique sur Trouville»). Но ни слова об аукционе. Никаких следов. Не за фантомом ли мы спешим? Наконец, зашли в магазин эстампов и каталогов «G.Cocquenet – Librairie Galerie – XXe siècle». И первое, что увидели, – две афиши, две оригинальные литографии. Одна – за подписью Сергея Полякова*, другая – Марка Шагала**. Такое ощущение, что этот маленький город просто начинен эстампами русских еврейских художников. Однако об аукционе с работами «Raya-Sorkine» ничего не удалось узнать и здесь.

Поиски закончились. Был воскресный вечер. Закрывалось все, что могло закрыться. Через несколько часов уходил наш поезд. Мы понуро брели по улицам, рассеянно глядя по сторонам. И вдруг – один, другой, третий... Через стекла витрин в лучах заходящего солнца заискрилась, заиграла красками венецианская свадьба Рая Соркиной.

Господи, неужели жители еврейских местечек, давно покинувшие Россию, все еще летают во Франции?

20.8.2002, Paris

Д.Гузевич, И. Гузевич

* Serge Poliakov (1900–1969). Афиша к ретроспективной выставке: *Poliakov*. Lithographies-gravures: ABCD: 36 rue des Saints-Pères du 23 novembre au 29 décembre 1973. 1 f.

** *Marc Chagall*. [Le Peintre en rose]: Musée des arts décoratifs – Palais du Louvre: Pavillon de Marsan, 107 rue de Rivoli: Tous les Jours de 10 h. à 17 h. sauf le mardi. [1959]. – (Афиша.)

НАШИ ИЕРУСАЛИМСКИЕ ПОСИДЕЛКИ

Катулл, Ан-ский, Фриш и другие, или Мир во время войны

Как-то в самом начале нынешней интифады я ехал читать лекцию о Цветаевой по материалам изданных нами книг (тогда – пять сюжетов и около 80 упоминаний). Было тревожно, и пассажиры автобуса громко и единодушно на иврите и по-русски возмущались робкими ответами правительства на действия палестинцев. А мне было совестно: чем я занимаюсь? И кому сегодня нужна Марина Ивановна? Но в клубе собралось более 50 любителей Цветаевой. На пианино стоял ее портрет и рядом – две зажженные свечи. В перерыве профессиональная певица под аккомпанемент не менее профессионального гитариста спела несколько романсов на слова поэта. Был содоклад цветоведа, слушатели задавали вопросы...

Было острое ощущение мира во время войны.

Оно же пришло на презентации книги переводов Катулла Рахели Торпусман, особенно когда узнал, что в Иерусалиме в тот самый вечер проходили и другие незаурядные встречи. Ниже – рассказы о трех из этих вечеров 27 декабря 2001 года.

...Иногда с сочувствием думаю о будущих историках, которые решатся составить хронику русско-еврейской культурной и общественной жизни Израиля, сопоставимой разве что с активностью русской и русско-еврейской эмиграции в межвоенном Париже.

М.Пархомовский

1. Сестры – тяжесть и нежность...*

*Сестры тяжесть и нежность –
одинаковы ваши приметы...*

О. Мандельштам

В самом появлении книги Рахели Торпусман «Гай Валерий Катулл. Тридцать три стихотворения» безусловно есть нечто знаковое. Переводы римлянина Катулла на русский язык в Израиле? Это может смутить приверженцев идеи «плавильного котла» и заставить их (в который раз) начать говорить о «русском гетто» или о приверженности к «секториальной культуре» (любимый термин

* По просьбе автора сохраняются все особенности его стиля, орфографии и пунктуации. (Ред.)

местных чиновников). В самом деле... Если на языке *пишут* иные, застрявшие в своем прошлом репатрианты (в основном, старшего возраста) – это может считаться чем-то преходящим... атавизмом галута, готовым к исчезновению уже в следующем поколении... Если на язык *переводят*, да еще не с иврита, а с какого-то другого языка – он живет в данном социуме. Он в нем *прописан*. Надолго. Тем более, если переводчик – не какой-нибудь «новый репатриант», но молодая женщина... фактически выросшая в Израиле, во всяком случае, получившая здесь образование – для которой и язык иврит не может быть чужд.

Тут бесполезно вспомнить, *что* мы теряем – люди, выросшие в русской культуре, но живущие в других странах – с потерей русского языка – нашими детьми, внуками... (Потеря, которая поначалу в Израиле считалась естественной – и даже модной.) Мы теряем не только непосредственно – литературу на русском. Но огромную, выточенную веками культуру *перевода на русский* – которая, в силу особых доминант российской истории – особенно бурно развивалась – именно в самые тяжкие или самые смутные времена. Хемингуэй в «*Празднике, который всегда с тобой*» рассказывает, как впервые познакомился с Толстым, с русской классической прозой в переводах Кристанс Гарнетт... (Полагаю, не только Хемингуэй – но и Фолкнер, и Джойс, и другие.) Набоков, который владел английским и русским примерно одинаково, считал эти переводы беспомощными. Е.Эткинд – сам блестящий переводчик и крупнейший, вероятно, теоретик поэтического перевода – рассказывает в «Записках незаговорщика», как чуть не поплатился невыходом в свет замечательного двухтомника «Библиотеки поэта» «**Мастера русского стихотворного перевода**» – из-за того, что в Предисловии попытался сказать, что в трудные подцензурные времена крупные писатели должны были «уходить в переводы». Мандельштам корил Пастернака тем, что в «переводы утекает творческая энергия». Это правда, конечно, и от сего обстоятельства проигрывала несомненно сама литература, но бесконечно выигрывало *искусство перевода* – иначе говоря, полноценное *знакомство с литературой, в частности, с поэзией других стран*. (Не будь сего обстоятельства – мы бы не имели, вероятно, ни шекспировских переводов Пастернака, ни его «Фауста». Примеров очень много.)

Потому владеющий русским языком имеет в своем распоряжении еще и это богатство.

И первое, что хочется сказать о переводах из Катулла Рахели Торпусман, это то, что переводчик безусловно находится в рамках весьма плодотворной литературной традиции русского стиха и русских стихотворных переводов.

Переводчик – слуга автора – его толкователь и его соперник. Он должен выразить на другом языке не только мысль автора – но чувство, и так, чтоб читатель ощутил *поэтическую особость* этого чувства и этой мысли автора. Задача тяжкая – порою невыполнимая. И которая осложняется не только различием языков, и, стало быть, способов выражения, но и разницей исторических времен – времени автора и времени перевода – различием самой системы мышления.

Есть такой математический термин: *асимптота*. *Асимптотическое* приближение. Это постоянное приближение некой прямой к некой кривой (и наоборот). Без возможности схождения, ибо точка схода лежит в бесконечности, а бесконечность недостижима. Ни с чем, пожалуй, не сравним так поэтический перевод – как с этим математическим термином (или образом). Катулла переводили многие. Несомненно раньше Пушкина, но и Пушкин оставил здесь свой след...

Пьяной горечью Фалерна
Чашу мне наполни, мальчик!
Так Постумия велела,
Председательница оргий.
Вы же, воды, прочь теките
И струей, вину враждебной,
Строгих постников поите:
Чистый нам любезен Бахус.

Нужно иметь изрядную творческую смелость, чтоб начать свою книгу из 33-х стихотворений Катулла именно переводом этого же стихотворения.

Перевод Пушкина блестящ, хотя здесь явно другой ритм – нежели у Катулла. Потом мешает слово «воды» – имеющие в русском языке первым значением нечто «текущее»: воды реки, талые воды... Слово «воды» нечаянно оказывается «враждебно» мысли о кувшине чистой *воды*, которой *разбавляют вино*.

Новый перевод, во-первых, возвращает нас к поэтическому ритму Катулла:

Мальчик-кравчий, наполни эти чаши
Неразбавленной горечью Фалерна:

Так сама председательница пира,
Так хмельная Постумия велела.
Недруг Вакха – вода, ступай отсюда,
Уходи к людям трезвым, строгих нравов;
Мы же пьем чистый сок пьянящих гроздьев.

А во-вторых, доносит до нас слово-образ *воды* в ее истинном смысле в данном конкретном случае. Причем новый перевод вовсе не отмечает пушкинский. Он его просто уточняет. Он совершает *асимптотическое приближение* к подлиннику.

Переводить Катулла трудно. И вместе с тем – сегодня, это, может, единственный из поэтов древности, который близок нам в каком-то метафизическом плане. Как близок, скажем, старый трагик Еврипид – а чуть старше его – Софокл – пожалуй, далек. Поэты уходят куда-то – после возвращаются. Именно тогда, когда они нам бывают нужны...

Я ненавижу тебя. Я люблю тебя. Как так? Не знаю.
Знаю, что это так, – и худо мне, как на кресте.

Это двестишестое, пришедшее из древности – почти современно по чувству. В наш, раздираемый противоположностями – в наш «безумный-безумный» век. Есть немало переводов стихотворения. Может, кто-то переведет еще ближе к подлиннику, не знаю. Только мне кажется – это невозможно. Хотя и сам говорил – о «постепенном приближении»... и о недостижимой бесконечности.

Переводить Катулла трудно – потому, что он весь состоит из «тяжести и нежности». «Тяжелая роза» – есть и такой образ в том же стихотворении Мандельштама. Катулл бесконечно груб – и бесконечно нежен. Он пришел к нам из очень грубого мира – в наш, не менее грубый – но грубый по-другому.

У Катулла рядом с...

Ох, и вставляю я вам и в рот, и в анус,
Два развратника, Фурий и Аврелий!..

... идут стихи почти нестерпимой нежности:

Если безмолвные тени слышат наши рыдания
И благодарны живым за непритворную боль,
За нежеланье смириться с утратой, за верную память,
Где оживают друзья и воскресает любовь, –
Верю, что ранняя смерть для Квинтилии стала не горем,
Но утешением, Кальв, – ибо ты любишь ее.

На вечере, посвященном презентации книги – состоявшемся 27 декабря минувшего года в помещении Иерусалимской Городской

Русской Библиотеки, которую так и тянет назвать по-старому «Библиотекой Форума», ибо эта «самая крупная русская библиотека на Ближнем Востоке» не может до сих пор никак найти себе место на культурной карте Израиля (та же проблема «секториальной культуры») – разговор шел о культуре в самом широком смысле. Вечер открылся «Словом о Катулле» самого переводчика. Говорили о разном. Вспоминали любимые переводы других авторов и сравнивали с новыми – это понятно, переводчик, как никто другой в творчестве – приходит к своей «самости» на плечах других, уже

свершивших свое – спорит с ними, даже самыми талантливыми, и опровергает – как после будут опровергать его самого... С обычным своим «яростным темпераментом» сочно выступил Александр Любинский. Была атмосфера культуры – в самом обыденном и, вместе, в самом широком смысле. Например, с увлечением спорили, перебивая друг друга, как у древних греков и римлян разбавляли вино, и в какой момент. И Платонов «Пир» здесь естественно был помянут...

Говорили не только о переводах – но о самой книге. И тут самые добрые слова признательности и признания были обращены к художнику Зелию Смехову. Его рисунки, на темно-вишневом фоне – сделанные методом «выворотки» (о чем многие из нас здесь же узнали впервые – профессиональный термин!), то есть рисунком в негативе – не просто достойны похвал, но являются истинным вкладом в искусство графики... и в понимание Катулла. Они дополняют поэта-переводчика и помогают ему быть понятым. Были принесены также самые горячие поздравления издателю книги – Леониду Юнивергу – хозяину вечера. Ибо все это происходило на Семинаре библиофилов, что создал и ведет Юниверг вот уж который год. Он, как издатель, это все знают, – мечтал всегда о создании *rapumeta*. На сей раз – общей заслугой переводчика, художника и его самого – ему это удалось. В немалой степени помог тому и древний поэт Катулл...

В конце вечера один из выступавших, который живет, так же, как Рахель Торпусман, на «территориях», в Кирьят Арбе – рассказал, как встретил переводчика в маленьком, карликовом садике в Кирьят Арбе – молодая женщина качала коляску... и, вместе, была занята предисловием к этой книге. Выступающий вспомнил слова Андре Моруа, сказанные им о Жане Жироду

– тоже, кстати, блестящем знатоке античности и авторе пьесы о «Троянской войне, которой могло не быть»: «...покуда во Франции существуют влюбленные девушки, белки на деревьях и память о Лафонтене – в ней всегда останется что-то от Жироуду»... И добавил к сему: «Покуда в Израиле – будут существовать молодые женщины, что, покачивая коляску, переводят Катулла на русский – не надо бояться – ни за ивритскую культуру, ни за русскую – ни за культуру вообще».

Впрочем... это, кажется, сказал я сам...

Борис Голлер

2. «Молодец» и «Дибук»

27 декабря 2001 г. в помещении Союза репатриантов-ученых состоялось очередное заседание культурологического семинара при литературном журнале «Солнечное сплетение». Этот журнал под редакцией д-ра М.Вайскопфа выходит в Иерусалиме с 1998 г., а семинар проводится с начала 2001 г.; за год проведено около 20 заседаний.

В этот вечер докторантка Иерусалимского университета Гаухар Дюсембаева прочла доклад, посвященный неожиданным параллелям между пьесой С.Ан-ского (Раппопорта) «Меж двух миров» (в переводе Х.Н.Бялика – «Гадибук»), поставленной Е.Б.Вахтанговым в 1922 г. в «Габиме», и написанной в том же году поэмой М.Цветаевой «Молодец».

Упоминание о «Габиме» в письме Цветаевой М.Волошину и приводимый мемуаристом Э.Миндлиным отзыв поэтессы о «Гадибуке» и режиссере театра Н.Цемахе, позволяют предположить, что Цветаева видела спектакль.

Говоря о проблеме языкового барьера между зрителями и игравшейся на иврите пьесой, Дюсембаева пришла к выводу, что эта проблема была весьма относительной, ссылаясь на свидетельство М.Чехова об одной из генеральных репетиций «Гадибука»:

«В зрительном зале никого, кроме нас, не было. Во время репетиции я несколько раз выражал ему [Вахтангову] свои восторги, говоря, что понимаю происходящее, несмотря на незнание языка. Он остался равнодушным к моим похвалам и молча ждал окончания репетиции. Когда последний занавес опустился, он вызвал актеров так, как они были, в гриме и костюмах, в зрительный зал и при всех спросил меня, все ли понял из того, что происходило на сцене. Я сказал, что только немногие места остались мне непонятными из-за незнания древнееврейского языка. Он просил меня сказать, какие именно сцены остались мне непонятными. Я перечислил их, и Вахтангов, обратившись к актерам, сказал: “То, что Чехов не понял в

спектакле, зависело не от языка, но от того, что вы плохо играли. Хорошая игра должна быть понятна всем, независимо от языка. Мы будем репетировать снова все сцены, названные Чеховым". Он репетировал до глубокой ночи и достиг поразительных результатов. Я сам был изумлен, как много может сделать одна игра, если актер перестает надеяться на смысловое содержание текста, данного автором, и ищет средств выразительности в своей актерской душе.

Каковы параллели между «Гадибуком» и «Молодцем»? Поэма Цветаевой написана на основе русской сказки «Упырь» из собрания А.Н.Афанасьева. В этой сказке девушка Маруся собирается замуж, но ее жених оказывается упырем, который губит ее родителей, а потом и саму Марусю. Она волшебным образом оживает, выходит замуж, рождает сына; упырь пытается погубить и вторую ее семью, но кончается сказка хэпи-эндом: упырь рассыпается в прах, а муж и сын Маруси оживают и живут вместе с нею долго и счастливо.

Цветаева в поэме сохранила многие подробности сказочного сюжета, но, во-первых, ввела психологическую мотивировку действий героев, а во-вторых, резко изменила финал. Ее Маруся на протяжении всей поэмы любит «молодца»-упыря. Из-за этого и гибнут ее родители – потому что Маруся не решается погубить упыря, разоблачив его. Но и он ее любит – и потому сам рассказывает ей о волшебных возможностях спасения. А увидев «молодца» вновь через несколько лет, героиня оставляет семью – мужа и сына – и бросается за ним «в огонь синь», чтобы соединиться с ним после смерти. (Хотя, вероятно, для Цветаевой только такая трагическая развязка и могла считаться хэпи-эндом...)

Исследовательница связывает цветаевскую версию сказки с пьесой Ан-ского (где влюбленный, пытающийся заполучить свою любимую в жены с помощью каббалы, гибнет, но дух его вселяется в девушку и в конце концов уводит ее за собой, в смерть). Дюсембаева показывает, насколько слова критиков о сюжете «Гадибука» приложимы и к «Молодцу», и прослеживает некоторые частные черты сходства между двумя этими произведениями, отсутствовавшие в народной сказке (в частности, поразительное сходство между устрашающим танцем нищих-калек в спектакле и явлением нищих-бесов в поэме Цветаевой).

Догадка о связи между пьесой Ан-ского и «Молодцем» кажется убедительной. Видимо, трагическая еврейская пьеса оказалась созвучна Цветаевой. Оказала ли она влияние на уже возникший замысел, как считает автор исследования? Или, может быть, замысла еще не было, и появился он именно благодаря спектаклю «Габимь»?..

В докладе шла речь о возможной связи между спектаклем и поэмой, «Гадибуком» и «Молодцем», а не между дибуком – злым духом еврейского фольклора и упырем – героем цветаевской поэмы. Однако выступления некоторых слушателей почему-то были

посвящены отрицанию связи между дибуком и упырем, а также защите дибука от (не выдвигавшегося) обвинения в вампиризме. Впрочем, и эти выступления были очень интересны.

Р.

3. Новый культурный центр для русскоязычных жителей Иерусалима

27 декабря 2001 года состоялось торжественное открытие клуба «Тезна» в самом центре Иерусалима – возле улицы Яффо, в доме номер 6 на улице Короля Георга (которую иерусалимцы называют на английский лад – Кинг Джордж).

Культурно-просветительная организация «Тезна» существует уже семь лет. «Тезна» в переводе с иврита означает «инжир» (другие русские названия дерева и плода – «смоковница» / «смоква», а также «фига»). По одному из талмудических преданий, именно инжир является библейским «древом познания добра и зла», а не яблоня, как это принято считать в христианской традиции. (Не зря ведь Ева и Адам, познав мудрость, тотчас украсились именно фиговыми листьями!)

Учредители общества (первыми были математик из Еврейского университета д-р Андрей Сигалов и недавний узник совести в Советском Союзе Михаил Ривкин, в то время студент Еврейской теологической семинарии) поставили целью распространять в среде русскоязычных израильтян либеральные ценности западного мира и гуманистические аспекты еврейского культурного наследия.

Первые три года «Тезна» существовала исключительно как организация добровольцев; небольшую помощь (почтовые услуги, канцтовары, помещение для лекций и встреч) предоставили муниципальные власти. Уже тогда энтузиазм организаторов и мастерство лекторов привлекли к новосозданной организации десятки «русских» иерусалимцев. Со временем пришла спонсорская поддержка – из Израиля и из-за рубежа. Среди тех, кто поддержал «Тезну», – министерства абсорбции и просвещения Израиля, германский Фонд им. Фридриха Науманна. Большой удачей для развертывания деятельности общества стал грант Европейского сообщества, выигранный «Тезной» на международном конкурсе. Удалось снять помещение для офиса в центре города, оплатить работу небольшого аппарата во главе с талантливым администратором [Лесей Штейн] (1956–2000).

Имя Леси упоминали все, кто выступил на церемонии открытия клуба. Ее лучистая энергия и громадная эрудиция гармонично сочетались с неправдоподобной добротой и открытостью чуть ли не нараспашку. Слово «чуть» очень уместно: Леся тонко чувствовала

меру. Те, кому посчастливилось работать рядом с ней, навсегда озарены ее светом. Под водительством Леси была развернута многосторонняя и очень успешная – как уверяли многие выступавшие – работа.

«Тезна» провела десятки выездных семинаров (первым был семинар в кибуце Шфаим 8–9 марта 1996 года «Академик Сахаров и его значение для Израиля»), сотни лекций по истории и проблемам Израиля в разных городах страны – от северной Кирьят-Шмоны до Ашдода и Арада на юге, выпустила 23 брошюры по темам своих лекций и пять номеров «толстого» общественно-политического и литературного журнала «Время искать».

О журнале как главном культурном достижении «Тезны» говорили многие из выступивших гостей – журналистов и ученых Еврейского университета. Отмечалась серьезность избираемых тем, забота о популярности изложения («нет птичьих выражений!»), отменный русский язык («не только по нормам Зарубежья»), оформление («заслуга Леси»). Особых похвал (впрочем, и критики) удостоены литературные страницы журнала (там представлены, среди прочих, произведения Сергея Довлатова, Александра Мелихова, Сергея Каледина и переводы израильских писателей – Иегуды Амихая, Биньямина Таммуза, Этгара Керета), а также вернисажи с репродукциями работ Татьяны Корнфельд, Михаила Яхилевича и других израильских художников – выходцев из стран СНГ.

В последнем номере журнала, вышедшем в свет за неделю до открытия клуба, – большая статья административного директора общества и главного редактора журнала д-ра Марка Амузина о творчестве Макса Фриша; рецензия редактора журнала Абрама Торпусмана на первый том книги Александра Солженицына «Двести лет вместе», посвященной еврейско-русским отношениям; полемическая статья американского физика проф. Марка Пераха с критикой новых попыток доказать «разумный замысел» мироздания и другие материалы.

Теперь, с помощью друзей из организации израильских интеллектуалов «Диалог», удалось расширить деятельность просветительной «русской» организации и переехать в новое большое помещение.

– «Тезна» сегодня на подъеме, – говорит директор клуба филолог Катя Гржибовская, выпускница Еврейского университета. – Мы будем проводить в этом великолепном помещении встречи «за круглым столом», семинары для интеллектуалов и, если удастся, организовывать концерты.

Б.Ремез

РЕЦЕНЗИИ

Русская эмиграция в фотографиях: Франция, 1917–1947 / Авт.-сост. Андрей Корляков. Т.1. Париж: ИМКА-Пресс, 1999. 236 фот. Б. паг.

Русская эмиграция в фотографиях: Франция, 1917–1947 / Авт.-сост. А.Корляков. 2-я кн.: Они сохранили достоинство и честь. Париж: ИМКА-Пресс, 2001. 751 фот. 416 с.

Рецензируемые книги-альбомы неотразимо интересны и, как пишет в своем предисловии г-н Корляков, передают атмосферу, в которой жили русские эмигранты во Франции. В альбомах те зримые детали, которых не касались многочисленные исследователи русской эмиграции, к тому же, как правило, не приводящие иллюстраций.

Фотографии хорошего качества и репродуцированы на отличной бумаге. По производимому впечатлению книги можно сравнить с прекрасно сделанным двухсерийным документальным фильмом. Добавим, что альбомы украшены великолепными панорамными снимками Парижа.

Женщинам особенно интересны прически и одежда 20–40-х годов прошедшего века, и, подозреваю, что по этой причине мои знакомые дамы рассматривали книги как минимум дважды.

Давайте и мы полистаем двухтомник.

Много никогда не виденных нами коллективных фотографий – ветеранов Белого движения, казачьих организаций, бойскаутов, младороссов, учащихся всевозможных учебных заведений, артистов, членов русского студенческого христианского движения, коллективов магазинов и ресторанов. Немалое место занимают хоры – церковные, цыганские. А на развороте 346–347 стр. – три различных казачьих хора: им. атамана Платова, Донской под управлением Жарова и им. атамана Каледина, а также три балалаечных оркестра (т. 2-й: № 668–672).

А вот известная, переходящая из издания в издание групповая фотография сотрудников журнала «Числа» (т. 1-й: 96). На снимке 31 человек (все они вошли в историю русской литературы), и прекрасно видно каждое лицо! То же можно сказать о фото участников празднования юбилея П.Н.Милюкова (1:101).

Большое сочувствие вызывают фотографии великой княгини Марии Павловны (2:47), выставляющей свое шитье, и графини Б. (2:32) «перед тарелочкой с чаевыми в туалетных комнатах дансинга, где работает также и ее супруг. О чем она думает?» А как не обратить внимание на актера Михаила Чехова (1:189) – его считали самым талантливым на русской сцене.

Приведены снимки наших бывших соотечественников, нашедших пристанище и работу в Африке: Верхней Вольте (2:551), Тунисе (2:552), Марокко (2:557), в других странах и на других континентах.

Большую объединяющую роль в Париже играла русская церковь и ее глава митрополит Евлогий, хорошо известный нам из литературы о Русском Зарубежье: только на снимках 2-го тома он встречается 11 раз.

Фото (1:198) скандально известной певицы Надежды Плевицкой, которую сравнивали с Руслановой. Она была завербована ГПУ и после разоблачения отбывала заключение в знаменитой тюрьме Френ, а там ей запретили петь... В числе прочего, Плевицкой приписывали участие в похищениях лиц, неугодных Советам. Один из них – генерал Кутепов (о нем см. 2:410, 413).

Ирина Немировская

Надежда Плевицкая

Советские пионерлагеря и «Пионерская зорька», оказывается, имели свои аналоги во Франции. Вот лагеря витезей, суворовцев, разведчиков, пчелок, соколят (2:308–311). А, впрочем, кто чей аналог, сказать сложно, ибо они все восходят к организациям скаутов. Детям эмигранты уделяли большое внимание. Новогодняя елка на Сергиевском подворье (1:45), великая княгиня Елена Владимировна с детьми детского приюта (1:47).

Много фотографий посвящено спорту (стр. 180–197). На нескольких из них зафиксированы так называемые живые пирамиды (в 20–30-е годы они были в моде и в СССР), см. 2:170, 171.

Несколько снимков посвящены врачам. Доктор медицины С.М.Серов, участник Добровольческого движения: «О безвозмездном его лечении бедных и говорить не приходится – так оно широко известно всем», – написано под его фотографией (2:170). «Разве русский врач ставит вопрос о деньгах, когда видит перед собой несчастного больного?» – спрашивается в подписи под фотографией кабинета, где работали проф. И.П.Алексинский и д-р А.О.Маршак (2:173). А на следующей странице – «Замечательные русские врачи Алексей Ильич Бакунин с женой Эмилией Николаевной (ур. Лопатиной)» (2:178). Добавим, что это родители Татьяны Алексеевны Бакуниной-Осоргиной, десятки лет проработавшей в Тургеневской библиотеке в Париже и кому только не помогавшей! И мы были в числе подопечных этой удивительной женщины (2:509), никогда не устававшей отвечать на вопросы и подсказывать.

Не очень большое, но заметное место в двухтомнике занимают евреи – как часть русской эмиграции. Так, книгу открывают фотография Якова Шапиро и сделанные им снимки: мы его знали как художника, а он, оказывается, был еще и профессиональным фотографом; Ангелина Цетлин-Доминик нам рассказывала о своих посещениях балетной студии Кшесинской с дочерью Шаляпина, а вот и подтверждение: на фото (1:53 и 54) мы видим ее в группе с соученицами – Татьяной Рябушинской и Мариной Шаляпиной. Тут же подаренные Ангелиной Михайловной фотографии родителей – Михаила Осиповича и Марии Самойловны Цетлиных (1:106) и их же с Высоцкими (1:107).

В числе большого количества лиц, которых автор благодарит за предоставление фотографий, – Василий Александрович (Базиль) Гингер. И вот не публиковавшиеся ранее снимки из его альбома: поэты Александр Гингер и Анна Присманова с сыном Базилем в матросском костюмчике на отдыхе в Ницце (2:524), а на другом фото (2:209) оба их мальчика играют в гигантские мячи.

На развороте 268–269 страниц 2-го тома бросается в глаза фотография (2:512) улыбающейся молодой женщины с грустными глазами. Надпись гласит: «Ирина Немировская (1903, Киев – 1942, Аушвиц) – родом из буржуазной еврейской семьи, в Париже вела божественный образ жизни. Ее романы, написанные по-французски, принесли ей ошеломляющий успех, который не оставил равнодушным и кино. После *Давида Гольдера* был экранизирован и роман *Бал*. Во время оккупации Парижа немцами Немировская была арестована, депортирована в Аушвиц, где погибла».

Редкий снимок (1:230) – Николай Оцуп в итальянской тюрьме со своим конвоиром: он попал туда в 1939 г. как антифашист.

И.И.Песин с женой Идой (2:113) держали в Бийанкуре свой ресторан, и, как сказано в подписи под их фото, Илье Ильичу удалось стать владельцем зубоврачебного кабинета в Париже.

Из подписи под фотографией эстрадной певицы Изы Кремер (1:195) во время гастролей в Париже в 1936 г. (она пела на идиш, русском, польском и немецком): «Начала свою карьеру в 16 лет. Ей предсказывалась блестящая карьера. Исполняла партии Татьяны в *Евгении Онегине*, Иоланты в *Иоланте*, Марты в *Царской невесте* и др. Во время Тегеранской конференции была приглашена Черчиллем для выступления в концерте, где она исполнила *Замело тебя снегом, Россия*. Это произвело эффект разорвавшейся бомбы».

Иза Кремер

«Выступает виолончелист Юрий Шор» – такими словами начинается подпись к фото музыканта (2:690).

Прекрасная фотография выдающегося художника и поэта Леона Зака в мастерской (2:596) с подписью его дочери – скульптора Ирины Львовны Зак: «Отец не был всегда Монпарнасом, но появлялся там нередко один или с моей матерью; иногда они брали меня с собой. Он там встречался со многими художниками Парижской школы. Большинство из них были русскими евреями. В их числе Мишонц, Шаршун, Пуни, Любич, Боберман, Пикельный, Фальк, Морис Блонд; Рыбак, который жил в нашем доме. К нам часто заходил Шейхель, очень талантливый художник... Принимали мы у себя и Мане-Каца».

В альбомах и другие герои наших книг о русских евреях в зарубежье или еще не вошедшие в наши серии: бывшие заключенные лагеря Компьень (1:229), павильон киностудии *Альбатрос* и деятели кино (1: 205, 206 и 214); Александр Яковлевич Браславский (2:740) – поэт, член *Зеленой лампы*, участник военных действий по освобождению от немцев юго-востока Франции.

К сожалению, в книге есть недостатки, которые затрудняют ее использование в научных целях.

Французская неточность, приблизительность поражает всякого начинающего изучать французский язык: если тебе нужно сказать «неделя», ты говоришь «восемь дней»; «пятнадцать дней» – это, оказывается, две недели. А.Корляков за годы жизни во Франции,

видимо, не только узнал много интересного, но и приобщился к этой французской черте. Так, он считает возможным приводить цитаты, не только не указывая источник, но даже не называя авторов. Примеры приводить не буду – исключениями становятся редкие указания авторства. И это при наличии в книгах сотен цитат. В конце 2-го тома (с.412), правда, сказано: *Подписи под фотографиями были составлены на основании сведений, предоставленных владельцами документов, за достоверность которых они несут полную ответственность.* Достаточно ли этого? Еще десять лет назад, при переводе моей книги о З.Пешкове на французский язык, Эдмонда Шарль-Ру и издательство «Альбен Мишель» предупреждали меня: «Вы должны знать, что всю информацию и все цитаты необходимо сопровождать соответствующими тщательно выверенными ссылками с указанием автора и названия источника с его полным библиографическим описанием». Может быть, эти требования устарели? С другой стороны, не принесло бы вреда этому привлекательному и легко воспринимаемому русско-французскому двухтомнику введение подробного справочного аппарата, не высушил бы он книги?

Есть и погрешности в русском языке: «*В этой книге, – фрагмент сбереженного материала, принадлежащий тому времени и той, едва ли не лучшей, части русского народа, которая была отторжена от своей родины,*» – сказано на 2-й странице суперобложки. Почему «фрагмент», да еще в единственном числе? «Отторжена», а не «отторгнута»? А во 2-м томе на с.258 такая, мягко говоря, не совсем русская фраза: «*Фотографировал А.Н.Бенуа, который отдыхал тем, что постоянно писал горные пейзажи и снимал их на фотоаппарат.*» В указателе имен нет номера фотографии при фамилии «Козловский». Фамилия «Черчилль» по-русски пишется с двумя «л». Но мы не ставили перед собой задачу выискивать всех этих «блох», от которых полностью избавиться, увы, почти никому не удается.

В томе 1 нет нумерации страниц (ее заменяет нумерация фотографий и их индекс на французском языке в конце книги) и отсутствует указатель имен. Последний приведен в томе 2, к великому сожалению, только для этого тома. Но здесь нет указателя фотографий. В обоих томах приведена библиография, во 2-м томе – со ссылками на соответствующие страницы и номера фотографий. Так, в обоих томах указывается наше издание «Евреи в культуре Русского Зарубежья», но в библиографии 2-го тома эта ссылка дополняется номером фотографии – 692 (на ней изображен «талантливый виолончелист Иосиф Пресс в составе струнного квартета *Kilbourn Quartet*»).

Название на обложке 1-го тома на французском, 2-го – на обоих языках, но полное название только на французском. В 1-й книге переведены на французский язык только предисловие автора и информация о нем, зато индекс фотографий дан только на французском. Во 2-м томе все русские тексты даны и во французской версии, а указатель имен почему-то сделан на французском с переводом на русский. Для русскоязычного читателя создаются дополнительные трудности, связанные с различием алфавитов. Так как во французском языке звук «у» изображается дифтонгом «ou», то *Ковалевская* указывается после *Кузнецова-Бенуа*. Приходится учитывать, что русская буква «в» стоит в начале алфавита, тогда как французское «v» в конце, и т.п.

В планах автора еще немало альбомов и книг, которые хотелось бы видеть без недостатков, снижающих их несомненную и высокую ценность.

Михаил Пархомовский

Семен Луцкий: Сочинения /
Сост. В.Хазан. Slavic Studies. Stanford.
Vol.23. 2002. 434 с.

В сознании читателя поэты часто сосуществуют парами: Гете и Шиллер, Пушкин и Лермонтов, Блок и Гумилев, Пастернак и Мандельштам, Маяковский и Есенин. Они современники, нередко друзья, иногда противники, и каждый оттеняет индивидуальность другого, в чем-то дополняет, углубляет.

Поэта Семена Луцкого естественнее всего поставить рядом с Довидом Кнутом; сопоставление подсказывается выходом его сочинений вскоре после издания двухтомника Кнута и подготовкой книг одним и тем же составителем – Владимиром Хазаном.

Оба поэта вписались в русскую эмигрантскую среду, но, пережив погромы, революцию, обе мировые войны, остро чувствовали свое еврейство и кровную, генетическую связь с его прошлым, настоящим и будущим. И вместе с тем они очень разные.

Семен Абрамович Луцкий родился в Одессе, где окончил Коммерческое училище. Высшее образование получил в Льеже и

Гренобле, а затем 42 года проработал во французской электро-механической промышленности. Преподавал технические дисциплины, был автором ряда научных статей и двух капитальных трудов по электромеханике. Но стихи писал с детства, и писал их всю жизнь: это было его насущной потребностью – как глубоко верующему человеку необходимо молиться.

Его жизнь* и поэтическая биография складывались «не так», как у «настоящих» поэтов, поэтов байроновского типа. Тут и «с небом гордая вражда», и гордое одиночество, и непонимание со стороны праздной ничтожной толпы, и презрение к ней, и – главное – Свобода. Свобода от всего. В итоге – преждевременная смерть, чаще насильственная. К такому типу принадлежал Довид Кнут, который носил в себе ощущение былых и грядущих катаклизмов (...Я помню все... / И страшный час: / Обвал, и треск, и грохоты Синая, / Когда в огне разверзлось с громом небо / И в чугуне отягощенных туч / Возник, тугой, и в мареве глядел / На тлю заблудшую, что корчилась в песке, / Тяжелый глаз Владыки-Адоная...).

Стихотворный автопортрет Луцкого совсем иной:

Вот стоит передо мной
Беспричинно чинно
С полнолысой головой
Юноша-мужчина.
Посеребренный висок,
А глаза – ребячьи,
Лоб по-мудрому высок,
А восторг – телячий.
Под усами тихий рот,
Ласкова улыбка,
А внутри – наоборот,
Как-то очень зыбко.

В поэзии Луцкого нет гипербола и «груза тысячелетий». Бог в его стихах присутствует часто, но – как собеседник. Вера поэта пропитана светлым, гармоничным, созидательным началом:

Спокоен я. Ничто уже
Не соблазнит и не наскучит.
Иду по медленной меже,
Где Некий говорит и учит.

* О жизни и творчестве Семена Луцкого см. статьи Ады Бэнишу-Луцкой «Служение и Одиночество» // ЕВКРЗ. Т.4. С.262–272 и «О скульпторе Сильвии Луцкой» // Там же. С.273–277, а также публикацию Олега Ласунского «Из творческого наследия Семена Абрамовича Луцкого» // ЕВКРЗ. Т.5. С.77–105. (Здесь и дальше примеч. ред.)

Мне равновесие дано
Совместно с прочими дарами,
Живу, как жить мне суждено,
И не юродствую стихами...

Уже здесь, в стихотворении из первого сборника «Служение» (1929), мы видим главное отличие Луцкого от «типичных» поэтов, источником вдохновения которым служат страсти. Его источник – «успокоительное знание». Если для них трагедией является неутоленность страстей, то для Луцкого ОТКАЗ от страстей и желания ПОЛУЧАТЬ – источник радости, вдохновения и смысла жизни. Именно поэтому его сборник и называется «Служение». Эта глубоко религиозная идея прочувствована им еще в молодости: он рано потерял отца и взял на себя заботу о матери и сестре; его любовь к жене была искренней и нежной, но ее преждевременная смерть не подорвала его веру в разумность существующего миропорядка, лишь прибавив горечи к его стихам. Второй сборник называется «Одиночество» (1974). По-видимому, жене посвящено не вошедшее в сборники стихотворение «Молитва», которое начинается так:

Благодарю Тебя, Творец,
Умом, душою, сердцем, кровью
За то, что я опять певец,
За то, что осиян любовью.

Стихи Луцкого незамысловаты, традиционны, лексика даже архаичная, времен Жуковского и Пушкина. Но зато чувство искреннее, неподдельное, как пение птицы. И никакой надуманности, нарочитости.

Глубоко верующий, Луцкий тем не менее был равнодушен к конфессиям:

Все равно, какой это храм
И какие там пели молитвы.
Главное – это, что там
Отдых от жизненной битвы.

Вероятно, поэтому он стал членом масонской ложи: масонство предполагает стремление к самоусовершенствованию и помощь ближнему, оно вне конфессий.

Несмотря на внешнюю хрупкость, Луцкий был человеком сильным. Его «унылые» стихи, скорее, дань моде (влияние русской поэзии, увлечение Блоком), но главное – следствие обстоятельств, которые никак не способствовали оптимизму.

В поэзии Луцкий не был новатором и совсем не претендовал на какую-то видную роль. Он был Личностью.

Он поддерживал свою дочь Аду, когда она, став сионисткой, решила поехать с мужем в Палестину. О драматических перипетиях этой поездки и о своем участии в ней Луцкий рассказал в очерке «Эксодус», а о своем впечатлении от Палестины (еще до образования Государства Израиль) – в очерке «Месяц в Израиле»: «В Библии сказано: *Вот, выбери жизнь, и ты будешь жить*. И евреи выбирают жизнь. Для этой жизни они из ничего создают прекрасные деревни. Это – еврейский способ строить кафедральные соборы».

Часто встречается в стихах Луцкого и тема России: она была его родиной, он воспитывался на русской культуре, сочувствовал эсерам, один из лидеров которых – загубленный большевиками Гоц – был его дядей.

Позор. Война. Насилье. Кровь. И голод.
И трупы, трупы без числа.
О Господи! Зачем Твой день так золот,
Но так Твоя десница тяжела?

Составитель и комментатор издания проделал поистине титанический труд: жизнь и творчество Семена Луцкого представлены с максимальной полнотой. Дана не только внушительная подборка стихов, но и проза – очерки, доклады и письма. Представлены воспоминания о нем.

Книга со вкусом оформлена, снабжена иллюстрациями. В примечаниях и комментариях много дополнительного материала, позволяющего увидеть Луцкого в «объемном» изображении – в окружении сопутствующей среды: родных и друзей.

На мой взгляд, некоторым недостатком книги (не умаляющим ее достоинств), пожалуй, является тот факт, что мало освещена масонская деятельность поэта, которой сам он придавал большое значение. Жаль, что не представлен в книге доклад Луцкого в парижской ложе «Северная звезда», посвященный памяти его друга Михаила Осоргина; доклад этот* ярко выражает мировоззрение Луцкого, его отношение к жизни. Публикацию доклада можно было бы сделать, сократив некоторое количество стихов.

Читатель, наверняка, обрадуется этой книге, дарящей ему знакомство с неизвестным доселе поэтом – человеком широкого кругозора, острого ума и – главное – обладавшим чистым незамутненным сознанием, человеком, служившим миру, Богу, людям. Таких на земле мало, и они нужны.

Ада Брун-Шапиро

* Опубликовано в 5-м томе серии «Евреи в культуре Русского Зарубежья» (с.87–105).

БИБЛИОГРАФИЯ

Памяти Ефима Григорьевича Эткинда: Сб. докладов международного конф.: *Два учителя Тургенева: Гете и Пушкин – поэты любви* / Сост. А.Звигильский. Париж: Ассоциация друзей Ивана Тургенева, Полины Виардо и Марии Малибран, 2001. 208 с.

Конференцию, название которой было сформулировано Е.Эткиндом, организовал А.Звигильский (оба стали ее председателями), и проходила она в марте 1999 г. в бывшей усадьбе Тургенева в Буживале.

Диаспора: Новые материалы / Отв. ред. *О.Коростелев*, ред. *Т.Притыкина*. Вып. 2. СПб.: Феникс, 2001. 752 с., ил.

В наст. томе читатель найдет: доклад молодого В.Набокова об убожестве советской беллетристики; начало публикации кн. воспоминаний В.Вейдле; статьи о российских кинематографистах – эмигрантах во Франции, об утраченной книге Эллиса о Пушкине; материал об отношении П.М.Бицилли к евразийству; продолжение переписки Тэффи с Буниными, письма Гиппиус, Святополка-Мирского, Маклакова, Кленовского и мн. др. материалов.

Диаспора: Новые материалы / Отв. ред. *О.Коростелев*, ред.-издатель *Т.Притыкина*. Вып. 3. СПб.: Феникс, 2002. 735 с., ил.

Том содержит: продолжение публикации книги воспоминаний В.Вейдле; мемуары болгарского эмигранта И.Тинина; статьи о судьбе российских ученых, высланных из Одессы в 1922 г., и о деятельности монархистов в Эстонии; очерк о Шагале и Эрэнбурге; окончание переписки Тэффи с Буниными; письма Адамовича к Гиппиус; дневник Н.В.Вернадской и мн. др. материалов. Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся историей Русского Зарубежья.

В издательстве «Гешарим / Мосты культуры» в 2002 году вышло переработанное и дополненное издание «**Книга времен и событий: История евреев Российской империи**» *Феликса Канделя* в двух томах. Науч. ред. *Марк Кипнис*. Эта книга – популярный рассказ об истории евреев, в разные времена живших на землях, которые в начале двадцатого века входили в состав Российской империи. Другими словами, это история российских евреев от первых веков новой эры до Февральской революции 1917 года. В «Книге времен и событий» отражены конкретные человеческие судьбы на фоне исторических событий. Евреи Хазарского каганата и Киевской Руси. Крестовые походы в Центральной Европе и переселение евреев

в Польшу. «Ересь жидовствующих» на Руси. Еврейская жизнь в Польше и ужасы времен хмельнитчины. Лжемессия Саббатай Цви. Яков Франк и движение «франкизма». Основатель хасидизма Баал Шем Тов. Движение гайдамаков на Украине. Три раздела Польши – и сотни тысяч евреев, ставших подданными Российской империи. Российские евреи в годы правления Екатерины II, Павла I и Александра I. Евреи России и война 1812 года. Еврейская жизнь в годы царствования Николая I. Дети-кантонисты и насильственное крещение. «Великие реформы» Александра II. Погромы 1881–1882 годов. Евреи в русском революционном движении. Эмиграция российских евреев. Палестинофильское движение и переезд в Эрец-Исраэль. Правление Николая II. Погромы 1903–1905 годов. «Протоколы сионских мудрецов». Процесс Бейлиса. Первая мировая война и Февральская революция. Евреи Крыма, Кавказа, Средней Азии и Сибири. Иудействующие в России.

М.Занд, профессор Иерусалимского университета: «По моему мнению, автор этой книги сочетает выдающийся талант рассказчика с глубоким знанием истории российского еврейства. Эта счастливое и редкое сочетание позволило ему создать правдивое и в то же время волнующее, захватывающее повествование...». Главные редакторы Краткой еврейской энциклопедии И.Надель и Н.Прат (Иерусалим): «Прежние исторические работы о российском еврействе (Дубнова, Гессена и Эттингера) были строго научными работами и не предназначались для массового читателя. “Книга времен и событий” написана в популярном стиле, как доверительная и волнующая беседа с читателем. Ее автор, известный русско-еврейский писатель, был награжден за эту книгу одной из наиболее престижных премий общины российских евреев в Израиле, премией Розы Эттингер...»

Магазин еврейской книги в интернете (*Judaic kiosk*)

Judaic kiosk на протяжении семи лет занимает в интернете нишу еврейской русскоязычной литературы. В каталоге по адресу <http://www.judaickiosk.com> – свыше 600 наименований книг: Священное писание с толкованиями еврейских мудрецов, каббала, труды по еврейской религии, истории и философии, академические издания, художественные произведения, в том числе современная русскоязычная израильская литература.

В рамках занимаемой ниши **Judaic kiosk** гарантирует полноту каталога, что, наряду с удобными средствами поиска книг и оформления заказа, низкими ценами и надежным обслуживанием, сделали **Judaic kiosk** привлекательным и незаменимым партнером в приобретении еврейской книги, издающейся на русском языке, для многих библиотек, еврейских организаций и книжных магазинов во всем

мире. Магазин был создан Михаилом Черняком, репатриантом из России, инженером по профессии. Еще в России Михаил увлекся еврейской историей и религией. Попад в «отказ по секретности», организовал еврейский клуб в своем городе. Изучал и преподавал иврит. Совершил алию в Израиль в 1990. С первых дней вернулся к исполнению заповедей иудаизма. В 1994 году создал магазин еврейской книги в интернете. Тысячи людей во всем мире стали его клиентами. В силу удаленности от русскоязычной среды магазин Михаила для многих стал единственным способом приобретения еврейской литературы.

Особое место в каталоге Judaic kiosk занимает тема истории русских и советских евреев в диаспоре, их вклад в мировую культуру. Ниже приводится небольшая подборка книг из каталога Judaic kiosk, посвященных этой теме.

Шор Д.С. Воспоминания / Сост. Ю.Матвеева. Москва–Иерусалим: Гешарим, 2001. 352 с. Воспоминания Давида Соломоновича Шора, блестящего пианиста, педагога, общественного деятеля, одной из значительных фигур российского сионистского движения рубежа веков, являются частью архива семьи, переданного в 1978 году на хранение в Национальную и университетскую библиотеку Иерусалима Надеждой Рафаиловной Шор. Для книги был отобран ряд текстов и писем, охватывающих первый, дореволюционный, период жизни Шора, самый продолжительный и плодотворный в его жизни. В издание включены не публиковавшиеся ранее на русском языке материалы. Воспоминания Шора – яркие, эмоциональные, написанные живым литературным языком – воссоздают образ человека сложной, интересной, насыщенной и исключительно своеобразной судьбы. Он утверждал свое еврейство как равный среди равных. Это размышления человека, пытавшегося разобраться в себе и, следовательно, в таком сложном феномене, как «еврей», человека, считавшего себя «иври», а не только евреем, тем самым подчеркивающего свою принадлежность не к гонимому и притесняемому национальному меньшинству, а к презирующей рабство нации.

Романова В. Власть и евреи на Дальнем Востоке России: История взаимоотношений. Красноярск: Изд-е. Джойнт и Ин-та социальных и общинных работников Сибири и Дальнего Востока, 2001. (Еврейские общины Сибири и Дальнего Востока. Вып.7) Кроме истории общин Урала, Сибири и Дальнего Востока, рассмотрена история общин полосы Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и Маньчжурии с их центром – Харбином.

Михаил Бейзер. Евреи Ленинграда: Национальная жизнь и советизация: 1917–1939. Москва–Иерусалим: Гешарим, 2001. 352 с. Этот труд – практически первое фундаментальное исследование жизни еврейской общины Петрограда–Ленинграда.

Евреи и русская революция: Материалы и исследования / Ред.-сост. О.Будницкий. Москва – Иерусалим: Гешарим, 1999. 480 с. В сборнике публикуется ряд документов из различных архивов России, из Гуверовского архива (США), а также научные статьи, посвященные роли и участию русских евреев в освободительных движениях в России во 2-й пол. XIX – сер. XX вв. Среди материалов сборника – документы ВЧК и ОГПУ; воспоминания эсера Сватикова – свидетеля на процессе, связанном с «Протоколами сионских мудрецов»; переписка членов Государственной Думы Шульгина и Маклакова и др. Заключает книгу статья профессора Лондонского ун-та Д.Клира «Великий Октябрь: хорошо для еврея, плохо для еврея».

История еврейского народа / Под ред. Ш.Эттингера. Москва–Иерусалим: Гешарим. 2001. 686 с. Общий обзор истории еврейского народа со времен его зарождения до наших дней – явление необычное. Впервые с 30-х годов группа профессоров Иерусалимского университета осуществила задачу создания сводного тома еврейской истории, подытожившего научные исследования последних десятилетий. Это история народа, в которой объединяющее начало преодолевает тенденцию дробления, несмотря на рассеяние в разных странах и включение в политическую, экономическую и культурную жизнь этих стран.

Владимир Жаботинский. Чужбина: Пьеса. Москва–Иерусалим: Гешарим, 2000. 240 с.

Шмуэль Кац. Одинокый волк: Жизнь Жаботинского: В 2 т. Тель-Авив: Иврус, 2002. 1300 с. Шмуэль Кац – известный писатель и журналист – в течение семи лет работал над биографией Владимира (Зеева) Жаботинского. Ему удалось придать строго документальному повествованию подлинный драматизм, так что эта фундаментальная работа читается как роман. Книга, уже опубликованная на иврите и англ. яз., имела огромный успех по обе стороны океана. Теперь и русские читатели получили возможность оценить талант автора и многогранное трагическое величие его героя.

Краткая еврейская энциклопедия. Т.10: Ш–Я. Иерусалим: Еврейский ун-т в Иерусалиме, 2001. 558 с. Краткая еврейская энциклопедия (КЕЭ) издается при участии лучших научных сил в области иудаистики. КЕЭ – монументальный труд, который дает научные сведения по широкому кругу вопросов и проблем, по

всему комплексу дисциплин, посвященных еврейской цивилизации. КЕЭ – источник исчерпывающей информации о Стране Израиля (Эрец-Исраэль), народе Израиля и Государстве Израиль. Это свод сведений о еврейской традиции, Талмуде, Библии, каббале, хасидизме, о еврейской философии, литературе, искусстве, о более чем двадцати языках и диалектах (иврит, идиш, ладино, татский и др.), на которых говорят евреи. КЕЭ – наиболее полный на русском языке труд, освещающий одну величайших трагедий XX века – Катастрофу европейского еврейства, ее отображение в литературе, театре, кино, музыке, пластических искусствах, фотоискусстве. КЕЭ – широкое собрание биографий общественных и политических деятелей, ученых, раввинистических авторитетов, писателей, деятелей искусства, внесших значительный вклад в еврейскую и мировую культуру и науку.

Российская еврейская энциклопедия / Гл. ред. Г.Брановер; Гл. науч. консульт. сэр Исая Берлин. Т.3: Биографии: С–Я. Т.4: Историческое краеведение: А–И. М.: Рос. акад. естеств. наук, 2000. Изд. 2-е, испр. и доп.

Первое специальное энциклопедическое издание, целиком посвященное российскому еврейству, его судьбам, истории и роли как в жизни Российского государства, так и других стран мира, т.е. всему комплексу вопросов, с ним связанных. Структурно Российская еврейская энциклопедия (РЕЭ) делится на три части: персоналии; регионы, населенные пункты, еврейские этнолингвистические группы (общины), проживавшие и ныне живущие в России; понятия, связанные с еврейской цивилизацией, с духовной жизнью российского еврейства; политические и общественные организации, учебные заведения, периодические издания, а также статьи, посвященные вкладу, внесенному евреями в различные области науки, культуры, общественно-политической и экономической жизни. К недостаткам и КЕЭ, и РЕЭ необходимо отнести отсутствие подписей под статьями и библиографий. Но наверняка будут еще и переиздания, и дополнения...

Евреи бывшего СССР в Израиле и диаспоре / Ред. Л.Дымерская-Цигельман, зам. ред. Д.Харув. Вып.20-21. Иерусалим, 2001-2002. (Иврит /393 с./, рус. /95 с./). Выходящий четверть века журнал (вначале только на иврите и называвшийся «Еврейская интеллигенция в Советском Союзе») четвертый раз меняет свое название. В сдвоенном номере статьи, обсуждающие Закон о возвращении, взаимоотношение алии из бывшего СССР с израильским об-вом, об интеграции в Израиле ученых из СССР, проблемы национальной и конфессиональной идентификации, др.

Реплика читателя, или Еще раз о важности сохранения памяти

Получив очередной 3(8) том *РЕВЗ*, я невольно помедлил, прежде чем открыть его – с обложки загадочно улыбалось женское лицо. Красивое, одухотворенное, прекрасное в этой одухотворенности. Взгляд направлен влево, на невидимого читателю книги собеседника, удерживая всю композицию обложки в равновесии. Я не знал еще, кто это, но определенно узнал автора снимка. Против обыкновения, открыв в этот раз в первую очередь не «Содержание» в конце тома, а оборот титульного листа, я узнал что это портрет Марии Шабшай – и еще раз вернулся к портрету, закрыв книгу. Странное ощущение – на руке – правой! – деталь, похожая на наручные часы. Ищу в «Содержании» статью, нахожу – «Красота, талант и эрудиция, или Сохранение памяти (Мария Шабшай)», публикация Д.Гузевица. Открываю нужную страницу – тот же портрет, но в зеркальном отражении. На сей раз взгляд направлен вправо. Убежден, что именно этот вариант снимка правильный, тогда и часы, как и положено, на левой руке, а на обложке – печать с перевернутого негатива.

Почему так подробно об этом? Каждая деталь важна – и как бережно автор публикации Дмитрий Гузевич вчитывается и всматривается в эти детали. Убежден, что если бы снимок был атрибутирован, автор статьи непременно поместил бы имя замечательного фотохудожника Моисея Наппельбаума в подписи к снимку.

Авторство Наппельбаума устанавливается по всему комплексу особенностей фотографии. Контрастное боковое освещение, оставляющее резкие тени на лице и подчеркивающее линии носа, подбородка и скулы; рука на первом плане – частый прием фотохудожника; крупные мазки кисти, затушевывавшей фон; задний план снимка («Свои фото он ретушировал так, что в них появлялось что-то рембрандтовское», – писал Н.Чуковский в книге «Литературные воспоминания», изданной в Москве в 1989 году). Наконец, совершенно особенное настроение возникает при взгляде на портрет – кажется, что это остановленное мгновение. Если рука «движется» вниз – Шабшай только что кончила говорить, и улыбка завершает сказанное; если рука «движется» вверх – улыбка озарила ее лицо перед тем, как она произнесет нечто, несомненно, интересное и важное для собеседника. Возможная датировка снимка – первая половина 20-х годов, время наиболее интенсивной и плодотворной работы

М.С.Наппельбаума; Марии Шабшай в это время должно было быть 30–35 лет, раз она родилась в 1890 году.

В 70-е годы, при розыске людей, лично знавших Николая Гуmileва, мне посчастливилось познакомиться с его ученицей, участницей поэтической студии «Звучащая раковина» Идой Моисеевной Наппельбаум, дочерью знаменитого фотохудожника. Она-то и поведала, как отец добивался такой жизненности, достоверности, непринужденности снимков. Не жалея времени, Моисей Соломонович долго разговаривал с портретируемым, якобы устанавливая камеру, иногда в течение 30–40 минут. Он к каждому находил свой подход – заинтересованно расспрашивал о делах, вникал в детали, говорил комплименты. И клиент невольно оживлялся, из застывшего, скованного манекена превращался в живого собеседника, открывался... Тут-то Моисей Соломонович и нажимал на спуск... Так родилась целая галерея замечательных фотопортретов, прославивших автора снимков не менее, чем многих из портретируемых.

Ида Моисеевна так подробно и детально пересказывала приемы работы отца, поскольку и сама была прекрасным фотографом. Все эти профессионально важные детали были ей близки и понятны. На Всемирной Парижской фотовыставке в конце 1925 года М.С. и И.М. Наппельбаумы разделили призы – «Гран-при», большая золотая медаль, была присуждена отцу, малая золотая медаль – дочери (20e Salon International de Photographie. Catalogue. Hôtel de la Société Française de Photographie. Paris, 1925. P.28). Медали никогда не были получены – за ними надо было ехать в Париж, а в 1926 году это было уже далеко не просто. Одинаковая фамилия повела затем к путанице – нередко фотографии И.М. приписывались М.С. Но есть у И.М. и свой персональный почерк. Если для М.С. главным было *лицо* человека, то И.М. намного больше внимания уделяла деталям, телу, одежде, часто приглашая на съемки профессиональных актеров. Названия работ достаточно красноречивы: «Глаза», «Руки», «Перчатка», «Красный шелк», «Подруги», etc. Если снимки отца «живописны», то ее – скорее «скульптурны». Ее первая и последняя прижизненная персональная фотовыставка состоялась только в 1991 году, в Берлине, в Галерее Натана Федоровского, материал о котором напечатан в 5-м томе *ЕВКРЗ*. Там же воспроизведен титульный лист каталога этой выставки (с. 357) и приведены краткие детали биографии Иды Моисеевны. Но зато – внимание! – обе золотые медали в этой публикации приписаны ей...

Даже не зная автора, составители интуитивно отобрали для обложки снимок М.Наппельбаума из более чем 80 иллюстраций, приведенных в данном томе. Не портрет Жаботинского, не другие

портреты, многие из которых не пришлось бы даже «отражать» – они уже смотрят в нужную сторону... Этот портрет – самый талантливый.

Пользуясь случаем, отмечу еще несколько фотографий работы М.С.Наппельбаума в серии *ЕВКРЗ–РЕВЗ*. В томе 1(6) приведена фотография Г.Адамовича с указанием авторства (с.183) и фотография А.С.Кагана, но не атрибутированная, хотя она, несомненно, сделана в том же ателье (с.234). Еще одна групповая фотография (*ЕВКРЗ*, т.1, с.175) сотрудников «Всемирной литературы», но не на «торжественном заседании», как ошибочно указано в подписи, а в ожидании приезда Уэллса на торжественный обед в его честь, также сделана Наппельбаумом (сообщено Идой Моисеевной). Фрагмент этой фотографии (портрет З.Гржебина) воспроизведен в *ЕВКРЗ*, т.2, с.307.

Важность сохранения памяти несомненна, и потому при любой возможности следует указывать, помимо имени человека, увековеченного на фотографии, и автора снимка, того, кто сохранил это мгновение для нас.

В.Петрановский

* * *

12 марта 2002 Дорогой Михаил Аронович!

<...> Теперь несколько слов о Вашем последнем томе. Как и три первых, подаренные мне Даниилом Аркадьевичем, он мне понравился. Для меня все Ваши книги стали настольными. Я постоянно пользуюсь ими и очень горжусь, что они у меня есть. Мне понравилось, что в последний том Вы включили содержание всех предыдущих. К сожалению, прочитать все публикации я не успела, так как книга «пошла» нарасхват по моим друзьям. Теперь жду своей очереди... Однако со всей ответственностью уже сейчас могу сказать Вам, уважаемый Михаил Аронович, что всему «моему окружению» Ваше издание очень нравится – и по идее, и по содержанию. Спасибо огромное Вам и Вашим помощникам за эту работу!

Желаю Вам всего наилучшего.

Ваша Елена Яковлева (Петербург)

* * *

Уважаемый Михаил Аронович!

Не обессудьте, что отвлекаю Вас от важных дел, которыми, несомненно, заполнены Ваши дни. Суть дела в следующем.

В 1998 г. в нашей семье случилась непоправимая беда – ушла из жизни в возрасте 47 лет Аня Хавинсон, сестра Софы (жены), соженице всей нашей семьи. Я не буду рассказывать сейчас о ней, человеку, воплотившем лучшее, на что способна Природа, существе неповторимой прелести, обаяния, мужества.

Посылаемая мной копия объявления в НРС, опубликованного в апреле 2000 г. о создании Гранта им. Анны Хавинсон, непосредственно связана с этой скорбной потерей, хотя я должен признаться, что идея учреждения семейного гранта в сфере культуры зрела давно. В феврале 2001 г. состоялось распределение грантов первой группе соискателей. Посылаю Вам краткое сообщение об этом.

Будучи преданным и благодарным свидетелем колоссального научного и культурного подвига, сотворенного Вами и соизмеримого разве что с усилиями гигантов Возрождения, мы с женой почли бы за высокую честь видеть Вас в числе восприемников Гранта им. Анны Хавинсон 2003 года.

Ваше бескорыстие и благородное служение делу культуры ничего, кроме восхищения и симпатии, вызвать не может. Как я уже писал Вам однажды, пласт истории, вскрытый благодаря Вашему беспримерному подвижничеству, не может быть отныне обойден, он – неотъемлемая составляющая всей русской культуры.

Вот почему, дорогой Михаил Аронович, мы хотели бы официально известить Вас, что планируем выделить Вам Грант им. Анны Хавинсон на 2003 г. в размере \$1000. Надо бы побольше, но, к сожалению, наши финансовые возможности не безграничны. Наряду с Вами еще 3–4 кандидата сейчас на стадии рассмотрения. Но Вы – первый, и вне каких-либо дискуссий. Все гранты одной величины – \$1000.

Получение гранта сопровождается условиями:

– надо бы дожить до марта 2003 г., даты распределения денег (март – месяц рождения Ани),

– нужно заручиться Вашим письменным или устным согласием.

На этом список условий завершается.

Наш адрес неизменен:

Mark & Sofya Averbukh,
137 Forge Ln., Fearsterville, PA 19053, USA

Дайте нам знать о Вашем решении.

С искренним почтением,

6–21–02

Mark Averbukh

* * *

6 авг. 2002 г. Многоуважаемый Михаил Аронович <...> Вы делаете замечательный и очень нужный труд. С огромным интересом читаю любезно мне присланные тома. Много полезного, нового, большинство вошедших в «энциклопедию» мне хорошо известны. Ваше издание немного перекликается с «Диаспорой», эти книги дополняют друг друга.

На прошлой неделе один мой знакомый – библиофил, архивист, проф. славистики в Италии провел у меня несколько дней и буквально впился в Ваши книги, хотел все тома взять с собой, но я одолжила только первый.

В каком номере Артур Сергеевич Лурье? Мы много лет жили рядом в Нью-Йорке.

Трудитесь, Ваша работа бесценна в историческом разрезе.

Всего Вам доброго и всяческого благополучия в столь трудное время,

Т.Г.Варшавская (Ферней-Вольтер, Франция)

* * *

21 авг. 2002 Здравствуйте, Михаил Аронович!

<...> За прошедшие пять лет, с тех пор, как я стала собирать Ваши сборники, я рассказывала о них в передачах радио «Звезда Давида» (Балтимор; вещает также на Вашингтон), где я постоянно сотрудничала. Поговорила с главным редактором Альбертом Плаксом, мы насчитали 25 передач, посвященных различным деятелям культуры и искусства (Мари Рамбер, Мане-Кац, Кислинг, Липшиц, Аронсон и т.д.), а также о Вашей прекрасной книге, посвященной жизни Зиновия Пешкова. Кроме этого, я неоднократно читала лекции в тех домах, где живут наши русскоязычные.

По всеамериканскому радио «Надежда» (Нью-Йорк) прошло четыре моих передачи плюс интервью Михаила Бузукашвили с Вами. Передачи каждый раз вызывали много звонков.

В таких газетах, как «Форвертс» (Нью-Йорк) и «Каскад», журнале «Спектр» (последние два издаются в Балтиморе), я печатала статьи на те же темы о героях Ваших книг, при этом каждый раз подчеркивая источник материала. Последняя статья была напечатана в газете «Новое русское слово» (Нью-Йорк) об истории создания серии Ваших книг. Я надеюсь, что эту статью Вы через неделю получите.

Буду рада, если Вам пригодится это краткое перечисление, и готова уточнить то, что Вам покажется нужным.

Всего Вам доброго. Здоровья Вам и Вашей семье, большой привет от моего мужа

Майя Басс (Балтимор)

Об авторах и редакторах

Жанна Исааковна Абрамова – см. том 3(8).

Белла Бергинер-Тавгер, музыковед. Родилась в 1943 г. Окончила специальную музыкальную школу-десятилетку, Институт искусств им. Г.Музическу (ныне – Академия музыки) в Кишиневе и аспирантуру Ленинградской консерватории им. Римского-Корсакова. Там же защитила диссертацию (PhD). С 1975 г. живет в Иерусалиме. Основные направления профессиональной работы: преподавание музыкально-теоретических предметов (в Кишиневе, Ленинграде и в Иерусалимской академии музыки им. Рубина), научные исследования и публикации в области музыкальной теории (в том числе – на материале творчества Белы Бартока), доклады на теоретических конференциях и симпозиумах, музыкальная критика, выступления с лекциями-концертами в филармонии, по телевидению и др.

Эльвира Берман-Штернфельд – см. том 3(8).

Филипп Букара (Philippe Boukara). Родился в 1957 г. в Париже. Преподаватель всеобщей истории в Ин-те политических исследований в Париже, еврейской истории в Ун-те Нанси-II и в Alliance israélite universelle (Париж). В наст. время готовит диссертацию о влиянии холодной войны на еврейскую общину в Париже. Автор предисл. к переизданию на фр. языке «Краткой истории евреев» Шимона Дубнова (Doubnov Simon. Précis d'histoire juive. Paris: Cerf,

1992). Руководил созданием экспозиции *Un regard juif sur le monde – 350 cartes postales juives d'Europe centrale et orientale* (Еврейский взгляд на мир – 350 еврейских почт. открыток Центральной и Вост. Европы) в Музее искусства и истории иудаизма в Париже (2000). Автор книг: *Commemorations juives de la Révolution française* (Еврейские празднования Французской революции, 1993), *Le mendésisme et Israël – affinités et modèles* (Мендесизм и Израиль – тонкости и модели, 1990) и *Ben Gourion et le Front populaire* (Бен-Гурион и Народный фронт, 1987).

Клоди Вейл (Claudie Weill), историк, сотрудник Школы высших социальных исследований в Париже, где работает с 1965 г., ныне – в Междисциплинарном центре германских исследований (CIRA). Университетская диссертация *Германская и русская социал-демократия: 1898–1904* была напечатана под назв.: *Marxistes russes en Allemagne: 1900–1914* (Paris: Maspero, 1977). Докт. дисс. о рус. студентах в Германии была опубликована в переработанной форме: *Etudiants russes en*

Alemagne: 1900–1914: Quand la Russie frappait aux portes de l'Europe (Paris: L'Harmattan, 1996). Работает над историей междунар. рабочего и соц. движения с особым вниманием к связям России и Германии, к меж-этническим контактам и к нац. вопросам. Соавтор (с Geroges Haupt и Michaël Löwy) сб. *Les marxistes et la question nationale: 1848–1914* (Paris: Maspero, 1977). Автор сб. статей: *L'Internationale et l'Autre: Les relations inter-ethniques dans la IIe Internationale* (Paris: Arcantère, 1987); издатель фр. переводов Розы Люксембург, Отто Бауэра и др. Другие работы касаются истории студ. движения и русского еврейства в XX в.

Татьяна Львовна Груз

– см. том 3(8); с прискорбием сообщаем о кончине Татьяны Львовны 21 июля 2002 г.

Дмитрий Юрьевич Гузевич – см. том 3(8).

Катрин Гусефф (Екатерина Клейн-Гусефф /Catherine Klein-Gousseff/), историк. Потомок (в третьем поколении) русских эмигрантов. В 1986 г. защитила в Сорбонне (Université Paris I Sorbonne) диплом углубленных исследований (DEA) по специальности *Histoire slave*. В 1996 в Школе высших социальных исследований (EHESS) в Париже защитила дисс. по политической и социальной истории русской иммиграции во Франции в 1900–1950 гг., которая ныне готовится к публикации в виде отдельной книги. Сотрудник Русского центра в этой же школе (Centre d'Etudes du monde russe, soviétique et post-soviétique, CNRS/EHESS). Замужем, имеет сына.

Ольга Ростиславовна Демидова – см. том 3(8).

Ленина Вольфовна Драгицкая окончила фак. рус. языка и лит. Свердловского пед. ин-та. Работала в редакционном отделе этого же ин-та. Репатриировалась в 1992 г. В Израиле сотрудничала в Иерусалимском изд. Центре. Последние годы работает в газете «Вести-Иерусалим» и издательстве «Бесэдер». Корректор и лит. редактор серии «Русское еврейство в зарубежье» с 1998 г.

Эрнст Абрамович Зальцберг родился в 1937 г. в Ленинграде. Окончил Ленинградский горн. ин-т в 1960 г. и Ленинградскую консерваторию в 1967. В 1980 г. эмигрировал в Канаду. Кандидат геолого-минерал. наук, автор более 100 науч. работ и монографий в области гидрогеологии, опубликованных на рус., англ. и чеш. яз. Интересуясь проблемами музыкально-исполнительского искусства, опубликовал ряд статей о выдающихся музыкантах в газетах «Новое русское слово» (Нью-Йорк), «Эксодус» (Торонто), в томах ЕВКРЗ и

РЕВЗ. Участник междунар. конф. (дек. 1997), посвященной открытию в Иерусалиме Научно-исследовательского центра «Русское еврейство в зарубежье». Живет в Торонто.

Александр Яковлевич Звигильский – о его жизни и деятельности см. с.242–250 наст. книги.

Анатолий Сергеевич Иванов – см. том 3(8).

Владимир Михайлович Карасик родился в 1941 г. в Днепропетровске. Окончил среднюю школу в Свердловске. Выпускник Днепропетровского горн. ин-та. Работал в экспедициях и науч. организациях на Украине, в Москве, в Сибири, в Мурманске. Канд. геолого-минерал. наук, автор трех монографий, 60 науч. работ, более 400 рефератов в области разведочной геофизики. С конца 1980-х гг. публиковал статьи на темы перестройки и гласности, издавал общедемокр. бюллетень «ИНФО–20» и дайджест «Зарубежная Россия», начал собирать и исследовать новую прессу СССР, а затем еврейскую периодику. С 1992 г. живет в Иерусалиме. Был сотрудником Ин-та изучения еврейской прессы Тель-авивского ун-та. Составил три тома справочников по еврейской периодике бывшего СССР, которые изданы на рус., англ. и иврите в Москве (1992) и Тель-Авиве (1994–1995). В наст. время занимается сбором и исследованием русско-еврейских периодических изданий разных стран, организовал Иерусалимский центр еврейской прессы. С 1996 г. работает в КЕЭ (Иерусалим) над библиогр. указателем. В «Иерусалимском русско-еврейском вестнике» вел раздел периодики, публикует серию статей о малоизвестных изданиях Израиля, Европы и др. регионов.

Константин Абрамович Кикоин – см. том 3(8).

Олег Анатольевич Коростелев – см. том 3(8).

Иосиф Миронович Лемперт – см. статью о нем в томе 3(8).

Роза Лемперт-Андреева. Род. во Львове в 1947 г. В 1957 г. переехала с родителями в Польшу, где жила в г. Гливице (Силезия, б. Германия) в течение 10 лет. В 1967 г. эмигрировала с родителями во Францию. Работала в системе ООН в Женеве, а затем в ЮНЕСКО в Париже. Муж – Александр Владимирович Андреев, внук Леонида Андреева. Публиковала в *Русской мысли* кулинарные рецепты под псевдонимом *Колобок*. Под этим же псевдонимом опубликовала две кулинарные книги на рус. яз. в серии *Кухня в праздники и в будни*:

Приятного аппетита и *Русская кухня* (изд-во Saint Petersburg, Paris). В 1987 г. публикует на франц. *La cuisine Russe des jours de fête et de tous les jours* (изд-во G n rique). А затем, на рус. яз. серию путеводителей по

Парижу *С приездом в Париж. Полезные советы и адреса*. В 1999 г. выходит на фр. яз. книга о грибах *Facile... les champignons! les reconnaître, les cueillir, les cuisiner... et quelques bon trucs* (совместно с М.Муш, изд-во Bertout). Раньше времени ушла из ЮНЕСКО на пенсию и продолжает писать, так как «еще не вечер». Живет в основном в Нормандии и радуется жизни.

Бюст А.Львова
Скульптор
М.Мильбергер

Андре Мишель Львов (1902–1994) род. во Франции в семье выходцев из России, сохранявших прочные связи с русской культурой. Отец, С.Львов, врач-психиатр, был дружен с И.Мечниковым, мать, М.Симонович, – родственница В.Серова. В 1921 г. Андре окончил мед. фак. Парижского ун-та. В 1921–58 гг. работал в Ин-те Пастера, с 1938 – возглавлял там лаб. физиологии микробов. Проф. Парижского ун-та (1959–68), директор нац. ин-та исследования рака (1968–73), президент Междунар. ассоциации микробиологического Об-ва (1962–71). За участие в Сопротивлении был награжден орденом Почетного легиона. Автор теории физиологической эволюции. Лауреат Нобелевской премии по медицине (1965) за исследование синтеза белка у бактерий. Почетный член многих зарубежных академий и науч. об-в.

Эра Исааковна Мазовецкая – см. том 3(8).

Лев Абрамович Мнухин (род. в 1938 г. в Москве), инженер-электрик, литературовед. Канд. техн. наук. Окончил Московский энерг. ин-т (1961), аспирантуру (1970), курсы по соврем. лит. при Московском лит. ин-те (1974). Заведующий лабораторией во Всесоюзном н.-и. ин-те электротермического оборудования (1980–1990), науч. руководитель Культурного центра-музея М.Цветаевой в Москве (1991–1994). В наст. время науч. сотрудник Музея М.Цветаевой в Болшево и руководитель рос. отделения парижской группы по изучению русской эмиграции (с 1995). Автор около 60 трудов по научно-электротехническим проблемам (в том числе справ. изданий, учебника, 10 изобретений) и более 100 публ. о жизни и творчестве М.Цветаевой и по истории рос. эмиграции. Составитель и комментатор собр. соч. Цветаевой в 7 томах (т.1–5 в сотрудничестве с А.А.Саакянц). Под его общей редакцией была выпущена *Хроника научной, культурной и общественной жизни русской эмиграции во Франции. 1920–1975* в 8 томах (1995–2002). Член Союза писателей Москвы, член Русской академической группы в США.

Мириам Изабель Нюк, 26 лет. Изучает иврит, идиш и рус. язык в Парижском ин-те вост. языков ИНАЛКО. Тема первой работы (maîtrise): *Сто лет исследований ашкеназского фольклора*. В июне 2001 г., на отделении еврейских исследований ИНАЛКО, защитила диплом, посвященный истории еврейского театра на идиш. В наст. время, на отделении рус. исследований, готовит новую дипломную работу – о российских бардах-евреях, в первую очередь об Александре Галиче.

Ирина Владимировна Обухова-Зелиньска – см. том 3(8).

Михаил (Аронович) Пархомовский – см. том 3(8).

Леонид Пекаровский. Род. в 1947 г. в Киеве. Окончил Киевский худож. ин-т, фак. теории и истории изобр. искусства. Искусствовед. До репатриации в Израиль в 1991 г. работал ст. науч. сотрудником Дирекции худож. выставок Украины. Был одним из организаторов республиканских, всесоюзных, а также коммерческих выставок. Опубликовал свыше 100 работ: по эстетике, истории и теории изобр. искусства, литературно- и художественно-критических статей, эссе, рассказов, новелл.

Светлана Ильинична Савенко закончила Моск. гос. консерваторию по классу теории музыки у проф. Ю.Н.Холопова и затем аспирантуру там же (1972). Одновременно училась пению у профессора Д.Б.Белявской. Д-р искусствоведения (2002), проф. кафедры истории рус. музыки Московской консерватории, ведущий науч. сотр. Гос. ин-та искусствознания. Гл. сфера науч. и исполнительских интересов связана с рус. и зарубежной музыкой XX столетия, от классики

до авангарда. Автор более 100 публ. на рус., англ. и нем. языках (последняя крупная работа – монография *Мир Стравинского*, 2001). Выступала на многочисленных конференциях в России, Украине, Белоруссии, в Швейцарии, Великобритании, Германии и США. Как певица участвовала в фестивалях современной музыки *Московская осень*, *Музыка друзей*, *Альтернатива* (Москва), *Gaudeamus Music Week* (Амстердам, Нидерланды), *Icebreaker* (Сиэтл, США), *Oxford Contemporary Music* (Оксфорд, Великобритания), гастролировала в Германии, Голландии, Бельгии и Словакии.

Юлия Давидовна Систер – см. том 3(8).

Вадим Леонидович Телицын. Родился в 1966 г. В 1990 окончил ист. факультет Уральского гос. ун-та

(Свердловск). В 1993 защитил канд. дисс. в Ин-те рос. истории Российской АН. Сотрудничал в Ин-те экономики РАН, Большой рос. энциклопедии, журнале *Новое время*. В наст. время – науч. сотр. Науч. совета РАН *История революций в России*. Работы в обл. истории рос. либерализма и рос. эмиграции «первой волны», истории рус. экон. мысли конца XIX – начала XX в., теории и истории крестьянского хозяйства и кооп. движения в России и др.

Борис Яковлевич Фрезинский род. в январе 1941 г. в Ленинграде. Отец погиб в бою под Ленинградом в 1943 г. Вся жизнь связана с Питером – школа, университет, аспирантура, вузовская доцентская работа. Занимался физикой, математикой, стат. теорией связи. Круг историко-лит. интересов сложился вокруг тем: 1) *И.Эренбург и его окружение*, 2) *Серапионовы братья* (недавно закончил книгу о Серапионах), 3) *Советская политическая история 1920–1930-х гг.*; в частности и в связи с историей литературы. Автор (с 198 г.) примерно 20 историко-литературных публикаций.

Елена Френкли род. в Нью-Йорке в 1943 г. в семье выходцев из России. В 1960 г. приезжала в Израиль работать в кибуц Гешер Нацив, вначале – в рамках сионистской программы для молодежи, а после окончания Мэрилендского ун-та – в качестве редактора изд-ва организаторов сионистской программы. В 1965 г. переехала в Израиль. С 1969 г., т.е. более 30 лет, работала над превращением бесплодной территории площадью 625 га в красивейший библейский заповедник Неот Кедумим с возрожденным растительным миром двухтысячелетней давности. В 1993 г. стала директором заповедника. Соавтор (с Н.Хареувени) книг *Экология в Библии* (1974), *Природа в нашем библейском наследстве* (1980), *Дерево и куст в нашем библейском наследстве* (1984), *Эмблема Государства Израиль* (1988) и *Пустыня и пастух в нашем библейском наследстве* (1992). В 1994 г. была удостоена (вместе с основателем заповедника Н.Хареувени) наиболее почетной награды Государства Израиль – Премии Израиля.

Дан Харув, родился в Бобруйске (Белоруссия) в 1948 г. В 1973 окончил ист. факультет Московского пед. ин-та. Преподавал историю в школах Бобруйска. С 1977 г. в Израиле. В 1982 г. окончил факультет истории евр. народа Иерусалимского ун-та. В 1979–90 гг. работал в Ин-те современного еврейства, Яд ва-Шем и Краткой евр. энциклопедии науч. сотрудником и редактором. Преподавал новую историю евр. народа на отделении иностранных студентов Иерусалимского ун-

та. С 1997 г. – зам. редактора ежегодника *Евреи на перепутье / Евреи бывшего СССР в Израиле и в диаспоре*. Специализируется по евр. историографии, а также демографии, библиографии, истории вост. и локальных общин евреев Советского Союза и истории науки об еврействе (иудаистики). Опубликовал более 70 статей.

Арон Яковлевич Черняк. Проф., д-р филол. наук, канд. ист. наук. Ближайший ученик историка П.А.Зайончковского. Участник ВОВ. Имеет боевые награды. Родился в 1921 г. в Смоленске. Окончил ист. факультет Московского обл. пед. ин-та в 1949 г. Работал учителем и директором средней школы, затем – в Гос. библиотеке СССР им. Ленина. С 1962 по 1991 г. – в Московском гос. ин-те культуры, где в течение последних 20 лет заведовал кафедрами библиографии и книговедения и истории книги. Читал курсы: *Книговедение и история книги*, *История мировой науки и техники*; впервые в СССР создал и читал курсы: *Науковедение*, *История научно-технической книги*. Организовал науч. школу, в том числе подготовил 29 канд. наук – науч. работников и преподавателей высшей школы. Автор более 330 печ. работ, среди которых около 20 книг, в том числе вузовский учебник *История технической книги*, одобренный рецензиями в СССР, Германии, Франции, ЮНЕСКО, ряд других учебников для высшей и средней специальных школ. Опубликовал также несколько книг-биографий: о Н.В.Кулакуцком, А.И.Ульянове, Н.В.Кибальчиче, С.Н.Ванкове. Редактор многих науч. изданий. Репатририровался в 1991 г. Опубликовал в русскоязычной прессе Израиля неск. десятков статей, гл. образом по истории еврейской культуры, теории и истории антисемитизма, рус.-евр. культурным связям, роли прогрессивных деятелей России в судьбах еврейства и т.д. Жизни и деятельности А.Я.Черняка посвящены специальный биобиблиогр. указатель (М., 1991. 67 с.) и ряд статей и очерков. Живет в Нешере, близ Хайфы.

Указатель имен 3(8) и 4(9) томов*

- Абабий** И.И. I 252
Абельман М.В. I 124
Абельман Морис I 124
Абенсур Жерар II 427
Абир Михаил – см. Дан Йосеф
Абрагам Анатолий II 236, 259, 273-283
Абрагам (урожд. Лекем) Сюзан II 274, 276, 282
Абрагамсон А.А. II 236
Абрами, проф. I 233
Абрамова Ж.И. I 147, 177, 312, 493; II 105, 212, 295, 304, 463
Абрамович А.Д. I 213, 217
Абрамович Рафаил (Рейн Р.А.) I 214, 240, 269; II 35-37, 43
Абрамский II 128
Абызов Ю.И. I 245
Авенайс Лев II 420
Авербах Лазарь I 327
Авербах Мария – см. Шабшай Мария
Авербух, г-жа I 275
Авербух София II 461
Аверченко А.Т. I 376
Авксентьев Н.Д. I 211, 217, 225, 228, 231, 240
Авксентьевы I 212
Авнатамов Н.И. II 230, 231
Авоян II 128
Агеев М. – см. Леви М.
Агурский Михаил II 417
Адамар II 213
Адамецкий Войцех II 328
Адамов Артур I 384, 385
Адамович Виктор II 360-363
Адамович Владимир II 363, 370
Адамович Г.В. I 9, 122, 125-130, 134, 137, 138, 162, 199, 200, 203-205, 218, 227, 243, 409-411, 419, 496, 497; II 63-65, 68, 94, 132, 329, 338, 357-360, 362-367, 370-376, 453, 460
Адамович Е.С. – см. Вейнберг Е.С.
Адамович Ольга II 363, 364, 370
Адамовичи I 227; II 357, 359, 363
Адлер Ш. I 447
Адлер Яков II 351
- Адлов Ж.** II 270
Азадовский К. I 453; II 375
Азбель М. I 447
Азеф I 382
Ази, виконт д' II 241
Азов – см. Ашкенази В.А.
Азран Ася I 9
Азран Йоси I 9; II 4
Аитов В. II 231
Айбиндер Я.А. II 242
Айзенбуд М. I 442
Аймек-Гуарузим I 271
Айсберг Е.Д. II 227, 237
Айтова, иммунолог I 310
Айхенвальд (Каменецкий Б.) Ю.И. I 61, 157, 497; II 56, 64, 68, 74
Акерман Я.Д. II 225
Аксакова-Сиверс Т.А. II 131
Аксенов А. II 86
Аксенфелд Исроэл II 353
Алдано (Ландау) М.А. I 121, 133, 134, 182, 204, 207, 209, 217, 225, 226, 228, 229, 231, 242, 244, 245, 382, 453; II 59, 61, 64, 65, 101, 146, 164, 168, 170, 185
Алдано (урожд. Зайцева) Т.М. I 225; II 170, 185
Алдановы I 212, 230
Алейников Н. I 57
Александр I II 454
Александр, югосл. принц II 83
Александр II I 230, 248, 254
Александр Михайлович, вел. кн. I 162, 165, 172
Александров I 213
Александров В. II 331
Александрович Михаил I 402
Алексеев А.Д. II 59, 62
Алексинский И.П. II 446
Алисов А.С. II 229, 234
Аллой Владимир I 453; II 97, 99, 105, 109, 129-140
Альдгаузен II 128
Альперин А.С. I 234, 240, 255-258, 269, 271, 330, 332
Альтер, помощник Фишера (Ариэля) И. II 255
Альтерман Натан II 48
Альтман Натан I 62, 143; II 195, 196

* Соответственно I и II

- Аминадо (Дон-Аминадо; наст. имя Шполянский А.П.) I 163, 173, 212, 237, 238
- Амихай Иегуда II 443
- Амфитеатров А.В. II 64-66, 71
- Амфитеатрова И.В. II 64
- Амфитеатров-Кадашев В. II 180
- Амфу-Моно Жанна II 246
- Амусин Марк II 443
- Ананьич Б.В. I 173
- Андерсон Пол (П.Ф.) I 212, 240; II 226
- Андреев А.В. I 179; II 465
- Андреев В.Л. I 123, 134, 146, 179; II 77, 331
- Андреев Л.Н. I 134, 152, 173, 381; II 77, 131, 331, 334, 465
- Андреев Н.Е. I 235
- Андреева Вера II 77
- Андроникова (Гальперн) Саломея I 351, 353; II 204, 205, 386, 389
- Анна Мстиславовна, хозяйка книжного магазина II 105
- Анненков Ю.П. I 124, 162, 345, 347, 368, 382; II 87, 196
- Анненковы II 340
- Ансерме Эрнест II 384
- Ан-ский (Ансий, Раппопорт) С.А. I 269; II 415, 435, 440, 441
- Антипова Р.Н. I 351
- Антокольский М.М. II 248
- Антокольский П.Г. I 372, 385
- Ануй Жан II 48
- Анциферов Н.П. II 131
- Аполлинер Гийом I 359, 361; II 199, 307, 310, 311
- Апостол О.М. I 236
- Апостол П.Н. I 236, 240, 462
- Арабажин Константин I 168
- Арагон Луи I 152; II 102, 312
- Арбузов I 210, 224
- Арендт Ханна I 427
- Аренский А. II 310, 403
- Аристов I 213, 216
- Аристова Марина I 89; II 418
- Аристофан I 375, 388
- Ариэль (Фишер) И. – см. Фишер (Ариэль) И.
- Аркос Рене I 147-160, 498; II 418
- Аркос Филипп I 153
- Арлозоров Хаим I 59
- Арнштам А.М. I 61
- Аронсон Г.Я. I 240, 263, 269; II 37, 44
- Аронсон Л.А. – см. Доминик
- Аронсон Наум I 257, 269, 274; II 149, 462
- Арп Ж. II 313
- Архипенко А.П. I 358
- Аршауров В.П. II 228
- Ассизский Франциск I 328
- Астье Э. де ла Вижери д' II 199
- Афанасьев А.К. II 14, 15
- Афанасьев А.Н. II 441
- Ахматова Анна I 97, 125, 142, 145, 353, 455; II 76, 204, 360, 368, 379, 381
- Аш Шолом I 117, 473; II 147
- Ашбе (Ажбе) Антон II 188
- Ашер Луи I 255
- Ашкенази (Азов) В.А. I 240
- Ашкенази Аня II 162
- Ашкенази Леонид II 162
- Ашкенази Руни II 162
- Ашмарин В. I 386
- Ашъ – см. Шайкевич А.Е.
- Бабель Исаак I 179, 182, 183, 415, 455, 497; II 28, 206
- Базен П.-Д. I 149
- Базен П.П. I 159
- Базиль (Воскресенский В.Г.) В., гр. II 409
- Базунов С. I 385
- Байрон Дж.-Г. I 379, 392
- Бакалейник Зина II 161, 162
- Бакалейник Шура II 160-162
- Бакст Леон I 184
- Бакст М. I 261
- Бакст Н.И. I 254
- Бакунин А.И. II 446
- Бакунина (урожд. Лопатина) Э.Н. II 446
- Баланчин Джордж II 156, 347, 370
- Балаховский А.А. II 237
- Балаховский Даниил II 237
- Балаховский Дмитрий II 225, 232, 237
- Балашова Александр I 379
- Балашова Н. II 345
- Балиев Никита I 349, 352
- Бальзак Оноре де II 402
- Бальмонт Константин I 26, 121, 134, 152, 453, 497; II 101, 166, 296, 368, 399
- Бальмонт Ника II 368
- Бальфур Артур I 40, 435, 436
- Банчик Ольга I 83
- Баратов Н.Н. I 215

- Барбюс Анри I 150, 152, 250; II 195, 196
 Барковский К.Г. II 235
 Барнштейн Г. I 444
 Баронова Ирина I 342; II 370
 Бар-рав-Хай Давид II 257
 Барри Дж. II 60
 Барт Виктор II 195
 Бартенев П.И. II 137
 Барух Б. I 436
 Бартинский В.В., кн. I 61, 232, 240
 Басов Н. II 282
 Басс Майя II 462
 Батюшков Ф.Д. II 67
 Бауэр Отто II 464
 Бах II 157, 222, 223
 Бахметев (Бахметьев) Б.А. I 231, 240; II 139
 Бахрах Александр I 127-129; II 63
 Бахрах Б.Л. I 108, 119
 Бахтин М.М. I 205
 Бахтин Н.М. I 200, 205
 Бачкуринская Л.В. I 78, 79, 81-85
 Бачкуринская (урожд. Хош) Л.М. I 78-85
 Бачкуринская Р.С. I 78, 84
 Бачкуринская Сура I 79, 83
 Бачкуринские I 78-85
 Бачкуринский Арон (Доктор Франсуа) I 78-85
 Бачкуринский Вольф I 78, 79, 83
 Бачкуринский Шамай I 78, 79, 83, 85
 Башмаков А.А. II 234
 Башмет Юрий I 452
 Беар Ги II 76
 Бегин Менахем II 319, 326, 327
 Бегляриан, племянник Гукасова А.О. I 222
 Безансон Ален I 90, 99
 Безредка А.М. I 250, 274, 285, 301-312, 317, 433; II 418, 426
 Безредка, мадмуазель I 311
 Бейзер Михаэль (Михаил) I 270, 277; II 456
 Бейкер Жозефина II 155, 158
 Бейлис Мендель I 59, 242; II 454
 Бек-Назаров А.И. I 378, 386
 Бек-Софиев Ю. I 127
 Беккерель Антуан II 269, 276,
 Белая Г.А. II 180
 Белевская-Жуковская Елизавета II 381
 Бельнский Давид I 440
 Бельнский Моисей II 320
 Белиловский Е.М. II 123
 Белинский М. I 444
 Белль, майор II 14
 Белоновский Г. I 312
 Белопольская Итала I 369, 397, 493
 Белоцветов С.А. II 61
 Белый Андрей I 152, 247; II 131
 Белый Максим I 253, 273, 405, 472, 493; II 260, 431
 Белявская Д.Б. II 467
 Беляев Н.И. II 231
 Беляев Н.Т. II 230
 Бен Самуэль II 111
 Бен-Гурион Давид I 442; II 48, 126, 463
 Бенделер I 18
 Бенеден Эдуард ван II 260
 Бенедиктов – см. Берхин (Берхин-Бенедиктов) М.У. (М.Ю.)
 Бенкендорф (Будберг-Закревская-Бенкендорф) Мура II 340
 Бенн – см. Рабинович Бенжу I 65, 164
 Беннет А. II 60
 Бонуа Александр I 124, 184, 342, 350, 353; II 165, 166, 173, 179, 181, 191, 337, 413, 448
 Бенци Роберто II 374
 Берар Кристиан II 342
 Берберова Н.Н. I 135, 207, 221, 381; II 100-102, 359, 376
 Бергер Ю.-Х. I 373, 378, 382
 Бергинер-Тавгер Белла I 405, 452; II 377, 394, 402, 463
 Бергман В.С. I 370
 Бергман, проф. I 441
 Бергман Э. I 438
 Бергсон Анри I 150
 Бердяев Н.А. I 121, 180, 184, 212; II 166, 289, 290, 335
 Бережанский Н.Г. II 62
 Березняк, типограф II 87
 Березовский В.А. II 12
 Берелович Владимир I 10, 406, 493
 Берелович Я.Л. I 493
 Беренгольц М.Л. II 229, 232, 238
 Беринг, иммунолог I 305
 Берлин Исая, сэр I 409, 423, 451, 452; II 417, 457
 Берлин П.А. I 240
 Берлиоз Гектор II 398
 Берлянт А. I 258, 264

- Берман Е.Г. II 331-333
 Берман Л.Б. II 333
 Берман Л.Г. (псевд. Леонид /Léonid/) II 332, 333
 Берман (ур. Вайнберг) Э.М. I 319
 Берман-Штернфельд Эльвира (Элла) I 285, 286, 299, 494; II 295, 319, 463
 Берманы, братья II 332, 333, 342, 346
 Бернадская – см. Савич-Бернадская О.М.
 Бернацкий Н.Н. II 228
 Бернгарт Курт I 381
 Бернгейм Андре I 333
 Бернгейм Л. I 258
 Бернгейм (Бернхайм) Марсель I 329, 331, 333
 Бернини Лоренцо I 23, 29
 Бернхайм Леон II 254
 Бертенсон Л.Б. I 61
 Бертенсон С.Л. I 61
 Берхин (Берхин-Бенедиктов) М.У. (М.Ю.) I 35, 54, 157, 210, 212, 228, 230, 240, 241
 Бершадский Александр I 440
 Бессон Жан II 428
 Бессонов I 212
 Бетеа Дэвид II 101
 Бетховен Людвиг ван I 73, 74; II 157, 222, 391, 393, 398
 Бизе Жорж II 248, 355, 403
 Бикерман И.М. I 234, 241
 Бирман М.А. I 202, 226, 245, 369, 388, 494; II 127, 417
 Биск Александр I 453, 454, 456
 Бисмарк Отто фон II 216
 Бицилли М.П. I 395
 Бицилли П.М. I 395, 494; II 453
 Бичер-Стоу Гарриет II 363
 Благовещенский М.И. I 58
 Благодетельный Болеслав, кн. I 32
 Бларамберг II 403
 Блехман Жанна I 440
 Блок Александр I 125, 152, 163, 166, 168, 173, 174, 378; II 190, 368, 380, 449, 451
 Блонд Морис II 447
 Блондес Д. I 59
 Блох (по мужу Горлина) Раиса I 121, 276; II 426
 Блох Я.Н. II 101
 Блюменфельд Ф.М. II 403, 407
 Блюм А.В. I 256; II 116
 Блюм И.А. I 256-258
 Блюм Леон I 255
 Блюменфельд М.М. I 140
 Боберман В.А. II 447
 Бобельский Б. I 442, 443
 Бовин А.Е. II 328
 Боголюбов А.П. I 173
 Богомолов Н.А. II 131, 181, 190
 Богоявленский Б.А. II 235
 Богуславский П.А. II 228, 231
 Богучарский В.Я. II 137
 Боденхеймер Анри I 258
 Бодлер Шарль II 160, 297
 Божнев Борис I 135
 Бокановский И.И. II 228
 Болот, золотопромышленник II 271
 Болховитинов Евгений I 371
 Большой Александр I 439
 Бомонт С. II 310
 Бонамур Ж. I 99; II 131
 Бонч-Бруевич В.Д. I 105, 107
 Бонфуа II 433
 Боратынский (Баратынский) Е.А. I 137
 Бор Нильс II 277, 278
 Борде Жюль I 305
 Бордо Анри I 150
 Борель Эмиль I 274
 Борис Львович I 227, 232, 234, 235
 Борисов В.П. II 225
 Борман А.А. I 212, 241
 Боровик-Романов А. II 282
 Боровой Саул II 257
 Боровский А. II 400
 Бородин А.П. II 156, 398, 404, 405, 409
 Боткин В.П. II 244, 245
 Боудин Луи Б. I 259, 260
 Боулт Джон I 343, 346, 351; II 131, 305, 307, 310, 311, 313
 Браверман Малка I 398
 Браверман, семья I 401
 Брадке Н.В. II 228
 Брак Жорж I 357
 Брамс Иоганнес II 157, 248, 365, 398
 Брамсон Вера I 261, 267
 Брамсон Леон (Л.М.) I 232 (ошибочно Брамсон М.М.), 241, 254-256, 258-267, 269-271, 275
 Брамсон Сара I 265, 267
 Бранкузи, художник I 358
 Брановер Г. I 447; II 457
 Браславский А.Я. (псевд. Булкин) I 127; II 447

- Браунштейн I 227
 Брафман Я.А. I 419
 Брежнев Л.И. II 90
 Брейар Сабина I 161, 271, 339, 449
 Брейнер Ш. I 274
 Бретон Андре II 311
 Брешко-Брешковская Е.К. II 61
 Брик Лиля II 102, 312
 Бриллюэн Леон II 213
 Бриннер Юл I 403
 Британ (Бритман) Илья I 121; II 73, 74
 Бровер, участник Сопротивления I 83
 Бродер (Singer) Берл II 350
 Бродер (Singer) Нахман II 349
 Бродский, киевский богач II 186
 Бродский Адольф I 452
 Бродский И.И. I 62
 Бродский Иосиф II 429
 Бродский М.А. II 238
 Бройдо В.М. II 238
 Бройль де, герцог II 275
 Бромберг Я. I 456
 Бромлей Н.Н. I 372
 Брун-Шапиро Ада II 415, 452
 Брунер А. I 82
 Брух Макс II 393
 Бруцкус Б.Д. I 241
 Бруцкус М.Д. II 228, 233
 Бруцкус Ю.Д. I 156, 274, 275
 Брюсов Валерий I 152; II 296
 Буа Э.-Ж. II 332
 Буайе Шарль II 155
 Бубер Мартин I 438; II 419
 Бувье де Кашар Ален Франсуа де II 433
 Буден Э.Л. II 432
 Будин Анна I 263
 Будин Луи I 263
 Будницкий О.В. I 271; II 456
 Бузони Ферруччо II 380, 393
 Бузукашвили Михаил II 462
 Букара Филипп I 7; II 5, 46, 463
 Буланже Лили II 397
 Буланже Надя II 396-398
 Буланины (Т. и Д.) II 140
 Булгаков В.Ф. I 234, 241
 Булич Вера I 123
 Бунаков – с.м. Фондаминский И.И.
 Бунимович (в зам. Кикоин) Роза I 360, 367
 Бунин И.А. I 14, 18, 103, 109, 111, 117, 122, 126, 129, 133, 134, 137, 182-184, 203, 204, 248, 382, 385, 453, 463, 468; II 101, 102, 166, 337, 361, 453
 Бунина (урожд. Муромцева) В.Н. I 129; II 62, 101
 Буракова Татьяна I 440
 Бурнак Оливье I 151
 Бурнашев М.Н. II 61
 Буров А. I 63
 Бурцев В.Л. I 121, 193, 202, 203, 382
 Бухарин Н.И. II 24, 50, 197
 Буше Альфред I 358, 360, 361
 Буше Виктор II 76, 155
 Бушен Дмитрий II 358, 368
 Быстрова О.В. II 96
 Бэнишу-Луцкая Ада I 464; II 450, 452
 Бялик Х.-Н. I 57; II 296, 327, 440
Вавилов С.И. I 439
 Вагнер Р. II 355, 391, 393, 414
 Вайда Анджей I 94
 Вайнберг А. I 446
 Вайнберг Абрам I 318-320, 321
 Вайнберг Аида I 319
 Вайнберг Зельман I 285, 318-324
 Вайнберг И.И. I 66
 Вайнберг М.-А. I 318-320
 Вайнберг, супруга Вайнберга З. I 319
 Вайнберг (урожд. Шварцман) Р.-Ч. I 319, 322
 Вайнберг (в зам. Берман) Эсфирь I 319, 320, 323
 Вайнберги I 321
 Вайнер Лев I 440
 Вайнштейн Б. I 35
 Вайнштейн Л.Е. II 228
 Вайсберг А.Э. II 229
 Вайсберг Л. I 442
 Вайскопф М. II 440
 Вайсман А. I 446
 Вайсман Татьяна I 67, 78
 Вакар Н.П. I 185, 208-213, 216-218, 220, 224, 229, 230, 241; II 179
 Ваксман Зельман I 433
 Ваксевич Л.Е. II 229, 235
 Валентина Николаевна (Темкина?) II 150
 Валентинов Н. I 173
 Валери Поль I 150; II 331
 Валк Ф.С. I 274
 Вальтер Б. II 414
 Вальтер Л. I 103, 118
 Ван-Гог Винсент I 251; II 307, 387
 Ванечкова Г. I 241
 Ванков С.Н. II 469

- Ванновский П.С. II 13
 Варламов Николай II 175, 176, 178, 179, 185
 Варле Тео I 150
 Варна Анри II 372
 Варнеке Б.В. I 388, 395
 Варунц В.П. II 388
 Варшавская Т.Г. II 462
 Василий Алексеевич – см. Маклаков В.А.
 Васильев А.А. I 405, 421, 424, 429; II 421
 Васильев Ю. II 432
 Васильева Лариса II 417
 Васильева Мария II 26
 Вахтангов Е.Б. I 372, 373, 376, 378, 379, 382, 385, 386, 392; II 440
 Веб Марек I 270, 277
 Вебер К.-М. II 355
 Вейдле В.В. I 135, 137, 144, 200, 205; II 453
 Вейл Клоди I 7, 469; II 5, 24, 34, 463
 Вейленгер (в зам. Юшкевич) Анастасия I 102, 106, 115
 Вейль-Гудшо I 258
 Вейнбаум М.Е. II 62
 Вейнберг (в зам. Bayley) Вера II 359, 375
 Вейнберг В.П. II 231, 233
 Вейнберг (в зам. Адамович) Е.С. II 359, 363, 365, 366, 371, 376
 Вейнберг О.Ф. II 363
 Вейнберг С.И. II 363
 Вейнберги II 363
 Вейнгартнер Феликс II 391
 Вейншал Яков I 47, 48, 54, 58
 Вейншток Н. II 42
 Вейцман Вера I 45, 57, 448
 Вейцман Хаим I 45, 46, 53, 57, 406, 412, 431, 432, 435-441, 444, 447, 448, 451, 455; II 142, 148, 418
 Вейцман Эзер II 319, 326, 327
 Векслер Сима II 417
 Векслер-Безредка Элимелех (псевд. Иш-Нооми) I 302, 303
 Величковская Тамара I 122, 123, 126
 Вельмин А.П. I 206, 208, 209, 211, 241
 Венгеров (Венгров) Натан II 178, 181, 190
 Венгеров С.А. I 61
 Венгерова З.А. I 61
 Венус Георгий I 134, 146
 Вера, вел. княжна II 368
 Вера, жена Эрэнбурга И.Л. (?) II 175, 189
 Вера Марковна, сестра жены Алданова I 229, 239
 Верди Джузеппе II 311, 355, 393, 403, 406, 411
 Верейский Г.С. I 124
 Вересаев В.В. II 208
 Верещагин В.В. II 248
 Верлен П. II 183
 Верн Жюль I 57; II 106
 Вернадская Н.В. II 453
 Вернадский В.И. I 459-461
 Вернадский Г.В. I 214
 Верни (Эйбиндер) Дина II 242
 Верный Саша II 242
 Вертинский А.Н. II 75, 181, 369, 426
 Верунец В.П. II 388
 Верхарн Эмиль I 150
 Вестерман А.И. II 233
 Ветров Г.С. I 300
 Вечорин Е.А. II 225
 Виардо Клоди II 247
 Виардо Луи II 208
 Виардо Полина II 245-248, 250, 453
 Вивье Робер I 152
 Видинская (гимназия Видинской) I 388
 Видрак Шарль I 152
 Виже Клод II 324, 325
 Викански Любовь I 431, 435, 447, 448
 Виленкина Э.М. I 256
 Вильде Борис I 121
 Вильм, обвинитель II 122
 Вильштеттер Р. I 437
 Винавер Е.М. I 196, 203
 Винавер М.М. I 185-205; II 127
 Винавер Наташа I 201
 Винавер (Хишина) Р.Г. I 185-189
 Винаверы I 186, 188, 201
 Вине Роберт I 380
 Виноградов А. II 269
 Виноградов М.В. II 228
 Виноградская И.Н. I 386
 Винокур Надежда I 277
 Винтер Станислас II 220
 Виссон М.-Р. I 175
 Витольд Жан II 348
 Витте С.Ю. I 61, 163, 173; II 72
 Вишневский В.Е. II 180
 Вишневский, инструктор II 177
 Вишницер Марк I 259

- Вишняк М.В. I 121, 191, 202, 212, 217, 225, 228, 230, 240, 241, 248, 406, 412, 455; II 27
 Вишняки I 231
 Вламинк, художник I 359
 Вовси Давид I 443, 444
 Водкин – см. Петров-Водкин К.С.
 Водуайе Ж.-Л. II 338
 Вожель Луи II 207, 210
 Вознесенский А. I 110, 119
 Войнов Яр. I 386
 Войскун Леся II 305
 Волжанин II 89
 Волженский А.М. II 225, 228, 233
 Волков Н.К. I 210, 211, 213, 216-218, 228, 238, 241; II 171, 185
 Волков Олег II 131
 Волков Ф.Г. I 385
 Волковы I 212, 213, 216
 Волконский С.М., кн. I 199, 204, 374, 375, 386; II 358, 366-368
 Воловик Лазарь II 340
 Волошин Максимилиан I 152, 161, 173; II 440
 Волошин Ф.Е. II 225
 Волошина Этель I 115
 Волчек Д. II 96
 Воынский Аким II 335, 338, 345, 346
 Вольдан П. I 91
 Вольман Вера I 379, 383
 Вольман Евгений (Эжен) I 310; II 259-263
 Вольман Елизавета I 310; II 260-263
 Вольман Марк II 260
 Вольманы, супруги II 261-263
 Вольский, инженер I 264
 Вольтская Татьяна II 138
 Вольфович Эдуард I 435
 Воробьев Валентин II 242
 Воронель Александр I 447; II 417, 420
 Ворончук Илья I 435
 Ворошильский Виктор I 94
 Врангель Н. II 367
 Врангель П.Н., бар. I 193, 222; II 285
 Врубель М.А. I 174, 371
 Второв Н.А. II 333
 Второва (урожд. Свешникова) Лиза II 333
 Вуазэн Эдуард I 73
 Вульфман В. II 229
 Вырубов Н.В. II 110
 Высоцкая (урожд. Адамович) Татьяна I 9; II 329, 357-376
 Высоцкие II 358, 359, 369, 370, 372, 373, 446
 Высоцкий В. I 182
 Высоцкий Стефан II 358, 359, 367-369, 371, 373
 Высоцкий Стефек II 370, 373, 374, 376
 Вышеславцев Б.П. I 212
 Вюрмсер Рене II 213, 215
 Вюрц, экспериментатор II 266
 Вяземский П.А. I 210, 224
Габер Ф. I 437
 Габи, танцовщица II 311
 Габлиц К.И. I 371
 Гагарин Юрий I 298, 299
 Газданов Г. II 88
 Гайдаров В.Г. I 380, 387
 Гайсинская (урожд. Гей) Жанна II 266, 267, 269
 Гайсинские II 265, 266
 Гайсинский Жак II 266
 Гайсинский Мишель II 266
 Гайсинский Моиз (Моисей) I 6, 9; II 233, 259, 264-272
 Гакамский Дмитрий I 440
 Галат Надежда II 391
 Галинкин Мордехай II 426
 Галич Александр I 182; II 467
 Галич (Габрилович) Леонид I 163
 Галкин И.С. II 180
 Галкин Ш. I 447
 Гальперин Бер I 463
 Гальперин Владимир (Зеэв) I 261
 Гальперин И.М. II 123
 Гальперин Л. II 187
 Гальперин Элияху I 48
 Гальперины I 226
 Гальперн А.Я. I 255
 Гальперн Я.М. I 255
 Гамов Г.А. II 277, 278
 Ган О. II 277
 Ганди М.-К. I 42
 Ганелин Р.Ш. I 173
 Ганс А. I 165
 Ганский Леонид I 127
 Ганфман М.И. II 62
 Гапон Г.А. I 246
 Гаранин А.А. II 140
 Гарин-Михайловский Н.Г. I 152
 Гарнетт Кристанс II 436
 Гарсия, сестры II 247

- Гаршин Всеволод I 152
 Гарэтто Э. II 66, 131, 140
 Гаспаров Михаил II 131
 Гастер Моше I 45, 57
 Гатти I 349
 Гауптман Герхарт I 378; II 60
 Гаухман Юлия I 207
 Гебиртиг Мордехай I 402
 Гедройц Ежи I 97
 Гейерманс Г. I 373, 378
 Гейне Генрих I 412
 Геллер Л.М. I 93-95, 99
 Геллер М.Я. (псевд. Адам Кручек) I 7, 67, 90-100, 411
 Геллеры I 93, 96
 Геловани Варлаам I 168
 Гельброннер П. I 296
 Гельцер Е.В. I 456
 Гендель Г.-Ф. II 355
 Гендлер Бецаль (Б.И.) I 67, 68, 285, 318, 494
 Геннади Г. I 371
 Георгиевский, консул II 88, 90
 Гепштейн С.(Ш.)К. II 123, 144-146, 151-153
 Гепштейн (урожд. Бруцкус) О.Д. II 144, 145, 152
 Гербицкий А.Б. II 232, 234, 238, 239
 Гербицкий С.Б. II 232, 235, 238
 Гердт Зиновий I 452
 Герлинг-Грудзинский Г. I 97
 Герман Н. II 255
 Германова М.Н. I 382, 456
 Герон Жюль II 220
 Герра Рене I 463, 470
 Герцен Александр I 451; II 246, 319, 320
 Герцен О.А. II 246
 Герцль Ганс I 42
 Герцль Паулина I 42
 Герцль Теодор I 28, 29, 42, 49, 429; II 114, 145
 Герцог Хаим II 319, 326, 328
 Гершензон, драматург I 402
 Гершензон М.О. I 175
 Гершович Александр I 439
 Герштейн Эмма II 131
 Гессель Борис I 179, 181, 183; II 165, 191, 242
 Гессен Валерий I 241
 Гессен В.М. II 284, 292
 Гессен В.Ю. I 241
 Гессен И.(О.)В. I 234, 241, 242; II 14, 61, 63, 74, 137, 454
 Гессен Юлий I 166
 Гессен-Дармштадская II 72
 Гете И.-В. I 124, 145, 150; II 249, 297, 449, 453
 Гефтер Александр I 164
 Гиацинтова С.В. I 386
 Гилади, проект I 444
 Гиль Рене I 150; II 208
 Гильдебрандт-Арбенина О.Н. II 375
 Гингер Александр I 122, 126, 127, 135-141, 163; II 446
 Гингер Базиль (Василий) I 131, 135-137, 139, 141; II 446
 Гингер Серж (Сергей) I 137, 139; II 446
 Гингеры I 136-139, 141
 Гинзбург А. I 99
 Гинзбург М.С. I 256
 Гинзбург П., баронесса I 274
 Гинзбург С.М. II 124
 Гинцбург Гораций, бар. I 261; II 144, 430, 431
 Гинцбург (Гинзбург) Филипп, де бар. I 260
 Гинцбург И.Я. I 61, 62
 Гинцбурги, бар. I 124
 Гиппиус З.Н. I 121, 134, 162, 173, 182, 199, 200, 203, 204; II 86, 166, 288, 294, 453
 Гисборн Солистер II 148
 Гительман Л.И. I 387
 Гитлер I 87, 139, 207, 280, 311, 427; II 70, 124, 127, 157, 198, 209, 218, 293
 Гитри Саша II 155
 Гладкова Т.Л. I 271, 277
 Глазунов А. II 166, 404, 406
 Гласберг, аббат I 391
 Глебова-Судейкина О.А. I 346, 349, 352
 Глез Альбер II 311
 Глезер Л.М. I 256
 Глейз Альбер I 150, 152
 Глинка М.И. I 385; II 383, 404, 409, 410
 Глиэр Р. II 392
 Глушко В.П. I 297
 Глушенко, художник II 196
 Глэд Д. I 248
 Гоген Поль II 307

- Гоголь Н.В. I 129, 152, 391, 412; II 245, 381
 Годар Ж.-Л. II 274
 Годар Жюстен I 274, 302
 Голд Анри I 397
 Голдштейн Захар II 351
 Голенищев-Кутузов И.Н. II 288, 294
 Голикин Мордехай II 426
 Голлер Борис II 415, 440
 Голль Шарль де I 82, 140; II 218, 323, 324
 Головин, генерал I 188
 Головин А.С. I 124
 Голодницкая Д. I 444
 Голостенов М. I 188
 Голсуорси Джон II 106
 Гольберг Г.А. I 168, 175
 Гольдберг А.М. I 451, 452
 Гольдмарк Р. II 396
 Гольдфаден Аврахам (Авром, Аврам) I 402 II 329, 349-356
 Гольдфаден Давид I 392
 Гольдшмидт Бертран II 220
 Гольдштауб С.Л. II 239
 Гольдштейн Александра II 208
 Гольдштейн М.Л. I 202; II 61, 149
 Гольдштейн Ф. II 229
 Гольдштейн Ю.П. II 229, 239
 Гоман Вальтер I 294
 Гомер I 497
 Гоммер Ривка I 402
 Гомулка Владислав I 299; II 53
 Гондр Одиль – см. Пепин-Леаллер – Гондр Одиль
 Гонкур, братья I 360; II 249
 Гончарова Наталья I 368; II 102, 156, 343, 368, 370
 Горбачев Михаил I 97, 100, 322; II 283
 Горгулов П. II 32
 Горлин Михаил I 121; II 426
 Горлина Раиса – см. Блох Раиса
 Горлины II 426
 Горнфельд А.Г. I 186; II 59, 63
 Горня М.Ф. I 251
 Горовиц Владимир II 156
 Городецкий Сергей I 166
 Горская А. I 126
 Горький (Пешков) А.М. I 66, 106, 107, 117, 118, 152, 166, 384, 385, 387, 391, 393, 395; II 190, 339-341
 Готко Яков (Готковский Янкель) I 257
 Готлобер А.-Б. II 350
 Готтман Жан I 212
 Готшалк М. II 256
 Готье Ж.-Ж. I 384
 Гофман М.М. II 232
 Гофштейн Давид II 326
 Гофштейн Фейга II 326
 Гоц М.Р. II 452
 Гохберг И. I 447
 Грабский Владислав I 64, 66
 Гран М.М. I 274, 275
 Гранат И.(Э.) II 239
 Гранова Катя I 329
 Грановский Александр II 356
 Гревильон Ж. I 375
 Гревс И.М. I 327, 388
 Гревс Татьяна I 163
 Грегуар А. II 11
 Грей Надя I 383
 Грейсман, поручик II 112
 Греми, лаборатория Греми I 309
 Грец Г. II 419
 Гречанинов А. II 166
 Гржебин Андре II 339, 340, 342
 Гржебин З.И. I 118; II 460
 Гржебина Елена II 339
 Гржебина Ирина II 339, 345
 Гржебина Лия II 340
 Гржебины II 340, 342
 Гржибовская Катя II 443
 Григ Э. II 336
 Григорьев Борис I 344-347, 349, 351-353; II 337
 Григорьев Л. II 401
 Гримингер Иоселе I 404
 Грин Ненси II 22, 42
 Грин Т. II 257
 Гринберг Л.А. I 31, 32, 35, 180
 Гринберг Михаил I 466
 Гринберг Роман I 455, 456
 Гринфельд Жан II 161
 Гринфельд Жаннет II 161
 Гринфельд Лео II 160, 161
 Грищенко А. I 347
 Гроднэр Исроэл II 351
 Грозман С.И. I 68
 Гронский П. I 458
 Грос, художник II 195
 Гросс Л. I 309
 Гроссман В. I 259
 Гроссман Василий I 118, 412, 497
 Гроссман Леонид I 454
 Гроссман Меир I 44, 56

- Гротте де I 215
 Груз Татьяна I 13, 44, 494; II 141, 142, 464
 Грузенберг О.О. I 48, 59, 228, 233, 242
 Грузенберг (урожд. Голосовкер) Р.Г. I 233, 242
 Грулев М.В. II 6-17
 Грuman, участник Сопротивления I 83
 Грумбах, г-жа I 280
 Грэм Ирина II 380, 381, 387-389
 Грюнберг В.А. II 232
 Грязнов В. II 228
 Губер Гальяне (Эдмон) I 72
 Губерман Игорь I 413
 Гудков В.Я. II 228
 Гузевич Дмитрий I 3, 4, 7, 147, 148, 159, 271, 312, 325, 326, 329, 405, 415, 420, 429, 450, 465, 468, 495; II 3, 34, 46, 55, 86, 97, 98, 116, 141, 164, 251, 415, 417, 418, 421, 422, 425, 430, 431, 434, 458, 464
 Гузевич Ирина I 148, 159, 301, 495; II 18, 46, 415, 418, 434
 Гузевич Максим II 18, 34, 46
 Гузевич Ю. II 19
 Гузевичи I 148; II 418
 Гукасов А.О. I 210, 211, 215, 222, 242; II 293
 Гуль Роман I 381, 387; II 68, 293
 Гумилев Николай I 125, 128, 141, 149, 152, 158, 161, 183, 461, 496, 497; II 357, 358, 361, 368, 375, 449, 459
 Гунцбург – с.м. Гинцбург
 Гурвич Г.Д. I 6, 231, 242; II 230
 Гурвич Исаар II 141, 164, 165, 166, 173, 179, 181, 191
 Гурвич Л.И. I 274, 275
 Гурвич С.В. II 181
 Гурго, барон I 25, 27
 Гурский Б.А. II 235
 Гурфинкель Жюльетта (псевд. Jeulliette Pary) I 388
 Гурфинкель Л.М. I 388
 Гурфинкель (в зам. Тронская) М.Л. I 388, 395
 Гурфинкель Н.Л. I 369, 388-395
 Гусефф (Клейн-Гусефф, Гусева) Катрин (Екатерина) I 7, 469, 472; II 5, 18, 464
 Гучков А.И. II 293
 Гучкова Вера II 293
 Гюго Виктор I 279; II 106, 249, 297
 Гютчев, табачный король II 336
 Даан Жакоб I 327, 333, 334
 Давид, внук Фишера (Ариэля) Иосифа II 251, 252
 Давид И. II 61
 Давидсон I 349
 Давидов (Давыдов) Г.С. II 225, 239
 Давыдова М. II 229
 Даддани Элисо I 343, 345
 Даладьё Эдуард II 209, 210
 Дали Сальвадор II 433
 Далин (Левин) Д.Ю. I 214
 Даль Владимир I 242, 421
 Далькроз – с.м. Жак-Далькроз
 Дамаз Ж. II 314
 Даманская А.Ф. (псевд. А.Мерич) I 7, 157; II 55-74
 Даманский Борис II 59
 Дан Йосеф (Абир М.) II 425
 Дан (Гурвич) Ф.И. I 214, 217, 242; II 45
 Данилевский В.Я. II 9
 Д'Аннуцио Габриеле I 378
 Данте Алигьери I 328
 Даргомыжский А.С. I 385
 Дарье М. II 397
 Даунс Олин II 397, 399
 Дворецкий А. I 447
 Дворжецкий Марк II 48
 Деба, д-р I 311
 Дебюсси Клод II 383, 405, 409
 Дега Эдгар II 323
 Дедман-Айзенштат Пнина I 452
 Дедюлин С. II 89, 95, 96, 98, 107, 109
 Дейнека А.А. II 196
 Дейша А.В. II 225, 230
 Декав, коллекционер I 360
 Делакура Эжен I 359
 Делевский Я.Л. II 230
 Делоне (Штерн-Терк) Соня I 182, 471; II 295, 304-318
 Делоне Робер II 307, 308, 311-314, 316, 318
 Делоне, супруги II 310-316, 318
 Делоне Шарль II 306, 308
 Делорм (Каплан), братья II 95, 98, 107-110
 Делорм (Каплан) Б.М. II 86-89, 98, 100-102, 104-106, 110
 Делорм (Каплан) Г.М. II 98-100, 104-106, 109, 110

- Дельтей Жозеф II 311, 314, 316
 Демидов И.П. (Игорь) I 210, 212, 216-218, 242
 Демидова О.Р. I 7, 185, 206, 212, 214, 241, 454, 495; II 55-57, 63, 67, 179, 180, 464
 Дени Виктор I 164
 Деникин А.И. I 193; II 8, 17, 115, 181, 185
 Дервиз, фон I 371
 Дервизы I 371
 Дерен, художник I 359; II 195
 Десницкий В.А. II 208
 Джеймс Генри II 222, 249
 Джиган Шимон II 319
 Джозефсон Брайан II 279
 Джойс Джеймс II 436
 Джонсон Бен I 375
 Джонсон И. (Иванов И.В.) I 386
 Дзержинский Ф.Э. II 9
 Дидро Дени II 187
 Дикий А.Д. I 373; II 17
 Диккенс Чарльз I 371, 374, 378, 381
 Димант Х.Б. II 57
 Димитриевич Алеша I 399, 403
 Диннерштейн Е.А. I 173
 Дирак Поль II 275, 278
 Дитрихс, генерал II 115
 Дитрихштейн фон I 454
 Дмовский Р. I 64, 66
 Добиаш-Рождественская О.А. I 327
 Добин В. II 327
 Добкин А.И. II 66, 129, 131, 132, 134, 138
 Добрый А.Ю. I 257
 Добужинский М.В. I 124, 184; II 397
 Довлатов Сергей II 179, 443
 Доде Альфонс II 249
 Дойл Конан I 57
 Долгополов Н.С. II 62, 63
 Долин II 346
 Домбровский Юрий II 129
 Доминик (Аронсон Л.А.) I 383, 384, 387
 Домициан I 427, 430
 Дон-Аминадо (Шполянский А.П.) I 10, 13, 14-19, 163, 173, 242, 454, 495; II 69, 81, 127
 Донген ван I 359
 Дорошевич В.М. I 61, 64, 66, 453; II 71
 Доссо Диана II 212, 217
 Достоевский М.Ф. I 37, 111, 124, 150, 170, 302, 373, 374, 384, 389, 391-393, 396, 461; II 108, 245, 246, 285, 287, 297
 Достровский А. I 447
 Драгицкая Лена I 4; II 4, 464
 Драгомиров М. II 8
 Драйзер Теодор I 37; II 106
 Дрейфус А. II 10, 249, 253
 Дрейфус Пьер I 258, 267
 Дридза С. II 234
 Дронова Г.П. I 300
 Дрюон Морис I 158
 Дуаен Альбер I 152
 Дубин Борис II 427, 428
 Дубнов С.(Ш.)М. I 267, 395; II 125, 419, 454, 463
 Дубровина Т.И. I 271, 277
 Дубровский Н. I 64, 66
 Дудаков Савва II 17, 417
 Дузе Элеонора I 385, 392
 Думова Н.Г. I 188, 189
 Дункан Айседора (Изадора) I 385, II 365
 Дусэ Анри I 152
 Дымерская-Цигельман Людмила I 455; II 457
 Дымов Осип I 110, 117, 119, 163
 Дьяконов М.А. II 284, 292
 Дэвис Ричард II 131, 140
 Дэвонс С. II 280
 Дюамель Жорж I 152
 Дюбо, иммунолог I 305
 Дюкло Ж.-Л. II 328
 Дюкло (Duclaux) Жак II 260
 Дюкло (Duclos) Жак II 260
 Дюллен Ш. I 372, 375-377, 385, 386; II 155
 Дюма А. II 402, 432
 Дюра Маргарит II 432
 Дюртен Люк I 152
 Дюрренматт Фридрих II 319, 324
 Дюсембаева Гаухар II 440, 441
 Дюфи, художник II 195
 Дягилев Сергей I 179, 181, 184, 344, 349, 353; II 101, 102, 109, 155, 156, 165, 181, 310, 313, 370, 395, 403-405, 407, 408
Евсерович Исраэль I 33, 34
 Евгений, сын Кроль Сони II 244
 Евлогий, митрополит I 472; II 445
 Евреинов, священник II 388

- Евреинев Н.Н. I 61, 342, 382, 387; II 166, 182, 412
 Евреинова А.А. I 342; II 191
 Еврипид II 438
 Евсеев Николай II 166, 182
 Евтушенко Евгений I 403
 Егорова Л.Н. II 345, 348
 Екатерина II II 290, 454
 Еконт Ван ден I 62
 Елена Владимировна, вел. кн. II 445
 Елена Юрьевна, кн. I 162
 Елизавета, королева Бельгии II 256
 Ельцин Б.Н. II 128
 Ельяшевич В.Б. II 293
 Ерофеев Венедикт II 129
 Есенин Сергей I 152; II 368, 449
 Ефройкин Израиль I 156, 332, 339; II 255, 258
Ёртнер И. I 319
Жаботинская Иоанна (Анна) I 23, 66; II 145, 147, 149, 150, 152, 153, 300
 Жаботинская Т.Е. II 145, 152
 Жаботинские I 54; II 147, 148, 152
 Жаботинский В.(З.)Е. (Altalena) I 10, 13-15, 17, 19-66, 156, 408, 409, 451, 453, 454, 458, 459, 464, 495; II 50, 119-123, 127, 141-153, 295-303, 418, 419, 456
 Жаботинский Эри I 54, 60; II 145, 147, 150, 152, 153
 Жак-Далькроз Эмиль II 358, 365-367, 370
 Жакоб Макс I 359
 Жаров, руководитель хора II 444
 Жемчужный, о. I 69
 Жерби А. I 171
 Жеребков Ю.С. I 216
 Жерстер, бюро Жерстера I 289
 Жид Андре I 150; II 208, 288
 Жиль Рене I 152
 Жироду Жан II 155, 439, 440
 Жолио, супруги II 277
 Жолио-Кюри Ирен I 295; II 270, 276, 277, 281
 Жолио-Кюри Пьер I 295
 Жолио-Кюри Фредерик I 295; II 266, 270, 276, 277
 Жолтовский И.В. II 240
 Жоффр Ж.-Ж. II 14
 Жуковский С.В. I 216, 242; II 451 ..
 Жулавский Ю. I 157
 Журавская З.Н. II 63
 Жюве Луи II 155
Завьялов-Левинг Юрий II 153
 Зайончковский П.А. II 8, 12, 14, 15, 469
 Зайцев Б.К. I 110-112, 117, 119, 120, 134, 162, 182, 382; II 61, 102, 166
 Зайцев (архим. Константин) К.И.(О.) I 7; II 259, 284-294
 Зайцев Л.М. I 225, 229, 230, 242
 Зайцев Осип (И.П.) II 284, 292
 Зайцев Саша I 230
 Зайцева А.Г. I 242
 Зайцева В.А. I 382
 Зайцева В.М. I 229
 Зайцева Ната I 230
 Зайцева Т.М. – см. Алданова (урожд. Зайцева) Т.М.
 Зайцевы I 227, 230
 Зак Ирина II 447
 Зак Леон II 447
 Закович Борис I 127, 138, 463
 Зальцберг Э.А. I 435, 452; II 377, 390, 464
 Зальцер И. I 267
 Зальцман Шломо I 47, 57, 58
 Залшупин М.С. I 202
 Замятин Е.И. I 96, 204
 Зангвил Израиль I 45; II 114
 Занд М. II 454
 Захава Б.Е. I 372
 Захер Пауль II 389
 Збаржер Вольф II 350
 Зборовский, маршан I 360
 Зверев А.М. I 203
 Звигильская (Айбиндер) Е.Г. II 242
 Звигильская Р.Г. II 242
 Звигильская Тамара II 244, 246
 Звигильские II 242, 246
 Звигильский А.Я. II 211, 242-250, 453, 465
 Звигильский Григорий II 242
 Звигильский Я.Г. II 242, 243
 Зворыкин В.К. II 225
 Зданевич Илья I 135; II 312
 Зеелер В.Ф. II 102, 166-169, 179, 181, 184
 Зейдман С.Н. II 230
 Зейленгер (в зам. Юшкевич) Анастасия I 102, 106, 115
 Зейлигер М.П. II 229
 Зелинский Мирек I 99
 Зелинский Ф. II 367
 Зеличенков А. I 446

- Зельдович Я.Б. II 282
 Зельюк О.Г. I 213, 216, 217, 242
 Зензинов В.М. I 230, 382; II 61
 Зеньковский В. II 285, 292-294
 Зернова С.М. I 178
 Зиви, врач II 342
 Зильберман Яков I 81, 82
 Зильберфарб М.И. I 269
 Зильберштейн И.С. I 18, 180; II 97, 129, 137, 179, 191
 Зимин С.М. I 456; II 403, 407
 Зингер Исаак Башевис II 325
 Зингер (Бродер) Нахман II 350
 Зингерс Бродер II 350, 351
 Зиник Зиновий I 408, 409, 413, 414, 420, 426
 Зиновьев А.А. I 493
 Зиновьев Г.Е. II 341
 Зичи, художник II 101
 Зноско-Боровский Е.А. II 99
 Золотой Залман I 493
 Золя Эмиль II 159, 249
 Зощенко М.М. I 204
 Зубарев Д.И. II 66, 138
 Зубкова Ю. II 341
 Зубов П.Ю., гр. I 222; II 367
Ибсен Генрик I 204, 378
 Иваненко Д. II 278
 Иванов А.Е. I 338
 Иванов А.С. I 13, 14, 495; II 55, 75, 127, 465
 Иванов Георгий I 122-124, 127, 135, 138, 139, 144, 163, 496, 497; II 86, 91, 95, 132, 166, 362, 368
 Иванова Лидия II 131
 Иванович Ст. (Португейс С.О.) I 120, 156, 217, 242; II 44, 124
 Иванов-Разумник II 131
 Иваск Юрий I 137, 146
 Игнатъев А.А. II 14
 Идельсон А.Д. I 35; II 151, 152
 Идельсон Ф.А. II 145, 152
 Изабэ Ж.-Б. II 432
 Извольская Е.А. I 230, 242
 Извольский А.П. I 242
 Изнар В.Н. II 231
 Изнар Н.Н. II 228
 Илана, племянница Вайнберга Зельмана I 322
 Илловайская II 109
 Ильина, фрейлина II 10
 Ильф Илья II 130
 Имбер Вера I 453
 Имбер Нат (Натан) I 453
 Имберы I 453
 Ингольд, проф. II 94
 Иовнович Яков I 431, 435
 Иоффе Д. I 442
 Ирецкая Н.А. II 409
Каверин В.А. II 200
 Каверина Л.Н. II 200
 Каверины II 200
 Каган А.С. I 214; II 460
 Каган Виктор I 241
 Кадо Мишель II 428
 Кадомцев Б.П. II 230
 Казадезюс Робер II 399
 Казимир, физик II 278
 Казимир, г-жа II 278
 Казимир Великий I 32
 Кайгородов Анатолий I 168
 Каледин Сергей II 443
 Калецкая (урожд. Штернфельд) Ада I 299
 Калецкий Михаил I 299
 Калишевич I 213
 Кальметт Альбер I 309; II 261
 Каменецкий Б. – см. Айхенвальд Ю.
 Каминка А.И. I 471; II 61
 Камкин, книготорговец II 105
 Камю Альбер I 392
 Кан Густав I 150
 Кан Луи I 260
 Кан Симона I 275
 Канвейлер, художник I 358
 Кандауров П.Д. II 235
 Кандель Феликс II 453
 Кандинский В.В. II 310
 Каннегисер Е.И. I 242
 Каннегисер Л.И. I 242
 Каннегисер (урожд. Сакер) Р.Л. I 242
 Каннегисеры I 227
 Кантор М.Л. I 200, 204, 232, 237, 243
 Канудо Р. I 360
 Капитайкин Эдуард II 417
 Капица П. II 282
 Каплан Адель II 98, 99, 104
 Каплан Вера I 188, 202; II 115
 Каплан Ефим II 99
 Каплан М.С. I 178, 216, 243; II 86, 88, 95, 97-110
 Каплан Нихим II 98
 Каплан Симеон II 98
 Каплан Софья II 98
 Капланы II 104, 105, 107, 108, 110
 Караваева Анна II 197

- Карамзин Н.М. I 124
 Карандакова Н. II 229
 Карасик Владимир I 449, 450; II 23, 97, 111, 418, 465
 Караулов, полковник II 252
 Карболь Кристиан II 326
 Кардовский Д. I 352
 Кардуччи Джозуэ I 22, 29
 Каренина (Горовиц) Э.М. II 411, 412
 Каролус-Дюран Э.-О. II 330, 331
 Карони Жоржет I 87-89
 Карони, отец Карони Жоржет I 88
 Карп София II 351
 Карпович М.М. I 244, 494; II 170, 184
 Карсавина Тамара II 156, 364
 Карсавины II 362
 Карташев А.В. II 286, 293
 Катуар Г.Л. II 393
 Катулл Гай II 415, 435, 437-440
 Катых Е.М. I 493
 Каутский Карл II 112
 Кауфман И. I 447
 Каушанская Долли II 162
 Каушанская Женя II 162
 Каушанский Далья II 162
 Каушанские II 162
 Кафка Франц I 412
 Кац Мани I 402
 Кац Шарль I 88, 89
 Кац Шмуэль I 60; II 456
 Каценельсон Ицхак II 319, 429
 Кацир(-Качальский) Эфраим I 440, 441, 443; II 319, 326, 327, 426
 Качалов В.И. I 250, 341, 380, 381, 387, 456
 Качальские, братья I 443
 Качальский Аарон I 441, 443
 Кашук Н. II 229
 Кедров М.А. II 228, 235
 Кедрова Лиля (Елизавета) I 379
 Кей А. I 274
 Кейлин Давид II 418
 Кекова Светлана II 138
 Келдыш Г. II 401
 Келлерман Б. II 60
 Кельнер Виктор I 188, 395; II 44, 113, 118, 120, 127,
 Кениг, акад. I 290
 Кениг Пьер II 323, 328
 Кёнигшац Григорий II 160
 Кёнигшац Е.С. II 160
 Кёнигшац Надежда II 160
 Кёнигшац О.В. II 160
 Кёнигшац Поль II 160
 Кёнигшацы II 160, 161
 Кено Раймон II 428
 Кент Рокуэлл II 195
 Керенский А.Ф. I 212, 218, 231, 245, 247; II 60, 61, 66, 99, 170, 184, 258
 Керет Эдгар II 443
 Кессель И.(Ж.)С. I 157-159, 471
 Кестлер Артур I 472
 Кефели Я.О. II 230
 Кибальчич Н.В. II 469
 Кибрик, художник II 196
 Кивелевич М.П. I 255, 256
 Кизеветтер А.А. II 166, 168, 182, 184, 290, 294
 Кикоин Абрам I 356, 366, 367
 Кикоин Буня I 367
 Кикоин Жак (Якоб, Янкель) I 360, 361, 363, 365, 367, 368; II 425, 465
 Кикоин Жерар I 368
 Кикоин Жильбер I 368
 Кикоин Исаак I 356, 365, 366
 Кикоин Клэр I 360, 361, 364, 365, 367, 368
 Кикоин Константин I 325, 354, 495; II 211, 212, 465
 Кикоин Кушель I 355, 356, 367
 Кикоин Мишель (Михаил) I 325, 354-367, 471; II 425
 Кикоины I 355-357, 361, 363, 367, 368; II 425
 Кипнис А. II 413
 Кипнис Марк I 446; II 453
 Киплинг Редьярд I 158, 204
 Кириллов А.А. II 225, 228
 Кислинг Моисей I 358; II 462
 Кистяковский И.А. I 232, 243
 Киш И. I 99
 Кларсфельд Серж II 162
 Клаузнер В. I 302
 Клаузнер И. I 447
 Клее Пауль II 312
 Клейн Тэо II 255
 Клементиновский Д. I 259
 Клемперер О. II 414
 Кленовский (Крачковский) Д.И. II 453
 Климов – см. Эренбург И.Л.
 Клир Д. II 456
 Клиш Иосиф I 83
 Клодель Камиль I 358

- Клодель Поль I 150
 Ключев Н.А. I 61
 Клячко Д.О. I 256
 Кнебель Мара I 431, 432, 435
 Кнеллер, художник I 182
 Книппер А.В. II 132
 Книппер (Книппер-Чехова) О.Л. I 250, 387, 456
 Кнорринг Ирина I 121, 122, 135, 243
 Кнорринг Н.Н. I 232, 243
 Кнут Довид I 121, 127, 135; II 122, 419, 449, 450
 Кобецкий I 218
 Ковалевский Е.П. I 232, 243
 Ковалевский П.Е. II 225, 239, 241
 Коваленко Ю. II 104
 Коварский И.Н. I 243
 Коварский Л.Н. II 239, 276
 Коган А.Э. I 239, 243
 Коган, жена Когана А.Э. I 239
 Коган Маркус II 301
 Коган П.С. II 57
 Коган С.И. II 229
 Козин В.А. II 75
 Козинцева В.Г. II 209
 Козловский II 448
 Козловский В. II 107
 Козман М.С. I 66
 Козовой В.М. II 427-429
 Козулина А.В. I 460
 Козьмин Б.П. II 180
 Коковцев, гр. II 334
 Кокто Жан II 155, 312
 Колесников Залман I 402, 404
 Колин Марианн I 335
 Колкер Юрий I 101, 131, 405, 424, 428-430, 496
 Колчак А.В. I 190, 192, 193, 196; II 115, 132
 Колчинский Э.И. I 460
 Комиссаржевская В.Ф. I 377
 Кон Генох I 402
 Кон, миллионер I 342
 Кон Стефан I 433; II 418
 Кон, супруги I 342, 344
 Конашевич, художник I 124
 Кондратьев А. I 497
 Кони А.Ф. I 61
 Конова Л.С. I 66, 174
 Коновалов А.И. I 202, 210, 212, 216, 217, 229, 230, 231, 243; II 170, 184
 Коновалов А.Ф. II 180
 Коноваловы I 230
 Конрад (Корженевский) Джозеф I 421
 Константин Соломонович I 377
 Кончаловский П.П. I 344, 348, 352
 Конюс Г.Э. II 393
 Копленд А. II 396, 398, 400
 Коральник И.Д. I 263
 Корбюзье Ле I 353
 Корвин-Круковский Б.В. II 225
 Корвин-Пиотровский Вл. I 122, 126, 127, 135, 136, 138
 Корляков Андрей II 415, 444, 447
 Кормон Ф. I 359
 Корнилов Б. I 158
 Корнфельд Татьяна II 443
 Коро Ж.Б. II 432
 Коровин Константин I 180, 348, 352; II 156, 337, 409, 412
 Королев С.П. I 297
 Короленко В.Г. I 377; II 10
 Коростелев О.А. I 185, 186, 188, 203-205, 243, 405, 420, 422, 496; II 97, 127, 129, 136, 140, 375, 376, 421, 453, 465
 Корсак В.В. II 101
 Костен Г. II 64
 Костырченко Г.В. II 416
 Коутс Альберт II 403
 Кочубиевский Илья I 448
 Козн М. II 419
 Кракауэр З. I 387
 Кралин М. II 386-389
 Крандиевская Наталья I 454
 Кранихфельд В. II 68
 Кревель Р. II 312
 Крейд В.П. I 101, 121, 496; II 180, 427
 Крейман Р. II 89
 Кремень Пинхус I 356, 358, 363, 367, 471
 Кремер (ур. Винавер) Валентина I 275, 278
 Кремер Гидон II 378
 Кремер Иза I 269; II 447
 Кремер М.А. II 231
 Кремер М.Л. II 229, 233
 Кресель Г. I 312
 Креспель Ж.-П. I 368
 Кречмар А.Я. II 62
 Кривицкий Вальтер I 155
 Кривошеин, министр I 169
 Кривошеин А.В. I 243

- Кривошеин И.А. I 221, 243
Кривошеина Н.А. I 243
Криммер Б.Я. II 233
Криница Авраам II 149, 153
Кроль М.А. I 256, 257
Кроль Соня II 244
Кроль (в зам. Звигильская) Ф.Я. II 242, 244
Кроль Яков II 242, 243, 249
Кронгауз В. I 445
Кроткова Х. I 157
Кручек Адам – см. Геллер М.Я.
Крым Соломон I 187, 201
Крэг Гордон I 392
Крюгер, академия Крюгера I 356
Крюгер Эльза II 336
Кубова А.Л. II 257
Кугель А.Р. (Николай Негорев, Номо novus) II 71, 72
Кудашева Мария I 153
Кудинов Михаил II 428
Кузмин Михаил I 125, 166; II 335, 346, 368, 376
Кузнец Саймон I 433
Кузнецова Галина I 248
Кузнецова Ирина II 428
Кузнецова(-Массне-Бенуа) М.Н. II 409
Кузьмина-Караваева (Скобцова) Е.Ю. – см. мать Мария
Кулакуцкий Н.В. II 469
Кулишер I 217
Кулишер А.М. I 107, 109, 118, 119, 121, 210, 212, 234, 243; II 230
Кулишер Е.М. II 144
Кулишер М.И. I 186
Купер В. II 406
Купер Макс II 412
Купер Э.А. II 377, 402-414
Куперы II 406
Купершток (Купер) А.Л. II 411, 412
Купка, художник I 358
Куповецкий М.С. I 270, 277
Куприн А.И. I 61, 103, 133, 134, 152, 153, 156, 157, 174; II 64, 81, 102
Куприна, жена Куприна А.И. II 79
Курбе Гюстав I 359
Курляндер Яков I 402
Куропаткин А.Н. II 13
Курский Ф. II 45
Кусевичкая (урожд. Ушакова) Наталья II 391, 392
Кусевичские II 392, 394
Кусевичский Александр II 390
Кусевичский Сергей II 377, 383, 390-401, 403, 412, 414
Кусельман Илья I 445
Кускова (урожд. Есипова) Е.Д. I 197, 203, 235, 244, 245; II 61, 292
Кустодиев Б.М. I 124
Кутепов А.П. I 222; II 287, 294, 445
Кучинский А. I 97
Куявская-Иозефович Б. I 446
Кшенек Эрнест II 380
Кшесинская Матильда II 72, 345, 347, 364, 370, 446
Кшесинские II 362
Кэслер Давид II 351
Кюри Пьер II 264, 276
Кюри-Складовская Мари I 295; II 264-267, 270, 271, 276, 281
Кюри, супруги II 269
Лаав Мири I 443
Лаваль Пьер II 207
Лавров Александр II 131, 136-138, 140, 375
Лаврова (Милюкова) Н.В. – см. Милюкова (Лаврова) Н.В.
Лагранж Е. I 285, 301
Ладинский Антонин I 121-123, 126, 127, 135, 216, 239, 244
Лажюни Андре II 161, 162
Лажюни Ирен II 161, 162
Лажюни Кристин II 162
Лазаревский Б.А. I 456
Лазаревич Н.А. II 229
Лалу Рене II 287
Лалум Жан II 431
Ламашан, проф. II 267
Ламбер Константин II 156
Лангемак Г.Э. I 298
Ландау Григорий I 168; II 134
Ландау Л.Д. II 277, 278
Ландовска Ванда II 221, 410
Ланжевен Поль I 291, 294; II 122, 276
Лансере Е.А. I 124; II 165, 179, 181
Лапицкая С. I 463
Лапчинский (Лapid) Арье II 48-50
Ларгьер Л. I 18
Ларионов Михаил I 349, 353; II 102, 156, 196, 343
Ласунский О.Г. I 464; II 417, 450
Латт Л.Я. I 480
Лаховер И. I 447

- Лаховская Ада II 311
 Лаховский Арнольд I 62
 Лебедев П.Н. II 231
 Лебедев В.И. II 61
 Лебедев Жан II 195, 196
 Леблон II 213
 Левадити I 309, 310
 Леви Исраэль I 275
 Леви (псевд. Агеев) Марк II 87-96
 Леви Сильвен I 255
 Левин Д.А. I 186
 Левин Мюррей I 259
 Левин Нема (Нахум) II 148, 149
 Левин С.И. II 168, 183
 Левина I 234
 Левина Э.Н. I 253, 277, 278
 Левина Эстер (Фира) II 148
 Левинас Э. I 461; II 326
 Левинзон И.-Б. II 350
 Левинсон А.Я. (псевд. Леандр Венсан) I 6, 110, 200, 204; II 56, 63, 338, 345
 Левинсон-Левин Л.О. I 61
 Левин-Эпштейн Э.-З. II 297
 Леви-Дрейфус Робер II 254
 Леви-Стросс II 213
 Левитан В.В. II 229
 Левитан И. I 243
 Левитан И.И. I 110
 Левитина В. I 102, 105, 108, 118, 119
 Левицкий Я. I 447
 Ле-Гийу О. I 472
 Леже Фернан I 357, 359, 368; II 195
 Лежнев А. I 117, 120
 Лейбович И. I 447
 Лейзерсон Г.З. II 226
 Лейкинд О.Л. I 329, 339, 342; II 179, 192, 305, 332
 Лейтес К.С. I 263
 Леклерк Ф.-М. I 140
 Лелявский С.Н. II 228
 Лемашан, проф. II 267
 Лемперт Александра I 184
 Лемперт-Андреева Р.И. I 179; II 141, 164, 166, 191, 465
 Лемперт (урожд. Шерман) З.З. I 177, 178, 181-183; II 315
 Лемперт И.М. I 147, 177-184; II 87, 95, 98, 105, 110, 141, 164, 165, 179-182, 185, 191, 425, 465
 Лемперт М.Я. I 177
 Лемперт Рахмиэль I 177
 Лемперт Ф.И. I 177
 Лемперты I 178; II 102, 186, 191
 Ленин В.И. I 42, 391, 455, 462; II 116, 126, 174, 180, 188, 253, 341, 416
 Леонов Леонид I 96
 Леонтьев В.В. I 433
 Лепехин М. II 98, 109
 Лермонтов М.Ю. I 379, 409, 421; II 249, 449
 Лернер, процесс Лернера I 435
 Лернер Боря I 83
 Леск Ранса I 157
 Лесник Д.С. II 230
 Ле Троке, сенатор II 241
 Лехман, семья II 47
 Лешинская Л.Н. II 177, 178, 189, 190
 Лешинские II 187
 Лешинский Марк II 187
 Лешинский Оскар II 173, 177, 187
 Либер Марк (Гольдман Михаил) II 43
 Либерман Семен I 134, 146
 Лидин В.Г. II 195, 197, 201, 202, 206, 207
 Лидина Е.В. II 195
 Лимановский М.И. I 63, 64, 66
 Линар, типограф I 152
 Линдберг Чарльз II 160
 Линецкий И.И. II 350
 Линская Ирина II 182
 Линский Михаил I 164; II 166, 182
 Липизин Кэни II 351
 Липшиц Жак (Яков) I 344, 348, 349, 351, 352, 358; II 221, 462
 Лист Ференц II 248
 Литвак — см. Поляков-Литовцев С.Л.
 Литвин Мордехай I 402
 Литвинов Б. I 435
 Литвинофф Имэньюзл (Литвинов Эммануэль) I 408, 413, 414, 451, 452
 Литовцев С. I 374
 Литон А.П. I 257
 Лифарь Сергей I 179, 182; II 100-102, 156, 337, 338, 343, 344, 346, 348, 370, 406
 Лифшиц А.Ц. I 256, 257
 Лифшиц Бенедикт II 379
 Лифшиц Нехам I 402
 Литовцев С. I 374
 Ллойд Джордж Д. I 437; II 151
 Лобанов-Ростовский Н.Д. I 452; II 110, 305, 306, 417
 Лобанова-Ростовская Нина II 305

- Логинова-Муравьева (псевд. Loguine) Т.Д. II 343
 Лозинские I 232
 Лозинский Г.Л. I 200, 204, 227, 232, 233, 244
 Лозинский М.Л. I 204, 232, 244
 Лозовский Александр II 24
 Лоло – см. Мунштейн Л.Г.
 Ломброзо Чезаре I 22, 29
 Лорансен Мари I 357
 Лосская Вероника I 99, 271, 277
 Лосский Б.Н. I 326-328, 338; II 417
 Лот Андре II 195, 311-313
 Луи-Гирш Андре I 296
 Лукин А.П. I 244
 Лукин Вениамин I 254
 Лукомский Г.К. I 172
 Луначарский А.В. II 173, 178, 187, 190, 379
 Лунц Г.М. I 225-227, 244
 Лунцы I 227
 Лурья Ицхак II 387
 Лурье А.В. I 179; II 106
 Лурье Артур I 456; II 377-389, 462
 Лурье И.Х. II 387
 Лурье, семья II 387
 Лурье Э. I 446
 Лурье Яков II 387
 Лурье Я.С. II 138
 Лурья А.Я. II 387
 Лурья И.Х. II 387
 Луцкая Сильвия I 464; II 450
 Луцкий Семен I 464, 466-468; II 415, 449-452
 Львов Андре II 259, 260, 263, 281, 324, 466
 Львов С. II 466
 Львович Д.В. I 254-260, 266, 268-271
 Льюис Синклер I 37, 204
 Лэмб У. II 279
 Любетский Иуда II 20
 Любимов Л.Д. I 210, 215, 218, 222, 244
 Любинский Александр II 439
 Любич Дина II 98, 102
 Любич Осип (Иосиф) II 102, 447
 Любович Е.Л. II 240
 Любомирские, кн. II 370
 Людовик XIV I 197
 Людовик XV I 197
 Люксембург Роза II 464
 Люмьер Огюст I 308
 Люрса, художник II 195
 Люся, подруга Пагис Тамары I 75
 Лютер А.Ф. I 183
 Лядов А.К. II 406
 Ляля-машинистка – см. Штром Е.Н.
 Мазе А.И. II 229
 Мазерель, художник II 195
 Мазовецкая Эра I 13, 44, 497; II 141, 142, 466
 Майзлер Д. I 447
 Маймонид I 311
 Майтнер Лиза II 277
 Майоль Аристид II 242
 Макашин С.А. II 97, 129, 137
 Маклаков В.А. I 196, 202, 203, 209, 216, 218, 234, 237, 238, 239; II 139, 166, 170, 182, 184, 453, 456
 Маковский С.К. I 121-123, 126-128, 162-164, 168, 172, 173, 175, 351
 Макс – см. Алданов М.А.
 Максвелл Роберт II 110
 Максим Аркадьевич, доктор II 151
 Максимов Д. II 375
 Малашевская Л.А. I 176
 Маленков Г.М. I 155
 Малибран Мария II 245, 246, 248, 453
 Малинин В.Ф. I 215
 Малкин Ошер I 259
 Малларме Стефан I 150 II 314, 427
 Малмстад Дж. I 455; II 131
 Мало Гектор II 363
 Малоземова С. I 65
 Мальро Андре II 208
 Малышевская Л.А. I 176
 Малышева С.Ю. I 221, 234; II 103
 Малявин Ф.А. II 79
 Мамонтовы I 371
 Мамченко Виктор I 121, 123, 126, 163
 Ман Бертольд I 152
 Мангер Ицик I 402; II 356

- Мандельштам Осип I 143, 145, 161, 389, 455, 497; II 107, 153, 205, 369, 435, 436, 438, 449
- Мандельштам Юрий I 121, 122, 126, 135
- Мане Эдуард I 357
- Маневич Абрагам I 62
- Мане-Кац М. I 269, 358, 471; II 174, 189, 340, 447, 462
- Манин Евг. I 459
- Манн Генрих II 221
- Манн Н. I 85
- Мансуров П. I 346
- Манукьян, участник Сопротивления I 80
- Маньелли А. II 313
- Маор Ицхак I 56, 60
- Марголин Юлий I 455
- Марголина Рита I 84
- Маргулиес А.И. II 229, 235
- Маргулиес В.С. II 229, 232
- Маре Жан I 182, 401, 403
- Маритен Жак II 21, 385, 386
- Маритен Ранса II 21, 386
- Мария Ивановна, жена С.Ченого II 77, 84
- Мария Павловна, вел. кн. II 445
- Мария Сергеевна (Лозинская?) I 234
- Мария Яковлевна, жена Серова Г.В. I 377
- Марке Альбер II 195
- Маркевич Э. II 179
- Маркиш Шимон I 8, 13, 30, 59, 102, 103, 116, 118, 120, 405, 406, 409-411, 413, 415, 417, 420, 422-426, 428-430, 497; II 119, 120, 420, 421
- Маркиш Эстер II 322
- Марков А.П. I 228, 244
- Марков В.Ф. I 455
- Маркович Э. II 165
- Маркс А.Ф. I 168
- Маркс Карл I 42
- Марсо Марсель II 319, 323
- Мартен-Барзен Анри I 152
- Мартов Лев (Цидербаум Ю.О.) I 214, 240; 174, 188
- Маршак А.О. II 446
- Маршак, доктор II 241
- Маршак И.О. II 229
- Маршак Самуил II 425
- Массалитинов Н.О. I 456
- Массне Альфред I 250; II 409
- Массон Андре II 221
- Массон, издатель I 311
- Матвеева Ю. II 455
- Матисс Анри I 344, 359; II 195, 323
- Матсон, чекист II 60
- мать Мария (Кузьмина-Караваева /Скобцова/ Е.Ю.) I 122, 163, 211, 222, 243, 244, 463
- Махлин Гершон II 147
- Махонин И.И. II 225
- Махров К.В. I 339, 342; II 179, 192, 305, 332
- Мацнев I 236
- Маяковский В.В. I 181, 182, 292, 392; II 311, 312, 379, 449
- Медведкова Ольга I 494
- Медем В. (псевд. Гринберг, Гольд-блат) II 35, 38, 40, 41, 43
- Меерович И.А. I 257, 263
- Меерсон Лазарь I 471
- Мейер Александр II 130
- Мейербер Джакомо II 355
- Мейерхольд В.Э. I 392, 394 II 379
- Мейсс Леон I 260, 331-333
- Меламуд (Рапкина) Сара II 215, 216, 218, 219
- Мелихов Александр II 443
- Мельгунов С.П. I 244; II 61, 101, 168, 183
- Менегальдо Елена I 405, 470-472
- Менгельберг Вилль II 156
- Менделе Мойхер Сфорим I 156; II 350, 356
- Менделеев Д.И. II 231
- Мендель Герш II 22, 38, 42
- Мендельсон М.С. II 233
- Менухин Иехуди II 157
- Мережковские I 137; II 288

- Мережковский Д.С. I 121, 133, 134, 162, 170, 175, 203, 380, 496; II 86, 92, 96, 132, 166, 288, 294
- Мержанов А.В. II 235
- Мерич А. – см. Даманская А.Ф.
- Мерсеро Александр I 152
- Мессбауэр II 279
- Мессиа Альберт II 280
- Мет Игорь I 440
- Метелкин А.И. I 312
- Метерлинк Морис I 372
- Метнер Н.К. II 166, 393
- Мецкер Леопольд II 255
- Мечников И.И. I 153, 301-307, 309, 310, 317, 433; II 260, 426, 466
- Мечникова О.Н. I 310; II 466
- Мигдаль А. II 282
- Мийо Дариус II 397
- Милевская С.А. I 211, 222
- Милиоти Н.Д. II 64
- Миллер В.А. I 239, 244
- Миллер Генри I 470
- Миллер Е.К. I 222
- Миллер Е.Л. I 244
- Миллер И.С. I 234
- Милло Матей II 352
- Милош Чеслав II 319, 324
- Миль Пьер I 275
- Мильбергер Михаэль I 402; II 295, 319-328, 466
- Мильман Д. I 447
- Мильруд М.С. II 62, 91
- Милюков П.Н. I 15, 27-29, 116, 121, 165, 189, 193, 195, 196, 198, 202, 203, 209-212, 216, 217, 225-228, 230, 232-235, 238-240, 244, 412, 494; II 14, 61, 168, 183, 292, 444
- Милюкова (урожд. Смирнова) А.С. I 190, 193, 197, 198, 202
- Милюкова (урожд. Лаврова) Н.В. I 238, 244
- Милютин Д.А. II 13
- Миндлин Э. II 440
- Минковский Герберт I 433
- Минковский Евгений (Юджин) I 260, 275, 332, 340
- Минор О.(И.)С. II 61
- Мирабо Оноре I 18
- Миркин-Гицевич Б.С. (псевд. Б.Мирский) I 210, 212, 229, 231, 244
- Мирлес Л.А. II 229, 231, 235
- Миро Жоан I 358; II 156
- Миролюбов В.С. II 57-59, 66, 67
- Миронов М.П. I 61
- Мирье Шарль I 313, 316
- Мистингет II 155
- Митрохин Дм. I 124; II 195
- Михаэли Ицхак I 443, 444
- Михеева Э.П. I 338
- Михельсон А., виолончелист II 229
- Михельсон А.А. I 212, 217, 225, 244
- Михельсон А.М. II 183
- Михневич Л.Ю. II 228
- Михозлс Соломон I 392; II 356
- Мицкевич Адам I 33; II 319, 320, 322
- Мишо Анри II 428
- Мишонц, художник II 447
- Млодецкий, революционер II 250
- М.Н. – псевд., см. Бергинер-Тавгер Б.
- Мнухин Л.А. I 160, 161, 188, 268, 271, 277, 312, 329, 338, 339, 461, 462; II 103, 179, 203, 211, 225, 241, 254, 293, 337, 401, 402, 414, 466
- Мовшин Г.М. II 387
- Могилевский В.А. I 210-213, 218, 228, 244; II 170, 184
- Могулеско Зигмунд II 351, 352
- Модильяни Амедео I 354, 358, 360, 364, 366
- Модрах I 216
- Мозен Шарль II 432
- Мозганов Яков I 448
- Мозжухин Иван I 377; II 229
- Можайская О. I 122, 126
- Моисси Александр II 74
- Молляре А.-Ю. I 314-316
- Молотов В.М. II 277
- Мольер Ж.-Б. II 48, 155
- Монахов П.К. II 228, 231
- Моне Клод I 356; II 432
- Монне Жан II 246
- Моно Жак II 324
- Монте Пьер II 157, 399

- Монфор Сильвия I 383
 Монье, аббат II 332
 Мопассан Ги де II 106, 247, 249
 Морев Г.А. II 331
 Морель П. I 384
 Морино Тео I 150
 Морле Габриель II 155, 245
 Моро Ж.-Л. II 428
 Морозов Николай I 166
 Моруа Андре II 156, 333, 439
 Москвин И.М. I 341, 374
 Москович Вольф I 161, 271, 339, 457, 458, 464, 466-468; II 120
 Мостков И.Л. II 228
 Мотль Феликс II 391
 Моторина I 275
 Моцарт В.-А. II 355
 Моцкин Л. II 122
 Мочалова Е.В. I 85
 Мочульский К.В. I 200, 204, 205, 212, 244, 390, 497
 Мошковский А. I 287
 Мошняга Т.В. I 251
 Мравинский Е. II 414
 Муниц Арье I 271
 Мунк, архитектор I 264
 Мунштейн (Лоло) Л.Г. I 156; II 169
 Мур (сын Цветаевой) II 205
 Мурш М. II 466
 Мусоргский М.П. I 370, 452; II 393, 397, 398, 401, 403-405
 Муссолини Бенито I 42; II 293
 Муте Мариус I 275
 Мухин Ар.? I 175
 Мухин Л. I 256
 Мыльникова В. II 180
 Мшанецкий В.А. II 228, 230
 Мюллер, г-жа II 248
 Мюльшток Сол II 223
 Мюссе Альфред де II 122
 Мякотин II 59
 Мямлина Л.Н. II 190
 Мясин Л. I 350, 353; II 156, 370
Набоков (Сирин) В.В. I 106, 121, 123, 133, 135, 231, 382, 455, 456; II 68, 87-96, 100, 132, 153, 208, 436, 453
 Набоков В.Д. I 165; II 61
 Набокова (урожд. Слоним) В.Е. I 455
 Набоковы I 455
 Навон Ицхак II 319, 326
 Надель (Орен) И. – см. Орен (Надель)
 Найденов А. II 413
 Найдич И.А. I 258; II 123, 149, 155
 Нансен Ф. II 32
 Наполеон Бонапарт I 25, 214; II 119, 255, 414
 Наппельбаум Ида II 459, 460
 Наппельбаум Моисей II 458-460
 Наппельбаумы II 459
 Нарбут Владимир II 130
 Нарский И. I 188
 Н.Б. – см. Бергнер-Тавгер Белла
 Незлин Роальд I 439, 440
 Нейман Адольф I 335, 376
 Некрасов Н.А. I 26, 29, 426
 Некрич А. I 90, 99
 Неманов Л.М. I 212, 227, 229, 230, 232, 244
 Немановы I 229
 Немирович-Данченко Вас. И. II 64
 Немирович-Данченко Вл. И. I 380, 392
 Немировская Ирена I 463; II 445, 446
 Нессельроде К.В., гр. I 230, 245
 Неусыхин А.Л. II 227
 Нечаев В. II 136
 Нива Жорж II 427
 Нидхэм Дж. II 215, 216
 Нижинская Бронислава II 156, 370
 Нижинские II 362
 Нижинский Вацлав II 156, 364
 Никитин Б.В. II 228
 Никитина С. I 348, 377
 Никиш Артур II 392
 Николаевский Б.И. I 230, 245; II 45, 105, 185, 186
 Николай I II 454
 Николай II I 182, 327; II 7, 72, 194, 454
 Никольская Т. I 351; II 375
 Никольский А.М. II 225
 Никольский В.А. II 229
 Никсон Ричард II 315

Нилус Петр I 105, 118; II 166, 182
 Нильсен Аста I 379, 380, 381, 386
 Ницше Фридрих I 150, 424
 Нобель I 459
 Новгородцев П.И. II 287, 294
 Новелли Эрмете I 22, 29
 Новиков В.Н. II 230
 Новомейский Моше I 442; II 123, 151, 153
 Нольде Б.Э. I 165; II 286, 293
 Нордау Макс (Зюдфельд Симон) I 28, 29, 48, 59
 Нордау Макса I 48
 Нордлинг, консул II 104
 Носик Борис I 5, 234, 387; II 417
 Носсиг Альфред II 114
 Нотгафт Ф.Ф. I 123
 Нуриев Рудольф I 182
 Нюк М.-И. II 329, 349, 467
Оберлинг, иммунолог I 309
 Оберт Герман I 294, 296
 Оболенская, княжна II 364
 Оболенский А.В., кн. I 245
 Оболенский В.А., кн. I 245, 246, 271, 312
 Оболенский, младоросс I 217
 Оболенский Николай I 127
 Оболенский С.В. I 245
 Обрен Ш.-В. II 245
 Обухов Анатолий II 336
 Обухова-Зелиньска И.В. I 9, 67, 90, 325, 341, 497; II 5, 329, 330, 357, 467
 Одарченко Юрий I 121, 135; II 130, 335
 Одинец Д.М. I 210, 216, 245; II 103
 Одоевцева Ирина I 122, 123, 127, 135, 138, 162, 173; II 130, 132
 Одюруа, проф. I 314
 Ожанская Беатриса II 155
 Оже Пьер II 213, 276
 Ожешко Элиза I 33
 Озаровский Ю.Э. I 380
 Озеров Иван I 164
 Ойстрах Давид I 452
 Оклер, проф. I 290
 Окутюрье Мишель II 427

Ольга Афанасьевна – см. Глебова-Судейкина О.А.
 Ольга Борисовна I 233
 Ольшвангер И.Л. I 278
 Онеггер Артур II 397
 Опарин А.И. I 314
 Оппенгеймер Роберт II 273
 Ордонувна, певица II 369
 Орен (Надель) И. II 417, 454
 Орлов Вл. I 173
 кн. Орлова I 183
 Орлова Хана I 392, 471; II 195, 327, 419
 Орф Карл II 347
 Осоргин (Ильин) М.А. I 15, 18, 121, 182, 214, 217, 218, 228, 233, 245, 454, 455; II 64, 66, 69, 85, 122, 166, 180, 183, 452
 Осоргина-Бакунина Т.А. I 214, 228, 455; II 32, 446
 Оссейн Робер I 403
 Остринский-Шрагер Ф. II 49-51
 Островский А.Н. I 92, 155, 371, 374
 Островский Н. II 190
 «Отец Вогт» I 288
 Оульд Х. I 375, 386
 Офросимов Ю. I 374, 386
 Оцуп Александр I 163
 Оцуп Николай I 122, 127, 129, 163, 172; II 92, 96, 446
 Ошмянский Г.Б. II 229
Пабст Георг I 380
 Павел I I 376; II 290, 454
 Павел Иванович, брат жены Саши Черного II 84
 Павлов И.П. I 433
 Павлова Анна I 250, 341, 342; II 362, 364
 Павлова Клавдия II 332, 334, 336, 337, 341
 Павлова Рита II 140
 Пагис И.И. I 69, 74
 Пагис Р.(В.)И. I 69, 74
 Пагис, семья I 69
 Пагис Сусанна I 69, 74
 Пагис Тамара (Мари) I 67-77, 81
 Пагис Элеонора I 68, 69

- Пайпс Ричард II 131, 180
 Палария Лёва I 83
 Палей Зина II 155
 Палей, кн. II 241
 Палей Рая II 155, 159
 Пантелеймонов Б. II 230
 Парканская М.Г. I 78, 84
 Парнах Валентин II 208
 Парнис Александр II 131
 Парфенов М. II 96
 Пархомовский М.А. I 3, 4, 203, 253, 254, 301, 312, 326, 338, 343, 395, 405, 406, 411, 415, 416, 429, 431, 432, 448, 450-453, 457, 466-469, 498; II 3, 4, 111, 127, 128, 154, 211, 249, 251, 339, 415, 417, 420-423, 425, 426, 431, 435, 449, 467
 Пархомовские I 434
 Парэй Поль II 157
 Паскаль Пьер I 96
 Пасманик Д.С. I 40-42; II 118-120
 Пастак И.А. II 230, 234, 240
 Пастак С.А. II 234
 Пастер Луи I 317
 Пастернак Борис I 140, 142, 145, 425, 455; II 145, 426, 436, 437, 449
 Пастернак Евгений I 452
 Пастернак Леонид II 426
 Пастернак Лидия II 426
 Пастернак, сестры I 451, 452
 Пастернаки II 426
 Паттерсон Джон I 44, 47, 58
 Паули Вольфганг II 278
 Пашутинская Диана I 470
 Пекаровский Леонид II 295, 296, 467
 Пекерис Х. I 447
 Пенкин Я. I 263
 Пепин-Леаллер – Гондр Одиль I 147-149, 153, 498
 Перах Марк II 443
 Переверзев I 229
 Перельман, издатель I 57
 Перельмутер Н.И. II 106
 Перес, проф. II 214
 Перец Леон (И.-Л.) I 269
 Перова Н.Ю. I 174, 175
 Перрен Жан I 295, 296; II 276
 Перрен Франсис I 295, 296; II 213, 220, 275, 276
 Персиц, семья II 380
 Персиц Тамара II 380, 387
 Перченко Ф.Ф. II 138
 Песин И.И. II 447
 Песина Ида II 447
 Пескин И. II 234
 Пестель П.И. II 146
 Петен А.-Ф. I 258, 281
 Петерс Я.Х. II 9
 Пети Ролан II 348
 Петипа Мариус II 344, 348
 Петков Никола II 126
 Петлюра С.В. I 41; II 28, 114, 120-122
 Петр I I 182, 183; II 381
 Петражицкий, юрист II 367
 Петрановский В. I 149, 161; II 217, 460
 Петрищев А.Б. I 245
 Петров-Водкин К. I 184, 344, 348, 352, 353
 Петров Г.С. I 172
 Петров Евгений II 130
 Петрова Т.Г. I 202
 Петрункевич (урожд. Мальцева, в первом браке Панина) А.С. I 202
 Петрункевич И.И. I 64, 66, 191, 192, 195, 198, 202
 Петрункевичи I 190, 191
 Пешехонов А.В. I 169
 Пешков (Свердлов) Зиновий I 6, 466, 498; II 417, 448, 462
 Пикабия, художник I 358
 Пикассо Пабло I 344, 357, 359; II 195, 311, 322, 323, 379, 433
 Пикельный Роберт II 447
 Пикон Мали I 402
 Пильняк Борис I 152
 Пильский П.М. I 234, 245, 373, 386, 453; II 68, 91
 Пинаев С. I 161
 Пинкус Лазарь I 47, 58
 Пио-Ульский Г.Н. II 225, 230
 Пискатор Луи I 392; II 74
 Питоев Жорж I 154; II 155

- Питоева Людмила II 155
 Пишон, фр. министр I 191
 Плакс Альберт II 462
 Платек Я. II 401
 Платон II 223, 439
 Платонов Андрей I 96, 99
 Платонов С.Ф. II 290, 294, 367
 Платтен Ф. II 188
 Плевицкая Надежда II 445
 Плескофф Изабель I 336
 Плеханов Г.В. II 112
 Плещеев А. II 337
 Плоткин Евгений I 448
 По Эдгар I 29; II 296
 Повнер С.В. I 156
 Поволоцкий Яков II 99, 100, 103
 Познанская (урожд. Ройтман) Роза I 249-252
 Познер Владимир II 206
 Полак Эммануэль II 431
 Полевой В.М. II 193, 195
 Поливанов А. II 16
 Полнер Т.И. II 168, 184
 Полонская Е. II 187
 Полонская (урожд. Ландау) Л.А. I 226, 229, 233, 236-238, 245; II 64
 Полонский Александр (Ляля) I 226, 227, 229, 233, 235-237
 Полонский Я.Б. I 185, 207-210, 212, 217, 225-227, 229, 232, 233, 236, 237, 245; II 102
 Поль В.И. II 166, 182
 Поляк Женья I 236
 Поляк Л.С. I 227, 232, 236, 239, 245
 Поляк Лиза I 236
 Поляки I 236
 Поляков А.А. I 15-17, 23, 27, 65, 211, 212, 214, 217, 218, 228, 234, 245, 454; II 170, 180, 185
 Поляков А.Л. II 240
 Поляков Борис I 403
 Поляков В.А. I 156
 Поляков Самуил II 430, 431
 Поляков Сергей II 434
 Поляков-Карпинский I 62, 63
 Поляков-Литовцев (Поляков, Литвак) Соломон I 151-153, 155-157, 159, 210-212, 230, 245
 Поляков С.Г. I 245
 Поляков С.С. I 254
 Поляков Ю. I 99
 Полякова А.М. I 23
 Поляковы I 451; II 93
 Померанцев Кирилл I 122, 124-130, 172, 173
 Помпиду Жорж II 315
 Помяновский Е. I 99
 Понтекорво Бруно II 282
 Поплавский Борис I 126, 135; II 88
 Попов I 213
 Попов А.С. II 231
 Попов Игорь I 470
 Попов Олег II 319, 322
 Попова Л. I 368
 Попова Наталья I 470
 Поппер К. II 131
 Португейс С.О. – см. Иванович Ст.
 Потемкин Г.А. I 371
 Потемкин П.П. II 336
 Потресов А.Н. II 44
 Праджаннад Свами I 176
 Прат Нафтали II 417, 454
 Прегель Борис I 274, 277; II 234
 Прегель София I 125, 127, 163, 207; II 64
 Прентам Ивона II 155
 Преображенская О. II 345, 347, 364
 Пресс И.И. II 448
 Привес Моше I 276, 277
 Присман Вера I 133, 134
 Присман Елизавета I 133, 134, 140
 Присман Регина I 133
 Присман Симон I 133
 Присман Софья I 134
 Присманова Анна I 101, 122, 126, 127, 131-146, 163, 169; II 446
 Прицькина Татьяна II 139, 453
 Прищепа В.И. I 300
 Прокопович С.Н. I 197, 203, 244, 245; II 286, 292, 293
 Прокофьев Сергей II 395-397, 400
 Прокофьев-Северский А.Н. II 225

- Протазанов Яков II 381
 Прохоров А. II 282
 Пруст Марсель I 150, 205, 412; II 288, 330-333, 432,
 Пуни Иван II 447
 Пурин Алексей II 138
 Путерман (Путер) И.Е. II 202-210
 Путилов А.И. I 61
 Пушкин А.С. I 124, 132, 143, 170, 421; II 100, 208-210, 249, 296, 297, 300, 319, 320, 322, 326, 374, 381, 437, 449, 451, 453
 Пыжова О.И. I 373
 Пьерр Андре I 155
 Пьетри Камил II 231
 Пяст Вл. I 173
 Пятницкий Осип (Иосиф) II 39
Рабин Ицхак II 326
 Рабинков Арон I 440
 Рабинович Бенжу (Бенн) I 65, 164
 Рабинович (Раич) Евгений I 433
 Рабинович Е.И. II 229
 Рабинович Я.Б. I 464, 465
 Рабиновичи I 349
 Равель Морис II 397, 405
 Радек К. II 188
 Радзивиллы II 370
 Разгон Александр II 122
 Раев М.И. I 227, 238, 405, 410; II 59, 131, 140, 293, 417, 420
 Раевский Г. I 122, 123, 126, 127
 Райс Эммануил I 126
 Райкин Аркадий II 319
 Рамба А. II 153
 Рамбам I 287, 412
 Рамбер Мари I 452; II 462
 Рамбоузек Йозеф II 390, 391
 Рапкин Луи II 211-224
 Рапкины II 213, 214, 219
 Расин Жан II 48
 Ратнер Е.В. I 217, 228, 237, 246; II 228, 234
 Ратнер Юлия I 445
 Рафаилов В.Г. II 228, 232
 Рахманинов С.В. II 156, 166; 392, 393, 403
 Рахмилевич М. I 447
 Рац Иосиф I 472
 Редклиф Дельме I 44
 Редько К.Н. I 499; II 196
 Резерфорд Эрнест I 437; II 215
 Рейнгартт Макс II 74
 Рейнике К. II 393
 Рейтблат А.И. II 96
 Реканати Авраам I 48, 49
 Рембо Артюр II 314, 315
 Рембрандт Х. ван Р. I 359, 366
 Ремез Б. II 415, 443
 Ремизов А.М. I 134, 152, 153, 162, 163, 172, 182, 184; II 130, 166, 389
 Ремизовы I 227
 Ренан Эрнест I 150, 205
 Ренар (в зам. Фотинская) Лиан II 194, 195, 197, 199, 200, 202
 Ренуар Жан I 5, 356
 Репин И.Е. I 61; II 166
 Репина В.И. II 166, 182
 Рерих Николай I 163, 166, 173-175, 499; II 331, 404, 412
 Рерихи I 174
 Риве Альбер I 115
 Ривера Диего I 358; II 195
 Ривкин Михаил II 442
 Рильке Э.-М. I 453
 Римская-Корсакова Н.Н. II 408
 Римский-Корсаков А.Н. II 408
 Римский-Корсаков Н.А. II 156, 393, 403-409, 412
 Рипс Э. I 447
 Риччи Робер II 331
 Рише Шарль I 305
 Роббиате Паоло А. ди II 162
 Робель Леон II 428
 Рогалина Н. I 241
 Рогачевский А.Б. I 207, 450, 451, 498; II 417, 422
 Рогинский А.Б. II 130
 Рогинский Б. II 179
 Род А. II 65
 Родзянко М.В. I 232, 246
 Роден Огюст I 358
 Родченко В. II 166, 179
 Рождественский Геннадий I 182; II 99, 100

- Розанов Василий I 169, 170, 175
 Розанов Саша I 403
 Розанова О. I 368
 Розенберг (в зам. Вайнберг) Сима I 322
 Розенберг Софи I 326, 331, 335
 Розенталь Леонард I 255, 258, 459-461; II 116, 179
 Розенфельд Белла I 337
 Розенфельд М.И. II 229, 230, 232, 235
 Розов Даниэль II 148, 149
 Розов И.А. II 123, 142, 147
 Розов Р.А. II 146-149, 152, 153
 Розов Самуил II 153
 Розова Ривка II 147
 Розова Эстер II 147
 Розовы II 148, 153
 Розовская Татьяна I 440
 Розэнблум Арон II 351
 Ройтман Айзик I 249-251
 Ройтман Рахиль I 249
 Ройтман Соломон I 249
 Роках Израэль II 149, 153
 Роллан Ромен I 150, 153; II 60
 Романов Б.Г. II 156, 336
 Романов Михаил, вел. кн. II 194
 Романова В. II 455
 Романовы II 251
 Ромен Жюль I 151, 152, 375
 Рославлева Н.П. II 330, 343, 345
 Росс, художник I 268
 Россини Джоаккино II 248
 Ростовцев М.И. I 165, 192, 202; II 367
 Ротбаум Яков I 402; II 356
 Роттердамский Эразм I 497
 Ротшильд Анри (Генрих), бар. I 255, 275
 Ротшильд Ги де, бар. I 260
 Ротшильд Робер, бар. I 255, 258
 Ротшильд Ст्राус, бар. I 334
 Ротшильд Эдмон, бар. де I 45, 51, 255, 459, 461
 Ротшильды, бар. I 255, 332
 Ротштейн Арон (Артур) I 67, 86-89
 Ротштейны, родители I 86, 87
 Ротштейн (Фишова) Эсфирь I 67, 86, 87
 Ру Эмиль II 261
 Рубакин А. I 302
 Рубанова И. I 99
 Рубах Луи, м-м I 260
 Рубенштейн Дж. II 185
 Рубина Дина I 413
 Рубинский И.А. II 225
 Рубинштейн Антон II 376
 Рубинштейн Ида II 347, 370
 Рубинштейн Я.Л. I 210, 214, 246; II 168, 183
 Руднев В.В. I 191, 202, 210, 217, 228, 246; II 116
 Руднев Е.П. II 229, 235
 Руднева В.И. I 230, 246
 Рузвельт Франклин I 436
 Руманов А.В. I 10, 61-66, 127, 147, 162-176, 215, 246, 499
 Руманов Бениамин I 167, 174
 Руманов Д.А. I 65, 162, 165, 167, 170-173, 175; II 460
 Руманов М.В. I 170, 175
 Руманова (урожд. Штембер) Е.(Ж.).Л. I 64-66, 170, 173-175
 Руманова (урожд. Кальварская) Г.М. I 167, 171, 175
 Руманова (урожд. Цинн) Л.Е. I 127, 167, 169, 175
 Румановы I 66, 169, 173, 174
 Русланова Л.А. II 445
 Руссель Альбер II 397, 400
 Руставели Шота I 392; II 101
 Рутенберг П.М. I 234, 246; II 123
 Рууд Ч. I 173
 Рыбак Иссахар I 156; II 447
 Рыбаков И.Г. I 356
 Рысс П.Я. I 110, 111, 119
 Рябушинская Татьяна II 370, 446
 Рябушинский Д.П. II 225, 231, 238
 Рязанов Э. I 314
Саакянц А.А. II 466
 Саблин Е.В. I 237, 239, 246
 Савенко Светлана II 377, 378, 467
 Савинков Б.В. I 191, 196, 202, 381, 382; II 66

- Савинов А.Н. II 179
 Савицкая Э. I 99
 Савицкий Д. II 95
 Савич А.Я. II 194, 195, 197, 201, 203, 207-210
 Савич О.Г. II 201, 206-208, 210
 Савич Я.И. I 196, 203
 Савич-Бернацкая О.М. I 196, 203
 Савичи II 201, 202, 206
 Садовень Е. II 409
 Салакру А. I 377
 Салах-ад-дин I 412
 Салтыков-Щедрин М.Е. I 37; II 249
 Сальвини Томмазо I 22, 29
 Сальмон, поэт I 359
 Самарин Юрий II 286, 293
 Самчук У. I 153
 Сандрап Блез I 359, 360; II 308-312, 314
 Сарате Ортис де I 358
 Сарач Б.М. I 185, 208-210, 212, 213, 216, 218, 220, 224, 246, 271, 312
 Сати Эрик II 397
 Сауль В. II 413
 Сафро Марк I 439
 Сахаров А., танцовщик II 347
 Сахаров А.Д. I 493; II 282, 443
 Сватиков С.Г. I 234, 246; II 456
 Свенсон Глория II 312
 Свентоховский А. I 64, 66
 Свенцицкий, проф. II 362
 Святополк-Мирский Д.П. II 206, 208, 389, 453
 Севастьянов В.И. I 298, 300
 Северюхин Д.Я. I 329, 339, 342; II 179, 180, 190, 192, 305, 332
 Северянин Игорь (Лотарев И.В.) I 142, 234
 Сегал Дмитрий II 131, 134
 Сегюр, м-м II 363
 Седых Андрей (Цвибак Яков) I 212, 213, 217, 241, 248; II 62, 170, 185
 Сезанн Поль I 349, 360
 Секретев П.И. II 228, 230
 Селин Л. I 392
 Семевский М.И. II 137
 Семенов Ю.Ф. I 210, 215, 246; II 293
 Семенов-Тянь-Шанский Леонид I 168
 Семенова-Тянь-Шанская В.Д. I 173
 Сенкевич Генрик II 363
 Сеновер Этьен I 149
 Сен-Санс Камиль II 248
 Сервантес С.-М. I 149
 Сергеев П.С. II 228
 Сергей Михайлович, вел. кн. II 72
 Серебряков А.Б. II 165, 166
 Серебряков (Зильберман) А. I 88
 Серебрякова Зинаида I 162, 164; II 166
 Сергеевич В.Л. I 175
 Серков А.И. II 92, 94, 96, 241, 343
 Серман И.З. I 240; II 44
 Серов Александр I 373
 Серов А.Н. I 370, 371, 385; II 404
 Серов Г.В. I 369-377, 386
 Серов Валентин I 370, 371, 376; II 466
 Серов С.М. II 446
 Серова В.А. I 370, 373
 Серова В.С. I 371, 385
 Серова Г.В. I 386
 Серова Софья I 371
 Серовы I 370, 371, 373, 376
 Сиборг Г. II 268
 Сигалов Андрей II 442
 Сигаль Лоранс I 335
 Сикорский И.И. II 225
 Силадьи А. I 99
 Сильдкрот Боря I 83
 Симон И. I 311
 Симонов Константин I 170
 Симонович А.С. I 371
 Симонович М. II 466
 Симонович Я.М. I 371
 Симоновичи I 371
 Сингаевский Н.Н. II 348
 Сингаловский А.З. (Ченстоховер Арон) I 254, 255, 257-260, 264, 267-270
 Синьяк, художник II 195
 Синяевская М.В. II 110
 Сирин В.В. – см. Набоков В.В.

- Систер Юлия I 9, 67, 68, 78, 285, 313, 318, 431, 435, 440, 442, 498; II 259, 264, 415, 425, 467
- Скалдин А. I 497
- Скоморовская Роза II 244
- Скоморовские II 244
- Скоморовский Б.А. II 242, 244
- Скотт Вальтер I 57
- Скрябин А.Н. I 205; II 383, 393, 395
- Скрябина А. I 121
- Слиозберг Г.Б. I 267; II 122, 143, 144, 149, 231
- Слободская Ода (Карено Одали) I 452
- Слободской Александр I 452
- Словацкий Ю. I 372, 378
- Слонимский Николас II 386, 394
- Слонимский Х.З. I 302
- Слуцкая I 230
- Слуцкий Борис I 419
- Смелянский Анатолий II 131, 137
- Смехов Зелий II 439
- Смирнова Елена II 336
- Смирнов-Осташвили I 419
- Смоленский Вл. I 126, 127, 135, 163; II 335
- Сморгунер, адвокат II 10
- Собинов Леонид II 404, 406
- Соболев Димитрий I 164, 172
- Соболев Л. I 314
- Соболев Ю.В. I 373, 386
- Соге Анри II 156
- Сойфер Юрий I 368
- Соколов А. II 38
- Соколова, балерина II 364, 365
- Солженицын А.И. I 100, 394, 451; II 107, 130, 180, 429, 443
- Соловейчик С.М. I 214, 217, 247, 256; II 145
- Соловейчики I 230
- Соловьев В.С. I 186, 427
- Соловьева И. I 456
- Сологуб Федор II 427
- Соломоник Абрам I 450
- Сомина В.В. I 369, 370, 499
- Сомов Константин I 124
- Сонин В. II 228
- Сорин Н.(И.)В. I 61, 65, 66; II 150-153
- Сорин С.А. I 325, 341-353
- Соркина Рая II 433, 434
- Сорокер Я.Л. II 401, 417
- Сорокина М. I 271, 455, 459, 460; II 89-92, 96, 116
- Сорос II 133
- Сосинский Бронислав I 134, 146
- Соскин Яков II 311
- Софиев Юрий I 121, 122, 138
- Софир (урожд. Хинкис) Рая I 69
- Софокл II 438
- Спасович В.Д. I 186
- Спектор Ш. I 277
- Спесивцева Ольга II 343, 344, 346, 347
- Спиноза Барух II 144, 211, 212, 223, 224
- Спиридонова А. II 184
- Средников И.И. II 178
- Ставицкий П.П. II 228
- Ставров Перикл I 126, 127
- Ставров С. I 444
- Ставский Авраам I 48, 59
- Сталин I 94, 155, 298, 427, 454; II 9, 116, 126, 198, 207, 209, 282, 416
- Станиславский К.С. I 117, 341, 372, 374, 379, 381, 385-387, 390, 392, 394, 395; II 330
- Станюкович Н. I 122
- Старостин Е.В. I 270, 277
- Стасов В.В. I 371
- Шташевский, полковник II 10
- Стеккетти Лоренцо (Гуэррини Олиндо) I 22, 29
- Стемацкий, издатель I 60
- Степанов I 210, 224
- Степанова, актриса I 250
- Степанова В. I 368
- Степанский А. I 207
- Стерн Яков I 83
- Столбин М. I 351
- Столетов А.Г. II 231
- Столович Леонид I 396
- Столыпин П.А. II 291
- Стоюнина М.Н. I 327, 328
- Стравинская А.К. II 379, 380, 389
- Стравинская Е. I 352

- Стравинская Е.Г. II 389
 Стравинская Людмила II 389
 Стравинский Игорь I 349, 352; II 156, 165, 181, 311, 314, 379-389, 393, 394, 396, 397, 399, 405, 409, 410, 467
 Стравинские II 380
 Страдынь Я.П. II 271, 272
 Стрелков Д.К. II 228
 Стрепетова, актриса II 72
 Стриндберг Август I 372, 385
 Стричек Алексей, о. II 100, 104, 108
 Струве Г. П. I 125; II 293
 Струве М.А. I 5, 164, 173, 215, 247
 Струве Н.А. I 271, 277, 471; II 87-90, 92, 93, 95, 96, 98, 417
 Струве П.Б. I 121, 165, 247; II 284-286, 289, 292, 293
 Ступницкий А.Ф. I 212, 217, 238, 247; II 184
 Суварин Борис I 96; II 180
 Сувчинский П.П. II 386, 389
 Судейкин С.Ю. I 343, 345-348, 350-352; II 381
 Судейкина (ур. Боссе де, позже — Стравинская) Вера I 343, 346, 349, 351, 352; II 381, 382, 385, 386
 Судейкина Джин I 345
 Судейкины I 351
 Судьбинин С. I 349, 353
 Сукин, министр II 115
 Сулержицкий Л.А. I 378
 Сумский-Каплун С.Г. I 213, 247
 Суперфин Г. II 89-92, 96
 Супо Филипп II 311, 314
 Сургучев И.Д. I 374, 382
 Сутин Хаим I 347, 356-359, 361-364, 366, 367, 471; II 25
 Сухарев (Сахаров) Д.А. II 193, 194, 197
 Сухарева И.В. II 193, 197
 Сухомлинов В. II 11
 Сушкевич Б.М. I 378
 Сфард Давид II 50, 53
 Сыркин Нахман II 114
 Сытин Иван I 166, 168, 172, 173; II 9
 Сэнт-Пьер Л. I 111
 Сюрваж I 358
Тадмор X. I 447
 Тайфер Жермен II 400
 Тамир Юли I 431
 Таммуз Биньямин II 443
 Танеев С. II 392, 393
 Таня — см. Алданова (урожд. Зайцева) Т.М.
 Тарасова Алла I 250, 456
 Тардые Жан II 428
 Тарновский Л. II 227
 Тартак И. I 262, 271
 Тартаковский Е. I 442
 Татищев Н. I 127
 Татьяна Марковна — см. Алданова (урожд. Зайцева) Т.М.
 Татьяна Павловна — сотрудница «Последних новостей» I 211, 223
 Татю II 102
 Таубер Екатерина I 5, 142, 145
 Таубер-Арп Софи II 313
 Твен Марк II 363
 Тверский Яков I 180
 Тейлор Димс II 400
 Тейтель Я.Л. I 46, 267
 Телицын В.Л. I 7, 240, 244, 462; II 73, 259, 284, 294, 415, 424, 467
 Теляковский В.А. II 404
 Темкин В. I 267, 269; II 116, 122
 Темкин Зиновий I 47, 58; II 150, 153
 Теплицкий А.В. I 462
 Теплицкий Л.Д. I 462
 Терапиано Юрий I 121-123, 126-130, 135
 Терешкович К.А. II 340
 Тереза (Тамара) Евгеньевна — см. Жаботинская Т.Е.
 Терк Генрих II 306
 Термен II 384
 Тернизыен (урожд. Иванова) Габриэль II 366, 368
 Тескова Анна II 203
 Тесленко Н.В. II 172, 186
 Тетгау, барон фон II 13
 Тибери Жан I 450
 Тибон Нанон II 348

- Тидхар Д. II 147
 Тименчик Р.Д. II 131
 Тимошенко С.П. II 225
 Тинин И. II 453
 Тиссье Анри I 310
 Титов А.А. II 230, 231
 Тихомиров К.И. I 165
 Тихонов А.Н. II 332, 339-341
 Тихонов Николай I 141
 Тихонова Нина II 330-333, 336, 337, 339-343, 346
 Тихоновы II 336
 Тобиас Генри II 39, 41
 Толковский Шмуэль II 147
 Толмачев М. II 375
 Толстой Алексей I 152, 453; II 337
 Толстой А.К. II 126
 Толстой И.И. I 169, 173, 175
 Толстой И.Н. II 90, 94, 96, 99, 100, 109
 Толстой Л.Н. I 20, 26, 150, 155, 241, 267, 271, 391; II 126, 168, 184, 246, 288, 297, 436
 Томашевский Борис II 353
 Топиоль Ф. II 255
 Торпусман Абрам I 405, 429; II 421, 443
 Торпусман Рахель I 405, 428; II 435, 437, 439, 440
 Торрес Анри II 122
 Тосканини А. II 413, 414
 Тоскано Поль I 403
 ТрEDIAковский В.К. I 5
 Тривус М.Л. I 186
 Трикоза Е.В. II 228
 Триоле Эльза I 152; II 76, 102, 312
 Трифонов Эдуард I 432, 439
 Тронская М. – см. Гурфинкель М.Л.
 Тронский Й.М. I 388, 395
 Тропли, иммунолог I 305
 Троцкий И. I 270, 271, 277
 Троцкий Л.Д. I 43, 152, 203, 231; II 9, 59, 116, 127, 128, 147
 Трубецкой Ю. I 123
 Трумпельдор Иосиф I 31, 35, 44, 56, 58
 Трумэн Гарри I 436
 Трущенко Е.Ф. I 154
 Тувим Юлиан II 374
 Тугендхольд Я.А. II 173, 180, 188
 Туманова Тамара II 370
 Тумерман Лев I 439
 Тургенев И.С. I 92, 152, 183; II 208, 243, 245-250, 453
 Турков А. I 173
 Туроверов Н. I 121
 Туровская Майя I 94, 99
 Турьян Я. I 445
 Тутковский I 215
 Тцара Тристан (Розеншток Сами) II 311-314, 316
 Тынянов Ю.Н. II 207
 Тыркова-Вильямс А.В. I 212, 241, 247
 Тэн Ипполит II 247
 Тэффи (Лохвицкая) Н.А. I 18, 134, 162, 173, 182, 382; II 102, 166, 453
Уалид Вильям I 258, 267
 Угримов А.И. I 217, 247
 Удальцова Н. I 368
 Уде Вильгельм I 358; II 307
 Улльштейн, издатель II 74
 Улькина, м-м I 54
 Ульянов А.И. II 469
 Унковский В.Н. I 222, 247
 Уоллес Генри I 436
 Уральский А. I 380
 Урбах М. I 444
 Урбах Э. I 446
 Успенский Глеб I 371
 Усышкин М. II 145
 Ушаков Константин II 391
 Ушакова (в зам. Кусевицкая) Наталья II 391
 Ушакова, учительница II 364
 Уэллс Г.-Д. II 292, 460
Фаворский В.А. II 320, 323
 Фадеев А. II 126
 Фаерман, доктор I 278
 Фаина Осиповна II 62
 Файерман Абель I 397, 398, 400-404
 Файерман Женя I 369, 397-404
 Файерман Жозель I 397, 400, 404

- Файерман Лео I 398, 403, 404
 Файерман Моррис I 397, 398, 401
 Файерман Сильвиан I 400, 403, 404
 Файн Б. I 444
 Файн З.Н. II 226
 Файнберг А. I 345
 Фальк Гийом I 498
 Фальк Р.Р. II 447
 Фалькович Хаим II 147
 Фан-дер-Флит А.П. II 225
 Федер Айзик (Адольф) II 195
 Федер Жак I 471
 Федоровский Натан II 459
 Федотов Г.П. I 121, 247
 Федякин С.Р. I 203, 205
 Фейзаль, эмир II 115
 Фейфель Б. I 438
 Фельзен Юрий I 121; II 88
 Ферми Э. II 270, 273, 274, 277, 282
 Фет А.А. I 124, 419, 425
 Фигнер Вера I 145
 Фидлер И.И. II 233, 240
 Филд Э. II 93
 Филиппсон Поль II 256
 Финберг Э.-И. I 152
 Финисов П.Н. II 228, 235
 Финкельштейн Эйтан I 497
 Финкл Мойше II 351
 Фишер Ален I 402
 Фишер Арон II 251
 Фишер (Ариэль) Иосиф II 211, 251-258
 Фишер Леа I 402
 Фишер Лия II 253, 254, 257
 Фишер Э. I 445
 Фишер Эстер II 251
 Фишеры II 254
 Фишов Лев I 87, 88
 Фламарион Габриэль I 296
 Фламарион Камиль I 296
 Флег Эдмонд I 258, 275; II 253
 Флегон II 107
 Флейшман Лазарь I 432
 Флобер Гюстав II 247, 249, 293, 297, 402, 432
 Фок В.А. II 275
 Фокин М. I 342; II 364, 404, 407, 409, 412
 Фокина Вера II 365
 Фолкнер Уильям II 436
 Фонвизин Д.И. I 421
 Фондаминский (Фундаминский; псевд. Бунаков) И.И. I 121, 163, 211, 224, 234, 236, 247, 381, 382
 Фор Эли I 150
 Форе Габриель II 248
 Форостовская Е.П. II 100
 Фостер Л.А. I 161
 Фотинская Лиан – см. Ренар (по мужу Фотинская) Лиан
 Фотинские II 197
 Фотинский Серж (Айзеншер А.С.) II 192-202, 207
 Фрай В. II 221
 Фрайман Жерар I 402
 Франк Яков II 454
 Франко Б. I 419; II 70, 243, 293
 Франс Анатолий I 205; II 331, 332
 Франсуа Доктор – см. Бачкуринский Арон
 Фредерик Леон II 260
 Фредерикс В.Б., гр. I 182
 Фрезинский Борис I 454; II 141, 180, 185-190, 192, 468
 Френкель Л.В. I 260, 264, 265
 Френкель Леон I 330, 331, 333, 334, 338
 Френкель Сергей II 167, 183
 Френкель Я.И. II 275
 Френкли А.Я. II 141, 154, 157, 163
 Френкли Елена II 141, 154, 161, 162, 468
 Френкли (урожд. Тумаркина) Наталия II 154
 Фрессон Бернар I 384
 Фридман А.А. II 419
 Фриман Н.Л. II 228, 241
 Фриш Макс II 415, 435, 443
 Фриш Р. II 277
 Фромажо Жорж I 115
 Фруг Семен (Шим'он) I 36
 Фрумкин А.Н. II 264, 265
 Фрумкин Я.Г. I 247, 255, 267

- Фрумкины I 226, 230
 Фрумсон А.А. I 247, 248
 Фудзита (Фужита), художник I 358;
 II 195
 Фундаминский – см. Фондаминский
 Фурманов Д. II 190
 Фуртвенглер Вильгельм II 156
Хабой Алоис II 380
 Хавинсон Анна II 426, 461
 Хавкин Владимир I 301, 302, 311,
 317, 412, 433; II 4, 426
 Хаддад Арик II 328
 Хазан Владимир I 161, 271, 339,
 457, 458, 464-466, 468, 469; II
 96, 415, 449
 Хазан Кати II 431
 Хаин Белла II 243
 Хаин Л.С. II 243
 Хаимъ (псевд.) II 111
 Хайден Конрад II 221
 Хайнс Джером II 406
 Хайтнер Карла I 443
 Халатников И. II 282
 Ханжонков А.А. II 180
 Хареувени Н. II 468
 Харитон Б.О. II 62
 Харламов В.А. I 202
 Харув Дан I 4, 254, 312; II 4, 38,
 251, 425, 426, 457, 468
 Хаскина Г.В. I 175
 Хахам Я.М. I 84
 Хвольсон Д. II 419
 Хвольсон О. II 281
 Хворова, гимназия Хворовой II 366
 Хвостенко А. II 138
 Хвошинский Владимир I 171
 Х.Е. I 172
 Хейм Ж. II 312
 Хейфец И. I 453
 Хейфец Михаил I 5, 214, 448, 457;
 II 127, 420, 425
 Хейфец Яша II 156
 Хеладзе Я. II 101
 Хемингуэй Эрнст II 154, 436
 Хигрин(а) (по мужу Геллер) Женя I
 90, 93-96, 98, 99
 Хиллер Кароль I 293, 294
 Хиллер Ф. II 393
 Хиндемит Пауль II 400
 Хинкис Шура I 69
 Хиршберг И. I 445
 Хиршвайн Перец I 402
 Хлытчиев Я.М. II 225
 Хмара Г.М. I 369, 370, 377-385
 Ходасевич В.Ф. I 105, 118, 121, 125,
 133, 134, 137, 143-145, 187, 411,
 419, 496; II 76, 101, 102, 130, 169
 Ходорковский Ю. I 334
 Холбан Борис I 84
 Хольвэт, барон II 256
 Хопкинс Фредерик II 215, 216
 Хофман Роальд I 433; II 418, 426
 Хохлов, издатель II 83
 Хош Люба – см. Бачкуринская
 (Хош) Люба
 Хош Матус I 79
 Хош Песя I 79
 Хрушев Н.С. II 107, 185
 Хупперт Д. I 444
Цадкин Осип I 358; II 195
 Цадок-Кан, доктор I 258, 274
 Цареградская-Альтмарк Э. I 446
 Цвейг Стефан I 151, 153, 375; II 167
 Цветаева Марина I 14, 133-135, 137-
 140, 143-145, 234, 372, 461; II
 67, 203-206, 360, 361, 389, 435,
 440, 441, 461, 466
 Цви Саббатай II 454
 Цвибак Я.М. – см. Седых Я.М.
 Цезарь Г.-Ю. I 427, 430
 Цемах Н. II 440
 Цемах Шломо II 48
 Церетели А.А., кн. II 403, 408, 409
 Цетлин М.О. I 121, 248; II 446
 Цетлин-Доминик Ангелина II 446
 Цетлина (Цетлин) М.С. I 248; II 446
 Цетлины I 212, 225; II 446
 Цивинский С. (Civis) I 19
 Цинберг Сергей I 39
 Циолковский К.Э. I 293
 Цион И.Ф. I 433
 Ционский В. I 444
 Цур Яков II 257
 Цынкова О. I 231, 248

- Цыперович Д.О. II 229, 234
 Цыпкевич Н.И. II 228, 229, 234, 235
Чайковский Н.В. I 191, 196, 202
 Чайковский П.И. I 452; II 362, 363, 390-393, 398, 401, 404, 411, 412
 Чалидзе II 130
 Чапский Юзеф I 96, 97
 Чебышев Н. I 386
 Чеквер Р. – см. Яссен И.
 Челищев П.Ф. II 342
 Чельшев Е.П. II 179
 Чемберлен Невилл II 209, 303
 Ченстоховер Арон – см. Сингаловский А.З.
 Червинская Лидия I 123, 207; II 89, 91-94
 Чериковер И.М. I 269
 Черкез В.А. I 76
 Черкесов Ю.Ю. II 181
 Черкесова (ур. Бенуа) А.А. II 165, 181
 Черниховский Шауль I 302
 Чернов В.М. II 60
 Черный Борис I 101, 102, 154, 450, 458, 465, 499
 Черный Саша (А.М.Гликберг) I 182, 495; II 75-85, 164, 167, 168, 183
 Чернышевский Н.Г. II 271
 Черняк А.Я. I 405, 431, 433, 435; II 5, 6, 15, 259, 273, 415, 421, 469
 Черняк Михаил II 455
 Черчилль Уинстон I 436; II 448
 Ческис С. I 444
 Чехов А.П. I 374, 383, 391, 392, 413; II 100, 249
 Чехов Михаил I 373, 374, 382, 386; II 440
 Чимишкян Вардан II 428
 Чиннов Игорь I 122, 123, 126
 Чириков Е.Н. I 103; II 166, 182
 Чистякова В. II 331
 Чичканов П. II 187
 Членов Б.А. I 275
 Чолокошвили М. I 343
 Чубинский П.П. II 228
 Чуваков В.Н. II 58, 67, 179, 241
 Чуковский К.И. I 58, 164, 172-174; II 302, 425, 458
 Чэдви́к II 276
 Чюрленис Микалоюс II 327
Шабшай (урожд. Авербах) М.Л. I 4, 7, 271, 325-340; II 430, 431, 458, 459
 Шагал (в зам. Meyer) Ида I 336-338
 Шагал Марк I 269, 330, 333-340, 344, 347, 348, 352, 358, 359, 471; II 25, 102, 186, 196, 221, 311, 322, 356, 432-434, 453
 Шазар З. II 328
 Шаинская Алла I 440
 Шайкевич Андрей (А.А.) I 212, 248; II 330, 332, 338-348
 Шайкевич Антон II 331
 Шайкевич А.Е. (Ашъ) II 331-346
 Шайкевич (урожд. Зубкова) Варвара II 331, 332, 338, 339, 341
 Шайкевич Е.Г. II 331-334, 346
 Шайкевич Г.Е. II 331, 333, 334
 Шайкевич Л.Б. II 333
 Шайкевич Мария II 330-333
 Шайкевич (Риччи) Раймонда II 331
 Шайкевич (урожд. Свешникова) В.Е. II 333
 Шайкевич Ф.Е. II 331, 333, 334
 Шайкевичи II 329-333, 340-342, 344-346
 Шаламов В.Т. I 96
 Шалит Соня II 380, 381, 388
 Шаляпин Ф.М. I 124, 155, 183, 250, 341, 342, 385, 452; II 76, 156, 341, 403-408, 410, 446
 Шаляпина Марина II 446
 Шаляпины II 406
 Шамир Ицхак II 319, 326-328
 Шамшин Т.А. II 234
 Шансерель Леон I 390, 392
 Шапиро Яков II 446
 Шар Рене II 428
 Шарден Ж.-Б. I 359
 Шарет Моше II 256
 Шарин Жером I 470
 Шарль-Ру Эдмонда II 448
 Шарон Ж. I 455

- Шарпак Андре I 384
 Шаршун, художник II 447
 Шатских Александра I 340
 кн. Шаховская Зинаида I 91
 Шаховской Д.М. II 179
 Шац Ц.А. II 230
 Шацман (урожд. Фишер Руфь) Рут I 390, 391, 393, 395, 396; II 251, 253, 257
 Шварц Морис I 402; II 355
 Шварц С.А. I 317
 Шварцбанд Самуил II 144
 Шварцбанд Самуил (Шалом) II 28, 114, 116, 120-122
 Шварцман М.С. I 274
 Шварцман София II 237
 Швейцер В. I 117, 120
 Шверубович В.В. I 250, 381, 387
 Швингер Джулиус II 273
 Швоб Марсель I 150
 Швыров, сотрудник «Последних новостей» I 213, 218, 248
 Шевалье Морис II 155
 Шевченко Фаина I 379
 Шейн Иосиф II 356
 Шейнис Л.И. II 128
 Шейхель, художник II 447
 Шекспир Вильям I 149, 383; II 223
 Шем Тов Баал II 454
 Шенберг Арнольд II 384, 385, 389
 Шённевьер Жорж I 152
 Шерешевский С.М. II 230
 Шерман Зинаида – *см.* Лемперт З.З.
 Шерман Зиновий I 181
 Шерон Жорж I 188
 Шерон, маршан I 360
 Шестов Л.И. I 152, 182, 205, 348; II 130, 167, 183, 203, 237, 389
 Шефтель А.М. II 228, 234
 Шефтель Я.М. I 266
 Шехтман Анатолий I 435
 Шехтман Иосиф I 35, 47, 54, 56, 58, 60
 Шиббер Эрик I 331, 333
 Шик Александр I 383, 387
 Шик Артур I 31-33, 35
 Шиллер И.-Ф. II 7, 449
 Шиллер, режис. II 374-376
 Шиловский Константин I 291, 292, 294
 Шимановский Кароль II 370
 Шиманская А. I 122
 Шингарев Александр II 178
 Шиндлер (список Шиндлера) II 221
 Ширак Жак I 449
 Шиф Владимир I 9
 Шифман Белла I 404
 Шифрин Ж. II 208
 Сихматов Л.М. I 372, 386
 Шишкин М. II 181
 Шкловская З.Д. II 84
 Шкловский А.И. I 256
 Шкловский Виктор I 134
 Школьник Людмила II 425
 Шкуро, генерал II 187
 Шлевин Биньямин I 402
 Шлецер Б.Ф. I 200, 205
 Шлецер Т.Ф. I 205
 Шляхов Э.Н. I 252, 285, 313-317; II 418, 426
 Шляхова Ц.М. I 316
 Шмайер П. II 41
 Шмелев И.С. I 134, 204; II 101, 102, 166, 293
 Шмид I 355
 Шмидт Йозеф I 250
 Шмидт-Рейтер II 307
 Шмидт С.О. I 450
 Шмитт Флоран II 397
 Шнеур Залман II 147
 Шницлер А. II 60
 Шолом-Алейхем I 269, 402; II 147, 356
 Шоник С.И. II 234
 Шопен Фридерик II 363, 370
 Шопенгауэр Артур II 387
 Шор Габн II 251, 252, 255, 257
 Шор Д.С. II 455
 Шор Н.Р. II 455
 Шор Юрий II 447
 Шостакович Д.Д. II 381
 Шпигельман Леон I 402
 Шполянский А.П. – *см.* Дон-Аминадо

- Шрагер Ф. – см. Острински-Шрагер Ф.
 Шрагина Л. I 446
 Шрир И. I 85
 Штейгер А.С., барон I 121-123
 Штейман М.О. II 411
 Штейман М.Т. II 411
 Штейн Леся II 442, 443
 Штейн М. II 48
 Штейнберг Аарон I 396, 409, 423
 Штембер Е.(Ж.)Л. – см. Руманова Е.(Ж.)Л.
 Штеренберг Д.П. II 178, 181, 190
 Штерн Елия (Елиас) II 306
 Штерн М. I 447
 Штернфельд Абрам I 287
 Штернфельд А.А. I 285-300, 494; II 49, 232, 319, 323, 328, 418
 Штернфельд Белла I 293
 Штернфельд Густава – см. Эрлих (в зам. Штернфельд) Густава
 Штернфельд Майя I 300; II 323
 Штернфельд (урожд. Раппапорт) Эстер I 287
 Штернфельд Франка I 293
 Штернфельды I 287, 294, 299
 Штильман Татьяна I 126
 Штрассман Ф. II 277
 Штраус Рихард II 383, 391
 Штрекер Вилли II 384
 Штром Е.Н. I 211, 223, 244, 248
 Штурман Дора II 417, 420
 Шуберт Б. II 233
 Шуберт Г. II 233
 Шульгин В.В. II 456
 Шульштейн Мойше I 402
 Шуман Клара II 248
 Шумихин Сергей II 131
 Шумов П.И. II 230
 Шухаев В.И. I 344, 347, 349, 352, 353, 499
 Шухаева В.Ф. I 352
Шеголев П.Е. II 137
 Щедрин – см. Салтыков-Щедрин М.Е.
 Щепкин М.С. I 385
 Щупак С. I 256
Эбра А. II 333
 Эддингтон Артур II 215
 Эдель Леон II 222
 Эдельштейн М.Б. I 251
 Эдельштейн-Ройтман Бэлла I 185, 249, 251, 252
 Эйкхейм Генри II 400
 Эйнбиндер Г. II 356
 Эйдельман, участник Сопротивления I 83
 Эйнштейн Альберт I 273, 274, 287, 412, 433, 437, 438; II 278, 279
 Эйхман Карл I 82
 Экстер Александра I 368
 Элиот Томас II 389
 Элла Эльзира I 151
 Эллис (Кобылянский) Л.Л. II 453
 Элсон Пнина I 443
 Элькан Анна (Нюта) I 101, 121-130
 Элькан Б.В. I 123
 Элькан М.В. I 124, 125
 Элькан, семья I 124
 Элькин Б.И. I 185, 207, 209, 225, 226, 228, 229, 232, 233, 235-238, 248
 Элькина А.А. I 226, 229, 232, 233, 236-238
 Элькины I 232
 Эльман Миша II 401
 Эльцин Б.М. II 128
 Эльцин В.Б. II 128
 Эльцин Иосиф II 128
 Эльцины II 128
 Эльяшевич В.Б. II 286
 Эльяшевич Д.А. II 113, 118, 120
 Эльяшевы I 227, 228, 233
 Эминэску Михаил II 352
 Энгельгардт Анна (в тексте ошибочно Александра) I 497
 Энгельгардт Анна, жена Гумилева II 375
 Энеску Джордж II 157
 Эно-Пельтри Робер I 296, 300
 Эренбург Б.Г. II 186
 Эренбург Г.Г. II 186
 Эренбург Е.Г. II 200
 Эренбург З.Г. II 188
 Эренбург И.З. II 187, 188, 190

- Эренбург И.Г. I 170, 408, 454; II 102, 141, 164, 173, 180, 181, 185-188, 190, 192-202, 206-210, 453, 468
- Эренбург И.И. II 195, 200, 202
- Эренбург Изабелла II 200
- Эренбург И.Л. (Климов) I 454; II 164, 171-180, 185-191
- Эренбург Л.Г. II 171, 186, 188
- Эренбург Лев II 187
- Эренбург-Козинцева Л.М. II 197, 199-203, 205, 207, 209, 210
- Эренбург-Маннати Наталья II 164, 171-173, 186, 187, 189-191
- Эренбурги II 185, 187, 188, 190, 201, 205, 206, 209
- Эрлих (в зам. Штернфельд) Густава I 292, 293, 297, 299, 300
- Эрнст Макс II 156, 221
- Эррио Эдуард I 257, 275
- Эсклангон Эрнст I 295
- Эстен Жискард д' II 281
- Эткин Л.Я. I 263
- Эткинд Ефим II 249, 417, 427-429, 436, 453
- Эттинген Е., баронесса II 311
- Эттингер Роза II 454
- Эттингер Шлойме II 350, 351
- Эттингер Шмуэль I 447; II 454, 456
- Эфрон Ариадна I 372
- Эфрон Сергей II 204, 389
- Эффель Жан II 195
- Юбельман** Э.И. II 230
- Югов – см. Фрумсон А.А.
- Юдин Г. II 414
- Юдин-Айзенштадт И. (Айзенштадт И.Л., псевд. И.Юдин, Ю.Дин) II 37
- Юниверг Леонид II 417, 439
- Юон К.Ф. II 320
- Юрнев П.П. II 228, 231
- Юрий, сын матери Марии I 211
- Юрий, племянник Присмановой Анны I 140
- Юркевич В.И. II 225, 228
- Юркун Ю. II 335
- Юрок Сол I 350
- Юрьевская Е.М., св. кн. (урожд. княжна Долгорукова) I 230, 248
- Юсупов Феликс, кн. I 382
- Юха Ю.С. I 331
- Юшкевич С.С. I 37-39, 101-120, 152-157, 450, 463, 465, 499
- Юшкевич Соломон I 115
- Юшкевичи I 110, 111
- Яблоков** Герман I 402
- Яблочкина А.А. I 456
- Яблочков П.Н. II 231
- Яворская Л.Б. I 61
- Ягода Генрих II 252
- Ядов О.И. II 228, 229
- Якир, доктор I 278
- Якир Эйнат II 425
- Якир Янкель II 425
- Якоби Шломо I 48, 59
- Якобсон В.(А.) I 389, 395
- Яков Александрович, брат жены Полонского Я.Б. I 236, 237
- Яков Львович – см. Рубинштейн Я.Л.
- Яковлев Александр I 344, 346-350, 352, 353, 499
- Яковлева (урожд. Киселева) Е.П. I 13, 61, 65, 147, 162, 173, 174, 499; II 152, 460
- Якубович-Мельшин П. I 25, 29
- Якулов Георгий II 379
- Янгиров Рашит I 455, 458, 463; II 131, 180
- Янку Карол II 352
- Яновский В.С. I 175, 207, 247, 248; II 88, 89, 93, 96, 101, 179
- Яновский С.Я. I 175
- Ярнах Филипп II 380
- Яснов М. II 183, 415, 429
- Яссен Ирина (Чеквер Р.) I 123, 127; II 63, 65
- Яфаров Н. II 227
- Яффе Лейб (Лев, Л.Б.) I 60; II 142
- Яхилевич Михаил II 443
- Adamovich** II 64
- Adler Jacob II 351
- Adloff J.-P. II 272
- Aldanov Mark I 204; II 64
- Alignan d' I 362

- Alperine A. I 332
 Alterman Nathan II 48
 Amphoux-Monod Jeanne II 246
 Anouilh II 48
 Apollinaire Guillaume I 150
 Apostol P. I 462
 Arjakovsky H. I 463
 Arcos René I 151, 152, 155, 157, 159, 160
 Astier d' II 199
 Averbukh Mark II 461
 Averbukh Sofya II 461
 Aubrun Ch.V. II 245
 Axenfeld Isroël II 353
 Bacherac II 64
 Bacicurinski François I 83
 Bacicurinski Liouba (femme de François) I 83
 Bacicurinski Liouba (soeur de François) I 83
 Bakhmeteff I 204, 206; II 59
 Bakounine T. I 214
 Bancic Olga I 83
 Bayley N. II 375
 Béjart Maurice II 348
 Ben Gourion David II 54, 463
 Benain A. I 462; II 44
 Benari Y. II 50
 Bénézit E. I 339, 355; II 181, 305, 313, 433
 Benoix Alexandre II 191
 Bérrar Ch.-J. II 342
 Berchin M. I 35
 Berl Brader II 350
 Berman Eugène II 331
 Bernheim André I 333
 Bernheim Marcel I 329, 339, 362
 Besredka A. I 312
 Bismuth Danièle I 283
 Blaska Felix II 314
 Bloch J.-R. I 150
 Boehm A. I 395
 Bonaparte I 159
 Botkine Vassili II 244
 Boudin E.L. II 432
 Boukara Philippe II 54, 463
 Bouvier de Cachar A. F. de II 433
 Bournac Olivier I 159
 Brachman B. II 41
 Bramson L. I 271
 Breton André II 311
 Breuillard S. I 457
 Brossat Alain II 44
 Brover (F.T.P.) I 83
 Bunim Sch. (Sh.) I 462; II 44
 Calmann-Lévy I 84, 99
 Carco Francis I 151
 Carré Louis II 313
 Carroni Georgette I 87
 Carvalho Renée I 339
 Cendrars Blaise I 151; II 311
 Chabchay Marie I 327, 336-339
 Chagal Marc I 333, 337, 340; II 434
 Chalidze (Publications) II 36
 Champion Edouard I 160
 Charpentier J. I 352
 Chennevière Georges I 150
 Clisci Joseph I 83
 Cocquenet G. II 434
 Cohen A. II 305
 Colin Marianne I 335, 339
 Copland A. II 398
 Cottin Mauris II 272
 Craft Robert II 389
 Crespelle J.-P. I 368
 Cukier Simon (Grant Alfred) II 50, 54
 Czerny Boris I 118; II 28
 Dahan Jacob I 327
 Damanskaia II 59, 61-63, 65
 Damase J. II 305, 314
 Dan Theodor II 45
 David Jonathan II 401
 Deceze Dominique II 54
 DeKay Kenneth II 401
 Delaunay-Terk (Stern) S. II 305, 307, 314
 Delaunay Robert II 305, 316
 Delteil Joseph II 311, 316
 Dennes M. I 461
 Desormots L. I 160
 Deutscher d'I. II 39
 Diamant David I 85; II 54
 Dion Rose-Marie II 54
 Djouadi M. II 434

- Dolovitz F. I 270
 Domerg René I 339
 Dosso Diana II 212, 217
 Dostoievski I 389, 396
 Doubnov Simon II 463
 Doumer P. II 32
 Dreyfus A. II 19, 23, 249
 Duhamel Georges I 150
 Dunoyer J.-M. I 368
 Dupuy Bernard II 54
 Durtain Luc I 150
 Dvorzecki M. II 48, 54
 Edel Leon II 223
 Ehrenbourg Ilya II 208
 Eidelman I 83
 Einbinder G. II 356
 El'kin Ms I 207
 Eminescu M. II 352
 Erez Yehouda II 54
 Ettinger Shloyme II 350
 Fargue L.-P. I 150
 Felshtinsky Yuri II 36
 Fentzer B. II 356
 Finberg E.-Y. I 152
 Finkel Moyshe II 351
 Fisher (Ariel) Joseph II 258
 Fouché Joseph I 151
 Francastel P. II 305, 316
 Frenkiel Léon I 330
 Fries-Orlowa II 166
 Garchine Vsevolod I 159
 Garine N.G. I 159
 Geisler W. I 300
 Gentily A.-M. II 258
 Gershom Scholem II 54
 Gin, жена Судейкина С.Ю. I 345
 Gleizes Albert I 150; II 311
 Gogol Nicolas I 395
 Goldstein Zakher II 351
 Golovine, general I 187
 Gondre — *см.* Pepin-Lehalleur —
 Gondre Odile
 Gontcharova N. II 343
 Gorki M. I 395
 Gottlober A.-B. II 350
 Gottschalk M. II 256
 Gourfinkel Nina I 393, 395, 396
 Gourg M. I 463
 Gousseff C. II 27
 Gouzévitch Dmitri I 2, 4 II 2, 4, 25
 Gouzévitch I. II 25
 Granoff Katia I 329, 339
 Green N. II 22, 23, 30, 42, 43, 353
 Grodner Isroël II 351
 Grojnowski Michel II 54
 Gruman (F.T.P.) I 83
 Guilbeaux Henri I 151
 Gurvic L. I 277
 Habasque G. II 305, 316
 Hablitz Karl I 371
 Haïssinsky M. II 272
 Halioua Bruno II 54
 Hall G.K. I 161
 Hazan Kathy II 431
 Haupt G. II 24, 464
 Haus B. II 25
 Heine Heinrich I 28
 Hella Alzir I 151, 159
 Hitler I 324
 Hochbaum Jacques II 49
 Holban Boris I 84
 Holde A. II 414
 Holvoet II 256
 Huisman Georges I 332, 339
 Hyman P. II 19, 23, 28, 30, 32
 Iancu Carol II 352
 Imdahl Max II 305
 Isabey J.-B. II 432
 Izvolsky Helen I 242
 Jabotinsky Zeev (V.) I 24, 33, 35, 52
 Jacob Odile II 273
 Jeffroykin Israël I 332
 Jouffroy Alain I 339
 Juskevic S. I 118
 Kahn Gustave I 159
 Kessel J.-E. I 157, 160, 161
 Kessler David II 351
 Kenneth DeKay II 401
 Kévonian D. II 27, 33
 Kikoïne Gerard I 354
 Kikoïne Michel I 363, 368
 Kikoïne Jacob (Yankel) I 367
 Kipling R. I 158
 Klarsfeld Serge I 85; II 262

- Klein, Dr II 111
 Klein-Gousseff C. I 20, 30-32; II 464
 Klinberg Sylvia II 44
 Klinger Y.Kh. II 353
 Koenig Pierre II 323
 Kohn, Mme I 348, 349
 Kohn, Mr I 348
 Kornhendler Yekhezkiel II 353, 354
 Koudacheva Marie I 153
 Kouprine A. I 152, 157, 160
 Koussevitzky Sergei II 401
 Kurski Franz (Kursky M.B.; наст.
 имя Коэн Шмуэль) II 42, 45
 Kyrou Ariel I 368
 Lafitte Jacques I 160, 161, 339
 Lagrange E. I 312
 Lagrange T. I 311
 Laloum Jean II 431
 Landau P. II 26
 Lanne J.-C. I 449
 Lapczinsky (Lapid) Ariel II 48, 54
 Larionov M. II 343
 Laurent Saint Pierre I 119
 Lazar Nicolas II 54
 Lazare Bernard II 322
 Lerner Boréa I 83
 Levaditi C. I 311
 Levi Liana II 54
 Levinsohn I.-B. II 350
 Lhote André II 311
 Liber Maurice I 332
 Lifar Serge II 337, 347
 Linetski Y.Y. II 350
 Lipyzin Keni II 351
 Lipschitz Jacques I 351, 352
 Lipsky L. I 395
 Loguine T. II 343
 Lorrain R.Claude I 237
 Losky Boris I 338
 Lourié Arthur II 401
 Lowy Michaël II 464
 Lvovitch D. I 271
 L.W., D-r I 277
 Lyman Darryl II 401
 Magat M. II 272
 Magnelli A. II 313
 Maïakovski V. I 160
 Malibran M. II 247
 Manger I. II 356
 Mann Thomas I 151
 Marcus C.-G. I 339
 Marie J.J. II 24
 Maritain Raïssa II 21
 Martinet Marcel I 151
 Mazour E. I 277
 Medem V. II 34, 35, 38-41
 Meiss L.-F. I 331
 Mendel H. II 22, 38, 39
 Mendele Mokher Sforim II 350
 Menegaldo Hélène I 463, 470
 Mercereau Alexandre I 150
 Meyer Ida – см. Шагал Ида
 Meyer Franz I 337
 Milberger Michel II 322-325
 Minkowski Eugène I 277, 332
 Mogulesko Sigmund II 351
 Monfreid Henri de I 158
 Mongault Henri I 160
 Monnet Jean II 246
 Morineau Théo I 150
 Morlay Gaby II 245
 Mozin Charles II 432
 Muhlstöck Saul II 223
 Nabokov V. II 90, 96
 Needham Dorothy II 216
 Needham Joseph II 216
 Neher-Bernheim I 333
 Néret Gilles I 368
 Neuman Adolphe I 335
 Nuk M.I. II 349
 Oberling Ch. I 311
 Ossorguine-Bakounine T. II 23, 180
 Ostrinski-Schrager F. II 49
 Paguis Tamara ("Marie") I 75
 Palaria Leova I 83
 Paolieri Ferdinando I 119
 Pary Jeullette I 388
 Parkhomovsky Mikhail I 2, 4; II 2, 4
 Paul I II 294
 Pellepoix D. de II 104
 Pepin-Lehalleur – Gondre Odile I 149,
 498
 Perin Georges I 151
 Perlis V. II 396, 398

- Pestre Dominique **II** 212
 Peti Roland **II** 348
 Philipson P. **II** 256
 Piatnitsky O. **II** 40
 Pierre A. **I** 155, 160
 Pleskoff Isabel **I** 336
 Polack Emmanuelle **II** 431
 Poliakov Serge **II** 434
 Poliakov-Litovcev (Poliakov) Salomon **I** 151, 155, 157, 160
 Pomains Jules **I** 151
 Portnoy S.A. **II** 34
 Pouchkine **II** 208
 Pougatch J. **I** 388
 Poussin **II** 305
 Pouterman J.-E. **II** 208, 209
 Povolozky J. **I** 159; **II** 99
 Prokofiev Sergei **II** 397
 Proust Marsel **II** 330
 Rajsfus Maurice **II** 54
 Rapkine Louis **II** 212, 214, 216, 222, 223
 Ratner O. **I** 277
 Remizof (Remizov) Alexei **I** 152, 160
 René Denis **II** 314, 316
 Rider G. **II** 306
 Rischin R. **I** 463
 Robbins Jérôme **II** 348
 Robinson H. **II** 397
 Roblin M. **II** 31
 Romaines Jules **I** 151
 Rosenberg Sophie **I** 331, 335, 340
 Rosenblum Aaron **II** 351
 Rosenthal L. **I** 271
 Rosrand Edmond **II** 348
 Rossif Frederic **I** 158
 Rouveyre **I** 153
 Rotbaum Jacob **II** 356
 Roth Cecil **II** 258
 Rothschild Alain de **I** 332
 Rothschild Strauss **I** 334
 Sacher Paul **II** 389
 Saint Simon F. de **II** 433
 Salmon André **I** 150
 Samtchouk Oulas **I** 160
 Sapir Boris **II** 45
 Saratch **I** 271, 312
 Schatzman Ruth **I** 395; **II** 258
 Schaikevitch André **II** 332, 337, 338, 347, 348
 Scheikevitch Antoine **II** 330
 Scheikevitch Marie **II** 330
 Schechtman I. **I** 35
 Schechtman J. **II** 50
 Schieber Eric **I** 331
 Schonberg Horalid **II** 401
 Schrager F. **II** 54
 Schwab Raymond **I** 151
 Schwartz Isaïe **I** 332
 Schwartz Maurice **II** 355
 Schwartzband **II** 28
 Shatoff M. **II** 113
 Senn A.E. **II** 180
 Sereville E. de **II** 433
 Sfd K. **I** 119
 Shabchai M. – *с.м.* Chabchay
 Shapiro L. **I** 270, 271
 Sigal Laurence **I** 335
 Sildcrot Boréa **I** 83
 Singalovsky A. **I** 272
 Slonimsky Nicolas **II** 394
 Smith Moses **II** 392, 395, 398, 400
 Soifer Alexander **I** 368
 Sorin N. **II** 150
 Sorkine Raya (Raya-Sorkine) **II** 433
 Soupault Philippe **II** 311
 Spessivtseva Olga **II** 347
 Staline **I** 324
 Stanely Sadie **II** 401
 Stanislavsky Constantin **I** 395
 Stern Jacques **I** 83
 Sternfeld A. **I** 300
 Strawinsky **II** 348
 Stravinsky Igor **II** 389
 Stravinsky Vera **II** 389
 Struvé Gleb **II** 375
 Struvé N. **II** 96
 Suchecky B. **II** 39
 Szajkowski Zoca **II** 54
 Szmajer P. **II** 42
 Sztternfeld A. **II** 49
 Taeuber-Arp Sophie **II** 313
 Taine Hippolyte **II** 247
 Tatu Michel **II** 98

Tchaikovsky II 348
 Tchekhov II 249
 Tcherikower Elias II 54
 Tchernoff J. II 43
 Tiomkine Sinovy II 150
 Tobias H. J. II 35, 39-41
 Tolstoi I 395
 Toumanova Tamara II 348
 Tourguéniev Ivan II 247, 249, 250
 Triolet Elsa I 160
 Tzara Tristan II 311
 Tuck D. II 270
 Uhde Wilhelm II 307
 Vanier L. I 159
 Vaudoyer J.-L. II 338
 Vel'min A. I 206
 Vernadsky Ms I 214
 Viardot P. II 247
 Vigée Claude II 319, 322
 Vildrac Charles I 150
 Vinaver Maxim I 187, 200
 Vinaver Rosa I 188
 Vivier Robert I 152, 160
 Vrinat R. I 339
 Wagman A. II 324
 Web M. II 45
 Weill C. I 462; II 25, 36, 463
 Weill Julien I 332
 Weinberg David II 19
 Weinberg Z. I 324
 Weinstock N. II 42, 44
 Werth Léon I 150
 Winaver H.M. I 188
 Worms II 201
 Wulman L. I 277
 Wysocka Tacjana II 373, 375, 376
 Zbarzher Wolf II 350
 Zemach Schlomo II 48
 Zingers Broder II 350
 Zviguilsky A. II 244
 Zweig Stéfan I 151, 159
 Zylbercweig Zalman II 349
 Zytnicki C. I 462; II 21
 Yuschkévitch Siméon I 154, 160
 Yoffe A.B. II 54

RÉSUMÉS EN FRANÇAIS*

Histoire

Le général russe d'origine juive en France. A.Cherniak. Officier de combat, puis théoricien et historien militaire, le général M.V.Groulev a émigré en France en 1912 et a vécu à Nice plus de 30 ans. De tout ce qu'il a écrit en France son livre "Notes du général Juif" (1929) où il décrit sa vie en bourg juif et puis sa carrière militaire représente le plus grand intérêt. 1 ill. 32 notes. – 6-17.

Les juifs russes en France: évolution et importance numérique de la communauté (1900–1939). C.Gousseff. D'abord la France servait de terre de transit aux émigrants juifs qui se rendaient en Angleterre. Plus tard Paris est devenu l'un des centres de la diaspora judéo-russe. En 1911, le nombre de juifs russes vivant en France a atteint 35 000. Dans l'entre-deux-guerres des émigrés polonais sont devenus majoritaires. 1 ill., 43 notes. 18-33.

Le Bund à Paris (1898–1940). C.Weil. L'article porte sur les membres du Bund et sur leur activité après l'émigration de la Russie tsariste et post-révolutionnaire. Jusqu'en 1917, le Comité directeur du Bund a son siège à Genève. Quant à Paris, ses représentants y apparaissent en 1900. Des alliances du Bund avec les bolcheviks ont modifié les organisations de ce parti à l'étranger et de nombreux groupes d'assistance qu'il comprenait. L'auteur analyse les relations difficiles du Bund avec les anarchistes, les menchéviks et d'autres partis politiques. 65 notes. – 34-45.

L'activité politique des étudiants juifs d'Europe de l'Est à Nancy. Ph.Boukara. Avant la deuxième guerre mondiale, l'Association des étudiants juifs étrangers à Nancy comptait 1 200–1 300 membres alors que l'Institut colonial et agricole même a reçu le nom de "La Réunion européenne des étudiants sionistes". L'auteur décrit les organisations d'étudiants juifs et évoque les souvenirs d'un de leurs leaders. 1 ill., 18 notes, 14 sources. – 46-54.

Littérature

Augousta Damanskaia: les années d'émigration. O.Demidova. S'étant enfuie de la Russie à l'âge de 45 ans, Damanskaia a vécu en émigration (principalement à Paris) près de 40 ans. Elle écrivait des récits, des nouvelles et des romans, publiait des critiques; ses traductions d'oeuvres classiques de l'Europe occidentale constituent 45 volumes. Ses notes et souvenirs de voyage présentent un intérêt considérable. Les extraits de ces derniers sont cités dans l'article. 2 ill., 54 notes. – 56-74.

"Du moins trouvera-t-on des traces dans des fouilles...". A.Ivanov. L'itinéraire de l'odyssée de S.Tcherny comprend l'Allemagne, l'Italie et la France mais c'est à Paris qu'il a vécu ses plus longues années d'émigration. Il y a publié ses "Contes de soldats", le poème "Qui vit bien en émigration?", plusieurs récits et contes pour adultes et pour enfants. 3 ill., 2 notes. – 75-85.

* Перевод Аллы Гуртовцевой, редактор перевода Ирина Гузевич.

“Le roman avec cocaïne” – du mystère de l’auteur au mystère de l’éditeur. D.Gouzévitch. En étudiant l’histoire de la “Maison du livre” à Paris D.Gouzévitch a constaté que M.Kaplan a participé à l’édition du mystérieux “Roman avec cocaïne”. Le texte analyse les travaux qui cherchent à identifier l’auteur du roman paru sous le pseudonyme de M.Aguéev. 1 ill., 12 notes; 20 sources. – 86-96.

Livres et périodiques

“Maison du livre” à Paris (Mikhail Kaplan). D.Gouzévitch. L’article raconte la vie et l’œuvre de M.Kaplan, originaire d’Odessa, éditeur et propriétaire de la “Maison du livre” à Paris. Le récit s’appuie sur les interviews avec ses fils ainsi qu’avec I.Lempert, S.Déduline, D.Lubitch, N.Strouvé, M.Lepekhine complétées par quelques pièces d’archives. 2 ill., 29 notes. – 98-110.

Les périodiques juifs-russes en France: 1904-1947. V.Karasik. L’auteur présente dix périodiques parisiens en commençant par la revue “Kodimol!” parue le 15 mars 1904. Certaines de ces éditions sont peu connues, et l’auteur en donne une description pionnière: “Les Echo”, “Le bulletin du Comité de secours juif parissien”, “Le journal du contre-révolutionnaire”, “La Palestine juive”. 1 ill., 49 notes. – 111-128.

“Silberstein et Makashine sont dans le même flacon...” (Vladimir Efimovitch Alloï: 1945-2001). O.Korostelev. Emigré en France Alloï s’est fait connaître avant tout comme éditeur des recueils “Mémoires” (“Pamiat”) et “Le Passé” (“Minouvchéé”). Il éditait également les auteurs étrangers et a publié ses mémoires “Les notes de l’outsider” et ses autres œuvres dans plusieurs revues. Son activité pendant 20 ans dans le domaine de la culture russe a été hautement appréciée. 1 ill., 16 notes. – 129-140.

Archives et mémoires

Dis-moi qui est ton ami... (Les amis et ses compagnons de lutte écrivent à Vladimir Jabotinsky). E.Mazovetskaia, T.Grouz. Sont publiés les vœux adressés à V.Jabotinsky à l’occasion du cinquantenaire par G.B.Sliozberg, S.(Sh.)Gepshteïn, R.A.Rosov, Z.I.Temkine et N.(I.)V.Sorine. Sont également présentés les auteurs de dits vœux. 3 ill., 31 notes. – 142-153.

Paris dans les souvenirs d’Alexandre Yakovlevitch Frenkley (1925-1929). E.Frenkley. Le futur chef de la section russe de la radio “Voix de l’Amérique”, alors étudiant en droit à la Sorbonne parle de la vie culturelle à Paris, de ses loisirs et aussi de ses amis d’enfance restés en France. 2 ill. – 154-163.

Les documents de la collection privée: Le collectionneur Issaïr Gourvitch et Deux cahiers avec les autographes. I.Lempert, R.Lempert-Andréeva. Avant-propos et commentaires de D.Gouzévitch. Sont publiés certains textes tirés des deux cahiers portant les autographes de L.Chestov, L.Frenkel, S.Tcherny, M.Aldanov, Lolo, V.Khodasevitch qui se trouvent dans la collection de I.M.Lempert; y est publiée également la biographie de Klimov (I.L.Ehrenbourg) d’un auteur inconnu. 3 ill., 109 notes, bibl. 43 sources. – 164-191.

Deux destins: le peintre et le journaliste (le cercle parisien de I.Ehrenbourg). B.Fresinsky. D'après les mémoires et les lettres conservées l'auteur reconstitue la vie des amis d'Ehrenbourg: le peintre Serge Fotinsky (Abraham Aïzencher) émigré en France en 1903 et le journaliste Joseph Pouterman, rédacteur, éditeur et expert de l'oeuvre de Pouchkine. 4 ill., 57 notes. – 192-210.

Hommes d'action, organismes et unions

Louis Rapkine, dernier disciple de Baroukh Spinoza. K.Kikoïne. Sont retracées la biographie de Rapkine (un bourg près de Minsk, Paris, Montreal, Londres, Etats-Unis, Paris), son activité dans le domaine de la biochimie et la biophysique, sa conception du monde, le succès de son projet du sauvetage des savants durant la Deuxième guerre mondiale. 2 ill., 9 notes. – 212-224.

Les ingénieurs de Russie en France. L.Mnoukhine. Sont examinées trois composantes de leur activité: l'organisation du système de l'enseignement supérieur et secondaire technique, leur travail professionnel dans les entreprises et dans les bureaux d'études, leur activité sociale. On évoque les biographies de quelques ingénieurs et on donne également des renseignements sur leurs découvertes et inventions importantes. 2 ill., 7 notes. – 225-241.

Alexandre Yakovlevitch Zvigulsky raconte sa vie et son activité. Il parle de sa passion pour les relations culturelles entre la France, la Russie et l'Espagne, de la création du musée commémoratif de I.S.Tourguénev à Bougival (près de Paris) et de l'Association des amis de I.Tourguénev, P.Viardot et M.Malibran. Il s'agit aussi de l'édition de la revue, de l'organisation des expositions, des conférences et des autres actions culturelles. 3 ill., 6 notes. – 242-250.

Homme d'action sioniste Joseph Ariel (Ficher). M.Parkhomovsky. Originaire d'Odessa, Fisher est devenu sioniste actif et à ce titre, il a été persécuté aussi bien sous le régime tsariste qu'après la révolution. Il a été exilé de la Russie en 1924, s'est rendu en Palestine et a été envoyé par le Keren Kayemet d'Israël en France où il a travaillé pendant 25 ans. Durant les dernières années de sa vie il a été le premier ambassadeur d'Israël en Belgique. 2 ill., 8 notes. – 251-258.

Les sciences

Eugène Volmane. A.Lwoff. Il est né à Minsk en 1893. Après avoir étudié les sciences naturelles et la médecine à Liège il est devenu l'assistant de Metchnikov. Plus tard il a travaillé comme chef de laboratoire à l'institut Pasteur à Paris et a étudié la flore intestinale, l'immunité, la bactériophagie, la fabrication des vitamines par les microbes, les virus filtrés. En 1943, sa femme et lui ont été déportés. Ils sont morts à Aushwitz. 2 ill., 4 notes. – 260-263.

Moïse Haïssinsky. Yu.Sister. Haïssinsky a fait ses études de chimie à Kharkov (1917-20) et à Rome (1923-27). A partir de 1930, il a vécu et a travaillé à Paris. Pendant plus de 20 ans il a été directeur du Centre National de recherche scientifique en France. (C.N.R.S.). L'essentiel de ses travaux se rapporte à la chimie nucléaire. 1 ill., 9 sources. – 264-272.

Où était le physicien Anatole Abraham? A.Cherniak. C'est un récit intéressant qui éclaire la vie et l'oeuvre du grand savant Abraham né à Moscou. Il a vécu à Paris dès l'âge de 10 ans. L'auteur évoque la conception du monde de ce savant, les avis d'Abraham sur les notables de la physique du XX siècle, sur les centres de recherche français ainsi que ses voyages professionnels de chercheur et d'enseignant. 2 ill., 1 note. – 273-283.

Kirill Zaitsev: la chronique de sa vie scientifique à Paris. V.Telitsine. Il a vécu à Paris durant les années 1925-34 et a enseigné à l'Institut Russe commercial, l'Institut Franco-Russe et à l'Institut de droit et d'économie russes. Il a également collaboré dans les journaux "Vozrojdenië" et "La Russie et le Monde slave". Il intervenait devant les émigrants sur plusieurs sujets: droit, politique agricole, esthétique, critique littéraire. 1 ill., 34 notes. – 284-294.

Beaux-Arts

Les dessins de Z.Jabotinsky. L.Pekarovsky. En décrivant les dessins de Z.Jabotinsky conservés dans ses archives (Tel-Aviv) l'auteur apprécie hautement les capacités artistiques de ce grand homme politique et cette personnalité publique. L'auteur compare son art de peintre aux autres talents de Jabotinsky. 5 ill., 5 notes. – 296-303.

Le peintre Sonia Delauney. J.Abramova. La vie et l'oeuvre de Sonia Delauney sont racontées d'après les sources françaises et les souvenirs de Z.Lempert (ancien secrétaire du peintre). Ses réalisations remarquables dans le domaine de la peinture abstraite, de la scénographie et de l'art appliqué (y compris la polygraphie, les tissus, la mode) sont reconnues dans le monde entier et restent de nos jours revendiquées. 5 ill., 20 notes. – 304-318.

"Je travaille beaucoup dans différents genres et matières" (Le sculpteur Michel Milberger. E.Berman-Sternfeld. Né à Varsovie Milberger a passé 22 ans en Union Soviétique. En 1961, il a émigré en France. Il est l'auteur de sculptures représentant des gens éminents de Russie, d'Israël, de France, de Pologne ainsi que de compositions lyriques et tragiques et aussi de sculptures sur des sujets bibliques. 4 ill. 6 notes – 319-328.

Art théâtral

L'histoire de la famille Schaïkevitch. I.Oboukhova-Zelin'ska. L'auteur reconstitue l'arbre généalogique de la famille Schaïkevitch et raconte l'histoire de ses branches moskovite-parisienne et péterbourgeoise-parisienne. Il s'attarde en particulier sur le parcours du critique du ballet André Schaïkevitch. Il cite la liste établie de ses publications retrouvées. 3 ill., 34 notes. – 330-348.

Le père du théâtre juif moderne en Yiddish Abraham Goldfaden à Paris. M.-I.Nuque. Biographie de Goldfaden, son activité en Roumanie, aux Etats-Unis, en Angleterre et ses années du succès à Paris. L'auteur parle de ses disciples. 3 ill., 15 notes. – 349-356.

Tatiana Wysocka – la soeur de Georges Adamovitch. I.Oboukhova-Zelin'ska. Sont évoqués la vie et les voyages en France de T.Wysocka qui est danseuse, chorégraphe, pédagogue, organisatrice des troupes de ballet et de théâtre et auteur de mémoires et de livres sur le ballet. 2 ill., 26 notes. – 357-376.

Musique

“La vie devient de plus en plus difficile...”. **La vie parisienne d'Artour Lourié. S.Savenko.** Le compositeur et le critique musical Lourié était le premier à composer la musique sur les vers d'A.Akhmatova et V.Maïakovsky. A Paris, entre 1926 et 1940 Lourié a renié le futurisme au profit de néoclassicisme. L'auteur évoque l'amitié de Lourié avec Stravinsky et réfléchit à sa conscience nationale et religieuse. 1 ill, 21 notes. – 378-389.

La vie de Serge Koussevitsky à Paris. E.Zaltsberg. Il a fait ses études musicales à Moscou et a travaillé dans l'orchestre du Grand théâtre impérial à S.-Pétersbourg. Parti pour Berlin après avoir épousé la fille d'un millionnaire il est revenu en Russie comme chef d'orchestre et musicien célèbre. En 1920 il est venu vivre à Paris. Son rôle dans la vie musicale de Paris de l'entre-guerres est comparable à celui de Diaguilev et de ses “Saisons Russes”. 2 ill., 35 notes. – 390-401.

Emile Albertovitch Kouper – chef d'orchestre–Napoleon? B.Berguiner-Tavguer. Chef d'orchestre éminent en Russie, Kouper a travaillé longtemps à Paris où il est venu sur l'invitation de Diaguilev. Il a joué un rôle important dans la diffusion de la musique russe non seulement en Europe mais aussi aux Etats-Unis où il a travaillé les vingt dernières années de sa vie. 3 ill., 7 sources – 402-414.

Revue dans le livre

Dixième anniversaire de l'édition “Juifs dans la culture de la Russie à l'étranger” / “Juiverie russe à l'étranger”: Dix années et huit volumes. A.Cherniak; Au dixième anniversaire... V.Telitsine. **Et cinquième anniversaire du Centre de recherches “Juiverie russe à l'étranger”:** Une interview avec Yulia Sister, directeur général du Centre: Yu.Sister parle de l'activité du Centre de l'année dernière.

Correspondances de la France. Suivons les traces du colloque à la Sorbonne. M.Yasnov: Poésie russe – poésie française (A la mémoire de Efime Etkind et de Vadim Kosovoi). L'exposition en l'honneur de quatre-vingtième anniversaire de l'ORT en France. D.Gouzévitch: Son récit sur les membres de l'ORT d'aujourd'hui et leurs expositions. Vente aux enchères en Trouville. D.Gouzévitch, I.Gouzévitch: Les auteurs y ont trouvé les eaux-fortes du peintre français d'origine juive-russe.

Nos soirées à Jérusalem: Katoul, An-sky, Frich et d'autres ou bien “La paix pendant la guerre”: 1. La présentation du recueil de vers de Katoul: les nouvelles traductions russes. B.Goller. 2. “Gaillard” et “Dibbouk”. R.: Est-ce qu'il y a des rapports entre la poème de Tsvétaéva et la pièce d'An-sky? 3. Le nouveau centre culturel pour les habitants d'origine russe à Jérusalem. B.Remez.

Les critiques. Les photos des émigrés d'origine russe: France, 1917–1947. Vol.I et II. / Réunis et édités par A.Korliakov. Paris. IMKA-Press, 1999, 2001. M.Parkhomovsky. Sémion Loutsky: Oeuvres. A.Broun-Chapiro.

Bibliographie

Les lettres de nos correspondants

Содержание

История 5

Российский генерал-еврей во Франции. <i>А. Черняк (Израиль)</i>	6
Русские евреи во Франции: Эволюция и численность сообщества (1900–1939). <i>К. Гусефф (Франция)</i>	18
<i>Бунд</i> в Париже: 1898–1940. <i>К. Вейл (Франция)</i>	34
Политическая активность еврейских студентов из Восточной Европы в Нанси. <i>Ф. Букара (Франция)</i>	46

Литература 55

Августа Даманская: годы эмиграции. <i>О. Демидова (Россия)</i>	56
«Авось хоть в раскопках найдут...». <i>А. Иванов (Россия)</i>	75
«Роман с кокаином» – от загадки автора к загадке издателя. <i>Д. Гузевич (Франция)</i>	86

Книжное дело и периодика 97

Парижский <i>Дом книги</i> (Михаил Каплан). <i>Д. Гузевич (Франция)</i>	98
Русско-еврейская периодика Франции: 1904–1947. <i>В. Карасик (Израиль)</i>	111
«Зильберштейн и Макашин в одном флаконе...» (Владимир Ефимович Аллой: 1945–2001). <i>О. Коростелев (Россия)</i>	129

Архивы и мемуары 141

«Скажи мне, кто твой друг...» (Друзья и соратники – Владимиру Жаботинскому). <i>Э. Мазовецкая, Т. Груз (Израиль)</i>	142
Париж в воспоминаниях Александра Яковлевича Френкли (1925–1929 годы). Публ. <i>Е. Френкли (Израиль)</i>	154
Документы из частной коллекции: Коллекционер (Исаар Гурвич). <i>Две тетради с автографами. И. Лемперт, Р. Лемперт-Андреева. Предисл. и коммент. Д. Гузевича (Франция)</i>	164
Две судьбы: художник и журналист (парижский круг Ильи Эренбурга). <i>Б. Фрезинский (Россия)</i>	192

Общественные деятели, организации и союзы 211

Луи Рапкин, последний ученик Баруха Спинозы. <i>К. Кикоин (Израиль)</i>	212
Российские инженеры во Франции. <i>Л. Мнухин (Россия)</i>	225
О своей жизни и работе рассказывает Александр Яковлевич Звигильский <i>(Франция)</i>	242
Сионистский деятель Иосиф Ариэль (Фишер). <i>М. Пархомовский (Израиль)</i>	251

Наука 259

Евгений Вольман. <i>А. Львов (Франция)</i>	260
Моиз (Моисей) Гайсинский. <i>Ю. Систер (Израиль)</i>	264
Где был физик Анатолий Абрагам? <i>А. Черняк (Израиль)</i>	273
Кирилл Зайцев: парижский период (хроника научной жизни). <i>В. Телицын (Россия)</i>	284

Изобразительное искусство 295

- Рисунки Зеева Жаботинского. *Л. Пекаровский (Израиль)* 296
Художник Соня Делоне. *Ж. Абрамова (Израиль–Франция)* 304
«Работаю очень много в разных жанрах и материалах»
(Скульптор Мишель Мильбергер). *Э. Берман-Штернфельд (Израиль)* . 319

Сценические искусства 329

- История одного клана – Шайкевичи.
И. Обухова-Зелиньска (Польша–Россия) 330
Звездный час «отца современного еврейского театра на идиш»
Аврахама Гольдфадена: Париж, 1889–1903. *М.-И. Нюк (Франция)* 349
Татьяна Высоцкая, сестра Георгия Адамовича (по воспоминаниям
Т. Высоцкой). *И. Обухова-Зелиньска (Польша–Россия)* 357

Музыка 377

- «Жить становится все труднее и труднее...». Парижские годы
Артура Лурье. *С. Савенко (Россия)* 378
Сергей Кусевский в Париже. *Э. Зальцберг (Канада)* 390
Эмиль Альбертович Купер – «дирижер-Наполеон»?
Б. Бергинер-Тавгер (Израиль) 402

Журнал в книге 415

К десятилетию издания «Евреи в культуре Русского Зарубежья» / «Русские евреи в зарубежье»: Десять лет и восемь томов. *Арон Черняк* (416); К десятилетию... *В. Телицын* (422); ...и к пятилетию открытия **НИ центра «Русское еврейство в зарубежье»:** Интервью с *Ю. Систер*, генеральным директором Центра (425).

Сообщения из Франции: По следам коллоквиума в Сорбонне. *М. Яснов* (427); Выставка, посвященная 80-летию ОРТ во Франции. *Д. Гузевич* (430); Аукцион в Трувиле. *Д. Гузевич, И. Гузевич* (432).

Наши иерусалимские посиделки: Катулл, Ан-ский, Фриш и другие, или Мир во время войны: 1. Сестры – тяжесть и нежность... *Б. Голлер* (435). 2. «Молодец» и «Дибук». *Р.* (440) 3. Новый культурный центр для русскоязычных жителей Иерусалима. *Б. Ремез* (442).

Рецензии: Русская эмиграция в фотографиях: Франция, 1917–1947 / Авт.-сост. Андрей Корляков. Т. I. Париж: ИМКА-Пресс, 1999. Русская эмиграция в фотографиях: Франция, 1917–1947 / Авт.-сост. Андрей Корляков. 2-я книга: Они сохранили достоинство и честь. Париж: ИМКА-Пресс, 2001. *М. Пархомовский* (444); Семен Луцкий: Сочинения / Сост. В. Хазан. *Slavic Studies. Stanford. Vol. 23. Ада Брун-Шаниро* (449).

Новые книги (453). **Письма читателей** (458).

Об авторах и редакторах 463

Указатель имен 3(8) и 4(9) томов 470

Аннотации статей 4(9) тома на французском языке 511

Table de matières

Histoire 5

Le général russe d'origine juive en France. <i>A. Cherniak (Israël)</i>	6
Les juifs russes en France: évolution et importance numérique de la communauté (1900–1933). <i>C. Gousseff (France)</i>	18
Le <i>Bund</i> à Paris: 1898–1940. <i>C. Weil (France)</i>	34
L'activité politique des étudiants juifs d'Europe de l'Est à Nancy. <i>Ph. Boukara (France)</i>	46

Littérature 55

Augousta Damanskaïa: les années d'émigration. <i>O. Demidova (Russie)</i> . .	56
“Du moins trouvera-t-on des traces dans des fouilles...” <i>A. Ivanov (Russie)</i>	75
“Le roman avec cocaïne” – du mystère de l'auteur au mystère de l'éditeur. <i>D. Gouzévitch (France)</i>	86

Livres et périodiques 97

“Maison du livre” à Paris (Mikhail Kaplan). <i>D. Gouzévitch (France)</i> . .	98
Les périodiques juifs-russes en France: 1904–1947. <i>V. Karassik (Russie)</i>	111
“Zilberstein et Makanine sont dans le même flacon...” (Vladimir Efimovitch Alloï: 1945–2001). <i>O. Korostelev (Russie)</i>	129

Archives et mémoires 141

Dis-moi qui est ton ami... (Les amis et compagnons de lutte écrivent à Vladimir Jabotinsky). <i>E. Mazovetskaïa, T. Grouz (Israël)</i>	142
Paris dans les souvenirs d'Alexandre Yakovlevitch Frenkley (1925–1929). <i>E. Frenkley (France)</i>	154
Les documents de la collection privée: Le collectionneur Issaï Gourvitch et Deux cahiers avec les autographes. <i>I. Lempert, R. Lempert-Andreeva</i> . <i>Avant-propos et commentaires de D. Gouzévitch (France)</i>	164
Deux destins: le peintre et le journaliste (le cercle parisien de I. Ehrenbourg). <i>B. Fresinsky (Russie)</i>	192

Hommes d'action, organismes et unions 211

Louis Rapkine, le dernier disciple de Baroukh Spinoza. <i>K. Kikoïne (Israël)</i>	212
Les ingénieurs de Russie en France. <i>L. Mnoukhine (Russie)</i>	225
Alexandre Yakovlevitch Zvigulsky (France) raconte sa vie et son activité	242
Homme d'action sioniste Joseph Ariel (Ficher). <i>M. Parkhomovsky (Israël)</i>	251

Les sciences 259

Eugène Volmane. <i>A. Lwoff (France)</i>	260
Moïse Haïssinsky. <i>Yu. Sister (Israël)</i>	264
Où était le physicien Anatole Abraham? <i>A. Cherniak (Israël)</i>	273

Kirill Zaïtsev: la chronique de la vie scientifique à Paris.	
<i>V.Telitsine (Russie)</i>	284
Beaux-Arts 295	
Les dessins de Z.Jabotinsky. <i>L.Pekarovsky (Israël)</i>	296
Le peintre Sonia Delauney. <i>J.Abramova (Israël-France)</i>	304
“Je travaille beaucoup dans différents genres et matières”.	
(Le sculpteur Michel Milberger. <i>E.Berman-Shternfeld (Israël)</i>	319
Art théâtral 329	
L'histoire de la famille Schaïkevitch.	
<i>I.Oboukhova-Zelin'ska (Pologne-Russie)</i>	330
Le père du théâtre juif moderne en Yiddish Abraham Goldfaden	
à Paris. <i>M.-I.Nuque (France)</i>	349
Tatiana Wysocka – la soeur de Georges Adamovitch.	
<i>I.Oboukhova-Zelin'ska (Pologne-Russie)</i>	357
Musique 377	
“La vie devient de plus en plus difficile...” La vie parisienne	
d'Artour Lourié. <i>S.Savenko (Russie)</i>	378
La vie de Serge Koussevitsky à Paris. <i>E.Zalzburg (Canada)</i>	390
Emile Albertovitch Kouper – “chef d'orchestre-Napoleon”?	
<i>B.Berguiner-Tavguer (Israël)</i>	402
Revue dans le livre 415	
Dixième anniversaire de l'édition “Juifs dans la culture de la Russie à l'étranger” / “Juiverie russe à l'étranger”: Dix années et huit volumes. <i>A.Cherniak</i> (416); Au dixième anniversaire... <i>V.Telitsine</i> (422). Et cinquième anniversaire du Centre de recherches “Juiverie russe à l'étranger”: Une interview avec <i>Yulia Sister</i> , directeur général du Centre (425).	
Correspondances de la France. Suivons les traces du colloque à la Sorbonne. <i>M.Yasnov</i> (427). L'exposition en l'honneur de quatre-vingtième anniversaire de l'ORT en France. <i>D.Gouzévitch</i> (430). Vente aux enchères en Trouville. <i>D.Gouzévitch, I.Gouzévitch</i> (432).	
Nos soirées à Jérusalem: Katoul, An-sky, Frich et d'autres ou bien “La paix pendant la guerre”: 1. La présentation du recueil de vers de Katoul: les nouvelles traductions russes. <i>B.Goller</i> (435). 2. “Gaillard” et “Dibbouk”. <i>R.</i> (440) 3. Le nouveau centre culturel pour les habitants d'origine russe à Jérusalem. <i>B.Remez</i> (442).	
Les critiques. Les photos des émigrés d'origine russe: France, 1917–1947. Vol.I et II. / Réunis et édités par <i>A.Korliakov</i> . Paris. IMKA-Press, 1999, 2001. <i>M.Parkhomovsky</i> (444). Sémion Loutsky: Oeuvres. <i>A.Broun-Chapiro</i> (449).	
Bibliographie (453) Les lettres de nos correspondants (458)	
Auteurs et rédacteurs 463	
Index de noms (volumes 3/8/ et 4/9\) 470	
Résumés en français 511	

Научно-исследовательский центр «Русское еврейство в зарубежье», созданный на базе издания книг «Евреи в культуре Русского Зарубежья» (Тома 1–5. Иерусалим, 1992–1996) и «Русское еврейство в зарубежье» (Тома 1/6/–4/9/. Иерусалим, 1998–2002), собирает, изучает и распространяет знания о деятельности русских евреев-эмигрантов в различных странах мира и о вкладе евреев-выходцев из России в создание и развитие Государства Израиль.

Формы работы Центра: издание названных книг и ежеквартальника «Иерусалимский русско-еврейский вестник», в котором рассказывается о русско-еврейских общинах в диаспоре (начиная с тома 3/8/ функции «Вестника» выполняет раздел «Журнал в книге»); проведение конференций, семинаров, лекций; разработка учебных программ о русском еврействе в зарубежье.

Центр открыт для переговоров об издании книг о русских евреях в Германии, Италии, Швейцарии, в др. странах; о студентах-евреях из России в вузах Европы, о книгах, посвященных выходцам из различных городов (Одессы, Москвы, Кишинева, Баку и т.д.) и республик бывшего Советского Союза (Белоруссии, Украины, др.).

На 2003 г. запланировано издание завершающего тома, который, кроме статей, будет содержать справочный материал по всем 10 томам.

По указанному выше адресу можно заказать изданные нами книги обеих серий, все четыре номера «Вестника», а также «Книгу о необыкновенной жизни Ешуа Золомона Мовшева Свердлова, ставшего Зиновием Алексеевичем Пешковым, и необыкновенных людях, с которыми он встречался» (Иерусалим, 1999).

Предварительно можно получить проспекты названных книг.

**Деньги, уплаченные Вами за наши книги,
идут на новые издания**

**Центр нуждается в Вашей поддержке
Заранее благодарим Вас**

НИ центр «Русское еврейство в зарубежье» является ассоциацией (амутой) № 58-031-910-1. Расчетный счет № 76546 в отделении 642 банка Mercantil Discount (64 Jaffo St., Jerusalem, Israel)

**ЕВРЕИ В КУЛЬТУРЕ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
и РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО
В ЗАРУБЕЖЬЕ –**

серия книг по 500-600 с.,
содержащих статьи,
публикации, мемуары и эссе,
большое количество иллюстраций
и указатели имен.

Интересны читающей публике
и специалистам. Авторы
и редакторы из Англии, Венгрии,
Германии, Голландии, Израиля,
Канады, Польши,
России, США, Франции, Швейцарии

Справки и заказы:

M.Parkhomovsky

648/4 Mishlat St. 99013 Bet-Shemesh

Israel. Tel.: 972-2-9917039

mipar@barak-online.net

“С полным к тому основанием замысел
М. Пархомовского можно считать
грандиозным, а его исполнение – чудом.
История мировой культуры
пополнилась, благодаря этому труду,
источником уникальной ценности”.

Дора Штурман

